

БРЭМ СТОКЕР

ДРАКУЛА

I find that the district
he named is in the
extreme east of the
country, just on the
borders of three states,
Transylvania, Moldavia, and
Bukovina, in the midst of the
Carpathian mountains; one of
the wildest and least known
portions of Europe. I was not
able to light on any map or
work giving the exact locality
of the Castle Dracula, as there
are no maps of this country as
yet to compare with our own
Ordnance Survey

Maps: but I found that Bistritz
the post town named by Count
Dracula, is a fairly well-known
place. I shall enter here some
of my notes, as they may re-
fresh my memory when I talk
over my travels with Mina.

In the population of Transylva-
nia there are four distinct na-
tionalities: Saxons in the South,
and mixed with them the
Wallachs, who are the descen-
dants of the Dacians: Magyars
in the West, and Szekelys in
the East and North.

Tourne si tu es assez hardi

КОЛЛЕКЦИЯ «ГРИМУАР»

ЛИТЕРАТУРА
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Герметическая традиция и восточный эзотеризм,
христианская мистика и архаические культы,
сакральная метафизика и экстатические ритуалы,
античные мистерии и космогонические мифы,
медитативные практики и оккультизм,
а также
инициативные наставления и доктринальная
символика тайных обществ и орденов
в магическом зеркале коллекции
«ГРИМУАР»

БРЭМ СТОКЕР
ДРАКУЛА

«ЭНИГМА»

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел4)-44
С81

Ведущий редактор коллекции Владимир Крюков
Главный художник Дмитрий Воронцов

Стокер Брэм
УДК 821.111-312.9Стокер Б.
ББК 84(4Вел)-445
Стокер, Брэм.

- С81 Дракула : [роман] / Брэм Стокер ; [пер. с англ., примеч. Т. Красавченко]. — 3-е изд., стер. — М. : Энигма, 2010. — 640 с. — (Коллекция "Гримуар" : лит. фантаст. реальности). — ISBN 978-5-94698-038-8.

Настоящее издание является попыткой воссоздания сложного и противоречивого портрета валашского правителя Влада Басараба (1431—1476), овеванный мрачной славой образ которого был положен ирландским писателем Брэм Стокером (1847—1912) в основу его знаменитого «Дракулы» (1897). Именно этим соображением продиктован состав книги, включающий в себя, наряду с новым переводом романа, не вошедшую в канонический текст главу «Гость Дракулы», а также письменные свидетельства двух современников патологически жестокого валашского господаря: анонимного русского автора (предположительно влиятельного царского дипломата Ф. Курицына) и австрийского миннезингера М. Бехайма. Серьезный научный аппарат — статьи известных отечественных филологов, обстоятельные примечания и фрагменты фундаментального труда Р. Флореску и Р. Макнелли «В поисках Дракулы» — выгодно отличает этот оригинальный историко-литературный проект от сугубо коммерческих изданий. Редакция полагает, что российский читатель по достоинству оценит новый, выполненный доктором филологических наук Т. Красавченко перевод легендарного произведения, которое сам автор, близкий к кругу ордена Золотая Заря, отнюдь не считал классическим «романом ужасов» — скорее сложной системой оккультных символов, таящих сокровенный смысл истории о зловещем вампире.

© Т. Красавченко, перевод романа, рассказа и фрагментов из книги Р. Флореску и Р. Т. Макнелли; примечания, 2005

© М. Одесский, вступ. статья, составление, 2005

© В. Микушевич, перевод М. Бехайма, 2005

© В. Гопман, статья, 2005

© Ф. Морозова, статья, 2005

© Д. Воронцов, иллюстрации, серийное оформл. коллекции, 2005, 2010

© ООО Издательство «Энигма», 2005

© ООО «Одди-Стиль», 2005, 2010

ISBN 978-5-94698-038-8

СОДЕРЖАНИЕ

М. Одесский

Явление вампира 7

Брэм Стокер

Гость Дракулы. Рассказ. 57

Дракула. Роман. 74

Примечания. Сост. Т. Красавченко 493

Михаэль Бехайм

Дракул-воевода. 501

Неизвестный автор

Сказание о Дракуле-воеводе. 539

В. Гопман

Носферату: судьба мифа 547

Ф. Морозова

Дракула и Стокер: двойной портрет в рамке мифа 566

Р. Флореску и Р. Т. Макнелли

В поисках Дракулы (фрагменты из книги) 590

ЯВЛЕНИЕ ВАМПИРА

Повелитель вампиров Дракула — навязчивая идея XX столетия. Исторический Дракула — государственный деятель небольшого центрально-европейского государства, чье правление было недолго и малоэффективно. И вот говорят скептики в сердце своем и в книгах: два этих персонажа никак не связаны, ирландский писатель Брэм Стокер по чистой случайности выбрал в герои невероятно успешного романа валашского воеводу. Впрочем, Дракула производил шокирующее впечатление и на своих не слишком впечатлительных современников из далекого XV в., так что его малоэффективное правление было весьма эффектно. По крайней мере, Джон Типтофт, граф Уорчестер, очевидно усвоивший уроки «дракулического» менеджмента во время дипломатической службы при папском дворе, в 1470 г. принялся сажать на кол мятежников в Англии, но вскоре сам был казнен за поступки — по определению приговора, — «противные законам данной страны».

Влад Дракула и его государство

Впрочем, не следует клеветать на Центральную Европу. У себя в Валахии (современной Румынии) и сопредельных государствах Дракула также запомнился в качестве кровавого исключения.

Прозванный Дракулой — «сыном дьявола», Влад происходил из рода Басараба Великого, правителя Валахии (1310—1352), в тяжелой борьбе отстаивавшего независимость своего государства от Венгрии. Дед Дракулы, воевода (другое именование правителя Валахии — господарь) Мирча Старый (1386—1418), благодаря мудрости и военным удачам заслужил славу «румынского Карла Великого», хотя в итоге признал себя вассалом Турции. Но тут у

него не было выхода. В XV в. православная Валахия оказалась яблоком раздора для Венгрии и Турции. За Венгрией стояло католичество, за Турцией — ислам. Борьба двух супердержав реализовывалась в смене хозяев валашского трона. Как правило, принц из династии Басараба, претендовавший на трон, уже занятый ставленником одной из держав, получал поддержку (финансовую, военную и т. п.) ее соперницы, после чего, опираясь на группу недовольных бояр, затевал смуту и, если удача ему сопутствовала, становился господарем.

Отец Влада Дракулы — Влад Дракул — прожил беспокойную жизнь, полную побед и поражений, и его сын родился не на территории Валахии, а в трансильванском городе Сигишоара. Трансильвания, которую по милости Стокера принято считать землей Дракулы, не входила в состав Валахии, но по праву может именоваться родиной знаменитого воеводы.

В 1436 г. Влад Дракул, свергнув двоюродного брата при поддержке венгерского короля (одновременно — императора) Сигизмунда Люксембурга, получил валашский престол. Но позже, уступая турецкому давлению, был вынужден отправить заложниками ко двору султана двух малолетних сыновей — Влада и Раду. Венгрия, в свою очередь, тоже усилила давление. Воеводе Владу постоянно приходилось маневрировать, изыскивая компромиссы. Тем не менее в 1447 г. он был убит по приказу регента венгерского королевства — легендарного Яноша Хуньяди, а в 1448 г. его сын захватил престол, однако был тут же изгнан и снова вернул утраченные права в 1456 г. — теперь уже всерьез и по румынским меркам надолго, на шесть лет. В одиночку начав войну против могущественного покорителя Константинополя Мехмеда Завоевателя, Влад рассчитывал на помощь венгерского короля Матьяша Корвина (сына Яноша Хуньяди) и двоюродного брата — молдавского господаря Стефана Великого. Но родственник не пришел на помощь и коварно попытался захватить румынскую крепость Килию, а король Матьяш, хоть и получил от Папы Римского деньги на новый крестовый поход, предпочел в войну не ввязываться. В 1462 г. Дракула был разгромлен и бежал к венгерскому королю. Новым господарем стал брат — Раду по прозвищу Красивый, а венгры неожиданно бросили Влада в темницу. Он оставался за решеткой более десяти лет. Французский король Генрих IV говорил, что Париж стоит мессы — Дракула ценой перехода в католичество обеспечил себе сво-

боду, брак с родственницей Матьяша Корвина и его помощь в новой военной аванюре. В 1476 г. Дракула в третий раз попытался завладеть Валахией, вступил в столицу, но вскоре погиб в бою: его убили собственные воины — якобы приняв за турка, окружили и пронзили копьями. Обнаружив оплошность, очень сожалели. Неясно, правда, почему воевода, успев зарубить пятерых нападавших, не успел объяснить, кто он такой. И почему «скорбящие» соотечественники, обезглавив государя, отослали трофей турецкому султану.

А в Англии любимец романтиков горбун Ричард III посылно сводит к минимуму число родственников, а во Франции судят маршала Жиля де Рэ, неустрашимого паладина Орлеанской Девы — за изуверские пытки и казни детей, а в православной Руси великий князь Василий II с кузенами «вынимают» друг другу глаза. Казалось бы, по тогдашним стандартам — жизнь у Дракулы как жизнь. Но нет — даже в ту мрачноватую эпоху Влад Дракула выделялся патологической кровожадностью. Врагов, союзников, подданных — он обезглавливал, сжигал, сдирали кожу, принуждал к людоедству, варил заживо, вспарывал животы. Особенно преуспел в сажании на кол. В зависимости от социального статуса жертв колы различались по длине, диаметру, цвету, из них составлялись причудливые инсталляции — «сады пыток», где «взыскательный художник» пировал на досуге. Так и запомнился Влад соотечественникам — с прозвищем Цепеш (букв. «Сажатель-На-Кол»). Согласно русским источникам, стойкий воевода и в венгерском плену не забыл привычных забав: добывал (ловил, покупал) мышей, птиц, которых пытал, обезглавливал и, разумеется, сажал на кол.

Кроме того, Дракула отличался колоритным чувством юмора. Его жизнеописания пестрят «смеховыми» проделками и анекдотами. Вот валашский воевода, встретив крестьянина в рваной рубаше и узнав, что тот женат, повелевает отрубить нерадивой супруге руки и посадить на кол: лентяйке руки не нужны — она и так безрукая, потому и жить ей незачем. Или, к примеру, собрал Влад со всего валашского воеводства нищих, больных и спрашивает: «Хотите ли, чтоб сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Нищие и больные неосторожно (и неостроумно) ответили радостным согласием, Дракула же, заперев их в большом здании, всех сжег. И сострил: «Пусть не страдает никто

из них на этом свете от нищеты и болезней». А как он шутил на сексуальные темы!

Однако не вероотступничество, не жестокость и не юмористический душевный лад заключают последнюю тайну Дракулы. На последнюю тайну здесь только намек. Хотя в древних сочинениях слово не произнесено, современники явно считали валашского воеводу злокозненным чернокнижником и вампиром. Это нашло выражение в имени, точнее — прозвище: Дракула.

Автор древнерусского «Сказания о Дракуле-воеводе» прямо говорит, что «именем Дракула валашским языком, а нашим — Дьявол. Так зломудр — как по имени, так и житие его». Русский книжник допускает ошибку, впрочем, не принципиальную. По-румынски «дьявол» — это «дракул» (*dracul*), «Дракула» (*Draculea*) же — «сын дьявола».

Прозвище Дракул, т. е. «дьявол», получил отец Влада. Историки утверждают, что связь с нечистой силой в данном случае ни при чем. Отец Дракулы вступил при дворе Сигизмунда Люксембурга в элитарный орден Дракона, созданный для борьбы с «неверными», главным образом — с турками. Этот орден, его элитарный характер и герб описаны в хронике Э. Виндеке, современника и биографа Сигизмунда Люксембурга¹. Став господарем, Дракул по-прежнему относился к своим рыцарским обязанностям настолько серьезно, что повелел изобразить дракона — элемент орденской символики — даже на валашских монетах (а ведь изображение на монетах считалось сакральным). В результате рыцарственный воевода якобы заработал у невежественных соотечественников свое прозвище: «Дракул» означает по-румынски не только «дьявол», но и «дракон». В таком случае имя Дракула можно понимать как «сын человека по прозвищу Дьявол». Византийский хронист Халкокондил именует «Дракулой» и Влада, и его брата Раду Красивого², а в сербской летописи повествуется о том, что турецкий султан ходил на «Дракулика Влада»³ — Влада Дракуловича.

Пусть так. Но те же историки осторожно добавляют, что, возможно, подданные понимали прозвище господаря и в первом смысле. Ведь если прозвище Дьявол, неочевидное для православного

¹ См.: *Windecke E. Leben König Sigmunds. Lpz., 1886 (kapitel 136).*

² См. греческий текст в изд.: *Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice. B., 1958.*

³ Цит. по изд.: *Яцимирский А. И. Повесть о мунтянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897. С. 11.*

государя, закрепилось, значит, о властителе сложилось соответствующее представление.

Это — об отце, то же самое можно сказать о сыне. Имя Дракула в равной мере значит «сын человека по прозвищу Дракул» и «приверженец Дьявола, следующий путями тьмы». Такого рода указания обыкновенно не относятся к «нравственному облику» — чаще имеется в виду непосредственная, «реальная» связь с нечистой силой.

С точки зрения «закодированной» в древнерусском «Сказании» тайны особый интерес представляет эпитет «зломудр». Это краткое прилагательное принадлежит к разряду «потенциальных слов»: несмотря на прозрачность смысла и структуры, оно изобретено автором «Сказания», а потому на современный русский язык его не столько переводят, сколько передают перифрастическим словосочетанием — «жесток и мудр». Логика словотворчества, вероятно, основана здесь на том, что слово «зломудрый» напоминает слово «злохитрый», которое часто встречается в древнерусских текстах: для «злохитрого» «зломудрый» — как бы превосходная степень.

В порядке «далековатой» компаративистской параллели уместно напомнить, что академик А. Н. Веселовский — знаток и переводчик текстов Боккаччо — преодолевал сходные трудности («Декамерон», день VII, новелла 8): словосочетание «крайне злохитростная» (превосходная степень!) он счел единственно подходящим эквивалентом непереводаемого итальянского прилагательного «maliziosa»¹, восходящего к латинскому «malignus» (ср. также во французском, английском и др.), — слову, которое до сих пор не подлежит переводу на «пословном» уровне.

Симптоматично, что Брэм Стокер использует слово «malice» для описания Дракулы и его последователей и что переводчики испытывают здесь непреодолимые затруднения. Так, в главе IV Гаркер, обнаружив Дракулу в гробу, видит его «вздутое, окровавленное, злорадное (with a grin of malice) лицо», а в главе XVI, столкнувшись с вампирессой Люси Вестенра, ее бывший возлюбленный признается: «Никогда в жизни мне не приходилось видеть такого исполненного inferнальной злобы лица (never did I see such baffled malice on a face). Надеюсь, никто из смертных больше не увидит ничего подобного. Нежные краски превратились в багрово-синие,

¹ Веселовский А. Н. Избранные статьи. Л., 1939. С. 301.

глаза метали искры дьявольского пламени, брови изогнулись, будто змеи Медузы Горгоны, а когда-то очаровательный рот, измазанный кровью, напоминал зияющий квадрат, как на греческих и японских масках».

Отсюда соблазнительно гипотетически предположить, что и русский книжник XV в., прибегая к неологизму «зломудрый», так же стремился перевести слово «malignus» (ср. румынское прилагательное «malitios»). Контекстуальные реализации этого рокового слова подразумевают компоненты значения, которые принципиально важны для реконструкции представлений о Дракуле его современников. А именно, лукавый, способный на злые выходы, затем — дьявольский, сатанинский (см. «злой дух», т. е. собственно «Диаволь») и, наконец, колкий, остроумный¹. И в самом деле, рассказы о жизни Дракулы изобилуют исполненными черного юмора анекдотами — его жестокими деяниями и мрачно-ироническими афоризмами, т. е. эпитет «зломудрь» — если считать его переводом — эмбрионально содержит в себе основные идеи и композицию русского «Сказания о Дракуле».

Юмор в Средние века находился под подозрением. Книжники имели обыкновение напоминать, что Христос никогда не смеялся. Следовательно, смех — атрибут и символ понятно чей. Так что образ Дракулы выстроен вполне логично. Кстати, отвлекаясь от богословской аргументации, смех действительно излучает некую таинственную двусмысленность. Ведь смеясь, человек не контролирует себя, словно бы превращаясь в одержимого. Забавно, что самый «раздумчивый» из героев Стокера — профессор Ван Хелсинг — излагает в романе продуманную философию смеха. «Смех, который стучит в твою дверь и спрашивает: “Можно войти?” — не подлинный смех. Нет! Истинный Смех — король и приходит туда и тогда, куда и когда ему вздумается. Он не выбирает удобное время, а лишь сообщает: “Я здесь”».

Возвращаясь же к валашскому остро слову-чернокнижнику, стоит обратить внимание на то, что многие дракулические предания повествуют о кладах, спрятанных воеводой. У современного читателя подобные эпизоды хрестоматийно вызывают в памяти ассоциации с пиратами и разбойниками. Но согласно фольклор-

¹ См.: *Одесский М. П.* Государь-кудесник в древнерусской литературе: К вопросу о демонической природе Дракулы-воеводы // *Материалы Международного конгресса «100 лет Р. О. Якобсону»*. М., 1996.

ным представлениям, искусство устраивать клады свидетельствует о колдовской природе разбойников, которые «используют волшебные предметы, едят человеческое мясо, умеют превращаться в зверей и птиц, им ведомы “запретные слова”, которым повинуются люди, животные и предметы... Фольклорные грабители не только умеют грабить, они знают, как хранить награбленное. Такое знание доступно не всякому смертному и, судя по фольклорным текстам, есть знание вполне волшебное»¹. «По народному поверью, — поясняет В. И. Даль слово «клад», — клады кладутся с зарокom и даются тому только, кто исполнит зарок». С «демонической» точки зрения достойно внимания, что, согласно румынским преданиям, одной из причин «неуспокоенности» мертвеца бывают спрятанные им при жизни сокровища².

Клад не эквивалент сбербанка, а ценность золотых монет и украшений определяется не только их рыночной стоимостью. В древнейших мифах золото гарантирует долголетие и бессмертие. В русском «Сказании» все прямо названо своими именами: жестокий властитель приказал умелым мастерам изготовить специальные бочки, сложить туда золото и опустить на дно реки, после чего «мастеров тех приказал посечь, чтобы никто не уведal соделанного им окаянства, только его тезка дьявол». Автор как бы расшифровывает предание, подчеркивая, что валашский господарь не просто тезка дьяволу, но и действует словно колдун.

А где черная магия — там и вампиризм. Ведь тогдашние представления об упырях существенно отличались от нынешних, «канонизированных» в массовой культуре. Вампира считали не разносчиком магической эпидемии (который, в свою очередь, «посвоему несчастен», и ранее сам был заражен другим вампиром), но колдуном-чернокнижником, заключившим договор с дьяволом ради обретения сверхвозможностей. Колдуну-вампиру кровь нужна была для совершения магических обрядов: именно кровь — согласно оккультным построениям — была носителем жизни, т. е. души.

Да и вообще если для авторов немецких печатных брошюр XV в. переход Дракулы в католичество послужил поводом к его

¹ Богданов К. А. Деньги в фольклоре. СПб., 1995. С. 18; ср. также: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995; Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

² Gerard E. The Land Beyond the Forest: Facts, Figures and Fancies from Transylvania. L., 1888. V. I. P. 319.

частичному оправданию, вписываясь в логику распространенного сюжета о злодее (разбойнике, тиране), исправившемся после крещения и покаяния (что, возможно, объясняет «наличие ее изданий в монастырских библиотеках и в числе книг, принадлежавших лицам духовного звания»¹), то для румын, напротив того, православный, отрекшийся от своей веры, превращался в вампира².

Возникновение подобного верования, видимо, обусловлено механизмом своеобразной «компенсации»: переходя в католичество, православный, хотя и сохранял право на причастие Телом Христовым, отказывался от причастия Кровью, потому что в католичестве двойное причастие — привилегия клира. Соответственно вероотступник должен был стремиться компенсировать «ущерб», а коль скоро измена вере не обходится без дьявольского вмешательства, то и способ «компенсации» выбирается по дьявольской подсказке. В XV в. тема вероотступничества была особенно актуальна: это — эпоха наиболее интенсивной католической экспансии. О степени накаленности конфликта свидетельствуют слова Стефана Молдавского, обращенные к великому князю московскому Ивану III: «...от двух сторон поганство тяжкое, а от трех сторон названные христиане, но мне суть хуже поганства»³. Именно тогда гуситы воевали со всем католическим рыцарством, отстаивая «право Чаши» (право причащаться Кровью Христовой для католиков-мирян), за что их и прозвали «чашниками». Борьбу с «чашниками» возглавлял император Сигизмунд Люксембург, и как раз тогда, когда отец Дракулы стал «рыцарем Дракона», главным противником ордена были не турки, а мятежники-гуситы⁴.

Любопытная параллель есть и в русской литературе: колдун-оборотень из повести Н. В. Гоголя «Страшная месть», подобно Дра-

¹ *Nesselytpaus* Ц. Г. Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб., 2000. С. 163.

² *Florescu R., McNally R.* In Search of Dracula: A True History of Dracula and Vampire Legends. L., 1979. P. 150; ср. суждение М. Элиаде о том, что «страх перед возвращающимися мертвецами и вампирами» возникал как результат «коллективной паники», «исключительных бедствий вроде эпидемии или краха космической и исторической упорядоченности» (*Eliade M.* De Zalmoxis à Gengis-khan: Etudes comparatives sur les religions et le folklore de la Dacie et de l'Europe Orientale. Paris, 1970. P. 241).

³ *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.; Л., 1955. Приложение. С. 388.

⁴ *Windecke E.* Op. cit. S. 96.

куле, хранит в земле несметные сокровища, и в то же время он — вероотступник, причем именно перешедший в католичество.

Если Дракулу подозревали в вампиризме, то понятна загадка его гибели. Разумеется, воины, закованные и обезглавив воеводу, могли действовать по соображениям страха или мести, могли работать по турецкому «заказу». Но при всем том они действовали именно так, как обычай предписывал поступать с вампирами: тело кровопийцы надлежало пробить острым оружием, а голову — непременно отделить от туловища.

С этой точки зрения занимательна также история могилы Дракулы. Влад был похоронен недалеко от места гибели — в православном Снаговом монастыре, которому его род покровительствовал. (Любопытно, что, согласно местному преданию, на территории монастыря располагалась пыточная тюрьма Цепеша.) Когда археологам удалось провести официальное вскрытие могилы, они нашли там только следы осквернения — мусор, ослиные кости. Зато рядом обнаружилась идентичная по размерам безымянная могила, где лежал скелет без черепа, в остатках одеяния, подобающего господарю. Ложная могила Дракулы располагалась напротив алтаря, а подлинная — под каменными плитами пола, похоже, с той целью, чтобы входящие попирали прах Цепеша.

По-видимому, осквернили могилу и перезахоронили Дракулу сами монахи Снагова монастыря, причем на рубеже XVIII — XIX вв., как раз тогда, когда румынский поэт Й. Будаи-Деляну написал «Цыганиаду». В этой ироикомиической поэме Дракула, возглавив армию цыган, борется с турками, злокозненными боярами и — вампирами¹. Известно, что Будаи-Деляну использовал в поэме фольклор, потому указания на связь Дракулы с вампирами и цыганами особенно важны. Цыгане издревле считались народом мистическим, народом гадалок и колдунов (ср. их сотрудничество с Дракулой в романе Стокера), а в том, что будай-деляновский Дракула не вампир, но противник вампиров, ничего удивительного нет: обычный для фольклорно-мифологического сознания сюжет-«перевертыш» — герой сражается с собственной ипостасью. Почитая Влада — национального героя и борца за социальную справедливость, соотечественники явно не забывали о другом его лике — о Дракуле, кровопийце и чернокнижнике.

¹ *Budai-Deleanu I. Tiganiada*. B., 1967. V. 74 — 77.

Дракула в России: первый визит

В XV в., как и ранее, в Валахии не велись хроники — ни княжеские, ни монастырские. Потому хотя сохранились деловые письма самого Дракулы на латыни и церковнославянском языке¹, но румынские источники, содержащие информацию о кровавом господре, — это поздние записи фольклорных преданий². Зато о Дракуле охотно писали современники-иностранцы: в частности, известны немецкие, венгерские, поздневизантийские и русские сочинения.

Построены эти произведения при помощи сходного композиционного приема: их авторы, отказавшись от хронологического порядка, излагают отдельные достопамятные «анекдоты» — деяния или речения Цепеша, явно восходящие к устным преданиям³. Оценка же может быть различной. Католические источники скорее враждебны. Таковы немецкие печатные брошюры-памфлеты (ранний из них сохранился в рукописной копии), повествующие о «садистических» деяниях господаря-изверга, пространное стихотворение венского миннезингера М. Бехайма, латинская хроника итальянского гуманиста А. Бонфини, подвизавшегося при дворе Матгьяша Корвина. С большей симпатией относятся к Дракуле византийские историки Дука, Критовул, Халкокондил, но и они преимущественно пересказывают истории о его свирепых шутках.

Тогда же было составлено русское «Сказание о Дракуле-воеводе», которое, по-видимому, представляет собой не перевод, но оригинальное сочинение. Оно анонимно, но некоторые факты позволяют более или менее достоверно установить, кто был его автором.

В финале «Сказания» анонимный повествователь пишет, что после смерти Дракулы венгерский король «забрал свою сестру с двумя ее сыновьями в Венгерскую землю, в Будин. Один при королевском сыне живет, а другой был у Варадинского епископа и при нас умер, а третьего сына, старшего — Михаила, мы видели тут же

¹ Bogdan I. Vlad Tepes si naratiunile germane si rusesti asupra lui. B., 1896; см. описание его писем в кн.: Florescu R., McNally R. Dracula: A Biography of Vlad the Impaler, 1431 — 1476. N.Y., 1973. P. 215 — 217.

² См., напр.: Повесть о Дракуле/ Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964. С. 194–203.

³ Яцимирский А. И. Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб., 1901. С. 29.

на Будине: бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил его Дракула с одной девкой». Слова автора прямо свидетельствуют о его личном посещении Венгрии в сопровождении каких-то спутников. Это и послужило «внутренним доказательством» при атрибуции «Сказания» дипломату Федору Васильевичу Курицыну, который в 1482 г. «с своими товарищи» посетил Матяша Корвина, исполняя поручение великого князя Ивана III договориться «о братстве и о любви» (т. е. о союзе против польского короля Казимира) с венгерским королем. Во время их посольства — «при» них — умер тот сын Дракулы, который находился при епископе города Вардана (или Варадина Великого, ныне — город Орядя в Румынии); только русское «Сказание» сообщает о его кончине. Вообще, насколько можно судить, специалисты не располагают сведениями ни о венгерской жене Дракулы, ни об их детях. Лично видели русские послы в Будине и другого сына Дракулы — Михаила, который позднее правил в Валахии, демонстрируя наследственную жестокость. Вероятно, в окружении венгерского короля Курицын и почерпнул начальные сведения о его вассале.

Успешно проведя переговоры с Матяшем Корвином, Федор Курицын в 1484 г. — на обратном пути в Москву — прибыл к молдавскому господарю Стефану Великому. Показательно, что информированный автор «Сказания» безразлично именует Стефана то молдавским властителем, то валашским. Видимо, в отличие от Молдавии, с которой у Руси складывались тесные отношения (дочь Стефана — Елена Волошанка — вышла замуж за сына Ивана III), Валахия оставалась страной легендарной.

При дворе Стефана, давнего (и почти верного) союзника Дракулы, автор «Сказания» мог расширить свои знания о валашских воеводах. Таким образом, «Сказание» основано на сведениях, собранных за границей и, может, за границей и создавалось. «Русский посол, приехавший до августа 1485 г., — суммирует исторические факты медиевист Я. С. Лурье, — имел полную физическую возможность написать это произведение на основе устных рассказов, услышанных во время пребывания в Будине, Варадине и Молдавии. Задержанный в 1484 г. в Белгороде (Аккермане, т. е. в Турции. — *М. О.*), посол получил и вынужденный досуг для письменных занятий»¹. Дело в том, что русского дипломата задержали

¹ Повесть о Дракуле. С. 44.

турки, но отпустили по просьбе московского союзника — крымского хана Мегли-Гирея.

Относительная пространственно-временная приближенность автора «Сказания» к описываемым событиям отразилась на лексике: опираясь на «анекдоты», которые рассказывали иноземцы (или в иноземной среде), он в собственном тексте сохраняет иностранные слова («поклисарь», «сиромах»), а также — сталкиваясь с неразрешимыми переводческими трудностями — прибегает к «потенциальным словам», к словотворчеству («зломудрый»). Неудивительно, что «Сказание» по-своему достоверно.

Но важно учитывать, что автор, описывая Валахию, сведения собирал в Венгрии (и, возможно, в Молдавии). Валахия оставалась для него «незнаемой» страной. Что не компенсировалось даже конфессиональной общностью: католическая Венгрия в «Сказании» зримей и понятней, чем православная Румыния. Более того, Валахия прямо мифична, ведь автор ориентировался на устные «анекдоты», в которых информация «кодировалась» по фольклорно-мифологическим законам.

Румыния изображена сказочным — вне каких-то особых «этнографических» подробностей, без имени столицы — государством, где реализована утопия «грозного» царя. Короче говоря, Валахия — это страна Дракулы и «дракулических» воевод, а Дракула — демонический государь со всеми подобающими атрибутами, жестокостью, остроумием, даром колдуна.

Образ Дракулы отнюдь не формулируется как альтернатива привычному на Руси образу властителя. Правдоподобней здесь другая логика, напоминающая позднейшие сочинения Ивана Пересветова (XVI в.). Дракула — повелитель «антимира». Его кроваждную изощренность европейцы воспринимали в качестве некоей восточной экзотики, абсолютно неуместной в «цивилизованной» державе. Но даже у «аномального» государя есть чему поучиться. Государю «нормальной» Москвы, к примеру, не худо бы освоить навыки «грозного» — жестокого, но справедливого — управления, что получалось у «зломудрого» Дракулы, еще краше смотрелось бы на Святой Руси.

Амбициозная программа, угадываемая в «Сказании», вполне возможна в сочинении Федора Курицына. Он был не только дипломатом, но, можно сказать, фаворитом властного Ивана III. «Его ведь державный во всем слушал», — с ненавистью говорили враги.

Фавор Курицына приходится на последние пятнадцать лет столетия: он не просто один из руководителей внешней политики Руси, он — покровитель группы влиятельных еретиков, которых противники именовали «жидовствующими». Насколько можно судить, еретики отрицали догмат троичности, божественную природу Христа, институт монашества, право церкви на собственность и т. п. Одновременно они выступали апологетами сильной власти, что в определенной мере могло импонировать власти и что может объяснить двойственное отношение Курицына к образу Дракулы.

Влияние Курицына было настолько велико, что его подозревали в колдовстве. Но к началу XVI в. становится ясно, что великий князь отказался от союза (или толерантного отношения) с еретиками. Вскоре они были осуждены и казнены. Однако Курицына среди казненных не оказалось, и судьба его неизвестна. С 1500 г. имя дипломата-ересиарха ни разу и ни по какому поводу не упоминалось.

Последний вопрос: осознавал Курицын магический подтекст «Сказания о Дракуле» или скрупулезно фиксировал фольклорную информацию, не ставя перед собой задачу дешифровки? Не исключено, что верно первое предположение. В качестве аргумента здесь необходимо напомнить о другом его сочинении — «Лаодикийском послании». Послание начинается цепочкой загадочных афоризмов, где первое слово каждого последующего повторяет первое слово предыдущего: «Душа самовластна, заграда ей — вера. Вера — наказание, ставится пророком. Пророк — старейшина, исправляется чудотворением...» и т. д. За афоризмами следует таблица из 40 клеток, в каждой из которых помещено по две буквы — красная (киноварь) и черная. Буквы, включенные в квадраты, заменяют друг друга, что образует шифр, который использовал Курицын, подписывая послание своим закодированным именем. И содержание текста, и магия алфавита, и прижизненная репутация — все свидетельствует о специфических интересах автора, которые могли помочь ему при осмыслении образа государя-чернокнижника.

Надо сказать, что после разгрома еретиков и исчезновения Курицына «Сказание» на Руси охотно читали и копировали — вплоть до XVIII в. Однако новые читатели едва ли уже осознавали нюансы смысла этого произведения, которое продолжало их пленять

экзотичностью содержания. Так, слово «зломудрый» попросту перестали понимать, толкуя как «зело мудрый» — «очень мудрый».

Занимательно, что в XVI в. был монах Волоколамского монастыря по имени Дракула Вассиан. Если он не принадлежал к выходцам из Румынии¹, то его имя (или прозвище) заставляет задуматься о причудливом отношении русских к его знаменитому тезке. «Какой смысловой ореол окружал в ту пору мирское имя, или прозвище, Дракула? Как его воспринимало русское ухо — как бранное, уничижительное, нейтральное или почетное? Высказываемся за последние оттенки, и вот почему. Оно принадлежит к ряду “литературных” имен русского ономастикона — таких, как Плакида... Китоврас... Уруслан... Езоп... К этому же ряду относится русское мирское имя Бова... Сонм “литературных” имен XVI в. — это сонм образцовых персонажей, собор героев, богатырей, мудрецов, пусть и не безупречных с церковной точки зрения. Нет никаких оснований полагать, что Дракула среди них — белая ворона... Контекст “исторического” среза также не позволяет приписывать прозвищу Дракула пейоративный оттенок. Как известно, в общественном сознании валашский князь достаточно рано стал ассоциироваться с Грозным»².

При характеристике русской литературы в канун воцарения Ивана Грозного Н. М. Карамзин указывает повесть о Дракуле, венчая краткий ее реферат меланхолическим заключением: «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью!» (том VII, глава IV). В 1842 г. А. Х. Востоков, ученый и поэт, атрибутировал повесть Федору Курицыну.

Наконец, Борис Михайлович Федоров (известный увлеченностью отечественными древностями и общением с Карамзиным) в 1843 г. выпустил третью часть книги «Князь Курбский. Исторический роман из событий XVI века», где дворцовый сказочник, развлекая Ивана Грозного «сказкой о Дракуле» (с ссылкой в тексте романа на «Историю» Карамзина), завершает «сказку» карамзин-

¹ Cazacu M. L'histoire du prince Dracula. Geneve, 1996. P. 79 — 80.

² Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха// Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. Л., 1983. Т. 37. С. 61 — 62.

ской сентенцией: «Хороша строгость с разумом, хорошо правосудие — с милостью»¹.

Итак, имя Дракулы было знакомо в России — как и в других странах Европы — начиная с XV в. Но популярность его оставалась весьма локальной: кровавый правитель небольшого государства — то ли тиран, то ли борец за правду. И, разумеется, никакой не вампир.

Пришествие вампира

Вампир — искаженная передача славянского слова «упырь» (согласно знаменитому этимологу Максу Фасмеру, предположительно соотносится со словами «нетопырь», «парить», «перо»). Авторы научных трактатов, особенно активно распространявшихся в XVII — XVIII вв., обозначали словом «вампир» мертвецов-кровососов. «Вампирическая» тема — в процессе движения от «готического романа» к романтизму — постепенно проникала в литературу, но ее канонизатором следует все-таки считать Байрона.

Обстоятельства открытия хорошо известны. В 1816 г. туристы из Англии — поэты Байрон, Шелли, Мери Шелли, врач и секретарь Байрона Джон Полидори — на вилле Диодатти (близ Женевского озера) развлекали себя страшными историями. В итоге Мери Шелли создала эпохального «Франкенштейна», а Полидори обработал сюжет, намеченный Байроном. В 1819 г. «Вампир», написанный врачом-секретарем и объявленный повестью Байрона, напечатан вначале в журнале, потом отдельным изданием. Байрон поспешил отказаться от авторства и опубликовал тот небольшой фрагмент, который он в действительности создал. «Вампир» Байрона—Полидори немедленно завоевал сердца читателей, в частности — в России. Повесть содержала многие черты, парадигматические для последующих «вампирических» текстов: перемещения из мира цивилизации в тающие угрозу варварские земли; загадочная привлекательность вампира и т. п.

Русский перевод увидел свет в 1828 г., причем переводчик — знаменитый фольклорист П. В. Киреевский — снабдил перевод

¹ Федоров Б. М. Князь Курбский: Исторический роман из событий XVI века. СПб., 1843. Ч. III. С. 174–178. Благодаря за это указание М. Я. Вайскопфа. Ср. о воздействии на роман Федорова европейской литературы «ужасов»: Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002. С. 472 — 478.

научным комментарием вампирического предания: «Между арабами оно весьма обыкновенно: но оно еще не было известно грекам до введения христианства и приняло настоящий вид свой только со времени отделения Восточной церкви от Западной: — тогда распространилась мысль, что тело человека, исповедовавшего латинскую веру, схороненное на земле греческой, не подвержено тлению...»¹

Впрочем, читатели в России знакомились с «Вампиром» на языке оригинала или по-французски, и эффект был столь разительным, что — как часто случается при использовании сильнодействующих средств — в считанные годы образ заглавного героя превратился в знак литературного штампа.

А. С. Пушкин в III главе «Евгения Онегина» (1824, публикация — 1827) представляет очерк новейшей романтической литературы:

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен — и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль Вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

О. М. Сомов предваряет сказку «Оборотень» (1828/1829) предисловием, где иронически пишет: «“Это что за название?” — скажете или подумаете вы, любезные мои читатели (какому автору читатели не любезны!). И я, слыша или угадывая ваш вопрос, отвечаю: что ж делать! виноват ли я, что неусыпные мои современники, романтические поэты в стихах и в прозе, разобрали уже по рукам

¹ Цит. по: Измайлов Н. В. Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур: Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 511.

все другие затейливые названия? Корсары, Пираты, Гяуры, Ренегаты и даже Вампиры попеременно, один за другими, делали набеги на читающее поколение или при лунном свете закрадывались в будуары чувствительных красавиц. Воображение мое так наполнено всеми этими живыми и мертвыми страшилищами, что я, кажется, и теперь слышу за плечами шелканье зубов Вампира...»¹

М. Ю. Лермонтов в первоначальном варианте предисловия (1841) к «Герою нашего времени», защищая право автора изображать противоречивый характер Печорина, почти буквально повторил Пушкина: «— Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен — а я вам скажу, что вы все почти таковы; иные немного лучше, многие гораздо хуже. Если вы верили существованию Мельмота, Вампира и других — отчего же вы не верите в действительность Печорина?»² Причем в эпизоде очередного расчетливого ухаживания Печорина за княжной Мери остались горькие слова героя, допускающего возможность своего отождествления с байроновским персонажем: «...она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение. Есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия»³.

По-видимому, вампирическая легенда должна была представлять особый интерес для русских в силу своей этноконфессиональной родственности, связи с «поверьями балканских народов, преимущественно сербов и греков»⁴. Отсюда — успех знаменитой мистификации Проспера Мериме, который в сборнике «Гузла, или Собрание иллирийских песен, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине» (1827) имитировал песни балканских славян, причем из 30 песен — 6 так или иначе затрагивали вампирическую тему. Как известно, Пушкин, интерпретируя песни в качестве фольклорных, осуществил их перевод (публикация — 1835): в число пушкинских «Песен западных славян» вошли три вампирических текста — «Гайдук Хризич», «Марко Якубович», «Вурдалак».

¹ Сомов О. М. Оборотень. Народная сказка// Русская литературная сказка. М., 1989. С. 90.

² Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени/ Предисловие В. А. Мануйлова. Комментарии В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. СПб., 1996. С. 196.

³ Там же. С. 155.

⁴ Измайлов Н. В. Указ. соч. С. 511.

Мериме даже снабдил сборник специальной статьей «О вампиризме»: Пушкин ее игнорировал, но в 1828 г. она была напечатана в серьезном университетском журнале «Атеней» (ч. 6, № 24, раздел «Смесь», с. 380 — 387). Статья апеллировала как к соответствующим трактатам, так и к якобы личному опыту автора: «Я сам был свидетелем следующего происшествия, которое оставляю на суд читателя. В 1816 г. я предпринял путешествие в Воргорац и провел ночь в деревушке Варбоске». Мужчины — рассказчик и хозяин дома — сидели за столом, когда они услышали страшный крик и увидели «ужасное зрелище»: «Мать, бледная, с растрепанными волосами, держала в своих объятиях дочь без чувства и еще более себя бледную, произнося пронзительные звуки: “вампир, вампир! Моя бедная дочь умерла!” Мы между тем успели в скором времени привести в чувство несчастную Раву [имя дочери]. Тогда она рассказала нам, что видела бледного человека в саване, который влез в окно, бросился на нее, укусил и чуть было не задушил. Она прибавила, что узнала в нем одного поселянина по имени Виркцнана, умершего перед тем за две недели. На шее девушки было красное пятно, но я не знаю, было ли оно родимое или уязвление какого-нибудь насекомого». На следующий день жители деревни разрыли могилу, расчленили и сожгли труп подозреваемого, а «красною жидкостью», вытекшей из трупа, смазали шею Равы. Однако ничего не помогло, девушка «приобщилась Св. Тайн с спокойствием духа» и умерла, предварительно заставив отца «обещать, что он сам отрубит у ней голову после ее смерти, чтобы она не сделалась вампиром». Рассказчик, который не оставляет позиции скептика, завершил историю амбивалентным замечанием: «Болезнь продолжалась не более одиннадцати дней. Какое пагубное действие суеверия!»

Интересный документ, датируемый 1840 г., свидетельствует о самостоятельных вампирических разысканиях, которые предпринимали русские интеллектуалы. И. П. Липранди — собеседник Пушкина, сотрудник разведки — прислал литератору А. Ф. Вельтману описание экзотических болгарских обычаев и верований, имеющих отношение к вампирам и способам борьбы с ними.

«Булгары истребляют *ватмиров* (так!) также *глоговым* деревом (боярышник. — М. О.), они называют их *полтениками*, иногда *краконополами* и *варколаками*; верят, что мертвые тела сии посредством дьявольского наваждения встают из гробов своих и беспокоят живых, а преимущественно родственников.

Булгары убеждены, что *полтеники* могут входить в дома, разбивать все, что заблагорассудят, пугать, а иногда получать таковую силу, что убивают людей и скот.

Если где в *Булгарии*, в городе или деревне, появится таковой *полтеник*, тогда все идут (даже с разрешения турецкого местного правительства) к тому, который предназначен убивать такового *полтеника* и которого называют *глог*, оттого, что он употребляет для сего дрекол (кол) *глогового* дерева; тогда, обыкновенно в субботу (в день, когда, по мнению *глога*, *полтеник* не оставляет могилы, в прочие же дни он ходит), *глог* сей приходит на гроб того или той, которого подозревают быть *полтеником*, т. е. обыкновенно умершие скоростижно или <от> весьма кратковременной болезни, по мнению их, делаются таковыми.

По прибытии на место *глог* делает изостренным *глоговым* своим дреколом (батиной) на могиле над самым гробом три ямы, беспреестанно поливая их водою. Самую большую делает над головою умершего до самого трупа, потом вливает воду, смешанную с каким-то прахом; потом берет дрекол и бьет его в большую сию над главою яму до того, что он весь войдет в землю <В Эски-Емине я видел эту церемонию сам. — Примечание И. П. Липранди>; при сем часто поливает водою, смешанною, как выше сказано, с каким-то составом; тогда уверяют булгары, что конец кола, видимый из земли, обгагрется кровью, и присовокупляют, что это сам дьявол то тело уязвляет. После всего сего *полтеник* уже не оставляет более никогда своей могилы.

Глог уверяет, что таковой *полтеник*, если не будет вышеупомянутым образом убит, в продолжение целого года может беспокоить жителей. За все сие *глог* берет что хочет, от 50 до 200 левов, сверх сего, в продолжение восьмидневного его пребывания в городе или селе он выпивает до 50 ок вина и переест множество живности и пр.<...>

Еще уверяет булгарский *глог*, что умершие некрещенные дети христиан, когда делаются *полтениками*, то бывают сильнее обыкновенных. Турки бывают также *полтениками*; и с ними *глог* поступает одинаково. Но жида, по мнению булгар, *полтениками* не бывают и быть не могут. Рассказывают, даже и сам *глог* уверяет, что он один чрез лес или поле ходить не смеет, ибо волк его приметит или почует, тогда вмиг растерзает.

Обычай сербов истреблять вампиров другим образом здесь не упоминаю, потому что, полагаю, у вас есть, — они их называют не полтениками. Я сохранил рукопись, сделанную мне попом Эски-Емина Магмет Хаджи-башею и глогом, который ночевал у меня тут»¹.

Для характеристики вампирической осведомленности русского общества симптоматично, что, по убеждению Липранди, Вельтману известны подробности «обычая сербов истреблять вампиров».

Наконец, вампирическая тема прижилась в оригинальной русской литературе: от «Киевских ведъм» Сомова или «Вия» Гоголя — до «Семьи вурдалака» и «Упыря» А. К. Толстого.

В качестве странного дополнения здесь трудно не вспомнить об экстравагантной истории, воспроизведенной Е. П. Блаватской в «Разоблаченной Изиде»:

«А теперь, прежде чем расстаться с этим отвратительным предметом вампиризма, мы приведем еще один пример в качестве иллюстрации, без какого-либо другого ручательства, кроме уверения, что случай этот был нам рассказан, по-видимому, заслуживающими доверия свидетелями.

В начале нынешнего [девятнадцатого] века в России произошел один из наиболее страшных случаев вампиризма, какие когда-либо отмечались. Губернатором в области Ч. состоял человек лет шестидесяти, злобный, жестокий и ревнивый тиран. Облеченный деспотической властью, он пользовался ею без удержу, как подсказывали ему его звериные инстинкты. И он влюбился в хорошенькую дочь подчиненного ему чиновника. Хотя девушка была помолвлена с молодым человеком, которого она любила, тиран принудил ее отца дать согласие на брак, и бедная жертва, несмотря на свое отчаяние, стала его женой. Тут проявился всю его ревнивый характер. Он был ее, держал ее неделями запертой в ее комнате и запрещал ей видаться с кем-либо не иначе как в его присутствии. Наконец он заболел и умер. Но когда он почувствовал, что его конец приближается, он заставил ее поклясться, что она больше замуж не выйдет; и со страшными клятвами он пригрозил ей, что если она выйдет замуж, нарушив клятву, то он вернется к ней из могилы и убьет ее. Его похоронили в кладбище за рекою, и молодая вдова никаких дальнейших неприятностей не испытывала до тех пор, пока

¹ Цит. по: Вацуро В. Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820 — 1840-х гг.: (Этюды и разыскания)// Русско-болгарские фольклорные и литературные связи: В 2 т. Л., 1976. Т. 1. С. 243 — 245.

природа не превозмогла ее страхи и она, вняв мольбам своего прежнего любимого, возобновила с ним помолвку.

Ночью после обычного празднования помолвки, когда все уже легли спать, старая помещичья усадьба была разбужена отчаянными криками, доносившимися из ее комнаты. Вломилась в дверь и нашли несчастную женщину лежащей в крови в глубоком обмороке. В это же самое время было слышно, как карета с грохотом выезжала со двора. На теле женщины обнаружили черные и синие кровоподтеки, как бы от щипков, из небольшого прокола на шее сочилась капля крови. Когда сознание к ней вернулось, она сообщила, что ее покойный муж вдруг вошел в ее комнату точно с такою внешностью, как при жизни, за исключением того, что был страшно бледен; что он упрекал ее за непостоянство, а затем избил и истязал ее жесточайшим образом. Ее рассказу не поверили; но на следующее утро стража, поставленная на конце моста, соединяющего оба берега реки, донесла, что как раз перед наступлением полночи черная карета с шестеркою лошадей бешено пронеслась мимо них по направлению к городу, не ответив на окрик стражи.

Новый губернатор, который не поверил этому рассказу о призраке, тем не менее принял меры предосторожности, удвоив стражу в конце моста. Однако ночь за ночью повторялось то же самое, причем солдаты, несущие стражу, заявляли, что шлагбаум на их заставе у моста сам поднимается, несмотря на их усилия остановить. В то же самое время каждую ночь карета с грохотом въезжала во двор старого дома; сторожа, включая семью вдовы и слуг, впадали в глубокий сон; и каждое утро молодую жертву находили в ссадинах, источающей кровь и в обмороке, как и прежде. Весь город пришел в оцепенение. Врачи не могли дать никаких объяснений, священники приходили, чтобы проводить ночи в молитве, но как только приближалась полночь, всех охватывала ужасная летаргия. Наконец, приехал сам областной архиепископ и совершил обряд изгнания, но на следующее утро состояние вдовы оказалось хуже, чем когда-либо. Она уже была на пороге смерти.

Губернатор наконец был вынужден прибегнуть к строжайшим мерам, чтобы прекратить все увеличивающуюся панику в городе. Он поставил на мосту полсотни казаков с приказом остановить призрачную карету во что бы то ни стало. В точности в обычный час и услышали и увидели, как карета со стороны кладбища приближается к городу. Офицер стражи и священник, несущий крест,

стали перед шлагбаумом и вместе закричали: «Именем Бога и царя — кто идет?» В окно кареты просунулась хорошо запомнившаяся голова и знакомый голос ответил: «Государственный тайный советник и губернатор К.!» В тот же самый момент офицер, священник и казаки были отброшены в сторону как бы электрическим током, и призрачная карета проскочила мимо них, прежде чем они успелидохнуть.

Тогда архиепископ решил прибегнуть к освященному веками средству — выкопать труп, привоздить его к земле дубовым колом через сердце. Это было проделано с большой религиозной церемонией в присутствии всего населения. Рассказывают, что тело было найдено с полной глоткой крови, с красными щеками и губами. В тот миг, когда первый удар был нанесен по концу кола, стон раздался из трупа и струя крови высоко брызнула в воздух. Архиепископ произнес обычную для таких случаев молитву изгнания, и труп был снова закопан в землю. И с тех пор больше ничего не было слышно о вампире.

Насколько эти факты в данном случае были преувеличены преданием, этого мы не можем сказать. Но нам рассказал об этом один очевидец; и в настоящее время в России есть семьи, старшие члены которых помнят этот страшный рассказ»¹.

Таким образом, к 1840-м годам Европа (в том числе Россия), знакомая с Дракулой, познакомилась и с Вампиром. Монстр наделен амбивалентным шармом, в качестве места обитания тяготеет к территориям (славянским, греческим), где происходил контакт европейских (православных) народов с мусульманской Турцией. Но пока Дракула и Вампир функционирует отдельно друг от друга, и только Стокер соединил два этих образа в единого героя, которому предстояло завоевать современную культуру.

Дракула Брэма Стокера

Повествуя о вампирических похождениях Дракулы, английский романист Брэм (Абрахам) Стокер (1847 — 1912) словно бы повторил интерпретационный путь Федора Курицына, акцентировав оккультно-вампирическое начало валашского воеводы. Этому спо-

¹ Блаватская Е. П. Разоблаченная Изида: Ключ к тайнам древней и современной теософии. М., 2004. Т. 1. С. 617 — 619.

способствовало то обстоятельство, что английского писателя консультировал компетентный эксперт — знаменитый венгерский ориенталист и путешественник Арминий (Герман) Вамбери. Стокер даже упомянул о Вамбери в романе — дружбой с ним гордится великий вампиролог Ван Хелсинг (гл. XVIII), которого, в свою очередь, зовут фамильным именем Стокеров Абрахам. Усидчивый английский писатель работал с документами, собирая сведения об историческом Дракуле в Британском музее.

Стокеровского Дракулу можно рассматривать в качестве образцового героя паралитературы¹ или же как персонификацию эротического марева² — суперлюбовника, порождение современного фрустрированного сознания. Но, кроме того, «Дракула» Стокера — роман о чернокожишке, созданный писателем-окультистом, близким к кругу ордена Золотой Зари, одного из центров мистического возрождения рубежа веков. И если для массового сознания книга Стокера — классический роман «ужасов», то по замыслу автора — это еще и система оккультных символов, содержащая «прикровенный» смысл истории о свирепом упыре. Вот почему стокеровским романом увлекался известный теософ Чарлз У. Ледбитер³.

В романе Стокера Дракула уже не валашский господарь, а повелитель сопредельной Трансильвании. Разумеется, писатель мог попросту ошибиться: как уже говорилось, Трансильвания — родина воеводы и объект его геополитических интересов. Но, похоже, географическая неточность допущена сознательно. Э. Джерард, автор известной Стокеру книги «Страна за лесами» (Transylvania — буквально «Залесье»), пересказывает многочисленные местные легенды о чародеях и кладах. Таков и Дракула: он способен управлять миром природы — ветром, дождем, туманом, повелевает волками, летучими мышами, крысами, насекомыми, он знает тайну кладов.

Более того, Ван Хелсинг в качестве ученого сообщил соратникам, что пещеры и бездонные расселины, уходящие в глубь земли, — все «геологические» и «химические» особенности Трансильвании — делают ее идеальным местопребыванием монстра-кровососа. На первый взгляд между вампирами и геологией никакой связи нет.

¹ См., напр.: *Varma D. The Gothic Flame: Being a History of the Gothic Novel in England. L., 1957.*

² *Wolf L. A Dream of Dracula. Boston; Toronto, 1972.*

³ *Webb J. The Flight from Reason. L., 1971. P. 56.*

Однако ход рассуждений Стокера закономерен: в романе «Логово белого Ящера» страшное создание-оборотень змеиной природы обитает в глубокой пещере. Сверхъестественное и земные глубины прочно ассоциировались в системе Стокера. Если же учесть роман Э. Булвер-Литтона «Грядущая раса», существенно повлиявший на оккультную традицию (ср. замечания Рене Генона в гл. VII трактата «Царь Мира»), где повествуется о подземной высшей расе, то окажется, что Стивенс последовательно «перекодировал» народные предания об упырях в понятия эзотерики. Примечательно также: в гоголевской «Страшной мести» предки колдуна-оборотня — трансильванцы, и в Трансильванию гонит великого грешника Гнев Божий.

Стивенс постоянно напоминает «своему» читателю о науке гри-муаров. Человек — микрокосм, он создан по тем же законам, что макрокосм. Организм содержит все элементы мироздания. Мир «неживой», «минеральный» представлен скелетом, мир «растительный» — «холодной жизни» — выражен в признаках пола (символика семени), тогда как мир «животный» представлен кровью, носителем «теплой жизни», души. Кровососание — похищение души. Потому антропософы, преуспевшие в систематизации опыта оккультизма, утверждали, что у самых могущественных духов зла — вампирическая суть¹.

У Стокера один из персонажей — душевнобольной Ренфилд, мистически связанный с Дракулой, одержим страстью к поглощению живого — мух, пауков, воробьев и т. д., и он оправдывает свою манию библейской цитатой: «Кровь есть душа» (гл. XI). Однако безумец не столько цитирует, сколько демонически извращает Библию — во Второзаконии у цитаты противоположный смысл: «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом» (12 : 23).

Будучи чернокнижником, Дракула ищет жертв не только для того, чтобы удовлетворить «естественную» потребность вампира, но и преследует «сверхзадачу» — он множит число подданных, готовых следовать за ним, и в этом качестве сатанински копирует Ловца человеков, а потому в романе укус монстра неоднократно назван вампирическим крещением. Что ж тут удивительного: дьявол — обезьяна Бога.

¹ Прокофьев С. О. Пророческая былина. Ереван, 1992. С. 38.

Кстати, идея дьявольского крещения эффектно передана в фильме Ф. Ф. Копполы «Дракула Брэма Стокера» (1992): сцена бракосочетания Джонатана Гаркера и Мины монтажно сопоставлена со сценой, в которой Дракула пьет кровь Люси Вестенра, что подчеркивает параллелизм несходства христианской свадьбы (в православном храме) и вампирической свадьбы, таинства причащения Крови Христовой и вампирического ритуала причащения человеческой крови ¹.

Для Стокера вообще принципиально важен мотив «борьбы магов». Это применение оккультных сил в борьбе за власть над миром — в борьбе, которую ведет цивилизованный Запад (Британская империя) с тайными силами, готовыми перейти в наступление. Масштаб опасности определяет и масштаб предприятия, в которое пускаются Ван Хелсинг и его друзья: не извести вампира местного значения в одной отдельно взятой стране, но спасти, освободить мир от эсхатологической угрозы.

С точки зрения нарративной техники «борьба магов» — мотивация столкновения «хороших» и «плохих парней», как правило, равных по своим возможностям. Ведь в древнерусском сказании и других источниках XV в. личность Дракула абсолютно доминирует, у него отсутствуют достойные противники. А в романе Стокера, как и вообще в неоромантической прозе, трансильванскому вампиру противопоставлен Ван Хелсинг и его друзья (ср. классическую оппозицию Шерлок Холмс/ профессор Мориарти).

С точки зрения политики — это своего рода предчувствие мировой войны: великое столкновение «англоговорящих народов» (выражение У. Черчилля) и империй Центральной Европы (Трансильвания входила в состав Австро-Венгерской империи). Позднее, в романе «Леди в саване», Стокер разовьет свою концепцию более детально, изобразив грядущие сражения на Балканах. Однако и в «Дракуле» его идея выражена вполне отчетливо — под началом идеолога Ван Хелсинга с монстром сражаются британский лорд Годалминг и американец Моррис, которого всезнающие герои осыпают комплиментами, проявляя осведомленность о «доктрине Монро» и особых обстоятельствах присоединения к США штата Техас.

¹ См. подробнее: Максимов А. В., Одесский М. П. Появление Вампира: Френсис Форд Коппола и «Дракула Брэма Стокера»// Искусство кино. 1993. № 10.

С точки зрения эзотеризма — это борьба черного и белого мага, одинаково посвященных в науку гримуаров. Как писала Е. П. Блаватская в «Тайной доктрине» (публиковавшейся в 1888 г.): «Библия, начиная с Книги Бытия и до Откровения, есть лишь ряд исторических рекордов великой борьбы между Белой и Черной Магией, между Адептов Правой тропы, Пророками, и Адептами тропы Левой — левитами, священством грубых толп. Даже изучающие Окультизм, несмотря на то, что некоторые из них имеют большое количество архаических Манускриптов и непосредственное обучение, на чем они могут основываться, все же часто затрудняются провести линию разграничения между Последователями Правой и Левой тропы»¹.

Победе Запада в предстоящей (точнее — уже начавшейся) схватке препятствует позитивизм, культ положительного знания, отвергающий все, что выходит за пределы чистой науки. «Ошибка нашей науки, — сетует Ван Хелсинг, — заключается в том, что она стремится объяснить все, а если что-то объяснению не поддается, то оказывается — и объяснять нечего!»

Напротив того, герои Стокера оснащены: во-первых, «паранаучными» фактами и гипотезами, которые накапливались одновременно с научным прогрессом («бестиарными» легендами о пауках-долгожителях, всякого рода «достоверными» слухами и т. п.), во-вторых, фольклорными преданиями, аккумулирующими оккультный опыт, наконец, в-третьих, мистическим знанием. В результате Ван Хелсинг лечит жертву вампира переливанием донорской крови, а в качестве средств защиты от Дракулы использует магические растения, крест, освященную облатку и т. п. Ван Хелсинг обращается с Телом Христовым утилитарно, почти кошунственно, замазывая щели в склепе и объясняя (невежественно!), что приобрел индульгенцию и тем загоя искупил прегрешение. Это поступки не католика, а ведуна, применяющего сакральные объекты для достижения магических целей. Это не христианство, но знание-ведание, при помощи которого единственно и возможно остановить монстра. По Стокеру, черного мага ниспровергнет только белый маг.

Погоня за ускользающим графом в финале романа наглядно иллюстрирует комплексность мер, обеспечивающих одоле-

¹ Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Т. II: Антропогенезис. Кн. 3. М., 1991. С. 265 — 266.

ние чудовища. На стороне Дракулы — ненастье, волки, цыгане. На стороне современных крестоносцев — их рыцарственность джентльменов, техническое превосходство (винчестеры), дипломатические связи, гипноз, но прежде всего — оккультные навыки ликвидации вампиров (успеть поразить Дракулу до захода солнца, пока повелитель вампиров заключен в гробу, и т. д.). Синтез достижений цивилизации и традиционного эзотеризма символизируется оружием, окончательно поражающим Дракулу: Моррис действует американской новинкой, техасским ножом «боуи», а Гаркер — кривым непальским кинжалом, так называемым «кукри». И самое главное, что приносит победу защитникам цивилизации — собственный мистериальный опыт приобщения к магии. Кабинетным знанием здесь не обойтись: им пришлось предварительно пережить шок ночного нисхождения в склеп Люси и надругательства над телом (обезглавливание и т. д.) трогательной, любимой девушки, а Ван Хелсинг — по просьбе самой Мины, получившей «кровавое крещение», — должен был над ней, еще живой, прочесть заупокойную службу.

Магу в силах противиться только другой маг, потому что магия открывает путь к обретению сверхвозможностей. В IV главе, когда Джонатан Гаркер пытался нанести «дремлющему» в гробу Дракуле смертоносный удар (см. анализ эпизода в связи с функционированием ключевого слова «*malice*»), его останавливает, околдовывает взгляд вампира, уподобляемый романистом взору василиска. Василиск, «царь змей», традиционно символизирует один из каббалистических сефирот, а именно — «пятый», *Geburah* (Власть)¹.

Каббалистический сефирот — важнейший атрибут магических операций. Воздействие на них предоставляет магу различные блага. Зло порождается не природой сефирот, но их односторонним, корыстным использованием. Как таковой сефирот Власти предполагает суровость, но суровость матери, наказывающей детей: в руках же опытного чернокнижника сефирот работает ради «ненависти и разрушения»². На «языке планет» сефирот Власти показательно маркируется Марсом, на «языке металлов» — железом, на «языке цвета» — красным цветом.

Дракула предался «ненависти и разрушению», привлекая сефирот Власти, и его особые «таланты» — не столько «обычные»

¹ Кавендиш Р. Магия Запада. М., 1994. С. 49.

² Там же. С. 49.

атрибуты вампира, сколько следствие магических операций. Трансильванский граф не «просто» упырь (превращение в которого Стокер никак не мотивировал), а чернокнижник, избравший путь служения дьяволу. Совпадение же фольклорных представлений о чудесных свойствах упыря с властью, обретаемой посредством черной магии, есть частный случай «снижения» в народной памяти «высокой» оккультной традиции.

Под таким углом зрения корректно рассматривать и «кровососание» — отличительный признак Дракулы. Цвет крови — красный. Это аллюзия на пятый сефирот. Здесь кроется мистическая причина того, почему Дракула погубил Люси Вестенра и потерпел поражение с Миной Гаркер. Кровь, через посредство «красного» уподобленная огню, характеризуется двумя отличительными признаками: теплотой (обращенность к «животной душе») и светом (обращенность к духу). Люси, имя которой указывает на «свет» (lux), потому попадает в полную зависимость от Дракулы, что глубже — в дух — поражена. Мина же спасается постольку, поскольку она есть аллегория души (обратное чтение имени «Mina» дает «Anima», душа).

Однако наука гримуаров, по убеждению адептов, не только и не столько путь к земному могуществу. Глубинная цель ее — возрождение, восстановление того совершенства, которым человек был наделен до грехопадения. Это возрождение мыслимо как ступенчатый процесс, восхождение по «лестнице в небо» — по степеням (ступеням) посвящения.

История борьбы магов в романе Стокера может быть прочитана как притча о возрождении. Если опираться на символику сефирот и карт Таро, то группа смыслов, притягиваемая Geburach, означает, в частности, «смерть и суд, убийство и очищение от ложного “я”, которые предшествуют созиданию истинного, внутреннего “я”»¹. Сефирот, на «прикладном» уровне открывающий пути «ненависти и разрушения», манифестирует всю полноту смысла: «ненависть и разрушение» временного, необходимые для восстановления вечного. Отсюда понятно, почему Люси и вслед за ней сам повелитель вампиров перед окончательным уничтожением счастливы.

¹ Кавендиш Р. Магия Запада. М., 1994. С. 57.

Стокеровский Дракула — «носферату», «не-умерший», отлученный от смерти. Бессмертие Дракулы, с одной стороны, — манифестация могущества, с другой — аллегория заблуждения, остановки на пути самосовершенствования. Как и положено дьявольскому дару, вечная жизнь оборачивается проклятием — это вечная смерть: попавший в дьявольскую ловушку уже не в силах сам выбраться из нее и возродиться.

В финале романа тело вампира, чье сердце пронзено и горло перерезано, рассыпается в прах, но именно тогда на Дракулу нисходит счастливое умиротворение. Мистически эту сцену правомерно истолковать так: во прах рассыпалось ложное, тленное, и посвященный миновал рубеж. Теперь он мертв для смерти и жив для жизни вечной.

Таково последнее слово Брэма Стокера. Позднее он представил новые знаменитые образцы литературы «ужасов» — романы «Драгоценность Семи Звезд» (в русском переводе — «Талисман мумии»), «Леди в саване», «Логово Белого ящера», рассказы и т. п. Особого внимания заслуживает «Гость Дракулы» — собственно, не рассказ, но глава из «Дракулы», исключенная по редакторским соображениям и опубликованная вдовой в 1914 г. после смерти писателя в качестве самостоятельного текста. Интересно, что в «Госте Дракулы» трансильванский вампир спасает Гаркера от конкурирующих притязаний вампирессы из Штирии (кстати, локализация в Штирии — явная аллюзия на повесть Шеридана Ле Фаню «Кармила» (1872), где заглавная героиня-вампир была родом именно из этой австрийской области).

Однако «Дракула» остался на особом положении. Это — при всех огрехах нарративной техники — роман-миф.

Дракула в России: новый визит

В 1900-х гг. роман Стокера достиг России, причем — таинственная славянская симпатия к вампирической проблематике? — это были первые его переводы на иностранный язык¹. До октябрьского переворота 1917 г. роман переводили неоднократно, явно воспринимая как популярное авантюрное сочинение. В одном из переводов «Дракула» по аналогии был даже приписан Мери Корелли,

¹ *Bunson M. Vampire: The Encyclopaedia. L., 1993. P. 74.*

известной русским читателям в качестве автора мистико-приключенческих романов, а в 1912 — 1913 гг. «Дракула» вышел в серии приложений к еженедельнику «Синий журнал» — типичному образчику массовой журналистики.

М. Г. Корнфельд, издатель этого еженедельника, выпускавший также специально-юмористический журнал «Сатирикон» и специально-детский журнал «Галчонок», очевидно, тяготел к паралитературе. Потому, решив, наряду с прочими средствами привлечения читателей, прибегнуть к изданию библиотеки-приложения, он включил в серию не только авантюрные романы (К. Фаррера, А. Конан-Дойля), но и, как гласила реклама, «литературу из области таинственных и неизвестных миров и необыкновенных событий». Своего рода жемчужиной серии, опять же согласно рекламе, надлежало стать «самой страшной книге мировой литературы» — «Граф Дракула (Вампир)» Стокера.

Соответственно работавшая для «Синего журнала» переводчица Нина Сандрова (псевд. Надежды Яковлевны Гольдберг) интерпретировала «Дракулу» в качестве феномена паралитературы. Она произвольно исключала или кратко пересказывала сцены, которые, по ее мнению, не содержали «действия», да к тому же были сложны с языковой точки зрения. Так, бессвязная речь Ренфилда в главе XVIII: «Вы должны гордиться вашим состоянием и высоким положением. Признание их Соединенными Штатами является прецедентом», — отнюдь не должна обнаруживать безумие пациента дома умалишенных: слово «state», переведенное как «состояние», в данном случае значит «штат», и Ренфилд говорит о штате Техас, откуда родом его собеседник, неожиданно демонстрируя удивительные познания в истории Северной Америки.

В результате такого рода вольностей особенно страдали эпизоды, где Стокер использовал просторечие. Стоит отметить, что эти эпизоды принципиальны для понимания романа. Например, чудакватый старый моряк, рассуждения которого выпали по вине Сандровой из главы VI, поведал историю самоубийцы, в могиле которого позднее нашел первое убежище Дракула, высадившись на английский берег. Тем самым исчез и намек на «родство» самоубийц и вампиров, обусловленный религиозной и традиционно-мистической направленностью романа.

Однако формату развлекательной библиотеки «Дракула» Нины Сандровой, видимо, отвечал и в качестве паралитературного рома-

на нашел в России подражателей. В том же «Синем журнале» за 1912 г. Сергей Соломин (Сергей Яковлевич Стечкин) напечатал рассказ «Вампир» (№ 46), где влияние «Дракулы» ощутимо и на сюжетном уровне (история новой Синей Бороды, жены которого «подозрительно» умирают от малокровия), и в параллельности научных (причина смерти несчастных женщин — неизвестный вирус) и «таинственных» интерпретаций. Кстати, опубликованный несколько позже рассказ Соломина «Женщина или змея» (1912, № 48) напоминает другой роман Стокера — «Логово Белого ящера». Наконец, в 1912 г. Московской типографией В. М. Саблина выпущена книга «Вампиры» — «Фантастический роман барона Олшеври из семейной хроники графов Дракула-Карди». Роман выполняет функцию предыстории событий, развертывающихся в произведении Стокера (обстоятельства появления вампиресс, обитающих в Трансильванском замке). Сочетание «иностранного» имени и титула неизвестного сочинителя — «барон Олшеври» — правдоподобно расшифровывается с учетом принятых тогда форм сокращения (б. Олшеври) как «больше ври», демонстрируя русское происхождение и явную установку не столько на оккультизм, сколько на развлечение.

Иным было прочтение «Дракулы» русскими символистами. А. А. Блок (знавший роман по переводу 1902 г.) в письме к Е. П. Иванову (3 сентября 1908 г.) сообщал другу: «Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д.»¹.

Прервав цитирование письма, стоит напомнить запись в дневнике Блока (16 апреля 1913 г.) о его знакомой, которая «читала “Вампира — графа Дракулу” и боялась, положила горничную спать с собой. Перед окном ее спальни — дерево, любимое в Петербурге, на нем ворона сидела в гнезде. Гнездо разрушили. Утром после чтения “Вампира” ворона вращала глазами и пугала»².

Теперь снова — письмо Иванову: «Написал в “Руно” юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это — вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил, наконец, меня прочесть ее»³. В статье «Солнце над Россией»,

¹ Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. М.; Л., 1936. С. 66.

² Блок А. А. Дневник. М., 1989. С. 197.

³ Письма Ал. Блока к Е. П. Иванову. С. 66.

о которой идет речь в письме, Блок использует юбилей Толстого для противопоставления писателя царящим в России силам зла. Причем речь идет не только о реакционной бюрократии, последователях К. П. Победоносцева — «не они смотрят за Толстым, их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный, могильный глаз упыря»¹. В связи с этим современный славист указывает: «опираясь на отраженную в романе Стокера традицию поверий, связанных с вампирами, Блок уподобляет Толстого солнцу — его присутствие помогает сдерживать силы тьмы. Но что произойдет после заката?»²

Правда, не сохранись цитированное выше письмо, вряд ли удалось бы доказать, что именно роман Стокера побудил Блока написать статью о Толстом: изображение «реакционеров» и «угнетателей» в виде вампиров — «общее место» политической риторики, по крайней мере, с XVIII в. «Общим местом» было и уподобление упырю Победоносцева, которого, по словам А. В. Амфитеатрова, «часто обзывают и рисуют в карикатурах “вампиром” России»³.

Блок, однако, не столько отдавал дань публицистическому штампу, сколько визионерствовал — подобно Стокеру, в романе которого политика предстает в отблесках «потусторонней» тайны. Этот «мистический реализм» в подходе к политико-социальной злободневности свойствен и другим символистам. В дневнике М. А. Волошина пересказаны сны поэта Эллиса (Лев Львович Кобылинский). «Я знаю, что там режут студентов, — воспроизводит Волошин 25 ноября 1907 г. сон Эллиса. — Вот, знакомых студентов. Там у одного рыжая борода. Другой в очках. И я думаю: никогда не забуду! И вдруг — все такая же ночь и я стою и знаю, что забыл .<...> И я оборачиваюсь... и вдруг вижу: посмотри — вот так, на обрубленных коленях, мертвый, прямо ко мне. Хочу бежать, оттолкнуть. А вместо этого, вдруг обнимаю и целую его. А он впивается сюда, в шею, и начинает сосать... кровь. И говорит: я еще приду. Я просыпаюсь. И вижу, окно в комнате открыто и вся она полна туманов. И 8 ночей подряд он еще приходил ко мне. В разных видах»⁴.

¹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 302.

² Баран Х. Некоторые реминисценции у Блока: Вампиризм и его источники // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 271.

³ Амфитеатров А. В., Аничков Е. В. Победоносцев. СПб., 1907. С. 38.

⁴ Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 279.

Переплетение тем «реакция», «вампиризм», «туман» встречается, например, в памфлете А. В. Амфитеатрова, обогащавшего не слишком оригинальный образ вампира Победоносцева колоритными деталями. «Вампир! В Моравии — этой классической стране вампиров — существует поверье о необычайной способности их проникать в жизнь человеческую, под видом густого зловредного тумана, в котором никто не подозревает враждебной демонической воли: все думают, что имеют дело с самым обыкновенным природным явлением, а, между тем, живой туман, выждав свой час, материализуется в грозный фантом, — свирепое привидение склоняется к постелям спящих и сосет кровь человеческую». Или: «Вездесущий, всевидящий, всеслышающий, всепроникающий, всеотравляющий туман кровососной власти, от которого нечем дышать русскому обывателю и напивтаясь которым дуреет и впадает в административное неистовство русский государственный деятель, министр. Он — медленное убийство в среде правящих и медленная смерть среди управляемых»¹.

Амфитеатров, имевший репутацию знатока «таинственного», вполне мог обойтись без подсказок Стокера, да и «классической страной вампиров» им объявлена не Трансильвания, а Моравия. Но в случае с Эллисом нельзя исключить влияние и такого источника, как «Дракула», где туман часто изображается орудием повелителя вампиров. Тем более что поцелуй-укус страшного посетителя перекликается с любовью-кровососанием стокеровских персонажей. Впечатляющий образ любовника-кровососа, сыгравший немалую роль в популярности романа, эффектно рифмовался с идейными и жизнестроительными поисками Серебряного века (дионисийское «кровь-вино» В. И. Иванова, проблематика «обонятельного и осязательного отношения к крови у евреев» В. В. Розанова и т. п.).

Сходным образом в интимной лирике Блока лирический герой нередко наделяется чертами вампира, как, например, в стихотворении «Я ее победил наконец...» (1909; впервые напечатано — 1914) из цикла «Черная кровь»:

Я ее победил наконец!
Я завлек ее в мой дворец!
.....

¹ Амфитеатров А. В., Аничков Е. В. Указ. соч. С. 39, 41.

Гаснут свечи, глаза, слова...
Ты мертва наконец, мертва!
Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —
Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Но персонаж Блока — скорее представитель породы общеромантических вампиров, лишенный специфических признаков стоке-ровского героя¹. Зато, по замечанию авторитетного исследователя², аллюзии на «Дракулу» — наряду со «Страшной мезьтью» Гоголя — угадываются в первых строках загадочного стихотворения «Было то в темных Карпатах...» (конец 1913, напечатано — 1915) из цикла «О чем поет ветер»:

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...
Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни другой мне
Жалобно ветер напел...

Согласно реконструкции А. В. Лаврова, первоначально стихотворение задумывалось как полемический выпад против литературных оппонентов, на что указывают строки:

Что ж? «Не общественно»? — Знаю.
Что? «Декадентство»? — Пожалуй.
Что? «Непонятно»? — Пускай;
Все-таки вечер прошел.

¹ Баран Х. Указ. соч. С. 276 — 277.

² Лавров А. В. «Другая жизнь» в стихотворении Блока «Было то в темных Карпатах...» // Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 222 — 223.

Получается, что стихотворение было почти манифестом: «Текст “программно” апеллирует к “своей” аудитории, которая способна оценить загадочность, непроясненность, он — заявленное право поэта на суггестивность»¹.

Однако в 1916 г. — во время мировой войны, после кровопролитных сражений — Блок выстраивает схему, при которой цикл «О чем поет ветер» завершает все три тома его лирики как цельного произведения. В таком случае стихотворение «Было то в темных Карпатах...» — последнее в последнем цикле — оказывается финалом грандиозной лирической эпопеи. При этом поэт снимает четыре полемических строки, и тем самым стихотворение превращается в таинственное прозрение катастроф, ожидающих (к моменту новой публикации — свершившихся) русскую армию в Карпатах.

И едва ли так уж был не прав друг и родственник Блока — С. М. Соловьев, когда связывал «Было то в темных Карпатах...» с кровавыми сражениями на Галицийском фронте: «Оба мы были тогда поглощены войной и Галицийским фронтом.

Грусть — ее застигает отравленный пар
С галицийских кровавых полей...

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

То же пелось и мне, я уезжал во Львов»².

Завершая анализ восприятия романа Стокера символистами, соблазнительно указать на «странное сближение»: блоковское прозрение царства упырей в России 1900-х, «дракулическое» пророчество о мировой войне жутковато перекликаются с тем, что Николай II в октябре 1917 г. читал «Дракулу» (в русском переводе) — факт, зафиксированный в дневниковых записях отрекшегося самодержца³. А на исходе 1917 г. Д. С. Мережковский писал: «Когда убивают колдуна, то из могилы его выходит упырь, что-

¹ Лавров А. В. «Другая жизнь» в стихотворении Блока «Было то в темных Карпатах...» // Лавров А. В. Этюды о Блоке. СПб., 2000. С. 229.

² Соловьев С. М. Воспоминания. М., 2003. С. 402.

³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 656.

бы сосать кровь живых. Из убитого самодержавия Романовского вышел упырь — самодержавие Ленинское»¹.

Вместо эпилога: вампиры на службе коммунизма

Оригинальную интерпретацию «Дракулы» предложил Богданов (Александр Александрович Малиновский; 1873—1928), врач, один из большевистских лидеров революции 1905 — 1907 гг., философ-марксист, естествоиспытатель, автор научно-фантастической дилогии о марсианской цивилизации — романов «Красная звезда» (СПб., 1907; на титульном листе — 1908) и «Инженер Мэнни» (М., 1912; на титульном листе — 1913).

Богдановские романы интересны прежде всего в аспекте картин общества будущего, якобы построенного марсианами. Футурологические идеи «Красной звезды» большевиками были оценены положительно. Сам роман многократно переиздавался после 1917 г., а в программном сборнике «Жизнь и техника будущего» (1928) Богданов — единственный русский марксист, чьи утопические проекты подробно реферируются вместе с «пророками» социализма Мором, Кампанеллой, Сен-Симоном, Фурье, Бебелем.

Принципиально иначе товарищи оценили второй роман. С одной стороны, Ленин — к 1912 г. непримиримый противник Богданова — резко криктиковал «Инженера Мэнни», а с другой, левые радикалы небольшевистской ориентации отметали книгу как догматическую поделку. К примеру, в рецензии, опубликованной околоэсеровским журналом «Заветы», указывалось: в романе слишком много разговоров, и «автору кажется, что разговоры заменяют известный образ реального исторического действия. Оттого фабула кажется очень неудачно сшитой белыми нитками, а разговоры производят впечатление искусственно притянутых к описываемым событиям. Произведение очень и очень неудачное»².

Неуспех романа, наряду со всем прочим, обуславливался тем, что автор, отвлекаясь от коммунистических идей «Красной звезды»,

¹ Мережковский Д. С. Упырь// Странник. 1991. Вып. 2. С. 74.

² Заветы. 1913. № 1. С. 175. О «вампирическом» компоненте идей А. А. Богданова см.: Одесский М. П. Миф о вампире и русская социал-демократия: Очерки истории одной идеи// Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 77 — 91.

ставил и решал проблемы, соотнесенные с «тектологией» — созданной им «всеобщей организационной наукой». К организационным Богданов сводил практически все задачи любой отрасли знаний. По сути, тектология — универсальная наука управления.

Действие «Инженера Мэнни» разворачивается на планете Марс в условиях «развитого капитализма»: заглавный герой руководит строительством пресловутых каналов, он честен, однако слишком жестко стремится учитывать исключительно организационный аспект общественных отношений. Идеологически инженеру Мэнни противостоит его сын Нэтти, также осознающий важность строгой организованности, но в первую очередь защищающий интересы рабочих при помощи социальной доктрины «великого ученого» Ксарма (прозрачная анаграмма Маркса). В финале организатор добровольно уходит из жизни, потому что с точки зрения общественной пользы Нэтти уже вполне способен заменить отца, а с точки зрения идеологии Мэнни воплощает прошлое. Решающим обстоятельством, подтолкнувшим Мэнни к самоубийству, стала встреча с Вампиром. Сюжетный ход, казалось бы, не подходящий для автора-атеиста.

«Вампирическая» тема вводится задолго до финала. В главе «Легенда о вампирах» Нэтти, споря с отцом, поминает упырей, а Мэнни недоумевает, при чем здесь «нелепая сказка о мертвецах, которые выходят из могил, чтобы пить кровь живых людей». «Взятое буквально, — возражает сын, — это, разумеется, нелепая сказка. Но у народной поэзии способы выражать истину иные, чем у точной науки. На самом деле в легенде о вампирах воплощена одна из величайших, хотя, правда, и самых мрачных истин о жизни и смерти».

Пропагандист тектологии, Богданов вообще часто использовал метод «аналогии» — «перекодировки» с языка одной области человеческой деятельности (или природных закономерностей) на язык другой, и в «Инженере Мэнни», конечно же, не ограничился примитивным сведением вампиров к ординарным «угнетателям-кровососам»: «Это, — говорит Нэтти, — просто брань или, в крайнем случае, агитационный прием».

Согласно Богданову — Нэтти, смысл «мрачной фантазии» сложнее: «Вреден и обыкновенный, физиологический труп: его надо удалять или уничтожать, иначе он заражает воздух и приносит болезни». Точно так же вреден для окружающих человек, «когда он

начинает брать у жизни больше, чем дает ей. <...> Это — не человек, потому что существо человеческое, социально-творческое, уже умерло в нем; это труп такого существа».

Рассуждения Нэтти, в которых явно смешиваются «биологическое» и «общественное», основаны на тезисах, сформулированных в первом романе «марсианской» дилогии. Именно в «Красной звезде» Богданов изложил программу «обновления жизни» — способ отвоевать у природы дополнительное время для «социально-творческой» активности человека, способ, применение которого возможно только в условиях «коллективистского строя», т. е. коммунизма. Ради получения этого дополнительного времени необходимо «одновременное переливание крови от одного человека другому и обратно путем двойного соединения соответственными приборами их кровеносных сосудов. При соблюдении всех предосторожностей это совершенно безопасно; кровь одного человека продолжает жить в организме другого, смешавшись там с его кровью и внося глубокое обновление во все его ткани».

Обобщая «рецепты» обоих романов, можно сказать, что, по Богданову, если человек «слишком долго живет, рано или поздно переживает сам себя», то он либо (в коллективистском обществе) «обновится» кровью товарищей, либо (в обществе индивидуалистическом) превратится в мучимого неуголимой жадой «социального» вампира, причем «вампир, живой мертвец, много вреднее и опаснее, если при его жизни он был сильным человеком».

Нэтти между тем нанизывает новые «анalogии»: «Идеи умирают, как люди, но еще упорнее они впиваются в жизнь после своей жизни», и вампиризм идеи страшнее элементарного вампиризма: в число его жертв попадают не физические или духовные старики, а «благородные и мужественные борцы».

Ламентации о «благородных и мужественных борцах» почти дословно воспроизводят суждения Богданова в статье «Вера и наука»¹, которая была ответом на антибогдановский трактат Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Богданов утверждал: когда идеология, пусть даже революционная, «переживает свою социально-трудовую основу», то «становится консервативною, а затем реакционною», превращаясь в «мертвеца, который хватает живого». В частности, на погибель

¹ Богданов А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. М., 1910.

русских пролетариев старый мир «сотворил вампира, по внешнему образу и подобию своего врага, и послал его бороться против молодой жизни. Имя этому призраку — “абсолютный марксизм”. Вампир исполняет свою работу. Он проникает в ряды борцов, присасывается к тем, кто не разгадал его под оболочкой, и иногда достигает своей цели: превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли. Наше отечество — страна молодого рабочего движения, неукрепившейся культуры, страна мучительно-изнуряющей борьбы — дало этому призраку едва ли не лучшие его жертвы: Г. Плеханова еще недавно, В. Ильина (псевдоним Ленина, которым подписан «Материализм и эмпириокритицизм». — *М. О.*) теперь, не считая иных, менее крупных сил, но в свое время также полезных для общего дела. Товарищей, попавших во власть злого призрака, мы пожалеем и постараемся вылечить, хотя бы суровыми средствами, если нельзя иначе. А с вампиром поступим так, как со всякими вампирами поступать полагается: голову долой, и осиновый кол в сердце!»

Другими словами, жертва вампиризма «идеи» должен выбирать: либо, предавшись индивидуалистической самоизоляции, совершенно переродиться, либо, раскаявшись, вернуться в лоно спасительного «коллектива»: «Иногда я думал: вот, я встречаю разных людей, — заключает Нэтти толкование “легенды о вампирах”, — живу с ними, верю им, даже люблю их; а всегда ли я знаю, кто они в действительности? Может быть, именно в эту минуту человек, который дружески беседует со мной, невидимо для меня и для себя переходит роковую границу: что-то разрушается, что-то меняется в нем — только что он был живым, а теперь... И меня охватывал почти страх».

В художественно-функциональном аспекте слова Нэтти готовят читателя к встрече Мэнни с Вампиром — последнему искушению великого организатора. Но тут есть еще один важный аспект: это своего рода отклик на психическую травму расставания с Лениным. Отсюда и замечание об особой опасности вампиризма «идеи», когда гибнут не «средние люди», а «благородные и мужественные борцы», революционная элита.

Кстати, объяснение вампирическим вторжением дискуссий и расколов, раздиравших большевистскую партию после революции 1905—1907 гг., безусловно, роднит Богданова с Блоком или Амфи-

театровым, опознавших в наступлении послереволюционной «реакции» магическое воздействие упырей.

Инженер Мэнни, во всеоружии «теории» своего сына, напрямую сталкивается с Вампиром, принявшим облик некоего Маро — прислужника угнетателей, который ранее был заслуженно убит самим Мэнни. Зловещий «фантом» не скрывает своей природы: «Да, я — Вампир, не специально ваш друг Маро, а Вампир вообще, властитель мертвой жизни. Я принял сегодня этот образ как наиболее подходящий для нашей беседы и, пожалуй, один из лучших». Не скрывает Вампир и агрессивных намерений: «Но у меня есть и сколько угодно других; а очень скоро я приобрету еще один, много лучше».

Этот созданный воображением марксиста Вампир отнюдь не аллегоричен, но демонстративно демоничен, и неудивительно, что его описание перекликается с соответствующими сценами из романа Стокера. Сходно, например, изображение первого явления Вампира.

Богданов: «В самом далеком от него (Мэнни. — *М. О.*) углу мрак сгустился и принял, сначала неопределенно, очертания человеческой фигуры; но уже резко выделялись горящие глаза», «лицо было гораздо бледнее, губы краснее». Стокер (в переводе Сандровой): «Тень подняла голову, и со своего места я ясно различила бледное лицо с красными сверкающими глазами» (слова Мины в главе VIII).

Сходно указаны некоторые атрибуты вампира. Богданов: «Фосфорические огоньки носятся вокруг, вспыхивают ярче, погасают... В колеблющемся свете изменяется пустая улыбка; оживляются пыльно-желтые черты». Стокер: «Воздух полон кружащимися и вертящимися мошками, и огоньки в глазах волка светятся каким-то синим тусклым светом».

Напоминает «Дракулу» и угроза Вампира, на первое время приводящая в смущение Мэнни. Поначалу Вампир искушал жертву идеалами постоянства, верности себе, но Мэнни, наученный сыном, разглядел под благородной оболочкой ненавистное ему неприятие развивающейся жизни. Тогда «фантом» прибег к новому аргументу: «Знай же, твоя судьба решена, ты не можешь уйти от меня! Пятнадцать лет ты живешь в моем царстве, пятнадцать лет я пью понемногу твою кровь. Еще осталось несколько капель живой крови, и оттого ты бунтуешь... Но это пройдет, пройдет! Я — необходимость, и потому я — истина. Ты мой, ты мой, ты мой!»

Вампир придерживается теории Нэтти: индивид не может не стать жертвой вампиризма «жизни» — это «необходимость», закон старения. Однако речи Вампира связаны и с речами Дракулы: «Мщение мое только начинается! Оно будет продолжаться столетия и время будет моим верным союзником. Женщины, которых вы любите, уже все мои, а через них и вы все будете моими — моими тварями, исполняющими мои приказания, и моими шакалами!» (глава XX):

Учет «дракулического контекста» позволяет парадоксально интерпретировать исход схватки Мэнни с Вампиром. Инженер решает, что если при капитализме нельзя избежать старения, то по крайней мере можно освободиться от вампиризма «идеи» посредством самоубийства и таким образом не превратиться в игрушку сил прошлого, но открыть дорогу Нэтти к социализму. Дракула тоже оставляет жертвам возможность освободиться через добровольное самоубийство, но это оборачивается очередным искушением: самоубийца окончательно попадает под дьявольскую власть вампира. В системе ценностей Стокера (и в полном соответствии с христианской и магической традициями) самоубийство — пособничество вампиру, а по Богданову, наоборот, — акт сопротивления, что предсказуемо: радикалы любили примерять к себе демонические личины.

В качестве опять же «странного сближенья» полезно отметить, что Марс, где Богданов разместил общество будущего, часто фигурировал в построениях оккультистов: знаменитый швейцарский медиум Хелен Смит среди своих инкарнаций называла марсианина (наряду с Марией-Антуанеттой и индийской принцессой) и сообщала сведения о марсианском языке, да и планета Марс, красный цвет, пятиконечная звезда — символы пятой сефиры.

После 1917 г. Богданов попытался реализовать благотворно-вампирическую программу «обновления жизни» — в масштабах, не сопоставимых с келейными опытами жизнестроительства Серебряного века. Он по-прежнему осуждал ленинскую политику и ленинцев, а те, со своей стороны, платили «отщепенцу» недоверием, однако в стремлении создать алгоритм «борьбы за жизнеспособность» их интересы совпадали.

В 1920—1921 гг. против Богданова предпринимается очередной политический демарш: по прямому указанию Ленина реформирован (фактически — разгромлен) Пролеткульт, просветительская и

литературно-художественная организация, ставившая перед собой цель создания новой культуры путем развития творческой самостоятельности пролетариата. Основная вина Пролеткульта сводилась к тому, что пролеткультисты, по мнению Ленина, находились под влиянием Богданова. Действительно, в 1918 г. критик С. С. Динамов, рецензируя на страницах журнала «Пролетарская культура» второе издание романа «Инженер Мэнни», декларировал: «Наш журнал как раз и является попыткой осуществить мечты Нэтти»¹. Перспектива конкуренции с Богдановым показалась большевистскому руководству вполне реальной и опасной, и оно приняло решительные меры. Однако, изолировав пролеткультистов от давнего оппонента, Ленин не стал физически его уничтожать или ссы- лать, а рекомендовал сосредоточиться на другой идее — опытах по обменному переливанию крови.

Как сообщает Богданов, в 1922 г. ему удалось «добыть необходимые средства и кое-какие приборы для этих опытов», причем оборудование получили из Англии². С 1923 г. Богданов и несколько врачей-энтузиастов ставят эксперименты, используя в качестве лаборатории частные квартиры. Когда в 1923 г. Богданов был арестован ГПУ по подозрению в причастности к антиправительственному заговору, он писал: «Благодаря исследованиям английских и американских врачей, делавших многие тысячи операций переливания крови, стала практически осуществима моя старая мечта об опытах развития жизненной энергии путем “физиологического коллективизма”, обмена крови между людьми, укрепляющего каждый организм по линии его слабости. И новые данные подтверждают вероятность такого решения. <...> И этим рисковать, этим жертвовать ради какого-то маленького подполь?»³ Богданов добился значительных успехов, и в результате — по инициативе И. В. Сталина, Н. И. Бухарина, наркома здравоохранения Н. А. Семашко — создается Институт переливания крови. «В конце 1925 г., — указывал Богданов, — тов. Сталин предложил мне взять на себя организацию Института, причем обещал, что будут предоставлены все возможности для плодотворной работы»⁴. В 1926 г. Институт разместился на

¹ Пролетарская культура. 1918. № 3. С. 34.

² Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. М., 1927. С. 123.

³ Богданов А. А. Пять недель в ГПУ/ Вступ. ст., комментарии М. П. Одесского, Д. М. Фельдмана // De visu. 1993. № 7. С. 28.

⁴ Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. С. 40.

Большой Якиманке в бывшем особняке купца Игумнова, который позднее был отдан французскому посольству.

В 1927 г. Богданов, суммируя итоги многолетних исследований в специальной монографии, почти дословно воспроизвел формулировку «Красной звезды». Правда, в «тектологической» аранжировке: сопоставление «разного рода жизненных сочетаний привело меня к мысли, что и для высших организмов возможна “конъюгация” не только половая, но и иного рода — “конъюгация” для повышения индивидуальной жизнеспособности, а именно в форме обмена универсальной тканью организмов — их кровью»¹.

Как и прежде, Богданов не пренебрегает «аналогиями» с «мечтами далекого прошлого», на этот раз прямо называя среди предшественников «физиологического коллективизма» Жюль де Рэ.

Богданов мечтал связать узами «кровного родства» все человечество, одолев старость и избавившись от вампиризма «жизни». Но коль скоро, по его убеждению, коллективистский строй в России — несмотря на победу большевиков — не установлен, объективные условия для полной реализации спасительной методики пока отсутствуют: «В нашу эпоху господствует культура индивидуалистическая; ее атмосфера неблагоприятна для нашего метода и точки зрения, лежащей в его основе. Трудовой коллективизм еще только пробивается к жизни. Когда он победит, тогда будут устранены трудности и препятствия, стоящие теперь на пути коллективизма физиологического, тогда наступит его расцвет»².

В ожидании «светлого будущего» Богданов мог бы ограничиться проведением исследовательских работ, решением прикладно-медицинских задач (среди исцеленных посредством обменного переливания крови — сын самого экспериментатора). Однако есть основания полагать, что создатель тектологии не смирился с отказом от «генеральных» целей.

Дело в том, что особую категорию пациентов Богданова составляли «ветераны партии»: В. А. Базаров, его давний товарищ по марксистскому движению; М. И. Ульянова, сестра Ленина, болезнь которой, несмотря на предсказанный кремлевскими врачами летальный исход, была излечена благодаря обменному переливанию крови, и др.

¹ Богданов А. А. Борьба за жизнеспособность. С. 122.

² Там же. С. 154.

Конечно, «физиологический коллективизм» функционировал в рамках системы специальных услуг высокопоставленным номенклатурным работникам. Но вместе с тем Богданов, так сказать, практиковал свою «тектологическую магию». Ведь согласно принципам «обменного переливания крови», операция в идеале требует участия старика и юноши, а значит, «партнерами» ветеранов должны быть молодые люди. Ветераны партии передают свою «голубую кровь» подрастающему поколению, связывая «кровными узами» молодежь псевдокоммунистического государства Ленина — Сталина с проверенными борцами за истинный коллективизм.

Своего рода «мостик» перебрасывался от уходящих — к людям будущего, минуя живых. Идея, что называется, носилась в воздухе. «Тщательное изучение мозга нашего гениального современника В. И. Ленина и сравнение тонкого архитектурного строения его мозга с мозгами людей среднего психического уровня, — сообщалось в сборнике “Жизнь и техника будущего”, — выявляет необычайное богатство материального субстрата — архитектуру строения и развития нервных клеток и нервных впечатлений коры мозга В. И. Ленина, который (т. е. мозг) является несомненным прототипом мозга грядущего сверхчеловека»¹.

Ветераны партии, однако, не только выполняли миссию идейно-кровяного донорства, но и, в свою очередь получая кровь, «причащались» массам, что могло придать им сил жить «по-человечески», т. е. «социально-творчески». Иными словами, как надеялся Богданов, «ленинская гвардия» получала шанс в борьбе с вампиризмом жизни, а может, и «идеи». «Дракулическая» идея магического вампиризма, использованная для нужд коммунистического строительства, преобразована в эзотерическую доктрину, предполагающую укоренение общества будущего (на первых порах — элиты «истинных коллективистов») в «физиологическом коллективизме», где индивиды соединены цепью «кровавых» взаимообменов.

Л. Д. Троцкий, высмеивая симпатии Сталина и Бухарина к китайской партии Гоминьдан, в 1927 г. иронизировал: «Гоминьдан

¹ Мелик-Пашаев Н. Ш. Человек будущего// Жизнь и техника будущего. М.; Л., С. 367 — 368. См. об этом проекте подробнее: Спивак М. Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г. И. Полякова). М., 2001. Забавно, что Институт мозга располагался в том же особняке на Большой Якиманке, что и богдановский Институт переливания крови.

не труп, он только болен. Чем? Недостатком революционной рабоче-крестьянской крови. Нужно, чтобы коммунистическая партия оказала “содействие притоку этой крови” и т. д. Словом, нужно произвести очень популярную за последнее время операцию переливания крови, но уже не в индивидуальном, а в классовом масштабе»¹.

Богданов возглавлял Институт переливания крови до самой смерти, произошедшей в результате очередного — в его жизни одиннадцатого — обменного переливания крови.

Представлявший Политбюро Бухарин произнес на похоронах речь, сочтя нужным напомнить собравшимся, что Богданов «был коллективистом и по чувству, и по разуму одновременно. Даже его идеи о переливании крови покоились на необходимости своеобразного физиологического коллективизма, где отдельные сочеловеки смыкаются в общую физиологическую цепь и повышают тем жизненность всех вместе и каждого в отдельности»².

Впрочем, единомышленники Богданова, подозревая отравление, требовали расследования, и, как показали дальнейшие события, основания для подозрений у них были. Действительно, хоть Сталин, в отличие от Ленина (и, возможно, в пику «учителю»), симпатизировал Богданову и даже покровительствовал, но в 1930-х идеи основателя «тектологии» были объявлены антиленинскими. В связи с этим один из руководителей Института переливания крови, каюсь, писал, что «теория т. н. “физиологического коллективизма” и теория борьбы со старостью являются методологически ошибочными, чуждыми марксизму установками»³. Значит, и ранее — в 1928 г. — причины для устранения Богданова имелись, тем более что разгоралась борьба Сталина с Бухариным, которого еще Ленин обвинял в «богдановщине».

Деятельность Богданова, не раз вызывавшая нарекания со стороны «ортодоксальных» социалистов, выглядела сомнительной и с точки зрения исканий Серебряного века. Например, в поэтическом цикле ярчайшего представителя эпохи М. А. Кузмина — «Форель разбивает лед» (1927; издан — 1929) — вампирическая образность,

¹ Архив Троцкого/ Ред. Ю. Г. Фельштинский, М. Г. Станчев. Харьков, 1999. Т. 1. С. 48.

² Труды Государственного научного института переливания крови им. А. А. Богданова. М., 1928. Т. 1. С. X.

³ Переливание крови как научный метод. М.; Л., 1935. С. 90.

с одной стороны, присутствует на серьезный лад, маркируя эротическую тему и подразумеваемая аллюзии на лирику Блока:

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?
.....
«Отчего ж твои губы желты?
Сам не знаешь, на что пошел ты?
Тут о шутках, дружок, забудь!
Не богемских лесов вампиром —
Смертным братом пред целым миром
Ты назвался, так будь же брат!

А законы у нас в остроге,
Ах, привольны они и строги:
Кровь за кровь, любовь за любовь.
Мы берем и даем по чести,
Нам не надо кровавой мести:
От зорока развяжет Бог,
Сам себя осуждает Каин...»
Побледнел молодой хозяин,
Резанул по ладони вкось...
Тихо капает кровь в стаканы:
Знак обмена и знак охраны...
На конюшню ведут коней...

С другой стороны, историки литературы¹ подозревают в тексте Кузмина иронический отклик на профанирующие вампиризм идеи Богданова:

Буквально вырази обмен, —
Базарный выйдет феномен.

¹ *Гаспаров Б. М.* Еще раз о прекрасной ясности: эстетика М. Кузмина в зеркале ее символического воплощения в поэме «Форель разбивает лед» // *Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin*. Wien, 1989. С. 91 — 92; *Богомолов Н. А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 176.

Итак, зародившаяся в Румынии легенда о воеводе-маге Дракуле — через английское посредство — вернулась в Восточную Европу, где трансформировалась в одну из версий эзотерической доктрины политического радикализма. Такого рода симбиоз экстремизма и оккультизма — любопытнейший феномен конца XIX — начала XX в. Кроме фашистской эзотерики, можно указать экстраваганцы народовольца Н. А. Морозова, масонские искания кадетов, эсеров и меньшевиков (у большевиков — И. И. Скворцов-Степанов, приятель и соавтор Богданова)¹, тамплиерство анархистов² и, наконец, добротворный вампиризм Богданова. Как заметил специалист по современному эзотеризму Дж. Уэбб, «рост национализма и социализма происходит в то же время и как следствие тех же причин, что возрождение оккультизма»³.

Приношу благодарность Т. А. Михайловой, Н. Д. Александрову, А. В. Максимова, А. В. Нестерову, Д. М. Фельдману, с которыми имел удовольствие обсуждать «вампирическую» проблематику.

*М. П. Одесский,
доктор филологических наук*

¹ Аронсон Г. Масоны в русской политике// Николаевский Б. И. Русские масоны и революция/ Ред. Ю. Г. Фельштинский. М., 1990.

² Орден российских тамплиеров/ Публикация, вступ. ст., коммент. А. Л. Никитина: В 3 т. М., 2003.

³ Webb J. Op. cit. P. 218.

БРЭМ СТОКЕР
ГОСТЬ ДРАКУЛЫ
РАССКАЗ

Перевод с английского Т. Красавченко

Перевод рассказа осуществлен по изданию:
Stoker B. Dracula's Guest and Other Weird Tales.
1914.

ГОСТЬ ДРАКУЛЫ

Когда мы тронулись в путь, над Мюнхеном ярко светило солнце, а в воздухе была разлита радость раннего лета. Перед самым нашим отъездом герр Дельбрук, управляющий гостиницы «Quatre Saisons»¹, где я остановился, спустился с непокрытой головой к экипажу и, пожелав мне счастливого пути, сказал кучеру, придерживая ручку дверцы экипажа:

— Помните, нужно вернуться до наступления сумерек. Небо вроде бы ясное, но, судя по порывам северного ветра, может внезапно разразиться буря. Надеюсь, вы вернетесь вовремя. — И, улынувшись, добавил: — Вы же знаете, какая сегодня ночь.

— Ja, mein Herr², — ответил с особым выражением Иоганн и, прикоснувшись к шляпе, быстро поехал.

Когда мы были уже за городом, я подал ему знак остановиться и спросил:

— Скажите, Иоганн, а что сегодня за ночь?

Перекрестившись, он коротко ответил:

— Walpurgisnacht³.

¹ Времена года (*фр.*).

² Да, господин (*нем.*).

³ Вальпургиева ночь (*нем.*) — ночь с 30 апреля на 1 мая (день памяти святой Вальпурги); у древних германцев праздник начала весны. По немецким народным поверьям, в эту ночь на горе Брокен в Гарце происходит «великий шабаш», когда ведьмы пытаются помешать благополучному течению весны и насылают порчу на людей и скот. Возможно, именно этим объясняется необычный для конца апреля снегопад, описанный Стокером.

Затем достал старинные, величиной с репу часы из немецкого серебра, нахмурившись, взглянул на них и раздраженно пожал плечами.

Я понял, таким образом он вежливо выразил протест против непредусмотренной задержки, и, махнув ему рукой, чтобы он ехал дальше, откинулся на спинку сиденья — в глубь экипажа. Кучер щелкнул бичом, словно желая наверстать упущенное время. Лошади время от времени вскидывали головы и настороженно принохивались. Тогда и я стал тревожно поглядывать по сторонам.

Дорога была довольно унылой — мы ехали по выветренному плоскогорью. Вскоре я заметил дорогу, по которой, судя по всему, мало кто ездил; она тянулась вдоль небольшой извилистой лощины и выглядела так заманчиво, что я, рискуя вызвать недовольство Иоганна, все-таки крикнул, чтобы он остановился. Когда кучер натянул поводья, я попросил его свернуть на эту дорогу. Иоганн стал отказываться под самыми разными предложениями, при этом он без конца крестился, чем лишь подогрел мое любопытство, и я засыпал его вопросами. Отвечал он сбивчиво и постоянно, в знак недовольства поглядывая на часы.

В конце концов я не выдержал:

— Вот что, Иоганн, я хочу ехать по этой дороге. Если вы не хотите, не надо, но объясните почему — вот все, о чем я прошу.

В ответ кучер, как мне показалось, просто упал с козел — столь мгновенно он оказался на земле — и, умоляюще простирая ко мне руки, стал заклинать меня не ехать туда. В его немецкой речи было достаточно английских слов, чтобы я улавливал ее смысл. Казалось, Иоганн уже готов был что-то рассказать, но, очевидно, сама мысль об этом «что-то» пугала его, и он, сдерживая себя, лишь повторял: «Walpurgisnacht!»

Я попробовал убедить его, но трудно убедить человека, если не знаешь его языка. Разумеется, он остался при своем мнении — правда, честно пытался говорить со мной по-английски, ужасно и бессвязно, но неизменно начинал так

волноваться, что переходил на родной язык, при этом то и дело поглядывая на часы.

Лошади вдруг встрепенулись и стали беспокойно принюхиваться. При виде этого Иоганн сильно побледнел и, со страхом озираясь по сторонам, схватил лошадей под уздцы и отвел футов на двадцать назад. Я пошел за ним и спросил, зачем он это сделал.

Вместо ответа, Иоганн перекрестился, указал на место, только что покинутое нами, и, направив экипаж к другой дороге, пробормотал, снова перекрестившись, сначала по-немецки, потом по-английски:

— Там похоронили его — ну того, что убивают себя.

Я вспомнил о старом обычае хоронить самоубийц на перекрестках дорог:

— А! Понимаю, самоубийца! Любопытно!

Но хоть убей, не мог понять, что встревожило лошадей.

Во время нашего разговора раздался странный звук — что-то среднее между визгом и лаем. И хотя он доносился изда-лека, наши лошади еще больше забеспокоились; Иоганну потребовались немало времени и сил, чтобы их успокоить.

— Похоже на волка, вот только откуда бы ему сейчас здесь взяться, — растерянно пробормотал по-прежнему бледный кучер.

— Как «откуда»? Неужели их нет в этих местах?

— Как не быть. Весной и летом, да и совсем недавно, зимой, пока лежал снег, с ними тут сладу не было.

Пока он похлопывал и гладил лошадей, темные тучи быстро затянули небо, скрыв солнце. Волна ледяного воздуха захлестнула нас. Это был всего лишь порыв холодного ветра, что-то вроде предупреждения, потому что вновь выглянуло яркое солнце. Иоганн прикрыл глаза рукой, как козырьком, и вгляделся в даль.

— Буря, — мрачно сказал он, — скоро начнется буря.

Потом снова посмотрел на часы и, крепко держа поводья — лошади по-прежнему встревоженно били землю копытами и трясли головами, — быстро взобрался на козлы, давая понять,

что пора ехать. Я из чувства противоречия не сразу сел в экипаж.

— Расскажите мне о месте, куда ведет та дорога, — попросил я и показал вниз.

Иоганн опять перекрестился, пробормотал молитву и лишь потом ответил:

— Оно нечисто.

— Что нечисто?

— Селение.

— Значит, там селение?

— Да нет же, там уж лет триста-четырееста никто не живет.

Мое любопытство возросло.

— Но вы сказали, там было селение.

— Было.

— А где же оно теперь?

И тогда он начал долгий рассказ то по-немецки, то по-английски, такой путаный, что мне трудно было понять, о чем речь. В общих чертах я понял, что давным-давно, несколько столетий назад, там во время очередных похорон из-под глинистой земли стали доноситься звуки, и когда могилы раскопали, то обнаружили в них пышущих здоровьем румяных мужчин и женщин с испачканными кровью губами.

— А потому, чтобы спасти свои жизни — и, уж конечно, души, — Иоганн перекрестился, — селяне наспех собрались и бежали в другие места, туда, где живые живы, а покойники мертвы, а не... а не что-то этакое.

Кучеру явно было страшно произнести последние слова. По мере рассказа волнение его возрастало, а разыгравшееся воображение окончательно вывело его из себя — с белым как мел лицом, весь в испарине, он озирался по сторонам, словно ожидая, что вот-вот здесь, на открытой местности, среди белого дня, при свете солнца появится что-то жуткое. Наконец, в порыве отчаяния он крикнул: «Walpurgisnacht!» — и кивнул на экипаж, предлагая мне вернуться на место.

Кровь англичанина взыграла во мне, и я отошел, сказав:

— Вы просто боитесь, Иоганн! Просто боитесь! Поезжайте домой, я вернусь один, мне полезно пройтись.

Дверца экипажа была открыта. Я взял с сиденья дубовую трость, с которой никогда не расставался на воскресных прогулках, и, закрыв дверцу, указал в сторону Мюнхена:

— Поезжайте-ка вы домой, Иоганн! Walpurgisnacht не имеет к англичанам никакого отношения.

Лошади разбушевались пуще прежнего, Иоганн пытался их удержать, одновременно возбужденно умоляя меня не вести себя так глупо. Мне было жаль беднягу, относившегося ко всем этим предрассудкам с такой убийственной серьезностью, вместе с тем я не мог сдержать смех.

Иоганн мало-помалу окончательно перешел на родной язык. От волнения он забыл, что я понимаю только по-английски, и бормотал что-то невнятное по-немецки. Это становилось утомительным.

— Возвращайтесь! — крикнул я кучеру и направился к спуску в лощину.

С жестом отчаяния Иоганн развернул экипаж в сторону Мюнхена. Опершись на трость, я смотрел ему вслед. Некоторое время он ехал медленно, потом на гребне холма появился мужчина — высокий и худой. Я отчетливо разглядел его, хотя был далеко. Когда он приблизился к лошадям, они шарахались от него в сторону, били копытами и становились на дыбы. Иоганн не мог удержать поводья, лошадей понесло — с диким ржаньем они, как одержимые, помчались по дороге. Когда они скрылись из виду, я взглянул в сторону незнакомца и обнаружил, что он исчез.

С облегчением я свернул на ведущую в глубь лощины дорогу, против которой был так настроен Иоганн. Для этого не было никаких оснований — по крайней мере, я их не видел. Думаю, часа два я шел, забыв о времени и расстоянии, и, конечно, не встретил никого, ни человека, ни жилья. Что касается местности, она была само запустение. Но я не очень замечал это, пока за поворотом не вышел к лысоватой опушке

леса; только тогда до меня дошло, что неосознанно, не отдавая себе в этом отчета, был поражен запустением местности, по которой проходил мой путь.

Я присел отдохнуть и начал осматриваться. И лишь тут почувствовал — стало гораздо холоднее; вокруг раздавались какие-то вздохи, а время от времени с неба доносилось что-то вроде приглушенного рычания. Взглянув вверх, я увидел, как огромные тяжелые тучи, бегущие с севера на юг, быстро затягивают небо. Очевидно, надвигалась буря. Мне стало жабко, и, объяснив это тем, что слишком долго сижу после быстрой ходьбы, я продолжил путь.

Местность, по которой я шел сейчас, была гораздо живописнее. Ничто не резало глаз, во всем было очарование красоты. Я почти совсем забыл о времени и, лишь заметив, что сумерки сгущаются, начал думать о возвращении. Продолжало холодать, еще четче определилось движение туч высоко в небе. Общей мрачности сопутствовал далекий пронзительный звук, время от времени сменявшийся загадочным воем, который кучер ранее приписал волку.

Помедлив немного в раздумье, я решил все же осмотреть покинутое селение, пошел дальше и вскоре вышел в просторную долину, окруженную со всех сторон холмами. На их отлогих, спускавшихся к равнине склонах и в ложбинах росли деревья, образуя многочисленные рощицы. Я стал разглядывать извилистую дорогу, она сворачивала к одной из рощиц и потом терялась из виду.

Пошел снег. Прикинув, сколько миль пройдено по этой мрачной местности, я поспешил укрыться в лесу. Небо темнело, все сильнее валил снег, вскоре вокруг меня возник сверкающий белый ковер, дальний край которого терялся в туманной мгле. Лес был дремучим — ни дорог, ни зарубок на деревьях, как обычно принято на лесосеках. Вскоре я понял, что, по-видимому, сбился с пути — мои ноги увязали в траве и мху. Ветер дул мне в спину, подгоняя меня; в конце концов мне пришлось бежать наперегонки с ним. Воздух стал просто ледяным, и, несмотря на бег, у меня зуб на зуб не попадал.

Снег валил все сильнее, залепляя мне глаза, разыгравшаяся вьюга затягивала меня в свою круговороть. Время от времени яркая молния раздирала небо, и я видел впереди озаренную вспышками лесную чащу, состоявшую в основном из засыпанных снегом тисов и кипарисов.

Вскоре я нашел укрытие под деревьями, там было относительно тихо, только где-то высоко ревел ветер. Ночная тьма из-за низко летящих туч казалась еще более непроглядной. Меж тем буря как будто стихала, о ней напоминали лишь редкие порывы ветра. В такие моменты странный волчий вой эхом отзывался многочисленными, сходными с ним звуками.

Порой сквозь черную пелену дрейфующих туч пробивался одинокий лунный луч, и я видел, что нахожусь в густых зарослях деревьев. Когда перестал идти снег, я выбрался из своего укрытия и стал внимательнее изучать округу. Меня вдруг осенило, что в покинутом селении, вполне вероятно, найдется дом, пусть даже разрушенный, в котором на некоторое время можно найти убежище. За пределами зарослей я обнаружил окаймлявшую их низкую стену, пошел вдоль нее и вскоре нашел проём. Кипарисовая аллея вела прямо к скоплению каких-то белесых строений. Я едва успел их рассмотреть, как туча закрыла луну, и дальше мне пришлось идти в темноте. Ветер, похоже, стал еще холоднее — во время ходьбы меня вдруг начало знобить, но я, не теряя надежду найти убежище, продолжал брести вслепую, на ощупь.

Внезапно наступила тишина — я замер: буря окончательно утихла, и из солидарности с полным безмолвием природы сердце мое, казалось, перестало биться. Но это длилось лишь миг, сквозь тучи внезапно проник лунный свет, и я увидел, что нахожусь на кладбище, а скопление белесых строений — надгробия, среди которых выделялся грандиозный мраморный склеп, белый, как снег вокруг него...

Появление лунного света сопровождал свирепый вздох бури, она вновь возобновилась, протяжно и негромко завывая, словно свора бездомных собак или стая волков. Я был напуган и потрясен, холод пронзил меня до костей, сердце как будто

стиснули ледяные пальцы. Поток лунного света еще освещал мраморную гробницу, а буря тем временем явно набирала силу. Словно влекомый колдовскими чарами, я приблизился к склепу, намереваясь рассмотреть его и понять, почему такое монументальное сооружение находится здесь, в таком месте, в полном уединении. Я обошел гробницу и прочитал над дверью в дорическом стиле надпись на немецком:

ГРАФИНЯ ДОЛИНГЕН-ГРАЦ,
ШТИРИЯ
ИСКАЛА И ОБРЕЛА СМЕРТЬ
1801.

На вершине склепа, явно сделанного из прочного, чистой породы мрамора — вся постройка состояла из нескольких огромных блоков — торчало длинное железное копьё или кол. Обойдя гробницу, я увидел на задней стене надпись, высеченную большими русскими буквами:

МЕРТВЫЕ СКАЧУТ БЫСТРО¹.

Все это было таким странным, непонятным и жутким, что мне стало нехорошо, к горлу подступила тошнота. Впервые я пожалел, что пренебрег советом Иоганна. И вдруг до меня дошло, я был просто потрясен: Вальпургиева ночь!

В эту ночь — в это верили миллионы людей — дьявол выходит в мир, открываются могилы, покойники покидают их и бродят по земле. Вся нечисть — на земле, в воздухе и на воде — собирается на шабаш. Вот и кучер особенно остерегался этого места. Ведь именно здесь находится селение, обезлюдевшее несколько веков назад, а на местном кладбище покоится самоубийца. И я оказался здесь один, абсолютно один, дрожащий от холода в снежном саване, и на меня вновь надвигается буря!

Мне пришлось собраться с духом, вспомнить о моих убеждениях, вере — обо всем, чему меня учили, потребовалось все

¹ Строка из баллады К. Бюргера «Ленора».

мое мужество, чтобы не поддаться паническому приступу страха.

И тут на меня обрушился настоящий шквал. Земля задрожала так, словно по ней неслись тысячи лошадей: на этот раз буря, неистовавшая так, будто ее пригнали плетьюми с Балеарских островов, на своих ледяных крыльях принесла не снег, а крупный град. Он срывал листья и ветви, под кипарисами укрыться было уже невозможно — их стволы напоминали стебли пшеницы. Я было кинулся к ближайшему дереву, но тут же понял, что единственное место, способное послужить убежищем, — глубокая ниша дорического входа в мраморную усыпальницу. Там, скорчившись у массивной бронзовой двери, я кое-как укрылся от града, теперь ледяные шарики попадали в меня лишь рикошетом, отскакивая от мрамора.

Когда я прижался к двери, она слегка приоткрылась. В сравнении с безжалостной бурей даже склеп казался уютным убежищем, и я уж было собрался войти в него, как вдруг зигзагообразная вспышка молнии осветила небо. Любопытный, как все смертные, я заглянул во мрак склепа и увидел прекрасную женщину с пухлыми щеками и алыми губами, казалось спавшую в гробу.

Грянул гром — и меня, будто подхваченного исполинской рукой, швырнуло из склепа в бурю. Это произошло так внезапно, что я даже не успел осознать пережитое потрясение — душевное и физическое, чувствовал только, как град стегает меня по лицу. Одновременно у меня возникло странное ощущение, будто я не один. Взглянул в сторону склепа. В этот момент вновь блеснула ослепительная молния, ударила в железный кол на склепе и сбегала вниз, подобно огненному сполоху, разрушая и обращая во прах мрамор.

Покойница, объятая пламенем, выгнулась в агонии, и ее мучительный вопль заглушили раскаты грома.

В моих ушах еще звучала кошмарная какофония, когда меня вновь подхватила исполинская рука и отшвырнула в сторону; град неистово сек мое лицо, а воздух, казалось, вибрировал от волчьего воя. Последнее, что я запомнил, —

это неясная, расплывчатая белая масса, как будто могилы вдруг разверзлись и призраки в белых саванах теперь надвигались на меня сквозь мрак и град...

Пришел я в себя от ощущения смертельной усталости. Некоторое время ничего не мог вспомнить, и только потом память стала постепенно восстанавливаться. Очень болели ноги, я не мог даже пошевелить ими — казалось, они онемели. Волна ледяного озноба прокатилась по спине, уши, как и ноги, онемели и сильно болели; в груди же было восхитительное ощущение тепла. Что же касается общего состояния, то это был кошмар — кошмар во плоти, если можно так выразиться, ибо из-за какого-то тяжелого груза, давившего на грудь, мне было трудно дышать. Эта полулетаргическая прострация сохранялась долго и лишь постепенно, должно быть, перешла в обычный сон или обморок. Меня стало подташнивать, как на первой стадии морской болезни, возникло безумное желание освободиться от чего-то — вот только я не знал от чего.

Потом на меня снизошел невероятный покой — казалось, весь мир уснул или умер, — нарушаемый лишь тяжелым дыханием какого-то зверя близ меня. Я чувствовал, как что-то теплое трется о мое горло, и тут только до меня дошел весь кошмар происходящего. Холод подступил к сердцу, кровь бросилась в голову: какой-то огромный зверь лежал на мне и лизал мое горло. Я боялся шевельнуться — инстинкт самосохранения повелевал мне лежать неподвижно; но зверь, наверное, почувствовал перемену в моем состоянии и поднял голову. Сквозь ресницы я увидел над собою два больших тлеющих огонька — глаза огромного волка. Острые белые клыки злое по блескивали в красном зеве, и я чувствовал на своем лице горячее дыхание — едкое и яростное...

Дальше не помню ничего. Придя в себя, я услышал негромкое рычание, затем подвигание. Тут, по-видимому издалека, до меня донеслись голоса — казалось, много людей кричали в унисон: «Олю, Олло». Я осторожно поднял голову и посмотрел туда, откуда доносились крики, но кладбище закры-

вало вид. Волк еще продолжал странновато подвывать, а его огненные глаза скользили по кипарисовой роще в поисках источника звуков. По мере приближения голосов волк стал подвывать чаще и громче. Я боялся пошевелиться или издать хотя бы стон. Красное зарево над белым покрывалом росло и ширилось, растворяясь в окружавшей меня тьме.

Потом из-за деревьев неожиданно показался ехавший рысью отряд всадников с факелами в руках. Волк соскочил с моей груди и бросился к кладбищу. Я увидел, как один из всадников — судя по фуражкам и длинным форменным плащам, это были солдаты — вскинул карабин и прицелился. Его товарищ тоже прицелился, и над моей головой просвистела пуля. Очевидно, он принял меня за волка. А другой, высмотрев убегающего зверя, выстрелил ему вслед. Отряд разделился и перешел на галоп: одна группа скакала ко мне, другая — за волком, скрывшимся в заснеженных кипарисовых зарослях.

Когда всадники приблизились, я попытался пошевелиться, но не смог, хотя видел и слышал все, что происходило вокруг. Двое или трое солдат, спешившись, склонились надо мной. Один приподнял мне голову и положил руку на сердце:

— Слава богу! — воскликнул он. — Сердце бьется!

После того как мне влили в рот коньяку, я почувствовал себя лучше, смог открыть глаза и осмотреться. Среди деревьев мелькали огни и тени, я слышал, как перекликались люди. Они сгруппировались, в их возгласах ощущался страх; потом, освещая себе путь факелами, из кладбищенского лабиринта вышла еще одна группа солдат, выглядевших как помешанные. Когда подошли последние из них, те, кто был со мной, стали с нетерпением спрашивать:

— Ну что, нашли?

— Какое там! — последовал торопливый ответ. — Скорей, скорей уходим отсюда! Здесь нельзя оставаться, особенно этой ночью!

— Что же это было? — повторялся в разных вариациях один и тот же вопрос.

Ответов было много, но все крайне неопределенные: казалось, ужас сковывал уста моих спасителей.

— Эт-то б-было и правда оно... — пробормотал один из солдат, явно не в себе.

— Волк, и в то же время — не волк! — вставил другой, содрогнувшись.

— Тут нужна освященная пуля, — заметил третий уже спокойнее.

— И все-таки ночь прошла не без пользы, не зря мы сюда прискакали. Честно заработали тысячу марок! — воскликнул четвертый.

— На осколках мрамора — кровь, — помолчав, сказал пятый. — От молнии такое не бывает. А что с ним? Он в порядке? Взгляните на горло! Смотрите, ребята, волк лежал на нем и согревал его.

Офицер осмотрел мою шею.

— Он в порядке, укусов нет. Что вообще все это значит? Если бы не волчий вой, мы бы никогда его не нашли.

— А что с волком-то? — спросил поддерживавший мне голову солдат, пожалуй, единственный, кто не поддался панике: руки его совсем не дрожали. На рукаве у него была нашивка флотского старшины.

— Как сквозь землю провалился, — бросил солдат с худым, мертвенно-бледным лицом; озираясь по сторонам, он буквально трясся от страха. — Здесь достаточно могил, в которых чудовище может залечь. Поехали, ребята, поехали поскорей!.. Надо уходить из этого проклятого места.

По приказу офицера меня привели в сидячее положение и усадили на лошадь. Офицер вскочил в седло позади и, обхватив меня руками, приказал трогаться; выстроившись по-военному строем, мы поспешно выехали...

Язык все еще отказывался повиноваться, и я был вынужден молчать; должно быть, вскоре я заснул, ибо, когда пришел в себя, стоял, поддерживаемый с двух сторон солдатами. Уже почти совсем рассвело, а на севере красная полоска света отражалась на снегу кровавой дорожкой. Офицер приказал

своим людям держать язык за зубами, говорить лишь, что нашли заблудившегося англичанина, которого охранял большой пес.

— Пес! Какой же это пес! — возразил солдат с мертвенно-бледным лицом. — Уж я как-нибудь могу отличить волка от собаки.

— Я сказал: пес, — твердо и невозмутимо повторил молодой офицер.

— Ну конечно пес, кто же еще! — иронично скривил рот мертвенно-бледный солдат, который с восходом солнца стал, очевидно, смелее, и, тыча в меня пальцем, воскликнул: — Посмотрите-ка на его горло. Это что, песик поработал, господин офицер?

Я инстинктивно схватился за горло и тут же вскрикнул от боли.

Солдаты обступили меня, те же, что были в седле, наклонились, пытаясь разглядеть мою шею, но тут снова раздался спокойный голос молодого офицера:

— Я сказал «пес», и баста, если не хотите стать посмешищем.

Потом меня усадили в седло к одному из всадников, и вскоре мы въехали в предместье Мюнхена. Здесь мы натолкнулись на брошенную повозку, меня пересаживали в нее и повезли в гостиницу «Quatre Saisons» — молодой офицер сопровождал меня, один из солдат ехал рядом, держа его лошадь под уздцы, остальные отправились в казармы.

Когда мы прибыли, герр Дельбрук так быстро сбежал по лестнице мне навстречу, что я понял: он уже давно ждал нас, глядя в окно. Заботливо поддерживая меня, он помог мне войти в дом. Офицер отдал честь и собрался уйти, но я настоял на том, чтобы он зашел ко мне в номер. За бокалом вина я поблагодарил его и его храбрых товарищей за спасение. Он скромно ответил, что очень рад, но первые шаги по организации поисковой экспедиции предпринял герр Дельбрук. Тот улыбнулся при виде этой неловкой попытки приукрасить его роль в приключившейся со мной истории.

— Герр Дельбрук, — окончательно сбитый с толку, спросил я, — почему именно солдаты были отправлены на мои поиски?

Управляющий пожал плечами, явно не желая присваивать себе чужие лавры:

— Просто мне удалось получить разрешение командира полка, в котором когда-то служил, набрать добровольцев.

— Но как вы узнали, что я пропал?

— Кучер вернулся на разбитом экипаже и сказал, что лошади понесли.

— Вы что же, хотите меня уверить, что послали на мои поиски отряд солдат лишь из-за этого?

— Конечно нет! Но еще до возвращения кучера я получил телеграмму от боярина, пригласившего вас погостить, — и герр Дельбрук, достав из кармана телеграмму, вручил мне.

Я прочел:

«Бистрица. Позаботьтесь о моем госте: его безопасность крайне важна для меня. Если с ним что-нибудь случится или он исчезнет, не жалейте средств, чтобы найти его и обеспечить его безопасность. Он — англичанин и потому склонен к приключениям. Опасность представляют снег, волки и ночь. Не теряйте ни секунды, если у вас возникнут подозрения, что ему грозит беда. Ваше усердие будет щедро вознаграждено. Дракула».

Я так и застыл с телеграммой в руке; комната вдруг поплыла перед глазами, и, если бы внимательный управляющий не подхватил меня, думаю, я бы упал. Во всем этом таилось нечто странное, нечто столь загадочное и невообразимое, что я вдруг ощутил себя безвольной игрушкой неких враждебных сил — уже одна только смутная мысль об этом парализовала меня. Итак, у меня был таинственный защитник. Из неведомой мне страны в самый критический момент пришло послание, которое уберегло меня и от смерти в сугробе, и от волчьих зубов...

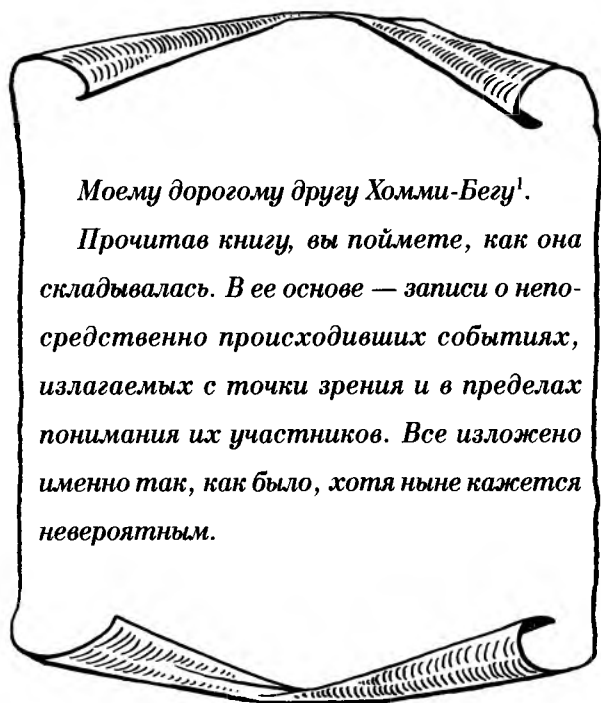
БРЭМ СТОКЕР
ДРАКУЛА

РОМАН

Перевод с английского Т. Красавченко

Перевод романа осуществлен по изданию:
Stoker B. *The annotated Dracula*. Introduction,
Notes, and Bibliography by L. Wolf. N. Y.:
Clarkson N. Potter, Inc. 1975.

Моему дорогому другу Хомми-Бегу¹.

Прочитав книгу, вы поймете, как она складывалась. В ее основе — записи о непосредственно происходивших событиях, излагаемых с точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

¹ Хомми-Бег, т. е. Маленький Томми, — дружеское прозвище на мэнском диалекте английского романиста Холла Кейна (1853—1931), близкого друга Б. Стокера. — Здесь и далее примечания переводчика.

ГЛАВА I

Дневник Джонатана Гаркера (сохранившийся в стенографической записи)

3 мая. Бистрица

Выехал из Мюнхена в 8.35 вечера, ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6.46 пришел на час позже. Поэтому в Будапеште время стоянки сильно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна же вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Здесь и далее данная маргиналия указывает на наличие в конце книги соответствующего комментария.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург, где я остановился в гостинице «Ройал»¹. На обед, или, вернее, на ужин, подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо, «паприка хендл», и в Карпатах его подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британского музея — полистал книги по Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области

¹ «Королевская».

будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надлежало вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей — Трансильвании, Молдавии и Буковины, в глубине Карпат — в одном из самых труднодоступных и малоизвестных мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, — до сих пор нет подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего Британского Государственного картографического управления. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, — место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить — потом, когда буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге — саксонцы попеременно с потомками даков — валахами; на западе — мадьяры, на востоке и севере — секлеры¹. Я нахожусь среди секлеров, считающих себя потомками Аттилы и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами. Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность — эпицентр некоего водоворота фантазии. Если это действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

Я спал плохо и, хотя постель была довольно удобной, сны мне снились какие-то странные. Может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи: выпил целый графин воды и все равно хотел пить. Под утро я заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь — наверно, долго не могли добудиться. На завтрак вновь заказал паприку, мамалыгу — что-то вроде каши из кукурузной муки, и баклажаны, начиненные мясным фаршем, — замечательное блюдо, называется «имплетата».

¹ Этнографическая группа венгров в Восточной Трансильвании.

(Надо взять и его рецепт.) С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми, вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем менее точны поезда. Интересно, а как в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона прекрасными пейзажами. Мимо проносились городки и похожие на гравюры в старинных молитвенниках замки; судя по широким каменным берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки — только мощные потоки воды могут так очертить берега. На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах, другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов, на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех — нижние юбки. Но самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубахах и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожаных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, они совершенно безобидны, и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городе было много

пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века городок выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек — убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась достаточно старой, что не могло не порадовать меня, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже не молодая женщина в традиционном крестьянском платье — белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

— Господин англичанин?

— Да, — ответил я, — Джонатан Гаркер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому человеку в белом жилете, который тут же вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо...

«Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду Вас. Сегодня хорошо выспитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину; в нем Вам заказано место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит Вас ко мне. Надеюсь, Ваша поездка протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае окажется для Вас приятным.

Ваш Дракула».

4 мая. Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство — до этого он прекрасно понимал, по крайней мере отвечал на все мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил,

что с письмом получил деньги, и это все, что ему известно. На вопрос, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, он и его жена лишь перекрестились и от дальнейшего разговора постарались уклониться. Приближался час моего отъезда, и я уже не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и тревожило меня.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла жена хозяина и с волнением спросила:

— Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно — у меня важное дело, она спросила:

— Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

— Четвертое мая.

Она покачала головой:

— Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что это за день? — и, заметив мое недоумение, пояснила: — Канун святого Георгия. Неужели вам не известно, что сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда вы едете и что вас ждет?

Видно было, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Все это выглядело довольно нелепо, и тем не менее мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, чтобы помочь подняться, и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что должен ехать — это мой долг. Она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежал к англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям

веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать отказом пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав: «Носите его ради вашей матери», вышла из комнаты.

Веду дневник в ожидании дилижанса, который, конечно же, опаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передался страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной — не знаю, но на душе у меня беспокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс.

5 мая. Замок. Пасмурное утро сменилось ярким солнцем высоко над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов — издали не различишь. Спать не хочется, и, поскольку будить меня не станут, намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и, чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и мяса с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и все.

Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы — наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей — до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня порадовали: среди них были

ordog — «дьявол», *pokol* — «ад», *stregoica* — «ведьма», *vrolok* и *ulkoslak*, означающие что-то вроде оборотня или вампира. (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях.)

Дилижанс тронулся, все столпившиеся у входа в гостиницу — а к этому моменту народу собралось довольно много — перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. С трудом я добился от одного из попутчиков, что это значит; сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я — англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность, искреннее сочувствие этих людей меня тронули. Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестится, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на козлах, щелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками, и те дружно взяли с места.

Вскоре, любуясь красотами природы, я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык или, вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев — яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Дорога, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам холмов, как языки пламени, пролежала меж зеленых холмов *Mittelland*¹, как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной быстротой. Тогда я не понимал причины этой

¹ Здесь: средняя земля (нем.).

гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы, так как мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господа¹ предпочитали не чинить дороги, опасаясь, как бы турки не заподозрили их в намерении облегчить доступ войскам своих союзников — это могло привести к развязыванию войны, на грани которой они постоянно находились.

За зелеными крутыми холмами *Mittelland* величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Они вздымались по обе стороны дороги, и заходящее солнце ярко освещало все великолепие красок этой прекрасной горной цепи: синие и пурпурные вершины, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдаль, где царственно высились снежные вершины. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах заходящего солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма и после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:

— Посмотрите! *Isten szek!* Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали ступать сумерки. Они особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали местных жителей — чехов и словаков — в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зобом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порой перед распя-

¹ Правители Валахии и Молдавии с XV в. до 1866 г.

тиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, — казалось, они не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в новинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез, их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. Нам встречались *Leiterwagen*¹ — примитивные, рассчитанные на ухабы крестьянские арбы. На них размещалось довольно много крестьян: чехов — в белых и словаков — в крашенных тулупах; словаки держали, как копыя, свои топоры с длиннющими топорщиками.

Темнело, становилось холодно, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев — дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролежавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, темные ели четко вырисовывались на фоне залежавшегося снега. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и в темноте казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольно вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над долинами.

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести, но кучер об этом и слышать не хотел.

— Нет, нет, — возразил он, — вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. — И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: — Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды — чтобы зажечь фонари.

¹ Телега с решетчатыми, напоминающими лестницу бортами; арба; фура (нем.). — Примеч. ред.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом в темноте я увидел впереди полосу серого света — будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров возрастало; шаткая коляска подпрыгивала на высоких рессорах и раскачивалась во все стороны, как лодка в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и, казалось, излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Несколько пассажиров предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно; подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопровождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал в гостинице в Бистрице, — дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. Мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозовую атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но вокруг было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону, в их неверных лучах белым облаком подымался пар от загнанных лошадей. Перед нами светлела песчаная дорога — и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг

кучер, посмотрев на часы и обращаясь к другим пассажирам, тихо проговорил что-то; я не расслышал, что именно; кажется, это было: «На час раньше времени». Потом повернулся ко мне и сказал на плохом немецком:

— Нет никакой кареты. Похоже, господина не встречают. Ему лучше поехать с нами на Буковину, а вернуться завтра или послезавтра; лучше послезавтра.

Пока кучер говорил, лошади начали ржать, фыркать, вставать на дыбы — он изо всех сил удерживал их. Вдруг под крики то и дело крестившихся пассажиров нас догнала коляска, запряженная четверкой лошадей и, поравнявшись с нами, остановилась вплотную к дилижансу. Свет наших фонарей упал на коляску, и я увидел великолепных, породистых вороных. На козлах сидел высокий человек с длинной бородой, в широкой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Он повернулся к нам — я заметил лишь блеск его глаз, показавшихся мне красными в свете фонарей, — и сказал кучеру:

— Что-то ты сегодня рано, мой друг.

Кучер, запинаясь, ответил:

— Господин англичанин очень торопил.

На что незнакомец возразил:

— Поэтому ты, наверное, и советовал ему ехать на Буковину. Меня не обманешь, друг мой, слишком многое ведомо мне, да и лошади у меня быстрые.

Говоря это, он улыбался, и фонари освещали его жестко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновая кость. Один из моих попутчиков прошептал соседу строку из «Леноры» Бюргера:

— Еще бы, «мертвые скажут быстро»!

Странный возница явно расслышал эти слова и взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осенил себя крестным знамением и оттопырил два пальца.

— Подай мне багаж господина, — бросил возница кучеру, и мои вещи с чрезмерным рвением были перенесены из дилижанса в коляску.

Она стояла бок о бок с дилижансом, и возница помог мне перебраться в нее, подхватив меня под руку стальной хваткой; должно быть, он обладал необычайной силой. Не говоря ни слова, он тряхнул поводьями, лошади повернули, и мы помчались в темноту ущелья. Оглянувшись, я увидел поднимавшийся над лошадьми пар и на этом фоне моих недавних попутчиков — они крестились. Потом наш кучер щелкнул кнутом, прикрикнул на лошадей, и они стремглав понеслись по дороге на Буковину.

Когда дилижанс канул в темноте, я ощутил легкий озноб и приступ одиночества; но на мои плечи тут же был накинут плащ, на колени — плед, а возница обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

— Ночь холодна, сударь, а мой хозяин, граф, просил как можно лучше позаботиться о вас. Под сиденьем — фляжка со сливовицей, нашей национальной водкой, на случай если вы захотите согреться.

Я не стал пить ее, но было приятно сознавать, что живительная влага под рукой. Мне было не по себе — думаю, будь у меня хоть какой-то выбор, я бы теперь, конечно, воспользовался им и отказался от этого чреватого неизвестностью ночного путешествия.

Коляска неумолимо неслась вперед, потом мы круто развернулись и вновь помчались, никуда не сворачивая, по прямой дороге. Казалось, мы попросту кружим на месте; приметив один ориентир, я убедился, что прав. Хотел было спросить кучера, что это значит, но побоялся: в моем положении любой протест оказался бы бесполезен, если все это делалось умышленно. Вскоре я решил узнать, который час, зажег спичку и взглянул на часы — до полуночи оставалось несколько минут. Это весьма неприятно подействовало на меня; свойственный людям суеверный страх перед полночью лишь усилился после недавних впечатлений. Меня охватило неприятное предчувствие.

Где-то вдали, на ферме, завывла собака — долгий протяжный вой, будто от страха. Ее поддержала другая, затем еще одна

и еще, пока их завывания, подхваченные поднявшимся в ущелье ветром, не слились в один дикий вой — казалось, выла вся огромная округа, насколько можно было представить ее себе во мраке ночи. Лошади, едва раздался вой, натянули поводья и встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними, и они успокоились, хотя покрылись испариной и продолжали дрожать. Потом далеко в горах по обе стороны от нас раздался еще более громкий и пронзительный вой — волчий, он подействовал и на лошадей, и на меня: я готов был выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, а лошади взвились на дыбы и, как обезумевшие, рванулись вперед — вознице пришлось пустить в ход всю свою недюжинную силу, чтобы сдержать их.

Однако через несколько минут вой уже не казался таким пугающим, да и лошади настолько успокоились, что возница смог сойти с коляски и встать перед ними. Он оглаживал их, успокаивал, шептал им что-то на ухо, как, я слышал, обычно поступают объездчики лошадей; эффект был поразительный — обласканные им лошади присмирели, хотя и продолжали дрожать. Возница вернулся на козлы, тронул поводья, и мы помчались вперед. На этот раз, заехав глубоко в ущелье, он вдруг свернул на узкую дорогу, которая вела резко вправо.

Вскоре мы въехали в чащу деревьев, которые нависали над дорогой, образуя арки, — мы оказались в своеобразном туннеле; а затем с двух сторон нас обступили хмурые утесы. Хотя мы были как в укрытии, до нас доносился шум разгуливающего ветра, со стоном и свистом проносившегося по утесам, ломавшего ветви деревьев. Становилось все холоднее; наконец пошел мелкий, словно крупа, снег, покрывший нас и все вокруг белым одеялом. Сильный ветер доносил до нас вой собак, по мере нашего удаления становившийся все слабее. Зато волки были все ближе; казалось, они нас окружали. Мне стало страшно, и лошади разделяли мой испуг. Возница же не выказывал никакой тревоги — знай себе поглядывал по сторонам, а я ничего не различал в темноте.

Вдруг слева мне привиделся слабый мерцающий голубой огонек. В тот же миг заметил его и возница; он сразу остановил лошадей и, спрыгнув на землю, исчез в темноте. Я не знал, что делать, тем более что вой волков приблизился; но, пока я недоумевал, мой провожатый вернулся и, не говоря ни слова, сел на свое место, и мы поехали дальше.

Я, должно быть, задремал, и мне все время снился этот эпизод: он повторялся много раз. И теперь, когда я вспоминаю нашу поездку, она мне кажется чудовищным кошмаром. Как-то раз голубой огонь возник так близко к дороге, что я смог в кромешной тьме, окутывавшей нас, разглядеть, что делал возница. Он быстро подошел к месту, где появился голубой огонь, видимо, очень слабый, потому что почти не освещал ничего вокруг, и, собрав несколько камней, что-то соорудил из них. Другой раз наблюдался странный оптический эффект: возница, оказавшись между мной и огнем, не загородил его собой, я все так же, как бы сквозь него, видел призрачный голубой свет. Удивлению моему не было предела, но длилось это мгновение, и я решил, что тут какой-то обман зрения, вызванный напряженным всматриванием в темноту. Потом голубые огни на время исчезли, мы быстро ехали сквозь тьму под аккомпанемент воя волков, которые, казалось, преследовали нас.

Однажды кучер довольно далеко отошел от коляски, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и тревожно ржать. Я не мог понять причины — волчий вой совсем прекратился; вдруг при свете луны, которая появилась из-за темных облаков над зубчатым гребнем поросшего соснами холма, я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми клыками, свисающими красными языками, длинными мускулистыми лапами и грубой шерстью. В своем зловещем молчании они были во сто крат страшнее, нежели когда выли. Страх парализовал меня. Лишь сам испытал такой ужас, человек способен понять, что это такое.

Вдруг волки опять завывали — будто лунный свет как-то особенно действовал на них. Лошади брыкались, вставали на

дыбы, беспомощно косились по сторонам выкатившимися из орбит глазами — на них было больно смотреть; живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон, и вырваться они не могли. Я стал звать возницу, понимая, что единственный шанс спастись — с его помощью прорваться сквозь кольцо. Я кричал, стучал по коляске, надеясь шумом напугать волков и помочь моему провожатому пробраться к нам. Откуда он появился — не знаю: я услышал его голос, прозвучавший повелительно, потом увидел на дороге и его самого. Он простер руки вперед, как бы отстраняя невидимое препятствие, и волки начали медленно отступать. Но тут большое облако заволокло луну, и мы опять оказались в темноте.

Когда луна выглянула, я увидел возницу, взбравшегося на сиденье; волков и след простыл. Все было так странно и жутко, что меня охватил безумный страх, я боялся говорить или двигаться. Мы мчались по дороге, теперь уже в кромешной тьме — клубящиеся облака совсем закрыли луну; казалось, конца этому не будет. Потом мы стали подниматься в гору, лишь изредка попадались спуски, но в основном дорога шла вверх. Вдруг я понял, что возница останавливает лошадей во дворе громадного полуразрушенного замка, его высокие окна были темны, а разбитые зубчатые стены неровной линией вырисовывались на фоне залитого лунным светом неба.

ГЛАВА II

Дневник Джонатана Гаркера (продолжение)

5 мая

Я должно быть, задремал, иначе наверняка не пропустил бы момент приближения к столь примечательному месту. Ночью двор выглядел обширным, несколько темных дорожек вели к просторным круглым аркам, возможно, поэтому он показался мне больше, чем на самом деле. Пока не знаю, как он выглядит при дневном свете.

Коляска остановилась, возница спрыгнул на землю и помог мне сойти. Я снова обратил внимание на его необычайную силу: не рука — настоящие стальные тиски; при желании он мог запросто раздавить мою. Вещи он поставил подле меня. Я стоял у громадной старой двери, обитой железными гвоздями и встроенной в дверной проем, сделанный в добротной каменной кладке. Даже при тусклом освещении был виден резной орнамент вокруг двери, полустершийся от времени и непогоды. Меж тем возница взобрался на козлы, дернул поводья, лошади тронулись, и экипаж скрылся под одним из темных сводов.

Я не знал, что делать. На двери не было никаких признаков звонка или дверного молотка; едва ли мой голос смог бы проникнуть сквозь эти угрюмые стены и темные оконные проемы. Мне казалось, я провел там целую вечность, сомнения и страхи одолевали меня. Куда я попал? К каким людям? В какую странную историю впутался? Что это? Обычное приключение в жизни помощника стряпчего, отправленного к

иностранцу для разъяснения правил приобретения дома в Лондоне? Помощник стряпчего! Мне это не понравилось бы. Впрочем, ведь уже и не помощник: перед самым отъездом из Лондона я узнал, что успешно выдержал экзамены и стал полноценным стряпчим!

Я потерял глаза, ущипнул себя и убедился, что не сплю. Все пережитое показалось мне чудовищным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома на рассвете усталым, разбитым, как бывало после дня напряженной работы. Но я щипал себя наяву, и глаза мои меня не обманывали: я находился все-таки в Карпатах. Оставалось лишь запастись терпением и ждать наступления утра.

Только я пришел к этому выводу, как услышал тяжелые шаги за дверью и увидел сквозь щели мерцание света. Затем раздался звук гремящих цепей, заскрежетали массивные засовы, с резким скрипом повернулся в замочной скважине ключ — им явно давно не пользовались, — и громадная дверь медленно отворилась...

На пороге стоял высокий бледный старик с длинными седыми усами, с головы до ног в черном. В руке он держал старинную серебряную лампу, пламя в ней не было прикрыто стеклом или абажуром и отбрасывало длинные дрожащие тени, колеблясь от сквозняка. Изысканным жестом руки старик пригласил меня войти и сказал на прекрасном английском языке со странной интонацией:

— Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, по своей воле!

Он не вышел мне навстречу, а замер, как статуя, будто жест приветствия парализовал его. Но едва я переступил порог, как он тотчас бросился ко мне и сжал мою руку с такой силой, что я содрогнулся; рука его была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека.

Старик повторил:

— Добро пожаловать в мой дом! Входите смело и поделитесь с нами хоть малой толикой своего счастья!

Его рука была столь же сильной, как и у возницы, лица которого мне так и не удалось разглядеть, и потому меня вновь охватили сомнения: не с тем же ли самым человеком разговариваю. Чтобы рассеять подозрения, я спросил:

— Граф Дракула?

Он учтиво поклонился:

— Я — Дракула. Приветствую вас, мистер Гаркер, в моем доме. Заходите — ночь холодная, вам нужно поесть и отдохнуть.

С этими словами старик повесил лампу на крючок в стене, шагнул за порог, взял мой багаж и внес его в дом, прежде чем я успел воспрепятствовать ему. Я все же попытался протестовать, но он твердо сказал:

— Нет, сударь, вы — мой гость. Уже поздно, слуги спят. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Старик понес мои вещи по коридору, а затем наверх по большой винтовой лестнице и вновь по длинному коридору, на каменном полу которого гулко отдавались наши шаги. В конце коридора он распахнул тяжелую дверь, и я обрадовался, увидев ярко освещенную комнату, в которой стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине ярко горели и потрескивали поленья.

Граф поставил мои вещи, закрыл за нами дверь и, пройдя через комнату, открыл другую дверь — в маленькое восьмиугольное помещение, освещенное единственной лампой и, по видимому, лишенное окон. Миновав его, он открыл третью дверь и пригласил меня войти в следующую комнату. Она мне очень понравилась. Это была просторная спальня, прекрасно освещенная и отапливаемая камином, в котором пылал огонь, разведенный, судя по всему, недавно; из дымохода доносился монотонный гул.

Граф внес мой багаж и вышел; закрывая дверь, он сказал:

— После дороги вы, конечно, захотите освежиться, переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое; когда будете готовы, приходите в соседнюю комнату ужинать.

Свет, тепло и любезность графа рассеяли мои сомнения и страхи. Обретя душевное равновесие, я вдруг понял, что очень голоден, и, быстро переодевшись, поспешил в соседнюю комнату.

Ужин был уже на столе. Хозяин стоял у края камина, облокотившись на его каменный выступ; жестом пригласив меня к столу, он сказал:

— Прошу вас, садитесь, поужинайте в свое удовольствие. Надеюсь, вы извините меня — я не составлю вам компанию: я обедал и обычно не ужинаю.

Я вручил ему письмо, которое дал мне мистер Хокинс. Граф вскрыл его, внимательно прочитал и с любезной улыбкой передал мне. Одно место в нем было мне особенно приятно: «Очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно страдаю, исключает для меня возможность любых путешествий в ближайшем будущем. Но я рад, что могу послать достойного заместителя, которому совершенно доверяю. Это энергичный, способный и надежный молодой человек. Несмотря на молодость, он осмотрителен и сдержан, работает у меня давно и хорошо знает дело. Во время своего пребывания у вас он будет всемерно помогать вам в ведении ваших дел и выполнит все ваши поручения».

Граф подошел к столу, снял крышку с блюда, и я немедленно принялся за прекрасно зажаренного цыпленка. К нему добавились сыр, салат и бутылка старого токайского вина — я выпил пару бокалов; таков был мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о путешествии, и постепенно я рассказал ему все, что пережил. Закончив ужин, я по приглашению графа придвинул свой стул к огню и закурил предложенную сигару, сам же хозяин дома извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его. Внешность графа, несомненно, заслуживала внимания.

Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редеющие на висках, нависшие, кустистые

стые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое, в столь странном впечатлении были повинны и зубы — очень острые, белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста. Я заметил, что у графа характерные, заостренные сверху уши, широкий и энергичный подбородок, щеки впалые, но не дряблые. Основное впечатление — поразительная бледность лица.

Издали при свете огня его руки, лежавшие на коленях, выглядели белыми и изящными, а вблизи оказались грубыми — широкими, с короткими толстыми пальцами. Странно, на его ладонях росли волосы! Ногти — тонкие, длинные, заостренные. Когда граф наклонился и дотронулся до меня рукой, я невольно содрогнулся, почувствовав — не знаю отчего — сильное отвращение, и, как ни старался, не мог его скрыть. Граф, очевидно заметив это, отодвинулся и с угрюмой улыбкой, еще более обнажившей зубы, сел на прежнее место у камина.

Некоторое время мы оба молчали. Я посмотрел в окно и увидел первый, еще смутный проблеск наступающего рассвета. Повсюду царила необычайная тишина, но, прислушавшись, я различил где-то, кажется, внизу в долине, вой волков. Глаза графа блеснули, и он сказал:

— Послушайте их, детей ночи. Какая музыка! — Заметив, наверное, недоумение на моем лице, он добавил: — Ах, сударь, вам, горожанам, не понять чувств охотника, живущего в глуши. — Потом встал. — Вы, должно быть, устали. Ваша спальня готова, и завтра можете спать сколько хотите. Меня не будет до полудня. Спокойной ночи, приятных снов!

С учтивым поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я пошел спать...

Что за странное состояние: меня одолевают сомнения, страхи, подозрения, в которых я не решаюсь сам себе признаться. Господи, храни меня, хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая. Опять раннее утро, целые сутки я провел в полном комфорте. Спал почти до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, там меня ждал холодный завтрак и горячий кофе; кофейник стоял на камине. На столе лежала записка: «Я должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня. Д.».

Я приступил к завтраку и поел от души. Потом хотел позвонить прислуге — дать знать, что можно убрать, но звонка нигде не было — довольно странный недостаток для дома с таким роскошным убранством. Столовый сервиз — из золота и такой прекрасной работы, что ему, наверное, цены нет. Шторы, обивка стульев, кушеток и драпировка в моей спальне — из роскошных, изысканных тканей, должно быть, баснословно дорогих уже и в те времена, когда их покупали; несмотря на свою древность, они хорошо сохранились. Подобные ткани я видел в Хэмптон-Корте, но там они были потертые, обтрепанные, изъеденные молью. Удивительно, ни в одной комнате нет зеркала. Даже на моем туалетном столике. Чтобы побриться и причесаться, пришлось воспользоваться зеркальцем из моего несесера. Слуг не видно и не слышно; не слышно вообще никаких звуков, кроме воя волков.

После завтрака или, скорее, обеда (не знаю, как назвать, поскольку было это между пятью и шестью часами вечера) я решил что-нибудь почитать — без графа не хотел осматривать замок. Но в столовой не оказалось ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. Я открыл другую дверь и обнаружил библиотеку. Толкнулся еще в одну дверь, но она была заперта.

В библиотеке, к своей великой радости, я нашел много английских книг — целые полки были уставлены ими и годовыми комплектами журналов и газет. Стол посреди комнаты тоже завален старыми английскими журналами и газетами. Книги же — самые разные: по истории, географии, политике, политэкономии, ботанике, геологии, юриспруденции — все об Англии, ее жизни, обычаях и нравах. Там были даже

справочники — Лондонская адресная книга, «Красная» и «Синяя» книги, альманах Уитакера, Армейский и Флотский реестры, но особенно порадовал мою душу «Свод законов».

Я просматривал книги, когда дверь вдруг отворилась и вошел граф. Он сердечно приветствовал меня, выразил надежду, что я хорошо спал этой ночью, а потом сказал:

— Рад, что вы пришли сюда, тут много интересного для вас. Эти книги, — он положил руку на стопку книг, — мои верные друзья уже несколько лет, с тех пор как у меня возникло намерение поехать в Лондон, они доставили мне много приятных часов. Благодаря им я узнал вашу великую Англию, а узнать ее — значит полюбить. Я так хочу пройтись по оживленным улицам громадного Лондона, попасть в самый центр людского водоворота и суеты, окунуться в городскую жизнь с ее радостями, несчастьями, смертями — словом, во все, что делает этот город тем, что он есть. Но увы! Пока я изучал ваш язык только по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь хорошо говорить по-английски.

— Помилуйте, граф, вы в совершенстве владеете английским!

Он степенно поклонился:

— Благодарю вас, мой друг, за ваше лестное мнение обо мне, но боюсь, что я всего лишь в начале пути. Конечно, я знаю грамматику и слова, но еще не умею толком пользоваться ими.

— Поверьте мне, — заверил я, — вы прекрасно говорите.

— Это не так, — настаивал он. — Уверен, если бы я переехал в Лондон, при разговоре во мне бы узнавали иностранца, а мне бы этого не хотелось. Здесь я знатен, я — граф, народ меня знает, я — господин. А пришелец в чужой земле¹ — никто; люди его не знают и, следовательно, равнодушны к нему. Я бы хотел не отличаться от других, чтобы на меня не обращали особого внимания, а услышав, не говорили бы: «Ха! Да это же иностранец!» Я привык быть господином и

¹ Ср.: Исх. 2: 22.

хотел бы им остаться, или по крайней мере надо мной уже не может быть никакого господина. Вы для меня — не просто доверенное лицо моего друга Питера Хокинса из Эксетера, и приехали вы не только для того, чтобы разъяснить мне все о моем новом владении в Лондоне. Надеюсь, вы побудете со мной здесь некоторое время — в беседах с вами я усовершенствуюсь в английском. Прошу вас, исправляйте малейшие ошибки в моем произношении. Жаль, что мне пришлось так надолго отлучиться сегодня, но вы, полагаю, простите столь занятого человека, как я.

Конечно, я заверил его, что готов во всем помочь ему, и попросил разрешения пользоваться библиотекой.

— Разумеется, — ответил он и добавил: — Вы можете свободно ходить по замку, кроме тех комнат, которые заперты, да у вас, наверное, и не возникнет желания заходить туда. Так уж здесь повелось — на то свои резоны, и если бы вы могли увидеть мир моими глазами и обрести мои познания, вы бы поняли все гораздо лучше.

Я заметил, что не сомневаюсь в этом, а он продолжал:

— Мы в Трансильвании, а Трансильвания — это не Англия. Наш уклад жизни отличается от вашего, многое здесь покажется вам странным. И, судя по тому, что вы мне рассказали о своих приключениях, вы уже имеете некоторое представление о своеобразии нашего края.

Это было только началом нашего долгого разговора. Моему хозяину явно хотелось поговорить, вполне вероятно, лишь ради разговорной практики, а я воспользовался возможностью расспросить его о том, что я наблюдал своими глазами. В нескольких случаях он уходил от ответа, делал вид, что не понимает, но в основном отвечал очень искренно. Постепенно я настолько осмелел, что спросил его о странных событиях прошлой ночи, например зачем возница ходил туда, где замечал голубые огни. Граф объяснил мне, что существует поверье: в ночь беспредельной власти духов зла, которая бывает только раз в году — именно вчера и была такая ночь, — там, где спрятаны клады, появляются голубые огоньки.

— Нет сомнений, в той местности, по которой вы проезжали прошлой ночью, погребены сокровища; несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью. В прошлом сюда являлись полчища австрийцев и венгров, и патриоты — мужчины, женщины, старики и дети — выходили им навстречу, подстерегали их на перевалах или в узких ущельях и обрушивали на голову врага искусственные лавины. Если захватчики и одерживали победу, им мало что доставалось: все, что можно, было надежно упрятано в землю.

— Но почему же клады так долго остаются погребенными, если существуют безошибочные ориентиры и людям надо лишь взять на себя труд приметить их? — спросил я.

Граф улыбнулся, обнажив при этом десны и крупные, острые, волчьи зубы.

— Потому что крестьянин в душе — трус и дурак. Эти огоньки появляются лишь в одну-единственную ночь, но в эту ночь ни один здешний житель носа не высунет из дома. А если бы, сударь, он и осмелился выйти, то все равно бы не знал, что делать. Думаю, даже вы не смогли бы найти эти места!

— Тут уж вы совершенно правы, — вздохнул я. — Даже где их искать, мне известно не больше, чем покойникам.

Затем беседа перешла в иное русло.

— Послушайте, — сказал граф, — расскажите мне наконец о Лондоне и о доме, который вы приобрели для меня.

Извинившись за свою рассеянность, я пошел к себе за бумагами. Собирая их, я слышал позвякивание посуды и приборов в соседней комнате; когда же я вернулся, стол был убран, лампа зажжена — к этому времени уже совсем стемнело. Свет горел и в библиотеке, я увидел, что граф прилег на кушетку и читает — из всех возможных книг он выбрал английский справочник «Брэдшо»! Когда я вошел, он убрал книги и бумаги со стола, и мы углубились в разного рода планы, акты и цифры. Его интересовало все, он задал множество вопросов о доме и его окрестностях. Граф явно успел уже

изучить все это — и в конце концов выяснилось, что он знал гораздо больше меня. Когда я отметил это, он сказал:

— Но, мой друг, разве в этом нет необходимости? Я буду совершенно один, а моего друга Гаркера Джонатана — нет, извините, это обычай моей страны называть сначала фамилию — моего друга Джонатана Гаркера не будет рядом со мной, чтобы направлять меня, помогать мне. Он будет далеко в Эксетере — работать над юридическими документами с другим моим другом, Питером Хокинсом. Вот так!

Мы стали досконально вникать в детали покупки дома в Перфлите. Я изложил своему странному клиенту все обстоятельства, он поставил подпись на нужных документах и написал к ним сопроводительное письмо для мистера Хокинса. После этого граф стал расспрашивать, как мне удалось найти такую подходящую усадьбу. Я прочитал ему заметки, сделанные мною в то время, привожу их здесь.

«В Перфлите, милях в двадцати к востоку от центра Лондона, на северном берегу Темзы, в стороне от шоссе, в тихом месте я набрел, кажется, именно на то, что нужно. Там висело обтрепанное объявление о продаже дома. Он окружен высокой, старинной кладки стеной из больших тяжелых камней и долгие годы не ремонтировался. Ворота из старого дуба и изъеденного ржавчиной железа заперты.

Усадьба называется Карфакс, — несомненно, искаженное старое французское название “Катр Фас” (четыре лица): все четыре стены дома расположены по основным направлениям компаса. Участок занимает акров двадцать, огороженных уже упомянутой глухой каменной стеной. Там много деревьев, отчего местами в усадьбе мрачновато; есть глубокий темный пруд, или, точнее, озерцо, питающееся, наверное, подземными источниками — вода в нем прозрачная, и из него вытекает речка. Дом очень большой, и в его архитектуре преобладает печать Средневековья: одна из стен сделана

из очень толстого камня, в ней — лишь несколько высоко расположенных окон с железными решетками. Дом напo-минает замок и примыкает к старой часовне. У меня не было ключа от двери, ведущей из дома в часовню, поэтому я не зашел внутрь, но сделал несколько ее снимков своим “Кодаком”. В разные времена дом частично и довольно беспорядочно достраивался, поэтому я не смог точно определить его общую площадь, но она, должно быть, очень велика. Поблизости домов немного, один из них — довольно большой — построен недавно, это частная психиатрическая лечебница. Но из усадьбы ее не видно».

Когда я кончил, граф сказал:

— Хорошо, что дом старинный. Я сам из древнего рода, жизнь в новом доме была бы для меня мучительна. Конечно, за день дом не сделаешь жилым; но, в сущности, не так уж много дней составляют столетие. Меня радует и то, что там есть старая часовня. Нам, господарям Трансильвании, не хотелось бы, чтобы наши кости покоились рядом с простыми смертными. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни упоения солнечными лучами и искрящимися водами, столь любимыми юными и жизнерадостными людьми. Я уже не молод, и мое сердце, измученное годами скорби по умершим, не склонно к веселью. Да и стены моего замка разрушаются; внутри сумрачно, холодный ветер дует сквозь проломы в стенах и разбитые окна. Я люблю тень и полумрак и хотел бы жить уединенно, насколько это возможно.

Почему-то его слова не соответствовали его облику. Возможно, сами черты лица этого человека придавали зловещий оттенок его улыбке.

Вскоре он извинился и вышел, попросив меня собрать мои бумаги. В его отсутствие я начал рассматривать книги. Среди них был атлас, открытый, конечно же, на карте Англии; было видно, что ею много пользовались. Я заметил, что некоторые пункты обведены кружками, один из них — близ Лондона,

как раз там, где расположена новая усадьба графа; два другие — Эксетер и Уитби — на йоркширском побережье.

Приблизительно через час граф вернулся.

— А, вы все еще за книгами? — заметил он. — Хорошо! Но вы не должны так много работать. Пойдемте, мне сказали, ваш ужин готов.

Он взял меня под руку, и мы прошли в соседнюю комнату, где меня ждал великолепный ужин. Граф вновь отказался от него, сославшись на то, что обедал вне дома. Но, как и накануне, пока я ужинал, он сидел со мной, непринужденно болтая. Потом я закурил сигару, как и в прошлый вечер. И так за разговором — граф задавал вопросы на самые разные темы — проходил час за часом.

Я чувствовал, что время очень позднее, но ничего не говорил, так как считал своей обязанностью идти навстречу желаниям хозяина. Спать мне не хотелось, вчерашний продолжительный сон подкрепил меня. Но тем не менее я почувствовал озноб, как это обычно бывает на рассвете, который своим переходом от ночи к дню подобен смене приливов и отливов на море. Говорят, что люди чаще всего и умирают в предрассветные часы или же при смене прилива и отлива; любой, кто работал целую ночь и, устав, испытал на себе этот переход из одного времени суток в другое, поймет меня.

Вдруг мы услышали необыкновенно пронзительный крик петуха, словно прорезавший прозрачный утренний воздух.

Граф Дракула тут же вскочил:

— Ну вот, снова утро! Непростительно было с моей стороны продержать вас тут всю ночь. Но этот ваш захватывающий рассказ о моей новой родине — дорогой Англии так увлек меня, что я потерял счет времени.

И, церемонно поклонившись, он вышел.

У себя в комнате я раздвинул гардины, но не увидел ничего интересного; окно выходило во двор, мне была видна лишь легкая дымка на светлеющем небе. Поэтому я задернул занавеси и описал прошедший день.

8 мая. Прежде меня смущало это обилие подробностей в моих записях, но теперь я рад этому: в замке что-то неладно, я чувствую себя не в своей тарелке. Как бы мне хотелось целым и невредимым выбраться отсюда или вообще не приезжать сюда. Возможно, на меня действуют эти странные ночные бдения, но если б дело было только в них! Будь здесь еще хоть кто-нибудь, с кем можно было бы перемолвиться словом, мне было бы легче, но никого нет. Только граф, а он... Боюсь, я здесь единственная живая душа. Пожалуй, лучше попросту изложить факты — это поможет мне сохранить здравый смысл и не дать волю воображению. Иначе я погиб. Рассказываю все, как было.

Спал я всего несколько часов и, почувствовав, что больше не засну, встал. Подвесив зеркало для бритья у окна, начал бриться. Вдруг почувствовал руку на плече и услышал голос графа:

— С добрым утром!

Вздрогнув от неожиданности, я слегка порезался, но в тот момент не обратил на это внимания, куда больше меня удивило то, что я не увидел графа в зеркале, хотя в нем отражалась вся комната. Ответив на приветствие, я вновь повернулся к зеркалу, чтобы проверить, не померещилось ли мне. На этот раз не было никакого сомнения: граф стоял почти вплотную ко мне, я видел его через плечо, но в зеркале его не было! Вся комната отражалась в зеркале, а в ней — никого, кроме меня. Поразительно! Эта странность усилила смутное чувство тревоги, возникавшее у меня всякий раз в присутствии графа.

В ту же минуту я заметил, что моя ранка слегка кровоточит и кровь тонкой струйкой сбегает по подбородку. Я отложил бритву, повернувшись при этом вполоборота в поисках пластыря. Граф увидел мое лицо, глаза его вспыхнули каким-то неистовым демоническим огнем, и он вдруг схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась шнура, на котором висел крест. Это вызвало в нем резкую перемену — приступ бешенства прошел мгновенно, будто его и не было.

— Будьте осторожны, — прошептал он, — когда порежетесь. В этом краю это опаснее, чем вы думаете. — Потом, схватив зеркальце для бритья, добавил: — А все натворила эта никудышная вещь — мерзкая игрушка человеческого тщеславия. Выбросите ее!

Открыв массивное окно, он швырнул в него зеркало, разбившееся вдребезги о камни, которыми выложен двор. Затем, не говоря ни слова, вышел. Это все крайне неприятно. Не представляю себе, как я теперь буду бриться, разве что перед корпусом моих часов или днищем бритвенного прибора, к счастью сделанного из металла.

Когда я вышел в столовую, завтрак уже стоял на столе, но графа не было. Так что завтракал я в одиночестве. Странно, я до сих пор не видел графа за едой или питьем. Вероятно, он очень своеобразный человек! После завтрака я вышел на лестницу и обнаружил комнату, выходящую на юг. Передо мной открылась великолепная панорама. Замок расположен на самом краю пропасти. Камень, брошенный из окна, пролетел бы, наверное, тысячу футов, прежде чем коснуться земли! Куда ни посмотришь, везде зеленое море деревьев, а кое-где — глубокие впадины, видимо, там, где пропасти или ущелья. Местами — серебряные нити: это реки вьются в узких ущельях.

Но у меня нет настроения описывать красоты природы; я обследовал замок дальше: двери, двери, повсюду двери, и все — на замках и засовах. Нет никакой возможности выбраться из замка, разве что через окна.

Этот замок — настоящая тюрьма, а я — узник!

ГЛАВА III

Дневник Джонатана Гаркера (продолжение)

Когда до меня дошло, что я в плену, я впал в бешенство. Бегал вверх и вниз по лестницам, пробуя каждую дверь и выглядывая из окон; но вскоре сознание беспомощности заглушило все остальные чувства. Теперь, спустя несколько часов, припоминаю свое тогдашнее состояние, и мне кажется, что я на время сошел с ума и вел себя как крыса, попавшая в ловушку. Однако, убедившись, что положение мое безнадежно, я спокойно и хладнокровно, как никогда в жизни, стал обдумывать, что же мне предпринять. И теперь еще думаю об этом, но пока не пришел к какому-то окончательному решению. Только в одном я уверен: не стоит посвящать графа в мои раздумья и намерения. Этот человек прекрасно знает, что я в ловушке, и, поскольку он все это и устроил, видимо, у него какой-то свой умысел. Он лишь обманет меня, если я буду с ним откровенен. У меня один путь — скрывать свои страхи, делать вид, что я ни о чем не догадываюсь, и зорко следить за всем. Думаю, либо я сам, как дитя, поддался собственным страхам, либо действительно попал в чертовски трудное положение; если так, мне потребуется весь мой разум, чтобы найти спасительный выход.

Едва я пришел к этому выводу, как услышал хлопнувшую внизу входную дверь и понял: граф вернулся. Он не пришел сразу в библиотеку, поэтому я тихонько направился к себе в комнату и застал его там — он убирал мою постель. Странно, но это лишь подтверждает мои предположения: слуг в доме нет. Когда позднее сквозь щели в дверях столовой я увидел,

что граф накрывает на стол, я уже не сомневался в этом (раз он сам исполняет обязанности слуг, значит, больше это делать некому). А если в замке, кроме нас, никого нет, тогда граф был и возницей коляски, которая привезла меня сюда...

Мне стало не по себе, выходит, это он умирал волков мановением руки. Почему люди в Бистрице и в дилижансе так боялись за меня? Зачем они дали мне распятие, чеснок, шиповник, рябину? Да благословит Господь ту добрую, милую женщину, которая повесила распятие мне на шею! Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до него, оно придает мне сил и спокойствия. Как странно, что именно то, к чему меня приучили относиться враждебно, как к идолопоклонству, теперь, когда я оказался в беде и совершенно одинок, поддерживает меня. Кроется ли что-то сакральное в самой сущности этих вещей, или они служат своеобразным средством передачи сочувствия и утешения — и именно это оказывает реальную помощь? Когда-нибудь, если все обойдется, я обязательно исследую и выясню этот вопрос для себя. А пока нужно как можно больше узнать о графе Дракуле — это поможет мне понять происходящее. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе. Но нужно быть очень осторожным — не вызвать у него подозрений.

Полночь. Долго беседовал с графом, расспрашивал его об истории Трансильвании, и он очень живо и вдохновенно рассказывал о людях и событиях, особенно о битвах, как будто сам в них участвовал. Позднее он объяснил это тем, что для боярина честь его рода и фамилии — его честь, их слава — его слава, их судьба — его судьба. Всякий раз, упоминая свой род, он говорил «мы», почти всегда во множественном числе, как король. Жаль, у меня не было возможности дословно записать его рассказы об истории этого края — я слушал их затаив дыхание. А он волновался, ходил по комнате, теребя седые усы, хватая все, что попадало под руку, будто жаждал все сокрушить. Один его рассказ — об истории его рода — постараюсь привести подробнее:

— Мы, секлеры, по праву гордимся своим родом — в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть как львы. Здесь, в водовороте европейских племен, угры унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина, а берсерки вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки, так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, в воинственном пылу прошедшими по этой земле, подобно огненному смерчу, и погубленный ими народ решил, что в их жилах течет кровь старых ведьм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Атиллой, кровь которого течет в моих жилах? — И он воздел руки. — Удивительно ли, что мы — племя победителей? Что мы горделивы? А когда мадьяры, лангобарды, авары¹, болгары и турки хлынули на наши границы, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоило ли удивляться тому, что Арпад и его легионы, пройдя через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас и здесь был положен конец Хонфоглалашу? А когда мадьяры хлынули на восток, то они, победители, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело — бесконечные заботы по охране границы; как говорят турки, «даже вода спит, а враг никогда не дремлет». Кто отважнее нас во времена «четырех наций» бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор — позор Косова, где знамена валахов и мадьяр склонились перед мусульманским полумесяцем?

Кто же, как не один из моих предков — воевода, — переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Это был истинный Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей

¹ Лангобарды — германское племя. Авары — племенной союз, в основном тюркоязычных племен.

туркам и навлек на них позор рабства! Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу! Его обвиняли в непомерной гордыне. Чужь! Что могут крестьяне без предводителя? Во что превращается война, если ее вести без ума и сердца? И опять же, когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго, вожакими были мы — Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой. Эх, юноша, секлеры (а Дракулы — их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего рода, недоступной этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Дни войны миновали. Кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов — не более чем старые байки.

Тут наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Занятно: этот дневник напоминает сказки «Тысячи и одной ночи» или историю тени отца Гамлета — все прерывается при первом крике петуха.)

12 мая. Начну с фактов, неумолимых, несомненных, подтвержденных книгами и цифрами. Не нужно путать их с моими непосредственными впечатлениями. Вчера вечером граф засыпал меня вопросами — правовыми и о разных практических делах. Целый день я корпел над книгами, освежая в памяти то, что некогда изучал в «Линкольнз инн»¹. Граф навел справки, руководствуясь какой-то своей системой; приведу его вопросы — эти сведения могут рано или поздно мне пригодиться.

Прежде всего он спросил меня, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я объяснил ему: при желании можно иметь

¹ Школа при одной из четырех основных лондонских юридических корпораций.

хоть дюжину, но лучше, когда дело ведет один стряпчий и отвечает за него, смена же стряпчих лишь вредит интересам клиента. Казалось, граф понял меня, однако продолжал свою линию: возможно ли, спросил он, сделать так, чтобы один поверенный вел, скажем, его банковские дела, а другой следил за погрузкой корабля совсем в другой местности, расположенной далеко от местожительства первого стряпчего. Чтобы не ввести своего странного клиента в заблуждение, я попросил его объясниться конкретнее.

— Приведу пример, — начал граф. — Наш общий друг, мистер Питер Хокинс, живущий под сенью прекрасного собора в Эксетере¹ вдали от Лондона, покупает для меня с вашей помощью дом в Лондоне. Прекрасно! Позвольте быть с вами откровенным, дабы вы не сочли странным, что я прибегнул к услугам человека, живущего далеко от Лондона, а не к стряпчему-лондонцу: мне хотелось, чтобы при выборе он руководствовался только моими, а не какими-либо иными интересами; у лондонца могут быть и свои цели, интересы друзей, поэтому я постарался найти поверенного, который будет блюсти только мои интересы. Теперь, допустим, я, человек очень занятой, хотел бы отправить товар, скажем, в Ньюкасл, Дарем, Харидж или Дувр, так не проще ли мне обратиться по этому поводу к кому-нибудь на месте?

Я согласился, но добавил, что у стряпчих везде свои представители, готовые выполнить любое поручение на месте, поэтому клиенту достаточно доверить свои дела одному стряпчему, а уж дальше его распоряжения будут исполняться без всяких для него хлопот.

— Но ведь я и сам, — заметил граф, — мог бы свободно распоряжаться своими делами. Не так ли?

— Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы кто-то был в курсе их дел.

— Превосходно! — сказал он и принялся выяснять способы оформления поручительств, их виды и разные затруднения,

¹ Один из древнейших городов Англии в графстве Девоншир, известен собором XII—XIV вв

которых можно избежать, если предусмотреть их заранее. Я объяснил ему все, что знал по этим вопросам. В конце концов у меня сложилось впечатление, что мой клиент мог бы сам быть великолепным стряпчим, настолько хорошо он предвидел и оговаривал всевозможные ситуации. Для человека, который никогда не был в стране и далек от профессии стряпчего, его познания и проницательность были просто поразительны.

Получив все интересующие его объяснения и сведения, достоверность которых я тут же проверил по справочникам, граф встал и спросил:

— Писали ли вы мистеру Питеру Хокинсу или кому-нибудь еще после вашего первого письма?

С горечью я ответил, что у меня вообще отсутствует возможность какой бы то ни было переписки.

— Ну так пишите, мой дорогой друг! — воскликнул он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. — Пишите немедленно нашему общему другу и всем, кому хотите, только не забудьте сообщить, что пробудете у меня еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если, конечно, вы не против.

— Вы хотите, чтобы я остался так надолго? — растерянно пробормотал я, и от одной мысли об этом у меня похолодело сердце.

— Я бы этого очень хотел. Более того, отказа не приму. Когда ваш патрон, хозяин или как угодно, сообщил мне, что пришлет своего заместителя, мы с ним условились, что во внимание будут приниматься только мои интересы. Сроков я не ограничивал. Разве не так?

Что же мне оставалось делать, как не кивнуть в знак согласия? Ведь речь шла об интересах мистера Хокинса, а не моих, я должен был думать о нем, а не о себе. Кроме того, в глазах графа, в том, как он держался, было нечто, сразу внушавшее мне, что я — пленник и, даже если попытаюсь возражать, выбора у меня нет. Граф воспринял мой утвердительный кивок как свою победу, а тревогу, невольно выразившуюся на моем лице, — как свидетельство своей власти надо

мною, и немедленно воспользовался этим, сказав очень любезным, но не допускающим возражений тоном:

— Очень прошу вас, мой дорогой юный друг, в своих письмах писать только о делах. Несомненно, вашим друзьям будет приятно узнать, что вы здоровы и с нетерпением ждете встречи с ними. Разве не так?

Он протянул мне три листка бумаги и три конверта. Посмотрев на этот тончайший, почти прозрачный почтовый набор, а затем на графа с его спокойной улыбкой и острыми, клыкообразными зубами над красной нижней губой, я понял столь же ясно, как если бы он прямо сказал мне об этом: нужно быть осторожным в письмах — он может прочитать их. И я решил написать сугубо официальные письма, а потом тайком, подробно, мистеру Хокинсу и Мине — в посланиях к ней я прибегну к стенографии, что поставит графа в затруднительное положение, если он попробует перлюстрировать мою корреспонденцию.

Написав два письма, я спокойно начал читать книгу, а граф делал какие-то заметки, периодически заглядывая в лежащие на столе справочники. Потом он взял мои послания, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Я тут же воспользовался возможностью взглянуть на эти письма, лежавшие на столе адресами вниз. И не испытал никаких угрызений совести: в нынешних обстоятельствах я вынужден использовать любые возможности для спасения.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлу Ф. Биллингтону, Уитби, Кресент, 7; другое — господину Лойтнеру, Варна; третье — Кутсу и К°, Лондон; четвертое — господам Клопштоку и Билройту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил движение дверной ручки. Я едва успел положить письма в прежнем порядке, бросился в кресло и углубился в книгу, как в комнату вошел граф еще с одним письмом в руке. Он взял письма, аккуратно наклеил на них марки и сказал мне:

— Думаю, вы извините меня, но сегодня вечером я должен поработать в уединении — очень много дел. Надеюсь, вам будет удобно и вы хорошо отдохнете. — В дверях он остановился и после минутной паузы добавил: — Позвольте посоветовать вам, мой дорогой юный друг, вернее, самым серьезным образом предупредить: если вы выйдете прогуляться по замку, ни в коем случае не вздумайте прилечь поспать где-нибудь, кроме своих комнат. Замок древний, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тем, кто выбирает случайное место для отдыха. Будьте осторожны! Как только захочется спать, спешите в свою спальню или в одну из этих комнат, здесь ничто не потревожит ваш сон. Но если будете неосторожны, тогда...

И со зловещим видом он показал, что умывает руки. Я принял его слова к сведению, но усомнился в возможности существования чего-то более ужасного, чем та неестественная, чудовищная и таинственная западня, в которую меня утормозило попасть.

Позднее. Убедился в справедливости своего последнего наблюдения; теперь уже нет никаких сомнений. Нигде не побоюсь спать, лишь бы подальше от этого человека. Я положил распятие в изголовье моей кровати — наверное, так буду спать спокойней, пусть оно там и лежит.

Когда граф ушел, я, побыв немного в своей комнате и не слыша ни звука, решил выйти — поднялся по лестнице вверх, откуда открывался вид на южную сторону. После гнетущего сумрака замкового двора от обширных, хоть и недоступных пространств на меня повеяло свободой. Глядя на эти просторы, я особенно остро ощутил, что нахожусь в тюрьме, мне хотелось глотнуть свежего воздуха, хотя была ночь. Я почувствовал, что ночной образ жизни начинает сказываться на моих нервах: меня пугала собственная тень, мне чудились кошмарные видения. Но, видит бог, для моих жутких страхов в этом проклятом месте есть основания!

Я любовался прекрасным видом, озаренным мягким лунным сиянием, было светло почти как днем. Очертания далеких холмов смягчились, тени в долинах и бархатный мрак ущелий как будто подтаяли. Первозданная красота природы ободрила меня; с каждым глотком воздуха я, казалось, вбирал в себя спокойствие и надежду. Высунувшись из окна, я заметил какое-то движение этажом ниже, чуть левее, где по моим расчетам находились окна комнаты графа. Высокое окно, у которого я стоял, было заключено в амбразуру, пострадавшую от времени, но тем не менее уцелевшую, впрочем, рама, судя по всему, уже давным-давно отсутствовала. Я спрятался за каменную кладку и осторожно выглянул.

Из окна высунулась голова графа. Лица я не видел, но узнал его по затылку и движению плеч и рук. Во всяком случае, уж руки-то его я не мог не узнать — столько раз я их внимательно разглядывал. Сначала мне было любопытно и даже несколько забавно — удивительно, как мало нужно, чтобы заинтересовать и позабавить человека, находящегося в плену. Но мое любопытство быстро перешло в чувство отвращения и страха — я увидел, как он медленно вылез из окна и пополз по стене над ужасной пропастью, его плащ развевался, подобно огромным крылам.

Я не поверил своим глазам, подумал было, может, это игра лунного света или причудливое отражение теней, вгляделся внимательнее — и сомнения исчезли. Я ясно видел, как его пальцы и носки ботинок нащупывали зазоры между камнями, из которых с течением времени выветрилась штукатурка; карабкаясь по выступам и неровностям, граф, как ящерица, быстро спускался по стене.

Что это за человек или, точнее, существо в обличье человека? Чувствую, что царящий здесь ужас подавляет меня; мне страшно — очень страшно, не вижу выхода; я настолько охвачен страхом, что даже подумать не смею о...

15 мая. Опять видел графа ползущим ящерицей по стене. Он спустился наискось футов на сто и исчез в какой-то дыре или окне слева. Я высунулся и попытался проследить его дальнейший путь, но безуспешно — расстояние было слишком велико, он был вне поля моего зрения. Но я знал: в замке его уже нет, и решил воспользоваться случаем — осмотреть то, чего не видел прежде.

Вернулся в комнату, взял лампу и стал дергать все двери подряд. Разумеется, они оказались заперты, замки на них были сравнительно новыми. Тогда я спустился по каменной лестнице в зал, через который впервые попал в замок. Засовы, как выяснилось, довольно легко отодвигаются, а большие цепи нетрудно снять с крюков, но дверь была заперта, а ключ, похоже, находился в комнате графа... Надо дожидаться случая, когда дверь будет открыта, взять там ключ и бежать.

Я продолжал обследовать лестницы, коридоры и пробовать двери. Одна или две маленькие комнаты близ зала оказались открыты, но в них не было ничего интересного, кроме старинной мебели, покрытой многолетней пылью и изъеденной молью. В конце концов, поднявшись по одной из лестниц на самый верх, я нашел дверь, которая хотя и была как будто заперта, однако при толчке поддалась. Толкнув сильнее, я почувствовал, она не заперта, а не открывается потому, что сошла с петель и, будучи очень массивной, просто стоит на полу. Второй раз такой возможности могло и не представиться, поэтому я напрягся изо всех сил и отодвинул ее настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель.

Я был в правом крыле замка, этажом ниже моих покоев. По расположению окон я понял: это анфилада комнат на южной стороне, а окна последней выходят на запад и юг. С обеих сторон зияла пропасть. Замок стоял на краю большого утеса, неприступного с трех сторон, и именно в этой его части, неуязвимой для пращи, лука или кулеврины¹, располагались

¹ В Средние века разновидность мушкета; в XVI—XVII вв. — тяжелая пушка.

большие окна, источник света и покоя, невозможные в менее защищенных местах. На западе виднелась большая долина, за ней вершина за вершиной уходили в небо огромные зубчатые горные твердыни; крутые склоны поросли рябиной и терновником, корни которых цеплялись за трещины и расщелины в камне.

По-видимому, в этой части замка когда-то находилась женская половина: обстановка здесь уютнее, чем в остальных его пределах. Занавесок не было, и золотистый лунный свет, свободно струившийся сквозь окна, позволял различить спокойные тона и скрадывал толстый слой пыли, скрывавшей разрушительное действие времени и моли. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был рад, что захватил ее, — ужасное чувство одиночества холодило сердце и натягивало нервы как струны. И все же здесь дышалось явно легче, чем в тех комнатах, которые я возненавидел из-за посещений графа. Я постарался взять себя в руки, спокойствие снизошло на меня.

И вот сижу за дубовым столиком — возможно, в былые времена к нему присаживалась прекрасная дама, чтобы, обдумывая каждое слово и краснея, написать любовное письмо с орфографическими ошибками, а теперь я стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной с тех пор, как мне довелось его последний раз открывать. На дворе девятнадцатый век — век науки и прогресса. И все же, если мои чувства не обманывают меня, прошедшие века имели и имеют власть над нами, которую не может уничтожить никакой «прогресс».

16 мая. Утро. Да хранит Господь мой рассудок — я в этом очень нуждаюсь. Безопасность, или хотя бы уверенность в безопасности, уже в прошлом. Сейчас у меня только одно желание — не сойти с ума, если, конечно, это уже не произошло. Если же я еще в своем уме, то, как ни досадно, следует признать, что из всех кошмаров, подстерегающих меня в этом ненавистном месте, наименее опасен для меня граф: я могу

надеяться только на его помощь — по крайней мере пока он во мне нуждается. Боже всемогущий! Боже милосердный! Помоги мне сохранить хладнокровие, иначе я сойду с ума. Кое-что прояснилось в том, что раньше озадачивало меня. До сих пор я никогда не понимал до конца, что имел в виду Шекспир, говоря устами Гамлета:

Мои таблички — надо записать,
Что можно жить с улыбкой и с улыбкой...¹

Теперь же, чувствуя, что разум мой помутился или пережил потрясение, которое должно найти разрядку, обращаюсь к дневнику, чтобы обрести душевное равновесие. Может быть, эта привычка регулярно вести дневник поможет мне успокоиться.

В свое время таинственное предостережение графа напугало меня; теперь же оно тем более страшит меня — боюсь, его власть надо мной в будущем станет и вовсе непомерной. Скоро мне будет страшно даже сомневаться в его словах!

Кончив писать и спрятав в карман дневник и ручку, я почувствовал, что мне очень хочется спать. Я помнил предупреждение графа, но мне доставило удовольствие послушаться его. Сон одолевал меня все сильнее, но я противился ему, так часто бывает: чем сильнее хочешь спать, тем упорнее стараешься не заснуть. Мягкий лунный свет умиротворял, а бескрайний простор за окном пробуждал чувство свободы, которое будоражило меня и придавало сил.

Я решил не возвращаться в свои мрачные комнаты этой ночью, а провести ее здесь, где в старину сживали дамы, пели, грустили, когда мужа покидали их, погружаясь в кровавую пучину беспощадных войн. Вытащил большую кушетку из угла и, не обращая внимания на пыль, поставил ее так, чтобы наслаждаться прекрасным видом из окон, выходящих на восток и юг; вскоре веки мои смежились. Вероятно,

¹ Перевод М. Лозинского.

я заснул; надеюсь, заснул, однако все последовавшее было настолько реально, что даже теперь, когда я сижу здесь среди бела дня и в окна ярко светит солнце, никак не могу поверить, что все это мне приснилось...

Я был не один. Комната нисколько не изменилась с тех пор, как я вошел в нее. В лунном свете я различал собственные следы на густом слое пыли на полу. Напротив меня стояли три молодые женщины — леди, судя по их одежде и манерам. Я подумал, они мне снятся, потому что лунный свет падал на них сзади, но на полу не было тени.

Они подошли ко мне близко, некоторое время смотрели на меня, потом начали шептаться. Две из них — брюнетки с тонкими орлиными носами, как у графа, и большими темными пронзительными глазами, почти красными на фоне бледно-желтого света луны. Третья была белокурой — ослепительная блондинка с густыми, выющимися, золотистыми волосами и бледно-сапфировыми глазами. Ее лицо показалось мне знакомым, как будто я видел его в каком-то страшном сне, но не мог вспомнить, где и когда. У всех трех прекрасные белые зубы, сверкающие, как жемчужины, меж алых сладострастных губ. Глядя на этих нимф, я испытал двойственное чувство — вождение и одновременно смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами. Нехорошо писать об этом — я могу причинить боль Мине, если записи попадутся ей на глаза, но это правда.

Дамы пошептались и рассмеялись серебристым, музыкальным и в то же время каким-то неестественно резким смехом — едва ли такой звук могли издавать мягкие человеческие губы. Он напоминал невыносимый скрип, который извлекает умелая рука,водя по краю наполненного водой стакана.

Блондинка кокетливо покачивала головой, брюнетки уговаривали ее. Одна из них сказала:

— Ну, давай! Ты — первая, а мы — за тобой. Это твое право — начать.

Другая добавила:

— Он молод и здоров; поцелуев хватит на всех.

Я лежал ни жив ни мертв и, прикрыв глаза, сквозь ресницы наблюдал за происходящим, весь в предвкушении наслаждения. Белокурая дама подошла и наклонилась надо мной — я почувствовал ее дыхание. Оно было сладким словно мед и так же будоражило нервы, как и ее голос, но к этой сладости примешивалась некая горечь, неприятная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но все прекрасно видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и наклонилась ко мне в вожделении. Ее ленивое сладострастие было одновременно волнующим и отталкивающим. Наклоняясь, она облизывала губы, подобно животному: при свете луны я заметил влажный блеск ее алых губ и красного языка. Она склонялась все ниже и ниже, губы ее скользнули по моему рту и замерли где-то у горла. Я слышал причмокивающий звук ее языка, облизывающего зубы и губы, чувствовал на шее горячее дыхание. Потом ощутил легкое щекотание на горле, нежное, едва уловимое касание губ, а когда два острых зуба осторожно царапнули мою кожу, я закрыл глаза в томном восторге и ждал — ждал, весь трепеща...

Но в ту же секунду меня пронзило другое, мгновенное, словно вспышка молнии, ощущение: граф здесь, и он — в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как своей мощной рукой он схватил блондинку за тонкую шею и с силой оттащил от меня. Ее глаза сверкнули гневом, зубы заскрежатали, щеки вспыхнули. Но что было с графом! Я и представить себе не мог такой ярости и неистовства даже у бесов преисподней. Его глаза метали молнии. Красный отсвет сделался еще ярче, будто в них и вправду вспыхнуло адское пламя.

Резким взмахом руки он отшвырнул женщину и сделал знак другим, как бы отгоняя их; это был тот же повелительно-властный жест, который я наблюдал при укрощении волков. Тихо, почти шепотом, но так, что голос его, казалось, резал воздух, заполняя собой всю комнату, он сказал:

— Как вы смеете его трогать, вы?! Или даже смотреть в его сторону, раз я запретил вам? Назад, сказано вам! Этот человек принадлежит мне! Попробуйте только тронуть его — и будете иметь дело со мной.

Блондинка с каким-то вульгарным кокетством усмехнулась:

— Ты никого никогда не любил и не любишь!

При этих словах две другие женщины тоже засмеялись, и от их безрадостного, резкого, бездушного смеха я чуть не потерял сознание — казалось, веселятся ведьмы.

Граф повернулся ко мне и, пристально глядя на меня, ласково прошептал:

— Нет, я тоже могу любить; вы в прошлом и сами могли убедиться в этом. Разве не так? Ладно, обещаю, как только покончу с ним, можете сколько угодно целовать его. А теперь уходите! Прочь! Я должен разбудить его — есть дело!

— А что же, мы сегодня ночью ничего не получим? — спросила блондинка с наглым смешком, указывая на брошенный им на пол мешок, который шевелился, как будто в нем было что-то живое.

Граф кивнул. Одна из женщин тут же бросилась к мешку и открыла его. Если слух не обманул меня, оттуда раздались вздохи и тихий плач полузадушенного ребенка...

Женщины обступили мешок. Я был в ужасе. И вдруг они исчезли вместе с этим ужасным мешком, хотя я не отрывал от них глаз. Другой двери в комнате не было; чтобы выйти, им пришлось бы пройти мимо меня. Казалось, они просто растворились в лучах лунного света и исчезли в окне: какое-то мгновение я еще наблюдал их смутные призрачные очертания, прежде чем они совершенно исчезли.

Меня охватил такой ужас, что я потерял сознание.

ГЛАВА IV

Дневник Джонатана Гаркера (продолжение)

Нроснулся я в своей спальне. Если мое ночное приключение мне не приснилось, то, наверно, граф и перенес меня сюда. Многие мелочи это подтверждают, например, моя одежда сложена не так, как обычно. Часы стоят, а я всегда завожу их на ночь... Но все это, конечно, не доказательство, а, возможно, лишь косвенное подтверждение того, что я не в себе. Нужно найти настоящее доказательство. Одно меня порадовало: если меня сюда принес и раздел граф, то он, похоже, очень спешил — карманы не тронуты. Я уверен, что дневник был бы для него загадкой, и он, конечно, забрал бы его или уничтожил. Теперь моя комната, раньше столь неприятная для меня, — мое убежище; нет ничего отвратительнее тех ужасных женщин, ждущих случая высосать мою кровь.

18 мая. При свете дня вновь пошел в ту комнату — я просто *должен* установить истину, проверить себя. Дверь на верхней площадке лестницы оказалась заперта. Ее захлопнули с такой силой, что дерево местами расщепилось. Мне удалось разглядеть, что дверь заперта не снаружи, а изнутри. Боюсь, то был не сон, я должен действовать.

19 мая. Несомненно, я в западне. Прошлой ночью граф очень любезно попросил меня написать три письма: в первом сообщить, что моя работа близится к завершению и через несколько дней я выеду домой; во втором — что я выезжаю на следующий день после даты письма; в третьем — что я

уже покинул замок и приехал в Бистрицу. Мне хотелось воспротивиться, но в моем положении открыто ссориться с графом — это безумие, пока что я совершенно в его власти; отказ возбудил бы его подозрения и разозлил. Он бы понял, что я слишком многое узнал и не должен оставаться в живых — чересчур опасен; мой единственный шанс спастись — тянуть время и искать выход. Возможно, подвернется случай бежать.

В его глазах я снова заметил вспышку гнева, напомнившего мне сцену с той блондинкой. Граф стал объяснять мне, что почта бывает здесь редко и нерегулярно, письма же успокоят моих друзей, заблаговременно известив их о моем приезде, а если по каким-то причинам я пробуду в замке еще некоторое время, он может задержать два моих последних письма в Бистрице. Любые мои возражения лишь привели бы к новым подозрениям. Я сделал вид, что согласен, спросил лишь, какие даты проставить в письмах. Он подумал минуту и ответил:

— Первое пометьте двенадцатым, второе — девятнадцатым, а третье — двадцать девятым июня.

Теперь я знаю, сколько дней жизни мне отпущено. Господи, помоги мне!

28 мая. Появилась возможность бежать или по крайней мере послать домой весточку. Цыганский табор пришел в замок и расположился во дворе; я уже писал о них в своем дневнике. Они родственны цыганам всего мира, но имеют и свои особенности. Цыгане живут в Венгрии и Трансильвании фактически вне закона. Как правило, они пристраиваются в имении какого-нибудь крупного аристократа и называют себя его именем. Они бесстрашны, чужды какой-либо религии, но суеверны и говорят на разных наречиях цыганского языка.

Напишу домой несколько писем и уговорю цыган отвезти их на почту. Я уже завязал с ними знакомство через окно. Они почтительно поклонились мне, сняв шляпы, и делали какие-то знаки, столь же непонятные, как и их язык...

Я написал Мине — стенографически, а мистера Хокинса попросил связаться с нею. Мине я объяснил свою ситуацию, умолчав об ужасах, в которых еще сам не совсем разобрался. Выложи я ей все откровенно, она бы перепугалась до смерти. А если письма попадут к графу, он все равно не узнает моих тайн, точнее, насколько я проник в его тайны...

Я пропихнул письма вместе с золотой монетой сквозь решетку на моем окне и, как мог, знаками показал, что их нужно опустить в почтовый ящик. Один из цыган подобрал их, прижал к сердцу, поклонился и вложил в свою шляпу. Больше я ничего не мог предпринять. Проскользнув в кабинет, я стал читать. Граф все не появлялся, тогда я занялся дневником...

Но вот он пришел и, сев рядом со мной, вкрадчивым голосом сказал, показывая письма:

— Цыгане передали мне эти письма; хотя не знаю, откуда они взялись, я о них, конечно, позабочусь. Взгляните! Одно от вас моему другу Питеру Хокинсу; другое... — Тут, открыв конверт, он увидел странные знаки, лицо его омрачилось, глаза злобно сверкнули. — Другое — о низость, грубое попрание законов дружбы и гостеприимства! — не подписано! В таком случае оно не представляет для нас никакой ценности.

Граф спокойно поднес письмо и конверт к пламени лампы, быстро превратившему их в пепел. Потом продолжил:

— Письмо Хокинсу я, конечно же, отправлю, раз оно от вас. Ваши письма для меня неприкосновенны. Простите, мой друг, что в неведении я распечатал его. Не запечатаете ли вы его снова?

Он протянул мне письмо и — с почтительным поклоном — чистый конверт. Мне не оставалось ничего иного, как написать адрес и молча вернуть письмо. Когда он вышел, я слышал, как мягко повернулся ключ в замке. Выждав минуту, я подошел к двери — она была заперта.

Час или два спустя граф тихо вошел в комнату и разбудил меня — я прилег на диване и заснул. Он был очень любезен и оживлен.

— Вы устали, мой друг? Ложитесь в постель. Это лучший отдых. К сожалению, не могу составить вам компанию сегодня вечером — очень занят, зато, надеюсь, вы выпитесь.

Я пошел к себе, лег и, как ни странно, спал прекрасно. И в отчаянии бывают свои минуты покоя.

31 мая. Проснувшись утром, решил запастись бумагой и конвертами из своего чемодана и держать их в кармане на случай, если подвернется возможность послать письмо, но меня ждал очередной удар! Исчезли все мои бумаги, в том числе железнодорожные расписания и прочие справочники, необходимые в моем путешествии, аккредитив, то есть все то, без чего за пределами замка делать нечего. Подумав немного, я решил поискать их на вешалке и в платяном шкафу, куда повесил свою одежду.

Мой дорожный костюм, а также пальто и плед пропали; несмотря на все мои поиски, их как не бывало. Очередная злодейская затея...

17 июня. Сегодня утром, сидя на краю постели и ломая голову, как быть, вдруг услышал во дворе шелканье кнутов и цокот лошадиных копыт по каменистой дороге, ведущей в замок. Обрадовавшись, бросился к окну и увидел: во двор въехали два больших фургона, запряженных каждый восьмеркой сильных лошадей. Их сопровождали словаки в больших шляпах, широких поясах с множеством металлических заклепок, в грязных тулупах и высоких сапогах, с длинными палками в руках. Я метнулся к двери, хотел спуститься вниз в надежде выйти к ним через главный вход — может быть, его откроют для них. И вновь неудача: дверь заперта снаружи.

Тогда я подбежал к окну и окликнул их. Они с недоумением посмотрели вверх и стали показывать на меня. Подошел цыганский вожак и сказал им что-то — они рассмеялись. После этого все мои усилия — жалобные крики, отчаянные уговоры — были напрасны: они даже не глядели в мою

сторону. Я для них не существовал. В фургонах привезли большие, прямоугольные ящики с толстыми веревочными ручками — явно пустые, судя по легкости, с которой их сгружали. Сложив ящики в углу двора, словаки получили от цыгана деньги и, поплевав на них на счастье, вразвалку направились к лошадям. Вскоре я услышал затихающее вдали щелканье их кнутов.

24 июня, на рассвете. Вчера вечером граф рано ушел от меня и закрылся у себя в комнате. Я собрался с духом, быстро поднялся по винтовой лестнице и выглянул из окна, выходящего на юг, надеясь выследить графа — явно что-то готовилось. Цыгане по-прежнему размещаются в замке и заняты чем-то странным: время от времени до меня доносится далекий глухой звук мотыги или заступа. Это, наверное, последний этап какого-то жуткого преступления.

Пробыв у окна около получаса, я заметил какое-то движение в окне графа. Слегка отпрянув, я стал следить и наконец увидел хозяина замка. На этот раз меня потрясло, что на нем был мой дорожный костюм, а через плечо перекинут тот самый ужасный мешок, который, помнится, унесли с собой те кошмарные женщины. Ясно, на какой промысел он отправлялся, и к тому же в моей одежде! Вот, значит, каков новый злодейский замысел графа: его примут за меня, тем самым он убьет сразу двух зайцев — в городке будут знать, что я сам отсылал свои письма, а любое совершенное им злодеяние местные жители припишут мне.

Меня охватила ярость, ведь это действительно может случиться, я же заперт здесь, как самый настоящий заключенный, хотя и лишен защиты закона — элементарного права, которым пользуется любой преступник.

Я решил дожидаться возвращения графа и довольно долго сидел у окна. Потом в лучах лунного света я заметил странные мелькающие крупинки, вроде микроскопических пылинок. Кружась, они и собирались в легкие облачка. Наблюдая за ними, я постепенно успокоился и даже постарался устроиться

в оконном проеме удобнее, чтобы любоваться этой игрой природы.

Жалобный вой собак где-то далеко внизу в долине, скрытой от моего взора, заставил меня вздрогнуть. Он становился все громче, а витающие в воздухе пылинки принимали новые формы, танцуя в лунном свете под эти звуки. Меня неодолимо потянуло откликнуться на этот смутный зов, в моей душе пробуждались какие-то неясные, полузабытые чувства... Гипноз! Все быстрее кружились пылинки. Лунный свет, казалось, ускорял их движение; проносясь мимо меня, они исчезали во мраке. Постепенно сгущаясь, они приняли форму человеческих фигур.

Я встряхнулся, вскочил и опрометью бросился вон: в призраках, проступивших в лунном свете, я узнал тех трех женщин, в жертву которым был предназначен. И только в своей комнате, где не было лунного света и ярко горела лампа, почувствовал себя в безопасности.

Часа через два я услышал какую-то возню в комнате графа, резкий, мгновенно прерванный вопль. Затем наступило молчание, глубокое и ужасное. Я похолодел, сердце заколотилось. Кинулся к двери — заперта! Я — в тюрьме, скован по рукам и ногам. Нервы мои не выдержали — в отчаянии я заплакал.

И тут во дворе раздался душераздирающий женский крик. Открыв окно, я увидел сквозь решетку женщину с растрепанными волосами. Она прислонилась к калитке, прижала руки к сердцу — после быстрого бега. Заметив меня, она бросилась вперед и пронзительно закричала:

— Изверг, отдай моего ребенка!

Упав на колени, стирая руки, несчастная продолжала выкрикивать одни и те же слова, терзая мое сердце. Она рвала на себе волосы, била себя в грудь, все более предаваясь отчаянию. Потом кинулась вперед — я перестал ее видеть, но слышал, как она колотила кулаками во входную дверь.

Откуда-то сверху, вероятно с башни, послышался резкий, повелительный голос графа. Издалека, с разных сторон, ему

ответил вой волков. Через несколько минут волчья стая, точно вода, прорвавшая плотину, затопила двор. Женщина замолчала, стих и вой волков. Вскоре они, облизываясь, удалились поодиночке...

Я не жалел о смерти женщины, поняв, какая участь постигла ее ребенка; смерть для нее — лучший исход.

Что же мне делать? Что? Как бежать из этого кошмара?

25 июня, утро. Лишь тот, кто познал ужас ночи, может понять сладость наступления утра. Солнце сегодня утром поднялось так высоко, что осветило верхнюю часть больших ворот напротив моего окна. Светлое пятно на самой их верхушке показалось мне похожим на голубку из ковчега. Страх прошел, будто окутывавшая меня пелена рассеялась от тепла. Нужно что-то предпринять — сейчас, немедленно, при свете дня, пока мужество не покинуло меня. Вчера вечером отправлено одно из моих писем с заранее проставленной датой, первое из того рокового ряда, с завершением которого исчезнут даже следы моего пребывания на земле.

Только не думать об этом. Действовать!

Именно по ночам меня терзают страхи и я ощущаю опасность. Я до сих пор не видел графа при дневном свете. Неужели он спит днем, когда люди обычно заняты делом, и бодрствует по ночам, когда принято спать? Если бы мне удалось пробраться в его комнату! Но это невозможно. Дверь заперта, путь отрезан.

Конечно, если хватит смелости, попасть туда можно.

Почему бы не воспользоваться его же способом? Я своими глазами видел, как он, выбравшись из окна, полз по стене. Почему бы мне не последовать его примеру и не пробраться к нему через окно? Шансов на успех, конечно, мало, но положение у меня отчаянное. Рискну! В худшем случае меня ждет смерть — но достойная человека, а не безропотная смерть теленка. Возможно, тогда предо мной откроются врата загробной жизни.

Господи, помоги мне! Прощай, Мина, если меня постигнет неудача; прощай, мой верный друг и второй отец; прощайте все! Еще раз прощай, Мина!

Тот же день, позднее. Я рискнул и, благодаря Создателю, благополучно вернулся в свою комнату. Изложу все по порядку.

Полный решимости, я выбрался из окна, выходящего на юг, на узкий каменный карниз, опоясывающий эту сторону замка. Стена сложена из больших, грубо отесанных камней, известка между ними со временем выветрилась. Сняв ботинки, я начал отчаянный спуск. Один-единственный раз взглянул вниз — хотел убедиться, что высота не пугает меня, потом все же старался не смотреть в бездну. Направление и расстояние до окна графа я знал хорошо. Карабкался, цепляясь за что мог. Голова не кружилась; думаю, я был слишком взволнован.

Казалось, прошло совсем мало времени, когда я очутился на подоконнике и поднял оконную раму. Дрожа от нервного возбуждения, проскользнул в окно: к моему удивлению и радости, в комнате никого не оказалось! Мебель примерно в том же стиле, что и в южных комнатах, — несколько разрозненных, покрытых слоем пыли предметов, которыми будто никогда не пользовались. Ключа в замке не оказалось. Его вообще нигде не было, зато у стены я нашел кучу золота — римские, британские, австрийские, венгерские, греческие, турецкие монеты; судя по всему, они пролежали в земле не менее трехсот лет. Там были и украшения, даже с бриллиантами, но все потускневшие от времени, испачканные землей.

В углу комнаты я обнаружил еще какую-то дверь, оказавшуюся незапертой, хотя и довольно тяжелой, — она вела в каменный коридор, который заканчивался крутой винтовой лестницей. Осторожно ступая — темную лестницу освещали лишь бойницы в каменной стене, — я спустился вниз и попал в тоннель, откуда шел тошнотворный запах перегнившей,

только что вскопанной земли. Чем дальше по тоннелю, тем сильнее становился этот смрад.

Наконец я распахнул тяжелую полуоткрытую дверь, предомной оказались руины старой часовни, очевидно служившей фамильной усыпальницей. Ветхая крыша давно обвалилась, в двух местах ступени вели вниз — в склепы, земля там была разрыта и насыпана в большие деревянные ящики, вероятно привезенные словаками. Вокруг — ни души. Я начал искать еще какой-нибудь выход, но не находил. Тогда решил на всякий случай обследовать каждый дюйм этой зловещей часовни. Спускался, хотя и дрожал от страха, даже в склепы, куда с трудом проникал тусклый свет. В двух из них не нашел ничего, кроме обломков старых гробов и кучи пыли; но в третьем меня ждало открытие...

Там, в одном из пятидесяти больших ящиков, на куче свежевырытой земли лежал граф! Мертвый или спящий — я не мог определить: открытые и неподвижные глаза, но без той остекленелости, которая появляется после смерти, несмотря на бледность, на щеках угадывалось тепло жизни, да и губы были, как всегда, красные. Но лежал он неподвижно — без пульса, без дыхания, без биения сердца. Я наклонился к нему, тщетно пытаюсь обнаружить хоть какой-то признак жизни. По-видимому, он лежал там недолго — земля была вырыта совсем недавно.

Около ящика стояла крышка с просверленными в ней отверстиями. Подумав, что ключи могут быть у графа, я начал было искать их, но тут увидел в его глазах такую лютую ненависть, хотя едва ли он мог сознавать мое присутствие, что нервы мои не выдержали — я бросился вон и, выбравшись через окно его комнаты, вскарабкался по стене замка к себе. Запыхавшись, бросился на постель и попытался собраться с мыслями...

29 июня. Сегодня срок моего последнего письма, и граф вновь предпринял шаги, чтобы доказать его подлинность, ибо опять я видел, как он в моей одежде, подобно ящерице,

спускался по стене. Я просто сходил с ума оттого, что у меня нет ружья или другого оружия, чтобы убить его; но боюсь, любое оружие, сделанное рукой человека, бессильно против него. Я не стал ждать его возвращения, опасаясь вновь увидеть сестриц-колдуний. Вернувшись в библиотеку, читал, пока не заснул.

Меня разбудил граф. Мрачно глядя на меня, он сказал:

— Завтра, мой друг, мы расстаемся. Вы возвращаетесь в свою прекрасную Англию, я — к делу, результаты которого могут исключить возможность нашей новой встречи. Ваше письмо домой отправлено; завтра меня здесь не будет, но все готово к вашему отъезду. Утром придут цыгане — они здесь кое-что делают — и несколько словаков. После их ухода за вами приедет коляска и отвезет вас в ущелье Борго, где вы пересядете в дилижанс, идущий из Буковины в Бистрицу. Надеюсь, что еще увижу вас в замке Дракулы.

Я не поверил ему и решил испытать его искренность.

Искренность! Сочетать с таким чудовищем это слово — значит осквернить его. Я спросил прямо:

— А почему бы мне не поехать сегодня вечером?

— Потому, мой дорогой, что кучер и лошади отправлены по делу.

— Но я с удовольствием пойду пешком. Готов уйти немедленно.

Граф улыбнулся — так мягко, так вкрадчиво, так демонически, что я сразу понял, он что-то замышляет.

— А как же ваш багаж? — спросил он.

— Ничего страшного, я могу прислать за ним позднее.

Граф встал и сказал с такой любезностью, что я не поверил своим ушам, столь искренне это прозвучало:

— У вас, англичан, есть одна поговорка, которая мне близка: «Сердечно приветствуй гостя приходящего и не задерживай уходящего». Пойдемте со мною, мой друг. Я и часу лишнего не продержу вас здесь против вашей воли, хотя мне очень грустно и расставаться с вами, и видеть, как вы этого хотите. Идемте!

Величественной поступью граф начал спускаться по лестнице, любезно освещая мне путь лампой. Вдруг он остановился:

— Слушайте!

Невдалеке послышался вой волков, казалось возникший по мановению его руки, как возникает музыка большого оркестра, повинувшись дирижерской палочке. После минутной паузы он величаво проследовал дальше, к выходу — отодвинул засовы, снял цепи и начал открывать дверь.

К моему величайшему изумлению, она была не заперта, я не заметил даже намека на ключ.

Дверь приоткрылась — вой усиливался и свирепел: волки сгрудились у порога, в дверном проеме были видны их красные пасти с щелкающими зубами, когтистые лапы просовывались в щель. Стало ясно, что в этой ситуации спорить с графом бессмысленно. С такими противниками, к тому же послушными ему, я ничего не мог поделать.

А дверь продолжала медленно открываться, граф стоял на пороге. Мелькнула мысль: «Именно сейчас решится моя участь — он бросит меня волкам, да я сам и подвинул его к этому. Такой дьявольский поворот был вполне в духе графа».

Не видя иного выхода, я закричал:

— Заприте дверь, я подожду до утра! — и закрыл лицо руками, чтобы скрыть слезы горечи.

Взмахом могучей руки граф захлопнул дверь и со скрежетом задвинул засовы...

Мы молча вернулись в библиотеку, пару минут спустя я уже был у себя в комнате. Когда я выходил из библиотеки, граф послал мне воздушный поцелуй; в глазах у него горел красный огонек триумфа, а на губах играла улыбка, которой мог бы гордиться Иуда в аду.

Я собирался уже лечь, но мне вдруг послышался шепот у двери спальни. Я тихо подошел к ней, прислушался и различил голос графа:

— Назад, на место! Ваше время еще не наступило. Ждите! Имейте терпение! Завтрашняя ночь будет ваша!

В ответ раздался тихий серебристый смех. Вне себя я распахнул дверь и увидел этих трех ужасных женщин, облизывающих губы; при виде меня они с отвратительным хохотом убежали...

Я вернулся в комнату и бросился на колени. Неужели близок конец? Завтра! Завтра! Господи, помоги мне и тем, кому я дорог!

30 июня, утром. Возможно, последний раз пишу свой дневник. Проснулся перед рассветом. И вновь опустился на колени — помолиться и собраться духом перед смертью.

По едва ощутимой перемене в атмосфере я почувствовал, что наступило утро. Раздался долгожданный крик петухов, опасность миновала. Я радостно поспешил вниз: своими глазами видел, что входная дверь не заперта — значит, можно бежать. Трясущимися от нетерпения руками снял цепи, отодвинул тяжелые засовы. Но дверь не подалась. Меня охватило отчаяние. Вновь и вновь я пытался открыть дверь и так дергал ее, что она дребезжала, несмотря на свою массивность. Замок был заперт. Видимо, уже после того, как я расстался с графом.

Безумное желание любой ценой раздобыть ключ овладело мною, я решил вновь карабкаться по стене и проникнуть в комнату графа. Он мог убить меня, но теперь смерть казалась мне лучшим исходом. Не медля, я бросился к восточному окну и, цепляясь за каменные выступы, прополз по стене. Как я и ожидал, в комнате графа никого не было. Но не было там и ключа, лишь по-прежнему тускло мерцала грудa золота. Через дверь в углу комнаты я спустился по винтовой лестнице, по темному коридору прошел в старую часовню. Теперь я знал, где искать это чудовище.

Большой ящик стоял на том же месте у стены, но был накрыт крышкой — с приготовленными гвоздями, оставалось только вколотить их. Я снял крышку и поставил ее к

стене. И тут я увидел нечто, наполнившее меня ужасом до глубины души, — наполовину помолодевшего графа: его седые волосы и усы потемнели, щеки округлились, под кожей просвечивал румянец, губы стали ярче прежнего, на них еще сохранились капли свежей крови, стекавшей по подбородку. Даже его пылающие глаза, казалось, ушли в глубь вздувшегося лица, ибо веки и мешки под глазами набрякли. Такое впечатление, будто это чудовище просто лопалось от крови. Он был как отвратительная пресытившаяся пиявка.

Дрожь и отвращение охватили меня, когда я наклонился к нему в поисках ключа, — другого выхода у меня не было: передо мной маячила реальная возможность грядущей ночью стать жертвой пиршества трех кошмарных ведьм. Я обыскал тело, но ключа не нашел. Прекратив поиски, еще раз взглянул на графа. На его раздувшемся лице играла насмешливая улыбка, она просто вывела меня из себя. И этому монстру я помогал перебраться в густонаселенный Лондон, где, возможно, в течение веков он будет упиваться чужой кровью и расширять круг вампиров!

От этой мысли в голове у меня помутилось. Мне безумно захотелось избавить мир от этого чудовища. Под рукой у меня была только лопата, которой пользовались рабочие, насыпая в ящик землю. Я размахнулся и нацелил ее острый край прямо в ненавистное лицо. В этот момент граф повернул голову и посмотрел на мою сторону взглядом василиска, который буквально парализовал меня. Зато лопата вдруг словно ожила и, пытаясь уклониться от своей цели, едва не выпрыгнула у меня из рук — однако, хоть и вскользь, она задела графа и, оставив глубокую метину на его лбу, бессильно упала поперек простертого тела; схватив ее, я задел крышку, которая рухнула на ящик и скрыла от меня чудовище. В последний миг передо мной мелькнуло вздутое, окровавленное, злорадное лицо, место которому на дне преисподней.

Я ломал голову, что же мне делать дальше, мозг мой просто плавился от напряжения, отчаяние нарастало. Через

некоторое время я услышал сначала вдалеке, а потом все ближе веселую песню, поскрипыванье тяжелых колес и звонкие щелчки кнутов — это были цыгане и словаки, о которых говорил граф. Взглянув последний раз на ящик с мерзким телом, я побежал в комнату графа, рассчитывая улучшить момент, когда откроют входную дверь, и выбраться на волю.

Напряженно вслушиваясь, я наконец различил скрежет ключа — открылась тяжелая дверь. Какой-то другой вход, и у кого-то был от него ключ. Затем прозвучал и затих отозвавшийся эхом топот ног. Я решил бежать вниз в часовню: похоже, именно там находится еще один вход, но в это мгновение от сильного сквозняка дверь на винтовую лестницу так хлопнула, что в комнате поднялась пыль. Я бросился к двери, но не смог ее открыть. Вновь я — пленник, петля судьбы стягивается вокруг меня.

Пишу, а внизу слышен топот ног и грохот бросаемых на пол тяжестей, должно быть груженных землею ящиков. Застучал молоток — ящики забивали гвоздями. Потом — тяжелые шаги по направлению к выходу. Хлопнула дверь, звякнули цепи, проскрежетал ключ в замке; слышно, как ключ вытащили, открылась и закрылась другая дверь, громыхнул засов, скрипнул замок...

По двору и каменистой дороге покатались тяжелые колеса, защелкали кнуты, зазвучала и стала удаляться цыганская песня.

Я один в замке с этими ужасными женщинами. Типун мне на язык! Какие же это женщины? Вот Мина — женщина, у нее с этими кровопийцами ничего общего. Это же бесы преисподней! Попытаюсь еще ниже спуститься по стене замка. Возьму с собой немного золота на всякий случай, вдруг выберусь из этого ужасного места. А там — домой! Ближайшим и самым скорым поездом! Прочь от этого кошмара, из этой проклятой страны, где обитает дьявол со всем своим отродьем!

Предамся Божьей милости, лишь бы не попасть в руки этих монстров. Конечно, пропасть глубока, но по крайней мере на дне ее человек может упокоиться как человек. Прощайте все! Мина!

ГЛАВА V

Письмо мисс Мины Меррей к мисс Люси Вестенра

9 мая

оя дорогая Люси!

Прости, что долго не писала — была просто завалена работой. Жизнь учительницы порой очень утомительна. Скучаю по тебе и морю, на берегу которого так легко откровенничать и строить воздушные замки. Последнее время усиленно занимаюсь стенографией. Когда мы с Джонатаном поженимся, хочу ему помогать, он сможет диктовать мне, а я потом буду перепечатывать записи на машинке — я и этим сейчас много занимаюсь. Мы с ним иногда пишем друг другу письма стенографией, даже свой дневник поездки за границу он ведет стенографически. Вернувшись, я собираюсь тоже вести дневник; конечно, не занудные записи по принципу хочешь — не хочешь, а два раза в неделю пиши, и уж в воскресенье непременно хоть что-то да высоси из пальца. Я буду вести его по настроению. Не думаю, что он будет интересен другим, разве что Джонатану, и то не всегда, но это хорошее упражнение. Попробую, как журналистки, записывать разговоры на интересующие меня темы. Меня уверяли, что после небольшой практики человек может в мельчайших деталях воспроизвести все, что происходило за день. Впрочем, поживем — увидим. О своих планах расскажу при встрече. Только что получила несколько торопливых строчек от Джонатана из Трансильвании. Он здоров и вернется через неделю. Умираю от нетерпения услышать его рассказы. Как интересно видеть другие страны! Удастся

ли когда-нибудь нам — Джонатану и мне — вместе побывать в них! Часы бьют десять. До свидания!

Любящая тебя,
Мина

P.S. Пиши мне обо всех новостях. Ты уже давно мне ничего не пишешь. До меня доходят слухи о тебе и каком-то высоком красивом кудрявом молодом человеке???

Письмо Люси Вестенра к Мине Меррей

Чэтем-стрит, 17, среда

Дорогая моя Мина!

Ты *очень* несправедлива ко мне: я *дважды* писала тебе с тех пор, как мы расстались, а твое последнее письмо было лишь вторым. Кроме того, мне нечего сообщить тебе. Поверь мне, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать. В городе сейчас очень приятно. Мы часто посещаем картинные галереи, ходим на прогулки, катаемся верхом в парке. Что касается высокого кудрявого молодого человека, наверное, это тот, кто был со мною на последнем концерте. Судя по всему, кому-то захотелось посплетничать. Этот молодой человек — мистер Холмвуд. Он часто бывает у нас, подружился с мамой, они очень любят поговорить друг с другом. А недавно мы познакомились с человеком, который, по-моему, ну просто *создан для тебя*, если бы ты не была помолвлена с Джонатаном. Он — прекрасная *партия*, хорош собой, богат, из достойной семьи. По профессии он доктор и на редкость умен. И представь себе! Ему всего двадцать девять лет, а в его ведении находится большая психиатрическая больница. Познакомил нас мистер Холмвуд, и теперь его друг часто бывает у нас. Мне кажется, он очень решительный человек, с огромным самообладанием. Он производит впечатление абсолютно невозмутимого человека. Легко представить себе, какое благотворное воздействие он оказывает на своих паци-

ентов. У него довольно необычная манера смотреть человеку прямо в глаза, как будто он старается прочесть чужие мысли. Довольно часто он проделывает это со мной, и я лгу себя надеждой, что ему попался крепкий орешек. Меня убедило в этом мое зеркало. Пробовала ли ты когда-нибудь посмотреть на себя со стороны? Я попробовала и должна сказать, что результат неплохой. По словам доктора, я представляю собой интересный психологический тип, и, при всей своей скромности, думаю, что он прав. Как ты знаешь, меня не очень интересуют наряды, поэтому ничего не могу сообщить тебе о новых модах. Наряжаться — это такая скучища. Ну вот, опять «словечко» — не обращай внимания, Артур все время так говорит. Да... пожалуй, скрывать бесполезно. Мина, мы с детства веряли друг другу все свои секреты, вместе спали, ели, смеялись и плакали, а теперь, раз уж я проговорила, хочу сказать тебе все до конца. Мина, ты уже догадалась? Да, да, я люблю его. Краснею, когда пишу тебе это: думаю, что и он любит меня, хотя еще мне этого прямо не говорил. Но, Мина, я-то люблю его! Люблю! Я люблю его!

Ну вот, мне стало легче. Дорогая моя, как бы мне хотелось быть с тобой, сидеть по-домашнему у камина, совсем как прежде, и тогда я попыталась бы объяснить тебе, что я чувствую. Не понимаю, как я смогла написать об этом, даже тебе. Боюсь перечитывать письмо, а то еще, чего доброго, порву — нет, перечитывать не буду, не хочу останавливаться, очень хочется сказать тебе все. Отвечай мне не медля и откровенно. Спокойной ночи, Мина. Помолись за меня, за мое счастье.

Люси

P.S. Думаю, не нужно предупреждать тебя, что это тайна. Еще раз спокойной ночи.

Письмо Люси Вестенра к Мине Меррей

24 мая

Дорогая моя Мина!

Спасибо, спасибо, еще и еще раз спасибо за твое теплое письмо. Так приятно все рассказать тебе и получить такой сердечный отклик.

Дорогая моя, то пусто — то густо. Как верны старые пословицы! В сентябре мне будет двадцать лет, и до сегодняшнего дня мне ни разу не делали предложения, а сегодня — сразу три. Подумай только, три предложения в один день! И мне жаль, искренне жаль двух бедняжек. Мина, я так счастлива, что нахожусь в некоторой растерянности. И — три предложения! Но ради бога, не рассказывай никому из своих учениц — у них могут возникнуть всякие романтические идеи, и они почувствуют себя обделенными, если в первый же день их возвращения домой им не сделают по крайней мере шесть предложений. Девушки порой так тщеславны! Но мы-то с тобой, дорогая Мина, помолвлены и в скором времени собираемся стать здравомыслящими замужними женщинами, нам чужды тщеславие и суетность. Пожалуй, я должна рассказать тебе об этих трех предложениях, но, дорогая, сохрани это в тайне от всех, разумеется, кроме Джонатана. Ему ты, наверно, расскажешь; будь я на твоем месте, конечно, рассказала бы Артуру. Женщина должна рассказывать своему мужу все — ты согласна со мной, дорогая? Мужчинам нравятся, когда женщины, и прежде всего их жены, так же честны, как они сами, хотя, боюсь, в жизни не всегда так бывает. Итак, дорогая моя, слушай...

Первый пришел перед обедом. Я писала тебе о нем — это доктор Джон Сьюворт, психиатр. У него такой сильный подбородок и замечательный лоб. Выглядел доктор как обычно, но я заметила, что он нервничает: чуть было не сел на свой цилиндр, хотя рассеянным его не назовешь, а в спокойном состоянии такое обычно не случается; потом, желая показать, что ничуть не смущен, он начал так играть откуда-то

взявшимся у него ланцетом, что напугал меня. Он сказал мне все прямо и открыто: как, несмотря на недолгое знакомство, я стала ему дорога, какую радость и поддержку он находит во мне, как будет несчастлив, если я не отвечу на его чувства. Увидев мои слезы, доктор расстроился, назвал себя грубым, жестоким человеком, просил извинить его — он ни в коем случае не хотел меня огорчить. Потом, помолчав, спросил: смогу ли я полюбить его со временем; я отрицательно покачала головой — у него задрожали руки. Люблю ли я кого-то другого? — спросил он после некоторого колебания, пояснив, что задает этот вопрос не из любопытства и ни в коем случае не злоупотребит моим доверием, но просто чтобы знать, есть ли надежда. Мина, я решила сказать ему правду. Выслушав меня, он встал и очень серьезно, взяв обе мои руки в свои, пожелал мне счастья и добавил, что, если мне когда-нибудь понадобится друг, я всегда могу рассчитывать на него. О Мина, дорогая, ты должна простить мне эти пятна на бумаге — следы слез, я не могу удержаться. Конечно, приятно выслушивать предложения, но совсем не приятно видеть человека, признавшегося тебе в любви, несчастным, — и вот он уходит от тебя с разбитым сердцем, и ты знаешь: что бы он ни говорил в этот момент, тебя в его жизни уже не будет. Дорогая моя, я должна сделать паузу — мне что-то очень нехорошо, хотя я так счастлива.

Вечером. Только что был Артур, и теперь у меня настроение лучше, чем утром, когда я прервала письмо. Расскажу, что же было дальше.

Итак, дорогая моя, номер Второй пришел после обеда. Это очень славный человек, мистер Квинси П. Моррис, американец из Техаса, он выглядит так молодо, что трудно поверить его рассказам о пережитых им приключениях и путешествиях по разным странам. Я хорошо понимаю бедную Дездемону, не устоявшую перед головокружительным потоком рассказов, пусть даже из уст мавра. Мне кажется, мы, женщины, — жуткие трусихи и выходим замуж, надеясь

на то, что мужчина оградит нас от опасностей и страхов. Теперь знаю, что бы я делала, если б была мужчиной и хотела, чтобы девушка полюбила меня. Хотя нет, мистер Моррис рассказывал много интересных историй, а Артур — ни одной, и все же... Впрочем, дорогая моя, я несколько забегаю вперед. Мистер Моррис застал меня одну. Звучит как банальность. Кажется, будто джентльмен всегда застает девушку одну. Хотя это не так: Артур пытался поговорить со мной наедине, но, даже несмотря на мои старания — теперь я не стыжусь признаться в этом, — ничего не вышло. Сразу предупреждаю тебя: мистер Моррис очень хорошо воспитан и образован, однако, увидев, что меня забавляет его американский жаргон, всякий раз, когда нет посторонних, которых мог бы шокировать, развлекает меня им. Мне кажется, дорогая, он сам придумывает эти свои смешные выражения: они так и слетают с его губ, о чем бы он ни рассказывал. Не уверена, смогу ли я сама говорить на таком жаргоне; не знаю, как к нему относится Артур — ни разу не слышала, чтобы он говорил на сленге. Итак, слушай дальше: мистер Моррис сел подле меня и держался, как всегда, весельчаком, хотя мне показалось, что он слегка не в своей тарелке. Он взял мою руку и очень нежно сказал:

— Мисс Люси, я знаю, что не достоин завязывать шнурки на ваших башмачках, но подозреваю, если вы будете ждать достойного вас мужа, то уподобитесь семи евангельским девам со светильниками. Так не взяться ли нам за руки и побрести по длинной дороге в одной упряжке, соединившись брачными узами?

Мистер Моррис выглядел таким добродушным и веселым, мне было гораздо легче отказать ему, чем бедному доктору Сьюворду. Я постаралась ответить ему с юмором, заметив, что совершенно не объезжена и потому пока не гожусь для упряжки. Тогда он очень серьезно сказал, что выразился слишком легкомысленно для такого важного дела и надеется получить прощение, если совершил ошибку. Я тоже невольно посерьезнела. Мина, ты сочтешь меня ужасной кокеткой, но,

конечно, я была польщена этим, уже вторым за один день, предложением. Потом, не успела я и рта открыть, как он разразился целым потоком любовных признаний, сложив к моим ногам сердце и душу. Он был столь серьезен, что я никогда больше не буду думать, что веселые острословы всегда только беспечны и не способны на глубокое чувство.

Похоже, он что-то заметил в выражении моего лица, так как вдруг замолчал, а потом заговорил как настоящий мужчина, с таким чувством, что я, наверное, полюбила бы его, если б мое сердце было свободно:

— Люси, знаю, вы девушка с чистым сердцем. Я не сидел бы здесь и не говорил бы с вами о том, о чем говорю сейчас, если б не был уверен, что вы смелая и до глубины души правдивая девушка. Скажите мне откровенно, как другу: есть ли у вас кто-то в сердце, кого вы любите? И если есть, я никогда вас больше не потревожу и останусь, если позволите, вашим верным другом.

Дорогая Мина, почему мужчины столь благородны, хотя мы, женщины, далеко не во всем достойны их? Ведь я только что едва ли не высмеяла этого великодушного, истинного джентльмена. Я заплакала... Боюсь, дорогая, это очень сентиментальное письмо, но у меня действительно тяжело на сердце. Ну почему девушка не может выйти замуж сразу за троих мужчин или за всех, что хотят на ней жениться, тогда не будет всех этих мучений! Но это ересь, мне не следует так говорить. Я рада, что хоть и заплакала, но все-таки сумела посмотреть прямо в глаза мистеру Моррису и откровенно сказать ему:

— Да, я люблю другого, хотя он сам еще не открыл мне своего сердца.

Я поступила правильно, искренне ответив ему, он как-то весь просветлел, взял меня за руки — кажется, я сама протянула ему их — и сердечно сказал:

— Вы — чудная девушка. Лучше опоздать сделать предложение вам, чем вовремя завоевать сердце любой другой девушки. Не плачьте, дорогая! Если вы расстраиваетесь из-за

меня, то не волнуйтесь: я крепкий орешек и стойко перенесу неудачу. Но если тот малый, не подозревающий о своем счастье, еще долго будет недогадлив, ему придется иметь дело со мной. Милая девочка, ваша искренность и смелость сделали меня вашим другом, а друг, пожалуй, встречается еще реже, чем возлюбленный, и по крайней мере менее эгоистичен. Дорогая моя, мне предстоит довольно грустная прогулка в одиночестве, прежде чем я перейду в лучший мир. Прошу вас — один поцелуй! Воспоминание о нем будет озарять мою жизнь в самые мрачные мгновения. Вы можете позволить себе это, если, конечно, захотите, ведь тот, другой — а он, должно быть, замечательный человек, иначе вы бы его не полюбили, — еще не сделал вам предложения.

Этим мистер Моррис окончательно покорила меня, Мина, ведь это действительно очень мужественно, тонко и благородно для соперника, не правда ли? И притом он был такой грустный... Я наклонилась и поцеловала его. Он поднялся, держа мои руки в своих, посмотрел мне прямо в глаза — боюсь, я покраснела — и сказал:

— Милая девочка, вот ваша рука — в моей, вы поцеловали меня — какие еще могут быть залогом настоящей дружбы? Благодарю вас за вашу трогательную искренность, честность по отношению ко мне и... до свидания.

Мистер Моррис пожал мне руку, взял шляпу и вышел не оглянувшись, без сантиментов и колебаний. Господи, ну почему такой человек должен быть несчастлив, когда вокруг столько девушек, способных оценить его и боготворить саму землю, по которой он ступает?! Я бы так и делала, если бы была свободна, но мне не хочется быть свободной. Дорогая моя, я так взволнована, что не могу писать тебе сейчас о своем счастье.

Всегда любящая тебя
Люси

Р.С. Номер Третий — нужно ли писать о нем? Кроме того, все произошло так сумбурно; по-моему, не успел он войти в

комнату, как сразу обнял и поцеловал меня. Я очень, очень счастлива и просто не знаю, чем заслужила это счастье. Мне остается лишь своей дальнейшей жизнью доказать, как я благодарна Богу за Его доброту, за то, что Он послал мне такого возлюбленного, мужа и друга. До свидания.

Дневник доктора Сьюворда
(сохранилась фонографическая запись)

25 мая

Аппетита нет. Не могу есть, не могу расслабиться, не могу отдыхать, вместо этого — дневник. После вчерашнего отказа чувствую какую-то пустоту в душе. Кажется, на свете нет ничего важного, ради чего стоило бы пошевелить хоть пальцем... Но я знаю, единственное лекарство — работа, поэтому отправился к больным. Долго провозился с одним необычным пациентом, его случай очень интересует меня, я хотел бы разобраться в нем. Сегодня мне удалось подойти ближе, чем когда-либо, к пониманию его тайны. Я замучил пациента вопросами, пытаюсь раскрыть причины его галлюцинаций. Теперь сознаю, что вел себя довольно жестоко. Я как будто намеренно все время наводил бедолагу на разговор о его состоянии, стараясь выявить источник странного безумия, хотя мое правило — как адских врат, избегать этого с пациентами.

(Примечание: а как в моей профессии избежать этих самых врат?) *Omnia Roma venalia sunt*¹. И ад имеет свою цену! *Verb. sap*². Если за состоянием моего пациента кроется что-то экстраординарное, имеет смысл тщательно наблюдать за ним. Начну не откладывая.

¹ Все римляне продажны (*лат.*). Очевидно, доктор перефразирует римского историка Саллюстия (86 — ок. 35 гг. до н.э.), писавшего в «Югуртинской войне» (гл. 35, абзац 10): «...если бы нашелся покупатель, город (Рим) был бы продан».

² Умному достаточно слова (*лат.*).

Р. М. Ренфилд, 59 лет. Сангвинического темперамента, физически очень сильный, болезненно возбудимый, страдает периодическими приступами депрессии, завершающимися навязчивой идеей, которую я не могу определить. Полагаю, сангвинический темперамент в сочетании с некими выводящими из душевного равновесия воздействиями приводит к умственному расстройству; потенциально опасен; порой поступает вопреки своим интересам. Эгоисты осторожны. Полагаю, если больной поглощен собой, сконцентрирован на себе, он менее опасен: центростремительная сила уравнивается центробежной; хуже, когда его представление о долге, великой миссии становится навязчивой идеей, тогда равновесие нарушается в сторону центробежных сил, и восстановить его может лишь случай или удачное стечение обстоятельств.

Письмо Квинси Морриса —
достопочтенному¹ Артуру Холмвуду

25 мая

Дорогой мой Арт!

Мы рассказывали байки у бивачных костров в прериях, перевязывали друг другу раны после попытки высадиться на Маркизских островах, пили за здоровье друг друга на берегах Титикака. У нас найдется еще немало о чем порассказать друг другу, отыщутся новые раны для врачевания, и есть за чье здоровье выпить. Так не соизволишь ли прибыть завтра к моему бивачному костру? Зову тебя без колебаний — мне известно, что некая леди приглашена завтра в гости, стало быть, ты будешь свободен. Нам составит компанию старый друг, с которым мы были в Корее, — Джек Сьюворт. Мы с ним вдвоем смешаем наши слезы с вином и от души выпьем за здоровье счастливейшего из смертных, который любим благороднейшим из сердец. Обещаем тебе сердечный прием

¹ Титул отпрысков английских пэров.

и искренний праздник. Клянемся доставить тебя домой, если ты слишком увлечешься, когда будешь пить за известные тебе глаза. Жду тебя!

Неизменно твой
Квинси Моррис

Телеграмма Квинси П. Моррису
от Артура Холмвуда

26 мая. Обязательно буду. Есть новости, от них у вас зазвенит в ушах. Арт.

ГЛАВА VI

Дневник Мины Меррей

24 июля. Уитби¹

Дюси, встретившая меня на вокзале, выглядела еще лучше и красивее, чем обычно; мы поехали в дом на Кресент, где они остановились. Городок живописный. Речка Эск протекает по глубокой долине, расширяющейся вблизи гавани. Долину пересекает виадук, сквозь его высокие арки открываются виды, кажущиеся более удаленными, чем в реальности. Долина утопает в зелени. Склоны ее столь круты, что с одной стороны видишь лишь противоположную, а чтобы заглянуть вниз, надо встать на самый край обрыва. Дома в старом городе — чуть в стороне от нас — крыты красными крышами и громоздятся друг над другом, как на видах Нюрнберга. На холме над городом виднеются руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами, оно описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену. Руины величественные, монументальные и романтические. Существует легенда, что в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии. Между аббатством и городом находится приходская церковь, при ней большое кладбище с множеством памятников. Поэтому, это живописнейшее место в Уитби: оно расположено над самым городом, и оттуда открывается прекрасный вид на гавань и бухту до мыса Кетленесс, уходящего далеко в море. Спуск в гавань отсюда так крут, что часть берега обвалилась

¹ Курортный городок на северо-востоке Англии, на берегу Северного моря; рыболовный порт.

и некоторые могилы разрушились. В одном месте обломки памятников сползли с могил на песчаную дорожку. Во дворе церкви стоят скамьи, многие горожане проводят здесь целые дни, любясь прекрасным видом и наслаждаясь морским воздухом. Я сама буду часто приходить сюда и заниматься. Вот и сейчас пишу, пристроив тетрадь на коленях и прислушиваясь к разговору трех стариков, сидящих на моей скамейке. Они, кажется, дни напролет просиживают здесь.

Гавань расположена прямо подо мной; дальняя ее сторона представляет собою длинную гранитную стену, выступающую в море и загибающуюся к концу, где находится маяк. Выступ этот защищен капитальной дамбой. На ближней стороне гавани дамба резко поворачивает в противоположную сторону, и на ее конце тоже стоит маяк. Между двумя молами узкий проход в гавань, которая потом резко расширяется.

Во время прилива панорама особенно живописна, когда же вода спадает, остается только речушка Эск меж песчаных берегов да скалы, которые здесь повсюду. За гаванью виднеется большой утес, растянувшийся на полмили, его острая верхушка выступает из-за южного маяка. У подножия утеса стоит бакен с колоколом, заунывные звуки которого разносятся ветром в плохую погоду. Местная легенда гласит: если корабль сбивается с курса, то в море слышится колокольный звон. Спрошу-ка об этом старика, идущего сюда...

Настоящей морской волк, все лицо испещрено морщинами, по его словам, ему почти сто лет, он был матросом в рыболовном флоте в Гренландии еще во время битвы при Ватерлоо. Думаю, большой скептик: когда я спросила его о колоколах в море и женщине в белом, старик ответил мне очень резко:

— Не стану грешить против истины, мисс. Все это дребедень. Не скажу, чтобы ничего такого и вовсе не было, но уж только не в мое время. Эти бредни хороши лишь для тех, кому делать нечего; вот они и мотаются сюда из Йорка и Лидса, чтобы лакомиться здесь копченой селедкой, да чаем надуваться, а на уме — как бы по дешевке перехватить вещьцу из

гагата. Но вам, такой молодой и славной леди, это ни к чему. Диву даюсь, кому только охота сочинять такую чепуху, даже газеты такого не напишут, хотя там полно разных глупостей.

Думаю, старик знает немало интересного, и я попросила его рассказать что-нибудь о ловле китов в былые времена. Только он сел поудобнее, чтобы начать рассказ, как часы пробили шесть. Не без труда поднявшись, старик сказал:

— Пора возвращаться, мисс. Моя внучка не любит ждать, когда чай остывает, а ведь мне нужно время, чтобы доковылять по этим чертовым ступеням до дома, — их так много! — а поесть я люблю вовремя, мисс.

И поспешно, насколько ему позволяли силы, мой старый морской волк засеменял, прихрамывая, по ступенькам. Ступеньки — характерная особенность местного пейзажа. Их много — сотни, они ведут из города вверх к церкви плавными поворотами — и так полого, что даже лошадь может легко подняться и спуститься по ним. Наверное, когда-то они вели к аббатству.

Пожалуй, и я пойду домой. Люси с матерью делают визиты, и, поскольку это визиты вежливости, я с ними не пошла. Но они, должно быть, уже дома.

1 августа. Я снова здесь, с Люси. У нас состоялся очень интересный разговор с моим старым знакомым и его приятелями. Он явно признанный оракул среди них и, думаю, в свое время был очень властным человеком. Никаких авторитетов этот человек не признает и всех ставит на место. Если он не может доказать им свою правоту, то грубо поносит, а потом принимает их молчание как согласие.

Люси выглядит милой в белом батистовом платье; она здесь похорошела, у нее чудный цвет лица. Я заметила, что старички не упускают случая и тут же подсаживаются к ней, как только мы приходим на церковный двор. Она любезна с пожилыми людьми и сразу покоряет их. Даже мой старый морской волк не устоял и не перечил ей, зато мне попало

вдвойне — я завела разговор о легендах, и он разразился гневной тирадой. Постараюсь вспомнить ее и изложить:

— Какая глупость, чушь, и больше ничего. Призраки, привидения, тьфу! Духи, домовые... Чего только не напридумают, чтобы пугать детей и женщин. Пустое это! Выдумки попов все эти знаки да знамения! Крючкотворы сварливые! Шарлатаны бродячие! На месте им не сидится, только и знают, что ребятишек пугать да склонять людей ко всякой пакости. Как подумаю про это, так весь захожусь! И ведь мало им вранья в газетах, с амвона врут так, что уши вянут, а на могилах, погляди-ка, что пишут. Вон сколько памятников, и как они только не падают от вранья, которое высечено на них. Вот, пожалуйста: «Здесь покоится тело такого-то» и «Вечная память такому-то», но едва ли не половина могил пуста, а память эта самая не дороже понюшки табаку. Все это ложь, сплошная ложь — хошь про то, хошь про это! Свят! Свят! Это что же будет в день Страшного Суда, как все подымутся со дна морского в саванах да потащут за собой памятники, дескать, вот мы какие; а ручонки-то у них от волнения дрожат, небось ослабли вовсе, столько в море-то лежать. Тут-то они плиточки свои и побросают...

Старик был так доволен и так лукаво поглядывал на своих закадычных дружков в расчете на одобрение, что я поняла: он «играет на публику» — и решила слегка подзадорить его:

— О мистер Свейлз, это, наверное, неправда. Не может быть, чтобы половина могил была пуста?

— Как это неправда! Может, кое-какие и в порядке, а есть и такие, из которых выкапывали покойников, чтобы приукрасить — ведь некоторые считают, что бальзамирование сохраняет, как море. Но по большей-то части все это показуха, пшик... Вот вы, человек приезжий, сюда приходите и видите это кладбище... — Я кивнула, решив, что лучше согласиться, хотя не совсем понимала его сбивчивую речь. Поняла лишь — старик говорит что-то про церковь. А он продолжал: — Неужто вы и впрямь думаете, что под всеми этими камнями лежат покойнички, обряженные по всем правилам? — Я снова

кивнула. — Ничуть не бывало! Пустые могилки, как табакерка старого Дана в пятницу вечером. — Он слегка подтолкнул локтем в бок одного из своих приятелей, и все рассмеялись. — О Господи! Да как же иначе? Взгляните вон на ту, самую дальнюю — в том конце, прочтите надписи!

Я пошла туда и прочитала:

«Эдвард Спенслаф, убит пиратами у берегов Андреса в апреле 1854 г. в возрасте 30 лет».

Когда я вернулась, мистер Свейлз продолжал:

— Скажите на милость, кому это надо волочь мертвяка сюда? С Багамских-то островов! Как же, ищите его здесь, под этим камнем! Да я вам дюжину таких назову, чьи кости остались в морях Гренландии, во-он там, — и он показал на север. — Бог весть куда их занесло течением. А вон памятники к вам поближе. Своими молодыми глазками вы прочтете на них ложь, вон — мелкими буквами. Этот Брейтувейт Лоури — я знал его отца — погиб на «Живом» около Гренландии в двадцатом году; или Эндрю Вудхаус — утонул в тех же морях в 1777, а Джон Пэкстон — у мыса Фарвеля¹ годом позже; старый Джон Ролингс, чей дед плавал со мной, утонул в Финском заливе в пятидесятом. А ну как все они рванут в Уитби под звуки трубного гласа? Представляю себе, что за давка здесь будет, в точности как ледовые побоища в старые добрые времена, когда мы дрались весь день до темноты и наши раны врачевало северное сияние.

Очевидно, это была какая-то местная шутка, потому что старик расхохотался после сказанного, а его дружки с удовольствием к нему присоединились.

— Но вы не совсем правы, — возразила я ему. — Вы исходите из того, что все эти несчастные или их души должны иметь с собой свои надгробные плиты в день Страшного Суда. Вы считаете это обязательным?

— А на что еще нужны эти камни? Ответьте-ка мне, мисс!

— Для родственников, я думаю.

¹ Самая южная точка Гренландии.

— Для родственников, вы думаете! — повторил он с презрением. — Какое же им удовольствие от того, что они знают: на плитах — вранье? Да вам любой местный подтвердит, что все эти надписи лгут. — И указал на каменную плиту у самых наших ног, рядом со скамейкой. — Прочтите вранье на этом камне.

Я со своего места не могла разобрать надпись — буквы были вверх ногами, — но Люси сидела поближе, она наклонилась и прочла:

— «Дорогой памяти Джорджа Кэнона. Умер, исполненный надежды на чудесное воскресение, 29 июля 1873 г. Упал со скалы в районе Кетленесса. Горячо любимому сыну от его скорбящей матери. Он был единственным ее сыном, а она — вдовой». Мистер Свейлз, пожалуй, я не вижу ничего забавного в этом! — прокомментировала Люси очень серьезно и даже несколько строго.

— Вы не видите ничего забавного! Ха-ха! Да вы просто не знаете, что «скорбящая мать» — настоящая мегера, она его ненавидела, потому что он был калекой — сильно хромал, а он ненавидел ее и поэтому покончил с собой, чтобы она не получила страховку за него. Он снес себе полголовы выстрелом из старого мушкета, которым они распугивали ворон, однако на сей раз мушкет сработал наоборот — он привлек ворон, да еще мух. Вот так «любимый сын упал со скалы». А что касается надежд на «чудесное воскресение», то я сам часто слышал, как он говорил о своей надежде попасть в ад, поскольку его мать так набожна, что наверняка попадет в рай, а ему бы не хотелось оказаться с ней в одном месте. Так что вы теперь скажете про эту плиту? — Он постучал своей палкой. — Это не ложь! Вот потеха будет Гавриилу, когда Джорди, запыхавшись, выберется на поверхность земли с надгробной плитой на горбу и предложит ее как свидетельство своей благопристойной кончины!

Я не знала, что и сказать на это, но Люси, встав с места, на свой лад повернула разговор:

— Ох, ну зачем вы все это рассказали нам? Это было мое любимое место, мне бы хотелось и впредь приходить сюда, теперь же оказалось — я сижу на могиле самоубийцы.

— Вам это никак не повредит, моя милая; а бедного Джорди, пожалуй, лишь порадует, что такая нарядная девушка сидит подле него. Вам никакого ущерба. Я ведь здесь почти двадцать лет, и ничего. Да пусть вас не беспокоит, лежит ли там кто-то или нет! Наступит Судный день — сами увидите, как потащут надгробные плиты да памятники, и местность обнажится, как жнивье. Часы бьют, я должен идти. Мое почтение, леди.

И старик заковылял прочь. А мы с Люси еще немного посидели; перед нами открывался такой прекрасный вид, что мы даже взялись за руки. Она еще раз рассказала мне все об Артуре и приближающейся свадьбе. У меня защемило сердце — от Джонатана уже месяц не было вестей.

Позднее. Я снова пришла на церковный двор, уже одна, очень расстроенная. Писем все нет и нет. Надеюсь, с Джонатаном ничего не случилось.

Часы пробили девять. Передо мной город, освещенный рядами огней, вытянувшихся вдоль реки Эск и ее излучины. Иногда мелькают отдельные огоньки. Слева все закрывает черная крыша соседнего с аббатством старого дома. Позади слышится блеяние овец на полях, а снизу раздается топот ослиных копыт. Оркестр на пирсе наяривает быстрый вальс, а позади него на набережной собралась Армия спасения.

Оркестранты друг друга не слышат, но я вижу и слышу и тех, и других. Но где же Джонатан и помнит ли он обо мне? Как бы я хотела, чтобы он был здесь!

Дневник доктора Сьюворда

5 июня. Чем больше вникаю в болезнь Ренфилда, тем любопытнее она мне кажется. У него особенно развиты такие черты характера, как эгоизм, скрытность, целенаправленность... — хотел бы я понять ее суть. Такое впечатление,

будто у него есть какой-то четкий план, а вот какой — не знаю. Трогает его любовь к животным и насекомым, хотя порой она проявляется весьма курьезно, и тогда мне кажется, что он аномально жесток. Наклонности у него довольно странные. Например, теперь его любимое занятие — ловить мух. У него их сейчас столько, что я был вынужден сделать ему замечание и велел убрать их. К моему удивлению, это не привело его в ярость, как я ожидал, он воспринял замечание просто и серьезно. Подумав минуту, сказал:

— Вы можете дать мне три дня? Тогда я их уберу.

Конечно, я согласился. Но за ним нужен глаз да глаз.

18 июня. Теперь он занялся пауками. У него в коробке несколько больших пауков. Ренфилд кормит их мухами, количество которых заметно поубавилось, несмотря на то, что своей едой он специально приманивает мух со двора.

1 июля. Пауки стали такой же напастью, как и мухи, сегодня я предложил ему расстаться хотя бы с частью из них. Он с легкостью согласился, и я дал ему на это тот же срок. Ренфилд вызывает у меня сильное отвращение — во время нашего разговора в палату влетела жирная мясная муха, он поймал ее, несколько секунд рассматривал, а потом, прежде чем я сообразил, что он собирается делать, бросил ее в рот и проглотил. Я стал бранить его, но он спокойно возразил, что это очень вкусно, полезно и для него — источник жизненной силы. Это навело меня на мысль, точнее, дало импульс — проследить, как он будет избавляться от пауков. Очевидно, у него на уме что-то серьезное — он не расстается с маленькой записной книжкой и часто делает в ней пометки. Страницы ее сплошь испещрены цифрами, в основном однозначными, которые Ренфилд складывает столбиком, полученные же результаты снова складывает, как будто, по выражению финансовых ревизоров, «подводит баланс».

8 июля. В его безумии есть некая закономерность, и у меня возникли кое-какие догадки. Возможно, они скоро офор-

мятся в некую общую, еще смутную мысль, а уж затем... ох уж это мне мыслящее подсознание! Когда же наконец оно уступит дорогу своему брату — осознанному размышлению.

Уже несколько дней не виделся со своим «приятелем», так что при встрече сразу заметил перемены, которые за это время с ним произошли. В общем, перемены не бог весть какие, ну разве то, что он почти избавился от своих прежних любимцев и завел нового: умудрился поймать воробья и уже отчасти приручил его, прибегнув к своему испытанному и предельно простому способу. В итоге поголовье пауков значительно сократилось. Оставшиеся же особи хорошо откормлены — Ренфилд все еще добывает мух, приманивая их едой.

19 июля. Мы прогрессируем. У моего «приятеля» теперь целое семейство воробьев, от мух и пауков и следа почти не осталось. Когда я вошел в палату, Ренфилд бросился ко мне и стал просить меня о большом одолжении — об очень, очень большом одолжении! — при этом ластился ко мне, как собака. Я спросил его, что ему нужно, и он ответил с каким-то упоением:

— Котеночка, такого маленького, хорошенького, гладкого, игривого котеночка, я буду с ним играть, учить его и кормить — кормить, кормить и кормить!

Его просьба не застала меня врасплох — я заметил: его любимцы быстро прогрессируют в размерах. Но я не хотел, чтобы чудное семейство ручных воробьев было уничтожено, подобно мухам и паукам. Поэтому я обещал ему подумать и спросил, не подойдет ли ему лучше кошка. Пыл, с которым он ответил, выдал его:

— О да, мне бы хотелось кошку! Я попросил котенка, боясь, что вы откажете мне в кошке. Но в котенке-то мне не откажут?

Я покачал головой, заметив, что сейчас, пожалуй, это невозможно, но обещал ему подумать. Лицо у него помрачнело, а в глазах вспыхнул сигнал опасности — неожиданно злобный взгляд искоса, таивший в себе жажду крови. У этого

человека — потенциальная мания убийства. Попробую удовлетворить это его страстное желание завести кошку и понаблюдаю за результатом. Возможно, тогда ситуация проявится.

10 часов вечера. Я вновь зашел к нему. Он сидел в углу в раздумье. Увидев меня, бросился на колени, умоляя разрешить ему завести котенка, и уверял, что от этого зависит его выздоровление. Однако я был непреклонен; тогда он молча вернулся в угол, сел и стал грызть ногти. Зайду посмотреть на него с утра пораньше.

20 июля. Навестил Ренфилда рано утром, до обхода служителя. Он уже встал, мурлыкал какую-то мелодию и сыпал на подоконник сахар, который сберег, чтобы ловить мух; он делал это весело, с удовольствием. Я огляделся и, не увидев его птиц, спросил, где они. Не оборачиваясь, он ответил, что улетели. В комнате валялось несколько перьев, а на подушке я заметил пятнышко крови. Я ничего не сказал, но, уходя, поручил служителью сообщить мне, если в течение дня с Ренфилдом произойдет что-то необычное.

11 часов утра. Только что ко мне зашел служитель, который сообщил, что Ренфилду было очень плохо, его рвало перьями.

— По-моему, доктор, — сказал служитель, — он съел своих птиц — просто брал и глотал их живьем!

11 часов вечера. Дал Ренфилду сильную дозу снотворного, он заснул, а я решил заглянуть в его записную книжку. Брезжившая в моем мозгу догадка окончательно оформилась, гипотеза подтвердилась: я имею дело с маньяком — убийцей особого рода. Мне придется ввести новую классификацию для него — маньяк-зоофаг (пожирающий все живое); мой пациент одержим желанием поглотить как можно больше жизней — по восходящей: пауков он кормил мухами, птиц —

пауками, птицы же были предназначены на прокорм кошки. Каковы были бы его следующие шаги? Возможно, эксперимент стоит продолжать. Однако пойти на такой риск можно, только имея достаточно оснований. Опыты на животных осуждают, но посмотрите сегодня на результаты! А как развивать самую сложную область науки — познание мозга? Знай я тайну церебрального механизма, подбери я ключ к фантазиям хотя бы одного сумасшедшего, и мне бы удалось поднять эту область науки на такой уровень, по сравнению с которым физиология Бердон-Сандерсона или учение о мозге Феррера оказались бы просто пустым звуком. Лишь бы это было оправданно! Но не стоит много думать об этом, а то искушение слишком велико и, пожалуй, перетянет чашу весов, ведь, возможно, у меня самого мозг устроен как-то особо?

Как складно рассуждал Ренфилд! Ненормальные люди всегда кажутся вполне логичными в определенных пределах. Интересно, во сколько жизней он оценивает жизнь человека? Итог он подвел точно — закрыл счет, а сегодня начал все заново. Многие ли из нас способны каждый день открывать новый счет?

Еще вчера мне казалось, что рухнули все надежды и жизнь кончилась, но я все-таки открыл новый счет. И буду вести его до тех пор, пока Великий Судия, суммировав все и подведя баланс прибылей и потерь, не закроет счет в моем гроссбухе. О Люси, Люси, я не могу сердиться на вас и своего друга, чье счастье стало вашим; я должен жить дальше, утратив всякую надежду, и работать. Работать! Работать!

Будь у меня стимул, такой же мощный, как у моего бедного безумца, — подлинный, бескорыстный источник, заставляющий работать, — это было бы воистину счастьем.

Дневник Мины Меррей

26 июля. Очень беспокоюсь, и единственное, что на меня действует успокаивающе, — это возможность высказаться в дневнике; мне кажется, я нашептываю кому-то что-то по

секрету и одновременно внимаю своему шепоту. И конечно, стенографическая запись существенно отличается от обычных записей.

Меня тревожат Люси и Джонатан. Некоторое время Джонатан вообще ничего мне не писал — я сильно волновалась. Но вчера милый, добрый мистер Хокинс переслал мне письмо от него. Несколько дней тому, не выдержав неизвестности, я написала мистеру Хокинсу в надежде выяснить, нет ли вестей из Трансильвании, а он, оказывается, только что получил письмо Джонатана, в которое была вложена записка для меня. В ней лишь одна написанная в замке Дракулы строчка — он выезжает домой.

Что-то непохоже на Джонатана, не понимаю, в чем дело, но мне как-то не по себе. А тут еще Люси, хотя выглядит и чувствует себя хорошо, вернулась к своей привычке бродить во сне. Мы с ее матерью, обсудив это, решили запираť на ночь дверь нашей спальни. Миссис Вестенра вбила себе в голову, что лунатики непременно разгуливают по карнизам домов или по краю обрыва, а когда внезапно пробуждаются, то падают вниз с душераздирающим криком, который разносится по всей округе. Бедняжка, она боится за Люси, даже призналась мне, что это у нее наследственное — от отца, который часто вставал по ночам, одевался и выходил, если его не остановить.

Осенью у Люси свадьба, и она уже обдумывает, как все устроит в своем будущем доме. Я хорошо ее понимаю, сама мечтаю о том же, только нам с Джонатаном придется начать новую жизнь скромнее — нам будет трудно сводить концы с концами. Мистер Холмвуд, точнее, достопочтенный сэр Артур Холмвуд, единственный сын лорда Годалминга, приедет сюда, как только сможет оставить Лондон: его отец нездоров. Милая Люси, наверное, считает часы до его приезда. Она хочет показать ему нашу скамейку на кладбищенском утесе и живописную панораму Уитби. Возможно, именно это ожидание и выбивает ее из колеи, но она поправится, как только приедет ее жених.

27 июля. Никаких вестей от Джонатана. Очень беспокоюсь за него, хотя не знаю почему. Ну хоть бы еще одну строчку от него! Лунатизм Люси прогрессирует, каждую ночь просыпаюсь оттого, что она ходит по комнате. К счастью, сейчас тепло — бедняжка не простудится, но постоянная тревога и вынужденная бессонница начали сказываться на мне. Я стала нервной, плохо сплю. Слава богу, хоть в остальном Люси здорова. Мистера Холмвуда неожиданно вызвали в Ринг, их семейную усадьбу, — к отцу, который разболелся не на шутку. Встреча откладывается, и Люси переживает, но на ее внешнем виде это не сказывается. Она немного поправилась, на щеках появился нежный румянец, прежняя бледность прошла. Молюсь, чтоб все у нее было хорошо.

3 августа. Прошла еще неделя — никаких вестей от Джонатана, даже у мистера Хокинса. Надеюсь, он здоров, иначе наверняка бы написал. Перечитываю его последнее письмо, и сомнения одолевают меня. Письмо как-то непохоже на Джонатана, хотя, несомненно, почерк его. Люси на этой неделе спала довольно хорошо, гуляла по ночам мало, но с ней происходит что-то странное, совсем не понятное мне. Она как будто следит за мной даже во сне, пытается открыть дверь и, обнаружив, что она заперта, ищет ключи по всей комнате.

6 августа. Прошло еще три дня, никаких известий. Неопределенность пугает меня. Если б знать, куда писать или ехать, было бы легче. Но никто ничего не знает о Джонатане после его последнего письма. Дай бог терпения. Люси еще более возбуждена, чем прежде, но в остальном вполне здорова. Вчера ночью погода испортилась, рыбаки говорили, что будет шторм. Очень хочется увидеть разбушевавшуюся стихию и научиться угадывать погоду по разным признакам.

Сегодня серый день. Пока я пишу, солнце скрылось за большими тучами где-то высоко над Кетленессом. Все стало

серым, кроме зеленой, как изумруд, травы, — серый землистый утес, сквозь серые облака из-за дальней кромки лишь слегка просвечивает солнце, серое море, к которому тянутся песчаные отмели, как серые пальцы. Море окутано надвигающимся туманом, волны с ревом накатываются на отмели. Вокруг безбрежье, горизонт тонет в сером тумане, тучи громоздятся, словно исполинские скалы, а над морем предвещием неотвратимого рока навис зловещий гул. На берегу сквозь пелену тумана виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья». Рыбачьи лодки спешат домой, в гавань, и то появляются, то исчезают в волнах прибой. Вот идет мистер Свейлз. Старик направляется прямо ко мне, и по тому, как он здоровается, приподнимая шляпу, вижу — ему необходимо поговорить со мной...

Меня тронула перемена в нем. Сев подле меня, он заговорил очень мягко:

— Мне хочется кое-что сказать вам, мисс.

Ему было явно неловко, поэтому я взяла его старческую морщинистую руку и попросила не смущаться и говорить откровенно; не отнимая руки, он сказал:

— Боюсь, дорогая моя, я напугал вас на прошлой неделе ужасами о мертвецах. Это не входило в мои намерения, и мне хотелось, чтобы вы узнали об этом, пока я еще жив. Мы, старики, глупые — уже одной ногой в могиле, а все стараемся не думать об этом, но и грех на себя брать не желаем; вот и решил я с вами объясниться, душу облегчить. Но, видит бог, мисс, я не боюсь смерти, совсем не боюсь, просто неохота умирать, но ничего не поделаешь. Мой конец уже близок, я стар, сто лет — мало кто на такое рассчитывает. Знаю, старуха уже точит свою косу. Видите, никак не могу избавиться от дурной привычки сетовать, все ропщу и ропщу. Скоро уж ангел смерти вострубит надо мною. Но не нужно горевать, милая! — воскликнул старик, заметив, что я плачу. — Если даже сегодня ночью он придет ко мне, я готов откликнуться на его зов. Жизнь-то ведь наша и есть только ожидание чего-то большего, чем наша суета, а смерть — она

неминуема, она-то не обманет. А я и рад, уважаемая, что она приближается, вот-вот нагрянет. Сидим мы тут и любимся, а она уж на подступах. Может, этот ветер с моря несет с собой погибель, и горе, и печаль. Правда, правда! — вдруг закричал он. — Смертью пахнуло. Я чувствую ее приближение. Дай бог мне силы стойко встретить ее!

Старый моряк благоговейно простер руки к небу и снял шляпу. Губы его шевелились, будто в молитве. Помолчал несколько минут, потом встал, пожал мне руку и благословил. Попрощавшись, он, прихрамывая, пошел домой. Я была растрогана и огорчена.

Появился охранник береговой службы с подзорной трубой под мышкой, я обрадовалась, увидев его. Он, как обычно, остановился поговорить со мной, но при этом глаз не сводил с какого-то странного корабля.

— Не могу понять, что за судно, — заметил он. — По виду — русское. Как-то чудно его бросает из стороны в сторону. Похоже, капитан не может решить, как быть; видит — надвигается шторм, но не знает, то ли идти на север, в открытое море, то ли войти в бухту. Вот опять, смотрите! Шхуна как будто вовсе не слушается руля — с каждым порывом ветра меняет направление. И дня не пройдет, как мы еще услышим о ней...

ГЛАВА VII

Статья из газеты «ДЕЙЛИГРАФ» от 8 августа
(приложенная к дневнику Мины Меррей)
От собственного корреспондента
Уитби

Неожиданно разразившийся шторм имел необычные, уникальные в своем роде последствия. Жара в тот день была вполне обычной для августа. В субботу вечером стояла прекрасная погода, в живописных окрестностях Уитби — Малгрей-Вудс, бухте Робина Гуда, Риг-Милл, Рансвик, Стейтес — было много отдыхающих. Пароходики «Эмма» и «Скарборо» сновали вдоль побережья, перевоза многочисленных пассажиров. День был чудесный до обеда, потом завсегдатаи Восточного утеса у кладбища, откуда открывается широкий обзор моря на север и восток, обратили внимание на появившиеся высоко в небе на северо-западе перистые облака, предвещающие дождь. Дул слабый юго-западный ветерок, обозначаемый на барометре «№ 2: легкий бриз». Охранник береговой службы немедленно сообщил об этом, а один старый рыбак, более полувека наблюдавший с Восточного утеса за переменами погоды, предсказал — и очень взволнованно — внезапный шторм.

Закат был так великолепен среди величественных нагромождений облаков и туч разной окраски, что целая толпа собралась на утесе у кладбища, чтобы полюбоваться их красотой. Заходящее солнце начало клониться за темную линию Кетленесса, четко вырисовывавшегося на фоне неба, и окрасило облака в самые разнообразные цвета — огненный, багряный, розовый, зеленый, лиловый, все оттенки золота; кое-где виднелись небольшие, разной и четкой формы островки абсолютной черноты. Это зрелище не могло оста-

вить равнодушными художников, и, несомненно, в следующем мае на выставке в Королевской академии искусств появятся зарисовки «Перед штормом».

Многие капитаны тогда решили не покидать гавань, пока не пройдет шторм. Вечером ветер совсем стих, к полуночи воцарились штиль, духота и гнетущее предгрозовое напряжение. На море было мало огней — несколько береговых судов, рыбацьи лодки да иностранная шхуна, под всеми парусами двигавшаяся на запад. Безрассудная отвага или полное невежество капитана и его помощников стали темой для пересудов. Пока она находилась в поле зрения, пытались подать им сигнал, чтобы они спустили паруса ввиду приближающейся опасности. До самого наступления темноты ее видели мягко покачивающейся на волнах с бессмысленно развевающимися парусами.

«Корабль наш спит, как в нарисованной воде рисованный стоит»¹. К десяти часам тишина стала совершенно невыносимой, любые звуки — бляение овец в долине, лай собаки в городе или легкомысленные мелодии оркестра на молу — вносили диссонанс в великую гармонию умолкшей природы. Вскоре после полуночи с моря донесся странный звук, сменившийся потом зловещим глухим гулом.

Буря разразилась внезапно. С немыслимой быстротой преобразился весь пейзаж. Ярость вздымающихся, перекрывающих друг друга волн нарастала. Море, только что гладкое, словно зеркало, за несколько минут превратилось в ревущее, всепоглощающее чудовище. Волны белыми гребнями бешено бились о песчаные берега и скалы, взметались на молы и своей пеной омывали фонари маяков, стоящих в конце гавани Уитби. Ветер ревел — он дул с такой мощью, что даже сильный человек с трудом удерживался на ногах, да и то если удавалось уцепиться за железные стояки. Пришлось очистить пристань от толпы зрителей, иначе жертвы этой ночи возросли бы во

¹ Строка из «Поэмы о старом моряке» английского поэта-романтика С. Т. Колриджа (1772 — 1834). Перевод Н. С. Гумилева.

много раз. В довершение всех бед с моря на берег пополз туман — белый, влажный, напоминающий привидения. Он был такой холодный и промозглый, что не требовалось особой фантазии представить себе, будто это духи погибших в море прикасались к своим живым собратьям ледяными руками смерти; многие содрогались, когда мертвенная пелена окутывала их. Временами туман рассеивался и просматривалось море в сверкании непрерывной череды молний, сопровождавшихся внезапными раскатами грома, сотрясавшими, казалось, все небо.

Открылись поразительно величественные виды — оторваться от них было невозможно: море вздымалось, подобно горам, швыряя в небо с каждым новым валом клочья белоснежной пены, которые буря подхватывала и уносила в бесконечность пространства. Время от времени, с лохмотьями на мачте вместо паруса, стремительно проносились рыбацьи лодки в поисках укрытия. Мелькали белые крылья попавшей в шторм чайки. На вершине Восточного утеса впервые включили недавно установленный там прожектор и освещали, насколько это возможно, поверхность моря. Пару раз это действительно очень помогло: например, одна полузатопленная рыбацья лодка, проскочив в гавань, благодаря его свету избежала крушения — не разбилась о мол. Всякий раз, как очередная рыбацья лодка оказывалась в безопасности, толпа на берегу бурно ликовала, радостные крики на мгновение прорезали бурю и затем уносились, подхваченные ее новым порывом.

Вскоре прожектор обнаружил вдали шхуну под всеми парусами, очевидно, ту самую, что была замечена раньше вечером. За это время ветер повернул к востоку; зрителей на утесе охватил ужас, когда они поняли, в какой опасности оказалась теперь шхуна. От гавани ее отделял большой плоский риф, из-за него в прошлом пострадало много судов; и при ветре, дувшем в этом направлении, шхуна не могла войти в гавань. Приближался час прилива, но волны были так высоки, что вздымались, казалось, с самого дна, у их осно-

ваний просматривались прибрежные отмели, а шхуна на всех парусах неслась с такой скоростью, что, по выражению одного морского волка, «она мчалась прямо в ад». Затем снова надвинулся туман, плотнее прежнего, — влажная серая пелена, оставившая людям единственную возможность — слышать: рев бури, раскаты грома, шум могучих волн, доносившиеся сквозь влажную завесу, стали как будто еще громче и резче.

Лучи прожектора были теперь направлены на вход в гавань через Восточный мол, у которого ожидалось крушение. Люди затаили дыхание, но ветер вдруг подул к северо-востоку и рассеял остатки тумана. И тогда — о чудо! — взлетая на волнах, на головокружительной скорости странная шхуна, возникнув между молами, на всех парусах вошла в безопасную гавань. Прожектор ярко осветил ее, и все невольно вздрогнули: к рулю был привязан труп, голова которого безвольно моталась из стороны в сторону при движении корабля. И больше на палубе ни души. Люди были потрясены: никем не управляемый — разве что мертвецом! — корабль чудом вошел в гавань! Впрочем, все произошло гораздо быстрее, чем пишутся эти строки: шхуна в мгновение ока пересекла гавань и врезалась в большую кучу песка и гравия, намытую многими приливами и штормами в юго-восточном углу Тейт-Хилл-пирса, под Восточным утесом.

Корабль, разумеется, врезался в песочную кучу на полном ходу, так что все крепления, опоры и веревки напряглись до предела, а верхняя часть мачт рухнула, но самое странное: лишь только шхуна коснулась берега, на палубу выскочила громадная собака, пробежала на нос, спрыгнула на песок и, устремившись к крутому утесу, на котором расположено кладбище, исчезла во мраке.

Никого не было на Тейт-Хилл-пирсе: жители домов, расположенных по соседству, уже спали или же находились наверху. Первым поднялся на борт охранник береговой службы, дежуривший на восточной стороне гавани. Человек, управляющий прожектором, осветил вход в гавань и, ничего не заметив там, направил луч на шхуну. Пройдя на корму к

штурвалу, охранник наклонился, присматриваясь к мертвому телу, и сразу отпрянул, чем-то потрясенный. Это вызвало всеобщее любопытство, и многие устремились к месту катастрофы. От Западного утеса через Дробридж на Тейт-Хилл-пирс путь не близок, но ваш корреспондент — довольно хороший бегун и намного опередил остальных. Тем не менее на пирсе я увидел уже целую толпу, но охранник и полиция никого не пускали на корабль. Мне же, как вашему корреспонденту, разрешили подняться на палубу, таким образом я оказался в числе тех немногих, кто видел мертвого моряка еще привязанным к штурвалу.

Нет ничего удивительного в том, что охранник сильно испугался — такое не каждый день увидишь. Мертвец был привязан за руки — одна поверх другой — к штурвалу, причем между той рукой, что внизу, и деревянным ободом обнаружили вложенный в ладонь крест; прикрепленные к нему четки были обмотаны вокруг запястий и рулевым колесом, а все это вместе крепко-накрепко перетянута веревками. Видимо, раньше бедняга находился в сидячем положении, но из-за свирепой бортовой качки, которой неубранные паруса только способствовали, мертвое тело с такой силой швыряло из стороны в сторону, что веревки врезались в мясо до кости.

Был составлен подробный отчет об увиденном, а доктор — военно-морской врач Дж. М. Кэффин, проживающий на Ист-Элли-от-Плейс, 33 и пришедший вслед за мной, — после осмотра заявил, что этот человек умер по крайней мере два дня назад. В кармане мертвеца нашли тщательно закупоренную бутылку с вложенным в нее маленьким бумажным свитком, оказавшимся дополнением к судовому журналу. По мнению охранника береговой службы, этот моряк сам связал себе руки, затянув узлы зубами. То, что первым на борт шхуны поднялся представитель береговой службы, предупреждает возможные осложнения с Адмиралтейством; ибо береговая охрана, в отличие от гражданских лиц, не может претендовать на вознаграждение за спасенное имущество покинутых судов.

Юридическая сторона вопроса сразу стала предметом обсуждения, и один молодой правовед-студент громко утверждал, что судовладелец уже потерял свои права на шхуну по закону о «мортмейне»¹, поскольку штурвал находился в мертвой руке — это служит символом, если не доказательством передачи владения. Погибший моряк с большим почтением был вынесен с места своей последней вахты, — стойкость его сравнима с верностью долгу юного Касабьянки, — и помещен в морг до начала расследования.

Внезапно налетевший шторм начинает стихать, люди расходятся по домам, небо над йоркширскими полями постепенно розовеет. В следующем номере ждите дальнейших подробностей о покинутой шхуне, чудом нашедшей путь в гавань.

Уитби

9 августа. Обстоятельства, открывшиеся после вчерашнего странного прибытия шхуны во время шторма, оказались еще более загадочными, чем сам факт присутствия на палубе мертвого тела. Выяснилось что это русская шхуна «Дмитрий», пришедшая из Варны. Весь ее груз состоял всего из нескольких больших ящиков с черноземом да серебристого песка², который мы использовали как балласт. Груз адресован стряпчему из Уитби — мистеру С. Ф. Биллингтону, проживающему: Кресент, 7. Сегодня утром он приехал в порт и принял груз. Русский консул по долгу службы взял шхуну под свое попечительство и заплатил портовые сборы.

Все только и говорят о странном происшествии. Чиновники из Министерства торговли следят за точным исполнением всех формальностей, чтобы потом не было никаких жалоб. Большой интерес вызвала собака, выскочившая на

¹ «Мортмейн» (мертвая рука) — юридический термин, обозначающий неотчуждаемое право собственности какого-либо учреждения (церковного, благотворительного и пр.).

² Употребляется для полировки камней и в литографировании.

сушу, едва корабль врезался в берег. Многие члены Общества защиты животных, популярного в Уитби, готовы приютить ее. Но, к общему сожалению, собаку нигде не могут найти — она как сквозь землю провалилась. Возможно, так напуталась, что сбежала на болота и теперь прячется там. Некоторым это очень не нравится — чревато неприятностями, ведь, судя по всему, это настоящий хищник: сегодня рано утром нашли мертвой большую собаку, нечистопородного мастифа, принадлежащего торговцу углем, что живет рядом с Тейт-Хилл-пирсом. Пес лежал на дороге напротив двора хозяина. Очевидно, подрался с каким-то лютым зверем — у него разорвано горло, вспорото брюхо — похоже, острыми когтями.

Позднее. Благодаря любезности инспектора Министерства торговли мне разрешили ознакомиться с судовым журналом «Дмитрия»; он велся исправно на протяжении всего плавания, за исключением последних трех дней, но в нем не оказалось ничего примечательного, кроме упоминания о пропаже людей. Гораздо интереснее бумаги, найденные в бутылке. Прочел то и другое, но, видимо, не мне суждено разгадать эту тайну. Поскольку скрывать вроде бы нечего, мне разрешили публикацию в газете, что я и делаю, опуская лишь некоторые морские и коммерческие профессиональные детали. Такое впечатление, будто у капитана перед выходом в море возникла какая-то мания, развившаяся во время плавания. Хотя, конечно, это предположение следует принимать с известной осторожностью, поскольку я пишу под диктовку секретаря русского консула, любезно согласившегося сделать для меня перевод с русского.

Судовой журнал «Дмитрия»

Варна — Уитби

18 июля. Происходят такие странные явления, что отныне я буду вести подробные записи до прибытия на место.

6 июля. Закончили принимать груз — серебристый песок и ящики с землей. В полдень отплыли. Ветер восточный, свежо. Экипаж — пять матросов, два помощника, повар и я (капитан).

11 июля. На рассвете вошли в Босфор. На борт поднялись турецкие таможенники. Бакшиш¹ решил все проблемы. Вышли в четыре часа дня.

12 июля. Проходим Дарданеллы. Снова таможенники и пограничники. Опять бакшиш. Таможенники работают тщательно, но быстро. Хотят, чтобы мы поскорее убрались. Затемно вышли в Эгейское море.

13 июля. Прошли мыс Матапан. Экипаж чем-то недоволен. Выглядят напуганными, но не говорят, в чем дело.

14 июля. Что-то неладное с матросами. Все они надежные, проверенные люди, плававшие со мной и раньше. Помощник никак не может добиться, что случилось: ему сказали только — на судне творится что-то неладное — и перекрестились. Он рассердился на одного из матросов в тот день и ударил его, я ожидал конфликта, но ничего не последовало.

16 июля. Помощник сообщил, что пропал матрос Петровский. Непонятно, что произошло. Встал на вахту по левому борту прошлой ночью после восьми склянок², Абрамов сменил его, но в кубрик Петровский не вернулся. Люди крайне подавлены. Говорят, что ждали этого, но ничего не объясняют, твердят лишь — на корабле что-то не то. Помощник злится на них и ждет неприятностей.

17 июля. Один из матросов, Олгарен, пришел ко мне в каюту очень напуганный и сообщил, что, по его мнению, на корабле находится посторонний. Во время своей вахты Олгарен укрылся от сильного дождя за рубку и вдруг увидел, как высокий худой человек, явно не из команды, прошел по палубе и исчез. Олгарен прошел следом до самого носа корабля,

¹ Чаевые, взятка; приношение (*перс.*).

² Склянка — у моряков тридцать минут. Восемь склянок — четыре часа.

но никого не нашел, а все люки оказались задраены. Его охватил панический суеверный страх — боюсь, как бы паника не распространилась. Чтобы предотвратить ее, велю сегодня тщательно обыскать весь корабль.

Немного позже я собрал команду и сказал: поскольку команда подозревает, что на корабле посторонний, мы тщательно обыщем судно от носа до кормы. Первый помощник рассердился, назвал это глупостью, которая лишь дезорганизует людей, и вызвался успокоить их другими способами. Но я приказал ему встать к штурвалу. Остальные же, стараясь держаться вместе, при свете фонарей начали тщательный обыск. Мы осмотрели все. В трюме был только груз — деревянные ящики, никаких подозрительных закоулков, где бы мог спрятаться человек. После обыска люди успокоились и, повеселев, вернулись к работе. Первый помощник хмурился, но молчал.

22 июля. Три дня штормит, вся команда возится с парусами — бояться некогда. Кажется, все забыли про свои страхи. Помощник повеселел, отношения наладились. Я похвалил людей за хорошую работу в непогоду. Прошли Гибралтар и вышли через пролив в океан. Все хорошо.

24 июля. Злой рок преследует шхуну. Уже потеряли одного матроса, впереди в Бискайском заливе ужасная погода, а тут вчера исчез еще один. Как и первый, закончил вахту — и больше его не видели. Люди в панике; они боятся нести вахту в одиночку, поэтому я предложил дежурить по двое. Помощник рассвирепел. Боюсь беды — либо он, либо команда может перейти грань.

28 июля. Четыре дня в аду; попали в какой-то водоворот, буря не стихает. Совсем не спим. Все выбились из сил. Не знаю даже, кого поставить на вахту. Второй помощник вызвался встать на вахту — у команды появилась возможность поспать несколько часов. Ветер слабеет. Волны еще велики, но море уже спокойнее, и корабль не так бросает.

29 июля. Новая трагедия. Сегодня ночью команда слишком устала, и на вахте стоял всего один человек — второй по-

мошник. Когда утром матрос пришел сменить его, то никого не нашел, кроме рулевого. Он поднял шум, все выбежали на палубу. Провели тщательный обыск — никого. Теперь я без второго помощника, а команда — в панике. Мы с первым помощником решили носить при себе пистолеты.

30 июля. Вчера вечером мы радовались — Англия уже близко. Погода чудная, идем под всеми парусами. От усталости я просто свалился и крепко заснул. Меня разбудил первый помощник и сообщил, что исчезли оба вахтенных и рулевой. На шхуне остались только помощник, два матроса и я.

1 августа. Два дня туман, на горизонте — ни одного паруса. Надеялся, что в Английском канале смогу подать сигнал о помощи или зайти куда-нибудь. Но мы вынуждены идти по ветру: нет сил управлять парусами. Не решаемся и спустить их, потому что не сможем вновь поднять. Судьба нас несет к какому-то ужасному концу. Теперь и первый помощник пал духом. Его сильный характер как бы исподволь сработал против него. Матросы уже за пределами страха, работают бесстрастно и терпеливо, готовые к худшему. Они — русские, он — румын.

2 августа, полночь. Задремал на несколько минут и проснулся от крика у моих дверей. В тумане ничего не вижу. Бросился на палубу и столкнулся с помощником. Он тоже прибежал на крик — вахтенного на месте не оказалось. Еще один исчез. Господи, помоги нам! Помощник говорит, что мы уже прошли Дуврский пролив: крик матроса раздался как раз в тот миг, когда туман рассеялся и стал виден Северный мыс. Если так, то мы уже в Северном море, но только Бог может провести нас сквозь туман, который будто преследует нас. Но Бог, кажется, нас покинул.

3 августа. В полночь я пошел сменить рулевого, но не нашел его. Ветер был сильный, и шхуну несло прямо по ветру. Я не решился оставить штурвал и покричал помощнику. Он выскочил на палубу в нижнем белье. Выглядел изможденно, глаза безумные, опасаясь за его рассудок. Подбежав, он

сильно зашептал мне на ухо, будто боясь, что сам воздух его подслушает:

— *Оно* здесь, теперь я знаю. Вчера ночью, стоя на вахте, я видел *Это* — похоже на высокого, худого человека, мертвенно-бледное. *Оно* было на носу и осматривалось. Я подкрался к нему и ударил ножом, но клинок прошел сквозь него, как сквозь воздух. — Он вытащил нож и с яростью взмахнул им. — Но *Оно* здесь, и я найду его. *Оно* в трюме, возможно, в одном из ящиков. Открою их и посмотрю. А вы управляйте шхуной.

И с угрожающим видом, приложив палец к губам, помощник направился вниз. Поднялся порывистый ветер, я не мог оставить штурвал. Он вновь появился с ящичком для инструментов, фонарем и стал спускаться в ближний люк. Этот сильный человек, похоже, совсем сошел с ума, у него галлюцинации, останавливать его бесполезно. Впрочем, содержимому ящиков он повредить не может, в накладной указано «чернозем», ничего с ним не случится.

Я остался у руля и веду эти записи. Полагаюсь только на Бога и жду, когда рассеется туман. Тогда, если не смогу по ветру загнать шхуну в какую-нибудь гавань, обрублю паруса и дам сигнал бедствия.

Теперь почти все уже кончено. Я надеялся, что помощник наконец успокоится, — слышал стук его молотка из трюма и думал, работа пойдет ему на пользу, — вдруг раздался страшный крик, от которого кровь в моих жилах застыла, и он с блуждающим взглядом и искаженным от страха лицом пулей выскочил из трюма.

— Спасите! Спасите меня! — кричал безумец, озираясь. Ужас его сменился отчаянием, и уже спокойнее он сказал: — Уйдем вместе, капитан, пока еще не поздно. *Оно* там. Теперь я понял, в чем секрет. Море спасет меня от *Него*, это единственный выход!

И прежде чем я успел сказать хоть слово или остановить его, помощник вскочил на фальшборт и бросился в море. Мне кажется, я тоже понял, в чем секрет: этот сумасшедший

уничтожил людей, одного за другим, а теперь сам последовал за ними. Да поможет мне Бог! Как я отвечу за все эти ужасы по прибытии в порт? Когда сойду наконец на сушу! Будет ли это когда-нибудь?

4 августа. По-прежнему туман, сквозь который не может пробиться рассвет. Как и всякий моряк, чувствую наступление рассвета. Не решился спуститься в трюм и оставить штурвал; так и провел всю ночь и в сумраке увидел *Это!* Прости меня, Господи, но помощник был прав, прыгнув за борт: лучше умереть достойно, в море, как подобает моряку. Но капитан не имеет права покинуть корабль, однако я все же перехитрю этого дьявола, это чудовище: когда силы начнут покидать меня, привяжу к штурвалу руки и то, к чему *Он* — или *Оно* — не посмеет прикоснуться. И тогда пусть дует любой ветер — попутный или нет, но я спасу свою душу и честь.

Слабею, а следующая ночь уже приближается. Надо быть готовым к встрече с *Ним*... Если я погибну, может быть, кто-нибудь найдет эту бутылку и поймет... если же нет... что ж, пусть никто не усомнится в том, что я был верен своему долгу. Господи, Пресвятая Дева и святые праведники, помогите бедной заблудшей душе, старавшейся исполнить свой долг...

На этом записи в судовом журнале обрываются. Конечно, вопрос о виновном остается открытым. Нет никаких доказательств, непонятно, кто же все-таки убийца. Почти все в Уитби считают капитана героем, ему устроят торжественные похороны, гроб с его телом провезут вверх по реке Эск в сопровождении целой флотилии, а затем назад — к Тейт-Хилл-пирсу, где на кладбище он и будет предан земле. Владельцы более ста судов уже вызвались принять участие в ритуале его похорон.

Никаких следов громадной собаки; учитывая общественное мнение в настоящий момент, город, наверное, взял бы ее под свою опеку. Завтра состоятся похороны капитана. Отныне еще одной тайной моря станет больше.

Дневник Мины Меррей

8 августа. Люси спала сегодня очень беспокойно, я тоже не могла уснуть. Шторм был ужасный, при каждом завывании ветра в трубах я невольно вздрагивала. При наиболее резких порывах казалось, будто где-то стреляют из пушек. К моему удивлению, Люси не просыпалась, но дважды вставала и начинала одеваться. К счастью, я всякий раз вовремя просыпалась, и мне удавалось уложить ее в постель, не разбудив. Лунатизм — странное явление: при любом физическом препятствии сомнамбула отменяет свою ночную прогулку и возвращается в постель.

Рано утром мы встали и отправились в гавань. Народу гуляло мало, хотя светило солнце, а воздух был чист и свеж. Большие, мрачноватого вида волны, казавшиеся черными по контрасту с белой пеной на гребнях, врывались в узкий проход гавани, напоминая задиристого человека, протискивающегося сквозь толпу. Как бы там ни было, а я порадовалась, что Джонатан сейчас на суше. Впрочем, на суше ли? Где он? Как он? Я все больше беспокоюсь за него. Если бы только знать, что делать, я на все готова!

10 августа. Похороны бедного капитана проходили очень трогательно. Кажется, присутствовали все суда и суденышки порта, а их капитаны на собственных плечах несли гроб от Тейт-Хилл-пирса до кладбища. Мы с Люси рано пришли на нашу скамью, похоронный кортеж как раз двинулся вверх по реке к виадуку, а затем повернул обратно. Нам было видно все как на ладони. Похоронили несчастного недалеко от нашей скамьи, так что мы видели, как его гроб опускали в могилу.

Люси, бедняжка, очень расстроилась. Она вся на нервах; боюсь, сказывается ее лунатизм. Странно, что Люси не говорит мне о причине своего беспокойства, хотя, возможно, она и сама не может понять, в чем дело. Подействовала на нее и смерть бедного мистера Свейлза, которого сегодня утром со

сломанной шеей нашли рядом с нашей скамьей. Очевидно, как сказал доктор, он упал со скамьи от испуга — на лице у него застыло выражение такого несказанного ужаса, что, по словам нашедших его людей, у них мурашки побежали по коже. Славный старик! Может быть, он увидел перед собой саму Смерть!

Люси такая тонкая, она гораздо чувствительнее других. Только что она разволновалась из-за пустяка, которому я не придавала особого значения, хотя очень люблю животных. Один человек пришел на наше место, уже не впервые, с собакой. Оба они очень спокойные: ни разу не видела, чтобы он сердился, а она лаяла. Во время панихиды собака ни за что не хотела подойти к своему хозяину, сидевшему с нами на скамье, а, остановившись в нескольких ярдах, начала лаять и выть. Хозяин говорил с ней ласково, потом строго и, наконец, сердито, но она все равно не унималась, продолжая выть как бешеная: глаза сверкали, шерсть встала дыбом. В конце концов хозяин разозлился, подбежал к ней, пнул ногой, схватил за загривок и бросил на надгробную плиту, рядом с которой стояла наша скамья. Собака тут же затихла, но начала дрожать. Она не пыталась сойти с плиты, а припала к ней, съежившись, дрожа в таком ужасе, что все мои попытки успокоить ее оказались безуспешны. Люси тоже было жаль собаку, но она даже не пыталась погладить ее, а лишь смотрела на нее в таком отчаянии, что мне стало больно. Мне кажется, она слишком чувствительна, чтобы жизнь ее сложилась гладко. Наверняка ночью ее будут преследовать кошмары: корабль, управляемый привязанным к штурвалу мертвецом с крестом и четками, душераздирающие похороны, собака, охваченная то бешенством, то страхом, — это слишком много для нее.

Я решила, что будет лучше, если Люси ляжет спать усталой физически, и поэтому повела ее пешком по утесам в бухту Робина Гуда и обратно. Надеюсь, теперь ей не захочется гулять во сне.

ГЛАВА VIII

Дневник Мины Меррей

от же день. 11 часов вечера. Ну и устала же я! Если бы не моя твердая решимость вести дневник ежедневно, сегодня вечером ни за что бы не раскрыла его. Мы совершили замечательную прогулку. Люси вскоре повеселела, наверное, благодаря чудным коровам, которые из любопытства двинулись в нашу сторону, когда мы гуляли в поле недалеко от маяка, и до смерти нас напугали. Этот испуг прогнал все прошлые впечатления, и мы начали новую жизнь. В бухте Робина Гуда напились превосходного крепкого чая в маленькой старомодной гостинице, эркер которой выходил прямо на прибрежные скалы, поросшие водорослями. Боюсь, мы шокировали бы своим аппетитом любую «современную женщину». Мужчины, слава богу, более терпимы! Потом пешком пошли домой, часто останавливаясь, так как панически боялись диких быков, которые здесь встречаются.

Люси очень устала, и мы решили, как только доберемся до дома, сразу лечь спать. Однако пришел молодой викарий, миссис Вестенра пригласила его к ужину, и нам с Люси пришлось вместе со всеми сидеть за столом, изо всех сил борясь со сном; о себе могу сказать, что я чувствовала себя героиней. По-моему, епископам надо собраться и подумать о воспитании более внимательных и деликатных священников, которые бы не навязывали своего присутствия людям, явно усталым и обессиленным.

Люси спит и дышит ровно. Щеки у нее горят, какая она красивая! Если мистер Холмвуд влюбился в нее, видя ее

только в гостиной, представляю, что с ним было, если б он увидел ее сейчас. Вполне возможно, однажды всем этим «современным женщинам»-писательницам придет в голову, что будущим супругам нужно увидеть друг друга спящими, прежде чем делать предложение или принимать его. Впрочем, в будущем «современная женщина», наверное, откажется от унижения «принимать предложение» и сама будет его делать. И вероятно, преуспеет в этом! Слабое утешение. Как я рада, что Люси сегодня, кажется, получше. Очень надеюсь, что кризис миновал и ее тревожные сны прекратились. Я была бы совсем счастлива, если бы только знала, что с Джона-таном... Господи, сохрани и спаси его!

11 августа, 3 часа утра. Вновь за дневником. Не спится. Слишком взволнована, чтобы заснуть. Произошло нечто кошмарное. Ночью, не успела я закрыть дневник, как сразу же провалилась в сон... Потом внезапно проснулась, охваченная ужасным чувством страха и пустоты. В комнате было темно, ничего не видно, я на ощупь пробралась к постели Люси — она оказалась пуста. Я зажгла спичку — Люси в комнате не было. Дверь закрыта, но не заперта, хотя я ее запирала. Решив не будить ее мать — последнее время она чувствовала себя неважно, — я оделась и отправилась на поиски сама. Выходя из комнаты, посмотрела, в чем Люси вышла, чтобы понять ее намерения. Если в халате — значит, она дома, в платье — где-то на улице. И то и другое оказалось на месте. Слава богу, она в ночной сорочке — значит, где-то здесь.

Спустилась вниз, в гостиную ее не обнаружила, в других комнатах — тоже. Входная дверь оказалась открыта — не настежь, а просто не задвинут засов. Странно, обычно прислуга тщательно запирает эту дверь на ночь, поэтому я заподозрила, что Люси вышла на улицу в чем была. Раздумывать было некогда, тем более что томительный страх лишил меня способности вникать в детали. Я закуталась в шаль и выбежала из дому...

Пробило час, а я все еще ходила по нашей улице — на ней не было ни души. И на Северной террасе никаких признаков фигуры в белом. Стоя на краю Западного утеса над молом, я попыталась через гавань разглядеть Восточный утес — одновременно в надежде и страхе, что Люси там, на нашей любимой скамье. Было полнолуние, но темные, бегущие по небу облака создавали удивительную игру света и тени. Сначала я ничего не могла разглядеть — церковь Святой Марии и все вокруг оказалось в глубокой тени. Но вот облако прошло, и я увидела руины аббатства; затем узкая полоска света рассекла темноту, выхватив из нее церковь и кладбище. Мои надежды оправдались: в серебряном сиянии луны я разглядела белую как снег фигуру, полулежащую на нашей любимой скамейке. Новое облако мгновенно покрыло все мраком, мне почудилась черная тень, склонившаяся над белой фигурой. Был ли это зверь или человек, я не поняла. Не дожидаясь, пока снова прояснится, я бросилась по ступенькам вниз на мол, потом мимо рыбного базара к мосту — единственный путь к Восточному утесу.

Город как вымер — ни единой души. Тем лучше: никто не увидит Люси в таком ужасном состоянии. Время и расстояние показались мне бесконечными, колени у меня дрожали, я задыхалась, взбираясь по бесконечным ступенькам к аббатству. Наверное, я бежала быстро, хотя у меня было ощущение, будто ноги мои налиты свинцом, а суставы не гнутся. Ближе к вершине я уже различала скамью и белую фигуру, хотя было темно. Я не ошиблась: высокая черная тень склонилась над белой полулежащей фигурой. Я закричала в испуге: «Люси! Люси!» Тень подняла голову, я увидела бледное лицо и красные сверкающие глаза. Люси не отвечала, и я ринулась к воротам кладбища, влетела в них — на минуту церковь закрыла от меня мою подругу. Когда я выскочила из-за церкви, облако прошло, луна ярко осветила Люси, с откинутой на спинку скамьи головой. Около нее никого не было...

Я наклонилась над ней — она спала, полуоткрыв рот и тяжело дыша, как будто ей не хватало воздуха. Во сне она

бессознательно подняла руку и потянула воротник ночной рубашки, прикрывая шею, при этом она зябко поежилась. Я накинула на нее свою теплую шаль, плотно стянув концы у шеи, чтобы она не простудилась. Я боялась разбудить Люси и, желая оставить свободными руки, чтобы поддерживать ее, закрепила ей шаль под самым подбородком английской булавкой, но, видимо, неосторожно уколола или оцарапала ее, потому что вскоре, уже начав дышать ровнее, она прижала руку к горлу и застонала.

Хорошенько закутав спящую и надев ей на ноги свои туфли, я начала ее потихоньку будить. Сначала бедняжка не реагировала, потом сон ее стал тревожнее, она застонала. Поскольку время шло быстро, а мне хотелось поскорее отвести Люси домой, я стала энергичнее будить ее, и наконец моя подруга проснулась. Она не удивилась, увидев меня, наверное, не сразу поняла, где находится. Люси очаровательна, когда просыпается, — даже если это происходит неожиданно, ночью, на кладбище. Она немного дрожала и прижималась ко мне. Я предложила ей поскорее пойти домой — ни слова не говоря, она встала и послушно, как ребенок, пошла за мною. Идти босиком по гравию было больно, я невольно морщилась. Люси, заметив это, хотела немедленно вернуть мне туфли, но я категорически отказалась. И все же, когда мы вышли с кладбища на дорогу, я обмазала ноги грязью из лужи, образовавшейся после шторма, — если мы встретим кого-нибудь, будет незаметно, что я босиком.

Нам повезло — мы дошли до дому, не встретив ни души. Лишь однажды увидели идущего впереди, кажется, не совсем трезвого мужчину и подождали, пока он не скрылся в переулке. У меня так сильно колотилось сердце, что несколько раз я чуть не теряла сознание — очень беспокоилась за Люси — не только за ее здоровье, но и репутацию, если эта история получит огласку.

Дома мы прежде всего отмыли и отогрели ноги, помолились, поблагодарив Бога за спасение, и я уложила ее спать. Прежде чем заснуть, она просила, просто умоляла никому,

даже матери, не говорить ни слова о ее приключении. Сначала я колебалась, но, вспомнив о состоянии здоровья миссис Вестенра и понимая, что такая история может быть — и наверняка будет! — ложно истолкована, если о ней прознают, решила, что разумнее согласиться с Люси. Надеюсь, я правильно рассудила. Заперев дверь, я привязала ключ к запястью Люси крепко заснула. Наступает рассвет...

Тот же день, полдень. Все хорошо. Люси спала, пока я ее не разбудила. Ночное приключение как будто не только не повредило ей, но даже пошло на пользу: она выглядит сегодня утром лучше, чем обычно. Я расстроена лишь тем, что по неловкости задела ее булавкой, да так сильно, что проколола ей кожу на шее: там видны две малюсенькие точки, а на тесьме ее ночной сорочки — пятнышко крови. Когда я, обеспокоенная этим, извинялась перед нею, она рассмеялась и обняла меня, сказав, что даже ничего не чувствует. К счастью, шрама не останется — такие крохотные ранки.

В тот же день, ночью. День прошел хорошо. Было ясно, солнечно, дул прохладный ветерок. Мы решили пообедать в Малгрейв-Вудс. Миссис Вестенра поехала туда в экипаже, а мы с Люси пошли пешком по тропинке, по утесам, и присоединились к ней уже на месте. Мне было немного грустно — я не могла чувствовать себя совершенно счастливой, пока Джонатан не со мной. Ну что ж, нужно набраться терпения. Вечером мы прогулялись на улицу Казино-Террэйс — насладиться прекрасной музыкой Шпора и Маккензи — и рано легли спать. Люси выглядит вполне спокойной, она сразу заснула. Запру дверь, а ключ спрячу, как в прошлую ночь, хотя надеюсь, что сегодня обойдется без неприятностей.

12 августа. Мои надежды не оправдались: дважды я просыпалась ночью из-за того, что Люси пыталась выйти. Даже во сне она казалась возмущенной тем, что дверь заперта, и возвращалась в постель недовольная. Я проснулась на

рассвете от щебета птиц за окном. Люси тоже проснулась, и я порадовалась — она чувствует себя лучше, чем вчера утром. К ней вернулась ее прежняя беззаботность. Она уютно устроилась подле меня и рассказывала мне об Артуре. Я же поделилась с ней своими опасениями насчет Джонатана, и она старалась успокоить меня. Пожалуй, ей это удалось. Конечно, сочувствие не может изменить сложившихся обстоятельств, но все же становится немного легче их переносить.

13 августа. Снова спокойный день и сон с ключом на запястье. Я опять проснулась ночью — Люси сидела на постели и, в глубоком сне, смотрела на окно. Я тихо встала и, отодвинув штору, выглянула. Ярко светила луна; море и небо, объединенные одной великой, безмолвной тайной, невыразимо прекрасны. У самого окна кружила большая летучая мышь, освещенная лунным светом. Пару раз она подлетала совсем близко, но, видимо, испугалась, увидев меня, и полетела через гавань к аббатству. Когда я отошла от окна, Люси уже мирно спала. Больше в эту ночь она не вставала.

14 августа. Целый день — на Восточном утесе, читаю и пишу. Люси тоже полюбила это место, ее трудно увести отсюда даже для того, чтобы перекусить. Сегодня она сделала странное замечание. Возвращаясь домой к ужину, мы поднялись на самый верх лестницы, ведущей от Западного мола, и остановились, как всегда, полюбоваться видом. Багряные лучи заходящего солнца озарили Восточный утес и старое аббатство, окутывая все прекрасным розовым светом. Вдруг Люси тихо, как бы про себя, сказала:

— Снова эти красные глаза! Они точно такие же.

Это прозвучало очень странно, ни с того ни с сего, и встревожило меня. Я взглянула на Люси и увидела, что она в полусонном состоянии, с каким-то отсутствующим, непонятным мне выражением лица; я проследила направление ее лихорадочно блестящего взгляда. Она смотрела на нашу скамью, на которой одиноко сидела какая-то темная фигура.

Я сама немного испугалась: на мгновение показалось, будто у незнакомца большие глаза, полыхающие, подобно факелам. Взглянула снова — иллюзия рассеялась: просто багряный свет погружавшегося в море солнца отражался в окнах церкви Святой Марии за нашей скамьей. Я сказала Люси об этом, она вздрогнула и пришла в себя, но была очень грустна; возможно, вспомнила о той ужасной ночи. Мы никогда не говорили о ней, я и теперь ничего не сказала, и мы пошли домой.

У Люси разболелась голова, и она рано легла. Я же решила прогуляться по холмам и, исполненная светлой печали, думала о Джонатане. Когда я возвращалась, луна светила так ярко, что почти вся улица, кроме нашей части, была хорошо видна. Я взглянула на наше окно и увидела Люси. Решив, что она высматривает меня, я помахала ей носовым платком. Она не ответила. Тут свет луны упал на окно, и я ясно увидела, что Люси облокотилась на подоконник, глаза ее закрыты, а около нее сидит что-то вроде большой птицы. Испугавшись, что она простудится, я быстро взбежала наверх, в спальню.

Люси была уже в постели; дышала она тяжело, но спала крепко, прижимая руку к горлу, словно защищала его от холода. Я не стала ее будить, лишь потеплее укрыла и заперла дверь и окно. Выглядела Люси во сне прекрасно, но бледнее обычного, и под глазами тени, которые мне не понравились. Что-то мучает ее. Как бы мне хотелось узнать, что именно.

15 августа. Встала позже обычного. Люси была вялой, утомленной и спала, пока не позвали к завтраку, за которым нас ждал приятный сюрприз: отцу Артура стало лучше, он торопит со свадьбой. Люси на седьмом небе от счастья, а ее мать не знает, то ли радоваться, то ли горевать. Позднее миссис Вестенра объяснила свое настроение. Ей грустно расстаться с Люси, но она довольна, что будет кому присмотреть за ней. Бедная, милая леди! Она поведала мне, что обречена. Люси она не говорила об этом и меня просила сохранить ее тайну: доктор сказал, что ей осталось жить несколько месяцев. Так плохо у нее с сердцем. Любая неожиданная

неприятность или потрясение могут убить ее. Да, мы поступили мудро, скрыв от нее то ночное приключение.

17 августа. Не прикасалась к дневнику целых два дня. Не хватало духу. Какая-то тень надвинулась на наше счастье. Никаких вестей от Джонатана, Люси слабеет, а дни ее матери сочтены. Не понимаю, отчего угасает Люси. У нее хороший аппетит, она прекрасно спит, много гуляет на свежем воздухе, но с каждым днем все бледнее и слабее; по ночам тяжело дышит, как будто ей не хватает воздуха. Ключ от двери комнаты каждую ночь у меня на руке. Выйти она не может, но встает, ходит по комнате, сидит у открытого окна.

Вчера ночью, проснувшись и вновь застав бедняжку у окна, я попыталась ее разбудить и не смогла, она была в обмороке. Когда я привела ее в чувство, она была очень слаба и тихо плакала, стараясь отдышаться. Я спросила, как и зачем она оказалась у окна, — Люси лишь покачала головой и отвернулась. Надеюсь, ее болезнь не вызвана этим злополучным уколom булавки.

Пока она спала, я осмотрела ее шею: эти крохотные ранки не зажили, они все еще открыты и, пожалуй, увеличились, а края их как-то странно побелели. Они напоминают маленькие белые кружки с красными точками в центре. Если они не заживут через день-два, позову доктора.

Сэмюэл Ф. Биллингтон и сын
Адвокатская контора, Уитби

Письмо в компанию Картер и Патерсон, Лондон

17 августа

Милостивые государи,
посылаем вам накладную на товар, отправленный по Большой Северной железной дороге. Он должен быть доставлен в усадьбу Карфакс, близ Перфлита, немедленно по прибытии на грузовую станцию Кинг-Кросс. В доме в

настоящее время никто не живет, прилагаю ключи, все они пронумерованы.

Прошу сложить ящики (50 штук), составляющие этот груз, в разрушенной части усадьбы, отмеченной на прилагаемом плане буквой «А». Ваш агент легко найдет это место, поскольку речь идет о старой часовне при доме. Товар отправят сегодня вечером в 9 час 30 мин, он должен прибыть на Кинг-Кросс в 4 час 30 мин дня. Наш клиент желал бы получить груз как можно скорее, поэтому мы будем весьма признательны, если ваши представители будут в указанное время на Кинг-Кросс и организуют немедленную доставку груза по назначению. Чтобы избежать возможных задержек из-за платежей, прилагаем чек на десять фунтов, получение которого просим подтвердить. Если расходы окажутся меньше, остаток можете вернуть, если больше, то по вашему первому требованию мы вышлем чек. По завершении дел ключи следует оставить в вестибюле дома, где владелец сможет взять их, открыв входную дверь имеющимся у него вторым ключом.

Просим не обвинять нас в нарушении правил делового этикета в связи с нашей настоятельной просьбой ускорить доставку.

Искренне ваши
Сэмюэл Ф. Биллингтон и сын

Картер, Патерсон и К°, Лондон
Биллингтону и сыну, Уитби

21 августа

Милостивые государи,
подтверждаем получение чека на 10 фунтов и просим прислать чек на 1 фунт 17 шиллингов 9 пенсов за дополнительные расходы, счет прилагаем. Груз доставлен в точном соответствии с полученными инструкциями, связка ключей оставлена в вестибюле, как было указано.

С уважением, за Картера, Патерсона и К°
(подпись неразборчива).

Дневник Мины Меррей

18 августа. Сегодня настроение у меня получше, пишу, снова сидя на нашей скамье на кладбище. Люси прошлой ночью прекрасно спала, ни разу меня не разбудила. Румянец постепенно возвращается к ней, хотя она еще очень бледна и выглядит неважно. Если бы она была анемична от природы, я бы еще поняла это, но моя подруга от природы жизнерадостная, неунывающая, открытая. Болезненная скрытность прошла, Люси только что напомнила мне (как будто я нуждалась в напоминаниях!) о той ночи, когда на этой самой скамье я нашла ее спящей. Вспоминая об этом, она весело постучала каблуком по каменной плите и сказала:

— Ну тогда-то я пришла тихо-тихо! Бедный мистер Свейлз, наверное, сказал бы, что я не хотела будить Джорди.

Видя, что она в таком хорошем настроении, я решилась спросить, что ей снилось в ту ночь. Она задумалась, слегка наморщив лоб, с тем особым милым выражением, которое так нравится Артуру (я вслед за ней называю его Артуром), и, явно стараясь вспомнить, продолжала:

— Это было что-то странное — не сон, не явь. Мне почему-то очень захотелось прийти сюда, почему — не знаю, я чего-то боялась, а чего тоже не знаю. Помню, шла по улицам, как во сне. Когда переходила мост, рыба выпрыгнула из воды. Я перегнулась через перила, чтобы разглядеть ее. Подымаясь по лестнице, слышала вой собак — казалось, город полон ими и все они воют. Смутно помню нечто длинное и темное, с красными глазами, как тогда на закате солнца, потом почувствовала что-то одновременно сладостное и мучительное: я словно погружалась в глубину зеленых вод, до меня доносилось какое-то пение — мне рассказывали, так бывает с утопающими; потом все стало отдаляться, душа моя как будто покинула тело и витала в воздухе. Помню, Западный маяк оказался прямо подо мной, затем — какое-то мучительное чувство уходящей из-под ног земли, такое, наверное, бывает при землетрясении.

Когда я пришла в себя, то увидела, как ты будишь меня, — увидела раньше, чем почувствовала.

Люси рассмеялась, я же слушала ее затаив дыхание, вся эта история произвела на меня тягостное впечатление, да и смех моей подруги мне совсем не понравился. Я перевела разговор на другую тему, и Люси стала прежней. На обратном пути свежий ветерок подбодрил ее, бледные щеки порозовели. Миссис Вестенра повеселела, увидев свою разругавшуюся дочь, и мы провели чудный вечер.

19 августа. Какая радость! Радость! Радость! Хотя и не совсем. Наконец-то известие о Джонатане! Бедняжка болен, поэтому и не писал. Я уже не боюсь думать и говорить о нем — теперь мне известно, в чем дело. Мистер Хокинс переслал мне письмо и сам трогательно написал несколько строк. Утром еду к Джонатану — помочь ухаживать за ним и привезти его домой. Мистер Хокинс считает, что было бы неплохо, если бы мы поженились прямо там. Я плакала над письмом сестры милосердия — оно о Джонатане — и теперь храню его поближе к сердцу, потому что он сам у меня в сердце. План моего путешествия разработан, багаж уложен. С собой беру лишь одну смену платья. Люси привезет мой дорожный сундук в Лондон и оставит у себя, пока я не пришло за ним, вполне возможно, что... впрочем, хватит марать бумагу, теперь я все смогу рассказывать Джонатану, моему мужу. Его письмо будет мне утешением, пока мы не встретимся.

Письмо сестры Агаты из больницы Святого
Иосифа и Святой Марии — мисс Вильгельмине
Меррей

12 августа

Милостивая сударыня!

Пишу по просьбе мистера Джонатана Гаркера, который еще недостаточно окреп, чтобы самому писать, хотя он уже

выздоровливает, благодаря Господу, святому Иосифу и святой Марии. Почти шесть недель он пролежал у нас в сильнейшей горячке. Мистер Гаркер просит меня успокоить его невесту и сообщить, что с этой же почтой посылает письмо мистеру Питеру Хокинсу в Эксетер, которому просит передать свое почтение и сожаление по поводу непредвиденной задержки. Все дела он закончил. В нашем санатории в горах он пробудет еще несколько недель, а затем сможет вернуться домой. Мистер Гаркер просит сообщить Вам также о том, что у него с собой мало денег, а он хотел бы оплатить свое пребывание здесь, потому что найдутся другие, более нуждающиеся.

Да благословит Вас Господь.

Искренне Ваша,
сестра Агата

P.S. Мой пациент заснул, и я хочу сообщить Вам еще кое-что. Он рассказал мне о Вас и о том, что скоро Вы станете его женой. Да благословит Господь ваш союз! По мнению нашего доктора, мистер Гаркер пережил какое-то ужасное потрясение, во время болезни его преследовали кошмары, он бредил волками, ядом, кровью, призраками и демонами; боюсь даже сказать, чем еще. Будьте внимательны: ничто не должно его тревожить. Для выздоровления нужно время, последствия такой болезни могут еще долго сказываться. Мы бы написали уже давно, но ничего не знали о его друзьях, а никаких документов у него не было. Мистер Гаркер прибыл поездом из Клаузенбурга. Начальник станции сказал проводнику, что он ворвался на станцию, требуя билет домой. Поняв, что перед ним англичанин, кассир выдал ему билет до конечной станции этой железнодорожной линии. Будьте спокойны за него — за ним хороший уход. Его здесь полюбили за воспитанность и добросердечие. Ему действительно гораздо лучше, и я не сомневаюсь, что через несколько недель он полностью придет в себя. Но, ради бога, присматривайте за ним. Я буду молиться Богу, святому Иосифу и святой Марии за ваше счастье.

Дневник доктора Сьюворда

19 августа. Вчера вечером в Ренфилде произошла странная и внезапная перемена. Где-то с восьми часов он стал волноваться и припихиваться, как собака, идущая по следу. Служитель, зная, что я им интересуюсь, постарался разговорить его. Обычно Ренфилд относится к служителю с уважением, иногда даже подобострастно, но тут держался надменно. Не снизошел даже до разговора с ним, сказав лишь:

— Не желаю говорить с вами: отныне вы для меня не существуете; теперь у меня есть Господин.

Служитель решил, что у него приступ религиозной мании.

В этом случае возможны срывы: сильный человек, одержимый одновременно манией убийства и религиозной манией, может стать опасен. Ужасное сочетание. В девять вечера я сам проведал его. Он отнесся ко мне так же, как к служителю. Был настолько преисполнен сознанием собственного величия, что не делал особого различия между мной и служителем. Это действительно похоже на религиозную манию, он может скоро возомнить себя Богом. Конечно, различия между нами, смертными, слишком мелки, незначительны для Всемоущего. Как же легко разгадать сумасшедшего! Истинному Богу воробей дорог, а боги, сотворенные человеческим тщеславием, не видят различия между орлом и воробьем. Если бы люди знали...

В течение получаса возбуждение Ренфилда возрастало. Я не подавал виду, что наблюдаю за ним. Вдруг у него в глазах появилось хитрое выражение, столь характерное для сумасшедшего, когда у него возникает какая-то идея. Он вполне успокоился и покорно сел на край кровати, уставившись в пространство тусклыми глазами. Я решил узнать, реальна или притворна его апатия, и завел с ним разговор о его любимцах — животных и насекомых, эта тема всегда живо интересовала его. Сначала он не отвечал, наконец раздраженно бросил:

— Да ну их всех! Мне сейчас не до них.

— Как? — воскликнул я. — Вы хотите сказать, что вам безразличны пауки? (Именно пауки были его последней слабостью, его записная книжка быстро заполнялась длинными колонками цифр.)

На это он загадочно ответил:

— С появлением невесты подружки ее меркнут¹.

Он не захотел объяснить смысл своих слов и все время, пока я у него пробыл, безмолвно сидел на постели.

Я сегодня очень устал, и настроение неважное. Не могу не думать о Люси и о том, что все могло сложиться по-иному. Если сразу не засну, приму хлорал, этот современный Морфей, — $C_2H_5Cl_3O \cdot H_2O$! Впрочем, нужно следить, чтобы это не вошло в привычку. Нет, пожалуй, сегодня не стану! Не буду свои мысли о Люси смешивать с этим... В крайнем случае не посплю сегодня.

Позднее. Хорошо, что принял такое решение; еще лучше, что последовал ему. Лежал, маялся, услышал, как часы пробили два, — и тут пришел ночной дежурный с сообщением, что Ренфилд сбежал. Я тотчас оделся и помчался вниз: мой пациент слишком опасен для того, чтобы шататься по округе. Служитель ждал меня. Он сказал, что за десять минут до побега видел его в дверной глазок в постели вроде бы спящим. Потом его внимание привлек звук открываемого окна. Он бросился в палату, но увидел в окне лишь его пятки. Он сразу послал за мной. Ренфилд — в ночной рубашке и не мог уйти далеко. Служитель предпочел проследить, куда он направится, чем бежать за ним через дверь, рискуя потерять беглеца из виду. В окно служитель вылезти не мог — ввиду своей внушительной комплекции, а так как я худошав, то забрался с его помощью на подоконник, спустил ноги наружу и спрыгнул вниз — окно невысоко от земли. По словам служи-

¹ Своеобразный парафраз евангельского стиха: «Имеющий невесту есть жених, а друг жениха, стоящий и внимающий ему, радостью радуется, слыша голос жениха...» (Ин. 3: 29).

теля, больной побежал налево, а потом прямо. Миновав парк, я увидел белую фигуру беглеца — он карабкался по стене, отделяющей территорию лечебницы от соседнего дома, в котором никто не живет.

Я вернулся и велел дежурному немедленно позвать четырех служителей — на случай если больной в буйном состоянии. Сам же я достал лестницу, перелез через стену и, увидев, что Ренфилд поворачивает за дом, побежал за ним. Он стоял, прильнув к обитой железом дубовой двери часовни, и с кем-то разговаривал. Я боялся подойти ближе, чтобы не спугнуть его. Гоняться за пчелиным роем — ничто в сравнении с отслеживанием сумасшедшего! Вскоре, однако, я понял, что он совершенно не обращает внимания на происходящее вокруг, и подошел ближе, тем более что мои люди уже перелезли через стену и подкрались к нему с флангов. Мне стало слышно, как он говорит:

— Я здесь, мой Господин, жду ваших приказаний. Я — ваш раб, и вы вознаградите меня за верность. Я давно боготворил вас издалека. Теперь вы рядом, я ожидаю ваших приказаний и надеюсь, что вы не обойдете меня, мой дорогой Господин, при раздаче наград?

Старый жадный попрошайка! Думает о хлебе и рыбах, хотя убежден, что перед ним Бог. Поразительно сочетание маний. Когда мы попытались его задержать, Ренфилд боролся как тигр, он и в самом деле похож на дикого зверя и невероятно силен. Никогда прежде не видел сумасшедшего в таком припадке бешенства и надеюсь, больше не увижу. Счастье еще, что мы, зная о силе и жестокости нашего пациента, вовремя схватили его — он мог бы натворить немало бед! Теперь, по крайней мере, он безопасен. Сам Джек Шеппард не смог бы сбросить смиренную рубашку, которую мы надели на Ренфилда, после чего его поместили в обитую войлоком палату, приковав цепью к стене. Временами он издает ужасные крики, но наступающая затем тишина еще более зловеща, ибо буквально насыщена черной энергией смерти. Только сейчас он произнес первые связные слова:

— Я буду терпелив, Господин мой. Это приближается... приближается... приближается...

Я был слишком возбужден, чтобы заснуть, но дневник успокоил меня, чувствую, что сегодня мне удастся наконец выспаться.

ГЛАВА IX

Письмо Мины Гаркер к Люси Вестенра

Будапешт, 24 августа

Дорогая моя Люси! Конечно, ты хочешь знать все, что произошло со мной с тех пор, как мы расстались на вокзале в Уитби. Итак, я благополучно доехала до Халла, затем на пароходе до Гамбурга и на поезде — сюда. Дорогу не помню — все время думала только о Джонатане... Застала его в ужасном виде — худым, бледным, очень слабым. Его глаза утратили выражение решительности, исчезло и столь характерное для него спокойное достоинство, о котором я часто говорила тебе. От него осталась лишь тень, и он не помнит, что с ним приключилось. По крайней мере, хочет, чтобы я так думала, ну а я, разумеется, не задаю вопросов. Он пережил какое-то ужасное потрясение, и, если станет вспоминать, боюсь за его рассудок. Сестра Агата, добрейшая женщина и сестра милосердия от Бога, сказала мне, что в бреду он говорил ужасные вещи. Но когда я захотела узнать, что именно, она в ответ перекрестилась и ответила, что бред больных — тайна, принадлежащая Богу, и сестра милосердия, выслушивающая его по долгу службы, не имеет права злоупотреблять доверием. Эта славная, добрая душа на следующий день, увидев, как я расстроена, вернулась к этой теме:

— Могу сказать вам лишь следующее: он сам не сделал ничего плохого, и у его будущей жены нет причин для беспокойства. Он всегда помнил о вас и был вам верен. То, с чем он

столкнулся, так ужасно, что ни один смертный не мог бы это вынести.

Вероятно, она подумала, что я могу ревновать: не влюбился ли мой бедняжка в какую-нибудь девушку. Ну могу ли я ревновать Джонатана! И все же по секрету признаюсь, дорогая моя, я испытала пронзительную радость, узнав, что не женщина была причиной несчастья. Сажу у его постели и смотрю на него. Просыпается! Он попросил, чтобы ему подали куртку — хотел достать что-то из кармана. По моей просьбе сестра Агата принесла его вещи. Среди них — записная книжка. Я уж было собралась попросить у него разрешение посмотреть ее — возможно, там ключ к его несчастью, но, наверное, по моим глазам он угадал мое желание, потому что вдруг отослал меня к окну, сказав, что хотел бы минуту побыть один. Чуть погодя он позвал меня и очень серьезно сказал, положив руку на записную книжку:

— Вильгельмина! — Я поняла, что речь идет о чем-то очень серьезном: он ни разу не называл меня так после того, как сделал предложение. — Ты знаешь мой взгляд на отношения между мужем и женой: полная открытость и доверие. Я пережил сильное потрясение; когда вспоминаю о случившемся, у меня голова идет кругом и не могу понять, случилось ли это на самом деле или я бредил. Ты знаешь, я перенес воспаление мозга и был на грани безумия. Моя тайна здесь — в этой записной книжке, но я не хочу возвращаться к этому. Хочу жить дальше, хочу, чтобы мы поженились. — (Ведь мы решили пожениться, дорогая Люси, прямо здесь, как только все формальности будут исполнены.) — Согласна ли ты, Вильгельмина, разделить мой отказ от недавнего прошлого и нести груз неведения? Возьми эту книжку и сохрани ее, прочти, если захочешь, но никогда не говори со мной об этом; если, конечно, некий высший долг не призовет меня вернуться к тем страшным часам моей жизни.

Тут он в изнеможении присел на кровать, а я сунула книжку ему под подушку и поцеловала его. Я попросила сестру Агату

поговорить с настоятельницей, чтобы наша свадьба состоялась сегодня вечером. Жду ответа...

Она вернулась и сказала, что послали за священником Английской миссии. Нас повенчают через час, как только Джонатан проснется...

Люси, свершилось! Я чувствую торжественность момента и очень, очень счастлива. Джонатан проснулся чуть позже намеченного часа, когда все уже было готово, и, сидя в постели, обложенный подушками, произнес свое «согласен» твердо и решительно. Я же от избытка чувств едва смогла вымолвить свое «согласна». Милые сестры были так внимательны. Бог свидетель, я никогда не забуду их и свято исполню те серьезные и дорогие моему сердцу обязанности, которые взяла на себя с этого часа. Расскажу тебе о своем свадебном подарке. Священник и сестры ушли, оставив меня наедине с моим мужем — о Люси, впервые я написала слова «мой муж»! Я достала из-под подушки злополучный дневник, завернула в белую бумагу, перевязала ленточкой, запечатала сургучом, использовав в качестве печати свое обручальное кольцо, и сказала Джонатану, что это будет на всю жизнь залогом и символом нашего взаимного доверия, и я никогда не распечатаю его, разве что это потребуется ради спасения моего дорогого мужа или во исполнение какого-то неукоснительного долга. Джонатан взял меня за руку — впервые взял за руку свою жену! — и сказал, что я ему дороже всех на свете и, если бы потребовалось, он бы вновь перенес все испытания, чтобы получить такую награду. Бедняжка, конечно, имел в виду лишь недавние испытания, он, видимо, путается во времени, так как еще не совсем пришел в себя после пережитого.

Дорогая, ну что я могла ответить ему? Только что я — самая счастливая женщина на свете и вверяю ему все, что имею, — себя, свою жизнь, любовь и верность до конца дней своих. Он поцеловал меня и обнял еще слабыми руками — это был как бы наш обет друг другу...

Люси, дорогая, знаешь ли, почему я все это рассказываю тебе? Не только потому, что это самые сладостные минуты

моей жизни, но и потому, что ты очень дорога мне. Я ценю твою дружбу как дар судьбы и смею надеяться, что была тебе другом и советчиком, когда ты со школьной скамьи шагнула в жизнь. И теперь мне хочется, чтобы ты взглянула на мир моими глазами, глазами очень счастливой жены, и убедилась, что верность долгу ведет к счастью. И чтобы ты в своем замужестве была бы не менее счастлива, чем я. Дорогая моя, да пошлет тебе Господь Всемогущий солнечную жизнь, без бурь; не говорю: без огорчений — это невозможно, но мне хочется, чтобы ты была всегда счастлива так, как я счастлива теперь. До свиданья, дорогая. Немедленно отправлю это письмо и, вероятно, скоро напишу опять. Кончаю, Джонатан просыпается — теперь займусь своим мужем!

Неизменно любящая тебя
Мина Гаркер

Письмо Люси Вестенра к Мине Гаркер

Уитби, 30 августа

Моя дорогая Мина!

Поздравления, тысячи поцелуев, желаю тебе и твоему мужу поскорее вернуться домой. Как бы я хотела, чтобы вы побыли здесь с нами. Морской воздух быстро вылечит Джонатана, как почти вылечил меня. Я теперь настоящая обжора, сплю прекрасно, радуюсь жизни. Совершенно перестала вставать по ночам, по крайней мере уже целую неделю, — тебя это, наверное, порадует. Артур говорит, что я поправилась. Кстати, забыла сказать тебе — он приехал. Мы совершаем прогулки пешком и верхом, катаемся на лодках, занимаемся греблей, играем в теннис, удим рыбу. Я люблю своего жениха больше прежнего. Артур признался мне, что совсем потерял голову от любви, но я не верю: он еще тогда, вначале, сказал мне, что невозможно любить сильнее, чем он любит меня. Но это все чепуха. А вот и он — зовет меня. Пока все.

Любящая тебя
Люси

P.S. Привет от мамы. Кажется, ей, моей дорогой бедняжке, получше.

P.P.S. Наша свадьба 28 сентября.

Дневник доктора Сьюворда

20 августа. Болезнь протекает все любопытнее. Ренфилд успокоился, приступ мании как будто прошел. Первую неделю после припадка он был в очень буйном состоянии. Но однажды вечером, в полнолуние, вдруг успокоился и стал бормотать:

— Теперь я могу ждать... могу ждать.

Служитель доложил мне об этом, я немедленно зашел к нему. Он был все еще в смиренной рубашке и находился в обитой войлоком палате для буйных, но в глазах появилось почти прежнее просительное, я бы даже сказал, угодливое выражение. Я остался доволен его видом и распорядился, чтобы его освободили. Служители заколебались, но все-таки выполнили мое распоряжение. Удивительно, пациент настолько наблюдателен, что заметил их колебания, подошел ко мне вплотную и прошептал, поглядывая на них украдкой:

— Бояться, я вас ударю! Подумать только — чтобы я вас ударил! Глупцы!

Утешительно, конечно, сознавать, что хотя бы в глазах этого несчастного обладаешь какими-то качествами, отличающими тебя от других, но я все равно не улавливаю ход его мысли. Значит ли это, что нас с ним что-то объединяет и мы должны держаться вместе; или же он рассчитывает на столь значительную услугу с моей стороны, что мое благополучие важно для него? Поживем — увидим. Сегодня вечером он больше не пожелал разговаривать. Даже мое предложение принести ему котенка или кошку не соблазнило его. Он заявил:

— Меня не интересуют кошки. Теперь есть кое-что поважнее, и я могу ждать... могу ждать...

Немного погодя я ушел к себе. По словам служителя, больной был спокоен всю ночь, только перед рассветом развол-

новался и постепенно дошел до буйства, потом, предельно измученный, впал в полную апатию, весьма схожую с коматозным состоянием.

Три дня с ним повторяется одно и то же — буйная вспышка в течение дня, затем полнейшая прострация — от захода до восхода солнца. Понять бы мне причину этого! Как будто что-то систематически воздействует на него. Любопытная мысль! Посмотрим-ка сегодня, что стоит здоровая голова против больной. Раньше он бежал сам, теперь мы ему в этом поможем и понаблюдаем за ним...

23 августа. «Всегда случается то, чего совсем не ждешь». Как все-таки Дизраэли знал жизнь! Наша птичка, обнаружив, что клетка открыта, не захотела улететь, и все мои планы лопнули. Но по крайней мере мы убедились в одном: периоды спокойствия нашего пациента довольно продолжительны. Отныне будем ежедневно на несколько часов освобождать его от смирительной рубашки. Я дал распоряжение ночному дежурному: если Ренфилд в спокойном состоянии — просто держать его в обитой войлоком палате всю ночь, вплоть до последнего предрассветного часа. Пусть если не дух, то хотя тело несчастного насладится покоем. Ну вот! Опять что-то стряслось! Меня зовут — Ренфилд сбежал!..

Позднее. Очередное ночное приключение. Ренфилд хитроумно выждал момент, когда дежурный входил в палату, проскользнул мимо него и помчался по коридору. Я велел служителям следить за ним. Он опять побегал к пустому соседнему дому, мы застали его на том же месте — у дверей старой часовни. Увидев меня, он пришел в бешенство и, не перехвати его служители вовремя, вполне мог бы меня убить. Тут произошло нечто странное. Сначала он боролся с нами с удвоенной силой, затем вдруг затих. Я невольно огляделся, но ничего не заметил. Тогда я проследил взгляд больного, он смотрел на освещенное луной небо, но там не было ничего особенного, лишь большая летучая мышь бесшумно, как

призрак, летела на запад. Обычно летучие мыши носятся кругами или взад-вперед, эта же летела очень прямо, как будто зная, куда и зачем. Больной все более успокаивался и наконец сказал:

— Не нужно связывать меня, я не стану вырываться!

Домой мы вернулись без приключений. Что-то зловещее чудится мне в спокойствии Ренфилда... Не забуду эту ночь...

Дневник Люси Вестенра

24 августа, Хиллингем¹

Нужно последовать примеру Мины и вести дневник. А потом мы, встретившись, все обсудим. Но когда это будет?! Хотелось бы, чтобы она опять была со мной — мне так без нее плохо. Прошлой ночью снова снилось то же, что в Уитби. Возможно, из-за перемены климата, или возвращение домой так на меня подействовало. Приснилось что-то мрачное, ужасное, но что — толком не помню. Однако мне страшно, чувствую усталость, слабость. Артур пришел к обеду и, увидев меня, огорчился, у меня же не было сил притворяться веселой. Может быть, смогу спать сегодня у мамы в комнате. Попробую ее уговорить.

25 августа. Опять ужасная ночь. Мама не согласилась на мою просьбу. Она сама не очень хорошо себя чувствует и явно боится помешать мне спать. Я попыталась бодрствовать, но, видимо, все-таки задремала, потому что в полночь проснулась от боя часов. Что-то как будто скреблось в окно, слышалось хлопанье крыльев, я постаралась не обращать на это внимания и больше ничего не помню — наверное, заснула. Опять снились кошмары, но, к сожалению, совершенно не помню какие. Сегодня утром я совсем без сил. Лицо бледное, как у призрака. Болит шея. Видимо, что-то случи-

¹ Дом Вестенра в Лондоне.

лось с легкими — не хватает воздуха. Попытаюсь собраться с силами к приходу Артура, чтобы не огорчать его.

Письмо Артура Холмвуда — доктору Сьюворду

Отель Албемарл. 31 августа

Дорогой Джек!

Нужна твоя помощь. Заболела Люси, не могу сказать ничего определенного, но выглядит она ужасно, и с каждым днем ей все хуже. Я пытался выяснить у нее, в чем дело. С ее матерью не решаюсь говорить об этом — любые волнения опасны для ее здоровья. Миссис Вестенра призналась мне, что обречена — у нее серьезный порок сердца, Люси об этом не знает. А у меня нет сомнений, что опасность грозит здоровью моей дорогой девочки. Я в смятении, не могу без боли смотреть на нее. Сказал ей, что попрошу тебя осмотреть ее. Сначала она сопротивлялась, догадываюсь почему, но в конце концов согласилась. Понимаю, дружище, тебе нелегко, но сделай это ради нее, вот почему я без колебаний обращаюсь к тебе, а ты должен без колебаний действовать. Приезжай завтра в Хиллингем в два часа к обеду, чтобы не вызвать подозрений миссис Вестенра; после обеда вам с Люси удастся поговорить наедине. Я буду к чаю, и потом мы можем уйти вместе. Очень тревожусь и хотел бы знать твое мнение как можно скорее. Не подведи.

Артур

Телеграмма Артура Холмвуда — доктору Сьюворду

1 сентября

Срочно вызван к отцу — ему стало хуже. Вечерней почтой пришли подробное письмо в Ринг. Если необходимо, телеграфируй.

Письмо доктора Сьюворда — Артуру Холмвуду

2 сентября

Старина!

Спешу сообщить тебе, что у мисс Вестенра нет никакого функционального расстройства или другой известной мне болезни. В то же время я обеспокоен ее видом, она очень изменилась со времени нашей последней встречи. Конечно, сам понимаешь, мне не удалось осмотреть ее как следует: наши дружеские отношения мешают этому. Пожалуй, лучше изложу тебе все как было, а ты сделаешь собственные выводы. Итак, слушай, что я сделал и что предлагаю.

Я застал мисс Вестенра с виду веселой и быстро понял, что она всячески старалась обмануть мать и уберечь ее от волнений. Несомненно, если она и не знает, то догадывается о необходимости этого. Обедали мы втроем и так старались веселить друг друга, что в конце концов нам действительно стало весело. После обеда миссис Вестенра пошла прилечь, а Люси осталась со мной. Она держалась очень хорошо — наверное, из-за слуг, которые сновали туда-сюда. Лишь в своей комнате она сбросила маску и в изнеможении упала в кресло, закрыв лицо руками. Увидев смену ее настроения, я поспешил приступить к обследованию. Она с грустью заметила:

— Если б вы знали, как я не люблю говорить о себе.

Я напомнил ей о врачебной тайне и сказал, что серьезно обеспокоен ее здоровьем. Она сразу поняла, что я имел в виду, и решила проблему.

— Расскажите Артуру все, что сочтете нужным. Для меня главное он, а не я.

Так что я могу писать свободно.

Я сразу обратил внимание на то, что она несколько бледна, но обычных признаков анемии у нее нет. Совершенно случайно мне удалось взять у нее анализ крови: открывая тугое окно, она слегка порезала себе руку разбившимся стеклом. Порез пустяковый, но мне удалось собрать несколько капель. Судя по составу крови, здоровье у нее прекрасное. Физическое

состояние не вызывает никакой тревоги. Я пришел к выводу, что, возможно, причину нездоровья надо искать в психике. Люси жалуется на затрудненное дыхание, тяжелый, как бы летаргический сон с кошмарными сновидениями, которые она потом не может вспомнить. Говорит, что в детстве у нее была привычка ходить во сне, и в Уитби эта привычка к ней вернулась, а однажды ночью она вышла из дома и поднялась на Восточный утес, где ее и нашла мисс Меррей, но в последнее время этого не случается.

Я в полном недоумении, поэтому лучшее, что мог сделать, — это написать своему учителю и старому другу профессору Ван Хелсингу из Амстердама; он, возможно, как никто другой, разбирается в необычных болезнях. Я попросил его приехать, а поскольку ты предупредил, что берешь все под свое начало, то счел необходимым посвятить его в твои отношения с мисс Вестенра. Сделал я это, мой друг, выполняя твою волю, ибо сам я лишь горд и счастлив сделать для нее что угодно. Не сомневаюсь, что Ван Хелсинг придет на помощь хотя бы из расположения ко мне, но, каковы бы ни были его условия и пожелания, мы должны их принять. Профессор производит впечатление самоуверенного человека, но это объясняется лишь тем, что он действительно знает, о чем говорит. Он философ, метафизик и один из лучших ученых нашего времени. Необычайный ум, железная выдержка, хладнокровие, неукротимая решительность, сила воли, терпимость, доброта и искренность — вот чем он оснащен в своей благородной теоретической и практической работе на благо человечества; взгляды его широки, а сострадание и сочувствие безграничны. Сообщаю тебе все это лишь с тем, чтобы ты понял, почему я так верю в него. Я просил его приехать не медля.

Завтра вновь увидаю мисс Вестенра. Мы встретимся с нею в городе, чтобы не встревожить ее мать столь скорым повторением моего визита.

Всегда твой
Джон Сьюворд

Письмо доктора медицины, философии,
литературы и пр. Абрахама Ван Хелсинга —
доктору Сьюворду

2 сентября

Дорогой друг! Получил твое письмо и немедленно выезжаю. К счастью, делаю это без ущерба для своих пациентов. В противном случае я отправился бы с тяжелым сердцем, но не откликнуться на просьбу друга помочь тем, кто ему дорог, не могу. Объясни своему приятелю, что ты, высосав яд гангрены из моей раны от нелепого удара ножом, выскользнувшим из рук нашего чересчур нервного товарища, раз и навсегда получил право на мою поддержку. Так что теперь, когда он нуждается в моих услугах, помощь твоя неизмеримо больше всего его громадного состояния. Я еду прежде всего к тебе, хотя мне и приятно быть полезным твоему другу. Закажи мне номер в Большом восточном отеле, чтобы я находился неподалеку от больной. И пожалуйста, устрой мне встречу с молодой леди завтра пораньше — очень может быть, мне придется вечером вернуться домой. Но если будет нужно, вновь приеду через три дня и смогу пробыть подольше. А пока, друг мой Джон, — до свидания.

Ван Хелсинг

Письмо доктора Сьюворда Артуру Холмвуду

3 сентября

Дорогой Арт! Ван Хелсинг уже уехал. Люси устроила так, что во время нашего визита в Хиллингема ее матери дома не было — она обедала в гостях. Ван Хелсинг очень внимательно осмотрел пациентку. Он пришлет мне результаты осмотра, а я отправлю их тебе — это единственное, что я могу сделать, ибо присутствовал при процедуре лишь в самом ее начале. Профессор был озабочен и не стал торопиться с выводами — говорил, что должен подумать. Когда

же я рассказал ему о нашей дружбе и как ты мне доверяешь, он добавил:

— Ты должен сказать своему другу все, что думаешь по этому поводу. Можешь передать и то, что думаю я, если, конечно, догадаешься и сочтешь нужным. Нет-нет, я не шучу. Тут не до шуток, тут вопрос жизни и смерти, если не больше.

Я спросил его, что он этим хочет сказать, ведь говорил он очень серьезно. Разговор происходил уже в городе — за чашкой чая, перед его отъездом в Амстердам. Но профессор так ничего и не пояснил. Не сердись на меня, Арт, — само его молчание означает, что он сосредоточенно думает, пытаюсь разобраться и помочь Люси. Можешь не сомневаться, он все разъяснит в нужный момент. Я сказал ему, что подробно опишу тебе наш визит, как если бы писал репортаж для «Дейли телеграф». Ван Хелсинг никак не отреагировал, лишь заметил, что туманы в Лондоне не такие густые, как прежде, когда он был здесь студентом. Заключение о результатах осмотра я рассчитываю получить сегодня, если он успеет его написать. В любом случае я должен получить от него письмо.

Теперь о нашем визите. Настроение, да и вид у Люси был явно лучше, чем при моем первом визите. Уже не было такой пугающей бледности, дыхание нормализовалось. Она встретила профессора очень любезно, была с ним мила, но я видел, что это требует от нее больших усилий. Наверное, Ван Хелсинг тоже заметил это, судя по хорошо знакомому мне быстрому взгляду из-под бровей. Затем он начал непринужденно беседовать на разные темы — о чем угодно, кроме болезней, и так развлекал девушку, что ее наигранная оживленность перешла в настоящую. Потом постепенно подвел разговор к цели своего приезда и сказал очень осторожно и мягко:

— Дорогая моя юная мисс, мне приятно видеть, что вас так любят. Это много значит в жизни. Мне сказали, что у вас упадок сил, настроения, вы очень бледны. — И, щелкнув пальцами в мою сторону, продолжал: — Но мы с вами докажем им, что они ошибаются. А этот, разве он понимает что-нибудь в молодых леди? — И сделал в мою сторону жест,

которым некогда выгонял меня из аудитории. — Привык иметь дело со своими сумасшедшими, возвращает их к нормальной жизни, в этом он преуспел, а в молодых леди ни бельмеса не смыслит! Нет у него ни дочери, ни жены, да и откровенничать молодые склонны не со своими сверстниками, а с таким стариком, как я, познавшим причины многих несчастий. Пожалуй, моя дорогая, пошлем-ка его в сад покурить, а сами побеседуем наедине.

Я понял намек и вышел прогуляться. Вскоре профессор подошел к окну, позвал меня и очень серьезно сказал:

— Я тщательнейшим образом выслушал и осмотрел ее — никаких функциональных расстройств. Согласен с тобой, она недавно потеряла много крови. Но по природе своей эта девушка не малокровна. Я попросил ее позвать служанку, хочу задать ей несколько вопросов, чтобы ничего не упустить, хотя и так знаю, что она скажет. Но ведь есть же какая-то причина, без причины ничего не бывает. Я все хорошенько обдумаю дома. Эта болезнь — а плохое самочувствие и есть болезнь — интересует меня, как и сама эта милая, славная девушка. Она просто очаровала меня, и я непременно приеду уже ради нее.

Вот все, что он сказал. Теперь, Арт, ты знаешь все то, что мне известно. Я буду внимательно следить за ходом дела. Надеюсь, твой бедный отец поправляется. Да, старина, ты попал в тяжелое положение — плохо сразу двум дорогим тебе людям. Знаю твой взгляд на сыновний долг, ты, конечно, прав; если же понадобится твое присутствие здесь, я немедленно сообщу тебе, так что не волнуйся и жди вестей.

Всегда твой
Джон Сьюворд

Дневник доктора Сьюворда

4 сентября. Продолжаем наблюдение за нашим пациентом-зоофагом. У него был еще один приступ — вчера, в

неурочное время. Перед самым полуднем он пришел в состояние возбуждения. Служитель, уже знавший симптомы, позвал на помощь, которая, к счастью, прибыла вовремя. Когда было полдень, Ренфилд так разбушевался, что служителям пришлось напрячь все силы, чтобы удержать его. Однако через пять минут он начал постепенно успокаиваться, впал в меланхолию и до сих пор пребывает в этом состоянии. По словам служителей, во время припадка больной ужасно кричал. Мне пришлось успокаивать других пациентов, которых он напугал. Могу их понять: эти крики вывели из равновесия даже меня, хотя я был в отдалении. Сейчас в больнице час послеобеденного отдыха. Ренфилд забился в угол и размышляет о чем-то своем с недовольным и скорбным выражением лица, не очень для меня понятным.

Позднее. Новая перемена в моем больном. В пять часов заглянул к нему — он выглядел довольным и веселым, как прежде. Ловил и плотал мух, делая каждый раз отметку ногтем на двери. Увидев меня, он подошел, извинился за дурное поведение, заискивающе попросил перевести его в прежнюю палату и вернуть записную книжку. Я решил, что следует подбодрить больного; и вот он снова в своей палате с открытым окном. Сыплет сахар на подоконник и собирает урожай мух. Но теперь не ест их, а, как прежде, складывает в коробку и уже осматривает углы в поисках пауков. Я попробовал завести разговор о последних днях: любая деталь могла бы помочь мне понять ход его мыслей, но Ренфилд не откликнулся. Вдруг на лице у него появилось скорбное выражение, и он пробормотал отчужденно, обращаясь скорее к самому себе, чем ко мне:

— Все кончено! Кончено! Он покинул меня. Больше не на кого надеяться, только на самого себя! — И, решительно повернувшись ко мне, сказал: — Доктор, не будете ли вы так добры распорядиться, чтобы мне дали еще сахара? Это пойдет мне на пользу.

— И мухам? — спросил я.

— Конечно! Мухи тоже любят сахар, а я люблю мух, поэтому я люблю сахар.

А некоторые считают, что сумасшедшие не способны логически мыслить. Я распорядился дать ему двойную порцию сахара, и, когда уходил, он казался счастливейшим человеком на свете. Как бы я хотел проникнуть в тайну его сознания!

Полночь. Снова перемена в моем больном. Навестив мисс Вестенра, а ей гораздо лучше, я, вернувшись, остановился у ворот — полюбоваться закатом — и услышал его вопли. Окно палаты Ренфилда выходит как раз на эту сторону, и теперь я слышал все отчетливее, чем утром. Это был просто удар для меня: от чудесной красоты лондонского заката с его яркими красками и дивными оттенками, оживлявшими мрачные тучи, возвратиться к жестокой действительности холодного каменного здания лечебницы, переполненной человеческим страданием, — нет, это уже слишком! Как это вынести моему одинокому сердцу!

Я бросился к Ренфилду и уже из его окна увидел: красный диск клонится за горизонт. Тут бешенство моего пациента стало постепенно спадать: лишь только солнце зашло совсем, он обмяк, как тюк, и осел на пол. Удивительно, однако, сколько энергии у сумасшедших: уже через несколько минут он как ни в чем не бывало был на ногах и спокойно поглядывал по сторонам. Я дал служителям знак отпустить его — интересно, что он будет делать. Ренфилд подошел к окну, смахнул остатки сахара и, взяв коробку с мухами, вытряхнул ее содержимое наружу, а саму коробку выбросил. Потом закрыл окно и сел на кровать. Все это удивило меня, и я спросил:

— Вы больше не собираетесь держать мух?

— Нет, — ответил он, — вся эта дребедень мне надоела!

Ренфилд, конечно, любопытный экземпляр. Все-таки интересно понять склад его ума и причину внезапных припадков. Стоп! Может быть, разгадка кроется в том, что сегодня его приступы были в полдень и на закате. Неужели

солнце действует на психику некоторых людей так же пагубно, как луна? Надо понаблюдать.

Телеграмма доктора Сьюворда из Лондона —
профессору Ван Хелсингу в Амстердам

4 сентября. Нашей больной сегодня значительно лучше.

Телеграмма доктора Сьюворда из Лондона —
профессору Ван Хелсингу в Амстердам

5 сентября. Нашей больной все лучше и лучше. Хороший аппетит, спокойный сон, отличное настроение, румянец.

Телеграмма доктора Сьюворда из Лондона —
профессору Ван Хелсингу в Амстердам

6 сентября. Ужасная перемена к худшему. Немедленно приезжайте. Холмвуду ничего не сообщаю, пока не встречу с вами.

ГЛАВА X

Письмо доктора Сьюворда — Артуру Холмвуду

6 сентября

Дорогой мой Арт! Не очень хорошие новости. Люси сегодня утром заметно осунулась. Единственный позитивный результат: обеспокоенная ее видом, миссис Вестенра обратилась ко мне за советом. Я воспользовался случаем и сказал ей, что мой старый учитель Ван Хелсинг, выдающийся врач и диагност, как раз приезжает ко мне в гости и мы вместе займемся здоровьем ее дочери. Теперь мы сможем действовать свободно, не боясь встревожить ее своими визитами, любое волнение чревато для нее роковым исходом, а для Люси в ее теперешнем состоянии это может обернуться гибельными последствиями. Мы попали в очень сложную ситуацию, но, даст бог, все-таки выйдем из нее благополучно. При малейшей необходимости напишу тебе, мое молчание будет означать лишь то, что новостей нет и все в порядке. Извини — пишу второпях, всегда твой

Джон Сьюворд

Дневник доктора Сьюворда

7 сентября. Встретил Ван Хелсинга на вокзале «Ливерпуль-стрит», и он сразу спросил меня:

— Вы уже сообщили что-нибудь ее жениху?

— Нет, — ответил я. — Хотел сначала повидать вас. Просто послал ему письмо с уведомлением, что вы приез-

жаете, а мисс Вестенра чувствует себя неважно, и просил его ждать моих дальнейших сообщений.

— Правильно, друг мой, — сказал профессор. — Вы поступили совершенно правильно! Лучше ему сейчас ничего не знать; возможно, он никогда и не узнает. Дай-то бог! А уж если возникнет необходимость, он узнает все. И, друг мой Джон, позволь мне предостеречь тебя. Ты по долгу службы имеешь дело с сумасшедшими. Конечно, все люди в той или иной форме — сумасшедшие. Пожалуйста, будь так же осторожен с нормальными людьми, как со своими безумцами. Ты же обычно не рассказываешь им, что и почему ты делаешь или что думаешь. Вот и мы с тобой сохраним известное нам здесь и здесь. — Он показал на сердце и лоб. — У меня есть кое-какие соображения. Позднее я изложу их тебе.

— Почему не теперь? — спросил я. — Это могло бы оказаться полезным — возможно, мы пришли бы к какому-нибудь решению.

Ван Хелсинг взглянул на меня и сказал:

— Друг мой Джон, бывает так, что зерно созревает, но еще не поспело — молоко матери-земли уже есть в нем, а солнце еще не окрасило его в золотой цвет, крестьянин срывает колос, трет его меж ладоней, сдувает мякину и говорит тебе: «Взгляни, вот хорошее зерно, в свое время оно даст хороший урожай».

Я не уловил, к чему он клонит. Тогда профессор шутливо дернул меня за ухо, как когда-то давным-давно на занятиях, и добавил:

— Хороший крестьянин говорит это, когда знает уже наверняка, не раньше. Но он не станет выкапывать пшеницу — посмотреть, растет ли она; так делают лишь дети, играющие в крестьян, но не настоящие крестьяне, для которых это дело жизни. Теперь понимаешь, друг Джон? Я посеял свое зерно, теперь дело за Природой: оно должно прорасти, тогда есть надежда; я жду, когда колос набухнет. — Он помолчал и, только убедившись, что я наконец понял, продолжил: — Ты всегда был очень добросовестным студентом, тщательнее других вел истории болезней. Тогда ты был лишь студент,

ныне уже сам учитель, но, думаю, хорошие привычки сохраняются. Помни, мой друг, знание сильнее памяти, и не следует полагаться на то, что слабее. Но если даже ты не сохранил полезный навык, обращай свое внимание на то, что случай нашей дорогой мисс, возможно — заметь, я говорю «возможно»! — представляет для нас, и не только для нас, такой интерес, что, брошенный на чашу весов, перетянет все прочие болезни. Поэтому хорошенько все записывай. Важно все, любая мелочь, записывай даже свои сомнения и догадки. Потом проверишь, насколько был прав. Нас учит не успех, а неудачи!

Я описал ему симптомы болезни Люси — те же, что прежде, но более выраженные. Он выслушал внимательно и серьезно, но ничего не сказал.

Ван Хелсинг привез с собой сумку с инструментами и лекарствами — «ужасные атрибуты нашей благородной профессии», так он когда-то в одной из лекций назвал снаряжение практикующего медика.

Когда мы пришли, нас встретила миссис Вестенра, встревоженная, но не в такой степени, как я ожидал. Видно, так уж распорядилась милосердная Природа, что даже смерть несет с собой противодействие от собственных ужасов. В данном случае, когда любое волнение могло оказаться для миссис Вестенра роковым, срабатывал некий защитный инстинкт, и все, не затрагивающее ее непосредственно, — даже перемена в состоянии здоровья любимой дочери, — как бы не совсем доходило до нее. Если это и эгоизм, не следует спешить осуждать его — причины могут крыться значительно глубже, чем это ведомо нам. Учитывая душевное состояние бедной женщины, я еще раньше договорился с нею, что она не будет подолгу сидеть около Люси или думать о ее болезни больше, чем этого требует необходимость. Она легко согласилась, так легко, что я вновь увидел в этом руку Природы, борющейся за жизнь.

Нас с Ван Хелсингом провели в комнату Люси. Если вчера ее вид поразил меня, то сегодня просто привел в ужас. Девушка была бледна как мел; краска сошла даже с ее губ и

десен, щеки ввалились, резко проступили скулы, мучительно смотреть и слушать, с каким трудом она дышит. Лицо Ван Хелсинга застыло, как гипсовая маска, брови сошлись на переносице. Люси лежала неподвижно, судя по всему, не в силах говорить. Мы постояли молча, потом Ван Хелсинг кивнул мне, мы потихоньку вышли из комнаты, быстро прошли по коридору в соседнюю, и он, плотно закрыв дверь, сказал:

— Боже мой, какой ужас! Нельзя терять ни минуты. Она умрет от недостатка крови, необходимой для поддержания нормальной работы сердца. Нужно немедленное переливание крови. Кто из нас, ты или я?

— Я моложе и здоровее, профессор. Конечно я.

— Тогда готовься. Я возьму сумку с инструментами.

Я спустился с ним вниз. В это время раздался стук в дверь. Мы как раз были в передней, когда служанка открыла.

Стремительно вошел Артур. Он бросился ко мне и взволнованно зашептал:

— Джек, я так беспокоился. Читал между строк твоего письма и просто сходил с ума. Отцу стало лучше, поэтому я примчался сюда, чтобы увидеть все своими глазами. Этот джентльмен — профессор Ван Хелсинг? Я так благодарен вам, сэр, за ваш приезд.

Поначалу профессор был недоволен — в такой момент ему помешали, но, взглянув повнимательнее, оценил крепкое сложение Артура, буквально излучавшего здоровье, и, пожимая ему руку, сказал:

— Сэр, вы приехали вовремя! Вы — жених нашей дорогой мисс? Ей очень, очень плохо. Нет, дорогой мой, вот этого не надо, — заметил он, увидев, что Артур внезапно побледнел и чуть не в обмороке упал в кресло. — Вы должны помочь ей. И можете сделать больше, чем кто-либо иной. А тут требуется как раз мужество.

— Что я могу сделать? — глухим голосом произнес Артур. — Скажите, я сделаю все. Моя жизнь принадлежит ей. Я отдал бы за нее всю свою кровь до последней капли.

Профессор всегда отличался хорошим чувством юмора, оно не изменило ему даже в этой ситуации:

— Мой юный сэр, так много я от вас не потребую! Последнюю каплю можете оставить себе!

— Итак, что делать? — Артур был весь в нетерпении.

Ван Хелсинг шлепнул его по плечу:

— Идемте! Вы настоящий мужчина, а это как раз то, что нам нужно... Вы здоровее меня, здоровее моего друга Джона.

Артур смотрел на него с недоумением, и профессор пояснил:

— Юной мисс плохо, очень плохо. Ей нужна кровь, иначе она умрет. Мы с Джоном посоветовались и решили сделать переливание крови. Джон собирался дать свою кровь, он моложе и крепче меня. — Артур молча сжал мою руку. — Но теперь вы здесь и, пожалуй, подходите для этого больше нас — старого и молодого, слишком много занимающихся умственным трудом. Наши нервы не так крепки, а кровь не так густа, как ваша!

Артур воскликнул:

— Если б вы только знали, как охотно я отдал бы за нее жизнь, вы бы поняли...

От волнения голос у него сорвался.

— Молодец! — сказал Ван Хелсинг. — В недалеком будущем вы будете счастливы оттого, что сделали все для спасения своей любимой. Идемте и успокойтесь. Вы можете поцеловать ее, прежде чем мы все сделаем, потом вам придется уйти — я подам вам знак. И ни слова ее матери, вы знаете, что с ней, — никаких волнений. Идемте!

Мы пошли к Люси. Артур остался за дверью. Девушка молча смотрела на нас. Она не спала, от слабости едва могла сидеть в постели. Зато глаза были достаточно красноречивы. Открыв сумку, Ван Хелсинг достал инструменты и разложил их на столике вне поля ее зрения. Затем приготовил спотворное с обезболивающим и, подойдя к кровати, ласково сказал:

— Вот, юная мисс, ваше лекарство. Примите его, будьте пай-девочкой. Я приподниму вас, чтобы легче было глотать. Вот так.

Девушка с трудом проглотила лекарство. Оно долго не действовало. Вероятно, потому, что Люси была слишком слаба. Время тянулось медленно, наконец сон начал одолевать ее, она крепко заснула. Убедившись в этом, профессор позвал Артура, попросил его снять сюртук и заметил:

— Можете ее поцеловать, пока я перенесу стол. Джон, дружище, помогите мне! — И, повернувшись ко мне, тихо пояснил: — Он молод и крепок, кровь у него чистая — нет нужды ее обрабатывать.

Потом Ван Хелсинг приступил к операции и провел ее очень быстро. Во время переливания казалось — жизнь возвращается к бедной Люси. Артур побледнел, но сиял от радости. Однако вскоре потеря крови начала сказываться на нем, несмотря на всю его крепость; я забеспокоился и невольно подумал: насколько же пострадало здоровье Люси, если то, что так сильно ослабило Артура, лишь слегка восстановило ее силы.

Профессор держал в руках часы и сосредоточенно следил за Люси и Артуром. Мне было слышно биение собственного сердца. Вскоре он тихо сказал:

— Достаточно. Ты помоги ему, а я займусь Люси.

Перевязывая Артура, я видел, насколько он ослаб, взял его под руку и хотел увести. Но тут Ван Хелсинг, не оборачиваясь — кажется, глаза у этого человека на затылке, — воскликнул:

— Храбрый юноша! По-моему, он заслужил еще один поцелуй, который вскоре получит.

Покончив с делами, профессор поправил подушку у своей пациентки, при этом, наверное, задел черную бархатную ленту, которую Люси всегда носила на шее, закалывая ее старинной бриллиантовой пряжкой, подаренной Артуром, лента сдвинулась вверх и на горле показались две крохотные красные точки. Артур ничего не заметил, а у Ван Хелсинга

вырвался резкий вздох, что выдало его волнение. Повернувшись ко мне, он сказал:

— А теперь уводите нашего храброго донора, дайте ему портвейну, и пусть он немного полежит, потом едет домой, хорошенько поспит и поест, чтобы восстановить силы. Ему не следует тут больше оставаться. Стойте! Минутку! — И профессор обратился к Артуру: — Понимаю, вас беспокоит результат. Так знайте — операция прошла успешно. Вы спасли ей жизнь, можете идти домой и отдыхать — все, что в ваших силах, вы сделали. До свидания!

Артур ушел, а я вернулся в комнату Люси. Она тихо спала, дыхание ее стало ровнее. У постели сидел Ван Хелсинг и внимательно смотрел на нее. Бархотка вновь прикрывала красные метки. Я шепотом спросил профессора:

— Что вы думаете об этих точках?

— А вы что думаете?

— Да я их толком и не разглядел, — ответил я и сдвинул бархотку.

Прямо над веной виднелись два точечных отверстия нездорового вида: не воспаленные, но с бледными, как будто натертыми краями. Мне пришло в голову, что эти ранки — источник потери крови, но я отбросил эту мысль как невероятную. Судя по бледности Люси, она потеряла столько крови, что вся постель была бы залита ею.

— Ну и что же? — спросил Ван Хелсинг.

— Не понимаю, что это, — честно признался я.

Профессор встал:

— Мне нужно сегодня вечером вернуться в Амстердам. Там необходимые мне книги и вещи. Ты должен оставаться здесь всю ночь, не спуская с нее глаз.

— Может быть, пригласить сиделку?

— Мы с тобой лучшие сиделки. Будь начеку всю ночь; следи, чтобы ее хорошо кормили и ничто ее не тревожило. Только не спи. Выспимся позже. Я постараюсь вернуться как можно скорее. И тогда мы приступим...

— Приступим? — удивился я. — Что вы имеете в виду?

— Увидишь! — ответил Ван Хелсинг и быстро вышел. Но через секунду вновь заглянул в комнату и, грозя мне пальцем, сказал: — Помни, ты за нее отвечаешь. Если хоть на минуту покинешь ее и с нею что-то случится, едва ли ты сможешь потом спокойно спать!

Дневник доктора Сьюворда (продолжение)

8 сентября. Всю ночь просидел около Люси. К сумеркам действие снотворного прошло и она проснулась. После переживания девушка преобразилась. Даже настроение стало хорошим, она полна жизни, впрочем, заметны и следы минувшего упадка сил.

Когда я сказал миссис Вестенра, что доктор Ван Хелсинг велел мне всю ночь дежурить подле Люси, она приняла это чуть ли не в штыки: по ее мнению, дочь уже достаточно окрепла и в прекрасном настроении. Но я был тверд и подготовился к долгому дежурству — пока служанка готовила спальню к ночи, поужинал, потом вернулся и сел у кровати. Люси не только не протестовала, но даже поглядывала на меня с благодарностью. Потом ее стало явно клонить ко сну, она сопротивлялась, пытаясь стряхнуть его с себя. Это повторилось несколько раз. Стало ясно, что девушка почему-то не хочет засыпать, и я прямо спросил ее:

— Вы не хотите спать?

— Боюсь заснуть.

— Бойтесь? Но почему? Ведь сон — благо, к которому все стремятся.

— Да, но не в моем случае, ибо сон для меня — преддверие ужаса!..

— Преддверие ужаса! Что вы хотите этим сказать?

— Не знаю, сама не знаю. Это-то и ужасно. Вся эта моя слабость исключительно от снов, поэтому даже мысль о сне пугает меня.

— Но, дорогая моя, сегодня вы можете спать спокойно. Я буду на страже и обещаю — ничего не случится.

— О, я знаю, на вас можно положиться.

Тогда я предложил ей:

— Если я замечу какие-либо признаки кошмара, немедленно разбудю вас.

— Правда? Разбудите? Как вы добры ко мне! Тогда я, пожалуй, посплю.

Со вздохом облегчения она откинулась на подушки и почти мгновенно заснула.

Всю ночь я продежурил около нее. Люси спала спокойным, глубоким, здоровым сном, дышала ровно. На лице у нее была улыбка — явно никакие кошмары не тревожили спокойствие ее души.

Рано утром пришла служанка, а я поехал домой — у меня было полно дел. Ван Хелсингу и Артуру я послал телеграммы, сообщив о благополучном результате переливания. Я крутился весь день как белка в колесе и лишь к вечеру дело дошло до моего зоофага. Сведения о нем поступали неплохие: последние сутки он был спокоен. Во время обеда пришла телеграмма из Амстердама от Ван Хелсинга с просьбой вновь дежурить ночью в Хиллингеме, он же выезжает ночным поездом и присоединится ко мне рано утром.

9 сентября. Усталый и измученный, я приехал в Хиллингем. Не спал две ночи и ощущал некоторую заторможенность, мой мозг явно нуждался в отдыхе. Люси еще не ложилась и очень приветливо встретила меня. Здороваясь, она внимательно посмотрела на мое лицо и сказала:

— Не надо вам сегодня дежурить: вы измучены, а я опять чувствую себя хорошо, правда-правда. Это мне бы надо дежурить подле вас.

Я не стал спорить и пошел ужинать. Люси оживила мою трапезу своим очаровательным присутствием. Отужинал я великолепно, выпил пару стаканов изумительного портвейна.

Затем Люси провела меня в находившуюся по соседству с ее спальней комнату, в которой уютно пылал камин.

— А теперь, — сказала она, — оставайтесь здесь. Двери комнат — моей и вашей — будут открыты. Вы можете прилечь на эту кушетку — знаю, ничто не заставит вас, докторов, лечь в постель, пока хоть один пациент находится в поле вашего зрения. Если что-нибудь понадобится, я вас позову, и вы сможете сразу прийти ко мне.

Пришлось согласиться, тем более что я устал как собака и был просто не в силах сидеть дежурить. И, когда она еще раз повторила, что позовет меня в случае необходимости, я лег на кушетку и забыл обо всем на свете.

Дневник Люси Вестенра

9 сентября. Сегодня мне так хорошо! Все это время я была очень слаба, и вот наконец в состоянии двигаться и разговаривать, такое чувство, будто солнышко выглянуло после долгой непогоды. Постоянно ощущаю незримое присутствие Артура, оно согревает меня. Мне кажется, болезнь по своей природе эгоистична и заставляет человека сосредоточиться на самом себе, а здоровье и силы дают волю любви, расковывают человека в его мыслях и чувствах. Я знаю, где мои мысли. Если бы только Артур знал! Мой милый, милый, я думаю о тебе! О, блаженный покой прошлой ночи! Как же хорошо мне спалось, когда славный, дорогой доктор Сьюворд дежурил подле меня. И сегодня мне не страшно — он так близко, я сразу могу позвать его. Как все добры ко мне! Спасибо Господу! Спокойной ночи, Артур!

Дневник доктора Сьюворда

10 сентября. Я почувствовал чье-то прикосновение и моментально проснулся — уж к этому-то мы в больнице привычны. Это был профессор.

— Ну, как наша пациентка?

— Да все вроде было хорошо, когда я ее покинул или, точнее, она покинула меня.

Пока я поднимал штору в комнате Люси, Ван Хелсинг тихо, на цыпочках подошел к кровати. Хлынул солнечный свет, я услышал знакомый резкий вздох профессора — у меня похолодело сердце. Он слегка отпрянул от постели.

— О мой бог! — вырвалось у него, и его искаженное от ужаса лицо сильно побледнело.

Я почувствовал дрожь в коленях.

Люси была, по-видимому, в глубоком обмороке, еще бледнее и изможденнее, чем прежде. Даже губы побелели, а десны отошли от зубов, как иногда бывает у покойников, перед смертью долго болевших.

— Быстро коньяку! — крикнул Ван Хелсинг.

Я помчался в столовую и принес графин. Он смочил ей губы коньяком, а мы вместе натерли ей ладони, запястья и область сердца. Профессор прослушал сердце — я напряженно ждал результата — и наконец сказал:

— Еще не поздно. Сердце бьется, хотя и слабо. Вся наша прежняя работа пошла насмарку. Начнем сначала. Юного Артура здесь сейчас нет, придется обратиться к тебе, друг Джон.

Он достал из сумки инструменты для переливания крови. Я снял сюртук, засучил рукав рубашки; не было ни времени, ни необходимости для введения снотворно-обезболивающего лекарства — не теряя ни минуты, мы начали операцию. Через некоторое — и, пожалуй, немалое — время (ведь переливание крови — тяжелая процедура независимо от степени готовности донора) Ван Хелсинг предостерегающе погрозил мне пальцем:

— Тихо, не шевелись. Боюсь, она с минуты на минуту может прийти в себя, а это чревато опасностью. Но я приму меры — сделаю ей подкожную инъекцию морфия.

Он быстро и ловко сделал укол, хорошо подействовавший на Люси — ее обморок перешел в сон. Чувство гордости охва-

тило меня, когда я увидел, как ее бледные губы и щеки приобретают нежно-розовый оттенок. Ни один мужчина не знает, пока не испытает на собственном опыте, какое это счастье — знать, что в венах любимой женщины струится твоя, спасительная для нее, кровь.

Профессор внимательно следил за мной.

— Достаточно, — сказал он.

— Как, уже? — удивился я. — У Арта вы взяли гораздо больше.

Ван Хелсинг грустно улыбнулся:

— Он — ее возлюбленный, ее жених. Кроме того, у тебя еще много дел, надо помочь и ей, и другим. Так что довольно.

Профессор занялся Люси, а я прилег на кушетку, ощущая слабость и даже дурноту. Потом он и мне перевязал рану и послал вниз — выпить стакан вина, а когда я вышел из комнаты, нагнал меня и прошептал:

— Никому ни слова. Если наш влюбленный появится неожиданно, как тогда, и ему ни слова. Это может одновременно напугать его и вызвать ревность. Ни того ни другого не нужно. Теперь все.

Когда я вернулся, Ван Хелсинг внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Ну что ж, неплохо. А теперь пойді в ту комнату, полежи, потом хорошенько позавтракай и приходи ко мне.

Я последовал его совету, понимая, что теперь надо как можно скорее восстановить силы. Слабый, не было даже сил осмыслить происшедшее, я лег на кушетку и заснул, недоумевая, что же все-таки произошло с Люси, как могла она потерять так много крови — без всяких внешних следов. Наверное, я и во сне продолжал думать, моя первая мысль, когда я проснулся, была об этих крохотных дырочках у нее на горле и их неровных краях.

Люси спала полдня; проснувшись, она выглядела окрепшей, в целом хорошо, но все же хуже, чем накануне. Вид ее удовлетворил Ван Хелсинга, и он вышел прогуляться, строго

наказав мне не спускать с нее глаз. Я слышал, он спрашивал внизу, как пройти к ближайшему телеграфу.

Люси мило болтала со мной и, казалось, понятия не имела о том, что с ней произошло. Я пытался занять ее и развлечь; потом пришла ее мать, она, по-видимому, не заметила в дочери никакой перемены и сказала мне:

— Мы так признательны вам, доктор Сьюворт, за все, что вы сделали для нас, но, пожалуйста, берегите себя — не переутомляйтесь. Вы очень бледны. Конечно, вам нужна жена, которая ухаживала бы за вами, поддерживала вас. Это просто необходимо!

Тут Люси покраснела — не более чем на мгновение: ее усталые сосуды, видимо, не могли выдержать напряжение дольше. Тут же наступила реакция — она невероятно побледнела, при этом смотрела на меня умоляющими глазами. Я, улыбнувшись, кивнул ей и приложил палец к губам; со вздохом облегчения она откинулась на подушки.

Ван Хелсинг вернулся часа через два и сказал мне:

— Теперь — домой, поешь как следует, выпей вина и отоспись. Я останусь здесь ночью и подежурю около юной мисс. За ходом болезни должны следить мы, ты и я, другим не нужно ничего знать. У меня есть на то серьезные причины. Пока ни о чем не спрашивай, думай, что хочешь — пусть даже самое невероятное. Спокойной ночи!

В прихожей две служанки подошли ко мне и спросили, не могут ли они — вместе или по очереди — подежурить около мисс Люси. Они умоляли позволить им это. Я объяснил им, что таково решение доктора Ван Хелсинга — дежурить должны либо он, либо я. Тогда они стали просить поговорить с «иностранным джентльменом». Я был тронут их добротой. Не знаю, что двигало ими — сочувствие моему бледному виду или забота о Люси, но я уже не впервые наблюдал такие проявления женской доброты. Вернувшись в лечебницу к концу ужина, я сделал обход — все было в порядке, и наконец лег. Засыпаю.

11 сентября. Сегодня к вечеру поехал в Хиллинге. Ван Хелсинг в прекрасном настроении. Люси — гораздо лучше. Вскоре профессору принесли какой-то большой пакет, присланный из-за границы. Он открыл его с нетерпением, там оказалась целая охапка белых цветов.

— Это для вас, мисс Люси, — сказал он.

— Для меня? О, доктор Ван Хелсинг!

— Да, моя дорогая, для вас, но не для забавы, это лекарство. — Люси сделала недовольное лицо. — Но не беспокойтесь, вам не придется принимать их в отваре или в каком-либо еще неприятном виде, так что не морщите свой очаровательный носик, а то я расскажу моему другу Артуру, какие страдания грозят ему, если он увидит искаженной столь любимую им красоту. Ага, моя дорогая мисс, это выправило ваш милый носик. Итак, цветы обладают целебным воздействием, и не надо задумываться — каким. Я положу их на ваше окно, сплету хорошенький венок и надену вам на шею, чтобы вы хорошо спали. Они, подобно лотосу, заставят вас забыть ваши неприятности. Пахнут они как воды Леты или тот источник молодости, который конкистадоры искали во Флориде, но нашли слишком поздно.

Пока он говорил, Люси рассматривала цветы, потом понюхала их и с гримасой отвращения отбросила:

— Ах, профессор, вы, наверное, подшучиваете надо мной, ведь это обычный чеснок!

К моему удивлению, Ван Хелсинг встал и сказал ей очень строго — его брови даже сошлись на переносице:

— Никаких шуток! Я никогда не шучу! И ничего не делаю без серьезных на то оснований. И прошу вас не расстраивать мой план. Будьте серьезны и осторожны, если не ради себя, то хотя бы ради других. — Увидев, что бедняжка Люси испугалась — и ее вполне можно понять, — он продолжал уже мягче: — О, моя дорогая юная мисс, не бойтесь меня. Я желаю вам только добра. В этих простых цветах почти все ваше спасение. Я сам разложу их в вашей комнате. Сам сделаю венок — носите его. Но тсс! Никому ни слова, чтобы

не возбуждать ненужного любопытства. Давайте заключим с вами договор, он будет залогом того, что вы, здоровая и окрепшая, окажетесь в объятиях того, кто вас любит и ждет. Теперь посидите немного смирно. А ты, дружок Джон, помоги мне украсить комнату чесноком, проделавшим долгий путь из Харлема, где мой друг Вандерпул круглый год выращивает его в парниках. Вчера я телеграфировал ему, здесь бы мы его не достали.

Мы пошли в спальню Люси, взяв с собой цветы. Конечно, профессор вел себя довольно странно, описания такого лекарства и лечения я не встречал ни в одном медицинском справочнике. Сначала он запер все окна, потом, взяв горсть цветов, натер ими оконные переплеты, гарантировав тем самым чесночный запах любому дуновению в щели. Затем то же самое проделал с дверным косяком и камином. Все это казалось мне нелепым, и я сказал ему:

— Конечно, профессор, знаю, что вы ничего не делаете зря, но сейчас ваши действия озадачили меня. Скептик предположил бы, что вы занимаетесь изгнанием нечистой силы.

— Вполне возможно! — ответил он и начал плести венок для Люси.

Подождав, пока Люси, подготовившись ко сну, ляжет в постель, он надел ей на шею венок из чеснока.

— Смотрите не разорвите его, не открывайте окна и двери ночью, даже если будет душно.

— Обещаю все исполнить, — заверила Люси. — Огромное спасибо за вашу доброту. Чем я заслужила дружбу таких замечательных людей?

Мы уехали в ожидавшем меня наемном экипаже.

— Сегодня, — сказал мне Ван Хелсинг, — можно спать спокойно, а я в этом очень нуждаюсь — две ночи в пути, непрерывное чтение днем, на второй день — сплошные волнения и после этого ночное дежурство. Завтра рано утром заезжай за мной, и мы вместе навестим нашу милую мисс, которой, надеюсь, поможет мое «колдовство». Ох-хо-хо!

Его уверенность напомнила мне мое настроение два дня назад и последовавший плачевный результат, у меня возникло нехорошее предчувствие и смутный страх. Они мучили, как непролитые слезы, но слабость не позволила мне сказать об этом моему другу.

ГЛАВА XI

Дневник Люси Вестенра

12 сентября

Как все добры ко мне. Мне очень нравится этот милый доктор Ван Хелсинг. Не совсем понятно, почему он так беспокоился из-за этих цветов. Даже напугал меня, так строг он был. Впрочем, он, должно быть, прав: мне с ними как-то лучше. Что бы там ни было, а мне одной уже не страшно, я могу заснуть и не стану обращать внимания на хлопанье крыльев за окном. А как ужасна эта моя борьба со сном последнее время, мука бессонницы, точнее — мучительный страх заснуть и погрузиться в бездну кошмара. Как же счастливы люди, жизнь которых проходит без страхов, и сон которых — еженощное благословение, приносящее лишь сладкие сновидения. А я лежу в ожидании сна, как Офелия с «невестиными венками и россыпями девических цветов»¹. Прежде я не любила запах чеснока, но сегодня он кажется мне чудесным! В этом запахе спокойствие, умиротворение. Меня уже клонит ко сну. Спокойной ночи всем!

Дневник доктора Сьюворда

13 сентября. Заехал в гостиницу Беркли и застал Ван Хелсинга, как всегда, уже готовым. Мы сели в коляску, заказанную в гостинице. Профессор захватил с собой сумку, с которой теперь не расстается.

¹ Шекспир У. Гамлет. Акт V, сцена 2. Перевод М. Лозинского.

Изложу все подробно. Мы приехали в Хиллингем в восемь часов. Утро было чудесное. Ярко светило солнце, и вся свежесть осени, казалось, венчала ежегодный труд Природы. Листья на деревьях уже частично пожелтели, но еще не начали опадать. Войдя в дом, мы встретились с миссис Вестенра, которая всегда встает очень рано. Она тепло поздоровалась с нами:

— Могу вас порадовать — Люси лучше. Милое дитя еще спит. Я заглянула к ней в комнату, видела ее, но не стала входить, чтобы не нарушить ее сон.

Профессор, очень довольный, улыбнулся, потер с удовольствием руки:

— Ага! Значит, я правильно поставил диагноз. Мое лечение подействовало.

— Вы не должны все приписывать себе, профессор, — заметила миссис Вестенра. — Своим сегодняшним состоянием Люси отчасти обязана и мне.

— Что вы хотите этим сказать, сударыня? — спросил профессор.

— Вчера поздно вечером я, беспокоясь за свое милое дитя, вошла к ней. Она крепко спала — так крепко, что даже мой приход ее не разбудил. Но в комнате было очень душно. Везде эти ужасные пахучие цветы, даже вокруг ее шеи. Я решила, что тяжелый запах вреден милому ребенку при ее слабости, поэтому убрала цветы и приоткрыла окно, чтобы слегка проветрить. Не сомневаюсь, вы будете довольны ею.

Довольная дама удалилась к себе в будуар, где ей обычно подавали ранний завтрак, лицо же профессора стало пепельно-серым. Он еще смог сохранить самообладание в присутствии безнадежно больной леди и даже улыбнулся, открывая перед нею дверь в ее покои, но, как только она вышла, резко втолкнул меня в столовую и плотно закрыл дверь.

И тут впервые в своей жизни я увидел Ван Хелсинга в отчаянии. Он воздел руки к небу в немом ужасе, затем беспомощно хлопнул в ладоши, упал в кресло, закрыл лицо руками и зарыдал — горькими, сухими рыданиями, исходившими,

казалось, из самой глубины его измученного сердца. Потом вновь поднял руки, словно призывая в свидетели всю вселенную:

— Господи! Господи! Господи! Что же мы такое сделали, чем провинилось это бедное дитя, если нас так жестоко наказали? Или над нами тяготеет какой-то злой рок, проклятие, преследующее нас еще из старого языческого мира? Эта бедная мать совершенно бессознательно, думая сделать как лучше, совершает поступок, губящий тело и душу ее дочери, и мы не можем ничего объяснить ей, даже предупредить, иначе она умрет или умрут они обе. О, какое горе! Все дьявольские силы против нас! — Потом вдруг вскочил: — Надо действовать, идем! Демоны, не демоны, пусть даже вся дьявольская рать — не важно, мы все равно должны победить.

Он взял в передней свою сумку, и мы поднялись к Люси.

Я поднял штору, а Ван Хелсинг подошел к постели. На этот раз, увидев бедное, ужасной восковой бледности лицо, он не был поражен, как прежде, — смотрел на нее печально, с бесконечным состраданием.

— Так я и знал, — пробормотал профессор со столь характерным для него вздохом, потом, ни слова не говоря, запер дверь и разложил на маленьком столике инструменты для переливания крови. Я начал снимать скюртук, но он движением руки остановил меня:

— Нет! Сегодня донор — я, а ты делаешь переливание. Ты еще слишком слаб.

Профессор снял скюртук и засучил рукав. И снова операция, снова снотворно-обезболивающее, снова возвращение красок на бледные щеки и ровное дыхание здорового сна. Я наблюдал за больной, пока Ван Хелсинг подкреплялся и отдыхал. На этот раз он все-таки предупредил миссис Вестенра, что не нужно ничего убирать из комнаты Люси без его ведома: цветы обладают целебным действием, а вдыхание их аромата входит в курс лечения. Потом он сказал, что эту и следующую ночь будет сам дежурить подле больной и сообщит мне, когда нужно прийти.

Люси проснулась свежая, веселая и вроде бы не чувствовала себя хуже после ужасного переживания.

Что все это значит? Я уже начинаю бояться, не сказывается ли на моем разуме долгое пребывание среди сумасшедших.

Дневник Люси Вестенра

17 сентября. Четыре спокойных дня и ночи. Я так окрепла, что едва узнаю себя. Мне кажется, будто я пережила долгий кошмар, проснулась и вижу чудное солнце, ощущаю свежий утренний воздух. Смутно припоминается долгое тревожное ожидание чего-то страшного, мрак без надежды на спасение, долгие периоды забвения и возвращение к жизни, как у ныряльщика, всплывающего на поверхность из глубин. Однако с тех пор, как профессор Ван Хелсинг со мной, все эти кошмары позади. Шумы, пугавшие меня до потери сознания, хлопанье крыльев об окно, отдаленные голоса, приближавшиеся ко мне, неведомо откуда исходившие резкие звуки, побуждавшие меня к чему-то — сама не знаю, к чему, — все это прекратилось. Теперь я не боюсь засыпать и не стараюсь бороться со сном. Я полюбила чеснок, и каждый день из Харлема мне присылают целую корзину.

Сегодня вечером профессор уезжает — ему нужно на день в Амстердам. Но за мной уже не надо присматривать, я вполне хорошо себя чувствую. Молюсь Богу за мою мать, за дорогого Артура, за всех наших друзей, которые так добры ко мне! Возможно, я даже не почувствую перемены: вчера ночью я дважды просыпалась и заставляла профессора Ван Хелсинга спать в кресле подле меня. Но я не боялась вновь засыпать, несмотря на то что ветви деревьев или летучие мыши сильно бились об оконную раму.

«Пэлл Мэлл газетт» от 18 сентября

СБЕЖАВШИЙ ВОЛК

Опасное приключение нашего корреспондента.

Интервью со смотрителем зоосада.

После долгих расспросов, отказов и бесконечного повторения заветного пароля: «Пэлл Мэлл газетт», мне наконец удалось найти смотрителя того отделения зоосада, в котором содержатся волки. Томас Билдер живет в одном из домиков, расположенных на территории зоосада — сразу за вольером для слонов; он как раз садился пить чай, когда я пришел к нему. Томас и его жена уже немолодые, бездетные люди, но если гостеприимство, с которым они меня встретили, обычно для них, то, очевидно, живут они очень хорошо. Смотритель отказался обсуждать «дела», как он выразился, пока не поужинает, — тут мы достигли полного согласия. Когда со стола было убрано, он закурил трубку и сказал:

— А теперь, сэр, вы можете спрашивать меня о чем угодно. Вы уж простите, что я не захотел разговаривать с вами о делах до ужина. Но я сам всегда предпочитаю сначала дать волкам, шакалам и гиенам их хлеб насущный, прежде чем задаю им вопросы.

— Задаете вопросы? Что вы хотите этим сказать? — спросил я, желая разговорить его.

— Бывает, зверей бьют палкой по голове, а бывает — чешут за ухом, это когда джентльменам хочется развлечь своих спутниц. Конечно, можно пройтись палкой, пока не раздал им обед, но если я хочу почесать их за ухом, то, пожалуй, лучше подожду, пока они вкусят свой хлеб насущный. Вы не задумывались о том, — заметил он философски, — что в природе человека много общего с животными? Вот вы пришли сюда, чтобы расспросить меня о моих делах, а я сварлив и предпочел бы за ваши паршивые полфунта вышвырнуть вас отсюда, а не отвечать вам. Особенно после того, как вы язвительно спросили меня, не хочу ли я, чтобы вы обратились к директору за

разрешением задать мне вопросы. Не в обиду будь сказано — не посоветовал ли я вам убраться к черту?

— Да, посоветовали.

— А когда вы сказали, что привлечете меня к ответственности за сквернословие в свой адрес, то как обухом меня по голове огрели, но полфунта все уладили. Я не собирался воевать, просто ждал ужина и своим рычанием выражал то же, что волки, львы и тигры. Ну а теперь, да хранит вас Господь, после того, как старуха впихнула в меня кусок кекса и прополоскала меня из своего паршивого старого чайника, а я закурил, можете почесать у меня за ухом — вы это заслужили, и больше я не буду ворчать. Выкладывайте свои вопросы. Конечно, вы пришли из-за сбежавшего волка.

— Совершенно верно. Просто расскажите мне, как это произошло. Кроме того, мне интересно узнать ваше мнение о причине случившегося и чем, на ваш взгляд, все это кончится.

— Хорошо, мистер. История такова. Волк этот — зовут его Берсерк — был одним из трех серых хищников, привезенных из Норвегии торговцу животными Джамраху, у которого мы и купили его четыре года назад. Это был славный, послушный зверь, не требовавший особых забот. Я просто поражен, что именно он убежал. Но, конечно, волкам следует доверять не больше, чем женщинам.

— Как вам это нравится, сэр! — вмешалась миссис Билдер, весело рассмеявшись. — Он так давно возится с волками, что, видит бог, и сам стал похож на старого волка! Но он не опасен.

— Итак, сэр, вчера приблизительно часа через два после кормления мне послышался какой-то шум. Я как раз в одном из обезьяньих домиков подбирал для заболевшей молодой пумы соломенную подстилку, но, услышав визг и вой, тут же выбежал и увидел Берсерка — он бешено кидался на прутья клетки и как будто хотел вырваться на свободу. В тот день в зоосаде было мало народу, у клетки стоял только один господин — высокий, худой, с крючковатым носом, бородкой

клинышком, глаза красные, взгляд тяжелый, холодный. Ох, не понравился он мне! По-моему, он как-то раздражал зверей — рукой в белой лайковой перчатке указал мне на волков и говорит:

— Смотритель, мне кажется, что-то привело этих серых хищников в возбуждение.

— Может быть, вы, — отвечаю я, тон его мне тоже не понравился.

Он не рассердился, как я рассчитывал, а эдак нагло улыбнулся, обнажив белые, острые зубы.

— О нет, едва ли.

— О да, конечно, вы, — передразнил я его. — Волки всегда не прочь во время трапезы поточить зубы о косточки, а у вас их целый мешок.

Странно, что звери, увидев, как мы разговариваем, успокоились, легли, и я, по своему обыкновению, погладил Берсерка по голове. А этот господин, представьте себе, просунул руку меж прутьев клетки и тоже погладил по голове старого волка!

— Поосторожнее, — говорю, — у Берсерка хватка мертвая.

— Не беспокойтесь, — отвечает. — Я к ним привык.

— Работаете с ними? — спрашиваю, а сам снимаю шляпу в знак уважения: ведь укротитель волков — лучший друг смотрителя зверей.

— Нет, — отвечает, — не совсем, я не профессионал, но приручил нескольких волков.

Потом эдак вежливо, как лорд, приподнимает шляпу и уходит. Старый Берсерк смотрел ему вслед, пока тот не скрылся из виду, потом весь вечер пролежал в углу. А ночью, как только взошла луна, все волки завyli. Бродя б им не из-за чего выть-то: вблизи никого не было, только где-то далеко какой-то тип звал собаку. Пару раз я выходил посмотреть — все было в порядке. Потом вой прекратился. Около двенадцати я снова вышел взглянуть, прежде чем лечь спать, и увидел, что клетка Берсерка пуста — прутья либо сломаны, либо погнуты. Вот и все, что я знаю.

— А больше никто ничего не заметил?

— Один из наших сторожей приблизительно в это время возвращался из певческого клуба домой и видел большую серую собаку, перескочившую через забор зоосада. Я не очень верю его словам: придя домой, он ничего не сказал об этом жене и вспомнил только после того, как все узнали о пропаже и всю ночь рыскали по округе в поисках Берсерка. Похоже, это его выдумки.

— Скажите, мистер Билдер, можете ли вы как-то объяснить бегство волка?

— Ну что ж, сэр, — сказал он с подозрительной скромностью, — пожалуй, могу. Вот только не знаю, удовлетворит ли вас моя теория.

— Ну это не важно. Кому, как не вам, знающему повадки зверей, высказать свои соображения?

— Что ж, сэр, мне кажется, волк убежал просто потому, что хотел убежать.

По тому, как Томас и его жена от души смеялись этой шутке, я понял: она прозвучала здесь не впервые и надо мной подсмеиваются. Я не стал состязаться в остроумии с уважаемым Томасом и, решив поискать более надежный путь к его сердцу, предложил:

— Мистер Билдер, будем считать, что первую половину фунта вы уже заслужили, теперь черед второй — надеюсь, вы изложите мне свой прогноз.

— Хорошо, сэр, — живо откликнулся он. — Вы уж извините мои шутки, это старуха подмигивала — подстрекала меня.

— Вот уж чего не было, того не было! — воскликнула почтенная женщина.

— По моему мнению, волк скрывается где-то поблизости. Один из наших зрителей говорил, что видел, как он, быстрее лошади, галопом мчался к северу, но я не верю ему, сэр: ни волки, ни собаки не могут мчаться галопом, они устроены по-другому. Волки такие умные только в сказках и страшны, когда сбиваются в стаи, тогда они могут натворить

тех еще дел. Но, слава богу, в жизни волк и вполосину не так умен и храбр, как хорошая собака, и вчетверо трусливее. А Берсерк и вовсе не способен к тому, чтобы прокормить себя, стало быть, вероятнее всего, прячется где-то здесь поблизости, дрожит и думает, если он вообще думает, где бы достать поесть. Представьте себе, вдруг какая-нибудь кухарка увидит его горящие глаза в темноте подвала! Ему же надо что-то есть — возможно, он забредет в лавку мясника или какая-нибудь нянька, прогуливаясь со своим солдатом, оставит ребенка без присмотра — ну что ж, тогда не удивлюсь, если одним младенцем станет меньше. Вот и все.

Я дал ему честно заработанные полфунта, и тут вдруг что-то замаячило в окне. У мистера Билдера вытянулось от удивления лицо.

— Господи боже мой! — воскликнул он. — Уж не старый ли Берсерк вернулся?!

Он бросился к двери и распахнул ее. На мой взгляд, это было совершенно излишне: дикие звери мне всегда нравились больше в клетке. Пожалуй, личный опыт общения скорее усилил это убеждение.

Понимаю, это дело привычки: Билдер и его жена испугались волка не более, чем я обычной дворняги. Зверь был мирным и вел себя образцово, как прародитель всех сказочных волков из сказок, который, переодевшись бабушкой, завоевывал доверие Красной Шапочки.

Вся эта сцена представляла собою неописуемую смесь комедии и драмы: злой хищник, вот уже почти сутки терроризировавший Лондон и заставлявший детей дрожать от страха, стоял перед нами, словно кающийся грешник, и его приняли и приласкали, как блудного сына.

Старый Билдер с нежной заботливостью осмотрел его и сказал:

— Ну вот, так и знал, что старина попадет в историю. Я же говорил! Смотрите, у него вся голова в порезах и полна осколков стекла. Подлезал под какую-то чертову стену!

Просто безобразие, что люди обкладывают стены своих оград битым стеклом. Вот к чему это приводит. Иди сюда, Берсерк.

Он отвел волка в клетку, пожаловал ему огромный кусок мяса и пошел сообщить в дирекцию.

А я отправился в газету — готовить единственный в сегодняшней прессе материал о странном побеге из зоосада.

Дневник доктора Сьюворда

17 сентября. После обеда занялся приведением в порядок своих приходно-расходных книг — за последние дни совершенно запустил их. Вдруг дверь распахнулась и вбежал Ренфилд с искаженным от гнева лицом. Я опешил — необычайный случай, чтобы больной сам, без сопровождения, явился в кабинет к лечащему врачу. В руке он сжимал столовый нож. Я постарался держаться так, чтобы между нами был стол. Однако он оказался более ловким и сильным, чем я ожидал, и ухитрился довольно серьезно порезать мне левое запястье. Прежде чем безумец успел ударить вновь, я пустил в ход правую руку — и он растянулся на полу. Кровь так сильно хлынула из раненого запястья, что на ковре образовалась лужица.

Видя, что Ренфилд более не склонен к атаке, я принялся перевязывать руку, не упуская, однако, из виду распростертую на полу фигуру. Прибежавшие служители, бросились к нему, и тут мы увидели, чем он занимается, — нас просто замутило: больной лежал на животе и, как собака, вылизывал кровь, вытекшую из моей раны. Справиться с ним, к моему удивлению, оказалось нетрудно; он совершенно спокойно пошелся за служителями и лишь без конца повторял:

— Кровь — это жизнь, кровь — это жизнь...¹

Нет терять сейчас кровь мне нельзя: и так уже отдал достаточно и чувствую себя неважно — видимо, сказывается еще длительное напряжение, вызванное болезнью Люси. Сплюшные

¹ Ср.: «...только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь — есть душа...» (Вт. 12: 23).

нервы, предельная усталость, хочется покоя, покоя, покоя. Хорошо хоть Ван Хелсинг не вызвал меня сегодня, и я смогу выспаться — иначе просто пропал бы.

Телеграмма от профессора Ван Хелсинга из
Антверпена — доктору Сьюворду в Карфакс
(поскольку графство не было указано,
доставлена на сутки позже)

17 сентября. Непременно будьте к вечеру в Хиллингеме. Если не сможете дежурить все время, регулярно навещайте, следите, чтобы цветы были на месте, это очень важно. Не подведите. Присоединюсь к вам сразу по приезде.

Дневник доктора Сьюворда

18 сентября. Ближайшим поездом выехал в Лондон. Телеграмма Ван Хелсинга привела меня в смятение. Потеряна целая ночь, а я по горькому опыту знаю, что может произойти за ночь. Конечно, вполне возможно, ничего не случилось. А если случилось? Несомненно, злой рок тяготеет над нами, все время какая-нибудь случайность расстраивает наши планы; возьму с собой валик — закончу эту запись на фонографе у Люси.

Записка, оставленная Люси Вестенра

17 сентября, ночь. Оставляю листки на виду, чтобы ни у кого не было из-за меня неприятностей. Это запись того, что случилось этой ночью. Чувствую, что умираю от слабости, едва хватает сил, чтобы писать, но это необходимо, даже если я от этого умру.

Легла спать, как обычно, предварительно проследив, чтобы цветы лежали там, куда велел положить их доктор Ван Хелсинг, и вскоре заснула.

Разбудило меня хорошо знакомое хлопанье крыльев в окне, начавшееся после того, как я во сне ходила на утес в Уитби, а Мина выручила меня. Я не испугалась, но, конечно, жаль, что доктора Сьюворда нет в соседней комнате и я не могу позвать его — профессор Ван Хелсинг обещал, что он будет. Попыталась заснуть, но не смогла. Тут ко мне вернулась прежняя боязнь кошмарных снов, и я решила бодрствовать. Как назло, меня начал одолевать сон. Мне стало страшно одной, я открыла дверь и крикнула:

— Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Боясь разбудить маму, я закрыла дверь. Тут за окном в кустах раздался какой-то вой, вроде бы собачий, но более низкий и свирепый. Я посмотрела в окно, но увидела лишь летучую мышь — наверное, она и била крыльями по оконному стеклу. Я снова легла в постель, но решила не спать.

Вскоре открылась дверь и заглянула мама. Увидев, что я не сплю, она вошла, села подле меня и сказала, пожалуй, еще ласковей, чем обычно:

— Я беспокоилась за тебя, дорогая, и пришла посмотреть, как ты.

Боясь, что она простудится, я уговорила ее лечь со мной. Она прилегла прямо в халате, сказав, что побудет со мной недолго и пойдет к себе. Мы лежали обнявшись, и вновь раздалось хлопанье крыльев и стук в оконное стекло. Она вздрогнула, испугалась и вскрикнула:

— Что это?

Я успокоила ее, она лежала тихо, было слышно, как бьется ее больное сердце. Немного погодя вновь послышался вой в кустах, потом — удар в окно, осколки разбитого стекла посыпались на пол и в дыру просунулась голова большого тощего волка. Мама в страхе вскрикнула, попыталась приподняться и, судорожно хватаясь за все, что попадалось под руку, в том числе за венок, который профессор Ван Хелсинг велел мне носить на шее, сорвала его с меня. В течение нескольких секунд мама сидела, указывая на волка, в горле у нее что-то

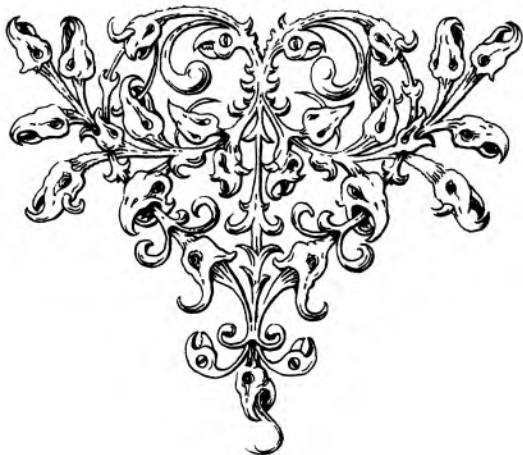
странно клокотало, потом рухнула навзничь, как сраженная молнией; падая, она ушибла мне лоб, на мгновение у меня закружилась голова. Я не спускала глаз с окна, но волк исчез, а через разбитое стекло дуновением ветра ворвались целые мириады мошек — они кружились, подобно пыльному вихрю. Я попробовала встать, но не могла пошевелиться, как будто меня околдовали; кроме того, меня придавило тело бедной мамы — казалось, оно остывало, а когда сердце ее перестало биться, я потеряла сознание...

Видимо, вскоре я пришла в себя. Где-то недалеко на дороге звенел колокольчик. По соседству выли собаки. Совсем близко в кустах запел соловей. В шоке от перенесенного ужаса, я была совершенно разбита, но пение соловья показалось мне голосом мамы, вернувшейся, чтобы утешить меня. Видимо, шум разбудил и служанок — я различила легкий топот их босых ног у моей двери. Позвала их, они вошли и, увидев, что случилось, вскрикнули. Ветер ворвался в разбитое окно, и дверь громко захлопнулась. Мне наконец удалось встать, а девушки уложили на кровать тело бедной мамы, накрыв его простыней. Они были так напуганы и взволнованы, что я велела им пойти в столовую и выпить по стакану вина. Дверь на мгновение открылась и снова закрылась, девушки вскрикнули. Потом они спустились в столовую, а я собрала цветы и положила на грудь моей несчастной мамы. Тут я вспомнила, что говорил мне доктор Ван Хелсинг, но надевать их вновь на себя было выше моих сил. Да и зачем, ведь я решила попросить одну из служанок посидеть со мной. Удивившись, что девушки так долго не возвращаются, я позвала их, но ответа не было. Тогда я сама спустилась в столовую...

У меня упало сердце, когда я увидела, что произошло: все четыре беспомощно лежали на полу, тяжело дыша. На столе стоял полупустой графин хереса, от него исходил какой-то странный запах. В следующее мгновение я поняла: пахло настойкой опия. Это показалось мне подозрительным, взглянув на буфет, я увидела, что флакон, из которого доктор

дает — давал! — маме лекарство, пуст. Что делать? Что мне делать?

Я вернулась в свою комнату, к маме. Не могу ее оставить, служанок кто-то опоил наркотиком, я одна. Одна с умершей мамой! Из дома выйти не решаюсь — сквозь разбитое окно слышу глухой вой волка. В воздухе кружатся мошки, вспыхивают неясные голубые огоньки. Что мне делать? Господи, защити меня! Спрячу эту бумагу у себя на груди, ее найдут, когда будут прибирать меня к похоронам. Мама умерла! Теперь моя очередь. Прощай, дорогой Артур, если я не переживу эту ночь. Да хранит тебя Бог, мой дорогой, да поможет Он мне!

ГЛАВА XII

Дневник доктора Сьюворда

18 сентября

Я приехал в Хиллингем утром. Оставив извозчика у ворот, прошел по дорожке и тихо позвонил в дверь, боясь разбудить Люси или ее мать. Надеялся, что откроет служанка, однако никто не вышел. Тогда я постучал и вновь позвонил — никакого отклика. Я проклял ленивых служанок, в такое время еще валявшихся в постели — было уже десять. Еще раз, более решительно, постучал и позвонил — безрезультатно. Страх охватил меня. Что означает эта безответная тишина? Еще одно звено в цепи злого рока, затягивающего на нас свою петлю? Неужели я опоздал и передо мной — обитель смерти? Я знал, счет может идти на минуты и даже секунды, грозящие смертельной опасностью для Люси, если повторится один из ее ужасных приступов. Обошел дом в надежде как-нибудь проникнуть внутрь.

Все окна и двери были заперты. Расстроенный, я вернулся на крыльцо. Тут я услышал цокот копыт быстро бегущей лошади. Он затих у ворот, и через несколько секунд я увидел на дорожке профессора Ван Хелсинга.

— Так это вы? — прокричал он мне на бегу, задыхаясь. — Вы только что приехали? Как она? Мы опоздали? Вы не получили мою телеграмму?

Я объяснил ему, как можно короче, что телеграмму получил сегодня рано утром и, не теряя ни минуты, примчался сюда, но в доме никто не откликается. Он помолчал мгновение, потом снял шляпу и мрачно сказал:

— Ну что ж, боюсь, мы опоздали. На все воля Божья! — Потом со своей обычной энергией добавил: — Пойдемте, если никто не откроет, придется взламывать дверь. Самое важное для нас сейчас — не терять времени.

Мы подошли к дому с тыла, куда выходило окно кухни. Профессор вынул из чемоданчика хирургическую пилу, дал ее мне, указав на железную решетку на окне. Я принялся за дело — вскоре три прута были распилены. Потом с помощью длинного тонкого скальпеля мы отодвинули оконные шпингалеты и открыли окно. Я помог влезть профессору, затем забрался сам. Ни на кухне, ни в людской не было ни души. Мы обошли все помещения вниз и в столовой, скудно освещенной светом, проникающим сквозь ставни, нашли четырех служанок, простертых на полу. Было ясно, что они живы — их тяжелое дыхание и едкий запах опия все объяснили.

Ван Хелсинг поспешил дальше, бросив мне:

— Займемся ими позже.

Мы поднялись в спальню Люси. На мгновение замерли у двери, прислушиваясь, — полная тишина. Поблуднев, дрожащими руками тихо отворили дверь и вошли.

Можно ли описать то, что мы увидели? На постели лежали две женщины — Люси и чуть подальше — ее мать, накрытая белой простыней. Сквозняк, ворвавшийся в разбитое окно, откинул край простыни, открыв нашим взорам бледное, искаженное страхом лицо. На не менее бледном лице Люси запечатлелось еще более жуткое выражение. Цветы, которые она должна была носить вокруг шеи, я увидел на груди ее матери, на шее у девушки — две маленькие ранки, которые мы замечали и раньше, теперь их края были очень белы и искромсаны.

Не говоря ни слова, профессор приложил голову к груди Люси, прислушался и, вскочив, крикнул мне:

— Еще не поздно! Скорее! Скорее! Быстро коньяку!

Я бросился вниз; обнаружив бутылку, понюхал и попробовал ее содержимое: не подсыпан ли наркотик и туда, как в графин с хересом, найденный мной на столе. Служанки

дышали во сне уже спокойнее, видимо, действие опия стало слабеть. Я поспешил наверх.

Ван Хелсинг, как и в прошлый раз, натер девушке губы, десны, запястья и ладони и сказал мне:

— Все, что можно сейчас сделать, я сделаю. А ты иди и разбуди служанок. Похлопай их мокрым полотенцем по лицу. Пусть они разведут огонь, нагреют воду и приготовят горячую ванну. Бедняжка почти такая же холодная, как и ее мать. Нужно ее поскорее согреть.

Я тотчас спустился и без труда разбудил трех служанок. Четвертая была очень молода, и дурман подействовал на нее сильнее, чем на остальных. Положив ее на диван, я оставил ее отсыпаться. Остальные сначала не очень понимали, что к чему, потом сознание у них прояснилось, и они стали истерически рыдать. Однако я был строг и не дал им разговориться, заметив, что одной погибшей жизни достаточно, и если они станут медлить, то погубят и Люси. Рыдая, они, как были полуодеты, принялись за работу, развели огонь и нагрели воду. Мы вынесли Люси на руках, посадили в приготовленную ванну и начали растирать ей руки и ноги.

Тут раздался стук в дверь. Одна из служанок, накиннув что-то на себя, пошла открывать. Вернувшись, она сообщила, что пришел какой-то господин с поручением от мистера Холмвуда. Я велел передать ему, чтобы он подождал — мы сейчас очень заняты. Она ушла, а я, занявшись делом, совершенно забыл о посетителе.

Впервые я видел, чтобы профессор работал так самозабвенно. Каждый из нас понимал, что идет поединок со смертью, во время краткой передышки я сказал ему об этом. Его ответ был не совсем понятен мне:

— Если бы дело было только в этом, я бы остановился и позволил ей угаснуть с миром, ибо не вижу света на горизонте ее жизни.

И он продолжил работу с неистовой энергией.

Наконец мы заметили, что наши усилия возымели действие: сердце Люси, как было слышно через стетоскоп,

билось немного сильнее, дыхание чуть окрепло. Ван Хелсинг едва ли не сиял. Мы вынули ее из ванны, завернули в теплое одеяло.

— Это наш выигрыш! — сказал мне Ван Хелсинг. — Шах королю!

Мы перенесли Люси в другую, уже приготовленную комнату, уложили в постель и влили ей в рот несколько капель коньяку. Я заметил, что Ван Хелсинг повязал ей шею мягким шелковым платком. Она все еще была без сознания и так же, если не хуже, плоха, как и в прошлый раз.

Ван Хелсинг позвал одну из служанок и велел ей не сводить с Люси глаз, пока мы не вернемся. Мы вышли из комнаты.

— Нужно обсудить, что делать дальше, — сказал он мне.

Мы спустились в столовую, профессор плотно закрыл дверь. Ставни были открыты, но шторы задернуты — этот обычай строго соблюдают британские женщины из низших слоев со свойственным им уважением к смерти. В комнате царил полумрак, но нам этого освещения было достаточно. Решительность Ван Хелсинга сменилась озабоченностью. Его явно что-то мучило, и после небольшой паузы он сказал:

— Что же нам делать? Куда обратиться за помощью? Нужно еще одно переливание, и как можно скорее, жизнь бедняжки висит на волоске, она не протянет и часу. Вы уже истощены, я тоже. А этим женщинам я боюсь довериться, даже если у них хватит на это мужества. И чем мы отблагодарим того, кто согласится дать кровь?

— Не могу ли я вам помочь? — С дивана на другом конце комнаты раздался голос, принесший облегчение и радость моему сердцу, — голос Квинси Морриса. Ван Хелсинг сначала напрягся, но лицо его тут же смягчилось, а в глазах вспыхнула радость, когда я воскликнул:

— Квинси Моррис! — и с распростертыми объятиями бросился к нему. — Что привело тебя сюда?

— Арт.

И он подал мне телеграмму: «Уже три дня нет вестей от Сьюворда. Очень беспокоюсь. Приехать не могу. Отец все в том же состоянии. Срочно сообщи, как Люси. Холмвуд».

— Мне кажется, я приехал как раз вовремя. Вы только скажите, что делать.

Ван Хелсинг взял его за руку и посмотрел ему в глаза:

— Кровь храброго человека — лучшее, что есть в мире, когда женщина в беде. Вы — настоящий мужчина, в этом нет сомнения. Что ж, дьявол может выступать против нас во всей своей мощи, Бог посылает нам поддержку, когда мы в ней нуждаемся.

И вновь мы прошли через эту ужасную процедуру. Не хватает духа описывать ее. Люси, по-видимому, пережила в этот раз более сильное потрясение, чем прежде: несмотря на обильное переливание крови, она гораздо дольше приходила в себя. Мучительно было видеть, как она возвращается к жизни. Тем не менее работа сердца и легких улучшилась. Ван Хелсинг, как и в прошлый раз, сделал девушке подкожную инъекцию морфия, и ее обморок перешел в глубокий сон.

Профессор остался с Люси, а я пошел к Квинси Моррису, предварительно послав одну из служанок отпустить ожидавшего извозчика. Квинси я заставил выпить стакан вина и прилечь, а кухарке велел приготовить плотный завтрак. Тут мне в голову пришло одно соображение. Я поднялся наверх. Ван Хелсинг сидел, опершись головой на руку, в глубокой задумчивости над какими-то, видимо уже прочитанными, листками. На лице профессора застыло выражение мрачного удовлетворения, будто он разрешил какое-то давно мучившее его сомнение. Он дал мне листки, сказав лишь:

— Это выпало у Люси, когда мы несли ее в ванну.

Прочитав их, я взглянул на профессора и спросил:

— Ради бога, что это значит? Неужели мы имеем дело с сумасшедшей? Да, но когда она сошла с ума — сейчас или прежде? А может, то, что написано, — правда, и существует какая-то ужасная опасность?

Я был в полной растерянности. Ван Хелсинг взял листки, заметив:

— До поры до времени выбросите все это из головы. Я вам все объясню позже. А теперь скажите, что вы намеревались мне сообщить?

— Хотел поговорить насчет свидетельства о смерти. Если мы не проявим предусмотрительность, могут назначить расследование, а оно нам совсем не нужно, ибо может просто убить Люси. Мы с вами медики и очень хорошо знаем, что у миссис Вестенра была неизлечимая болезнь сердца, так что нам лучше сразу засвидетельствовать причину ее смерти. Давайте теперь же это и сделаем, я сам зарегистрирую свидетельство, а потом заеду в похоронное бюро.

— Молодец, мой друг Джон! Хорошо продумано! Поистине, если мисс Люси столько неприятностей доставляют ее враги, то по крайней мере ей повезло с любящими ее друзьями. Трое из них отдадут ей свою кровь, не считая еще одного старика. О да, я все понимаю, друг Джон. Я не слепой! И еще больше люблю тебя за это! А теперь иди.

В прихожей я встретил Квинси Морриса с телеграммой для Артура, в которой он сообщал ему о смерти миссис Вестенра и о том, что Люси выздоравливает после тяжелой болезни, а Ван Хелсинг и я — с нею. Я сказал ему, куда иду, и он не стал меня задерживать, лишь сказал:

— Когда вернешься, Джек, не мог бы я поговорить с тобой наедине?

Я кивнул и вышел. Никаких сложностей в службе регистрации не возникло, а с местным гробовщиком я договорился, что он возьмет на себя устройство похорон и вечером зайдет снять мерку для гроба.

Когда я вернулся, Квинси ждал меня. Я сказал, что справлюсь о Люси и сразу же приду к нему. Девушка еще спала, а профессор явно так и просидел все это время подле нее. Он приложил палец к губам, я понял, что она должна скоро проснуться. Я спустился к Квинси, и мы пошли в буфетную, в которой благодаря незадернутым шторам было немного

повеселее, или, скорее, не так безотрадно, как в других комнатах.

— Джек Сьюворд, — начал он, — я не хочу совать нос куда не следует, но это исключительный случай. Ты знаешь, я любил эту девушку и хотел жениться на ней; конечно, все это в прошлом, но все равно я не могу не беспокоиться за нее. Что с ней происходит? Этот голландец — славный старик, это сразу видно, — сказал тогда в столовой, что нужно еще одно переливание крови, а вы оба истощены. Конечно, я понимаю, у вас, врачей, своя профессиональная этика и посторонние не должны знать врачебных тайн. Но ведь речь идет не об обычном случае, и как бы там ни было, а я тоже внес свою лепту. Разве не так?

— Конечно.

— Догадываюсь, что и Артур не остался в стороне. Я видел его четыре дня назад — он выглядел очень неважно. Пожалуй, лишь однажды я был свидетелем столь стремительного развития событий — в пампасах моя любимая лошадь околела за одну ночь. Большая летучая мышь — их называют вампирами — напала на нее ночью и, напившись крови, улетела, а из прокушенной вены продолжала течь кровь, и к утру лошадка моя была уже так слаба, что не могла подняться, пришлось прекратить ее мучения, пристрелив ее. Джек, скажи мне по секрету — Артур был первым, правда?

Квинси был очень взволнован, его мучила неизвестность, а полное непонимание ужасной тайны, окружавшей болезнь любимой женщины, лишь усиливало его страдания. Требовалось все его мужество — а оно было немалым, — чтобы не сорваться. Я задумался, прежде чем ответить ему, так как не имел права выдать то, что профессор считал необходимым сохранить в тайне, но Квинси уже знал многое и о многом догадывался, поэтому я счел возможным быть с ним откровенным.

— Правда.

— И как долго это продолжается?

— Дней десять.

— Десять дней! Значит, Джек Сьюворт, в вены этого любимого всеми нами создания за это время влили кровь четырех здоровых мужчин. Господи помилуй, да ее тело просто не выдержит. — И, подойдя ко мне ближе, он спросил отчаянным полупшепотом: — Куда же она девалась, эта кровь?

Я покачал головой:

— Спроси что-нибудь полегче. Ван Хелсинг просто сходит с ума из-за этого, а я — в тупике, ничего не понимаю. Целая цепь непредсказуемых случайностей опрокинула все наши планы лечения Люси. Но больше этого не будет. Теперь мы здесь до победного конца... или поражения.

Квинси протянул мне руку:

— Рассчитывайте и на меня. Говорите, что делать, — я все сделаю.

Люси проснулась к вечеру. Она сразу схватилась за грудь и, к моему удивлению, извлекла из-за корсажа те самые листки, которые Ван Хелсинг давал мне читать. Осторожный профессор вернул их на прежнее место, чтобы, проснувшись, девушка не встревожилась. Увидев Ван Хелсинга и меня, Люси явно обрадовалась. Потом осмотрелась, вздрогнула и, вскрикнув, закрыла руками бледное лицо. Мы оба поняли — вспомнила о смерти матери — и постарались успокоить ее, насколько это было в наших силах. Сочувствие несколько утешило ее, но не более — она тихо плакала. Мы сказали ей, что один из нас все время будет с нею, и это вроде бы успокоило ее.

В сумерки она задремала. И тут произошло нечто странное. Во сне она выхватила из-за корсажа листки и разорвала. Ван Хелсинг отобрал у нее записи, но она продолжала рвать воображаемую бумагу, потом подняла руки и развела их, как бы разбрасывая клочки. Удивленный Ван Хелсинг нахмурился в раздумье, но ничего не сказал.

19 сентября. Прошлую ночь Люси спала беспокойно, боялась заснуть, а проснувшись, жаловалась на слабость. Профессор и я дежурили около нее поочередно и ни на минуту

не оставляли одну. Квинси Моррис ничего не говорил, но я знаю, что он всю ночь бродил вокруг дома — сторожил.

Утром при дневном свете стало видно, насколько ослабела Люси. Она едва могла повернуть голову, ела мало и явно не впрок. Иногда дремала. Мы с Ван Хелсингом обратили внимание на то, что во сне девушка выглядит не такой измученной: дыхание было ровное, рот приоткрылся, и обнажились десны, бледные, отставшие от зубов, которые теперь казались длиннее и острее, чем обычно; когда же Люси не спала, то нежное выражение глаз преображало весь ее облик, но чем больше она становилась похожей на себя прежнюю, тем явственнее проступала на бледном изможденном лице зловещая печать смерти.

После обеда Люси спросила об Артуре, и мы послали ему телеграмму. Квинси поехал на вокзал встречать его.

Артур приехал около шести; еще светило солнце, яркий свет струился в окно и, насколько это было возможно, оживлял бледное лицо умирающей. Артур очень разволновался, увидев ее; никто из нас не мог произнести ни слова. Периоды сна или коматозного состояния участились, все реже возникала возможность поговорить. И все-таки присутствие Артура подбодрило девушку, она немного оживилась, говорила с ним, даже пыталась шутить. Он тоже, собравшись с духом, старался вселить в нее надежду — в общем, все делали, что могли.

Теперь около часа ночи. Записываю свои наблюдения на фонографе Люси. Артур и Ван Хелсинг все еще сидят около нее. Я должен сменить их через пятнадцать минут. До шести они попробуют отдохнуть. Боюсь, что завтра наши дежурства закончатся, потрясение было слишком сильным... Да поможет нам Бог!

Письмо Мины Гаркер — Люси Вестенра
(не распечатано адресатом)

17 сентября

Дорогая моя Люси! Кажется, я целый век не получала от тебя писем и не писала тебе. Но ты, конечно, простишь мне

этот грех, когда узнаешь мои новости. Итак, мой муж благополучно вернулся. В Эксетере нас встречала коляска, а в ней, несмотря на приступ подагры, мистер Хокинс. Он повез нас к себе, где нам были приготовлены уютные и удобные комнаты. Мы пообедали, а потом мистер Хокинс сказал:

— Мои дорогие, я хотел бы выпить за ваше здоровье и благополучие, желаю вам счастья. Вы оба выросли на моих глазах. И я хотел бы, чтобы вы поселились здесь со мной. У меня не осталось никого на свете, все умерли. И все, что у меня есть, я завещаю вам.

Я плакала, дорогая Люси, когда Джонатан и старик обнимали друг друга. Это был очень, очень счастливый вечер.

Итак, мы теперь живем в этом чудном старом доме. Из моей спальни и гостиной я вижу большие вязы с черными стволами на фоне желтого камня старого собора, слышу, как трещат, гомонят, сплетничают весь день напролет грачи. Не нужно объяснять тебе, как я занята устройством дома и хозяйства. Джонатан и мистер Хокинс работают целыми днями, Джонатан теперь компаньон, и мистер Хокинс хочет посвятить его во все дела своих клиентов.

Как поживает твоя милая матушка? Очень хотелось бы на денек-другой приехать в Лондон повидать вас, дорогая, но пока не решаюсь — слишком много дел, и за Джонатаном еще нужен присмотр. Он начинает потихоньку набирать вес — долгая болезнь его очень истощила. До сих пор он иногда просыпается, весь дрожа, и мне с трудом удается успокоить его. Но, слава богу, это происходит все реже и реже, а со временем, надеюсь, и вовсе пройдет. Таковы мои новости. А что слышно у тебя? Когда и где свадьба? Кто будет вас венчать? Какое у тебя подвенечное платье? Будет ли свадьба торжественной, многолюдной — или скромной? Напиши мне обо всем, дорогая. Все, связанное с тобой, интересно и дорого мне. Джонатан просит передать тебе «свое почтение», но я думаю это маловато для младшего партнера фирмы «Хокинс и Гаркер», а поскольку и ты и он любите меня, а я люблю тебя во всех временах и наклонениях этого глагола, то посылаю тебе

его «сердечный привет». До свидания, моя дорогая Люси. Да благословит тебя Бог.

Отчет доктора Патрика Хеннеси,
члена Королевского медицинского колледжа,
выпускника медицинского колледжа Короля и
Королевы, и т. д., и т. п. — доктору Джону Сьюворду
20 сентября

Дорогой сэр!

Согласно Вашему желанию, посылаю отчет о всех порученных мне делах... О больном Ренфилде. У него был новый приступ, который мог бы плохо кончиться, но, к счастью, все обошлось. Сегодня пополудни в соседний пустой дом, куда, как Вы помните, дважды убегал больной, приехала грузовая двуколка с двумя мужчинами. Они остановились у наших ворот, чтобы спросить, как им туда попасть. Я курил у окна кабинета после обеда и видел, как один из них приближается к дому. Когда он проходил мимо окна палаты Ренфилда, тот начал бранить и обзывать его. Человек этот, вполне приличного вида, ответил ему лишь: «Да замолчи ты, жалкий сквернослов», тогда как Ренфилд обвинял его в ограблении и в попытке убить его, Ренфилда, и кричал, что не позволит ему самоуправствовать. Я открыл окно и сделал этому человеку знак не обращать внимания, он огляделся, видимо желая понять, куда попал, и сказал: «Боже сохрани, сэр, я и не думаю обращать внимание на то, что мне кричат из какого-то жалкого дурдома. Но мне жаль вас и всех живущих под одной крышей с таким дикарем, как этот тип».

Потом он довольно любезно спросил меня, как пройти в пустой дом, я показал ему вход. Он ушел, а вслед ему сыпались угрозы, проклятья и брань нашего больного. Я спустился выяснить причину его гнева, все-таки обычно Ренфилд ведет себя прилично, за исключением приступов буйства. К моему удивлению, я застал его совершенно спокойным и даже веселым. В ответ на мои попытки навести его на разговор об

этом инциденте он кротко, с недоумением стал спрашивать, что я имею в виду, тем самым пытаясь меня убедить в своем полнейшем беспамятстве.

К сожалению, это была лишь хитрость с его стороны — не прошло и получаса, как о нем вновь заговорили. Он разбил окно в своей палате и, выскочив наружу, помчался по аллее. Я крикнул служителям, чтобы они следовали за мной, и побежал за Ренфилдом, опасаясь, что он задумал недоброе. Мои опасения оправдались: я увидел на дороге ту же двуколку, но уже груженную большими деревянными ящиками. Раскрасневшиеся грузчики вытирали вспотевшие от тяжелой работы лица. Прежде чем я успел подбежать, наш больной бросился к ним, вытащил одного из них из повозки и принялся бить головой о землю.

Если бы я не вмешался вовремя, Ренфилд наверняка бы убил этого несчастного. Его товарищ ударил Ренфилда по голове тяжелым кнутовищем. Удар был сильным, но наш сумасшедший как будто ничего не почувствовал. Он дрался с нами тремя, раскидывая нас, как котят. А вы знаете, я не из легковесов; да и те двое тоже крепкие парни. Сначала Ренфилд дрался молча, но, когда наша взяла и служители начали надевать на него смирительную рубашку, закричал: «Я расстрою их гнусные планы! Они не смеют меня грабить! Постепенно убивать меня! Я буду биться за своего Господина и Хозяина!» — и прочий бред. С большим трудом его вернули домой и водворили в обитую войлоком палату. Один из служителей, Гарди, сломал себе в драке палец, но я наложил ему повязку, и теперь все уже в порядке.

Грузчики сначала громко требовали возмещения ущерба и грозили наслать на нас все кары закона. Но к их угрозам примешивалась некоторая неловкость оттого, что они потерпели поражение в стычке с жалким сумасшедшим. Они говорили, что если б не устали при погрузке тяжелых ящиков, то разделились бы с ним в два счета. В качестве другой причины поражения выдвигалась ужасная жажда, возникшая у них вследствие их пыльной работы, и достойная порицания

удаленность соответствующих заведений. Я понял, к чему они клонят, и после доброго стакана вина, а потом еще одного, да получив в придачу по фунту, они уже клялись, что ради знакомства с таким «замечательным парнем», как Ваш покорный слуга, готовы встретиться и с другими сумасшедшими. Я на всякий случай записал их имена и адреса: Джек Смоллет, дома Дадиштона, Кинг-Джорджес-роуд, Грейт-Уолворт, и Томас Спеллинг, дома Питера Фарли, Гайд-Корт, Бетнел-Грин. Оба работают у «Харриса и сыновей», занимающихся перевозкой, их адрес: Орендж-Мастерс-Ярд, Сохо.

Я напишу Вам, если произойдет что-то, заслуживающее внимания, и телеграфирую в случае крайней необходимости.

Располагайте мною, дорогой сэр.

Искренне ваш
Патрик Хеннесси

Письмо Мины Гаркер — Люси Вестенра
(не распечатано адресатом)

18 сентября

Моя дорогая Люси!

Нас постиг удар — внезапно умер мистер Хокинс. Могут подумать, не такое уж большое горе для нас, но мы очень любили его и как будто потеряли отца. Я не помню своих родителей, и смерть милого мистера Хокинса для меня настоящий удар. Джонатан сильно сокрушается. Он переживает, глубоко переживает, и не только потому, что этот милый, добрый человек всю жизнь помогал ему, а в последнее время заботился о нем, как о родном сыне, оставив ему состояние, которое для скромных людей, вроде нас, просто богатство, мы даже мечтать не могли о нем.

Джонатан нервничает и из-за свалившейся на его плечи ответственности. Он сомневается в себе. Я стараюсь подбодрить его, и моя вера поддерживает его веру в себя. Потрясение, которое он недавно перенес, привело его к утрате веры в

свои силы. Невыносимо сознавать, что благородная, волевая натура Джонатана, которая позволила ему за несколько лет из простого клерка стать знатоком своего дела, оказалась так надломлена. Прости, дорогая, что докучаю тебе своими горестями в эти счастливые для тебя дни. Но, Люси, я должна быть неизменно мужественной и веселой при Джонатане, это большое напряжение для меня, а душу отвести мне здесь не с кем.

Послезавтра нам придется поехать в Лондон с печальной миссией — в завещании мистера Хокинса сказано, что он хотел быть похороненным около своего отца. У него нет никаких родственников, Джонатан самый близкий ему человек, и все хлопоты по похоронам — на нем. Я постараюсь забежать к вам, дорогая, хоть на несколько минут. Прости, что потревожила тебя. Да благословит тебя Бог!

Любящая тебя
Мина Гаркер

Дневник доктора Сьюворда

20 сентября. Только сила воли и привычка могут заставить меня сегодня делать записи в дневнике. Я слишком подавлен и печален, так устал от этого мира и самой жизни, что не испытал бы никаких сожалений, если б сию минуту услышал шум крыльев ангела смерти. Впрочем, в последнее время веяние его зловещих крыл ощущалось совсем близко — мать Люси, отец Артура, а теперь... Продолжу-ка лучше свои записи.

В условленный час я сменил Ван Хелсинга, дежурившего около Люси. Артур сначала отказывался пойти отдохнуть и согласился лишь после того, как я сказал, что его помощь потребуется днем и Люси будет только хуже, если все мы будем валиться с ног. Ван Хелсинг очень внимателен к нему.

— Пойдемте со мной, друг мой, — сказал он. — Вы устали, ослабли, слишком много переживаний, страдания, боли. Вам

лучше не быть одному, одиночество — это страхи, тревоги. Пойдемте в гостиную, там большой камин, два дивана. Вы ляжете на одном, я на другом, наше сочувствие, симпатия друг к другу поддержат нас, даже если мы будем молчать или заснем.

Перед уходом Артур пристально посмотрел на бледное, белее батиста, лицо своей невесты — в его взгляде смешались любовь и отчаяние.

Люси лежала очень спокойно. Я осмотрелся, проверяя, все ли в порядке в комнате. Профессор и здесь повсюду развесил и разложил цветы чеснока, натер ими оконные переплеты. И на шею Люси поверх шелковой косынки надел венок из этих пахучих цветов. Девушка тяжело дышала и выглядела плохо. Полуоткрытый рот обнажал бледные десны. Зубы, особенно клыки, казались в полумраке еще длиннее и острее, чем утром.

Я сел рядом с ней, она шевельнулась во сне. В это время раздалось какое-то глухое постукивание в окно. Я тихо подошел к нему и заглянул за штору. Светила полная луна, и я увидел, что шум исходит от большой летучей мыши, которая кружилась у самого окна, ударяясь о него крыльями, видимо привлеченная хоть и тусклым, но светом. Вернувшись на свое место, я обнаружил, что Люси немного подвинулась и сорвала с шеи венок. Я приладил его обратно и продолжал наблюдать за нею.

Вскоре она проснулась, я дал ей поест, как велел Ван Хелсинг. Ела девушка мало и нехотя. Казалось, в ней уже не шла бессознательная борьба за жизнь, до сих пор столь характерная для хода ее болезни. Меня удивило, что, едва придя в себя, она лихорадочно прижала к себе цветы чеснока. Это было тем более странно, что всякий раз, впадая в состояние, напоминающее летаргический сон, она начинала вдруг задыхаться и сбрасывала их с себя. Просыпаясь же, вновь прижимала к себе. Похоже, это было не случайно, потому что в течение ночи повторялось неоднократно.

В шесть утра Ван Хелсинг сменил меня. Артур заснул, и профессор, пожалев, не стал будить его. Взглянув на Люси, он тихо ахнул и прошептал:

— Откройте шторы, мне нужен свет! — Потом наклонился, почти касаясь Люси, и внимательно осмотрел ее, а когда снял цветы и шелковый платок с шеи, вздрогнул и едва слышно воскликнул: — Боже мой!

Я наклонился, взглянул и ощутил внезапный озноб: ранки исчезли...

Минут пять Ван Хелсинг напряженно всматривался в лицо девушки. Потом повернулся ко мне и спокойно сказал:

— Она умирает. Это продлится недолго. Но помняи мое слово, очень важно, умрет ли она в сознании или во сне. Разбуди этого несчастного мальчика, пусть придет — проститься с нею; он доверяет нам, а мы ему это обещали.

Я разбудил Артура. В первую минуту он не мог сообразить, что к чему, но, увидев солнечный свет, проникающий сквозь щели ставен, испугался, что опоздал. Я успокоил его, сказав, что Люси еще спит, и осторожно намекнул на возможность близкого конца. Он закрыл лицо руками, опустилсЯ на колени и несколько минут молился, плечи его вздрагивали от горя.

Я положил руку ему на плечо:

— Пойдем, старина, собери все свое мужество: так ей будет лучше и легче.

Когда мы поднялись, я заметил, что Ван Хелсинг со свойственной ему предусмотрительностью навел в комнате порядок и причесал Люси — ее волосы лежали на подушке светлыми волнами.

Девушка открыла глаза и, взглянув в нашу сторону, пролепетала:

— Артур! Любовь моя, я так рада, что ты пришел!

Он нагнулся, чтобы поцеловать ее, но Ван Хелсинг резким жестом остановил его и шепнул на ухо:

— Нет, не теперь! Возьмите ее за руку, это больше успокоит ее.

Артур, взяв ее за руку, встал перед ней на колени. Люси ласково посмотрела на него своими чудными, добрыми, ангельскими глазами. Потом медленно закрыла глаза и задремала. Она дышала во сне, как уставшее дитя.

И вдруг в ней произошла странная перемена, которую я уже наблюдал ночью: дыхание стало прерывистым, рот приоткрылся, обнажив бледные десны и зубы, казавшиеся, как никогда, длинными и острыми. В полусне, бессознательно, Люси открыла глаза, ставшие теперь тусклыми и жестокими, и сказала необычным для себя, вкрадчивым, сладострастным тоном:

— Артур! Любовь моя, я так рада, что ты пришел! Поцелуй меня!

Молодой человек мгновенно наклонился к ней, но тут Ван Хелсинг, пораженный, как и я, ее голосом, бросился к нему, схватил за шиворот и с неожиданной для него силой неистово отбросил едва ли не в другой конец комнаты.

— Ради вашей жизни, — воскликнул он, — ради спасения вашей и ее души! Не трогайте ее!

Профессор стоял меж ними, как затравленный лев.

Артур настолько опешил, что в первую минуту не знал, как реагировать, но, помня, где и при каких обстоятельствах находится, все-таки не дал волю своему гневу и молча остался в углу.

Взглянув на Люси, мы с Ван Хелсингом вздрогнули: судорога ярости, как тень, мелькнула на ее лице, хищные зубы щелкнули от досады. Глаза ее закрылись, и она тяжело задышала.

Однако вскоре открыла глаза, своей худой бледной рукой взяла большую загорелую руку Ван Хелсинга и, притянув к себе, поцеловала:

— Мой верный друг! — слабым голосом, но с невыразимым чувством произнесла она. — Верный друг нас обоих! Берегите его и дайте мне надежду на покой!

— Клянусь вам! — взволнованно воскликнул он и, встав на колени подле нее, поднял в клятвенном жесте руку. Потом

повернулся к Артуру и сказал: — Подойдите, друг мой. Возьмите ее за руки и поцелуйте в лоб, но только один раз.

Глаза Люси и Артура встретились — так они попрощались.

Веки девушки смежились. Ван Хелсинг, внимательно следивший за ней, взял Артура под руку и отвел в сторону.

Дыхание ее стало вновь прерывистым и вдруг совсем прекратилось.

— Все кончено, — прошептал Ван Хелсинг. — Она умерла!

Я увел Артура в гостиную, где он стал так рыдать, что у меня сердце разрывалось на части.

Я вернулся в комнату. Ван Хелсинг внимательно наблюдал за Люси. С ней произошла перемена: смерть частично вернула ей былую красоту, восстановив плавные линии щек, бровей, даже губы не были уже так бледны. Как будто кровь, в которой уже больше не нуждалось сердце, прилила к лицу, смягчив страшную работу смерти:

Уснула, и кажется нам — умерла,
Скончалась, мы думаем — спит¹.

— Ну вот, наконец-то бедняжка нашла покой! Все кончено! — вздохнул я.

— Нет, — ответил профессор необычайно серьезно. — Увы, нет! Все еще только начинается!

Я спросил, что он имеет в виду. Но Ван Хелсинг лишь покачал головой:

— Пока мы ничего не можем сделать. Поживем — увидим...

¹ Строки из стихотворения «У смертного одра» английского поэта Томаса Гуда (1799 — 1845). Перевод М. Л. Михайлова.

ГЛАВА XIII

Дневник доктора Сьюворда (продолжение)

Похороны были назначены на послезавтра — Люси хоронили вместе с матерью. Всеми формальностями занимался я. Работники похоронного бюро обходительностью и расторопностью не уступали своему любезному хозяину. Женщина, непосредственно обряжавшая покойных, доверительно поделилась со мной профессиональными наблюдениями:

— Какая красивая покойница, сэр! Это просто честь для меня. И уж конечно, эти похороны укрепят репутацию нашего заведения!

Я заметил, что Ван Хелсинг никуда не отлучался, возможно, из-за беспорядка, царившего в доме. Рождественников не было. Артур должен приехать только завтра, после похорон своего отца. Поэтому нам с Ван Хелсингом пришлось самим разбирать бумаги. Профессор непременно хотел просмотреть архив Люси. Опасаясь, как бы нам по неведению не нарушить какие-нибудь законы — ведь Ван Хелсинг был иностранец, — я спросил его, почему он так настаивает на осмотре личных бумаг покойной.

— В общем-то, твои опасения небезосновательны, — ответил профессор, — но не забывай, я не только врач, но и юрист. И тут как раз лучше обойтись без вмешательства закона. Ты это понимал, когда постарался избежать коронера¹. Мне же нужно избежать большего — возможно, в архиве найдутся еще такие бумаги, как эта. И он вытащил из

¹ Следовательно, производящий дознание в случаях скоропостижной или насильственной смерти.

бумажника листки, которые Люси разорвала во сне. — Если найдешь адрес стряпчего покойной миссис Вестенра, опечатай все ее бумаги и сегодня же напиши ему. Я же за ночь просмотрю все бумаги Люси — не нужно, чтобы ее тайные записи попали в чужие руки.

Через полчаса я нашел адрес стряпчего миссис Вестенра и написал ему. Все ее бумаги были в порядке, оставлены даже четкие указания, где ее похоронить. Едва я запечатал письмо, как в комнату, к моему удивлению, вошел Ван Хелсинг.

— Не могу ли я помочь тебе, Джон? Я освободился и теперь к твоим услугам.

— Вы нашли, что искали?

— Я не искал ничего конкретного — лишь надеялся найти и нашел несколько писем, записок и недавно начатый дневник. Вот они, и пока мы о них никому не скажем. Завтра я увижу нашего бедного Артура и с его согласия воспользуюсь некоторыми из них.

Когда мы покончили с неотложными делами, профессор сказал:

— А теперь, друг Джон, нам обоим необходимо выспаться. Завтра много дел, а сегодня — увы! — мы уже не нужны.

Перед сном мы еще раз зашли к несчастной Люси. Похоронное бюро хорошо потрудилось: комната превратилась в маленькую часовню. Все утопало в прекрасных белых цветах, и смерть не производила отталкивающего впечатления. Лицо усопшей было накрыто белоснежным покрывалом. Профессор приподнял его, высокие восковые свечи светили достаточно ярко, и мы оба были поражены. Вся прежняя прелесть девушки вернулась к ней — такое впечатление, будто «губительные пальцы смерти»¹, вместо того чтобы разрушить, за прошедшие часы восстановили всю ее живую красоту, мне уже стало казаться, что Люси не умерла, а лишь спит.

Профессор был очень серьезен, даже суров. Конечно, он не любил ее, как я, и ему было не о чем горевать.

¹ Строка из поэмы Дж. Г. Байрона «Гяур».

— Побудь здесь, я сейчас вернусь, — сказал он мне и вышел.

Вернулся с охапкой белых цветов чеснока из недавно доставленного почтой ящика, стоявшего внизу в передней. Ван Хелсинг рассыпал их среди других цветов на кровати и вокруг нее. Потом, сняв с себя маленький золотой крестик, положил его на губы покойной. Снова прикрыл ее покрывалом, и мы вышли.

Я раздевался у себя в комнате, когда раздался стук в дверь и вошел Ван Хелсинг.

— Прошу тебя, раздобудь завтра к вечеру набор инструментов для вскрытия.

— Хотите делать аутопсию?

— И да, и нет. Необходимо сделать операцию, но не ту, что ты думаешь. Тебе скажу, но больше никому ни слова. Хочу отрезать голову и удалить сердце. Ай-ай-ай, хирург, а так шокирован! И это ты, недрогнувшей рукой делавший операции, от которых другие хирурги отказывались. Конечно, мой милый друг Джон, я не должен забывать, что ты любил ее. Но я и не забываю. Операцию беру на себя, ты будешь только помогать мне. Я бы сделал это сегодня, но из-за Артура придется отложить. Он освободится лишь завтра после похорон отца и, конечно, захочет еще раз посмотреть на нее. Потом ее положат в гроб, и мы, когда все лягут спать, откроем его, произведем операцию и все вернем на место, чтобы, кроме нас, никто ничего не знал.

— Но зачем это нужно? Девушка умерла. К чему терзать ее бедное тело? Ведь никакой пользы ни ей, ни нам, ни науке, ни человечеству вскрытие не принесет! И без того все это так ужасно!

Профессор положил мне руку на плечо и сказал очень ласково:

— Друг Джон, мне очень жаль твое бедное, обливающееся кровью сердце, я еще больше люблю тебя за то, что ты способен так глубоко переживать. Если бы это было в моих силах, я бы взял на себя всю тяжесть твоей души. Однако есть

вещи, которых ты не знаешь, но в свое время узнаешь, и тогда тебе придется нелегко, ибо они не очень приятны. Джон, ты много лет был моим другом, вспомни, делал ли я что-нибудь без серьезных на то оснований? Я могу ошибаться — все мы люди! — но я всегда продумываю свои поступки и уверен в необходимости того, что делаю. Не потому ли ты вызвал меня, когда пришла эта беда? Конечно поэтому! А разве тебя не удивило и даже не возмутило, когда я не позволил Артуру поцеловать свою возлюбленную и отшвырнул его от нее, хотя она умирала? Разумеется, удивило! Но разве ты не видел, как она благодарила меня потом своим слабым голосом, взглядом своих прекрасных умирающих глаз, как она целовала мою грубую старую руку и просила о покое? Разумеется, видел! А разве ты не помнишь, как я поклялся ей исполнить ее просьбу и она спокойно закрыла глаза? Разумеется, помнишь! Так вот, у меня есть серьезные основания для того, что я намереваюсь сделать. Ты долгие годы верил мне, но в последние недели происходили такие странные явления, что в душу твою могло закрасться сомнение. Поверь мне еще немного, друг Джон. Если же ты больше не доверяешь своему старому профессору, тогда мне придется раскрыть тебе свои соображения, а это пока преждевременно и может обернуться к худшему. А без друга, его веры в меня мне будет очень одиноко и тяжело. Именно теперь я так нуждаюсь в помощи и поддержке! — Немного помолчав, он многозначительно добавил: — Друг Джон, впереди тяжелые дни. Так давай же будем верить друг другу, и тогда мы добьемся успеха. Ты веришь мне?

Я пожал ему руку и обещал помочь. Не закрывая дверь своей комнаты, я смотрел ему вслед — он прошел по коридору к себе. Вслед за ним одна из служанок — она была спиной ко мне и не видела меня — тихо пробежала по коридору в комнату, где лежала Люси. Это тронуло меня. Преданность — редкое явление и невольно трогает, особенно по отношению к тем, кого мы любим. Бедная девушка, преодолев естественный страх смерти, хочет побыть у гроба любимой хозяйки...

Должно быть, я спал долго и крепко — было уже поздно, когда Ван Хелсинг разбудил меня. Подойдя к моей кровати, он сказал:

— Насчет инструментов можешь не беспокоиться — все отменяется.

— Почему?

— Потому, — ответил он жестко, — что уже слишком поздно — или слишком рано. Взгляни! Его ночью украли. — И показал мне свой золотой крестик.

— Как украли, — спросил я удивленно, — если он теперь у вас?

— Я отобрал его у служанки — эта негодная девчонка обокрала мертвых и живых. Она, конечно, будет наказана, но не мною, ибо не ведала, что творит, — думала, совершает лишь кражу. Теперь нам придется подождать.

С этими словами он вышел, задав мне новую загадку.

Утро прошло тоскливо, в полдень пришел стряпчий мистер Маркенд. Очень приветливый, он одобрил все, что мы сделали, и остальные заботы, вплоть до мелочей, взял на себя. Во время обеда он рассказал нам, что миссис Вестенра, зная о своей болезни и с некоторых пор ожидая смерти, привела свои дела в полный порядок и все состояние, движимое и недвижимое, завещала Артуру Холмвуду — все, кроме родового имения отца Люси, которое теперь, за отсутствием прямых наследников, перейдет к побочной ветви семьи.

— Честно говоря, — продолжал стряпчий развивать эту тему, — мы, как могли, старались воспрепятствовать такому завещанию, говорили ей о возможных ситуациях, при которых ее дочь может остаться без единого пенни или же лишенной свободы действий. В результате чуть не дошло до конфликта, миссис Вестенра даже прямо спросила, собираемся ли мы выполнить ее волю. Выбора у нас не было, и мы согласились, хотя в принципе наша правота подтверждается жизнью в девяност девяти случаях из ста. Но такова была ее воля. Не оставь она такого распоряжения, после ее смерти все состояние перешло бы к ее дочери; но если бы та

пережила мать хоть на пять минут, то вся ее собственность — при отсутствии завещания — досталось бы наследникам по закону. В этом случае лорд Годалминг, хотя и был очень близким другом, не имел бы никаких имущественных прав. А родственники, даже самые дальние, едва ли из сентиментальных соображений отказались бы от своих прав ради постороннего человека. Уверяю вас, джентльмены, я рад такому результату.

Мы с Ван Хелсингом переглянулись: конечно, стряпчий неплохой человек, но речь все же идет о большой трагедии, и его радость по поводу частного дела, в котором он профессионально заинтересован, — наглядный пример ограниченной способности людей к пониманию и сочувствию.

Мистер Маркенд пробыл недолго и сказал, что зайдет попозже — повидать лорда Годалминга. Приход стряпчего немного отвлек и успокоил нас — по крайней мере мы могли не бояться критики в свой адрес в связи с нашими распоряжениями в эти дни.

Артур должен был приехать к пяти часам. Мы зашли в спальню, ставшую настоящей усыпальницей — теперь в ней лежали мать и дочь. Похоронных дел мастер приложил все свое искусство, и траурная атмосфера сразу подействовала на наше настроение. Однако Ван Хелсинг распорядился восстановить все, как было прежде, объяснив, что лорду Годалмингу будет легче увидеть сначала только свою невесту. Мастер расстроился за своей недогадливости и быстро исправил положение, так что к приезду Артура кое-что удалось смягчить.

Бедный Артур! Он был разбит и пребывал в отчаянии. Тяжкие переживания сказались даже на его мужественной внешности. Он был, я знаю, искренне привязан к отцу. Эта утрата — большой удар для него, да еще в такое время! Со мной он был, как всегда, сердечен, с Ван Хелсингом — очень любезен, но я почувствовал какое-то напряжение в нем. Профессор тоже заметил это и сделал мне знак, чтобы я проводил Артура вверх.

У дверей спальни я остановился, думая, что ему хочется побыть с Люси наедине, но он взял меня под руку и ввел в комнату, сказав упавшим голосом:

— Ты тоже любил ее, мой старый друг. Она мне все рассказывала, говорила, что у нее не было лучшего друга, чем ты. Не знаю, как мне благодарить тебя за все, что ты сделал для нее. Я еще не могу... — Тут силы изменили ему, он обнял меня и заплакал: — О Джек! Джек! Что же мне делать! Как вдруг сразу жизнь отвернулась от меня, мне незачем больше жить!

Я утешал его как мог. В таких случаях не нужно много слов. Положить руку на плечо, обнять, вместе поплакать. Я тихо стоял и ждал, пока он успокоится, а потом мягко сказал:

— Пойдем посмотрим на нее.

Мы подошли к кровати, я откинул покрывало с ее лица. Господи! Как она была хороша! Казалось, с каждым часом красота ее расцветала. Это изумило и напугало меня. Артур же дрожал, как в лихорадке; в конце концов сомнение вкрадилось ему в душу. После долгого молчания он тихо прошептал:

— Джек, она действительно умерла?

С грустью я сказал ему, что это так; нужно было немедленно рассеять это ужасное сомнение, мне пришлось объяснить ему, что довольно часто у покойных черты лица смягчаются и даже восстанавливается их былая красота, особенно если смерти предшествовала острая болезнь. Артур опустился на колени, всматриваясь в лицо Люси. Потом я напомнил ему, что надо прощаться — начинаются приготовления к похоронам. Он поцеловал ее руку, затем, наклонившись, коснулся губами холодного лба. Уходя, обернулся и вновь посмотрел на свою невесту долгим, любящим взглядом.

Оставив его в гостиной, я сообщил Ван Хелсингу, что Артур простился с Люси. Профессор распорядился закрыть гроб и начать приготовления к похоронам. Когда я сказал ему, о чем спрашивал меня Артур, он ответил:

— Это меня не удивляет. Я сам только что на миг усомнился в ее смерти.

Мы обедали все вместе, я видел, что Артур старается держаться изо всех сил. Ван Хелсинг молчал весь обед и заговорил, лишь когда мы закурили сигары:

— Лорд... — начал было он, но Артур перебил его:

— Нет, нет, ради бога, не надо! По крайней мере не теперь. Простите, сэр, не хочу вас обидеть, но я не могу слышать этот титул — моя рана слишком свежа.

— Я назвал вас так, — мягко пояснил профессор, — лишь потому, что не могу называть вас «мистер», ведь я полюбил вас — да, мой милый мальчик, я полюбил вас как... как Артура...

Молодой человек горячо пожал руку старика:

— Называйте меня как хотите. Надеюсь, за мной навсегда сохранится титул друга. И позвольте мне — я просто не нахожу слов — поблагодарить вас за ваше доброе отношение к моей бедной Люси. Я знаю, она очень ценила вас. И прошу вас простить меня, если я был резок с вами или как-то проявил недовольство — помните, тогда?

Профессор кивнул и ответил очень доброжелательно:

— Знаю, как трудно вам было тогда понять меня. Чтобы поверить в необходимость такого поведения, нужно понимать его мотивы. Допускаю, что вы и теперь не вполне мне доверяете, поскольку по-прежнему не понимаете, в чем дело. Но возможны и другие ситуации, когда мне потребуется ваше доверие, а вы не будете понимать смысл моих действий. Однако придет время, и вы поймете — тьма отступит, и в солнечных лучах все тайное станет явным. Тогда вы будете благодарить меня — за себя, за других и за ту, чей покой я поклялся оградить.

— Конечно, конечно, сэр, — горячо заговорил Артур, — я во всем доверяю вам. Я знаю, вы — человек благородной души, вы друг Джека, вы были ее другом. Делайте все, что считаете нужным.

Профессор смущенно откашлялся:

— Могу ли я просить вас кое о чем?

— Конечно.

— Вы знаете, что миссис Вестенра оставила вам все свое состояние?

— О господи! Понятия не имел!

— Теперь все принадлежит вам, и вы вправе располагать всем по своему усмотрению. Я хочу, чтобы вы позволили мне ознакомиться с письмами и бумагами мисс Люси. Поверьте, это не праздное любопытство. У меня очень серьезные основания, и, несомненно, она бы это одобрила. Вот эти бумаги. Я взял их до того, как мне стало известно о ваших правах, — мне не хотелось, чтобы чужая рука коснулась их и чужой взгляд проник в ее душу. Если вы не против, я оставлю эти бумаги у себя. Даже вам я пока не хотел бы их показывать, но можете не сомневаться: у меня они будут в полной сохранности. Не пропадет ни одно слово. В свое время я верну их вам. Понимаю, что прошу очень многого, но вы не откажете... ради Люси?

Артур ответил со столь свойственной ему сердечностью:

— Профессор Ван Хелсинг, делайте все, что считаете необходимым. Я чувствую, что Люси одобрила бы мое решение. И не буду беспокоить вас вопросами, пока не настанет время.

Профессор встал и сказал очень веско:

— Вы поступаете правильно, нас ждет еще много страданий, и не только страданий. Всем нам, и в первую очередь вам, мой милый мальчик, предстоит пережить много горького, прежде чем мы вновь ощутим сладость жизни. Не стоит падать духом, надо исполнять свой долг, и все будет хорошо!

Эту ночь я спал на диване в комнате Артура. Ван Хелсинг вообще не ложился. Он ходил взад-вперед, точно охранял дом, и внимательно следил за комнатой, где в гробу лежала Люси, осыпанная белыми цветами чеснока, резкий запах которого смешивался в ночном воздухе с ароматом роз и лилий.

Дневник Мины Гаркер

22 сентября. В поезде по дороге в Эксетер. Джонатан спит. Кажется, только вчера я сделала последнюю запись в дневнике. А сколь многое уже отделяет меня от жизни в

Уитби, когда Джонатан был далеко и не подавал никаких вестей. Теперь я уже замужем за ним, он — стряпчий, богат, мистер Хокинс умер и похоронен, а у Джонатана — опасный приступ. Когда-нибудь, возможно, он станет расспрашивать меня об этом. Все проходит. Да, я, конечно, немного подзабыла стенографию, вот что делает с нами неожиданное богатство, так что полезно будет слегка освежить в памяти забытые навыки...

Похороны были очень простые, но торжественные. За гробом шли только мы, один-два его старых друга из Эксестера, лондонский агент фирмы и еще один джентльмен, представитель сэра Джона Пакстона, президента Юридического общества. Мы с Джонатаном ощущали, что потеряли близкого человека, нашего лучшего друга...

Потом мы вернулись в город, доехав автобусом до Гайд-парка. Джонатан решил, что мне будет интересно побыть немного в Роу¹; мы посидели там, народу было мало, от пустовавших кресел веяло грустью. Они напомнили нам о пустом кресле дома. На сердце было тяжело. Мы встали и решили пройтись по Пикадилли. Джонатан держал меня за руку, как в былые времена, еще до моей работы в школе. Мне это казалось не совсем приличным — когда несколько лет учишь девушек правилам хорошего тона, невольно сама становишься чопорной, — но я не стала возражать: все-таки это был Джонатан, мой муж, а вокруг лишь незнакомые люди. Так мы и шли, держась, как дети, за руки. Я засмотрелась на очень красивую девушку в шляпе с широкими полями, сидевшую в двухместном экипаже у магазина Гильяно.

Вдруг Джонатан до боли сжал мне руку и прошептал:

— О господи!

Я в постоянной тревоге за него, боюсь, как бы какое-нибудь волнение не вызвало рецидива болезни. Моментально повернувшись к нему, я спросила, что случилось.

¹ Имеется в виду Роттен-Роу — аллея для верховой езды в лондонском Гайд-парке.

Побледнев, Джонатан во все глаза, изумленно и испуганно, смотрел на высокого худого человека с крючковатым носом, черными усами и острой бородкой, пристально глядевшего на ту же хорошенькую барышню и не замечавшего нас. Поэтому я смогла хорошо разглядеть его. Лицо у него было недоброе, жестокое, чувственное, крупные белые зубы, казавшиеся еще белее от ярко-красных губ, больше походили на зубы хищного зверя, чем человека. Джонатан не спускал с него глаз, и я испугалась, как бы тот не заметил: ему это могло не понравиться, а вид у него был очень агрессивный. Я вновь спросила Джонатана, что его так взволновало, и он ответил, явно уверенный, что я все знаю так же, как и он:

— Разве не видишь, кто это?

— Нет, дорогой, я его не знаю. Кто это?

Его ответ поразил и взволновал меня — казалось, он не сознает, что разговаривает со мной:

— Это он!

Бедняжка был явно потрясен и напуган; не поддержи я его, он бы, наверное, просто упал. Не отрываясь, Джонатан смотрел на этого человека. В это время какой-то господин вышел из магазина с небольшим пакетом, передал его девушке, и она уехала. Человек, привлечший внимание моего мужа, увидев, что ее экипаж поехал по Пикадилли, быстро нанял извозчика и последовал за нею. Джонатан проводил его взглядом и сказал как бы про себя:

— Кажется, это граф, но он очень помолодел. Господи боже мой! Если б я был уверен! Если б я был уверен!

Он был так взвинчен, что я побоялась его расспрашивать. И потихоньку увела его в Грин-парк. День был довольно жаркий для осени, мы нашли скамейку в тени. Джонатан сидел, уставившись в пространство, потом глаза его закрылись, и, положив голову мне на плечо, он заснул. По-моему, это было лучшее лекарство для него. Минут через двадцать он проснулся и весело сказал мне:

— Что это, Мина, неужели я заснул? Прости, пожалуйста. Пойдем попьем чаю где-нибудь.

Похоже, он совершенно забыл о мрачном незнакомце, как во время болезни забыл все, что с ним произошло. Мне не нравится эта забывчивость. Вероятно, она — следствие болезни. Расспрашивать его я не буду — боюсь причинить этим больше вреда, чем пользы. Но все-таки мне нужно выяснить, что же случилось с ним за границей. Боюсь, наступило время распечатать заветный пакет и прочитать хранящийся в нем дневник. О Джонатан, я уверена, ты простишь мне — я делаю это ради тебя.

Позже. Печальное во всех отношениях возвращение домой — дом опустел, нет больше нашего друга. Джонатан еще бледен и слаб после небольшого рецидива болезни. А тут еще телеграмма от некоего Ван Хелсинга:

«С прискорбием сообщаю, что пять дней назад скончалась миссис Вестенра, а позавчера — Люси. Обоих похоронили сегодня».

О, какое горе в нескольких словах! Бедная миссис Вестенра! Бедная Люси! Ушли, ушли — и больше никогда не вернутся к нам! Бедный, бедный Артур — какая страшная утрата для него! Господи, помоги нам перенести это горе!

Дневник доктора Сьюворда

22 сентября. Все закончилось. Артур уехал в Ринг с Квинси Моррисом. Какой же Квинси хороший человек! В глубине души он, наверное, переживает смерть Люси не меньше нас, но держится как настоящий викинг. Если Америка будет и дальше рождать таких людей, она, несомненно, станет мировой державой. Ван Хелсинг прилег отдохнуть — вечером он едет в Амстердам, но обещает вернуться завтра к вечеру; у него там дела, которые требуют его личного участия. Вернувшись, он остановится у меня — ему, видно, придется подольше побыть в Лондоне.

Бедный старик! Боюсь, напряжение последней недели подорвало даже его железные силы. Во время похорон, я

видел, он едва держался. После траурной церемонии, когда мы окружили Артура, молодой человек вдруг вспомнил о переливании крови. Ван Хелсинг то краснел, то бледнел. Артур говорил, что с тех пор у него такое чувство, будто они с Люси действительно женаты, она — его жена перед Богом. Никто из нас ни слова не сказал — и не скажет — о тех переливаниях, в которых принимали участие мы.

Артур и Квинси уехали на вокзал, а мы с Ван Хелсингом — ко мне. Как только мы с ним остались в экипаже одни, профессор впал в настоящую истерику — позднее он отрицал, что это была истерика, уверял, что так в критических обстоятельствах проявляется его чувство юмора. Он смеялся до слез, мне пришлось задернуть занавески, чтобы никто нас не увидел. Потом вдруг заплакал, но его слезы тут же перешли в смех — Ван Хелсинг плакал и смеялся одновременно, обычно так бывает у женщин. Я попробовал быть с ним построже — с женщинами это иногда помогает, — но безрезультатно. У мужчин и женщин нервные срывы протекают по-разному! Наконец он успокоился, посерьезнел, и я спросил его, с чего бы такое веселье, да еще в такое время? Ответ был вполне в его духе — логичен, убедителен и таинствен:

— О, ты не понимаешь, друг Джон. Не думай, что мне весело, хотя я и смеюсь. Видишь, я плакал, хотя смех душил меня. Но не думай, что твой профессор целиком охвачен скорбью, когда плачет, ведь я и смеялся тоже. Всегда помни, что смех, который стучит в твою дверь и спрашивает: «Можно войти?» — не подлинный смех. Нет! Истинный Смех — король и приходит туда и тогда, куда и когда ему вздумается. Он не выбирает удобное время, а лишь сообщает: «Я здесь». Например, я очень переживаю из-за этой милой девушки, которой принес в жертву свою давно не молодую кровь, хотя я уже стар, свое время, умение, сон, оставил других своих пациентов. И все же у ее могилы, когда глина ударяется о гроб: «бух! бух!», я могу засмеяться. Другой пример: у меня болит сердце за этого бедного милого мальчика — он был бы одного возраста с моим сыном, если бы тот был жив, у них

одинаковые волосы и глаза... теперь ты знаешь, почему я его так люблю. Но даже когда он говорит нечто трогательное мое отцовское сердце — с тобой, мой друг Джон, мы на равных, наши отношения нельзя назвать родственными, — даже в такой момент ко мне приходит король Смех и кричит мне прямо в ухо: «А вот и я! Вот и я!» О друг Джон, это странный мир, печальный мир, мир, полный страданий, горя и скорби, и все же, когда приходит король Смех, он заставляет сию печальную юдоль плясать под свою шутовскую дудку. Кровоточащие сердца, иссохшие кости на кладбище, мучительные страсти — все пускаются в пляс, едва слышав его игру. И поверь мне, друг Джон, хорошо, когда он приходит. Все мы, и мужчины, и женщины, живем напряженно, мы как туго натянутые канаты, которые дергают из стороны в сторону. Наши слезы подобны дождю, который, намочив веревки, лишь растягивает их до предела, а король Смех приходит как солнце, снимает напряжение, и мы возвращаемся к своим повседневным заботам.

И все-таки я не совсем понял, почему он смеялся, и спросил его об этом прямо. Ван Хелсинг сразу посуровел и ответил в совершенно иной тональности:

— Меня рассмешила мрачная ирония происходившего: прекрасная леди, вся в цветах, как живая, так что мы даже усомнились, в самом ли деле она умерла, лежит рядом с любимой матерью в дивном мраморном склепе на уединенном кладбище, где покоятся многие ее родственники; церковный колокол так печально и мерно звонит: «бом, бом, бом!»; священники в белых ангельских одеждах делают вид, что читают святые книги, а сами даже не заглядывают в них; мы же стоим склонив головы. А зачем все это? Ведь она умерла, что ни говори... Разве нет?

— Хоть убейте, профессор, — воскликнул я, — не вижу ничего смешного во всем этом. Ваше объяснение совсем сбilo меня с толку. Но даже если в церемонии похорон было что-то комичное, то что вы скажете о горе несчастного Артура? Ведь его сердце разбито.

— Вот именно. Но не он ли сказал, что после того, как его кровь перелилась в ее вены, она — его жена перед Богом?

— Да, и это его очень утешает.

— Совершенно верно. Но есть небольшое осложнение, друг Джон. Если так, то как же быть с остальными? Хо-хо! Тогда у этой славной девушки несколько мужей. А я в таком случае, обвенчанный со своей покойной женой, становлюсь двоеженцем.

— Не вижу и в этом ничего смешного, — сухо заметил я; мне вообще не понравилось все сказанное им.

Ван Хелсинг положил руку мне на плечо:

— Друг Джон, прости меня, если делаю тебе больно. Я мог изложить эти соображения только такому старому доброму другу, как ты, потому что я тебе доверяю. Если бы ты заглянул в мою душу тогда, когда меня одолевает король Смех, или же сейчас, когда эта царственная особа покидает меня очень-очень надолго, может быть, ты и пожалел бы меня.

— Но отчего это? — спросил я, тронутый его душевной, доверительной интонацией.

— Оттого, что мне кое-что известно!

Теперь нас всех разбросало в разные стороны, одиночество осенило своим крылом крыши наших домов. Люси — вдали от шумной лондонской толпы, в фамильном склепе, роскошной обители смерти, на уединенном кладбище, где воздух свеж, солнце освещает Хампстед¹ и привольно растут дикие цветы.

Итак, заканчиваю свой дневник, и один лишь Бог знает, начну ли новый. Если начну, или как-нибудь открою этот, то уже в связи с другими темами и другими людьми, ибо романтический этап моей жизни закончился, я возвращаюсь к работе и с грустью, без надежды на лучшие времена говорю:

«Finis».

¹ Фешенебельный район на севере Лондона, частично сохраняющий вид живописной деревни; там расположен и лесопарк Хампстед-Хит.

«Вестминстерская газета» от 25 сентября

ТАЙНЫ ХАМПСТЕДА

В окрестностях Хампстеда происходят события, уже знакомые нам по аналогичным историям, опубликованным в газетах под заголовками «Ужасы Кенсингтона», «Женщина-убийца», «Женщина в черном». В последние два-три дня отмечены несколько случаев, когда дети надолго пропадали из дому и возвращались с прогулок очень поздно. Во всех этих случаях пострадавшие слишком малы, чтобы связно рассказать о приключившемся с ними, но все они говорили, что их «фея заманила». Происходило это обычно по вечерам, а в двух случаях детей нашли лишь на следующее утро. В округе считают, что малыши повторяют версию первого заблудившегося ребенка. Это наиболее естественное объяснение, поскольку их любимая игра — заманивать друг друга в лес различными хитростями. Как рассказывает наш корреспондент, очень забавно наблюдать этих крох, изображающих «фею-соблазнительницу». Даже Эллен Терри, по его простодушному замечанию, не так неотразимо очаровательна, как эти чумазные ребятки в роли «феи». Тут есть чему поучиться карикатуристам — редко когда ирония гротеска столь ярко высвечивает реальность, считает он.

Однако, вполне возможно, все не так просто, ибо у детей, которые пропадали ночью, оказались ранки на шее, как после укуса крысы или маленькой собачки. Укусы эти, вроде бы неопасные, сделаны неизвестно каким животным, но в весьма характерной манере. Полиции дано указание отыскивать заблудившихся детей и бродячих собак в районе Хампстед-Хит.

«Вестминстерская газета» от 25 сентября

Экстренный выпуск

УЖАСЫ ХАМПСТЕДА

Нам только что сообщили, что вчера вечером пропал еще один ребенок. Его нашли утром в кустах утесника на Шутер-

ском холме, в самой безлюдной части парка Хампстед-Хит. У мальчика такая же ранка на шее, как и у других детей. Ребенок был очень слаб, совершенно без сил. Немного оправившись, он рассказал все ту же историю о заманившей его «фее».

ГЛАВА XIV

Дневник Мины Гаркер

23 сентября

Джонатан чувствует себя лучше. Я так рада, что работа отвлекает его от ужасных мыслей и воспоминаний. Особенно радует то, что он легко справляется с новыми обязанностями. Не сомневаюсь, Джонатан обретет свою былую уверенность, я горжусь им. Он вернется сегодня поздно — предупредил, что обедает не дома. Домашние дела я уже сделала; пожалуй, закроюсь у себя в комнате и прочту его заграничный дневник...

24 сентября. Не хватило духу писать что-либо вчера — так поразил меня дневник Джонатана. Ненаглядный мой бедняжка! Не знаю, правда ли все это или фантазия, — но как он страдал! Конечно, мне бы хотелось знать, что было на самом деле. То ли в описаниях всех этих кошмаров сказалось воспаление мозга, то ли... Боюсь, я так и не узнаю, у него же не решусь спросить. А мрачный человек, которого мы встретили вчера!.. Бедный Джонатан! Наверное, его расстроили похороны, направив его мысли в печальное русло... Но сам он верит во все это. Помню, в день нашей свадьбы он сказал: «Лишь высший долг может заставить меня вернуться к тем мучительным часам моей жизни, во сне или наяву, в безумии или здоровом уме».

Несомненно, тут есть связь, последовательность... Этот ужасный граф собирался в Лондон... А вдруг он уже приехал со своими миллионами?... Да, очень может быть, что высший

долг и призовет нас... Что ж, буду готова. Немедленно начну расшифровывать стенографические записи и печатать их на машинке. Потом, если потребуется, найдем и другие свидетельства. И быть может, тогда мне удастся уберечь Джона — я смогу выступать от его имени, не дам ему волноваться, нервничать. А позднее, когда он совсем придет в себя, возможно, сам расскажет мне все, тогда-то я и спрошу его, все выясню и пойму, как можно ему помочь.

Письмо Ван Хелсинга — миссис Мине Гаркер

Дорогая миссис Гаркер, прошу прощения за то, что, не будучи близким другом, взял на себя миссию послать Вам печальную весть о смерти Люси Вестенра. С разрешения лорда Годалминга, глубоко обеспокоенный некоторыми жизненно важными обстоятельствами, я прочитал ее бумаги и нашел среди них Ваши письма, свидетельствующие о том, что Вы были близкими подругами и что Вы ее очень любите. О миссис Мина, во имя этой любви, умоляю Вас помочь мне! Прошу ради блага других людей — для исправления великого зла, предотвращения ужасных бед, которые могут оказаться гораздо значительнее, чем это представляется. Могу ли я увидеть Вас? Пожалуйста, не сомневайтесь во мне. Я — друг доктора Джона Сьюворда и лорда Годалминга (известный Вам по письмам мисс Люси как Артур). Пока что мне хотелось бы сохранить наше знакомство в тайне от всех. Готов приехать в Эксетер, как только Вы сообщите мне, где и когда я могу иметь удовольствие встретиться с Вами. Умоляю простить меня за то, что тревожу Вас. Но я прочитал Ваши письма к бедной Люси и понял, какой Вы милый, добрый человек и как страдает Ваш муж; поэтому прошу Вас ничего не сообщать ему, чтобы никоим образом не беспокоить его. Еще раз поймите и простите меня.

Ван Хелсинг

Телеграмма миссис Гаркер — Ван Хелсингу

25 сентября. Приезжайте сегодня поездом десять пятнадцать, если успеете. Жду Вас в любое время. Вильгельмина Гаркер.

Дневник Мины Гаркер

25 сентября. Очень волнуюсь перед приездом Ван Хелсинга: может быть, он хоть как-то прояснит странное приключение Джонатана и расскажет мне о Люси — ведь он наблюдал ее во время болезни. Впрочем, его приезд, скорее всего, связан с Люси и ее лунатизмом, а не с Джонатаном. Да, конечно, я никогда теперь не узнаю правду! Господи, как я глупа. У меня не выходит из головы этот ужасный дневник. Разумеется, профессор приезжает из-за Люси. Давняя привычка, вернувшись к бедняжке, и та страшная ночь на утесе — тогда она, наверное, и заболела. Уйдя в свои заботы, я почти забыла о ее страданиях. Вероятно, Люси рассказала ему о своем ночном приключении на утесе и моем участии в нем, и, похоже, он хочет разобраться в этом. Поступила ли я правильно, ничего не сказав миссис Вестенра? Никогда бы не простила себе, если бы хоть чем-то повредила моей милой бедной подруге. Надеюсь, профессор Ван Хелсинг не будет меня винить. Я столько пережила в последнее время, что чувствую — большего не вынесу.

Иногда просто необходимо поплакать, становится легче — так свежееет воздух после дождя. Возможно, меня выбил из колеи дневник Джонатана, а может быть, и его отъезд по делам — это наше первое после свадьбы расставание. Очень надеюсь, что у него все пройдет хорошо и ничто его не растревожит. Уже два часа. Скоро приедет профессор. Ничего не буду говорить ему о дневнике Джонатана, если он сам не спросит. Я так рада, что напечатала на машинке свой дневник; если он заговорит о Люси, просто дам ему свои записи, это избавит меня от лишних расспросов.

Позднее. Был и ушел. Какая необычная встреча, у меня голова идет кругом! Я как во сне. Реально ли все это... или хотя бы часть? Если бы я не читала раньше дневник Джонатана, ни за что бы не поверила, что такое возможно. Бедный, бедный, милый Джонатан! Сколько же он пережил! Господи, не допусти этого вновь! Постараюсь уберечь его. Впрочем, если его преследуют сомнения и он наконец узнает, что глаза и уши его не обманывали, что все — правда, может быть, ему станет легче. Я догадывалась, что профессор Ван Хелсинг очень хороший и умный человек, раз он друг Артура и доктора Сьюворда и они сочли необходимым пригласить его из Голландии для лечения Люси. Но теперь я и сама убедилась, что он действительно хороший, добрый, благородный человек. Завтра он придет снова, посоветуюсь с ним насчет Джонатана; бог даст, и все эти тревоги наконец кончатся. Когда-то я думала, что буду вести дневник по принципу интервью. Друг Джонатана из «Эксетерских новостей» говорил ему, что для интервью главное — память, нужно уметь точно воспроизвести почти каждое слово, даже если потом и слегка отредактируешь текст. По-моему, нашу встречу с профессором можно было бы оформить как замечательное интервью, попытаюсь привести состоявшийся между нами диалог дословно.

В половине третьего раздался стук в дверь. Мэри доложила, что пришел профессор Ван Хелсинг. Я поздоровалась с ним.

Он среднего роста, крепкого сложения, широкоплечий. Производит впечатление человека умного, властного, волевого. Лицо чисто выбритое, с массивным, квадратным подбородком, большим, решительным, подвижным ртом, довольно крупным прямым носом, густыми бровями, широким и благородным покатым лбом. Рыжеватые волосы зачесаны назад, широко поставленные большие, темно-синие глаза очень выразительны, и взгляд то ласков, то суров.

— Миссис Гаркер?

Я кивнула.

— Бывшая мисс Мина Меррей?

Я снова кивнула.

— Я пришел к Мине Меррей, подруге Люси Вестенра. Собственно, из-за нее я и пришел.

— Сэр, — сказала я, — для меня нет лучшей рекомендации, чем то, что вы были другом Люси, — и протянула ему руку.

Профессор взял ее и очень мягко заверил:

— О мадам Мина, я не сомневался, что у этой бедной милой девушки — замечательная подруга, но реальность превосходит ожидания... — И он учтиво поклонился.

Я спросила, зачем он хотел меня видеть, и профессор сразу приступил к делу:

— Я прочел ваши письма к мисс Люси, и мне захотелось кое-что уточнить. Знаю, вы были с нею в Уитби. Она время от времени вела дневник — не удивляйтесь. После вашего отъезда она начала вести дневник, последовав вашему примеру. Среди прочего она пишет в нем о своей лунатической прогулке и о том, как вы спасли ее. Я обращаюсь к вам с просьбой не отказать мне в любезности и поведать о том, что помните.

— Думаю, доктор, я смогу рассказать вам все.

— Ах, вот как! У вас прекрасная память на факты и детали? Это не так часто встречается у молодых дам.

— Нет, доктор, просто я все записала тогда. Могу, если хотите, показать вам.

— О мадам Мина, буду очень признателен, вы окажете мне большую услугу.

Я не устояла перед соблазном слегка озадачить его — это, наверное, чисто женское свойство — и подала ему стенографический дневник.

Он благодарно поклонился:

— Вы позволите мне прочесть его?

— Если желаете, — ответила я притворно застенчиво.

Профессор открыл дневник — и лицо его изменилось. Он встал и вновь поклонился.

— О, какая вы умница! Я знал, что Джонатан — образованный человек; оказывается, у его жены те же достоинства.

Но не будете ли вы так любезны помочь мне расшифровать его? Увы! Я не владею стенографией.

Тут я поняла, что на этом вся моя шутка и кончается; мне стало неловко, я достала из рабочей корзинки перепечатанный на машинке экземпляр.

— Простите, я нечаянно перепутала. Я еще раньше думала о том, что вам, может быть, захочется расспросить о бедной Люси, а времени у вас мало — вот я и напечатала все на машинке.

— Как вы добры, — сказал он, и глаза его просветлели. — Не позволите ли вы мне прочесть его сразу? У меня могут возникнуть вопросы по ходу чтения.

— Конечно. Пожалуйста, читайте, а я пока распоряжусь насчет ланча, за которым вы сможете задать мне вопросы.

Ван Хелсинг поклонился и, устроившись в кресле спиной к свету, углубился в чтение. Я же вышла — главным образом для того, чтобы не мешать ему. Когда я вернулась, он взволнованно ходил взад и вперед по комнате. Бросившись ко мне, он взял меня за руки.

— О, если б вы знали, чем я вам обязан! Эти записки как луч солнца. Они все объясняют. Я ошеломлен, ослеплен — столько света! Хотя там, дальше, и собираются тучи. Но вам этого не видно. Ах, как я благодарен вам, какая же вы умница! Сударыня, если когда-нибудь Абрахам Ван Хелсинг сможет быть чем-то полезен вам или членам вашей семьи, надеюсь, вы дадите мне знать. Сочту за удовольствие помочь вам как друг. Сделаю для вас все, что в моих силах. Есть люди темные и светлые, вы излучаете свет. И жизнь ваша будет светлой и счастливой, а ваш муж будет счастлив — благодаря вам.

— Но, профессор, вы переоцениваете меня — ведь вы меня не знаете.

— Не знаю вас? Я, старик, всю жизнь изучавший людей; я, исследовавший мозг человека и различные его проявления! Я прочитал ваш дневник, который вы любезно перепечатали для меня, каждая строка в нем дышит истиной. Я, прочитавший ваше милое письмо к бедной Люси о вашей свадьбе, —

и я не знаю вас! О мадам Мина, то, что рассказывают о себе добрые женщины, можно читать и ангелам. Вы благородны, как и ваш муж, вы доверяете людям, а люди низкие недоверчивы. Расскажите-ка мне о своем муже. Он уже окончательно поправился? Лихорадка прошла бесследно?

Я воспользовалась возможностью поговорить о Джонатане:

— Он почти совсем поправился, но смерть мистера Хокинса выбила его из колеи.

— О да, знаю, знаю. Читал ваши последние письма.

— Думаю, кончина этого человека сильно расстроила его, потому что, когда в прошлый четверг мы были в Лондоне, у него снова случился приступ.

— Так быстро после воспаления мозга! Это очень нехорошо. А что за приступ?

— Ему показалось, что он видел кого-то, напомнившего ему о чем-то ужасном — о том, что, собственно, и привело его к болезни.

Тут я не выдержала. Все разом нахлынуло на меня — и жалость к Джонатану, и пережитый им кошмар, и страшная тайна его дневника, и страх, не покидавший меня с тех пор. Со мной случилась настоящая истерика — я бросилась на колени и умоляла вылечить моего мужа. Профессор Ван Хелсинг взял меня за руки, поднял и, усадив на диван, сел рядом. Потом очень сердечно сказал:

— Я одинок, всегда очень много работал, и времени для дружбы оставалось мало. Но с тех пор, как мой друг Джон Сьюворд вызвал меня сюда, я узнал столько хороших людей, видел столько благородства, что теперь больше прежнего ощущаю свое одиночество. Уверяю вас в своей бесконечной преданности — вы вселили в меня надежду: все-таки остались женщины, делающие жизнь счастливой, и сама их жизнь служит хорошим примером для детей. Я рад, очень рад, что могу быть полезным вам; если болезнь вашего мужа в моей компетенции, сделаю все, что в моих силах, чтобы он был здоров, мужествен и вы — счастливы. А теперь вам нужно

подкрепиться. Вы переволновались и, возможно, излишне тревожитесь. Джонатану не понравится, что вы так бледны. А все, что ему не нравится в тех, кого он любит, ему не на пользу. Поэтому вам ради него нужно поесть и улыбнуться. Теперь я знаю все о Люси, и мы больше не будем говорить об этом, чтобы не расстраиваться. Я переночую в Эксетере — хочу обдумать, что вы мне сообщили, а потом, если позволите, задам вам еще несколько вопросов. Кстати, вы должны рассказать мне о болезни вашего Джонатана... а теперь время ланча.

Когда мы вернулись в гостиную, он кивнул мне:

— Так расскажите же мне все о нем.

Мне стало страшно: этот серьезный ученый решит, что я слабоумная дурочка, а Джонатан — сумасшедший, ведь дневник его такой странный. Я было заколебалась, но, подумав о его доброте и обещании помочь, все-таки начала:

— Профессор, мой рассказ будет столь странным, что прошу вас не смеяться надо мной или моим мужем. Со вчерашнего дня я сама то ли в сомнении, то ли в лихорадке, но будьте снисходительны, не считайте меня наивной простушкой из-за того, что я хоть в какой-то мере поверила в возможность столь странных явлений.

Он успокоил меня:

— О моя дорогая, если бы вы знали, по какому странному поводу нахожусь здесь я, то смеялись бы вы. Я умею уважать чужие мнения, какими бы они ни были, и открыт любым явлениям жизни, кроме разве что явного бреда.

— Благодарю вас, бесконечно благодарю! Вы сняли груз с моей души. Если вы не против, я дам вам прочесть одну тетрадь. Она довольно большая, я перепечатала ее на машинке. Это копия дневника, который Джонатан вел за границей, там описано все, что с ним произошло. Я не рискну ничего говорить вам о нем сейчас. Прочтете сами и рассудите. И тогда, возможно, будете так любезны, что поделитесь со мной своим мнением.

— Обещаю. Если позволите, я зайду завтра утром навестить вас и вашего мужа.

— Джонатан будет дома в половине двенадцатого, приходите к ланчу, и вы познакомитесь с ним. Потом можно успеть на скорый поезд в три тридцать четыре, вы будете в Лондоне около восьми.

Профессор был удивлен тем, что я знаю наизусть расписание лондонских поездов, а я просто выписала для Джонатана те, которые могут ему понадобиться.

Ван Хелсинг взял бумаги и ушел, а я сижу и думаю — сама не знаю о чем.

Письмо Ван Хелсинга — миссис Гаркер

25 сентября, 6 часов вечера

Дорогая мадам Мина!

Я прочитал поразительный дневник Вашего мужа. Вы можете не мучить себя сомнениями. Хотя все это необычно и страшно, но — совершенная правда. Ручаюсь головой! Возможно, это и опасно для кого-то, но не для Вас с мужем. Он — смелый человек, и смею Вас уверить (а я знаю людей), что у того, кто способен спуститься по стене и проникнуть в комнату хозяина замка, да еще проделать это дважды, потрясение не может иметь длительных последствий. Его мозг и сердце не повреждены, за это я ручаюсь, даже не видев его, так что не волнуйтесь. Мне необходимо о многом расспросить его. Я счастлив, что повидал Вас сегодня: узнал сразу так много нового, что просто ошеломлен — ошеломлен больше прежнего и должен все обдумать.

Преданный Вам
Абрахам Ван Хелсинг

Письмо миссис Гаркер — Ван Хелсингу

25 сентября, 6.30 вечера

Милый профессор Ван Хелсинг!

Бесконечно благодарна Вам за письмо, так облегчившее мне душу. Но неужели это правда и такие кошмары возможны

в жизни? Какой же ужас, если этот господин, это чудовище действительно в Лондоне! Страшно даже подумать об этом. Только что получила телеграмму от Джонатана: он выезжает вечером в 6.25 из Лаунстона и будет здесь сегодня же в 10.18. Поэтому, если это не слишком рано для Вас, пожалуйста, приходите к нам завтракать к восьми утра. Вы сможете уехать, если торопитесь, поездом в 10.30, прибывающим в Лондон в 2.35. Если Вас это устраивает, можно не отвечать на письмо, тогда я просто жду Вас к завтраку.

Ваш верный, благодарный Вам друг
Мина Гаркер

Дневник Джонатана Гаркера

26 сентября. Думал, с дневником покончено навсегда, но ошибся. Вчера я вернулся домой, мы с Миной поужинали, и она рассказала мне о визите Ван Хелсинга, о том, что отдала ему оба наших дневника, о своей тревоге за меня. Она показала мне письмо профессора, подтверждающее достоверность всех записей в дневнике. Я буквально воспрянул духом. Именно сомнение в реальности происшедшего со мной лишило меня опоры. Я ощущал себя обессиленным, блуждающим в темноте, подавленным. Но теперь, когда я уверен, мне никто не страшен, даже граф. Видимо, он все-таки осуществил свои намерения и приехал в Лондон, похоже, его-то я и видел. Он помолодел, но каким образом? Возможно, Ван Хелсинг как раз тот человек, который сможет выследить его и разоблачить, если он в самом деле таков, как описывает его Мина. Мы просидели допоздна, обсуждая все это.

Утром, пока Мина одевалась, я отправился в гостиницу за Ван Хелсингом...

Кажется, он удивился моему приходу. Когда я представился, он, взяв меня за плечо, повернул к свету и, взглядев-шись, произнес:

— Мадам Мина сказала мне, что вы были больны, перенесли потрясение.

Так забавно слышать, что этот добрый старик с волевым лицом называет мою жену «мадам Мина»! Я улыбнулся и ответил:

— Я был болен, перенес потрясение, но вы уже вылечили меня.

— Каким образом?

— Своим вчерашним письмом Мине. Меня мучили сомнения, все казалось нереальным, я не знал, чему верить, не верил даже собственным чувствам и был растерян. В результате мне не оставалось ничего другого, как идти проторенной дорогой — работать в привычном русле, но это меня не удовлетворяло, я потерял себя. Профессор, вы не представляете себе, что это значит — сомневаться во всем, даже в самом себе. Нет, вы не можете себе этого представить... у вас такое лицо...

Явно польщенный, Ван Хелсинг рассмеялся:

— Значит, вы — физиономист. Здесь каждый час я открываю для себя что-то новенькое. С большим удовольствием позавтракаю у вас. О сэр, извините меня, старика, но должен вам сказать, вы — счастливый человек, вам очень повезло с женой.

Похвалы Мине я готов слушать целый день, поэтому просто кивнул головой и возражать не стал.

— Такие женщины сотворены рукой самого Господа, чтобы показать людям: рай действительно существует и путь туда никому не заказан. Она такая искренняя, милая, благодарная, заботливая, а это, позвольте вам заметить, в наш эгоистичный и скептический век большая редкость. Я читал ее письма к бедной Люси, там говорится и о вас; я и раньше был о вас наслышан, но по-настоящему узнал вас лишь вчера. Позвольте вашу руку, и будем друзьями.

Мы пожали друг другу руки. Он был так серьезен и сердечен, что тронул меня до глубины души.

— А теперь, — сказал профессор, — могу ли я попросить вас о помощи? Мне предстоит трудное дело, и для начала

нужно многое выяснить. Вы можете помочь мне в этом. Не могли бы вы рассказать, что предшествовало вашей поездке в Трансильванию? Позднее мне может понадобиться ваша помощь и другого характера, но пока достаточно этого.

— Скажите, сэр, — спросил я, — ваши намерения имеют какое-то отношение к графу?

— Да, — ответил он многозначительно.

— Тогда я к вашим услугам всей душой и телом. У меня есть кое-какие бумаги, но, если вы едете поездом 10.30, вы не успеете прочесть их здесь, пожалуйста, возьмите их с собой и прочитайте в поезде.

После завтрака я проводил его на вокзал. Прощаясь, профессор спросил:

— А смогли бы вы с женой приехать в Лондон, если я вас попрошу?

— Конечно, мы приедем.

Я купил ему местные утренние и вчерашние лондонские газеты. Пока мы переговаривались через окно вагона, он небрежно перелистывал их. Вдруг что-то привлекло его внимание в «Вестминстерской газете» — я узнал ее по цвету. Ван Хелсинг побледнел, читая что-то, и тихо простонал:

— Боже мой! Боже мой! Так быстро!

Кажется, в эту минуту он забыл обо мне. Тут раздался свисток, поезд тронулся. Это заставило его опомниться, он высунулся из окна и помахал мне рукой:

— Привет мадам Мине. Напишу при первой же возможности.

Дневник доктора Сьюворда

26 сентября. Поистине конца не существует. Не прошло и недели, как я сказал себе: «Finis», и вот вновь начинаю или, точнее, продолжаю свои записи. До сегодняшнего дня у меня не было необходимости возвращаться к ним. Ренфилд стал вполне вменяемым. Покончил с мухами, занялся пауками и не доставлял мне никаких хлопот. Я получил письмо от

Артура, написанное в воскресенье; судя по всему, он держится молодцом. Его очень поддерживает Квинси Моррис, вот уж у кого энергия бьет ключом. Квинси тоже сделал краткую приписку: «Артур приходит в себя». За них я спокоен. Сам я с прежним энтузиазмом вернулся к работе, так что, пожалуй, рана, нанесенная мне бедной Люси, начала затягиваться. Но только что она вновь открылась. И лишь Господь знает, чем все это кончится. Мне кажется, знает и Ван Хелсинг, но приоткрывает он завесу лишь время от времени.

Вчера профессор ездил в Эксетер и ночевал там, а сегодня в половине шестого ворвался ко мне и сунул в руки вчерашнюю «Вестминстерскую газету».

— Что скажешь об этом? — спросил он, скрестив руки на груди.

Я просмотрел газету, но не понял, что он имеет в виду. Тогда Ван Хелсинг указал мне на статью о детях, которых заманивали в лес. Это ни о чем мне не говорило, пока я не дошел до того места, где описывались крохотные ранки у них на шее. Вот оно в чем дело! Я взглянул на профессора.

— Ну что? — спросил он.

— Ранки, как у бедной Люси.

— И что ты об этом скажешь?

— Видимо, причина одна. Что повредило ей, то и им.

— В общем это так, но не в данном случае.

— Что это значит, профессор? — Его серьезность меня забавляла — четыре дня отдыха от острой, мучительной тревоги вернули мне бодрость духа и настроили на иной лад, но, взглянув на него, я поразился: никогда еще не видел его таким суровым, даже когда мы были в отчаянии из-за Люси. — Объясните мне! — попросил я. — Не понимаю. Не знаю, что и думать, мне даже не на чем строить догадки.

— Хочешь ли ты сказать, друг Джон, что до сих пор не догадываешься, отчего умерла Люси, даже после того, что увидел своими глазами, не говоря уж о моих намеках?

— Нервное истощение, сопровождавшееся большой потерей крови?

— А отчего произошла потеря крови?

Я покачал головой. Ван Хелсинг подошел ко мне и сел рядом:

— Ты умный человек, друг Джон, и здраво рассуждаешь, но ты в плену предрассудков. Ничего не хочешь ни видеть, ни слышать, и все, что за пределами обыденной жизни, для тебя не существует. Ведь ты не признаешь явлений, которые тебе непонятны, но тем не менее они есть, или людей, способных видеть то, что другим не видно? А такие явления, недоступные глазу человека, существуют. Наша наука страдает одним недостатком — стремлением все объяснить, а если что-то не поддается объяснению, тут же объявляют: объяснять здесь нечего. Мы ежедневно наблюдаем, как возникают новые представления, то есть их считают новыми, но на самом деле они стары как мир. Думаю, ты не веришь ни в перемещение тел усилием воли, ни в привидения? Ни в астральные тела? Ни в чтение мыслей? Ни в гипноз?

— В гипноз верю. Шарко убедительно доказывал его реальность.

Профессор улыбнулся и продолжал:

— А, значит, в гипноз веришь? И разумеется, ты постиг природу его воздействия и можешь проследить за мыслью великого Шарко, проникающей в самую душу пациента. Нет? Тогда, друг Джон, следует ли из этого, что ты просто довольствуешься фактами и не ищешь их объяснения? Тоже нет? Тогда скажи — мне это даже любопытно как исследователю мозга, — как же ты, признавая гипноз, отрицаешь чтение мыслей? Позволь, мой друг, обратить твое внимание: ныне сделаны такие открытия в области электричества, что их сочли бы проделками дьявола даже первооткрыватели электричества, хотя их самих в не столь отдаленном прошлом тоже сожгли бы как колдунов. Жизнь всегда полна тайн. Почему Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр — сто шестьдесят девять, а бедной Люси, в венах которой струилась кровь четырех человек, не хватило одного дня? Ведь проживи она еще один день, мы бы спасли ее. Знаешь ли ты

тайну жизни и смерти? Можешь ли с позиций сравнительной анатомии объяснить, отчего в некоторых людях так много от животных, а в других — нет? Можешь ли сказать мне, почему маленькие пауки, как правило, умирают рано, но вот нашелся один большой паук, который несколько веков прожил под куполом старой испанской церкви и рос до тех пор, пока не спустился вниз и не выпил все масло из церковных лампад? Известно ли тебе, что в пампасах, а может быть, и еще где-нибудь, живут летучие мыши, которые прилетают ночью и прокусывают вены у скота, лошадей и высасывают из них кровь? Или что на некоторых островах западных морей обитают такие летучие мыши, которые целыми днями висят на деревьях, как огромные орехи или стручки, а ночью набрасываются на матросов, из-за духоты спящих на палубе, и утром этих несчастных находят мертвыми и бледными, как мисс Люси?

— Боже милостивый, профессор! — Я так и подскочил. — Вы хотите сказать, что Люси была укушена такой летучей мышью и это возможно здесь, в Лондоне, в XIX веке?

Он прервал меня движением руки и продолжал:

— А можешь ли ты объяснить мне, почему черепаха живет дольше, чем несколько поколений людей, слон переживает целые династии, а для попугая смертельны лишь укусы кошки или собаки, а не какой-нибудь недуг? Скажи мне, почему во все века верили, что некоторые люди при благоприятных обстоятельствах могли бы жить вечно? Известно — и наука подтверждает этот факт, — что в скалах в течение нескольких тысячелетий были замурованы жабы. Можешь ли ты объяснить мне, как это индийский факир по своей воле умирает, его хоронят, на его могиле сеют пшеницу, она прорастает, созревает, собирают урожай, потом снова сеют, снова она созревает и ее жнут — и лишь тогда раскапывают могилу, и факир встает живой, как ни в чем не бывало?

Тут я перебил его, совершенно ошеломленный перечислением необычных явлений природы и невероятных возмож-

ностей человека — для моего воображения это было слишком. Мне показалось, Ван Хелсинг подводит меня к выводу, как когда-то в дни моей учебы в Амстердаме, но тогда он говорил яснее, конкретней, теперь же я не улавливал его мысль и поэтому попросил:

— Профессор, позвольте мне снова стать вашим послушным учеником. Скажите мне ваш основной тезис, и тогда я смогу проследить ход ваших рассуждений. Пока же мысль моя, как у безумца, скачет с одного на другое, и я, подобно заблудившемуся путнику, бреду в тумане по болоту, перескакивая с кочки на кочку в надежде выбраться, но куда бреду, сам не знаю.

— Хороший образ, — заметил он. — Ну что ж, мой основной тезис — хочу, чтобы ты верил.

— Во что?

— В то, во что не веришь. Приведу пример. Мне довелось от одного американца слышать такое определение веры: «Это способность, позволяющая нам верить в то, что нашему разуму представляется невероятным». В одном я с ним согласен: нужно широко смотреть на жизнь, не допускать, чтобы крупница истины препятствовала движению истины в целом, как маленькая скала — движению поезда. Сначала мы получаем крупницу истины. Прекрасно! Мы лелеем и ценим ее, но нельзя принимать ее за истину в последней инстанции.

— Значит, вы опасаетесь, что мой предшествующий опыт и убеждения мешают мне понять некоторые необычные явления?

— Да, не зря все-таки ты — мой любимый ученик. Тебя стоит учить. Пожелав понять, ты уже сделал первый шаг к пониманию. Значит, думаешь, ранки на шее у детей того же происхождения, что и у мисс Люси?

— Мне так кажется.

— Но ты ошибаешься. — Он даже встал, говоря это. — О, если бы это было так! Но увы! Все хуже, гораздо, гораздо хуже.

— Ради бога, профессор, что вы хотите сказать?! — воскликнул я.

С выражением отчаяния Ван Хелсинг опустился в кресло, закрыл лицо руками и произнес:

— Эти ранки нанесла им мисс Люси!

ГЛАВА XV

Дневник доктора Сьюворда (продолжение)

меня в глазах потемнело от негодования — такое чувство, будто он при мне дал пощечину живой Люси. Стукнув кулаком по столу, я вскочил:

— Профессор Ван Хелсинг, вы сошли с ума?

Он взглянул на меня — лицо его было грустным и добрым, это сразу остудило меня.

— Если бы! Лучше сумасшествие, чем такая реальность. О мой друг, подумай, почему я так долго ходил вокруг да около и не мог сказать тебе? Потому ли, что ненавижу тебя и ненавидел всю жизнь? Потому ли, что хотел причинить тебе боль? Или решил хоть и поздно, но отомстить тебе за то, что ты спас мне когда-то жизнь, уберег от ужасной смерти? О нет!

— Простите меня, — сказал я.

— Мой друг, — продолжал Ван Хелсинг, — я просто, как мог, старался смягчить удар — ведь я знаю, ты любил эту милую девушку. Но допускаю, что и теперь ты мне не веришь. Трудно принять сразу даже абстрактную истину, если всю жизнь ее отрицал, а знать столь печальную и конкретную истину, да еще касающуюся мисс Люси, — еще труднее. Сегодня ночью хочу проверить, прав ли я. Рискнешь пойти со мной?

Я был в нерешительности. Никому не хочется проверять такую истину, исключение — лишь Байрон:

И подтвердила истину, страшившую его¹.

Заметив мои колебания, профессор добавил:

¹ Байрон Дж. Г. Дон Жуан. Песнь 5, строфа 139, строка 1112.

— Моя логика проста, на этот раз это уже не логика безумца, прыгающего в тумане с кочки на кочку по болоту. Если моя догадка окажется неправдой, мы вздохнем с облегчением. Если же правдой... Да, это ужасно, но, возможно, в самом этом ужасе есть надежда на спасение. Итак, мой план: во-первых, немедленно навестим того ребенка в больнице. В газете написано, что он в Северной больнице, где работает доктор Винсент, мой и, думаю, твой друг со времен учебы в Амстердаме. Если он не пустит друзей, то пустит ученых — посмотреть больного. Скажем, что нас интересует этот случай с научной точки зрения. А потом... — Он вытащил из кармана ключ и показал мне. — А потом проведем ночь на кладбище, где похоронена Люси. Это ключ от ее склепа. Я взял его у гробовщика, чтобы передать Артуру.

У меня защемило сердце от недобрых предчувствий — нас ожидало что-то ужасное. Но делать было нечего, я собрался с духом и сказал, что нам лучше поторопиться, наступает вечер.

Ребенок уже отоспался, поел и чувствовал себя хорошо. Доктор Винсент, сняв повязку с его шеи, показал нам ранки. Их тождественность ранкам Люси не вызывала сомнения. Они были лишь поменьше да края посвежее. Мы спросили Винсента, как он их объясняет. По его мнению, это был укус какого-то животного, возможно, крысы, но скорее всего — одной из тех летучих мышей, которых полно в северной части Лондона.

— Среди совершенно безвредных, — заметил он, — могли оказаться хищные экземпляры с юга. Возможно, какой-нибудь моряк привез такую мышку домой, а она улетела, или же из зоопарка вырвалась какая-нибудь экзотическая особь из семейства вампиров. Такое, знаете ли, бывает. Дней десять назад оттуда сбежал волк и бродил, кажется, по нашей округе. Потом целую неделю дети играли в Красную Шапочку, пока не началась паника с этой «феей», и все с восторгом переключились на нее. Даже этот бедный крошка, проснувшись,

спросил сиделку, нельзя ли ему уйти, и объяснил, что хотел бы поиграть с «феей».

— Надеюсь, — сказал Ван Хелсинг, — вы предупредите родителей ребенка, чтобы за ним строго следили. Все это очень опасно, еще одна такая ночь может обернуться уже роковыми последствиями. Полагаю, он побудет здесь еще хоть несколько дней?

— Конечно, по меньшей мере неделю или даже больше, если ранка не заживет.

Посещение больницы заняло у нас больше времени, чем мы рассчитывали. На улице уже стемнело, когда мы выходили.

— Спешить нам некуда, — заметил Ван Хелсинг. — Пожалуй, пойдем поужинаем где-нибудь, а уж потом двинемся дальше.

Мы поужинали в «Замке Джека Строу» в веселом окружении велосипедистов. Около десяти мы вышли из гостиницы. Было очень темно, и на фоне редких фонарей мрак казался еще гуще. Профессор, видимо, заранее наметил дорогу и шел уверенно, я же совершенно не ориентировался. Людей попадалось все меньше и меньше; мы даже несколько удивились, встретив конный полицейский патруль, объезжавший свой участок.

Наконец дошли до кладбищенской стены, одолели которую не без труда — было так темно, что кладбище казалось настоящим лабиринтом. Нашли семейный склеп Вестенра. Профессор открыл ключом скрипучую дверь. Потом, видимо бессознательно, любезно пропустил меня вперед. В этой вежливости в такой жуткой обстановке была какая-то особая ирония. Мой спутник тотчас последовал за мной, осторожно прикрыв за собой дверь, предварительно убедившись, что замок не пружинный и она не захлопнется. Достав из сумки спички и свечу, профессор зажег ее. Даже при свете дня во время похорон в склепе — хотя и украшенном свежими цветами — было сумрачно и жутковато, теперь же, ночью, при слабом мерцании свечи он производил поистине ужасное и отталкивающее впечатление: увядшие цветы поникли,

стали ржаво-коричневыми, зато пауки и жуки чувствовали себя здесь как дома; время обесцветило камень, известь пропиталась пылью, железо заржавело, покрылось плесенью, потускнела медь, потемнели серебряные таблички с надписями. Все это навевало грустную мысль о скоротечности не только живого.

Ван Хелсинг работал методично — оставляя следы стеарина, подносил свечу к металлическим табличкам надгробий, пока наконец не нашел гроб Люси. Снова порывшись в сумке, он извлек отвертку.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я.

— Открою гроб. И ты сможешь убедиться.

Он отвернул винты и снял крышку, под которой оказался свинцовый саркофаг. Это было уже выше моих сил: просто оскорбление покойной, как если бы ее живую раздевали во сне. Я невольно схватил профессора за руку, пытаясь остановить. Но он лишь возразил:

— Сейчас сам увидишь.

И, вновь порывшись в сумке, достал оттуда ножовку. Сильным ударом он пробил отверткой отверстие в свинце, достаточное, чтобы в него вошел конец пилы. Я невольно отступил на пару шагов, ожидая обычного запаха от пролежавшего неделю тела: мы, врачи, знаем, чего следует опасаться, и привыкли к таким вещам. Но профессор и не думал останавливаться — пропилил пару футов вдоль одного края саркофага, затем проделал то же самое с другой стороны, отогнул надпиленный угол и, освещая свечой отверстие, подозвал меня.

Я подошел и взглянул: гроб был пуст!

Я стоял как громом пораженный, Ван Хелсинг же остался невозмутим.

— Ну как, друг Джон, убедился?

Во мне вдруг возникло неистовое желание возразить ему, оспорить его правоту:

— Убедился лишь в том, что в гробу тела Люси нет, но это доказывает лишь одно.

— Что же именно, друг Джон?
— Что его там нет.
— Недурная логика. Но как ты объяснишь его отсутствие?
— Возможно, его украли. Может быть, кто-нибудь из могильщиков?

Я чувствовал, что говорю глупость, но больше ничего не мог придумать. Профессор устало вздохнул:

— Ну что ж, значит, нужны еще доказательства... Пойдем со мной.

Ван Хелсинг накрыл саркофаг крышкой, собрал все свои вещи в сумку и, задув свечу, положил ее туда же. Мы вышли из склепа. Заперев дверь, он протянул ключ мне:

— Возьми его себе. Тогда у тебя будет меньше сомнений.

Я засмеялся — смех был невеселым — и отмахнулся:

— Ключ — это ерунда, ведь могут быть дубликаты, да такой замок и открыть ничего не стоит.

Профессор не стал возражать, сунул ключ в карман и велел мне сторожить на одном конце кладбища, сам же пошел на другой его конец. Я устроился за стволом тиса и видел, как его темная фигура движется среди памятников и деревьев; потом потерял его из виду.

Ожидание было тоскливым. Слышно было, как вдалеке часы пробили полночь, потом час, два... Я продрог, нервничал, сердился на профессора за то, что он втянул меня в эту историю, ругал себя за то, что согласился. Я замерз и хотел спать, но, боясь подвести профессора, боролся со сном. Ситуация была пренеприятная, нелепая и невыносимо тягостная...

Вдруг, случайно обернувшись, я увидел какой-то белый силуэт между темными тисами и тут же с другой стороны кладбища к нему двинулась темная фигура. Я тоже поспешил к призрачному силуэту, но по дороге пришлось обходить памятники и склепы, несколько раз я чуть не упал, споткнувшись о могилы.

Было еще темно, но где-то пропел ранний петух. Невдалеке за редкими кустами можжевельника, посаженного вдоль дорожки к церкви, замелькал смутный белый силуэт, двигав-

шийся к склепу, прикрытому деревьями, и вдруг скрылся... Я не разглядел, куда он делся. Тут я услышал шорох — там, где впервые заметил белый силуэт, — подошел и увидел профессора с ребенком на руках. Он протянул его мне:

— Ну как, теперь убедился?

— Нет, — ответил я довольно резко.

— Разве ты не видишь ребенка?

— Вижу, но кто принес его сюда? У него что, есть ранки?

— Сейчас посмотрим, — сказал профессор и направился к выходу с кладбища, неся на руках спящее дитя.

Неподалеку от кладбища, в какой-то рощице, мы остановились и при свете спички осмотрели малыша: на его шее не было ни царапин, ни ранок.

— Ну, так кто прав? — торжествуя спросил я.

— Мы пришли как раз вовремя, — ответил с явным удовлетворением профессор.

Надо было решить, что делать с ребенком. Если нести его в полицейский участок, придется давать объяснения о наших ночных похождениях или по крайней мере о том, как мы нашли ребенка. Поэтому мы решили отнести его в Хит и оставить где-нибудь на видном месте, чтобы полицейский его непременно нашел, самим же как можно быстрее отправиться домой.

Все прошло благополучно. На опушке Хампстед-Хит мы, заслышав тяжелые шаги полицейского, положили малыша на дорожку. Дежурный полисмен шел, размахивая фонарем, потом мы слышали, как он ахнул от удивления, увидев дитя. Тогда мы тихонько удалились и очень удачно около паба «Испанцы» наняли кеб и поехали домой.

Не могу заснуть, вот и решил все записать. Но, конечно, нужно поспать хоть несколько часов — в полдень за мной зайдет Ван Хелсинг. Он хочет, чтобы мы предприняли еще одну попытку.

27 сентября. Лишь в два часа представилась возможность повторить наш опыт. Закончились чьи-то похороны, медленно

удалились последние участники траурной церемонии. Спрятавшись в зарослях ольхи, мы видели, как могильщик запер за собой ворота. Итак, до утра нас здесь никто не потревожит, впрочем, по словам профессора, нам требовалось не более часа. Вновь я ощутил ужас реальности, по своей фантастичности превосходящей любую фантазию; а тут еще гнетущее сознание того, что мы рискуем предстать перед судом как осквернители могилы. Кроме того, мне казалось, что наш новый приход на кладбище лишен смысла. Конечно, возмутительно вскрывать свинцовый саркофаг, чтобы убедиться: женщина, умершая неделю назад, действительно мертва, и уж совсем верх глупости — вскрывать его вновь, когда мы собственными глазами видели, что гроб пуст. Однако я не стал ничего говорить Ван Хелсингу — раз у него свой план действий, он и слушать не будет никакие увещевания.

Открыв склеп, профессор вновь любезно пропустил меня вперед. Внутри было не так мрачно, как прошлой ночью, но и при свете солнца от холодных стен веяло такой промозглой сыростью, оставленностью и тоской, что я невольно поежился. Мы подошли к гробу Люси.

Девушка лежала в гробу! Точно такая же, как накануне похорон. Пожалуй, даже еще более ослепительно прекрасная, если такое вообще возможно. Я не мог поверить, что она мертва. Пунцовые, ярче прежнего губы, на щеках — нежный румянец.

— Это что, колдовство? — прошептал я.

— Ну что, теперь убедился? — вопросом на вопрос ответил профессор и, заставив меня содрогнуться, раздвинул губы покойной — обнажились белые хищные клыки. — Посмотри, они еще острее, чем раньше. Этим и этим, — он указал на один из верхних клыков и на зуб под ним, — она и кусает маленьких детей. Ну что, Джон, теперь веришь?

Дух противоречия снова разыграл во мне. Я просто не мог признать его правоту и с полемическим жаром, вызвавшим у меня самого чувство неловкости, возразил:

— Может быть, ее только вчера сюда положили.
— Неужели? И кто же это сделал?
— Не знаю. Кто-то.
— Обрати внимание — она умерла неделю назад. Обычно за такой срок покойники очень меняются.

На это я ничего не смог возразить. Ван Хелсинг же, казалось, не обратил никакого внимания на мое молчание. Ни в коей мере не досадовал и не торжествовал. Он всматривался в лицо покойной, поднимал веки, разглядывал глаза, вновь осмотрел зубы. Потом сказал:

— Тут есть одно из ряда вон выходящее обстоятельство. Двойная жизнь. Вампир укусил ее, когда она в состоянии транса разгуливала во сне. О, ты поражен, ты не догадывался об этом, друг Джон, но все узнаешь позднее. Это он высасывал у нее кровь, когда она была в лунатическом трансе. В состоянии транса Люси умерла, в трансе останется «бессмертной». Этим она отличается от других. Обычно, когда эти «живые мертвецы» спят дома, — и он выразительно повел рукой, указывая, что значит «дом» для вампира, — по их лицам видно, кто они такие; а она такая милая, что, переставая быть вампиром, то есть «бессмертной», обретает вид обычной покойницы. И в этом состоянии в ней нет ничего опасного, поэтому мне так тяжело убить ее.

Я весь похолодел и вдруг понял, что верю Ван Хелсингу. Но если она действительно мертва, почему же мысль об ее убийстве кажется такой ужасной? Он взглянул на меня и явно заметил перемену в моем лице, потому что вдруг спросил с надеждой:

— Ну, теперь веришь?

— Пожалуйста, не требуйте от меня всего сразу. Я почти готов признать вашу правоту. Но как вы собираетесь убить ту, что уже мертва?

— Отрежу ей голову, наполню рот чесноком и вобью в тело кол.

Я содрогнулся при мысли о том, как он изуродует тело любимой мною женщины. И все же чувство отвращения было

не так сильно, как я ожидал. На самом деле мне стало уже не по себе в присутствии этого, как называл его Ван Хелсинг, «бессмертного» существа, у меня невольно возникло отвращение к нему.

Профессор долго над чем-то размышлял, потом резко захлопнул свой саквояж.

— Я передумал. Конечно, если делать, то делать немедленно, но тут может возникнуть много непредвиденных осложнений. И вот почему. Она еще не погубила ни одной жизни, хотя, конечно, это вопрос времени; действовать немедленно — значит уберечь ее от этой опасности навсегда. Но для этого нам нужен Артур, а как мы ему об этом скажем? Если даже ты не поверил мне — а ты видел ранки на шее у нее и у того ребенка в больнице, видел гроб прошлой ночью пустым, а сегодня в нем женщину, которая если и изменилась, то лишь похорошела, хотя прошла уже целая неделя после ее смерти, видел и белую фигуру, которая принесла ребенка на кладбище, — то что же мне ожидать от Артура, который ничего об этом не знает? Он усомнился во мне, когда я не позволил ему поцеловать Люси перед смертью. Артур простил меня, считая, что я исходил из какого-то ошибочного представления, когда помешал ему проститься с нею как следует; теперь он может подумать, что мы по ошибке похоронили девушку живой, а потом, чтобы скрыть это, убили ее. То есть вся вина ляжет на нас: мол, убили его невесту из-за своих ошибочных идей. Сомнения будут одолевать его, а это самое ужасное. Он навсегда потеряет покой. Нет, я уже научен горьким опытом. Теперь, когда мне известно, что все это правда, я в тысячу раз больше убежден, что Артуру нужно проплыть через мутные воды, прежде чем он выплывет в чистые. Бедняге придется пережить час, когда даже небо покажется ему черным, но тогда мы придем на помощь и он обретет душевный покой. Все, я решил. Пошли. Ты возвращайся в свой дом скорби, а я проведу ночь здесь, на этом кладбище. Завтра вечером приходи ко мне в гостиницу Беркли к десяти часам. Я вызову Артура и этого славного молодого

американца. Сейчас проеду с тобой до Пикадилли и там пообедаю, я должен вернуться сюда до захода солнца.

Мы заперли склеп, перелезли через кладбищенскую стену, что было нетрудно, и поехали на Пикадилли.

Записка, оставленная Ван Хелсингом в его
дорожной сумке в гостинице Беркли и
адресованная доктору Джону Сьюворду
(адресатом не получена)

27 сентября

Друг Джон, пишу на случай, если что-то произойдет. Надеюсь, сегодня «бессмертная» не выйдет на свой промысел, тем в большем нетерпении она будет завтра. Зная о ее нелюбви к кресту и чесноку, я перекрою ей выход из склепа. Она лишь начинающий «живой мертвец» и, пожалуй, поостережется. И вообще, эти меры только для того, чтобы помешать нашей «бессмертной» выйти, они не должны препятствовать ей вернуться: в противном случае она может, как все «живые мертвецы», прийти в отчаяние и натворить дел. Я буду на страже всю ночь — от захода до восхода солнца — и уж не упущу ничего. Мисс Люси меня не пугает, опасен тот, кто сделал ее «живым мертвецом», у него есть право искать укрытие в ее могиле. Он хитер и коварен, судя по рассказу Джонатана и тому, как он обошел нас в истории с Люси. Да, эти «живые мертвецы» очень сильны, а уж у этого силища такая, что с ним и двадцати здоровякам не справиться. Даже наша энергия, вместе с кровью переданная Люси, перешла к нему. Кроме того, он может вызвать своего волка, в общем, следует ожидать чего угодно. Во всяком случае, если он пожалует сегодня ночью на кладбище, то встретится со мною и может выйти скверная история. Но, вероятно, он все-таки не появится. Особых поводов у него для этого нет, зато есть много других, более интересных для него мест.

В случае чего возьми в этой сумке дневники Гаркера и остальные бумаги и разыщи этого великого «живого мерт-

веща», отруби ему голову, а сердце сожги или же вбей в него кол, чтобы наконец избавить мир от этого монстра.

На всякий случай прощай.

Ван Хелсинг

Дневник доктора Сьюворда

28 сентября. Просто удивительно, какое же благо сон. Еще вчера я был готов поверить соображениям Ван Хелсинга, а сегодня они мне кажутся чудовищными, противоречащими здравому смыслу. Хотя, несомненно, сам он во все это искренне верит. Не знаю, может быть, он слегка помешался. Но должно же быть какое-то рациональное объяснение всех этих таинственных явлений. Возможно ли, чтобы профессор сам все это подстроил? Он так невероятно умен, что если уж свихнулся, то будет необычайно последователен в выполнении всех своих навязчивых идей. Неприятно даже думать об этом; нет, просто невыносимо, чтобы Ван Хелсинг сошел с ума, но на всякий случай все-таки внимательно слежу за ним. Может быть, найду какую-нибудь разгадку этой тайны.

29 сентября, утро. Вчера вечером, около десяти, Артур и Квинси пришли к Ван Хелсингу в гостиницу; тот заявил, что рассчитывает на нашу поддержку, обращаясь в основном к Артуру, будто он главный среди нас:

— Нам предстоит выполнить важный долг. Вас, конечно, удивило мое письмо?

— Пожалуй. Впрочем, скорее встревожило, — ответил Артур. — С некоторых пор беды просто преследовали меня, я надеялся хоть на какую-то передышку. Но мне, конечно, интересно знать, что вы имеете в виду. Чем дольше мы с Квинси обсуждали этот вопрос, тем больше недоумевали. Я и сейчас ничего не понимаю.

— Я тоже, — вторил ему Квинси Моррис.

— Что ж, — кивнул профессор, — тогда вы оба все-таки ближе к истине, чем друг Джон, которому предстоит еще проделать долгий путь, чтобы к ней приблизиться.

Видно, Ван Хелсинг сразу, без слов, уловил, что прежние сомнения вернулись ко мне. Обращаясь к Артуру и Квинси, он очень серьезно сказал:

— Мне нужно ваше согласие на то, что я считаю необходимым сделать сегодня ночью. Знаю, что прошу многого, но, лишь узнав, что именно я намереваюсь сделать, вы поймете, сколь велика моя просьба. Поэтому мне хотелось бы, чтобы вы дали мне разрешение авансом; тогда потом, если вы и будете сердиться на меня некоторое время — а я не исключаю такую возможность, — вам по крайней мере не в чем будет упрекнуть себя.

— Что ж, во всяком случае, это честно! — воскликнул Квинси. — Я не сомневаюсь в профессоре и, хотя не совсем понимаю, куда он клонит, готов поклясться, что он искренен, для меня этого достаточно.

— Спасибо, сэр, — почувствованно ответил Ван Хелсинг. — Это честь для меня — иметь такого друга, как вы, ваша поддержка очень ценна.

Он протянул руку, и Квинси пожал ее.

Тут заговорил Артур:

— Видите ли, профессор Ван Хелсинг, мне не хотелось бы покупать свинью в мешке, как говорят в Шотландии, и если будет затронута моя честь джентльмена или вера христианина, то я просто не могу дать своего согласия. Оно возможно лишь при гарантии, что не пострадает ни то ни другое, хотя, ей-богу, не понимаю, к чему вы клоните.

— Принимаю ваши условия, — сказал Ван Хелсинг, — и прошу лишь об одном: прежде чем выносить приговор моим действиям, хорошо все обдумать и разобраться, противоречат ли они вашим условиям.

— Согласен! — сухо обронил Артур. — Это справедливо. А теперь, когда переговоры закончены, могу я узнать, что же все-таки мы должны делать?

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной на кладбище в Хампстед — тайно, ни одна живая душа не должна об этом знать.

Артур, изменившись в лице, изумленно спросил:

— Туда, где похоронена Люси?

Профессор кивнул.

— Зачем?

— Чтобы войти в склеп!

Артур встал:

— Вы это серьезно, профессор, или это жестокая шутка?.. Простите, я вижу, вы действительно собираетесь это сделать. — Он снова сел, весь непреклонность и достоинство, явно задетый за живое; помолчав немного, спросил: — А в склеп зачем?

— Чтобы вскрыть гроб.

— Ну, это уж слишком! — Возмущенный, Артур вновь встал. — Я готов поддерживать все разумное, но такое... осквернение могилы той, которую...

От негодования он запнулся и не смог больше продолжать. Профессор посмотрел на него с сочувствием.

— Если бы у меня была хоть малейшая возможность уберечь вас от боли, мой бедный друг, видит бог, я бы это сделал. Но этой ночью мы должны пройти тернистый путь, иначе потом — и, может быть, даже вечно — той, которую вы любите, придется ходить по раскаленным углям.

Артур побледнел:

— Осторожнее, сэр, осторожнее!

— Но не разумнее ли все-таки выслушать меня?! — воскликнул Ван Хелсинг. — Тогда по крайней мере вы будете знать, что и зачем я предлагаю.

— Это справедливо, — вставил Моррис.

Помолчав, профессор продолжал, явно с усилием:

— Мисс Люси умерла, не так ли? Так! В этом случае мы не причиним ей никакого вреда. Но если она не умерла...

— Господи! — вскрикнул Артур. — Что вы имеете в виду? Произошла ошибка? Ее похоронили живой? — Он был в таком отчаянии, которое не могла смягчить даже надежда.

— Дитя мое, никто не говорит, что она жива. Я лишь имел в виду, что она стала «живым мертвецом».

— «Живым мертвецом»? Но ее нет в живых! Что вы хотите этим сказать? Что за кошмар? Вообще — что это такое?

— Существуют тайны, о которых люди лишь догадываются, и только с течением времени завеса постепенно приоткрывается, но не сразу и не вся. Поверьте, перед нами одна из таких тайн... пока я ничего не сделал. Но надеюсь, вы позволите мне отрезать голову бедной мисс Люси?

— Ни в коем случае! — с негодованием закричал Артур. — Ни за что на свете не позволю осквернять ее тело. Профессор Ван Хелсинг, вы злоупотребляете моим терпением. За что вы так мучаете меня, что дурного я вам сделал? Что сделала вам эта бедная, добрая девушка, за что вы хотите так обесчестить ее могилу? Или, может быть, вы сошли с ума и в безумии говорите такие чудовищные вещи, или это я помешался настолько, что слушаю вас? Даже думать не смейте о таком надругательстве, я ни за что не дам своего согласия. Мой долг — защищать ее могилу, и, видит бог, я это сделаю.

Ван Хелсинг встал и сказал очень сурово:

— Лорд Годалминг, у меня тоже есть долг, долг перед людьми, долг перед вами и перед покойной, и, видит бог, я выполняю его! Прошу вас лишь об одном: пойдите со мной, смотрите, слушайте, и, если позднее я повторю свое предложение, постарайтесь не превзойти меня в рвении. Я же выполню свой долг, невзирая ни на что, и дам вам полный отчет в любое время и где угодно. — Голос у него немного дрогнул, и он продолжал уже гораздо мягче, с явным сочувствием: — Умоляю вас, не давайте волю своему гневу. За долгую жизнь мне пришлось пережить много неприятного, мучительного, но такое тяжелое, трудное дело выпало на мою долю впервые. Поверьте, наступит время — и вы перемените свое мнение обо мне, и одного вашего доброжелательного взгляда будет достаточно, чтобы снять с меня всю тяжесть этого часа, ибо со своей стороны я готов сделать все, что в человеческих силах, лишь бы избавить вас от скорби. Поду-

майте только, чего ради стал бы я так стараться и так переживать? Я приехал сюда издалека, со своей родины, ибо здесь была во мне нужда — следовало помочь моему другу Джону и милой девушке, которую ваш покорный слуга полюбил всей душой. Я сделал для нее то же, что и вы, — не хотел говорить, но ради вас скажу: дал ей свою кровь, хотя, в отличие от вас, не был ее возлюбленным, а всего лишь врачом и другом. Я сидел подле нее днями и ночами — до самой смерти и потом. И если бы моя жизнь могла хоть чем-то помочь ей даже теперь, когда она стала «живым мертвецом», я охотно пожертвовал бы собой.

Профессор произнес все это с таким благородным достоинством, что Артур был тронут. Он взял старика за руку и сказал срывающимся голосом:

— Немыслимо тяжело даже думать обо всем этом, не могу постичь... но, что бы там ни было, я пойду с вами.

ГЛАВА XVII

Дневник доктора Сьюворда (продолжение)

 ыло без четверти двенадцать, когда мы перелезли через низкую ограду кладбища. Ночь была темной, луна лишь изредка проглядывала сквозь прорехи в густых облаках, тянувшихся по небу. Мы невольно старались держаться вместе, лишь Ван Хелсинг шел чуть впереди, показывая дорогу.

Мы подошли к склепу, я взглянул на Артура, опасаясь, что печальные воспоминания могут вконец расстроить его, но тот держался молодцом. Похоже, таинственность происходящего захватила его. Профессор открыл дверь склепа, пропуская нас, но мы замешкались, и, уловив нашу нерешительность, он вошел первым. Мы последовали за ним. Он закрыл дверь, зажег тусклый фонарь и указал на гроб. Артур неуверенно двинулся к нему.

Ван Хелсинг, обращаясь ко мне, сказал:

— Вчера ты был здесь со мною. Тело мисс Люси лежало в гробу?

— Да, лежало.

Профессор повернулся к Артуру и Квинси:

— Вы слышите? И все-таки мне не верят.

Он извлек отвертку и снял крышку гроба. Очень бледный Артур, молча наблюдавший за ним, выступил вперед. Когда он увидел надпил на свинцовом саркофаге, кровь бросилась ему в лицо, но уже через мгновение он снова стал белым как мел, хотя по-прежнему молчал. Ван Хелсинг отогнул свинцовое покрытие, мы заглянули внутрь и в изумлении отпрянули.

Саркофаг был пуст!

Несколько минут царило молчание. Его нарушил Квинси Моррис:

— Профессор, я поручился за вас. И мне достаточно вашего слова. Я не хочу своим сомнением хоть в малой степени бросить тени на вашу честь, однако тут кроется тайна, выходящая за рамки таких понятий, как честь и бесчестие. Скажите, это вашик рук дело?

— Клянусь вам всем, что для меня свято, я не выносил ее отсюда и даже не прикасался к ней. Произошло же следующее: две ночи назад мы с моим другом Сьювордом пришли сюда — поверьте мне, с добрыми намерениями. Я вскрыл саркофаг — он был тогда запечатан и так же, как теперь, пуст. Тогда мы стали ждать и увидели что-то белое, двигавшееся меж деревьями. На следующий день мы пришли сюда днем — она лежала в гробу. Разве не так, друг Джон?

— Так.

— В ту ночь мы подоспели вовремя. Пропал еще один ребенок, и, слава богу, мы нашли его целым и невредимым среди могил. Вчера я пришел сюда перед заходом солнца: «живые мертвецы» оживают на закате. Прождал всю ночь до восхода солнца, но склеп никто не покидал. Ничего удивительного, ведь я проложил двери чесноком и еще кое-чем, чего они не выносят и остерегаются. Итак, прошлой ночью она не выходила. Сегодня перед заходом солнца я убрал чеснок и все прочее — и вот мы находим пустой гроб. Теперь подождем. Уже очень много было тут странного. Спрячемся снаружи и подождем, возможны еще более странные сюрпризы.

Открыв дверь, он подождал, когда один за другим мы вышли из склепа, и снова запер ее.

О, каким свежим и чистым показался ночной воздух после душного склепа! Как приятно было видеть бегущие по небу облака и проблески лунного света между ними — совсем как смена радостей и горестей в жизни человека; как чудесно дышать свежим воздухом без смрадного душка смерти и тления, видеть красноватые отблески фонарей за холмом, слышать где-то вдали глухой шум жизни большого города!

Каждый из нас, по-своему ощутив это, вздохнул с облегчением. Артур молчал, видимо стараясь постичь потаенный смысл всей этой мистики. Я был почти готов вновь отбросить сомнения и принять аргументы Ван Хелсинга. Квинси Моррис держался невозмутимо, как человек, который привык принимать все, что происходит, хладнокровно и мужественно. Лишенный возможности курить, он отломил кусочек прессованного табака и принялся жевать его. А Ван Хелсинг развил бурную деятельность: достал что-то вроде маленьких круглых вафель, аккуратно завернутых в белую салфетку, затем комок беловатого вещества, напоминающего не то тесто, не то замазку. Мелко покрошив вафли, он смешал их с тестом, а из полученной массы приготовил тонкие полоски, которыми стал замазывать щели вокруг входа в склеп. Озадаченный, я спросил, что он делает. Артур и Квинси тоже подошли ближе, заинтересовавшись.

— Запечатываю вход в склеп, — ответил профессор, — чтобы «живой мертвец» не мог войти туда.

— И такая вот штука может это предотвратить? — спросил Квинси. — О господи! Мы что, в игры сюда пришли играть?

— Да, конечно.

— Что же это все-таки такое? — вмешался Артур.

— Святые Дары, — ответил Ван Хелсинг и благоговейно снял шляпу. — Я привез их из Амстердама. Это мое отпущение грехов.

Ответ произвел впечатление на нас. Похоже, дело действительно серьезно, если профессор решился пустить в ход столь святое, бесценное для каждого католика средство; невозможно было не верить ему. В почтительном молчании мы заняли указанные нам укромные места вокруг склепа. Я жалел Квинси и особенно Артура. Мне уже был знаком этот кошмар ожидания, но все равно, хотя еще час назад я и отрицал правоту профессора, сердце у меня теперь замирало. Надгробия казались мне белыми призраками, тисы, можжевельник и кипарисы — воплощением кладбищенского мрака, малейший шорох, шуршание дерева или травы — угрожаю-

лими, скрип сучьев — таинственным, а вой собак вдали — зловещим предзнаменованием.

Наступило долгое молчание, бесконечная, томительная тишина, вдруг прерванная тихим свистом профессора, подававшего нам знак. На тисовой аллее вдалеке мы увидели неясную белую фигуру, прижимавшую к груди что-то темное. Фигура остановилась, в этот момент луна выглянула из-за туч и явственно осветила женщину в белом саване. Лица ее не было видно, она наклонилась, как теперь удалось рассмотреть, над белокурый ребенком. Потом в тишине раздался странный звук — так иногда вскрикивают во сне дети или повизгивают дремлющие в тепле собаки. Мы хотели броситься к ребенку, но профессор, предостерегающе взмахнув рукой, остановил нас.

Белая фигура двинулась дальше. И вскоре была уже так близко, что мы ясно разглядели ее, тем более что луна все еще светила. Меня пробрала дрожь, стало слышно, как нервно задышал Артур: мы узнали Люси Вестенра. Да, это была Люси, но как же она изменилась! На ее лице, таком прежде нежном и невинном, запечатлелось теперь жуткое выражение бессердечной жестокости и сладострастия. Ван Хелсинг выступил вперед, и, повинуясь его жесту, мы последовали за ним, встав перед дверью склепа. Профессор поднял фонарь и осветил ее лицо: мы увидели, что губы покойной в крови, — стекая по подбородку, она уже запятнала белизну батистового савана.

Мы замерли, парализованные ужасом. По дрожанию фонаря я понял, что не выдержали даже железные нервы Ван Хелсинга. Артур стоял рядом со мной, и, если бы я не поддерживал его, он бы, наверное, упал.

Увидев нас, Люси — я называю это существо Люси лишь потому, что оно имело ее облик, — отступила назад со злобным шипением, как застигнутая врасплох кошка, и окинула нас взглядом. По форме и цвету это были глаза Люси, но не ясные и ласковые, как прежде, а тусклые, тлеющие дьявольским огнем. В этот момент остаток моей любви к ней перешел в

чувство ненависти и омерзения. Если бы надо было убить ее на месте, я бы сделал это с восторгом дикаря. Но вот лицо ее исказилось порочной улыбкой. Не приведи господи снова увидеть такое!

Небрежным движением, бессердечная, словно сам дьявол, она отшвырнула от себя ребенка, которого только что крепко прижимала к груди, урча при этом, как собака над костью. Ребенок вскрикнул и остался лежать на земле, постанывая. При виде этой жестокости у Артура вырвался стон. Она же двинулась к нему с расprostертыми объятиями, сладострастно улыбаясь; он отшатнулся и закрыл лицо руками. Но это не смутило ее, с томным, чувственным придыханием она заклинала:

— Иди же ко мне, Артур. Оставь их и иди ко мне. Мои объятия жаждут тебя. Иди, нам будет хорошо. Иди же ко мне, муж мой, иди!

В ее голосе была какая-то дьявольская сладость, он звучал как хрустальный колокольчик и подействовал на всех нас, и особенно на Артура — как замороженный, он уже протянул к ней руки. Она было метнулась к нему, но тут вперед бросился Ван Хелсинг и простер меж ними руку с маленьким золотым крестиком. Люси отшатнулась от священного символа и с искаженным от злобы лицом бросилась ко входу в склеп.

Однако в нескольких шагах от двери замерла, будто остановленная непреодолимой силой, и обернулась. В неясном свете луны и фонаря, уже не дрожавшего в руках Ван Хелсинга, стало хорошо видно ее лицо. Никогда в жизни мне не приходилось видеть исполненного такой inferнальной злобы лица. Надеюсь, никто из смертных больше не увидит ничего подобного. Нежные краски превратились в багровосиние, глаза метали искры дьявольского пламени, брови изогнулись, будто змеи Медузы Горгоны, а когда-то очаровательный рот, измазанный кровью, напоминал зияющий квадрат, как на греческих и японских масках. Если у смерти есть лицо, то мы его увидели.

Она стояла между крестом и священным препятствием, не пускавшим ее в склеп, не больше минуты, но нам это показалось вечностью.

Ван Хелсинг нарушил молчание, обратившись к Артуру:

— Ну, что скажешь, мой друг? Должен ли я исполнить свой долг?

Артур рухнул на колени и, закрыв лицо руками, простонал:

— Делайте как сочтете нужным. Этот кошмар не может более продолжаться.

Ему стало дурно, мы с Квинси взяли его под руки. Ван Хелсинг, поставив фонарь, подошел к склепу, извлек из щелей сакральные печати и отступил в сторону. Мы были поражены: женщина, вроде бы со столь же реальной плотью, как и у нас, вдруг проскользнула в щель, через которую едва ли прошло бы лезвие ножа. С облегчением вздохнув, мы смотрели, как профессор вновь замазывал щели.

Закончив свою работу, он взял ребенка на руки и сказал:

— Идемте, друзья мои. До завтра нам тут делать нечего. В полдень здесь похороны, нам надо прийти сюда после их окончания. Друзья покойного разойдутся к двум, сторож закроет ворота, а мы останемся. Тогда-то и можно будет кое-что предпринять. Что же касается малютки, то он серьезно не пострадал, уже завтра будет здоров. Оставим ребенка, где-нибудь на видном месте, чтобы полиция, как в ту ночь, сразу его нашла и разойдемся по домам. — И, повернувшись к Артуру, тихо обратился к нему: — Друг мой Артур, на твою долю выпало тяжелое испытание. Но потом ты поймешь, что это надо пережить. Тебе сейчас плохо, дитя мое. Не убивайся, бог даст, завтра в это время тебе станет легче. А до тех пор я не прошу тебя простить меня.

Ребенка мы оставили в безопасном месте. Артур и Квинси поехали ко мне; мы старались приободрить друг друга, а когда, едва живые от усталости, легли спать, то сон и реальность смешались для нас в одну кошмарную фантаσμαгорию.

29 сентября, вечер. Около двенадцати Артур, Квинси и я приехали к профессору. Не сговариваясь, мы все оделись в

черное, хотя лишь Артур официально был в трауре. В половине второго мы уже прибыли на кладбище и в ожидании бродили по тенистым аллеям. Наконец могильщики закончили свои дела, и сторож, уверенный, что все ушли, запер ворота. Мы остались одни. Ван Хелсинг вместо своей обычной небольшой черной сумки принес длинную кожаную, похожую на футляр для крикетных бит и явно тяжелую.

Мы молча последовали за профессором к склепу. Он открыл дверь, мы вошли и закрыли ее за собою. Ван Хелсинг вытащил из сумки фонарь, зажег его и две восковые свечи, установив их на соседние надгробия. Когда он поднял крышку гроба Люси — Артур дрожал как осиновый лист, — мы увидели покойницу во всей красе. В моей душе уже не было любви, только отвращение к мерзкому существу, принявшему облик Люси. Я видел, каким напряженным стало лицо Артура.

— Скажите, это Люси, — спросил он Ван Хелсинга, — или дьявол в ее обличье?

— Тело ее — и в то же время не совсем. Погодите немного, и вы увидите, какой она была и есть.

В гробу лежала Люси, но такой она могла нам привидеться лишь в страшном сне: острые зубы, окровавленные, сладострастные губы, на которые без содроганья невозможно было смотреть, — мертвое, бездушное существо, дьявольская насмешка над чистотой и непорочностью Люси. Ван Хелсинг, со свойственной ему последовательностью, начал выкладывать содержимое своей сумки: паяльник, свинцовый припой, маленькую масляную лампу, дававшую ярко-синее пламя, хирургические инструменты и, наконец, круглый деревянный кол, толщиной два с половиной — три дюйма и длиной около трех футов, обожженный и заостренный с одного конца. Потом он вынул тяжелый молоток, который обычно в домашнем хозяйстве используют для дробления угля. На меня уже один только вид ланцетов и скальпелей действует вдохновляюще, Артура и Квинси они явно смутили, но оба сохраняли мужество, молчали и терпеливо ждали.

Закончив приготовления, Ван Хелсинг сказал:

— Объясню вам, что я собираюсь делать, следуя опыту древних и всех тех, кто изучал феномен «живых мертвецов». На этих несчастных лежит проклятие бессмертия — умереть они не могут и из века в век влачат жалкое существование, увеличивая число своих жертв и умножая зло в мире, ибо все, кто умирает как их жертвы, сами становятся «живыми мертвецами» и в свою очередь плодят себе подобных. Таким образом, круг постоянно расширяется, подобно кругам на воде от брошенного камня. Друг Артур, если бы Люси тебя поцеловала, помнишь, тогда, перед смертью, или вчера ночью, когда ты хотел обнять ее, то со временем, после своей кончины, и ты бы стал, как говорят в Восточной Европе, носферату¹ и пополнил бы собою число «живых мертвецов», наводящих на нас такой ужас. Эта милая несчастная леди еще только в самом начале своего страшного пути. Детям, кровь которых высасывала эта «фея», теперь не грозит опасность, но, если бы ее бессмертное существование продлилось, они были бы обречены: она возымела над ними особую власть, и они бы сами к ней приходили до тех пор, пока она бы окончательно их не обескровила. Но, если она умрет по-настоящему, все прекратится: ранки затянутся, дети вернутся к своим играм и забудут о том, что с ними происходило. Но самое главное — освободится душа бедной Люси. Вместо того чтобы творить по ночам зло и все глубже погрязать в адской пучине днем, усваивая свою страшную добычу, она сможет занять свое место среди ангелов. Так что, мой друг, рука, которая нанесет ей удар освобождения, будет благословенной для нее. Я готов это сделать. Но, возможно, есть кое-кто, у кого на это больше прав? Не радостно ли будет потом, в ночной тиши думать: «Это моя рука спасла ее, ведь я больше всех любил ее, и эту руку она выбрала бы сама, если б могла выбирать»? Скажите мне, есть ли такой среди нас?

Мы все смотрели на Артура. Он, как и мы, понял бесконечную доброту Ван Хелсинга, дававшего ему возможность

¹ Не-умерший (рум.).

восстановить для нас святость памяти Люси, и, выступив вперед, сказал смело, хотя руки его дрожали, а лицо было белым как снег:

— Мой верный друг, благодарю вас от всего своего разбитого сердца. Скажите мне, что нужно сделать, и я не дрогну.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо:

— Молодец! Немного мужества — это все, что от тебя требуется. Нужно вбить этот кол ей в сердце. Предупреждаю, это мучительное, но недолгое испытание, потом облегчение и радость превзойдут боль и страдание, ты выйдешь отсюда с легкой душой. Но, начав, ты не должен отступать. Думай лишь о том, что мы, твои верные друзья, рядом и молимся за тебя.

— Хорошо, — хрипло ответил Артур. — Говорите, что делать.

— Возьми кол в левую руку, а молоток — в правую. Когда мы начнем читать заупокойную молитву — я принес молитвенник, — бей, во имя Бога, чтобы покойной, которую мы любим, стало хорошо.

Артур взял кол и молоток, а уж если он решился, то рука у него не дрогнет. Ван Хелсинг, открыв молитвенник, начал читать молитву, мы с Квинси, как могли, вторили ему. Артур приставил деревянное острие к сердцу и ударил изо всей силы.

Существо в гробу стало корчиться, и ужасный, леденящий душу вопль сорвался с красных губ. Тело тряслось и дрожало, извивалось в неистовых конвульсиях, лязгали острые белые зубы, прокусывая губы, рот был в кровавой пене. Но Артур не дрогнул. Похожий на Тора, он твердой рукой все глубже и глубже загонял свой благотворный кол в сердце, из которого фонтаном била кровь. Он был очень сосредоточен, лицо его излучало сознание высокого долга, это вселяло мужество в нас, и голоса наши звенели под сводами склепа.

Судороги явно слабели, перестали стучать зубы, разгладилось лицо... Тело покойной наконец успокоилось. Ужасный труд был закончен.

Молоток выпал из рук Артура. Он пошатнулся и упал бы, если бы мы его не поддержали. Пот градом катился у него со

лба. Он задыхался — слишком чудовищным было напряжение. Если бы не высокая цель — во что бы то ни стало спасти душу своей невесты, — у него не хватило бы сил. Несколько минут мы были заняты им и не обращали внимания на гроб, когда же взглянули туда, шепот изумления пробежал меж нами. Мы так внимательно всматривались, что Артур встал с земли, на которую в изнеможении присел, и подошел взглянуть. Мрачное лицо его осветилось радостью.

В гробу лежало уже не то отвратительное, вызывающее содрогание и ненависть существо, а Люси — такая, какой мы привыкли видеть ее при жизни, с милым, несравненной чистоты лицом. И хотя страдания и горе оставили на нем свои следы, Люси от этого была нам еще милее и дороже. Мы почувствовали, что спокойствие, которое, как солнечный свет, отразилось на ее измученном лице, было не чем иным, как знамением грядущего вечного покоя.

Ван Хелсинг положил руку на плечо Артуру и спросил:

— А теперь, друг мой Артур, мое дорогое дитя, ты простил меня?

Видимо, наступила реакция после колоссального напряжения — Артур взял руку старика, поцеловал и сказал:

— Простил! Да благословит вас Бог за то, что вы вернули душу моей любимой, а мне — покой.

Он обнял профессора и беззвучно заплакал. Мы стояли молча. Когда Артур несколько успокоился, Ван Хелсинг воскликнул:

— А теперь, дитя мое, если хочешь, можешь поцеловать ее, даже в губы, как, наверное, захотелось бы ей, если бы она могла выбирать. Люси больше не посланница дьявола, не принадлежащий ему «живой мертвец», не ужасное, навеки погибшее существо — она принадлежит Богу, душа ее отныне с Ним!

Артур наклонился и поцеловал покойную. Потом профессор отправил его с Квинси на воздух. А мы вдвоем отпилили кол, оставив его конец в сердце, отрезали ей голову и наполнили рот чесноком, затем запяли свинец, привинтили крышку

гроба и, собрав свои вещи, вышли. Заперев дверь, профессор отдал ключ Артуру.

Было тепло, светило солнце, пели птицы — казалось, вся природа настроена на покой, радость и веселье, поскольку мы сами обрели покой и радовались, хотя в этой радости сквозила печаль.

— Ну что же, друзья мои, — сказал Ван Хелсинг на прощание, — первый шаг сделан, самый мучительный шаг. Но впереди у нас — трудное дело: надо найти источник нашего горя и уничтожить его. У меня есть нить, которая позволит нам добраться до него, но это долгая и трудная задача, сопряженная с опасностью и страданием. Не возьметесь ли вы помочь мне? Мы ведь научились доверять друг другу, не так ли? А если так, то разве это не наш долг? Конечно! Так дадим же обещание исполнить его до конца! — Мы все пожали ему руку, скрепив тем самым клятву. — Через два дня прошу вас пожаловать ко мне на ужин. Я представлю вам еще двух своих друзей, которых вы еще не знаете, и изложу вам наши планы и свои соображения. Друг Джон, пойдем ко мне, хочу посоветоваться с тобой, ты можешь мне помочь. Вечером я уезжаю в Амстердам, но завтра же вернусь. И тогда начнется великий поиск. Но сначала я хотел бы многое поведать вам, чтобы вы знали, что делать, чего опасаться. После этого мы должны будем дать друг другу слово, ибо перед нами ужасная задача, а уж взявшись за плуг, мы не должны отступить¹.

¹ Парафраз евангельского текста: «Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9: 62).

ГЛАВА XVII

Дневник доктора Сьюворда (продолжение)

Когда мы приехали в гостиницу Беркли, Ван Хелсинга ждала телеграмма:

«Приеду поездом. Джонатан в Уитби. Важные новости. Мина Гаркер».

Профессор был очень доволен:

— О, эта чудная мадам Мина, не женщина, а жемчужина! Но я не могу остаться, несмотря на ее приезд. Прими ее у себя, друг Джон. Ты должен встретить ее на вокзале. Только предупреди ее — телеграфируй прямо в поезд.

Отправив телеграмму, мы сели пить чай, и Ван Хелсинг рассказал мне о дневниках Джонатана Гаркера и миссис Гаркер.

— Возьми их и очень внимательно прочитай. К моему приезду хорошенько во всем разберись, возможно, это облегчит нам расследование. Береги дневники — в них много ценного. И много необычного — тебе трудно будет поверить в реальность этого, даже после сегодняшнего дня. Рассказанное здесь, — и он выразительно положил руку на стопку бумаг, — может быть, начало конца для тебя, меня и многих других, но оно же может приблизить конец «живых мертвецов», разгуливающих по нашей земле. Прочти, прошу тебя, без иронии, скепсиса и предубеждения и, если сможешь, добавь свои соображения, это крайне важно. Ты ведь тоже вел дневник о необычных явлениях? При встрече мы все сопоставим.

Потом он уложил вещи и поехал на вокзал, расположенный на Ливерпул-стрит, а я направился в Паддингтон и минут за пятнадцать до прихода поезда был там.

Обычной суеты, возникающей на платформе по прибытии поезда, я не заметил и уж было забеспокоился, не пропустил ли свою гостью, когда ко мне подошла миловидная девушка и, окинув меня быстрым взглядом, спросила:

— Доктор Сьюворд, не так ли?

— А вы миссис Гаркер? — мгновенно откликнулся я.

Девушка протянула мне руку:

— Я узнала вас по описанию моей бедной Люси, но... — Тут она запнулась и покраснела.

Я тоже покраснел и этим невольным откликом на ее смущение как бы снял возникшую было неловкость. Я взял ее багаж — среди вещей была пишущая машинка — и, послав депешу экономке, чтобы она приготовила гостиную и спальню для миссис Гаркер, повез свою гостью по Подземной железной дороге¹ на вокзал на Фенчерч-стрит; там мы сели в поезд и отправились в Карфакс.

Миссис Гаркер, конечно, знала, что мы едем в психиатрическую лечебницу, но, когда мы вошли на территорию, не смогла скрыть волнения.

Она спросила, нельзя ли ей чуть позднее зайти ко мне в кабинет — поговорить. И вот я жду ее, делая запись в свой дневник на фонографе. Я еще не успел прочитать материалы, которые дал мне Ван Хелсинг, хотя они уже лежат на столе передо мной. Надо будет чем-то занять ее, чтобы прочитать их. Она не представляет себе, как дорого время и какая нам предстоит работа. Разумеется, нужно быть деликатным и не обидеть ее. А вот и она!

Дневник Мины Гаркер

29 сентября. Быстро приведя себя в порядок, я спустилась в кабинет доктора Сьюворда. У дверей на минутку замешкалась: показалось, он с кем-то разговаривает. Но, поскольку

¹ Официальное название Лондонского метро, первая линия которого была построена в 1863 г.

он просил меня не задерживаться, постучала в дверь и, услышав «войдите!» вошла.

К моему удивлению, он был один, а на столе стоял аппарат, в котором я сразу, по описанию, узнала фонограф. Я никогда раньше его не видела и очень заинтересовалась.

— Надеюсь, не очень задержала вас, у дверей мне показалось, тут кто-то есть и вы с кем-то разговариваете.

— Нет, — улыбнулся он, — просто я делал записи в своем дневнике.

— Дневнике? — спросила я удивленно.

— Да, я записываю его на этом аппарате. — И он положил руку на фонограф.

Я была поражена:

— Да ведь это превосходит даже стенографию! А можно мне что-нибудь послушать?

— Конечно, — с готовностью ответил доктор и встал, чтобы включить аппарат, но вдруг замер в замешательстве. — Дело в том, — начал он неловко, — что на нем записан только мой дневник, а он целиком — или почти целиком — состоит из описаний историй болезни моих пациентов, поэтому как-то неудобно, то есть я имею в виду... — и смущенно замолчал.

Я попробовала вывести его из затруднительного положения:

— Вы помогали ухаживать за умирающей Люси. Позвольте мне послушать описание ее последних дней; я буду вам чрезвычайно благодарна. Люси очень, очень дорога мне.

К моему удивлению, он пришел в ужас:

— Рассказать вам о ее последних днях? Ни за что на свете!

— Но почему? — спросила я, и страшное предчувствие охватило меня.

Он молчал, очевидно подыскивая подходящую отговорку. Наконец пробормотал:

— Видите ли, я не могу найти в дневнике интересное вас место. — Эта мысль ему явно понравилась, и он просто-душно и совершенно иным тоном, с какой-то даже детской

наивностью, воскликнул: — И это правда, честное слово! Ей-богу! — Я не могла сдерживать улыбку, при виде которой он виновато потупил глаза и пробормотал: — Да, я проговорился. Но поверьте, я вел этот дневник в течение нескольких месяцев, однако мне и в голову не приходило, каким образом в случае необходимости найти то или иное место.

Это окончательно убедило меня — наверняка дневник доктора, лечившего Люси, может существенно дополнить наши сведения о том ужасном существе, и я пошла ва-банк:

— В таком случае, доктор Сьюворт, позвольте мне перепечатать ваш дневник на машинке.

Он побледнел как смерть и воскликнул:

— Нет! Нет! Нет! Ни за что на свете — вам лучше не знать эту ужасную историю!

Значит, все-таки была «ужасная история», моя интуиция меня не подвела! Я задумалась, размышляя, как быть, взгляд мой рассеянно скользил по комнате и вдруг упал на толстую пачку машинописных страниц на столе. Доктор перехватил мой взгляд и понял, о чем я думала.

— Вы не знаете меня, — поспешно зачастила я, — но, прочитав мой дневник и перепечатанный мною дневник моего мужа, вы поймете, что мне можно доверять. Я написала там все искренне, без утайки, но, разумеется, пока я не вправе рассчитывать на ваше доверие.

Конечно, он — благородный человек, моя бедная Люси была права. Выдвинув большой ящик, в котором хранились сложенные по порядку полые металлические валики, покрытые темным воском, он сказал:

— Ну что же, вы угадали: я не доверял вам, потому что не знал вас. Но теперь знаю, и мне жаль, что не знал прежде; Люси говорила вам обо мне, а мне — о вас. Позвольте мне искупить свое недоверие единственным доступным путем. Возьмите эти валики и прослушайте их — первые полдюжины не страшные, они относятся ко мне и позволят вам лучше узнать меня. Я же пока прочитаю эти бумаги и попробую разобраться, что к чему. А за это время и ужин будет готов.

Доктор перенес фонограф в мою гостиную и наладил его, теперь я, наверное, познакомлюсь с другой стороной уже известной мне любовной истории — это, должно быть, интересно...

Дневник доктора Сьюворда

29 сентября. С головой уйдя в чтение поразительных дневников Джонатана Гаркера и его жены, я потерял счет времени. Служанка доложила, что ужин готов, но миссис Гаркер еще не спустилась, поэтому, предположив, что она устала, я попросил отложить ужин на час и продолжил чтение. Только закончил читать дневник миссис Гаркер, как она вошла в кабинет, по-прежнему хорошенькая, но очень расстроенная, с покрасневшими от слез глазами. Это расстроило меня. Видит бог, у меня в последнее время было много поводов для слез, но я лишен этой благодати, облегчающей душу, — не могу плакать, и вид этих милых заплаканных глаз до глубины души тронул меня:

— Боюсь, я расстроил вас.

— Что вы! Я бесконечно взволнована всем, что вы пережили. Этот замечательный аппарат жесток в своей правдивости. Он во всех тонкостях передал мне вашу душевную боль. Это крик души, обращенный к Богу. Никто не должен его слышать! Видите, я напечатала все на машинке, никто больше не подслушает биение вашего сердца.

— Никому больше не нужно знать об этом, и никто не узнает, — тихо пробормотал я.

Она положила свою руку на мою и воскликнула:

— Но ведь необходимо, чтобы узнали!

— Необходимо? Но почему? — удивленно вырвалось у меня.

— Потому что это частица общей ужасной истории, которая привела к смерти моей дорогой Люси; в предстоящей борьбе с этим чудовищем нам нужно собрать воедино все возможные сведения и силы, все, что может нам помочь. Думаю, благо-

даря этим валикам я узнала гораздо больше, чем вы полагаете. Ваши записи многое проясняют в этой мрачной тайне. Ведь вы позволите мне помочь вам? Пока эта история известна мне лишь до определенного момента: читая ваш дневник, я остановилась на записях, датированных седьмым сентября, но уже вижу, как подготавливалась ужасная гибель Люси. После встречи с профессором Ван Хелсингом мы с Джонатаном работали не покладая рук. Теперь мой муж поехал в Уитби, чтобы собрать дополнительную информацию, и приедет сюда завтра помогать нам. Мы не должны ничего скрывать друг от друга, полное доверие сделает нас всех сильнее, ничего хорошего не получится, если кто-то из нас будет блуждать впотьмах.

Она хоть и смотрела на меня умоляюще, но проявила такую стойкость и решительность, что я не мог не согласиться с нею:

— Поступайте в данном случае как считаете нужным. Господи, прости меня, если я не прав! Вам предстоит узнать еще много ужасного, но раз уж вы прошли часть пути, то вы захотите дойти до конца. Более того, лишь конец — самый конец — и может дать вам проблеск надежды. А пока пойдемте поужинаем. Нужно поддерживать силы, нас ждут страшные и жестокие испытания. После ужина вы узнаете остальное, и я отвечу на все ваши вопросы, если что-то будет вам непонятно.

Дневник Мины Гаркер

29 сентября. После ужина я прошла с доктором Сьювордом в его кабинет. Он принес фонограф из моей комнаты, а я — пишущую машинку. Усадив меня в удобное кресло и показав, как останавливать фонограф, если нужна пауза, доктор деликатно сел спиной ко мне, чтобы я чувствовала себя свободно, и вернулся к чтению. Я же надела наушники и стала слушать.

Выслушав до конца ужасную историю смерти Люси и все, последовавшее за нею, я без сил откинулась в кресле. К счастью, я не склонна к обморокам. Однако, оглянувшись на меня, доктор Сьюворд с испуганным возгласом вскочил и

быстро дал мне немного коньяку, что слегка подкрепило мои силы. Голова у меня шла кругом, и если бы не пробившийся сквозь эти кошмары обнадеживающий лучик — мысль о том, что моя милая, славная Люси обрела наконец покой, — едва ли я смогла бы выдержать все это, не сорвавшись на крик и не устроив истерику. Все это столь дико, таинственно, странно, что, если бы не трансильванский опыт Джонатана, я бы ни за что не поверила в реальность случившегося. Мне и так с трудом верилось. Принять и пережить все это трудно, и я решила занять себя делом. Сняв футляр с машинки, я предложила доктору Сьюворду:

— Давайте я все перепечатаю. Подготовимся к приезду профессора Ван Хелсинга. Я послала телеграмму Джонатану, чтобы он, вернувшись из Уитби в Лондон, сразу ехал сюда. А мы пока подготовим все материалы, расположим их в хронологическом порядке и тем самым уже многое сделаем — ведь в таком деле очень важна последовательность, система. Вы говорите, что лорд Годамлинг и мистер Моррис тоже приедут, значит, наша работа пригодится.

Он поставил фонограф на малую скорость, и я начала печатать с седьмого валика. Под копирку я сделала три экземпляра дневника. Было уже поздно, когда я закончила работу. Доктор Сьюворд все это время читал — прервался лишь на вечерний обход. Вернувшись, снова принялся за чтение, сидя рядом со мной, чтобы я не чувствовала себя одиноко за работой. Он очень добр и внимателен; хотя на свете и существуют монстры, но все-таки много хороших людей — и это обнадеживает.

Перед уходом к себе я вспомнила запись в дневнике Джонатана о том, как разволновался профессор, прочитав что-то в вечерней газете на вокзале в Эксетере; поэтому, увидев, что доктор Сьюворд хранит газеты, я взяла подшивки «Вестминстерской газеты» и «Пэлл Мэлы» к себе в комнату. Я помнила, как вырезки из «Дейлиграф» и «Газеты Уитби» помогли нам разобраться в ужасных событиях, происшедших в Уитби, когда туда прибыл граф Дракула; возможно, я

выясню еще что-нибудь, просмотрев вечерние газеты за тот период. Спать не хочется, а работа меня успокаивает.

Дневник доктора Сьюворда

30 сентября. Мистер Гаркер приехал в девять. Он получил телеграмму от жены перед самым отъездом из Уитби. Судя по его лицу, он очень умен и энергичен. А судя по дневнику, мужественный человек. Чтобы второй раз спуститься в тот подвал, нужно быть по-настоящему отважным человеком. Прочитав его дневник, я представлял его себе таким сверх-человеком, а увидел спокойного, деловитого джентльмена.

Позднее. После обеда Гаркер и его жена пошли к себе, и чуть позже, проходя мимо их дверей, я услышал постукивание пишущей машинки. Эта история их явно занимает. По словам миссис Гаркер, они по крупицам собирают все сведения и выстраивают их в хронологической последовательности. Гаркеру удалось раздобыть переписку между отправителем ящиков из Уитби и получателем их в Лондоне. Теперь он читает мой дневник, перепечатанный его женой. Интересно, что же они из него извлекут. А вот и Гаркер...

Надо же, мне и в голову не приходило, что соседний дом может быть убежищем Дракулы! Вот и пачка писем о покупке дома. А кто бы мог подумать, что поведение больного Ренфилда связано с появлением графа! О, если бы все это было известно нам раньше, мы бы спасли бедную Люси! Хватит! Так и с ума сойти недолго! Гаркер вернулся к себе и продолжает сводить данные. Говорит, что к ужину они смогут восстановить всю последовательность событий. По его мнению, мне нужно повидать Ренфилда — до сих пор он был своеобразным барометром приездов и отъездов графа. Я еще не совсем улавливаю суть дела, но надеюсь, сопоставив даты, разобраться. Как хорошо, что миссис Гаркер перепечатала мои фонографические записи! Иначе мы никогда бы не сориентировались в датах...

Ренфилд мирно сидел у себя в палате, ничего не делая и добродушно улыбаясь. Выглядел он абсолютно нормальным. Я сел и начал беседовать с ним на разные темы, он рассуждал обо всем вполне разумно. Потом заговорил о своем возвращении домой; прежде, за все время своего пребывания в больнице, он никогда не вспоминал об этом. Теперь же просто настаивал на своем немедленном уходе из больницы. Да, не поговори я с Гаркером, не сопоставь даты деловых писем и время припадков Ренфилда, то, наверное, вскоре выписал бы его. Теперь же я настороже. Все его припадки неясным для меня образом связаны с графом, находившимся поблизости. А что значит его теперешнее невозмутимое спокойствие? Быть может, инстинктивно удовлетворен последним триумфом вампира? Ведь он и сам кровоядный, а у дверей часовни соседнего дома постоянно твердил о каком-то «хозяине» и «господине». Кажется, это тоже подтверждает наши догадки. Однако я не стал засиживаться у него; пожалуй, больной чуть-чуть слишком нормален — небезопасно зондировать его вопросами. Еще, чего доброго, призадумается, и тогда... Поэтому я ушел. Ох уж мне эти его спокойные состояния! Не доверяю я им, вот и сейчас на всякий случай распорядился, чтобы санитар получше присматривал за больным и все время держал наготове смирительную рубашку.

Дневник Джонатана Гаркера

29 сентября (в поезде по дороге в Лондон). Получив любезное письмо мистера Биллингтона о том, что он готов предоставить мне любую имеющуюся в его распоряжении информацию, я предпочел сам поехать в Уитби и все выяснить на месте. Хотел проследить путь ужасных ящиков графа до пункта назначения в Лондоне. Позже мы займемся ими. Биллингтон-младший, симпатичный юноша, встретил меня на вокзале и привез в дом отца — они пригласили меня переночевать у них. Им свойственно подлинно йоркширское гостеприимство: обеспечить всем необходимым и предоста-

вить полную свободу действий. Зная, что я очень занят и приехал ненадолго, мистер Биллингтон приготовил в своей конторе бумаги об отправке ящиков. Я пережил очень неприятный момент, когда мне в руки попало письмо, которое уже видел у графа на столе, еще не зная о его дьявольских планах.

Просмотрев бумаги, я понял, что все было тщательно продумано, четко спланировано и точно исполнено. Кажется, граф предусмотрел любое, даже случайное препятствие, способное помешать исполнению его планов. Или, пользуясь выражением американцев, обеспечил стопроцентные гарантии; абсолютная точность в выполнении его инструкций была просто логическим следствием его предусмотрительности. Я снял копии с накладной: «Пятьдесят ящиков обычной земли — для опытов», с письма компании «Картер и Патерсон» и с ответа адвокатской конторы «Биллингтон и сын». Вот фактически все, что смог предоставить в мое распоряжение мистер Биллингтон.

Потом я направился в порт и поговорил с береговой охраной, таможенными чиновниками и начальником порта. У всех нашлось что рассказать об этой странной истории со шхуной, которая, казалось бы, уже давно должна была быть пораски, но никто ничего не смог добавить к простому описанию «пятидесяти ящиков обычной земли». Встретился я и с начальником станции, он любезно свел меня с грузчиками, непосредственно занимавшимися погрузкой ящиков в поезд. Их квитанции соответствовали списку, и они ничего не могли сообщить, кроме того, что ящики были «большие, тяжеленные, и никто их не сопровождал». «Не было при них, — с сожалением буркнул один из грузчиков, — такого джентльмена, как вы, сквайр, чтобы оценить наш каторжный труд»; а другой многозначительно заметил, что даже со временем не ослабела возникшая тогда необычайная жажда. Излишне говорить, что, прежде чем проститься, я позаботился о том, чтобы надолго и в должной мере компенсировать этот поток жалоб.

30 сентября. Начальник станции был настолько любезен, что дал мне рекомендательную записку к своему старому приятелю — начальнику станции на Кингс-Кросс. Приехав утром в Лондон, я расспросил его о прибытии ящиков. Он тоже сразу свел меня с теми, кто этим занимался. Их квитанция также соответствовала накладной. Возникшая здесь жажда оказалась более умеренной, но я вновь позаботился об ее утолении.

Оттуда я направился в центральную контору «Картер и Патерсон», где меня встретили очень любезно. Они просмотрели свои журналы и позвонили в свое отделение на Кингс-Кросс, чтобы получить дополнительные сведения. К счастью, там оказались люди, сопровождавшие груз, чиновник сразу прислал их в центральную контору, передав с ними накладную и все бумаги, имеющие отношение к доставке грузов в Карфакс. Вновь я убедился в полном соответствии с квитанцией; грузчики смогли дополнить скудное описание груза некоторыми подробностями, относившимися исключительно к пыльному характеру работы и к возникшей в результате жажде. После того как я предоставил им возможность ее утоления с помощью государственного денежного знака, один из них заметил:

— Это был, сударь, самый странный дом, в котором я когда-либо бывал в своей жизни. Провалиться мне на этом месте! В нем никто не жил лет сто. Там была такая пылица, что хоть спать ложись — жестко не будет. И все там такое старое и в таком запустении, что мы враз почуяли смрад былых времен. А уж старая часовня — так в ней просто дух от страха захватывало! Уж конечно, мы постарались поскорее унести отсюда ноги. Господи, предложи мне фунт в минуту, я бы все равно ни за что не остался там после того, как стемнеет.

Я вполне разделял его чувства, но не стал говорить, что тоже бывал в этом доме, иначе его претензии могли бы возрасти.

Одним выяснившимся обстоятельством я доволен: все ящики, прибывшие из Варны в Уитби на «Димитрий», в целости и сохранности доставлены в старую часовню в

Карфаксе. Их должно быть пятьдесят, боюсь, правда, что несколько из них, судя по дневнику Сьюворда, куда-то перевезли. Попытаюсь найти возчиков, забиравших ящики из Карфакса, когда на них напал Ренфилд. Может быть, удастся узнать у них что-нибудь дельное.

Позднее. Мы с Миной работали весь день и привели бумаги в порядок.

Дневник Мины Гаркер

30 сентября. Радость просто переполняет меня. Наверное, наступила реакция после периода постоянных опасений за Джонатана: не нанесли ли переживания в замке Дракулы непоправимого ущерба его здоровью. Сейчас мой муж умчался в Уитби, а у меня в душе все замерло от недобрых предчувствий. Однако активная деятельность ему явно полезна. Он никогда не был таким решительным и энергичным, как теперь. Милый, славный профессор Ван Хелсинг оказался прав: Джонатан — крепкий орешек, и испытания, которые слабого просто убили бы, делают его лишь более стойким. Он вернулся полный жизни, надежды, решимости; к вечеру мы все привели в порядок. Я очень волнуюсь. Наверное, любое живое создание, которое выслеживали бы так, как графа, вызвало бы сочувствие. Но то-то и оно, что это не человек и не зверь, а просто какое-то существо. Достаточно почитать дневник доктора Сьюворда о смерти Люси и о всех последующих событиях, чтобы в душе сразу иссякли все источники жалости.

Позднее. Лорд Годаминг и мистер Моррис приехали раньше, чем мы ожидали. Доктор Сьюворд и Джонатан ушли по делам, так что встретила их я. Для меня эта встреча была мучительной, ибо напомнила совсем недавние надежды Люси, прошло всего несколько месяцев. Конечно, Люси говорила им обо мне; оказалось, доктор Ван Хелсинг также «пел

мне дифирамбы», как выразился мистер Моррис. Бедняги, никто из них не догадывается, что мне все известно о предложениях, которые они делали Люси. Чувствовали они себя неловко, не зная, насколько я посвящена в происходившее и о чем можно говорить со мной. Подумав, я решила, что лучше сразу открыть им все. Из дневника доктора Сьюворда мне известно, что они присутствовали при смерти Люси — ее настоящей смерти, — поэтому, надо полагать, я не выдам преждевременно никаких тайн, если скажу им, что прочитала все бумаги и дневники, перепечатала их на машинке и мы с мужем только что привели все в порядок, выстроив события в хронологической последовательности. Итак, я вручила каждому из них по экземпляру и предложила тут же прочитать.

Лорд Годалминг, полистав свой экземпляр — получилась солидная стопка бумаг, — спросил:

— И это все вы перепечатали, миссис Гаркер? — А когда я кивнула, продолжал: — Не совсем понимаю, что вас побудило к этому, но вы такие милые, добрые люди и работали так серьезно и энергично, что мне остается лишь, не задавая лишних вопросов, постараться помочь вам. Я уже получил один урок, вполне достаточный для того, чтобы сделать человека смиренным до конца его дней. Кроме того, я знаю, вы любили мою бедную Люси...

Голос Артура дрогнул, в нем зазвучали слезы; закрыв лицо руками, он отвернулся.

Мистер Моррис на мгновение деликатно положил руку ему на плечо, а потом тихо вышел из комнаты. Мне кажется, есть нечто в самой природе женщины, что позволяет мужчинам открывать им душу, делиться чувствами, не испытывая при этом унижения мужского достоинства: оставшись со мной наедине, лорд Годалминг дал волю своему душевному состоянию.

Я села подле него на диван и взяла его руку. Надеюсь, он не счел это слишком смелым с моей стороны и не сочтет потом. Впрочем, я несправедлива к нему, ведь он — настоящий

джентльмен. Видя, что сердце у него просто разрывается на части, я попыталась поддержать его:

— Я любила Люси и понимаю, что она значила для вас, а вы для нее. Мы были с нею как сестры. И теперь, когда ее больше нет с нами, позвольте мне быть вам сестрой и разделить вашу горе. Я знаю, как много выпало на вашу долю. Если сочувствие и сострадание хоть в какой-то мере могут поддержать вас, позвольте мне ради Люси помочь вам!

Несколько минут бедный Артур просто не мог справиться с собой. Казалось, нашла выход вся боль пережитого им в последнее время. У него началась истерика; и в тоске и отчаянии он то простирали руки к небу, то заламывал их. Он метался по комнате, а слезы потоком текли по его щекам. Мне было бесконечно жаль Артура, я обняла его. Он положил мне голову на плечо и плакал, как измученный ребенок.

Вероятно, в сердце каждой женщины живет материнское чувство, заставляющее нас быть выше предрассудков и мирской суеты. На мгновение мне показалось, что голова этого взрослого, охваченного горем человека — голова ребенка, которую, может быть, когда-нибудь я прижму к себе. Я гладила его волосы так, будто это был мой сын. В ту минуту у меня и мысли не было, что это может выглядеть странно.

Вскоре Артур успокоился, попросил извинить его и сказал, что в минувшие дни и ночи — томительные дни и бессонные ночи — он ни с кем не мог поделиться своим горем. Не было женщины, с которой, учитывая чудовищные обстоятельства, сопутствовавшие его горю, он мог бы откровенно поговорить.

— Теперь я понял, как я страдал, — сказал он, вытирая глаза, — но пока не знаю, и, наверное, лишь со временем в полной мере оценю, что значило для меня ваше сочувствие, хотя и сейчас уже глубоко признателен вам. Позвольте мне стать вашим братом на всю жизнь — ради нашей дорогой Люси!

— Ради нашей дорогой Люси, — ответила я, пожимая ему руку.

— И ради вас, — добавил он. — Сегодня вы навсегда завоевали мое почтение и благодарность. И если когда-нибудь в будущем вам понадобится помощь, знайте, вам не придется долго ждать. Конечно, дай бог, чтобы ничто не затмило солнца в вашей жизни, но, если возникнет необходимость, обещайте, что известите меня.

Артур был очень серьезен.

— Обещаю, — сказала я, поняв, что это успокоит его.

Проходя по коридору, я увидела мистера Морриса, смотревшего в окно. Услышав мои шаги, он обернулся:

— Как Арт? — спросил он и заметил мои красные глаза. — А, я вижу вы его утешали. Бедняга! Ему это необходимо. Только женщина может помочь мужчине, когда у него сердечное горе.

Сам он так стойко переносил свое горе, что у меня просто защемило сердце. В руках у него была рукопись; прочитав ее, подумала я, он поймет, как много мне известно. И я сказала ему:

— Я бы хотела утешить всех, кто страдает. Позвольте мне быть и вашим другом, и, пожалуйста, приходите ко мне, если я хоть чем-то смогу вам помочь. Позднее вы поймете, почему я так говорю.

Увидев, что я совершенно серьезна, он взял мою руку и поцеловал ее. Это показалось мне жалким утешением для такой мужественной, бескорыстной души, и, импульсивно потянувшись к нему, я поцеловала его. На глаза его навернулись слезы, на мгновение, казалось, у него перехватило дыхание, но он сказал совершенно спокойно:

— Милая девочка, вы никогда не раскаетесь в своей чисто-сердечной доброте! — И прошел в кабинет к своему другу.

«Милая девочка» — именно так он называл Люси! О, ей он доказал свою преданность!

ГЛАВА XVIII

Дневник доктора Сьюворда

30 сентября

Вернулся домой в пять часов. Годалминг и Моррис успели не только приехать, но и прочитать дневники и письма, собранные и систематизированные Гаркером и его замечательной женой. Гаркер еще не вернулся из своей поездки к возчикам, о которых мне писал доктор Хеннесси. Миссис Гаркер напоила нас чаем, и, скажу откровенно, впервые с тех пор, как я живу здесь, старый дом стал похож на домашний очаг.

Когда мы закончили пить чай, миссис Гаркер обратилась ко мне:

— Доктор Сьюворд, у меня к вам просьба. Хочу увидеть вашего пациента, мистера Ренфилда. Позвольте мне встретиться с ним. Меня очень интересует то, что вы написали о нем в своем дневнике!

Она была такой трогательной и милой, что я не мог ей отказать, да и никаких оснований для отказа не было. Поэтому я взял ее с собой.

Ренфилда я предупредил, что его хочет видеть одна дама, тот отреагировал лаконично:

— Зачем?

— Она осматривает дом, хотела бы видеть всех его обитателей.

— А, ну хорошо, — буркнул он, — конечно, пусть заходит. Только одну минутку, я немного приберу.

Уборка была своеобразной: он просто проглотил всех мух и пауков из своих коробок, прежде чем я успел его остано-

вить. Бедняга явно опасался вмешательства в свой уклад жизни. Потом, сразу повеселев, сказал:

— Пусть дама войдет, — и уселся на край постели, опустив голову и глядя исподлобья, чтобы все-таки видеть гостью.

У меня промелькнуло опасение, не задумал ли он какой-нибудь фортель. Помня, каким спокойным он был перед нападением на меня в моем же кабинете, я встал так, чтобы сразу перехватить его, если он только попытается броситься на миссис Гаркер.

Она вошла в комнату с непринужденностью, обычно вызывающей доверие у всех сумасшедших: непринужденность — это как раз то качество, которое они очень ценят. Подойдя к нему, она с милой улыбкой приветствовала его:

— Добрый вечер, мистер Ренфилд! Как видите, я вас знаю по рассказам доктора Сьюворда.

Он ответил не сразу, внимательно и хмуро разглядывая ее. Потом на его лице возникло удивление, перешедшее в сомнение; затем, к моему изумлению, он воскликнул:

— Ведь вы не та девушка, на которой доктор хотел жениться? Впрочем, вы и не можете быть ею, ведь она умерла.

— О нет, — ответила гостья с милой улыбкой, — у меня есть муж, за которого я вышла замуж еще до знакомства с доктором Сьювордом. Я — миссис Гаркер.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Мы с мужем гостим у доктора Сьюворда.

— Лучше уезжайте.

— Почему же?

Я подумал, что разговор в таком духе столь же малопривлекателен миссис Гаркер, как и мне, и попытался переменить тему:

— Откуда вы знаете, что я собирался жениться?

Ренфилд молча перевел взгляд с миссис Гаркер на меня, потом снова уставился на нее, презрительно заметив:

— Ослиный вопрос!

— Не могу согласиться с вами, мистер Ренфилд, — вступилась за меня миссис Гаркер.

Насколько презрителен он был со мной, настолько любезен и уважителен — с нею.

— Вы, конечно, понимаете, миссис Гаркер, что когда человека так любят и уважают, как нашего доктора, то все, имеющее к нему отношение, интересует нашу маленькую общину. Доктора Сьюворда любят не только домочадцы и друзья, но даже его пациенты, хотя у некоторых из них нарушено душевное равновесие и они склонны путать причины и следствия. Будучи и сам постояльцем сей скорбной обители, я не мог не заметить, что ущербность мышления многих больных сводится к *non causa и ignoratio elenchi*¹.

Я просто открыл рот, услышав эту тираду. Мой любимый сумасшедший рассуждал на философские темы, демонстрируя манеры изысканного джентльмена. Интересно, не приход ли миссис Гаркер затронул какую-то струну в его памяти. Независимо от того, была ли эта новая фаза самопроизвольной или же бессознательно инспирированной нашей милой гостьей, у этой женщины, несомненно, особая сила или дар.

Мы продолжали разговор. Увидев, что Ренфилд вполне разумен, миссис Гаркер решилась, вопросительно взглянув на меня, навести его на любимую тему. И вновь я был поражен, услышав, как он беспристрастно, абсолютно здраво рассуждает и даже приводит себя в качестве примера.

— Ведь я и сам человек со странными представлениями. Ничего удивительного, что мои друзья встревожились и поместили меня сюда. Я вообразил, что жизнь — это некая осязаемая и вечная субстанция и что, поглощая множество живых существ, пусть даже находящихся на самом низком уровне развития, можно бесконечно продлевать свою жизнь. Временами я так сильно в это верил, что посягал и на человеческую жизнь. Доктор подтвердит, что однажды я пытался убить его, чтобы укрепить свои жизненные силы за счет его крови,

¹ Латинские термины, обозначающие такие типы логических ошибок, как «отсутствие причинь» и «отсутствие следствия».

основываясь на Священном Писании, в котором сказано: «Ибо кровь — это жизнь». Хотя продажа некоего патентованного средства опошילה эту общеизвестную истину.

Измученный, я кивнул в знак согласия, не зная, что и думать: невозможно было представить себе, что пять минут назад этот человек на моих глазах с аппетитом поедал пауков и мух. Взглянул на часы — пора было ехать на вокзал встречать Ван Хелсинга. Я сказал миссис Гаркер, что нам нужно идти. Она любезно попрощалась с Ренфилдом:

— До свидания, надеюсь еще увидеть вас, но в более благоприятных обстоятельствах.

На это, к моему великому удивлению, он ответил:

— Прощайте, дорогая. Молю Бога, чтобы я больше никогда не увидел ваше милое лицо. Да хранит вас Господь!

Я поехал на вокзал, а все остались дома. Бедный Арт немного повеселел, пожалуй, впервые со времени болезни Люси. И у Квинси прибавилось жизнерадостности — он стал похож наконец на самого себя.

Ван Хелсинг выпрыгнул из вагона с мальчишеской проворностью и бросился ко мне:

— А, друг Джон, ну как дела? Хороши? Так! А я был очень занят — устраивал все таким образом, чтобы быть здесь, сколько потребуется. Мне надо о многом рассказать вам. Мадам Мина у тебя? Да? А ее чудный муж? А Артур и мой друг Квинси, они тоже у тебя? Прекрасно!

Пока мы ехали домой, я рассказал ему, что произошло за это время и как благодаря миссис Гаркер пригодился мой дневник. Профессор перебил меня:

— Ах, эта удивительная мадам Мина! У нее глубокий, мужской ум — и женское сердце. Создав такое замечательное сочетание, Господь преследовал, поверь мне, определенную цель. Однако, друг Джон, до сих пор, по воле судьбы, эта женщина все время помогала нам, но с сегодняшнего вечера она больше не должна иметь отношения к этому ужасному делу. Нельзя подвергать ее такому риску. Уничтожить это чудо-

вище должны мы, мужчины, — разве мы не дали обещание? Это не женское дело. Даже если ей не будет прямого ущерба, ее сердце может не выдержать таких ужасов. И она будет страдать наяву — от нервных припадков, а во сне — от кошмаров. Кроме того, она молодая женщина, замужем недавно, надо подумать и о других вещах, о будущем. Ты говоришь, она все перепечатала? Тогда ладно, сегодня уж пусть она участвует в нашем разговоре, но завтра ей надо проститься с этим делом, мы справимся сами.

Я от души согласился с ним и рассказал ему, что нам удалось выяснить в его отсутствие: дом, который купил Дракула, находится по соседству с моим домом. Профессор был изумлен и, как мне показалось, расстроен.

— О, если бы мы знали об этом раньше, — вздохнул он, — мы могли бы добраться до него и спасти бедную Люси. Однако после драки кулаками не машут. Не будем думать об этом, но пройдем путь до конца.

Ван Хелсинг задумался и молчал до самого дома. Прежде чем пойти переодеться к ужину, он сказал миссис Гаркер:

— Я узнал, мадам Мина, от моего друга Джона, что вы с мужем привели в полный порядок все бумаги о происшедших событиях вплоть до настоящего момента.

— Не до настоящего момента, — невольно вырвалось у нее, — до сегодняшнего утра.

— А почему же не до настоящего момента? Мы уже видели, как важны были самые незначительные детали. Мы все поведали свои тайны, и никому от этого не стало хуже.

Миссис Гаркер покраснела и вынула из кармана бумагу:

— Профессор Ван Хелсинг, пожалуйста, прочтите и скажите, стоит ли включать это? Здесь мое описание сегодняшнего дня. Я сочла необходимым записывать теперь все, даже пустяки, но здесь в основном все личного характера. Нужно ли это включать?

Профессор внимательно прочитал написанное и вернул ей со словами:

— Если вы возражаете, можно и не включать, но, по моему, включить нужно. Ваш муж лишь еще больше полюбит вас, а мы, ваши друзья, еще больше станем вас чтить, уважать и — тоже любить.

Она, еще больше покраснев, с улыбкой взяла бумагу.

Таким образом, все, что можно, вплоть до настоящего часа, собрано и приведено в порядок. Профессор тоже взял экземпляр, чтобы изучить рукопись после ужина до нашей встречи, назначенной на девять часов; таким образом, встретившись в кабинете, мы все уже ознакомимся с фактами и сможем обсудить план борьбы с ужасным и таинственным врагом.

Дневник Мины Гаркер

30 сентября. Собравшись в кабинете доктора Сьюворда через два часа после ужина, мы невольно выглядели как участники заседания какой-нибудь комиссии или комитета. Профессор Ван Хелсинг, по просьбе доктора Сьюворда, возглавил наше собрание. Меня он посадил справа от себя, предложив быть секретарем. Джонатан сел рядом со мной, лорд Годалминг, доктор Сьюворд и мистер Моррис — напротив.

— Надеюсь, вы все ознакомились с фактами, изложенными в этих бумагах, — начал профессор и, получив наше подтверждение, продолжал: — В таком случае, думаю, необходимо рассказать вам, с каким врагом мы имеем дело. Я расскажу вам также и историю его жизни, мне удалось это выяснить. И тогда мы сможем обсудить, как нам действовать и какие меры принять.

На свете существуют вампиры — у некоторых из нас была печальная возможность убедиться в этом. Но, даже не имея мы собственного горького опыта, свидетельства и учения прошлого достаточно убедительны для разумных людей. Признаюсь, вначале я был настроен скептически. Не приучай я себя долгие годы воспринимать явления как они есть,

непредубежденно, я не смог бы поверить этому факту, неверное, до тех самых пор, пока он не завопил бы мне в самое ухо: «Смотри! Смотри! Я существую! Существую!» Увы! Знай я с самого начала то, что знаю теперь, более того, догадайся я раньше — одна драгоценная жизнь была бы спасена, на радость всем любившим ее. Но возврата нет; и мы должны действовать, чтобы не дать погибнуть другим душам, пока мы еще можем их спасти. Носферату не умирает, как ужалившая пчела. Он лишь крепнет раз от раза и обретает еще большую способность творить зло. Вампир, живущий среди нас, силен, как двадцать человек. Ему помогает некромантия, то есть, в соответствии с этимологией этого слова, заклинание мертвых; мертвые, к которым он приближается, — в его власти; он жесток и даже более чем жесток, он — сам дьявол, и сердца у него нет. Носферату обладает способностью, в своих пределах, конечно, появляться когда и где угодно и в любом из своих обликов. Он может в некоторой степени управлять стихиями: бурей, туманом, громом. Ему послушны крысы, совы, летучие мыши, моль, лисы, волки; он может уменьшаться и увеличиваться в размерах, внезапно исчезать и являться невидимым.

Как же нам бороться с ним? Как найти его, а найдя, как уничтожить? Друзья мои, это очень трудно; мы беремся за страшное дело и можем столкнуться с такими ужасами, от которых содрогнутся даже самые мужественные люди. В случае нашего поражения и его победы — что ожидает нас? Расстаться с жизнью — это пустяк, я опасаюсь не этого. Поражение в данном случае — не просто жизнь или смерть, а то, что мы уподобимся ему и превратимся в таких же мерзких существ, как и он, бессовестных и бессердечных, охотящихся за телами и душами наших близких. Небесные врата закроются для нас, и сможет ли кто-то открыть их для нас? Мы будем влачить свое существование, окруженные всеобщей ненавистью, мы станем темным пятном на лице божественного солнечного мира, стрелой, направленной против Того, Кто умер за всех нас. Но нас зовет долг; так неужели мы отступим? Скажу о себе — я не отступлю. Но я стар, и жизнь

с ее солнечным светом, красотами, пением птиц, музыкой и любовью осталась в прошлом. Вы же все молоды. Некоторые из вас уже познали горе, но впереди еще немало прекрасных дней. Так что вы мне ответите?

Пока профессор говорил, Джонатан взял меня за руку. О, как же я сначала встревожилась, думая, что его охватил страх перед надвигающейся опасностью, и каким же счастьем было прикосновение этой сильной, надежной, решительной руки мужественного человека, говорящее само за себя...

Когда профессор закончил, мы с Джонатаном переглянулись — и поняли друг друга без слов.

— Я даю согласие за Мину и за себя, — сказал Джонатан.

— Рассчитывайте на меня, профессор, — как всегда, лаконично ответил мистер Квинси Моррис.

— Я с вами, — сказал лорд Годалминг, — ради Люси, даже если бы не было других причин.

Доктор Сьювورد просто кивнул. Профессор встал и, положив на стол свое золотое распятие, протянул руки в обе стороны. Мы все взяли за руки, таким образом скрепив наш союз. Меня пронизал холод, но мне и в голову не пришло отступить. Мы снова сели, и доктор Ван Хелсинг оживленно заговорил, что свидетельствовало о начале серьезной работы, которая требовала такого же внимания и сосредоточенности, как любое важное дело:

— Итак, вы знаете, с чем нам предстоит столкнуться, но и мы с вами не беспомощны. На нашей стороне сила единения, недоступная вампирам, с нами наука, мы можем свободно думать и действовать; день и ночь в равной степени принадлежат нам. Мы ничем не ограничены и можем свободно использовать свои преимущества. Мы решительны, преданы делу и бескорыстны — это немало.

Теперь посмотрим, каковы недостатки противостоящих нам сил? Иными словами, в чем слабости вампиров вообще и данного вампира в частности.

Мы основываемся лишь на традиции и поверьях, вернее, суевериях. На первый взгляд этого маловато, когда речь идет

о жизни и смерти... или даже большем, чем жизнь и смерть. Тем не менее не стоит отчаиваться: во-первых, у нас нет иных источников, во-вторых, традиций и поверий вполне достаточно, чтобы найти оружие против нашего врага. Не на них ли основываются представления людей о вампирах? Впрочем, для нас — увы! — уже не только на них. Год назад кто бы из нас, людей XIX века — века науки, скептицизма, материализма, — поверил в существование вампиров? Мы даже старались не замечать то, что видели собственными глазами. Но придется признать, что наши представления о вампирах и способы избавления от них ныне те же, что и прежде.

Позвольте обратить ваше внимание на то, что упоминания о вампирах встречаются во всех культурах: в Древней Греции, в Древнем Риме, Германии, Франции, Индии, даже в Херсонесе; а в Китае, столь далеко от нас во всех отношениях, люди до сих пор боятся их. Вампиризм прослеживается в среде исландских берсерков, одержимых дьяволом гуннов, славян, саксонцев, мадьяр. Так что у нас есть исходные данные, и, должен сказать, очень многие поверья подтверждаются нашим собственным горьким опытом. Вампир умирает, как люди, когда приходит срок; он великолепно себя чувствует, если питается кровью живых. Более того, как мы наблюдали, в последнем случае он может даже молодеть; его жизненные силы восстанавливаются, если ему доступен его специфический корм. Но лишенный своего питания, он хиреет; ведь он не ест, как другие. Даже Джонатан, который провел с ним несколько недель, ни разу не видел, чтобы тот ел. Ни разу! Он не отбрасывает тени, не отражается в зеркале — опять-таки по наблюдениям Джонатана. Он очень силен — вспомним свидетельство Джонатана, как он отогнал волков от дверей или помог Джонатану сойти с дилижанса.

Как видно из рассказов о прибытии загадочной шхуны в Уитби, вампир может и сам превращаться в волка: это он разорвал собаку. Он может принять облик летучей мыши — мадам Мина видела его на подоконнике в Уитби, мой друг Квинси — у окна мисс Люси, а Джон заметил, как тот летел из

соседнего дома. Он способен напускать вокруг туман — это обнаружил погибший капитан шхуны; впрочем, участок распространения тумана невелик — только вокруг него самого. Вампир возникает в лунном свете, как пыль, — Джонатан видел это в замке Дракулы при появлении обитавших там женщин. Он может бесконечно уменьшаться — мы сами наблюдали, как мисс Люси до того, как обрела покой, проскользнула в склеп сквозь щель не толще волоска. Может, единожды проложив себе путь, проникать куда угодно и свободно выходить откуда угодно, даже если это запертые на замок помещения или герметически запаянные емкости. Он видит в темноте — немалое подспорье в нашем мире, наполовину погруженном во мрак.

А теперь слушайте меня внимательно! Да, вампир все это умеет, но он не свободен. Точнее, свободен так, как раб на галерах или сумасшедший у себя в палате. Он не властен пойти куда ему захочется; выродок природы, он все же обязан подчиняться некоторым ее законам. Он не может войти ни в один дом, пока кто-нибудь из домочадцев не пригласит его; зато потом уже волен приходить, когда ему вздумается. Его могущество кончается с наступлением дня, как у всякой нечистой силы. То есть у него есть ограниченная свобода действий лишь в определенные моменты. Если он находится не на своей территории, то может менять облик лишь в полдень или же на восходе или закате солнца. Это отмечалось в прошлом и подтверждается нашим опытом.

Таким образом, если в отведенных ему пределах — в своем земном доме, в гробу, в преисподней, в неосвященном месте, например, мы видели, как он направлялся к могиле самоубийцы в Уитби, — вампир волен поступать как ему угодно, то в других случаях он может менять свой облик лишь в определенное время. Известно, что он способен переходить через проточную воду лишь при слабом течении, при мелководье во время отлива. Существуют предметы, которые своим воздействием лишают его силы, например чеснок; что же касается священных символов, таких, как мое распятие, освятившее

наше решение, то для вампиров они ничего не значат, тем не менее эта нечисть старается держаться от них подальше и относится к ним с безмолвной почтительностью. Назову вам и другие предметы, это может вам понадобится. Ветка шиповника, положенная на гроб вампира, не позволит ему выйти оттуда; освященная пуля, если выстрелить в гроб, действительно убьет его насмерть, так же, как и кол, — в чем мы имели возможность убедиться; отрезанная голова обрекает его на вечный покой. Все это мы видели своими глазами.

Таким образом, разыскав прибежище того, кто некогда был человеком, мы можем заточить его в гроб и уничтожить, если воспользуемся уже известными нам средствами. Но он умен. Я попросил моего друга Арминия из Будапештского университета навести о нем справки, и вот что он выяснил по доступным источникам. По-видимому, наш вампир действительно когда-то был тем самым воеводой Дракулой, который прославился в битве с турками на великой реке на самой границе с Турцией. Если это правда, тогда он — недюжинный человек, потому что и в те времена, и много веков спустя он был известен как необыкновенно умный, хитрый и храбрый воин из Залесья¹. Могучий ум и железная воля ушли вместе с ним в могилу, но теперь они направлены против нас. Дракулы были, пишет Арминий, великим и благородным родом, хотя современники подозревали, что кое-кто из них имел дело с нечистой силой. Многие тайны узнали они в школе дьявола в горах над Германштадтским озером, где каждый десятый ученик по соглашению становится подручным своего inferнального учителя. В рукописях встречаются такие слова, как «стрегойца» — «ведьма», «ордог» и «покол» — «Сатана» и «ад», а в одной из рукописей Дракула прямо назван «вампиром», теперь мы прекрасно понимаем, почему. В его роду были великие мужи и жены, их славные останки освящают землю, в которой гнездится эта нечисть. То-то и ужасно, что это дьявольское существо обитает непременно по соседству с

¹ Буквальное значение слова «Трансильвания»

добром; его кости не могут находиться в земле, не освященной прахом предков.

В это время мистер Моррис начал пристально всматриваться в окно, затем тихо встал и вышел из комнаты. После недолгой паузы профессор продолжал:

— А теперь мы должны решить, что делать. У нас много данных, и нам надо заняться подготовкой нашей кампании. Джонатан установил, что из Трансильвании в Уитби прибыло пятьдесят ящиков земли, все они были доставлены в Карфакс; известно также, что несколько ящиков отправили в другое место. Мне кажется, прежде всего надо установить, находятся ли остальные ящики в соседнем доме или же их также куда-то перевезли, в таком случае мы должны проследить...

Тут нас неожиданно прервали. С улицы раздался пистолетный выстрел, окно пробила пуля, которая отскочила рикошетом от верхней части оконного проема и ударилась о противоположную стену комнаты.

Я вскрикнула — наверное, в душе я трусиха. Мужчины вскочили, лорд Годалминг бросился к окну, открыл его, и мы услышали голос мистера Морриса:

— Простите! Я, должно быть, напугал вас. Сейчас вернусь и объясню, в чем дело.

Через минуту он вошел и сказал:

— Конечно, глупость с моей стороны, прошу простить меня, миссис Гаркер. Дело в том, что во время рассказа профессора прилетела огромная летучая мышь и села на подоконник. После недавних событий я просто не выношу этих мерзких тварей, поэтому я пошел и выстрелил в нее; теперь я всегда так делаю, когда вижу их по вечерам. Ты еще смеялся надо мной из-за этого, Арт.

— Вы попали в нее? — спросил Ван Хелсинг.

— Не знаю; думаю, нет — она улетела в лес.

И он сел на свое место, а профессор продолжил:

— Мы должны установить местонахождение всех ящиков, поймать и убить этого монстра в его укрытии или стерилизовать землю, чтобы он не мог больше в ней укрыться. Тогда в

конце концов мы сможем найти его в человеческом образе между полуднем и заходом солнца, то есть когда он слабее всего. Теперь о вас, мадам Мина. Сегодня вечером вы участвуете в наших делах последний раз. Вы слишком дороги нам всем, чтобы подвергать вас такому риску. Больше вы нас ни о чем не расспрашивайте. Мы все расскажем вам в свое время. Мы — мужчины и должны сами справляться с проблемами. Вы же — наша звезда и надежда, мы будем гораздо свободнее в своих действиях, зная, что вы — вне опасности.

Все мужчины, даже Джонатан, казалось, почувствовали облегчение. Итак, они будут подвергаться риску и, может быть, ослабят свою безопасность, заботясь обо мне, а я... Но они уже все решили, и, хотя эта пилюля показалась мне очень горькой, ничего не оставалось, как принять это проявление рыцарства.

Мистер Моррис завершил дебаты:

— Не будем терять ни минуты. Предлагаю осмотреть его дом сейчас же. В этом деле все решает время, а наши быстрые действия помогут избежать новых жертв.

Признаюсь, сердце у меня упало, когда пришло время браться за работу, но я ничего не сказала, больше всего опасаясь стать для них обузой или помехой — тогда они могут отстранить меня даже от участия в совещаниях. Итак, они отправились в Карфакс, намереваясь пробраться в дом.

Мне же, очень по-мужски, предложили лечь спать, как будто женщина может заснуть, когда ее любимый в опасности! Ну что же, лягу и притворюсь спящей, чтобы Джонатан лишний раз не волновался из-за меня, когда вернется.

Дневник доктора Сьюворда

1 октября, 4 часа утра. Только мы собрались выйти из дома, как принесли срочное послание от Ренфилда, спрашивавшего, не могу ли я немедленно повидать его — ему нужно сообщить мне нечто чрезвычайно важное. Я велел санитару

передать ему, что зайду утром, а сейчас занят. Однако санитар пояснил:

— Он очень настаивает, сэр. Никогда не видел его в таком нетерпении. Конечно, наверняка я не знаю, но думаю, если вы с ним не повидаетесь, у него может случиться ужасный припадок.

Я знал, этот человек не будет говорить зря, поэтому ответил:

— Хорошо, сейчас приду. — и попросил остальных подождать, поскольку мне надо срочно навестить пациента.

— Возьми меня с собой, друг Джон, — сказал профессор. — Его случай, описанный в твоём дневнике, меня очень заинтересовал, и, кроме того, болезнь этого человека имеет отношение к нашему делу. Мне необходимо повидать его, особенно теперь, когда он в возбужденном состоянии.

— А можно и мне пойти? — спросил лорд Годаминг.

— А нам? — присоединились Квинси Моррис и Гаркер.

Я кивнул, и мы все вместе пошли по коридору.

Ренфилд действительно был сильно возбужден, но говорил и держался гораздо лучше, чем прежде. Ему свойственно вполне объективное понимание собственного положения — никогда раньше я не наблюдал подобного у сумасшедших; к тому же он абсолютно уверен, что его аргументы гораздо убедительнее всех прочих.

Когда мы вошли к нему в палату, Ренфилд потребовал, чтобы я немедленно отпустил его домой, так как он выздоровел и своими разговорами, манерой держаться стал показывать мне, насколько хорошо себя чувствует.

— Я вызываю к вашим друзьям, возможно, они не откажутся высказаться по моему делу. Кстати, вы забыли нас познакомить.

Я был настолько поражен его поведением, что в тот момент меня не удивила необычность претензии сумасшедшего, находящегося в психиатрической лечебнице и требующего представить его посетителям. К тому же больной держался с досто-

инством истинного джентльмена, привыкшего к обращению с равными себе, поэтому я тотчас исправил свою ошибку:

— Лорд Годалминг, профессор Ван Хелсинг, мистер Квинси Моррис из Техаса — мистер Ренфилд.

Безумец по очереди пожал всем руки, даже нашелся что сказать каждому из присутствующих:

— Лорд Годалминг, я имел честь быть одно время помощником вашего отца в Уиндеме¹; очень огорчен тем, что, судя по вашему титулу, его уже нет в живых. Этого в высшей степени достойного человека любили и уважали все, кому довелось знать его; мне рассказывали, что в молодости он придумал жженный ромовый пунш, нынче популярный на празднике в Дерби...²

Мистер Моррис, вы должны гордиться своим великим штатом. Его принятие в состав Соединенных Штатов — прецедент, который будет иметь далеко идущие последствия, настанет день, когда и полюс, и тропики присягнут на верность звездно-полосатому флагу... Мошь американского государства может возрасти настолько, что доктрина Монро отойдет в область политических преданий.

О, как мне выразить удовольствие от встречи с Ван Хелсингом? Сэр, я не прошу прощения за то, что не предвещаю ваше имя обычными титулами. Когда человек совершил революцию в терапии своим открытием бесконечной эволюции субстанции мозга, обычные ученые степени становятся неуместны, так как низводят великое имя до обыкновенного. Вас, джентльмены, самой своей принадлежностью к славным фамилиям, роду, природными дарованиями призванных занимать почетное место в этом непрестанно меняющемся мире, приглашаю в свидетели: я столь же нормален, как и большинство людей, пользующихся полной свободой. Уверен, что вы,

¹ Аристократический клуб, располагавшийся в бывшем доме Уильяма Уиндема.

² Знаменитые скачки трехлетних скаковых чистокровных лошадей названы по имени их организатора лорда Дерби (1778).

доктор Сьювورد, гуманист и юридически образованный врач, сочтете своим моральным долгом отнестись ко мне как к человеку, попавшему в экстремальную ситуацию и заслуживающему самого серьезного отношения к его просьбе.

Все буквально опешили. На миг даже мне, знакомому с характером и историей его болезни, показалось, что рассудок вернулся к нему, и у меня возникло сильное желание сказать ему, что я удовлетворен его состоянием и позабочусь о формальностях, необходимых для его выписки утром. Но потом все же решил подождать, прежде чем делать такое серьезное заявление, зная по опыту, что больной подвержен внезапным рецидивам. Поэтому я ограничился общим замечанием о значительном улучшении его состояния, обещая утром подробнее поговорить с ним и подумать, что можно сделать для удовлетворения его просьбы.

Это совершенно не устраивало Ренфилда.

— Боюсь, доктор Сьювورد, что вы не совсем поняли меня. Я хочу уехать немедленно, сейчас, сию минуту. Время не ждет — суть моего — да и всех нас! — негласного соглашения с костлявой. Уверен, что такому великолепному практику, как доктор Сьювورد, достаточно услышать столь простое, но не терпящее отлагательства желание, чтобы его исполнение было гарантировано.

Он внимательно посмотрел на меня и, угадав отказ на моем лице, повернулся к остальным, испытующе взглядываясь в каждого из них. Однако, не найдя отклика и здесь, заметил:

— Неужели я ошибся в своем предположении?

— Да, ошиблись, — сказал я откровенно, но прозвучало это, как сразу сам и почувствовал, грубо.

Наступило молчание, потом Ренфилд медленно произнес:

— Тогда позвольте несколько по-иному выразить мою просьбу. Прошу вас об уступке, милости, привилегии, как угодно. Готов умолять — не ради себя, а ради других. Я не вправе сообщить вам все свои мотивы, но, поверьте, это добрые, серьезные, бескорыстные мотивы, основанные на высоком чувстве долга. Если бы вы могли, сэр, взглянуть в

мое сердце, то непременно разделили бы мои чувства. Более того, причислили бы меня к своим лучшим и самым верным друзьям.

Вновь он обвел нас испытующим взглядом. У меня же крепло убеждение в том, что внезапная перемена в его манере выражаться, в его логике — лишь новая форма или фаза сумасшествия, и я решил дать ему возможность продолжать, ибо знал по опыту, что, как все сумасшедшие, он в конце концов себя выдаст.

Ван Хелсинг разглядывал Ренфилда так внимательно, что его густые брови почти сошлись от напряженной сосредоточенности взгляда. Он обратился к моему больному тоном, который поразил меня, но не тогда (сразу я не обратил на это внимания), а потом, когда вспомнил, — это был тон обращения к равному:

— Не могли бы вы откровенно изложить подлинную причину вашего желания выйти на свободу именно этой ночью? Ручаюсь, если вы убедите меня — постороннего, лишенного предрассудков, обладающего открытым умом, — то доктор Сьювورد на свой страх и риск, под свою ответственность предоставит вам эту привилегию.

Ренфилд грустно покачал головой с выражением горького сожаления на лице. Тогда профессор продолжал;

— Послушайте, сэр, образумьтесь! Вы требуете, чтобы к вам отнеслись как к совершенно здоровому человеку, стараетесь произвести на нас впечатление своей разумностью, здравым смыслом, а у нас есть основания сомневаться в вашем выздоровлении — вы же еще не прошли весь курс лечения. Если вы не поможете нам в нашей попытке выбрать самый правильный образ действий, то как же мы сможем оказать вам помощь, которой вы ждете от нас? Будьте благоразумны, помогите нам, а мы, если это в наших силах, пойдем вам навстречу.

Ренфилд, вновь покачав головой, ответил:

— Мне нечего сказать, профессор Ван Хелсинг. Ваши аргументы убедительны, и, будь я вправе говорить, у меня

бы не было ни малейших колебаний, но в моем случае не я хозяин положения. Могу лишь просить вас поверить мне. В случае отказа я снимаю с себя всякую ответственность.

Я решил, что пора прекратить эту сцену, приобретающую уже какую-то комическую серьезность, и направился к двери, сказав:

— Идемте, друзья мои. У нас еще есть дело. Спокойной ночи, Ренфилд.

Однако, когда я был уже у самой двери, с больным произошла разительная перемена. Он бросился ко мне так стремительно, что у меня мелькнула мысль о новом покушении. Но мои подозрения были напрасными: он умоляюще простер ко мне руки — безмолвно повторяя свою просьбу об освобождении. Мгновенно сообразив, что такой переизбыток эмоций работает против него, он тем не менее сделался еще экспансивнее.

Я взглянул на Ван Хелсинга и, увидев в его глазах подтверждение своего мнения, стал еще строже и жестом показал Ренфилду, что все его усилия напрасны. Мне уже и раньше приходилось наблюдать, как в нем нарастало возбуждение, когда он требовал чего-то важного для себя, например кошку. Я ожидал обычной утрюмой покорности после категорического отказа, но мои ожидания не оправдались: убедившись, что ему отказано, он впал в настоящее неистовство — бросился на колени, протягивая ко мне руки, ломая их в жалобной мольбе, слезы ручьем катились по его щекам, лицо и фигура выражали глубочайшее волнение.

— Взываю к вам, доктор Сьюворд, о, просто умоляю — сейчас же выпустите меня из этого дома. Вышлите меня как и куда угодно, в цепях, с кнутами, в сопровождении санитаров, в смиренной рубашке, скованного по рукам и ногам, хоть в тюрьму, только дайте уйти отсюда. Вы не понимаете, что творите, оставляя меня здесь. Говорю вам от чистого сердца, от всей души. О, если бы вы знали, кому вредите и как! О, если бы я мог вам сказать! Горе мне, ибо я не могу! Во имя всего, что для вас свято и дорого, в память о вашей погибшей любви,

ради еще живущей в вас надежды, ради всемогущего Господа, увезите меня отсюда и спасите мою душу от гибели! Неужели вы не слышите меня, люди? Не понимаете! И ничто вас не учит! Неужели вы не видите, что я в здравом уме и не шучу, что я не сумасшедший в припадке безумия, а нормальный, разумный человек, защищающий свою душу?! О, услышьте меня! Услышьте! Отпустите! Отпустите! Отпустите!

Понимая, что, если это еще продлится, он совсем разойдется и кончится все припадком, я, взяв его за руку, поднял с колен.

— Довольно, довольно, более чем достаточно. Ложитесь в постель и успокойтесь, возьмите себя в руки.

Ренфилд неожиданно затих и внимательно посмотрел на меня. Потом, не говоря ни слова, сел на край постели. Силы покинули его, как я и ожидал.

Когда я последним выходил из палаты, он сказал мне каким-то неестественно спокойным голосом:

— Думаю, со временем вы оцените по заслугам мою сегодняшнюю попытку, доктор Сьюворд, — я сделал все, что мог, пытаюсь убедить вас.

ГЛАВА XIX

Дневник Джонатана Гаркера

1 октября, 5 часов утра

Легким сердцем отправляюсь я вместе с остальными в соседний, принадлежащий графу дом, ибо давно уже не видел Мину в таком прекрасном настроении. Я так рад, что она согласилась отойти от этого дела, предоставив заниматься им нам, мужчинам. Мне все время было не по себе оттого, что она участвует в этом опасном предприятии. Но теперь ее миссия закончена, а ведь благодаря именно ее энергии, уму и предусмотрительности удалось воссоздать полную картину событий, связать концы с концами так, что каждая деталь обрела смысл. Она свое дело сделала, остальное ложится на наши плечи.

Мне кажется, всех немного расстроила сцена с мистером Ренфилдом. Выйдя из его комнаты, мы хранили тяжелое молчание, пока не вернулись в кабинет.

— Слушай, Джек, — обратился мистер Моррис к доктору Сьюворду, — если этот человек не блефовал, то это самый разумный сумасшедший на моем веку. Стопроцентной уверенности у меня, конечно, нет, но, похоже, у него в самом деле была серьезная причина, и с ним обошлись сурово.

Лорд Годалминг и я молчали, а профессор Ван Хелсинг заметил:

— Друг Джон, разумеется, ты знаешь о сумасшедших больше меня, и я этому рад, но, боюсь, если бы решать пришлось мне, я бы отпустил его, не будь этой истерики в конце. Но век живи — век учись, а в нашем деле нельзя риско-

вать без страховки, как сказал бы мой друг Квинси. Что ни делается — делается к лучшему.

Доктор Сьювورد ответил им довольно туманно:

— Не знаю! Но, пожалуй, я с вами согласен. Если бы этот человек был обычным сумасшедшим, наверное, ему бы можно было поверить, но он явно связан с графом, и я боюсь наломать дров, потакая его причудам. Помню, он с такой же страстью молил о кошке и кидался на меня, чтобы перегрызть мне горло. Кроме того, он называл графа «господин» и «хозяин», и, возможно, хочет выйти на волю, чтобы каким-нибудь дьявольским образом помочь ему. А уж этот монстр, со всеми его волками, крысами и прочей нечистью, думаю, не побрезгует и респектабельным безумцем. Хотя согласен: на сей раз Ренфилд выглядел вполне респектабельно. Но, надеюсь, мы поступили правильно. Все, что связано с этим жутким делом, способно вывести из равновесия любого человека.

— Друг Джон, не волнуйся, — мягко сказал профессор, положив ему руку на плечо. — Мы постараемся исполнить свой долг в этой очень печальной и тяжелой ситуации и будем стремиться поступать наилучшим образом. Остается лишь надеяться на милосердие всемогущего Господа.

Лорд Годалминг вышел на несколько минут из комнаты и вернулся с серебряным свистком.

— В этой старой развалине, — заметил он, — вероятно, полно крыс; будем их распугивать свистком.

Перебравшись через стену, мы направились к дому, стараясь держаться в тени. Когда мы подошли к крыльцу, профессор открыл сумку и, вытащив оттуда всякую всячину, разложил на ступеньках на четыре кучки, видимо, для каждого из нас.

— Друзья мои, — сказал он, — мы занялись очень опасным делом и нуждаемся в защите. Наш противник — не просто призрак. Помните, он силен, как двадцать взрослых мужчин, при этом наши с вами шеи можно сломать и свернуть, а на него обычной силой воздействовать нельзя. Несколько человек, которые в совокупности сильнее, чем он, еще могут иногда удержать его, но нанести ему увечье — так, как это способен

сделать он, — люди, конечно, не в состоянии. И нужно остерегаться его прикосновений. Носите это поближе к сердцу, — и он протянул мне, стоявшему ближе всех, маленькое серебряное распятие, — а цветы наденьте себе на шею, — и дал каждому веноч увядших цветов чеснока, — а для других, более земных врагов, этот револьвер и нож. И на всякий случай вот вам маленькие электрические лампочки, вы можете прикрепить их себе на грудь, но самое главное и важное — вот это, с сей священной материей мы должны обращаться очень бережно, не расточая понапрасну.

Он положил в конверт маленький кусочек освященной облатки и передал мне. Все остальные получили то же самое.

— А теперь, друг Джон, — спросил он, — где отмычки? Если нам удастся открыть дверь, то не придется ломиться в дом через окно, как тогда у мисс Люси.

Доктор Сьюворд, попробовав несколько отмычек, быстро нашел подходящую — сказалась сноровка хирурга. После некоторого раскачивания взад-вперед дверь подалась и, зловеще скрежеща ржавыми петлями, медленно отворилась. Это поразительно напомнило мне описанное в дневнике доктора Сьюворда — наверное, с таким же отвратительным скрежетом открывалась дверь склепа мисс Вестенра. Похоже, это же пришло в голову и остальным: не сговариваясь, все отпрянули. Профессор первым вошел в открывшуюся дверь.

— В руки Твои предаю дух мой!¹ — И перекрестился, переступая порог.

Мы закрыли за собой дверь, чтобы свет фонариков не привлек ничьего внимания. Профессор тщательно проверил, как работает замок — сможем ли мы быстро отпереть его, если будем торопиться к выходу, — и мы приступили к поискам.

Лучи ли наших фонариков перекрещивались, создавая причудливую игру света, или это мы отбрасывали гигантские тени, но я не мог избавиться от ощущения, что в доме был кто-то еще. Скорее всего, под воздействием мрачной обста-

¹ Ср.: Лк. 23: 46.

новки во мне ожили воспоминания о страшных переживаниях в Трансильвании. Но, кажется, остальные ощущали то же самое — они, как и я, оглядывались на каждый шорох, каждую тень.

Все было покрыто густым слоем пыли. Казалось, пол покрывал сплошной серый ковер, за исключением тех мест, где были видны свежие следы; осветив их фонариком, я различил отпечатки сапожных гвоздей с широкой шляпкой. Слой пыли лежал и на стенах, даже развешанные по углам сети паутины провисали под ее тяжестью, подобно старым лохмотьям. В зале на столе лежала большая связка ключей с пожелтевшими ярлыками на каждом из них. По-видимому, ими несколько раз пользовались — в слое пыли на столе имелись прогалины, подобные той, что образовалась, когда профессор взял связку. Он повернулся ко мне и спросил:

— Вы ведь знаете этот дом, Джонатан? Вы же делали копию его плана, во всяком случае, вам он знаком больше, чем нам. Как пройти в часовню?

Я приблизительно представлял себе, где она находится, хотя в свой первый визит сюда и не смог попасть в нее. В конце концов, после нескольких неверных поворотов, я все же привел моих спутников к низкой, сводчатой дубовой двери, обитой железными полосами.

— Вот где мы, — пробормотал профессор, осветив лампочкой маленький план дома, скопированный с моих документов для приобретения дома.

Мы выбрали ключ из связки и открыли дверь. Конечно, мы готовились к чему-то неприятному, тем более что сквозь щели просачивался слабый нехороший запах, но такого страшного смрада не ожидал никто. Только мне довелось встречаться с графом, однако тогда он постился, впрочем, один раз я видел его напившимся кровью, но это было в сравнительно хорошо проветривавшейся замковой часовне. В этом же закрытом и тесном помещении воздух был затхлым и зловонным — пахло гниющей землей и какими-то тошнотворными испарениями. Как описать этот смрад? Не просто

запах разложения, смешанный со сладковатым запахом крови, но, казалось, это был сам тлен. Фу! Меня мутит от одного воспоминания. Дыхание этого монстра, казалось, отравило воздух и само место, сделав его еще отвратительнее.

В обычных обстоятельствах зловоние, конечно, положило бы конец нашему предприятию, но обстоятельства были из ряда вон, благородная цель придавала нам силы, позволившие преодолеть физическое отвращение. Справившись с приступом гадливости, вызванным первой тошнотворной волной смрада, мы взялись за работу, как будто находились в саду, полном роз.

— Прежде всего, — наставлял профессор, — нужно установить, сколько осталось ящиков, потом обследовать каждую дыру, угол, щель; возможно, выяснится, куда делись остальные.

Мы внимательно осмотрели помещение. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить, сколько осталось ящиков — громадные, невозможно не заметить. Из пятидесяти — лишь двадцать девять!

Лорд Годалминг внезапно повернулся к двери и заглянул в глубь темного коридора, я посмотрел туда же, и на секунду у меня остановилось сердце: силуэт графа, его мертвенно-бледное злое лицо с горбатым носом, красными глазами и губами.

Когда спустя мгновение призрак исчез, лорд Годалминг воскликнул:

— Мне почудилось чье-то лицо, но это лишь игра теней.

И он возобновил осмотр, я же осветил коридор фонариком: там никого не было — только толстые капитальные стены, спрятаться графу было некуда. Решив, что у меня от страха просто разыгралось воображение, я никому ничего не сказал.

Несколько минут спустя Моррис, осматривая какой-то угол, внезапно отпрянул. Мы все моментально взглянули в его сторону — нервное напряжение явно возрастало — и увидели

множество фосфоресцирующих точек, мерцавших, как крохотные звездочки: это хлынул поток крыс.

Мы застыли в шоке, все, кроме лорда Годаминга, явно предвидевшего эту встречу. Бросившись к огромной, обитой железом дубовой двери — ее вид снаружи описал доктор Сьюворд, да и я ее видел, — он повернул ключ в замке, отодвинул большие засовы и, распахнув ее, пронзительно свистнул в маленький серебряный свисток. Ему ответил собачий лай у дома доктора Сьюворда, и через минуту из-за угла показались три терьера.

Мы невольно отступили к двери, и я заметил, что в этом месте слой пыли нарушен — видимо, здесь выносили ящики. А крыс становилось все больше. В лучах фонариков, освещавших их юркие темные спины и мерцающие зловещие глаза, стало казаться, будто земляной пол усеян светлячками. Собаки бросились к нам, но у порога вдруг остановились, зарычали, а потом, одновременно подняв морды вверх, жалобно завывали. Крысы заполнили уже почти все пространство, и нам пришлось выйти.

Тогда лорд Годаминг взял одну из собак на руки, внес ее внутрь и опустил на пол. Едва ее лапы коснулись земли, как к ней вернулся ее инстинкт и она храбро ринулась на своих исконных врагов. Успев разделаться лишь с десятком-другим крыс, она так быстро обратила их в бегство, что другим собакам, попавшим внутрь тем же способом, досталось уже совсем мало добычи.

После бегства крыс мы почувствовали облегчение, будто избавились от присутствия темных сил; собаки носились и весело лаяли на тела поверженных врагов, переворачивая их, встряхивая, подкидывая в воздух. К нам вернулось бодрое настроение. То ли атмосфера как-то посвежела после того, как мы открыли дверь часовни, то ли мы сами испытали облегчение, выйдя на воздух, но, несомненно, страх и напряжение спали, и наш приход сюда утратил тяжелую, мрачную значительность, хотя мы ни на йоту не поколебались в своей решимости.

Заперев дверь и взяв с собой собак, мы осмотрели дом, но ничего на нашли, кроме необычайно толстого слоя пыли, нетронутая поверхность которой хранила лишь мои собственные следы, оставленные мной во время первого посещения. Собаки вели себя спокойно и, даже когда мы вернулись в часовню, рыскали по ней, как будто охотились на кроликов в летнем лесу.

На востоке уже светало, когда мы вышли на крыльцо. Профессор Ван Хелсинг вынул из связки ключ от дверей дома и, заперев их, положил его себе в карман.

— Итак, — подвел он итог нашей вылазки, — ночь прошла весьма удачно. Несмотря на опасения, мы не понесли никакого урона и установили, сколько ящиков отсутствует. Но более всего я рад, что наш первый и, возможно, самый трудный и опасный шаг был совершен без участия нашей милой мадам Мины, без омрачения ее жизни кошмарными зрелищами, звуками, запахами, которые, может быть, она не забыла бы никогда. И еще один урок мы получили, если уж говорить о частностях: эти твари, подчиняющиеся графу, не обладают никакими сверхъестественными способностями — вы видели, крысы, как и волки, откликающиеся на его зов, очертя голову бегут от собачек моего друга Артура. Конечно, нас ожидают новые трудности и опасности, но сегодня ночью этот монстр не пустил в ход свою власть над темными силами. Вполне вероятно, он был где-то в другом месте. Ну что ж! Мы объявили «шах» в той шахматной партии, в которой разыгрываются человеческие души. А теперь идемте домой. Близок рассвет, у нас же есть основания быть довольными своей работой в первую ночь. Хотя впереди, может быть, еще много опасных ночей и дней, но мы не отступим перед опасностью.

Когда мы вернулись, в здании лечебницы было тихо, лишь какой-то несчастный вскрикивал вдалеке да из палаты Ренфилда доносились тихие стоны. Бедняга наверняка, как многие безумцы, терзал себя ненужными, мучительными размышлениями.

Я на цыпочках вошел в отведенную нам комнату. Мина во сне дышала так тихо, что мне пришлось нагнуться к ней, чтобы услышать дыхание. Выглядела она бледнее обычного. Надеюсь, наши вчерашние разговоры не очень ее расстроили. Я действительно очень благодарен профессору за то, что она больше не будет участвовать в наших делах, даже в их обсуждении. Для женщины это слишком сильное испытание. Поначалу я так не думал, но теперь понял и рад, что все устроилось. Ее легко расстроить, а скрывать от нее еще хуже — она могла бы заподозрить что-то неладное. Поэтому лучше ей вообще ничего не знать о наших планах, а когда придет время, мы ей расскажем, что все позади и земля свободна от этого исчадия ада. Конечно, трудно скрытничать после нашей ставшей уже привычной откровенности, но нужно проявить твердость, — утром ничего не скажу ей о ночных событиях. Я лег на диване, чтобы не разбудить ее.

1 октября, позднее. Вполне естественно, что после бессонной ночи мы спали как убитые. Даже на Мине сказалось напряжение вчерашнего дня: хотя я и сам спал едва ли не до полудня, но проснулся все же раньше и с трудом разбудил ее. Она так крепко спала, что, открыв глаза, первые несколько минут смотрела на меня с невыразимым ужасом, явно не узнавая. Так обычно ведут себя после увиденного во сне кошмара. Она жаловалась на усталость, и я оставил ее лежать в постели.

Теперь мы знаем, что вывезен двадцать один ящик и, вероятно, сможем отыскать следы по крайней мере нескольких из них. И чем скорее, тем лучше. Я сегодня же постараюсь найти Томаса Спеллинга.

Дневник доктора Сьюворда

1 октября. Около полудня меня разбудил профессор. Он был веселее обычного, очевидно, результаты прошлой ночи сняли с его души какую-то тяжесть. Поговорив о событиях минувшей ночи, он вдруг заметил:

— Меня очень интересует твой больной. Можно мне сегодня утром вместе с тобой проведать его? Но вижу — ты занят; могу, если ты не против, зайти к нему и один. Впервые встречаю сумасшедшего, рассуждающего на философские темы, да так здраво.

У меня была срочная работа, я не хотел заставлять его ждать, поэтому был не только не против, но даже рад, что он пойдет один. Позвав санитаря, я дал ему необходимые инструкции. Перед уходом я предостерег профессора от иллюзий по поводу моего больного.

— Но я собираюсь, — ответил профессор, — говорить с ним о нем самом, о его мании поглощать жизнь. Он сказал мадам Мине, я прочел это вчера в твоём дневнике, что когда-то верил в эту теорию. Почему ты улыбаешься, друг Джон?

— Простите, но ответ здесь, — сказал я, положив руку на перепечатанные материалы. — Когда наш разумный и образованный сумасшедший рассказывал, что когда-то имел обыкновение поглощать жизнь, рот его еще сохранял отвратительный вкус мух и пауков, которых он съел на моих глазах перед самым приходом миссис Гаркер.

— Прекрасно! — в свою очередь улыбнулся Ван Хелсинг. — Хорошая память, друг Джон. И мне бы следовало помнить. Но, пойми, именно из-за такой непоследовательности психические заболевания и интересны для исследования. Возможно, глупости сумасшедшего покажутся мне более содержательными, чем премудрые теории иных ученых. Кто знает?

Я вернулся к своей работе и вскоре закончил ее. Казалось, времени прошло совсем немного, но Ван Хелсинг уже вернулся.

— Не помешаю? — вежливо спросил он, остановившись в дверях.

— Нисколько, — ответил я. — Заходите. Работа закончена, я свободен. Могу пойти с вами, если хотите.

— Не нужно, я его уже видел.

— Ну и как?

— Боюсь, твой пациент обо мне невысокого мнения. Наша беседа была короткой. Когда я вошел, он сидел на стуле посреди комнаты, опершись локтями о колени, с выражением мрачного недовольства на лице. Я обратился к нему в самых приветливых и почтительных выражениях. Он не ответил. «Разве вы не узнаете меня?» — спросил я. Ответ был не слишком обнадеживающим: «Узнаю, и очень хорошо узнаю. Вы — старый дурак Ван Хелсинг. Хорошо, если б вы убрались вместе со своими идиотскими теориями куда-нибудь подальше. Будь прокляты тупоголовые голландцы!» И больше он не проронил ни слова, так и сидел, невозмутимо-мрачный, игнорируя мое присутствие, как будто меня и не было в комнате. Ну что же, на сей раз поучиться у мудрого безумца не получилось; пойду, пожалуй, отведу душу в приятной беседе с нашей милой мадам Миной. Друг Джон, меня бесконечно радует то, что она больше не станет волноваться из-за этих ужасов. Хотя нам будет, конечно, сильно не доставать ее общества, но так лучше.

— Вы совершенно правы, — подхватил я, не желая, чтобы у него возникли какие-либо сомнения на этот счет. — Разумеется, лучше, чтобы миссис Гаркер была подальше от этого кошмара, достаточно тяжелого и для нас-то, бывалых людей. Это испытание не для хрупкой женщины, со временем оно неизбежно подкосило бы ее.

Итак, Ван Хелсинг пошел к миссис Гаркер и ее мужу; Квинси и Арт поехали выяснять местонахождение увезенных ящиков. Я же закончу работу, и вечером мы встретимся.

Дневник Мины Гаркер

1 октября. Довольно странно находиться в неведении и после стольких лет нашей с Джонатаном полной откровенности видеть, как он старательно избегает говорить на некоторые темы — жизненно важные темы. После вчерашнего утомительного дня я долго спала, и хотя Джонатан тоже проспал, но встал все же раньше меня. Перед уходом он очень

ласково и нежно говорил со мной, но не проронил ни слова о вчерашнем посещении дома графа. Хотя, конечно, понимал, как я беспокоилась. Бедняжка! Думаю, это расстроило его еще больше, чем меня. Они все решили, что мне лучше не вмешиваться в это ужасное дело, и я согласилась. Теперь стоит мне подумать, он что-то скрывает от меня, и... и я, как дурочка, плачу, хотя знаю, эта таинственность продиктована искренней любовью мужа и самыми добрыми намерениями друзей.

Что ж, когда-нибудь Джонатан расскажет все, а чтобы он не думал, будто я утаиваю от него хоть что-нибудь, стану, как обычно, вести свои записи. И если он усомнится в моем доверии, покажу ему этот дневник, где для его дорогих глаз записана каждая моя мысль, любое, самое незначительное переживание. Сегодня мне необычайно грустно, настроение скверное. Видимо, это реакция после сильного волнения.

Прошлой ночью я легла в постель после их ухода лишь потому, что они так велели. Спать не хотелось, я места себе не находила от беспокойства. Стала думать о том, что произошло с нами с тех пор, как Джонатан приезжал повидать меня в Лондоне, и теперь все последующие события выстраиваются в какую-то фатальную череду — судьба неумолимо ведет нас к изначально predetermined трагическому финалу. Что бы мы ни делали, как бы правильно ни поступали — результат самый плачевный. Если бы я не приехала в Уитби, возможно, моя милая, бедная Люси была бы и теперь с нами. Ведь до моего приезда у нее не было желания ходить на кладбище, а если бы она не бывала там днем со мной, то не пошла бы туда и ночью во сне, и тогда бы это чудовище не погубило ее. Господи, и зачем только я поехала в Уитби?!

Ну вот, опять слезы! Не знаю, что это нашло на меня сегодня. Эти записи не следует показывать Джонатану: узнав, что я дважды плакала за одно утро — это я-то, которая вообще не имеет привычки плакать и никогда не плакала из-за неприятностей, — он очень разволнуется. Приму веселый вид, а если захочется поплакать, то скрою от моего милого. Думаю,

нам, бедным женщинам, нужно придерживаться этого правила.

Не помню, как я заснула прошлой ночью. Помню только внезапный лай собак и множество странных звуков, какие-то громкие мольбы из палаты мистера Ренфилда, которая находится этажом ниже. Потом наступила полная тишина, такая глубокая, что это меня поразило, я встала и выглянула в окно. Темно и тихо; густые тени, появившиеся при лунном свете, казалось, исполнены молчаливой тайны. Все замерло — мрачное и неподвижное, как смерть или рок, живой оставалась лишь тонкая полоска тумана, которая медленно ползла по траве к дому.

Я вернулась в постель, стало клонить в сон. Полежала немного, но заснуть не могла, снова встала и выглянула в окно. Туман расстилался теперь у самого дома, полз по стене, как бы подкрадываясь к окнам. Несчастный Ренфилд бушевал в своей палате еще громче прежнего, и я, хотя и не могла разобрать ни слова, уловила, что он как будто страстно молит кого-то. Затем послышался шум борьбы — видимо, санитары надевали на него смирительную рубашку. Я так испугалась, что бросилась в постель и, закутавшись в одеяло с головой, зажала уши. Спать совсем не хотелось — так, по крайней мере, мне казалось, — но, должно быть, я все-таки заснула, потому что, кроме снов, больше ничего не помню до самого утра, когда Джонатан разбудил меня. Пришлось сделать усилие, чтобы понять, где я и что надо мной склонился мой муж. Мне приснился очень странный сон, в котором отразилось многое из того, что я думала и переживала наяву.

Во сне я ждала Джонатана, беспокоилась за него, а сделать ничего не могла: руки, ноги, голова — все отяжелело. Тревожные мысли одолевали меня даже во сне. Стало как будто сыро, холодно и душно. Я откинула одеяло и, к своему удивлению, увидела, что туман проник в комнату. Газовый рожок, который я оставила гореть для Джонатана, потускнел и мерцал крошечной красной искрой сквозь густую пелену. Я вспомнила, что, прежде чем лечь в постель, вроде бы закры-

вала окно. Хотела встать и проверить, но руки, ноги и даже мозг как будто налились свинцом. Я просто не в силах была пошевелиться. Прикрыв глаза, я, однако, могла видеть сквозь веки. (Удивительно, что только не происходит с нами в снах и как разыгрывается фантазия!) Туман становился все гуще и гуще, я увидела, что он, как дым или пары кипятка, проникал не через окно, а сквозь дверные щели...

Все более сгущаясь, туманное облако в конце концов приняло форму колонны, над которой зловещим оком тлел газовый рожок. Голова у меня закружилась, кружилась по комнате и сотканная из облака колонна, а на ней проступили слова из Священного Писания: «...облако днем и огонь ночью»¹. Неужели какое-то духовное прозрение снизошло на меня во сне? На колонне запечатлелись глаголы о дне и ночи, а огонь сконцентрировался в красном оке, которое вдруг приобрело для меня какой-то особый смысл — очарование; потом пламя раздвоилось и мерцало в тумане, как два красных глаза, похожих на те, что в длившейся мгновение галлюцинации привиделись мне на утесе с Люси, когда заходящее солнце отразилось в окнах церкви Святой Марии. Вдруг ужас пронзил меня — ведь Джонатан видел, что именно так, из тумана, возникли в лунном свете ужасные дьяволицы, и тут, наверное, мне стало во сне дурно, и все померкло. В последнем проблеске сознания мелькнуло мертвенно-бледное лицо, наклонявшееся ко мне из тумана...

Да, такие сны ни к чему — они могут просто расстроить рассудок. Вероятно, стоило бы попросить профессора Ван Хелсинга или доктора Сьюворда прописать мне что-нибудь успокоительное, но боюсь, моя просьба их встревожит. Они и так слишком за меня беспокоятся. Постараюсь сегодня выспаться как следует, без всяких сновторных. А если уж не удастся, тогда попрошу у них хлорала — один раз можно

¹ Цитата неточная. Ср.: «Ибо облако Господне стояло над скинией днем, и огонь был ночью в ней...» (Исх. 40: 38). Ср. также: «...облако покрывало ее днем, и подобие огня ночью». (Числ. 9: 16). — *Примеч. ред.*

принять, зато высплюсь хорошенько. Прошлая ночь утомила меня больше, чем бессонница.

2 октября, 10 часов вечера. Минувшей ночью спала без всяких снов и, наверное, крепко — даже приход Джонатана не разбудил меня. Но сон не подкрепил меня, сегодня — полное бессилие. Вчера я провела день, пытаюсь читать, или дремала, полуживая. Днем мистер Ренфилд попросил позволения увидеться со мной. Бедный, он был очень кроток и, когда я уходила, поцеловал мне руку и призвал на меня Божье благословение. Это тронуло меня. Я невольно плачу, думая о нем. Слезы — моя новая слабость. Джонатан огорчится, узнав об этом.

До ужина дома никого не было, вернулись все усталые. Я старалась поднять им настроение; вероятно, мне и самой стало от этого лучше — даже забыла о своей усталости. После ужина мужчины отправили меня спать, а сами пошли покурить — это они так сказали, но было ясно, что им хотелось поделиться своими дневными впечатлениями. По виду Джонатана я поняла — он хотел сообщить что-то важное.

Спать совсем не хотелось, и я попросила у доктора Сьюворда какого-нибудь слабого снотворного, поскольку прошлую ночь плохо спала. Он был так добр, что сам приготовил порошок, сказав, что это мягкое снотворное и не повредит мне. Я приняла его и теперь жду сна, который пока не идет. Надеюсь, я не совершила ошибки: вместе с сонливостью меня начинает одолевать безотчетный страх — а что, если я не проснусь? Погружаюсь в сон. Спокойной ночи.

ГЛАВА XX

Дневник Джонатана Гаркера

1 октября, вечер

Я застал Томаса Спеллинга дома, на Бетнел-Грин, но, к сожалению, он был не в состоянии что-либо вспомнить. Перспектива выпить пива, открывшаяся в связи с моим предстоявшим приходом, оказалась чересчур сильным для него испытанием, и он запил с самого утра. Однако от его жены — как мне показалось, скромной и порядочной — я узнал, что он лишь помощник Смоллета, ответственного лица фирмы.

Я поехал в Уолверт: мистер Джозеф Смоллет оказался дома и, сидя в одной рубашке, пил чай из блюдечка. Он оказался приличным и очень толковым человеком, который добросовестно и ответственно относился к своей работе. Историю с ящиками он помнил хорошо и, выудив из какого-то потайного кармана брюк потрепанную записную книжку, содержащую иероглифические полуистершиеся карандашные пометки, сказал мне, куда были доставлены ящики. Шесть из них он вывез из Карфакса и доставил по адресу: Майл-Энд-Нью-Таун, Чиксенд-стрит, дом 197, а еще шесть — Бермондси, Джамайка-Деин. Если граф замыслил разбросать ящики — свои страшные пристанища — по всему Лондону, то эти два адреса наверняка лишь перевалочные пункты. Граф действовал по определенной системе, и это навело меня на мысль, что он не ограничится двумя районами. Он уже охватил восточную, юго-восточную и южную части города. И конечно, его дьявольский план не минует северные и западные

районы, не говоря уж о Сити и фешенебельных кварталах на юго-западе и западе. Я спросил Смоллета, не знает ли он, куда были доставлены другие ящики из Карфакса.

— Вы были так добры ко мне, сэр, — ответил он, видимо имея в виду полсоверена, которые я ему дал, — пожалуй, скажу вам все, что знаю. Я слышал, как некий Блоксем несколько дней назад рассказывал в «Лисичках» на Пинчер-аллее, что он и его напарник делали какую-то очень пыльную работу в старом доме в Перфлите. Такие работы попадаютсч нечасто, и думаю, Сэм Блоксем смог бы кое-что рассказать вам.

Я пообещал ему еще полсоверена, если он достанет мне его адрес. Смоллет наскоро допил чай и встал, сказав, что немедленно отправляется на поиски. В дверях он остановился:

— Послушайте, мистер, вам нет смысла ждать здесь. Неизвестно, удастся ли мне быстро разыскать Сэма; кроме того, сегодня он едва ли многое расскажет вам: когда он пьян, к нему не подступишься. Если вы дадите мне конверт с маркой и своим адресом, я разузнаю, где живет Сэм, и сегодня же сообщу вам письмом. А вы уж наведайтесь к нему с утра пораньше, а то упустите: он уходит из дома рано, даже если накануне был пьян в стельку.

Это показалось мне разумным. Одна из его дочек, получив пенни, побежала за конвертом и бумагой. Написав конверт, приклеив марку и вновь получив заверения Смоллета, что он все выполнит, я поехал домой. Итак, мы напали на след.

Я устал и хочу спать. Мина крепко спит, что-то она слишком бледна и, судя по глазам, плакала. Бедняжка, я убежден, что неведение расстраивает ее и лишь увеличивает беспокойство за меня и других. Но лучше пусть будет так, как есть. Доктора были правы, настаивая на ее изоляции от этого ужасного дела. Лучше видеть ее разочарованной и обеспокоенной, чем вконец расшатать ей нервы. Надо быть твердым и нести груз этого молчания. Никогда и ни за что не буду обсуждать с ней свои проблемы, это не так уж сложно. Сама Мина избегает разговоров о графе и его деяниях с тех пор, как мы сообщили ей о своем решении.

2 октября, вечер. Долгий, мучительный и тревожный день. С первой же почтой я получил конверт с грязным клочком бумаги, на котором размашистым почерком карандашом было написано: «Сэм Блоксем, Коркренс, 4, Поутерс-Корт, Бартел-стрит, Уолверт. Спросить у Порты».

Письмо принесли, когда я был еще в постели; я встал, стараясь не разбудить Мину. Она выглядела усталой, бледной, нездоровой. Ничего, вернувшись после очередных поисков, устрою ее отъезд в Эксетер. Дома, занятой повседневными заботами, ей будет гораздо лучше, по крайней мере она не будет чувствовать себя не у дел. Встретив доктора Сьюворда, я уведомил его, куда еду, обещав вернуться поскорее и рассказать все, что удастся разузнать.

В Уолверте не без труда разыскал Поттерс-Корт — орфография мистера Смоллета ввела меня в заблуждение: я спрашивал Поутерс-Корт вместо Поттерс-Корт. Зато меблированные комнаты «Коркоран» нашел легко. Человек, открывший мне дверь, на вопрос о Порте покачал головой и ответил:

— Не знаю. Да здесь такого и нет. Впервые слышу. Думаю, что и поблизости нигде таких нет.

Я, достав письмо Смоллета, перечитал его, учел урок правописания слова «Поттерс» и спросил:

— А вы кто?

— Я — портье.

Понятно, орфография вновь чуть было не сбила меня с толку, но теперь я на верном пути. За полкроны удалось выяснить, что мистер Блоксем, проспавшись после выпитого накануне в «Коркоране» пива, в пять утра отправился на работу в Попплар. Точного адреса портье не знал, но смутно помнил, что это «какой-то новый товарный склад». Руководствуясь этой тонкой ниточкой, я отправился в Попплар.

Лишь к полудню мне удалось напасть на след в кофейне, где обедали несколько рабочих. Один из них сказал, что на Кросс-Энджел-стрит строят новый «холодный склад». Я немедленно поехал туда. Беседа с суровым сторожем и еще более суровым десятником, подкрепленная звонкой монетой,

вывела меня на Блоксема — он оказался довольно видным, но грубоватым парнем. Я обещал уплатить ему его дневное жалованье за возможность задать несколько вопросов, и он пошел отпроситься у десятника. Получив от меня задаток, он сообщил, что дважды ездил из Карфакса в какой-то дом на Пикадилли и на специально нанятых для этого лошади и повозке отвез туда девять больших ящиков — «жутко тяжелых». На вопрос о номере дома на Пикадилли Блоксем ответил:

— Вот номер-то я и не помню, сэр, но это в двух шагах от большой белой церкви или чего-то в этом роде. Дом тоже пыльный и старый, хотя и не такой запущенный, как тот, откуда мы взяли эти чертовы ящики.

— Как же вы попали в эти дома, если в них никто не живет?

— В Перфлите в доме был старик, который меня нанимал. Он помог мне грузить ящики на повозку. Черт возьми, в жизни не видел такого здоровяка, ты не гляди, что старик с седыми усами, да еще такой тощий — его даже на тень не хватает.

Эта информация просто наэлектризовала меня!

— Подумать только, — продолжал Блоксем, — он схватил ящик со своего конца, как фунт чая. Я же поднимал свой, обливаясь потом и задыхаясь, а ведь и я — не цыпленок.

— А как вы попали в дом на Пикадилли?

— Опять же он был там. Видать, приехал туда раньше меня — когда я позвонил, он открыл дверь и помог внести ящики в дом.

— Все девять?

— Да, в первую езду — пять, во вторую — четыре. Чертовски тяжелая работа, даже не помню, как добрался домой...

— Вы оставили ящики в передней? — перебил я его.

— Да, в очень большой и пустой.

— А ключей у вас не было никаких?

— А на кой они мне? Старик сам открывал и закрывал дверь. Последний раз, правда, не помню, как отъезжал, — все это проклятое пиво.

— А номер дома не сможете вспомнить?

— Нет, сэр. Но вы легко найдете его. Дом высокий, с каменным фасадом, аркой наверху и крутыми ступенями перед дверью. Уж я-то хорошо помню эти ступени, по ним-то я и таскал ящики вместе с бродягами, которые хотели подзаработать. Старик дал им по шиллингу, они, хоть и поразевались от такой щедрости, тут же нагло потребовали еще, а он схватил одного из них за плечо и хотел спустить с лестницы, тогда они, ругаясь, ушли.

Я решил, что по такому описанию смогу найти дом, и, заплатив Блоксему за ценную информацию, поехал на Пикадилли. Новая неприятная мысль осенила меня: граф явно мог один справиться с ящиками. В таком случае время дорого — ведь он может перевезти их так, что никто ничего не заметит. На площади Пикадилли, отпустив кеб, я пошел пешком. И вскоре нашел дом, похожий на описанный Блоксемом, — еще одно логово Дракулы. Он выглядел очень запущенным — в нем явно давно никто не жил. Окна запыленные, фундамент и стены потемнели от времени, краска облупилась. У входа еще сохранился след недавнего объявления о продаже, видимо потом грубо сорванного. Много бы я дал, чтобы прочитать его, — тогда, возможно, мне был бы известен прежний хозяин. Мой опыт расследования и покупки дома в Карфаксе подсказывал, что, если разыскать прежнего владельца, найдутся и способы попасть в дом.

На Пикадилли мне пока нечего было делать. Я обошел дом с тыла, надеясь там что-нибудь разузнать. Обнаружил конюшню, по всей видимости обслуживавшую дома, выходившие на Пикадилли, и поспрашивал конюхов о пустом доме. Один из них слышал, что дом куплен, но кем — не знал и посоветовал обратиться к агентам по продаже недвижимости «Митчелл, сыновья и Кэнди» — кажется, он видел их имя на объявлении о продаже, еще недавно висевшем на доме. Я старался не

проявлять слишком большой заинтересованности, чтобы он не догадался, насколько это для меня важно, и, как водится, поблагодарив, пошел дальше. Наступали сумерки, близился осенний вечер, так что я не хотел терять времени. Разыскав в справочнике адрес «Митчелла, сыновей и Кэнди», я вскоре уже входил в их контору на Сэквилл-стрит.

Встретивший меня господин был столь же любезен, сколь немногословен. Подтвердив, что дом на Пикадилли — он называл его особняк — продан, он счел эту тему закрытой. На вопрос, кто купил дом, конторщик приподнял брови и после короткой паузы ответил:

— Он продан, сэр.

— Прошу меня извинить, — не менее любезно сказал я, — но у меня есть особые причины, по которым мне необходимо знать, кто купил дом.

Конторщик снова, сделав еще большую паузу и еще выше подняв брови, повторил:

— Он продан, сэр.

— Но неужели вы мне больше ничего не можете сообщить?

— Ничего, — ответил он. — Дела клиентов «Митчелл, сыновья и Кэнди» находятся в надежных руках.

Да, это был чистейшей воды бюрократ, спорить с ним не имело смысла, поэтому я решил перейти на язык близких ему понятий:

— Вашим клиентам, сэр, очень повезло иметь такого надежного поверенного. Я сам юрист, — и подал ему свою визитную карточку. — В данном случае я представляю интересы лорда Годалминга, он хотел бы навести кое-какие справки о недвижимости, которая, как ему стало известно, недавно продавалась.

Это в корне изменило ситуацию.

— Если б я мог, — ответил конторщик, — то охотно оказал бы услугу вам, мистер Гаркер, и, уж конечно, его светлости. Мы как-то исполняли его поручение по аренде квартиры, когда он был еще достопочтенным Артуром Холмвудом. Если

вы оставите мне адрес, то, посоветовавшись с компаньонами, я в любом случае сегодня же напишу его светлости. Мне доставит удовольствие, насколько это возможно, отступить от наших правил и сообщить необходимые ему сведения.

Я хотел приобрести друга, а не врага, поэтому поблагодарил его, дал адрес доктора Сьюворда и ушел. Было уже темно, я устал и проголодался. Выпив чаю в кафе, я ближайшим поездом поехал в Перфлит.

Все были дома. Мина выглядела усталой и бледной, но старалась держаться весело и оживленно. У меня сжималось сердце оттого, что я должен что-то скрывать от нее и быть причиной ее беспокойства. Слава богу, завтра она в последний раз будет наблюдать, как мы секретничаем. От меня потребовалось все мое мужество, чтобы сдержать слово и отлучить ее от нашего зловещего дела. Но она как будто смирилась, более того, по-моему, сама эта тема неприятна ей — любой случайный намек вызывает у нее содрогание. Да, мы вовремя приняли решение — если бедняжка теперь так реагирует, то что было бы с нею, будь она посвящена во все.

Я мог рассказать остальным о своих последних открытиях лишь после ухода Мины, когда, немного послушав музыку после ужина, проводил ее в нашу комнату и попросил лечь спать. Бедняжка была очень ласкова и так лънула ко мне, будто ни за что не хотела отпускать. Но нужно было обсудить важные вопросы, и я ушел. Слава богу, вынужденная скрытность не сказалась на наших отношениях.

Вернувшись, я застал друзей собравшимися в кабинете у камина. В поезде я сделал точные записи в дневнике, и теперь мне было достаточно прочитать их. Когда я закончил, Ван Хелсинг сказал:

— Да, вам сегодня пришлось немало потрудиться, друг Джонатан. Зато теперь мы напали на след пропавших ящиков. Если мы найдем их в этом доме, то дело близко к концу, но, если хоть одного не будет хватать, придется продолжать поиски, пока не отыщем. Тогда мы сможем нанести последний

удар — заставить это чудовище наконец прекратить свое существование.

Некоторое время мы молчали, потом Моррис вдруг спросил:

— Послушайте, а как мы попадем в этот дом?

— Так же, как и в первый, — быстро ответил лорд Годалминг.

— Но, Арт, тут совсем другое дело. В дом в Карфаксе мы попали ночью, огороженный стеной парк прикрывал нас. Взломать дом на Пикадилли, днем ли, ночью ли, гораздо труднее. Не представляю себе, как мы туда попадем, если этот индюк из агентства не достанет нам ключей; возможно, завтра мы получим от него письмо, и все выяснится.

Лорд Годалминг нахмурился, встал, прошелся по комнате, потом сказал, оглядывая нас всех:

— Квинси прав. Взлом дома — дело нешуточное; один раз обошлось, но теперь случай посложнее, разве только мы найдем ключи у самого графа.

До утра мы уже ничего не могли предпринять, нужно было дожждаться письма Митчелла, и мы решили устроить передышку до завтрака. Долго еще сидели, курили, обсуждали разные варианты и возможности; я, пользуясь случаем, записал все это в дневник. Теперь очень хочется спать, пойду и лягу.

Еще пара слов. Мина крепко спит, дышит ровно. Немного морщит лоб, как будто думает даже во сне. Она еще слишком бледна, но не выглядит такой измученной, как утром. Завтра, я надеюсь, все образуется. Дома в Эксетере она придет в себя. Господи, как хочется спать!

Дневник доктора Сьюворда

1 октября. Ренфилд снова беспокоит меня. Его настроения меняются так быстро, что я не всегда успеваю понять их, а поскольку за всем этим кроется нечто большее, чем его личное душевное состояние, наблюдение за ним представляет

несомненный интерес. Сегодня утром я зашел к нему после того, как он отбрил Ван Хелсинга, — у него был такой вид, будто он вершит судьбами. Бедняга действительно вершит ими, но в своем сознании. Земные суетные дела его не трогают, он парит в облаках и взирает свысока на нас, несчастных смертных, и на наши слабости. Чтобы выяснить ситуацию, я спросил его:

— Ну, как теперь насчет мух?

Ренфилд свысока улыбнулся мне — так, наверное, улыбался Мальволио — и ответил:

— У мухи, уважаемый сэр, есть одна поразительная особенность — она, как и душа, обладает крыльями. Древние греки были совершенно правы, назвав душу и бабочку одним словом¹.

Я решил довести его аналогию до логического завершения и быстро спросил:

— Значит, теперь ваша цель — души?

Его разум, конечно, затуманен безумием, на лице появилось озадаченное выражение, и с необычной для себя решительностью он покачал головой:

— О нет, нет, нет! Души мне не нужны. Жизнь — вот все, что мне надо. — Тут у него в мозгу что-то прояснилось. — Хотя теперь меня это не трогает. С жизнью все в порядке; у меня есть все необходимое. Ищите себе нового пациента, если вас интересуют зоофаги!

Это немного удивило меня, и я постарался разговорить его:

— Значит, вы теперь распоряжаетесь жизнью; вы что же — Бог?

Он улыбнулся с едва заметным снисходительным превосходством:

— О нет! Я далек от того, чтобы приписывать себе качества Бога. Да меня, собственно, не очень и привлекает Его творение. Моя позиция по отношению к сугубо земным делам, пожалуй, аналогична позиции Еноха!

¹ Psyche — 1) душа; 2) жизнь; 3) дыхание; 4) бабочка (*греч.*). — Примеч. ред.

На этот раз озадачен был я; что там, в Библии, говорилось о Енохе, я не помнил и вынужден был задать вопрос, хотя чувствовал, что тем самым умаляю себя в глазах безумца:

— А почему Еноха?

— Потому что он был взят Богом.

Я так и не понял, что он имел в виду, но не стал признаваться, а вернулся к более ясному:

— Значит, жизнь вас не трогает и души вам не нужны. Но почему?

Я задал вопрос намеренно быстро и в лоб, чтобы смутить его. И преуспел. На минуту он вернулся к своему обычному подбострастию, лстиво изогнувшись предо мной:

— Не надо мне никаких душ, это правда, правда! Не надо! Я просто и не знал бы, что с ними делать; какая мне от них польза? Я не смог бы их есть или... — Тут он замолчал, и по лицу его, как дуновение ветра по поверхности воды, скользнуло хитрое выражение. — Эх, доктор, а, в конце концов, что такое жизнь? Иметь все, что необходимо, знать, что никогда ни в чем не будешь нуждаться, — вот и все. У меня есть друзья, прекрасные друзья, например вы, доктор Сьюворд. — Это сопровождалось невыразимо лукавым взглядом. — Я уверен, что они никогда не будут знать нужды!

Наверное, сквозь туман своего безумия он все-таки ощущал во мне какое-то противостояние, потому что вдруг замолчал, будто в убежище укрылся. Вскоре я понял тщетность своих попыток продолжить разговор. Он был не в духе, и я ушел. Позднее мне передали его просьбу зайти к нему. В другое время я, быть может, и не откликнулся бы, но только не сейчас, когда испытываю к нему повышенный интерес. Кроме того, меня обрадовала возможность заполнить время: Гаркера, Годаминга и Квинси не было дома, Ван Хелсинг уединился в кабинете и изучал материалы, собранные Гаркерами, в надежде, что пристальный анализ всех деталей прольет дополнительный свет на ситуацию, и просил не беспокоить его без причины. Я бы взял профессора с собой, но подумал, что после неприятностей последнего визита он едва

ли захочет опять пойти. Да и Ренфилд, скорее всего, не станет говорить открыто в присутствии третьего человека.

Больной сидел на стуле посреди комнаты — поза, обычно присущая ему в состоянии сильного возбуждения. Когда я вошел, он тут же спросил — вопрос будто висел у него на кончике языка:

— Так что, собственно, души-то?

Очевидно, мое предположение было верным: подсознательное осмысливание делало свое дело, даже в этом случае. Я решил разобраться.

— А вы что об этом думаете?

Ренфилд ответил не сразу — оглядывался по сторонам, смотрел вверх, вниз, будто искал подсказки.

— Не нужны мне никакие души! — сказал он слабым, извиняющимся голосом.

Но этот вопрос явно занимал его, и я решил слегка нажать — «из жалости я должен быть жесток»¹. Поэтому спросил:

— Значит, вы любите жизнь и нуждаетесь в ней?

— О да! Но с этим все в порядке, не беспокойтесь!

— Но как же можно заполучить жизнь, не прихватив при этом души? — Это вроде бы озадачило его, а я продолжал: — Чудное время настанет для вас, когда вы полетите туда в окружении душ тысяч мух, пауков, птиц и кошек, жужжащих, чирикающих и мяукающих. Вы отобрали у них жизнь, и вам придется держать ответ за их души!

Видимо, это произвело на него впечатление: он заткнул пальцами уши и зажмурил глаза, как маленький мальчик, которому намыливают лицо. Это тронуло меня, напомнив, что, в сущности, я и имею дело с ребенком — только у этого ребенка измученное жизнью лицо и седая щетина на щеках. Было очевидно, что больной утратил душевное равновесие, и, зная, как трудно он воспринимает чуждые ему представления, я решил попытаться вместе с ним пройти этот путь. Прежде всего нужно было восстановить его доверие, поэтому

¹ Шекспир У. Гамлет, акт III, сцена IV. Перевод М. Лозинского.

я спросил довольно громко, чтобы он расслышал меня сквозь заткнутые уши:

— Вам не нужен сахар для мух?

Ренфилд отреагировал моментально — покачал отрицательно головой и со смехом сказал:

— Ни в коем случае! В конце концов, мухи — несчастные создания, — и, помолчав, добавил: — К тому же не хочу, чтобы их души жужжали вокруг меня.

— А пауки?

— К черту пауков! Какой от них прок? Ни поест, ни... — Тут он внезапно замолчал, как будто коснулся запретной темы.

«Вот так так! — подумал я. — Второй раз он вдруг замолкает на слове “пить”, что это значит?»

Ренфилд, казалось, понял свое упущение и засуетился, стараясь отвлечь мое внимание:

— Да все это гроша ломаного не стоит. «Крысы, мыши и прочие твари», как сказано у Шекспира¹, их можно назвать «трусливым содержимым кладовых». Вся эта чепуха для меня — в прошлом. Вы можете с равным успехом просить человека есть молекулы палочками и пытаться заинтересовать меня низшими плотоядными; я-то знаю, что меня ждет.

— Понимаю, — хмыкнул я. — Вам хочется чего-то покрупнее, во что можно вонзить зубы? Как насчет слона на завтрак?

— Что за вздор вы говорите!

Больной достаточно расслабился, можно было еще раз нажать на него.

— Интересно, — произнес я задумчиво, — какая душа у слона?

И снова преуспел — он упал со своих высот и стал как ребенок.

— Не хочу никаких душ — ни слона, ни любой другой твари, — пробормотал Ренфилд и несколько минут подавленно

¹ Шекспир У. Король Лир, акт III, сцена IV. Перевод М. Лозинского.

молчал, потом вскочил со сверкающими глазами и всеми признаками крайнего волнения. — К черту вас и ваши души! — закричал он. — Что вы надоедаете мне этими душами?

Он с такой ненавистью посмотрел на меня, что я невольно подумал о возможности нового покушения и свистнул в свисток. Однако он в ту же секунду успокоился и сказал:

— Извините, доктор, я забылся. Вам не нужна помощь. Я так взволнован, что легко выхожу из себя. Если бы вы знали, какая передо мной стоит проблема, что мне предстоит решить, вы бы пожалели и простили меня, проявив терпимость. Пожалуйста, не надевайте на меня смирительную рубашку, я не могу свободно думать, когда тело сковано по рукам и ногам. Уверен, вы меня поймете!

Больной явно владел собой. Поэтому я успокоил и отпустил прибежавших санитаров. Когда дверь за ними закрылась, Ренфилд сказал с достоинством и теплотой:

— Доктор Сьюворд, вы так внимательны ко мне. Поверьте, я очень-очень вам благодарен!

Решив, что лучше расстаться с ним на этой ноте, я ушел. Да, тут есть над чем подумать. Попробую привести в порядок свои наблюдения. Итак:

он остерегается употреблять слово «пить»,
боится быть обремененным чьей-либо душой,
не боится «жизни» в будущем,
презирает все низшие формы жизни, хотя и опасается, что
их души будут его преследовать.

Логически все это свидетельства одного и того же! Он уверен, что обретает некую высшую жизнь. И боится последствий — бремени души. Значит, его интересует человеческая жизнь!

А почему он так уверен?

Боже милосердный! У него был граф, и затевается какое-то новое скверное дело!

Позднее. Я пошел к Ван Хелсингу и рассказал ему о своих подозрениях. Он призадумался, потом попросил отвести его к Ренфилду. Подойдя к двери палаты, мы услышали — больной

весело, как прежде, поет. Мы вошли и с изумлением увидели, что он сыплет на подоконник сахар, как раньше. По-осеннему вялые мухи начали слетаться в палату.

Мы попытались навести его на тему нашего последнего разговора, но он не реагировал и продолжал петь, будто нас в комнате не было. Достав клочок бумаги, он вложил его в свою записную книжку. А мы так и ушли ни с чем.

Да, интересный он экземпляр, сегодня ночью надо за ним понаблюдать.

Письмо от «Митчелл, сыновья и Кэнди» —
лорду Годалмингу

1 октября

Милостивый государь!

Мы всегда рады быть Вам полезными. Сообщаем по Вашей просьбе, переданной нам мистером Гаркером, следующие сведения о продаже и покупке дома № 347 по Пикадилли. Продавцы — поверенные покойного мистера Арчибалда Уинтер-Саффилда. Покупатель — знатный иностранец, граф де Билль, он сам произвел покупку, заплатив всю сумму наличными. Более нам ничего о нем не известно.

Всегда к услугам Вашей светлости
«Митчелл, сыновья и Кэнди».

Дневник доктора Сьюворда

2 октября. Вчера ночью я установил пост наблюдения в коридоре и велел санитарам фиксировать все звуки из палаты Ренфилда и в случае чего-то необычного немедленно звать меня.

После обеда миссис Гаркер пошла спать, а мы собрались в кабинете у камина и обсуждали итоги дня. Одному Гаркеру удалось узнать что-то новое, и это, надеемся, приведет нас к важным результатам.

Перед сном я прошел к палате Ренфилда и посмотрел в глазок. Он спокойно спал, грудь ритмично поднималась и опускалась.

Утром дежурный сообщил мне, что вскоре после полуночи Ренфилд проснулся, довольно громко молился, и вроде бы ничего больше не было слышно. Его отчет вызвал у меня подозрение, и я спросил прямо, не заснул ли он на дежурстве.

Сначала он отрицал, а потом признался, что немного вздремнул. Плохо, что людям нельзя доверять и приходится следить за исполнением поручений.

Сегодня Гаркер продолжает свои расследования, а Арт и Квинси ищут лошадей. Годаминг считает, что нам надо иметь под рукой лошадей; когда мы закончим расследование, будет уже поздно их искать.

Нам нужно стерилизовать всю привезенную графом землю между восходом и заходом солнца, таким образом мы сможем напасть на него в период его наибольшей слабости, у него же не будет прибежища.

Ван Хелсинг ушел в Британский музей посмотреть книги по древней медицине. Тогдашние врачи обращали внимание на явления, которые их просвещенные последователи не признавали; профессор ищет средства против ведьм и бесов.

Порою мне кажется, что мы все сошли с ума и вылечит нас только смиренная рубашка.

Позднее. Мы снова собрались все вместе. Кажется, напали на след, и завтрашняя работа выведет нас на финишную прямую. Интересно, имеет ли спокойствие Ренфилда какое-то отношение к графу. Все-таки настроения больного были связаны с действиями этого монстра, и, вероятно, его уничтожение скажется на нем. Если бы иметь хоть малейшее представление, что происходит у него в мозгу, возможно, у нас в руках была бы еще одна важная нить. Теперь он как будто ненадолго успокоился... Успокоился ли? Кажется, из его палаты раздался дикий вопль...

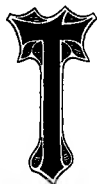
Ко мне в кабинет ворвался санитар и сообщил, что с Ренфилдом что-то случилось. Услышав крик из его палаты, дежурный вбежал к нему и нашел больного лежащим на полу ничком в луже крови. Иду к нему.

ГЛАВА XXI

Дневник доктора Сьюворда

3 октября

еперь, когда я успокоился, постараюсь по возможности точно, не упустив ни одной детали, изложить все случившееся.

Ренфилд лежал на левом боку в луже крови. Я хотел поднять его и увидел, что он получил тяжкие повреждения, нанесенные хаотично и бессмысленно, такое впечатление, будто действовал безумец. Лицо Ренфилда было так разбито, словно его били об пол — лужа крови образовалась от лицевых ран. Санитар, стоявший возле несчастного на коленях, сказал мне, когда мы повернули его:

— Мне кажется, сэр, у него сломан позвоночник. Смотрите, правая рука, нога и часть лица парализованы. — Он был крайне озадачен тем, как это могло произойти, и, нахмурившись, недоуменно заметил: — Не понимаю двух вещей. Больной мог разбить себе лицо, если колотился головой об пол. Я сам видел — в Эверсфилдском сумасшедшем доме такое было с одной молодой женщиной, пока ее кто-то не схватил. Шею, впрочем, он мог сломать, упав с кровати во время приступа удушья или кашля. Но совершенно не представляю себе, как могло произойти сразу и то и другое: если у него спина сломана, он не мог биться головой об пол, а если лицо было разбито до падения, тогда остались бы следы на постели.

— Бегите к профессору Ван Хелсингу, — велел я ему, — и попросите его немедленно прийти сюда. Немедленно!

Санитар убежал, и через несколько минут в халате и шлепанцах появился профессор. Увидев Ренфилда на полу, он внимательно посмотрел на него, потом на меня: видимо, по моим глазам понял, о чем я думал, и спокойно, вероятно в расчете на санитару, сказал:

— Ах, какой печальный несчастный случай! Больному потребуется тщательный уход и много внимания. Я помогу вам, но сначала оденусь. Побудьте здесь, я через несколько минут вернусь.

Ренфилд тяжело и хрипло дышал; несомненно, ему были нанесены серьезные повреждения. Ван Хелсинг вернулся необычайно быстро с набором хирургических инструментов. Видимо, он уже успел все обдумать и, прежде чем заняться несчастным, шепнул мне:

— Отошлите санитару. Мы должны быть наедине с Ренфилдом, когда он придет в себя.

— Спасибо, Симмонс, — сказал я санитару. — Все, что могли, мы с вами пока сделали. Возвращайтесь на свой пост, а профессор Ван Хелсинг займется больным. Если будет происходить что-то необычное, немедленно сообщите мне.

Санитар ушел, а мы приступили к тщательному осмотру Ренфилда. Раны на лице были поверхностными, опасность представлял глубокий перелом основания черепа. Профессор, подумав минуту, сказал:

— Нужно как можно скорее снять давление костей на мозг; быстрое кровоизлияние — показатель серьезности травмы. Кажется, затронут моторно-двигательный центр. Мозговое кровоизлияние может увеличиться, нужно делать трепанацию немедленно, а то будет поздно.

Раздался легкий стук в дверь. Открыв, я увидел Артура и Квинси в пижамах и шлепанцах.

— Я слышал, как санитар сообщил доктору Ван Хелсингу о несчастном случае, — сказал Артур. — Я разбудил, вернее, позвал Квинси — он еще не спал. События развиваются слишком быстро и необычно, чтобы можно было спокойно спать. Думаю, завтра все будет уже по-иному. Придется

действовать с большей оглядкой, чем прежде. Можно нам войти?

Я кивнул и, когда они вошли, закрыл дверь. Увидев, в каком положении находится Ренфилд, Квинси прошептал:

— Боже мой! Что с ним случилось? Вот бедняга-то!

Я вкратце рассказал им все, выразив надежду, что после операции больной придет в себя, по крайней мере ненадолго. Квинси с Артуром сели на край соседней постели и стали наблюдать за происходящим.

— Чуть подождем, — сказал Ван Хелсинг, — чтобы определить лучшее место для трепанации и скорейшего удаления кровяного тромба; кровоизлияние явно увеличивается.

Минуты ожидания тянулись томительно медленно. У меня замирало сердце, и по лицу Ван Хелсинга я видел — он очень волнуется. Боялся я и того, что скажет Ренфилд; меня угнетало предчувствие надвигающейся беды — мне приходилось читать о людях, которые слышали, как смерть отсчитывает минуты. Бедняга дышал прерывисто, спазматически. Казалось, он вот-вот откроет глаза и заговорит, но снова раздавалось хриплое, тяжелое дыхание и беспмятство продолжалось. Как я ни привык к болезни и смерти, это ожидание все более действовало мне на нервы. Кровь стучала в висках, как молоток. Молчание становилось мучительным. Я смотрел на своих товарищей: судя по их пылающим лицам и испарине на лбу, они испытывали то же самое. Мы были в таком нервном напряжении, что казалось, вот-вот откуда-то сверху на нас обрушится оглушительный колокольный звон.

Стало ясно, что больной быстро слабеет и может умереть в любой момент. Я взглянул на профессора и встретился с его взглядом.

— Нельзя терять ни минуты. От его слов зависит жизнь многих людей! — воскликнул он с мрачным выражением лица. — Я все продумал. Трепанацию произведем над ухом.

И профессор стал оперировать. Еще несколько секунд дыхание больного оставалось тяжелым. Потом последовал такой долгий вдох, что мы невольно испугались, как бы у него

не лопнули легкие. Вдруг Ренфилд открыл глаза — взгляд был диким и бессмысленным. Через несколько секунд он смягчился, в нем появилось выражение приятного удивления, с губ сорвался вздох облегчения. Сделав судорожное движение, больной прошептал:

— Я буду спокоен, доктор. Велите снять с меня смирительную рубашку. Я видел страшный сон и так обессилел от него, что не могу двигаться. Что с моим лицом? Оно будто распухло и очень болит.

Он хотел было повернуть голову, но от одного только усилия глаза его вновь потускнели, и я осторожно вернул ее в прежнее положение. Тогда Ван Хелсинг сказал спокойно и серьезно:

— Расскажите нам ваш сон, мистер Ренфилд.

При звуках его голоса израненное лицо Ренфилда прояснилось.

— Это вы, профессор Ван Хелсинг, — пробормотал он. — Как вы добры, что пришли ко мне. Дайте мне воды, у меня пересохли губы. Попытаюсь рассказать вам. Мне приснилось... — Тут бедняга замолчал, казалось, потерял сознание.

— Коньяку! В моем кабинете, скорее! — тихо бросил я Квинси.

Он убежал и быстро вернулся со стаканом и графинами коньяка и воды. Мы смочили Ренфилду пересохшие губы, и он ожил. Но, очевидно, его бедный поврежденный мозг не переставал работать: когда бедняга пришел в себя, то пронзительно посмотрел на меня и с мучительным смущением, которого я никогда не забуду, пролепетал:

— Не стану обманывать себя: это был не сон, а жестокая реальность. — Тут глаза его обежали палату и остановились на двух фигурах, терпеливо сидевших на краю соседней постели. — Даже если бы я и сам уже не был уверен в этом, то понял бы по их присутствию.

На секунду глаза Ренфилда закрылись, но не от боли или дремоты, а по его воле, как будто больной собирался с силами; открыв глаза, он заговорил быстро, энергичнее, чем прежде:

— Скорее, доктор, скорее! Я умираю! Чувствую, осталось лишь несколько минут — и я умру... или еще хуже! Смочите мне вновь губы коньяком. Я должен кое-что сказать, прежде чем умру... или умрет мой бедный разбитый мозг. Спасибо!.. Это произошло в ту ночь, когда я умолял вас отпустить меня. Я не мог говорить тогда — мой язык был связан; но я и тогда находился в здравом уме так же, как и сейчас. После вашего ухода я долго был в отчаянии. Потом на меня снизошел неожиданный покой, в голове прояснело и я осознал, где нахожусь. И услышал, как собаки лают за нашим домом, но не там, где стоял Он...

Ван Хелсинг слушал не мигая, потом вдруг взял меня за руку и крепко сжал ее.

— Он подошел к окну, окутанный туманом, — продолжал Ренфилд, — так же, как и прежде, но на этот раз Он казался вполне материальным, не призраком, и глаза его были лютыми, как у разгневанного человека. Его красный рот смеялся, острые белые зубы ярко блестели в лунном свете, когда Он, оборачиваясь, поглядывал в сторону деревьев, за которыми лаяли собаки. Сначала я не приглашал его войти, хотя знал, что Он этого хочет — Он всегда этого хотел. Потом Он начал соблазнять меня всякими обещаниями — но не на словах.

— А каким же образом? — спросил профессор.

— Реально, так же, как Он обычно присылал мне днем мух — больших, жирных, с крыльями, отливавшими стальным и сапфировым блеском, а ночью — громадных мотыльков с черепами и скрещенными костями на крыльях.

Ван Хелсинг кивнул ему, а мне прошептал:

— Ахеронтия Атропос сфинксовые — этих бабочек называют «мертвая голова»¹.

А Ренфилд продолжал не останавливаясь:

— Потом Он начал шептать: «Крысы, крысы, крысы! Сотни, тысячи, миллионы крыс, и в каждой — жизнь, и поеда-

¹ Не совсем точно: бабочки «мертвая голова» называются *Sphinx atropos* (лат.). — *Примеч. ред.*

ющие их собаки и кошки тоже живые! С красной кровью, копившей жизнь многие годы, а не просто жужжащие мухи». Я недоверчиво посмеивался над ним — мне хотелось посмотреть, на что Он способен. Тут в его доме за темными деревьями завывли собаки. Он подозвал меня к окну. Я выглянул, а Он простер руки, как бы сзывая кого-то без слов. Темная масса покрыла траву, внезапно, как пламя пожара, а Он раздвинул туман вправо и влево, и я увидел тысячи крыс с огненными красными глазами, такими же, как у него, только маленькими. Он поднял руки, и крысы замерли; мне казалось, Он говорит: «Все эти жизни я подарю тебе, и много других — на вечные времена, если ты падешь ниц предо мной и будешь мне поклоняться!» Тут облако цвета крови застило мне глаза, и, прежде чем сообразил, что делаю, я открыл окно и сказал ему: «Войди, Господин и Учитель!» Крысы исчезли, а Он проскользнул в палату через окно, хотя я приоткрыл его всего на дюйм, — как лунный свет проскальзывает через малейшую щель и мерцает во всем своем великолепии...

Его голос становился слабее, я вновь смочил ему губы коньяком — казалось, его память не прерывала свою работу и во время этой краткой передышки, — хотя, продолжив рассказ, он явно что-то опустил. Я хотел сказать ему об этом, но Ван Хелсинг шепнул мне:

— Пусть продолжает. Не прерывай его, ему трудно вернуться обратно, а потеряв нить, он вовсе не сможет говорить.

— Весь день я ждал от него вести, но ничего не получил, даже мясной мухи, и, когда взошла луна, я изрядно разозлился на него. Когда Он снова, даже не постучавшись, проскользнул в окно, хотя оно было закрыто, я просто вышел из себя. Он насмеялся надо мной, его бледное лицо с мерцающими красными глазами проступало из тумана. Он держался так, будто все здесь принадлежит ему, а я — никто. И даже сам запах его изменился — я почувствовал это, когда Он проходил совсем близко от меня, а я не смог его задержать. Но мне показалось, будто в палату вошла миссис Гаркер.

Артур и Квинси, сидевшие на кровати, встали и подошли к больному сзади так, что он не мог их видеть, зато они могли лучше слышать. Оба молчали, профессор же вздрогнул и не мог унять дрожь, лицо его, однако, посуровело. Ренфилд, ничего не замечая, продолжал:

— Когда миссис Гаркер пришла ко мне сегодня днем, она была не такая, как прежде, — будто чай, разбавленный водой. — Тут мы все сдвинулись теснее, но никто не проронил ни слова. — Я не заметил ее присутствия, пока она не заговорила; она очень изменилась. Мне не нравятся бледные люди, я люблю полнокровных, а из нее, казалось, ушла вся кровь. В ту минуту я не подумал об этом, но потом задумался, и мысль о том, что Он отнимает жизнь у нее, просто свела меня с ума. — Я почувствовал, что все содрогнулись, как и я сам, но сохраняли спокойствие. — Он явился сегодня вечером, и я был готов к его приходу. Видел, как просачивается туман, и постарался помешать ему. Сумасшедшие, как мне приходилось слышать, обладают невероятной силой, и, зная о том, что я — сумасшедший, по крайней мере временами, мне пришлось в голову использовать свою силу. Он ее почувствовал и вынужден был выйти из тумана, чтобы сразиться со мной. Решив во что бы то ни стало не дать ему погубить ее, я держался стойко и вроде бы уже начал побеждать, но тут увидел его глаза. Они прожгли меня насквозь, и моя сила растаяла. Он одержал верх. Я пытался цепляться за него, тогда Он поднял меня и швырнул об пол. Мне показалось, будто грянул гром, меня окутало красное облако, а туман ушел под дверь.

Голос его становился все слабее, дыхание — все более хриплым. Ван Хелсинг машинально выпрямился и сказал:

— Теперь нам известно худшее. Он — здесь, и понятно, с какой целью. Может быть, еще не слишком поздно. Вооружимся, как в ту ночь, и поскорее, дорога каждая секунда.

Ничего не надо было объяснять или напоминать — наши страхи, как и решимость, давно стали общими. Мы быстро собрали в своих комнатах то снаряжение, с которым ходили в

дом графа. У профессора все было с собой. Когда мы все сошлись в коридоре, он выразительно указал на талисманы:

— Никогда не расстаюсь с ними и не расстанусь, пока не завершится это несчастное дело. Будьте так же благоразумны, друзья мои. Мы имеем дело с необычным врагом. Увы! Увы! Подумать только, что страдает дорогая мадам Мина!

Голос его дрогнул, он замолчал, и я не знаю, чего было больше в моем сердце — ужаса или гнева.

У двери Гаркеров мы остановились. Арт и Квинси слегка отступили назад.

— Удобно ли тревожить ее? — спросил Квинси.

— Это необходимо, — мрачно ответил Ван Хелсинг. — Если дверь заперта, я взломаю ее.

— Это же может напугать ее. Как-то не принято врываться в комнату леди.

— Вы, безусловно, правы, — сказал Ван Хелсинг. — Но в данном случае речь идет о жизни и смерти. Для врача все равны, в жизни, конечно, это не всегда так, но только не сегодняшней ночью. Друг Джон, я поверну ручку, и если дверь не откроется, то изо всех сил надави на нее плечом; и вы тоже, друзья мои. Вперед!

Он повернул ручку — дверь не открылась. Мы дружно бросились на нее, она с треском распахнулась, и мы ввалились в комнату, чуть не головой вперед. Профессор таки упал, но быстро поднялся. Нашим глазам открылась ужасная картина — волосы у меня на голове встали дыбом, а сердце остановилось.

Луна светила так ярко, что, несмотря на плотную желтую штору, в комнате было светло. На кровати у окна лежал Джонатан Гаркер с красным лицом, тяжело дыша, как будто без сознания. На другом краю кровати виднелся силуэт его жены — одетая в белое, она стояла и смотрела на стоявшего рядом с ней высокого, худого мужчину в черном. Лица его не было видно, но мы сразу по всем признакам узнали графа. Левой рукой он сжимал, отводя их в сторону, обе руки миссис Гаркер, а правой, взявши за затылок, пытался склонить ее

голову к себе на грудь. Белая ночная сорочка миссис Гаркер была запачкана кровью, тонкая струйка которой стекала по обнаженной груди мужчины, видневшейся сквозь его разорванную одежду. В этой чудовищной сцене было кошмарное сходство с тем, как ребенок тычет носом котенка в блюдце с молоком, заставляя его пить.

Когда мы ворвались в комнату, граф обернулся на шум, и мы увидели взгляд, столь знакомый по описанию. Его глаза пламенели дьявольской страстью, широкие ноздри орлиного носа хищно раздувались, белые острые зубы клацали, как у дикого зверя, с полных губ стекала кровь. Резким движением он отшвырнул свою жертву на кровать и бросился на нас. Но профессор был уже на ногах и успел выставить перед собой сверток с освященной облаткой. Граф внезапно остановился, как тогда бедняжка Люси у склепа, и попятился. Мы, подняв распятия, наступали на него. Вдруг большая туча закрыла луну, стало темно, а когда Квинси зажег спичкой газовую лампу, мы увидели лишь легкий туман, утекавший под дверь, которая успела захлопнуться.

Ван Хелсинг, Арт и я ринулись к миссис Гаркер, которая, вздохнув, вскрикнула дико, пронзительно и отчаянно — этот крик, наверное, до конца дней будет звучать в моих ушах. Несколько секунд она оставалась лежать неподвижно — беспомощно и безвольно. Лицо ее было ужасно и казалось еще бледнее от кровавых пятен на губах, щеках и подбородке, с шеи стекала тонкая струйка крови, глаза обезумели от ужаса. Она закрыла лицо руками, на которых еще видны были багровые пятна — следы железной хватки чудовища, и мы услышали тихий, безутешный плач, он потряс нас не меньше, чем страшный крик, ставший лишь первым выражением бесконечного страдания. Ван Хелсинг подошел к постели и бережно накрыл Мину одеялом; Арт с минуту в отчаянии глядел на нее и выбежал из комнаты.

Профессор шепнул мне:

— Мы ничем не можем помочь бедной мадам Мине, пока она немного не успокоится. Джонатан — в оцепенении,

которое, как известно, может вызвать вампир. Нужно привести его в чувство.

Он смочил край полотенца холодной водой и слегка пошлепал им Джонатана по лицу; жена его, по-прежнему закрыв лицо руками, рыдала так, что сердце разрывалось на части. Я поднял штору и посмотрел в окно. Ярko светила луна. Было видно, как Квинси Моррис пробежал по полянке и спрятался в тени большого тиса. Я удивился, зачем он это делает, но тут меня отвлекло восклицание Гаркера, который почти пришел в себя. На лице его, как и следовало ожидать, было выражение изумления и растерянности. Несколько секунд несчастный не мог сообразить, что к чему, потом сознание полностью вернулось к нему, и он вздрогнул. Жена его протянула руки, словно желая обнять его, но тут же отвела их и, закрыв лицо руками, забилась, как в приступе сильной лихорадки.

— Ради бога, что это значит? — воскликнул Гаркер. — Доктор Сьюворт, профессор Ван Хелсинг, что это? Что случилось? Что стряслось? Мина, дорогая, что такое? Откуда эта кровь? Боже мой! Неужели дошло до этого? — И, вскочив на колени, он заломил руки. — Боже милосердный, помоги нам! Помоги ей! О, помоги ей!

Гаркер быстро прыгнул с постели и стал одеваться — в нем сразу пробудилась потребность немедленно действовать.

— Что случилось? Расскажите мне все! — потребовал он. — Профессор Ван Хелсинг, я знаю, вы любите Мину. Так сделайте что-нибудь, спасите ее. Это еще не могло зaйти слишком далеко. Охраняйте ее, пока я буду искать этого монстра!

Мина, несмотря на свое отчаяние, ужас и страдание, сразу уловила опасность для мужа и, мгновенно забыв о своем несчастье, вцепилась в него и закричала:

— Нет! Нет! Джонатан, не оставляй меня! Бог свидетель, я и так уже слишком настрадалась сегодня ночью, чтобы пережить еще кошмар волнений за тебя. Ты должен остаться со мной. С нашими друзьями, которые могут защитить тебя.

Лицо у нее сделалось просто безумным, он уступил ей, она усадила его на кровать и страстно прижалась к нему.

Мы с Ван Хелсингом старались успокоить их обоих.

— Не бойтесь, дорогая. Мы с вами, — сказал профессор с удивительным спокойствием и поднял свое маленькое золотое распятие, — а пока и это рядом с вами, то никакая нечисть к вам не приблизится. Вы теперь в безопасности; мы же должны сохранять спокойствие и посоветоваться друг с другом, что делать дальше.

Миссис Гаркер, дрожа и не говоря ни слова, прижалась к груди мужа. Когда она подняла голову, рубашка его оказалась запятнана кровью в тех местах, которых коснулись ее губы и куда упали капли из крохотной ранки на шее. Увидев это, она отодвинулась с тихим плачем и зашептала сквозь душившие ее рыдания:

— Нечистая, нечистая! Я не должна больше прикасаться к нему или целовать его. О, как же это могло случиться! Теперь я — его злейший враг, которого он должен больше всех бояться.

— Ну что за чепуха, Мина! — решительно сказал Гаркер. — Мне просто стыдно слышать такое от тебя. Пусть Господь судит меня по заслугам и накажет еще большим страданием, если когда-либо по моей вине или воле что-нибудь встанет между нами!

Обняв продолжавшую плакать жену, он смотрел на нас поверх ее головы, глаза у него были печальные и полные слез, но губы жестко сжаты. Вскоре она начала успокаиваться, и тогда он сказал мне с нарочитым спокойствием, которое, как я почувствовал, стоило ему предельного напряжения нервов:

— А теперь, доктор Сьювورد, расскажите мне все. Суть я уловил, расскажите подробности.

И я подробно изложил ему, что же произошло. Он слушал с видимым бесстрашием, но ноздри его трепетали, а глаза сверкали, когда я рассказывал, как граф своими безжалостными руками принуждал миссис Гаркер прильнуть губами к открытой ране на его груди. Я заметил, что даже в такой

момент, когда лицо Джонатана было белым от напряжения, его руки ласково гладили растрепавшиеся волосы жены.

Едва я закончил, как в дверь постучали. Вернулись Квинси и лорд Годалминг. Ван Хелсинг вопросительно посмотрел на меня, как бы спрашивая: не воспользоваться ли нам их приходом, чтобы отвлечь внимание несчастных супругов друг от друга. Я кивнул, и Ван Хелсинг поинтересовался у пришедших, что они видели и делали. Лорд Годалминг ответил:

— Я не нашел его нигде, ни в коридоре, ни в наших комнатах, ни в кабинете, хотя там он явно побывал, он...

Тут Артур замолчал, взглянув на поникшую фигуру на постели. Но Ван Хелсинг серьезно и печально сказал:

— Продолжайте, друг Артур. Теперь не нужно больше никаких тайн. Наша надежда — в полной взаимной откровенности. Говорите свободно.

— Он пробыл там, — продолжал Артур, — возможно, лишь несколько секунд, но устроил страшный кавардак. Сжег все рукописи, искры еще вспыхивали среди пепла; бросил в огонь валики с вашими записями, доктор, воск лишь помог пламени.

— Слава богу, — прервал я его, — есть еще один экземпляр в сейфе!

Лицо Артура просветлело на мгновение, но потом снова омрачилось.

— Я сбежал вниз по лестнице — никого. Заглянул в палату Ренфилда, и там — никого, кроме... — И он вновь замолчал.

— Продолжайте, — хрипло сказал Гаркер.

Артур опустил голову и, проведя по пересохшим губам кончиком языка, закончил:

— Бедняга умер.

Миссис Гаркер подняла голову и, обведя нас взглядом, произнесла со значением:

— На все воля Божья!

Я почувствовал, что Артур что-то недоговаривает.

— Ну а вы, друг Квинси, можете что-нибудь добавить?

— Немного. Возможно, это и важно, хотя сейчас трудно сказать. Я решил разведать, куда двинется граф, выйдя из дома. Но не нашел его, зато видел, как из окна Ренфилда вылетела летучая мышь и направилась на запад. Я ожидал его возвращения в Карфакс, но, очевидно, он предпочел другое убежище. Сегодня он наверняка не вернется — небо светлеет, скоро рассвет. Завтра нам надо действовать.

Последние слова Квинси цедил сквозь стиснутые зубы. Минуты две все молчали, мне казалось, я слышу биение наших сердец. Потом Ван Хелсинг, очень нежно положив руку на голову миссис Гаркер, сказал:

— А теперь, мадам Мина, бедная, дорогая, милая мадам Мина, расскажите нам подробно, что произошло. Видит бог, я не хочу расстраивать вас, но необходимо, чтобы мы знали все. Теперь еще более, чем прежде, нужно действовать быстро, решительно и предусмотрительно. Близок день, когда все это наконец кончится, а теперь нам нужно извлечь урок.

Бедная, славная миссис Гаркер дрожала, нервы ее были на пределе, она припала к мужу, пряча голову у него на груди. Но потом гордо выпрямилась и протянула руку Ван Хелсингу, который взял ее и, наклонившись, почтительно поцеловал. Муж обнимал ее, словно стремясь защитить. После паузы, видимо собравшись с силами, она начала:

— Я приняла снотворное, которое вы любезно приготовили для меня, но оно долго не действовало. Сна не было ни в одном глазу, меня начали одолевать какие-то страшные фантазии, мысли о смерти, вампирах, о крови, боли и страдании. — Муж ее невольно застонал; она повернулась к нему и сказала с любовью: — Не волнуйся, дорогой! Будь храбрым, сильным и помоги мне перенести это страшное испытание. Если бы ты знал, как мне трудно говорить об этом кошмаре и как я нуждаюсь в вашей поддержке. Итак, я поняла, что лекарства мало, нужно помочь его действию концентрацией воли, и решила заснуть во что бы то ни стало. Наверное, я заснула, потому что больше ничего не помню. Когда Джонатан пришел, я не просыпалась; потом помню, он уже лежал около

меня, а в комнате стелился знакомый легкий белый туман. Не помню, рассказывала ли я вам об этом, но вы прочтете в моем дневнике. Меня охватило уже знакомое чувство смутного страха, я ощущала чье-то присутствие. Попробовала разбудить Джонатана, но он спал крепко и не просыпался, как будто не я, а он принял снотворное. Я очень испугалась и в страхе оглядывала комнату. Тут сердце у меня просто упало: рядом с постелью стоял высокий, худой человек в черном, возникший из тумана. Я сразу узнала его по описаниям. Восковое лицо, резкий, орлиный нос, освещенный узкой полоской света, красные губы, острые белые зубы, красные глаза, которые я уже видела при заходе солнца в окнах церкви Святой Марии в Уитби. Узнала я и красный шрам у него на лбу — след от удара Джонатана. Я бы закричала, но меня будто парализовало. Тут он угрожающе зашептал, показывая на Джонатана: «Тихо! Если вы издадите хоть один звук, я разможу ему голову прямо у вас на глазах».

Я была в слишком большом смятении, чтобы хоть что-то сказать или сделать. С язвительной улыбкой он одной рукой крепко взял меня за плечо, а другой — обнажил мое горло, сказав при этом: «Сначала легкая закуска в награду за мои труды. Только не волнуйтесь, пора привыкнуть: уже не впервые ваши вены утоляют мою жажду!» Я была в полной растерянности, но, что довольно странно, не ощущала ни малейшего желания сопротивляться. Видимо, он гипнотизирует жертву. О боже мой! Боже, сжался надо мною!.. И он припал своими мерзкими губами к моему горлу!

Ее муж снова застонал. Миссис Гаркер, сжав его руку, посмотрела на него с таким сочувствием, будто пострадал он, а не она, и продолжала:

— Силы покидали меня, я была в полубомороке. Сколько длился этот кошмар, не знаю; мне показалось, прошло много времени, прежде чем он оторвал от меня свой гадкий, ужасный, ухмыляющийся рот. С его губ капала свежая кровь!..

Это воспоминание, казалось, лишило ее сил, несчастная женщина опустила голову и, наверное, совсем бы сникла,

если бы не ободряющая поддержка мужа. С большим трудом она продолжила рассказ:

— Потом он сказал мне с усмешкой: «Итак, вы, вместе с остальными, намерены тягаться со мной, хотите помочь этим наивным простецам выследить меня и расстроить мои планы. Но теперь вы знаете, а вскоре узнают и они, что значит встать мне поперек дороги. Им следовало бы беречь свои силы для защиты дома, а они строят козни против меня — это против меня-то, мастера интриг и борьбы, повелевавшего народами еще за сотни лет до их рождения! Разумеется, я обвел их вокруг пальца. И вы, столь бесценная для них, сделались плотью от плоти моей, кровью от крови моей, породнившись со мной; сначала вы будете моим живительным источником, а потом — спутницей и помощницей. Но в свою очередь вы будете отомщены за то, что они не уберегли вас; ведь никто из них не пришел вам на помощь. Но пока вы должны быть наказаны за то, что сделали. Вы участвовали в кознях против меня и теперь станете подвластны моему зову. Как только я мысленно прикажу вам: “Приди!” — вы помчитесь на мой зов через моря и океаны; для этого я сделаю вот что!» И он распахнул свою рубашку и длинными острыми ногтями вскрыл вену у себя на груди. Брызнула кровь, и он, схватив меня за руки, стал прижимать мой рот к ране так, что я должна была или задохнуться, или глотнуть... О боже мой! Боже мой! Что я сделала? Чем я провинилась, что заслужила такое наказание? Ведь я всегда старалась жить кротко и честно. Господи, смилуйся! Сжался над бедной душой, которой грозит опасность большая, чем смерть; смилуйся над теми, кому она дорога!

И миссис Гаркер начала тереть губы, как бы желая очистить их от скверны.

Стало светать. Гаркер молчал и был спокоен, но на лицо его во время ужасного рассказа легла тень, которая все более сгущалась, и, когда блеснула первая полоска утренней зари, лицо стало еще темнее в сравнении с поседевшими за ночь волосами.

Мы договорились, что один из нас будет все время неподалеку от несчастных супругов, а потом соберемся все вместе и обсудим план действий.

Одно не вызывает у меня сомнений: солнце взошло сегодня над самым несчастным домом на всем протяжении своего дневного пути.

ГЛАВА XXII

Дневник Джонатана Гаркера

3 октября

Взялся за дневник — должен что-то делать, иначе сойду с ума. Шесть утра. Через полчаса мы должны собраться в кабинете и позавтракать; профессор Ван Хелсинг и доктор Сьюворд считают, что голод — не помощник в нашем деле. Да, видит бог, сегодня нам потребуется много сил. Буду при малейшей возможности вести записи — лишь бы не думать. Стану описывать все подряд — и важные события, и мелочи, ведь именно мелочи могут оказаться наиболее поучительными. Хотя никакой урок, большой или малый, наверное, уже не сделает нас с Миной счастливыми. Но нужно верить и надеяться. Бедная Мина сейчас сказала мне — при этом слезы градом лились по ее щекам, — что в несчастьях и испытаниях проверяется наша вера и мы должны верить, несмотря ни на что, и Бог в конце концов поможет нам. В конце концов! О боже мой! В каком конце?.. Надо действовать! Действовать!

Когда профессор Ван Хелсинг и доктор Сьюворд вернулись из комнаты бедного Ренфилда, мы стали обсуждать ситуацию. Доктор Сьюворд рассказал, что они с профессором Ван Хелсингом нашли Ренфилда на полу, все лицо его было разбито, а шея сломана. Доктор Сьюворд спросил дежурного на посту в коридоре, слышал ли тот что-нибудь. Дежурный слышал, правда, в полудреме, голоса в палате, затем Ренфилд несколько раз громко выкрикнул: «Боже! Боже! Боже!» — потом раздался шум, будто что-то падало; вбежав в палату,

дежурный нашел больного на полу, лицом вниз — так, как позднее увидели его профессор и доктор. На вопрос Ван Хелсинга, слышал ли он «голоса» или «голос», дежурный не мог ответить определенно: сначала ему вроде бы слышались голоса, но в палате находился только Ренфилд, значит, был все-таки один голос. При этом он мог поклясться, что слово «Боже» произнес Ренфилд.

Когда мы остались одни, доктор Сьюворд сказал, что не хотел бы особенно углубляться в это дело. Если будет расследование, правду говорить бессмысленно, все равно никто не поверит, а так на основании слов дежурного он напишет заключение о смерти в результате несчастного случая — при падении с кровати. В случае если коронер потребует официального расследования, оно неизбежно приведет к тому же результату.

Приступая к обсуждению плана действий, мы решили, что Мина должна все знать, нельзя скрывать от нее ничего, вплоть до самого тяжелого и страшного. Она признала наше решение мудрым, но как же грустно было видеть ее, несмотря на всю ее стойкость, в такой пучине отчаяния.

— Нельзя ничего скрывать, — грустно повторила она. — Увы! Мы уже достаточно скрывали, да и ничто не сможет причинить мне большее страдание, нежели то, что уже пришлось пережить! Что бы ни случилось, я готова — либо появится новая надежда, либо снова потребуются мужество!

Ван Хелсинг внимательно посмотрел на нее и вдруг спокойно спросил:

— Но, дорогая мадам Мина, неужели после того, что произошло, вы не боитесь, если не за себя, то хотя бы за других?

Лицо у нее напряглось, а глаза сияли, как у мученицы.

— Нет, — ответила она, — я готова на все!

— На что? — спросил он мягко, мы же молчали, смутно представляя себе, что она имеет в виду.

Очень непосредственно и просто, как будто констатируя самый обыденный факт, Мина пояснила:

— Если увижу — а я буду следить очень внимательно, — что причиняю вред тому, кого люблю, я умру!

— Неужели вы способны покончить с собой? — спросил профессор хрипло.

— Да, я бы сделала это, если бы у меня не было друга, который, любя меня, мог бы помочь мне в этом акте отчаяния и избавить меня хотя бы от этого испытания!

И она выразительно посмотрела на Ван Хелсинга. Тот встал, положил ей руку на голову и сказал:

— Дитя мое, такой друг у вас есть. Я взял бы на себя грех перед Всевышним и нашел бы средство, чтобы вы безболезненно покинули этот мир, если бы у вас не было другого выхода. Но, дитя мое... — Голос у него прервался, однако он справился с волнением и продолжал: — Тут есть люди, которые станут между вами и смертью. Ни от чьей руки, тем более своей собственной, вы не должны умирать. По крайней мере пока по-настоящему не умрет тот, кто отравил вашу светлую жизнь, иначе после смерти вы станете такой же, как он. Нет, вы просто обязаны жить! Вы должны бороться и жить, даже если смерть покажется вам невыразимым благом. Вы должны бороться с самой смертью, застанет ли она вас в радости или горе, днем или ночью, в безопасном укрытии или в момент предельного риска! Ради спасения вашей души заклинаю вас не умирать, более того — даже не думать о смерти, пока не будет покончено с этим злом.

Моя бедняжка побледнела как полотно, ее охватила дрожь. Мы молчали — что мы могли сделать! Наконец она успокоилась и сказала мягко и печально, протянув ему руку:

— Даю вам слово, мой дорогой друг, если Господь оставит меня в живых, я постараюсь следовать вашим советам, и, надеюсь, наступит час, когда этот ужас кончится.

Ее доброта и смелость укрепили нас в нашей решимости действовать и постоять за нее. Мы перешли к обсуждению плана действий. Я сообщил Мине, что ей поручается хранение бумаг в сейфе — всех документов, дневников, фонографических записей, которые могут нам пригодиться. Кроме того, она

должна, как и прежде, вести записи. Она была очень рада этим поручениям — если, конечно, слово «рада» можно употребить в сочетании с такими мрачными обстоятельствами.

Как обычно, Ван Хелсинг уже все продумал и подготовил точный план действий.

— Возможно, это к лучшему, — сказал он, — что после посещения Карфакса мы решили не трогать ящики с землей, которые там находятся. Тронь мы их, граф догадался бы о наших планах и, несомненно, принял бы меры. Вероятнее всего, он даже не подозревает о том, что у нас есть средства лишить его убежищ. А мы теперь располагаем сведениями, где они находятся; осталось лишь обследовать дом на Пикадилли и установить, последнее ли это укрытие. Сегодняшний день — наш, на него все надежды. Солнце, осветившее утром нашу печаль, теперь оберегает нас. Нужно, чтобы это чудовище оставалось в том же обличье до заката солнца. В своем земном образе он окажется в ловушке и не сможет растаять в воздухе и проскользнуть сквозь щели и замочные скважины. А коли захочет в дверь, так пусть открывает ее как простой смертный. Сегодня нам надо уничтожить все его убежища. Если не удастся схватить и уничтожить самого Дракулу, нужно по крайней мере загнать его в такое место, где мы смогли бы наверняка разделаться с ним впоследствии.

Тут я не выдержал и вскочил — вместо того, чтобы действовать, мы тратим время на разговоры, теряя бесценные минуты, от которых зависят жизнь и счастье Мины. Но Ван Хелсинг предостерегающе поднял руку:

— Нет, друг Джонатан, тише едешь — дальше будешь, как говорит пословица. Мы будем действовать, и действовать с ошеломительной быстротой в надлежащий момент. Но, подумайте, скорее всего, все нити сходятся в доме на Пикадилли. Граф приобрел много домов. Должны быть документы об их покупке, ключи и прочее. А бумага, на которой он пишет, чековая книжка и другие необходимые вещи — где-то он же хранит их. Этот дом расположен в центре. Граф может спокойно пользоваться парадным или черным входом в любое

время, не привлекая к себе внимания — там всегда полно народу. Мы поедем на Пикадилли, обйдем дом, выясним все необходимое и только тогда начнем то, что наш друг Артур на охотничьем жаргоне называет «гнать лису». Согласны?

— Так пойдемте немедленно! — вскричал я. — Мы зря теряем драгоценное время!

Но профессор даже не шелохнулся и спокойно спросил:

— А как вы собираетесь попасть в дом на Пикадилли?

— Да все равно как! — воскликнул я. — Вломаем, если нужно.

— А полиция? Как она на это посмотрит и что скажет?

Я слегка опешил, поняв, что, если он не спешит, у него есть на то свои основания. Поэтому ответил как можно спокойнее:

— Но не медлите дольше, чем необходимо. Вы ведь знаете, в каком я состоянии.

— Ах, друг мой, знаю, и у меня нет ни малейшего желания продлевать ваши страдания. Но наш черед настанет только тогда, когда все придет в движение. Так вот, я долго размышлял и решил, что самый простой путь — самый лучший. Мы хотим войти в дом, но ключа у нас нет. Ведь так? — Я кивнул. — Теперь представьте себе, что вы — хозяин дома и не можете попасть в него. Что бы вы сделали?

— Я бы пригласил надежного слесаря и попросил открыть дверь.

— А как же полиция?

— Полиция не станет вмешиваться, если будет знать, что слесарь приглашен хозяином.

— Значит, — он внимательно посмотрел на меня, — главное, чтобы полицейский не усомнился в том, что владелец настоящий. Ваша полиция действительно должна быть очень усердной и умной — очень умной! — чтобы разбираться в людях. Можно, друг Джонатан, открыть сотни пустых домов в Лондоне и других городах мира, если действовать умно, да еще в самое удобное для этого время, тогда никто не подумает помешать вам. Я читал об одном джентльмене — владельце прекрасного дома в Лондоне; он, заперев свой особняк, на все

лето поехал в Швейцарию. Грабитель, разбив заднее окно, проник в дом, открыл ставни и вышел через парадный вход на глазах у полицейского. Потом, предварительно дав объявления, устроил аукцион. Продав все, что было в доме, он договорился со строительной фирмой о продаже особняка, обусловив, что здание будет разобрано к определенному сроку и увезено. Полиция и власти всемерно помогали ему. Когда же настоящий владелец вернулся из Швейцарии, то обнаружил лишь пустое место.

Все было сделано по правилам, и мы тоже будем действовать по правилам. Не поедем туда слишком рано, чтобы полицейскому, который утром не очень занят, мы не показались подозрительными. Поедем после десяти, когда на улице уже много народу и ни у кого не возникнет сомнений в том, что мы и есть хозяева.

Этот план показался мне очень разумным, даже у Мини немного прояснилось лицо. Забрехала хотя какая-то надежда.

— Попад в дом, — продолжал Ван Хелсинг, — мы можем обнаружить что-то важное. В любом случае часть из нас останется там, а остальные отправятся в Бермондси и Майл-Энд — на поиски остальных ящиков.

Лорд Годалминг встал:

— Тут я могу кое-чем помочь. Телеграфирую своим людям, чтобы они в определенных местах держали наготове лошадей и экипажи.

— Слушай, дружище, это прекрасная мысль, — воскликнул Моррис. — Конечно, нам могут понадобиться лошади. Но не кажется ли тебе, что твои фешенебельные экипажи, украшенные фамильными гербами, привлекут слишком много внимания на проселочных дорогах Уолворта и Майл-Энда? Думаю, лучше нанять кебы, да и то оставлять их где-нибудь по соседству, а не около домов.

— Квинси прав! — сказал профессор. — Голова у него, как говорится, варит. Дело нам предстоит трудное, и лучше особенно не привлекать к себе внимания посторонних.

Мина проявляла все больший интерес к обсуждению, и я был доволен — это отвлекало ее от ужасного ночного переживания. Она была очень, очень бледна и так похудела, что почти не было видно губ, зато обнажились зубы. Я не сказал ей об этом, чтобы не огорчать напрасно, но у самого просто леденела кровь в жилах при воспоминании о том, что случилось с Люси. Хотя не заметно, чтобы у Мины зубы стали острее, но прошло еще слишком мало времени...

Когда мы стали обсуждать последовательность наших действий и расстановку сил, возникли новые сомнения. В конце концов было решено перед поездкой на Пикадилли разрушить ближайшее логово графа. Если даже он узнает об этом прежде времени, все равно мы опередим его, а присутствие там графа в исключительно материальном и самом уязвимом для него виде даст нам некоторое преимущество.

После посещения Карфакса профессор предложил всем поехать на Пикадилли; потом он, доктор и я останемся там, а лорд Годалминг и Квинси отъедут и уничтожат убежище графа в Уолворте и Майл-Энде. Профессор допускал, хотя и считал маловероятной, возможность появления графа на Пикадилли днем, во всяком случае, нам нужно быть готовыми к схватке с ним. По крайней мере, мы можем попытаться преследовать его. Я был против этого плана, намереваясь остаться с Миной, но она и слышать об этом не хотела — считала, что на Пикадилли могут возникнуть юридические вопросы, входящие в мою компетенцию, или вдруг в бумагах графа встретится что-то, понятное лишь мне с моим трансильванским опытом; не говоря уж о том, что для борьбы с чудовищем необходимо объединить все наши силы. Я вынужден был уступить. Очень решительно настроенная Мина сказала, что ее последняя надежда — на нашу сплоченность.

— Что касается меня, — заметила она, — я не боюсь. Со мной уже случилось худшее, а дальше, что бы ни произошло, все-таки есть надежда. Ступай, мой друг! Бог, если пожелает, защитит меня.

Тогда я встал и воскликнул:

— Ради бога, пойдемте скорее, не теряя больше времени. Граф может заявиться на Пикадилли раньше, чем мы думаем.

— Едва ли! — сказал Ван Хелсинг, махнув рукой.

— Почему? — спросил я.

— Вы забыли, — криво усмехнулся он, — прошлой ночью он пировал и поэтому встанет поздно.

Разве мог я забыть? Разве я когда-нибудь забуду! Сможет ли кто-нибудь из нас забыть эту ужасную сцену? Мина собрала все свои силы, чтобы сохранить спокойствие, но боль захлестнула ее, и она, закрыв лицо руками, застонала. Ван Хелсинг вовсе не хотел напомнить ей о пережитом ужасе. Его внимание было сосредоточено на плане действий, он просто упустил из виду ее присутствие. Когда до профессора дошло, что сорвалось у него с языка, он пришел в ужас от своей бестактности и попытался успокоить Мину:

— О мадам Мина, дорогая, дорогая мадам Мина! И надо же, чтобы именно я, который столь почитает вас, брякнул такое. Но не стоит обращать внимание на выжившего из ума старика. Вы ведь забудете, правда?

Он склонился к ней, она взяла его руку и сказала охрипшим голосом:

— Нет, не забуду — нельзя забывать, к тому же у меня много добрых воспоминаний о вас, все переплетается. Но вам скоро пора отправляться. Завтрак готов, нужно поесть, чтобы подкрепить силы.

Этот завтрак не походил на наши обычные трапезы. Мы изо всех сил старались быть веселыми, подбодрить друг друга; самой веселой казалась Мина. После завтрака Ван Хелсинг встал и сказал:

— А теперь, друзья мои, нам пора. Все ли мы защищены, как в ту ночь, когда впервые побывали в логове врага? — Мы заверили его, что все в порядке. — Ну что ж, хорошо. Мадам Мина, вы совершенно в безопасности здесь, по крайней мере до захода солнца, к тому времени мы вернемся... если... Мы обязательно вернемся! Но перед уходом я хочу удостовериться, что вы защищены от его нападения. Пока вы были

внизу, я подготовил вашу комнату, разложив в ней известные вам талисманы — туда он не войдет. Теперь я хочу обезопасить вас. Этим кусочком Святых Даров я освящаю ваше чело во имя Отца и Сына и...

Раздался ужасный, пронзительный, леденящий душу крик. Когда облатка коснулась лба Мины, она обожгла ей кожу, как будто то был кусок раскаленного металла. Моя бедная жена сразу все поняла, ее измученные нервы не выдержали, и она в отчаянии закричала. Ее крик еще звенел в наших ушах, когда она упала на колени в мучительном унижении и, закрыв лицо своими чудесными волосами, как прокаженный в старину своим капюшоном, запричитала сквозь рыдания:

— Нечистая! Нечистая! Даже Господь чурается моей оксверненной плоти! Я должна носить это позорное клеймо на лбу до дня Страшного Суда!

Все затихли. Я бросился на колени рядом с ней и крепко обнял ее, ощущая беспомощность и отчаяние. Несколько минут наши истерзанные сердца бились вместе, а друзья плакали, отвернувшись, чтобы скрыть слезы. Потом Ван Хелсинг повернулся к нам и заговорил необычайно серьезно, так, что я почувствовал — на него снизошло вдохновение:

— Может быть, вам и придется нести это клеймо, пока в день Страшного Суда сам Господь не разберется, кто в чем виноват, и не устранит все несправедливости, которым Его дети подверглись на земле. О, мадам Мина, о, моя дорогая, если бы мы, любящие вас, могли оказаться в то время пред престолом Всевышнего, чтобы увидеть, как этот красный шрам, знак всеведения Господа, исчезнет и ваше чело станет таким же чистым, как и ваше сердце! Я не сомневаюсь, что клеймо исчезнет, когда Богу будет угодно снять бремя, столь тяжкое для нас. До тех пор мы будем нести свой крест, как нес свой Его Сын, послушный Его воле. Кто знает, может быть, мы избраны для испытаний Его доброй волей и должны следовать Его указаниям, несмотря на муки, стыд, сомнения, страхи и все остальное, чем человек отличается от Бога.

В словах профессора звучали надежда, утешение, призыв к смирению. Мы с Миной почувствовали это и, наклонившись, поцеловали ему руку. Потом, ни слова не говоря, все встали на колени и, держась за руки, поклялись в верности друг другу. А мы, мужчины, дали клятву не отступать, пока не избавим от горя ту, которую каждый из нас по-своему любил; и мы молили Бога о помощи в том страшном деле, которое предстояло нам.

Пора было уходить. Я попрощался с Миной, этого прощания мы не забудем до конца дней наших.

Но я решил твердо: если выяснится, что Мине все же суждено стать вампиром, она уйдет не одна в этот неведомый кошмар.

Мы без особых затруднений проникли в усадьбу — там все было так же, как и при нашем первом посещении. Трудно поверить, что в такой обыденной обстановке — с ее запущенностью, пылью и грязью — таится источник того запредельного страха, который мы испытали ночью. Если бы не наше решение и не ужасные воспоминания, не дававшие нам покоя, едва ли мы смогли бы заняться работой. Никаких бумаг, ничего, представлявшего интерес, мы в доме не нашли; в старой часовне ящики выглядели точно так же, как в прошлый раз. Ван Хелсинг сказал нам с пафосом:

— А теперь, друзья мои, наш долг — обезвредить эту землю, которую чудовище привезло из дальнего края для своих бесчеловечных целей. Граф выбрал именно эту землю, ибо она была освящена его предками, но мы победим негодяя его же оружием — и еще раз освятим ее. Она была священна для людей, теперь мы посвятим ее Богу.

Профессор достал из сумки отвертку и стамеску, и вскоре крышка одного из ящиков с шумом отвалилась. Земля пахла плесенью и затхлостью, но мы не обращали на это внимания, наблюдая за Ван Хелсингом. Достав из коробочки кусочек освященной облатки, он благоговейно положил его на смрадную землю, накрыл ящик крышкой и с нашей помощью закрепил ее. Мы проделали это со всеми ящиками, внешний

их вид никак не изменился, но в каждом остался кусочек Даров. Когда мы вышли и закрыли за собой дверь, профессор воскликнул:

— Кое-что сделано! Если нам так же повезет и дальше, то еще до захода солнца лоб мадам Мины засияет в своей перво-зданной чистоте!

По дороге на станцию мы пересекли лужайку, с которой был виден фасад нашего дома. В окне я увидел Мину, помахал ей рукой и кивнул в знак того, что работа наша успешно выполнена. Она поняла и кивнула в ответ. Оглядываясь, я видел, как она махала нам рукой на прощание. С тяжелым сердцем мы пришли на станцию и как раз успели на подошедший поезд.

Эти записи я сделал в поезде.

Пикадилли, 12 часов 30 минут. Перед приходом поезда на Фенчерч-стрит лорд Годамминг сказал мне:

— Мы с Квинси пойдем за слесарем. Вы лучше не ходите с нами; если возникнут осложнения, то для нас вторжение в пустой дом не будет иметь серьезных последствий. А вы — стряпчий, Юридическая корпорация может вас осудить. — Я возразил, что меня не пугает никакая опасность ни мне, ни моей репутации, но он стоял на своем: — К тому же вдвоем мы и внимания меньше привлечем. Мой титул поможет при переговорах со слесарем, да и с полицейским, если тот вмешается. Ступайте лучше с Джоном и профессором в Грин-парк и оттуда наблюдайте за домом, а увидев, что дверь открыта и слесарь ушел, приходите. Мы будем ждать и выпустим вас в дом.

— Хороший план! — одобрил Ван Хелсинг, и я больше не спорил.

Лорд Годамминг и Моррис поехали в одном кебе, мы — в другом. На углу Арлингтон-стрит мы вышли и проследовали в Грин-парк. Сердце у меня забилося при виде дома, с которым было связано столько наших надежд. Он стоял мрачный, заброшенный, в окружении оживленных, нарядных соседей. Мы сели на скамейку так, чтобы видеть входную дверь, и

закурили сигары, стараясь не привлекать к себе внимания. Время тянулось невыносимо медленно.

Наконец подъехал экипаж, из которого неторопливо вышли лорд Годалминг и Моррис, а с козел спустился коренастый рабочий с плетеной корзиной в руках. Моррис заплатил кучеру, тот поклонился и уехал. Поднявшись по ступенькам, лорд Годалминг показал рабочему, что надо делать. Парень не спеша снял куртку и, повесив ее на перила, что-то сказал проходившему мимо полицейскому. Тот утвердительно кивнул, слесарь опустился на колени и придвинул к себе корзину. Порывшись в ней, он вытащил несколько инструментов и положил около себя. Потом встал, заглянул в замочную скважину, подул в нее и что-то сказал. Лорд Годалминг улыбнулся, и слесарь достал большую связку ключей, выбрал один из них и попытался открыть замок. Потом попробовал другой ключ, затем — третий. Вдруг дверь широко распахнулась, и все трое вошли в дом.

Мы молча ждали, я нервно курил сигару, Ван Хелсинг сохранял спокойствием. Мы видели, как вышел слесарь со своей корзиной. Придерживая коленом полуоткрытую дверь, он еще раз приладил ключ к замку и отдал его лорду Годалмингу. Тот достал кошелек и расплатился; слесарь надел куртку, взял корзину, попрощался, тронув рукой шляпу, и ушел. Никому не было дела до того, что происходило.

Мы пересекли улицу, постучали в дверь. Ее мгновенно открыл Квинси Моррис, рядом стоял лорд Годалминг, куривший сигару.

— Прескверно тут пахнет, — сказал он.

Действительно, смрад был, как в старой часовне: судя по всему, граф часто пользовался этим убежищем. Мы стали осматривать дом, стараясь держаться вместе на случай нападения, так как очень хорошо знали, что имеем дело с сильным и коварным врагом. В столовой, примыкавшей к передней, мы нашли восемь ящиков с землей. Только восемь из девяти! Нужно было искать недостающий ящик. Мы открыли ставни на окнах, выходивших в маленький, вымощенный камнем

двор. Напротив находилась конюшня, похожая на крошечный домик. Окон там не было, и мы могли не опасаться нескромных взглядов. Не теряя времени, мы занялись ящиками — по очереди открывали их с помощью инструментов, а потом продельывали с ними ту же операцию, что и в часовне. Было ясно, что графа в доме нет, и мы принялись искать его вещи.

После беглого осмотра здания от подвала до мансарды мы обнаружили кое-что лишь в столовой, на огромном обеденном столе. В беспорядке, не лишенном, однако, своей системы, лежали предметы, которые могли принадлежать графу. Мы внимательно их осмотрели: пачка документов о покупке домов на Пикадилли, в Майл-Энде и Бермондси, почтовая бумага, конверты, ручки и чернила. Все было покрыто тонкой оберточной бумагой — от пыли. Потом мы нашли платяную щетку, расческу, кувшин и таз с грязной водой, красной от крови. И наконец, большую связку ключей всех видов и размеров, видимо, от других домов.

Лорд Годалминг и Квинси Моррис, записав адреса домов на востоке и юге Лондона, отправились туда с этими ключами. Нам же, профессору Ван Хелсингу, доктору Сьюворду и мне, пришлось запастись терпением и ждать их возвращения или прихода графа.

ГЛАВА XXIII

Дневник доктора Сьюворда

3 октября

В ожидании возвращения лорда Годалминга и Квинси время тянулось очень медленно. Профессор всячески старался занять и приободрить нас, особенно Гаркера. Бедняга так подавлен свалившимся горем, что на него страшно смотреть. Еще вчера вечером молодой, темноволосый человек, веселый и счастливый, сегодня он превратился в мрачного изможденного старика, седовласого, с запавшими горящими глазами и глубокими морщинами на лице. Не иссякла только его энергия; мало того, он — как пылающий факел. Вероятно, в этом его спасение, ибо, если все уладится, это поможет ему пережить тяжкий период отчаяния и вернуться к нормальной жизни. Он, конечно, достоин всяческого сожаления, если мне мое горе казалось ужасным, то его!..

Профессор, хорошо понимая это, всячески старался отвлечь Гаркера и рассказывал поразительно интересные вещи. Воспроизвожу по памяти то, что он поведал нам...

— Я основательно изучил все попавшие ко мне в руки бумаги, имевшие отношение к этому монстру; и чем больше вникал в них, тем больше убеждался в необходимости его уничтожить. В них много говорится о его успехах, и видно, что он сознает свое могущество. В результате исследований моего друга Арминия из Будапешта удалось выяснить, что в жизни это был необыкновенный человек: одновременно солдат, государственный деятель, алхимик — алхимия в те времена считалась вершиной научного знания. Он обладал

большим умом и знаниями, а сердце его не ведало страха и угрызений совести. Граф даже учился в Шоломансе, школе дьявола, и не было такой науки в его время, которой бы он не превзошел. Что ж, после физической смерти его умственная мощь сохранилась, лишь слегка ослабела память. Конечно, кое в чем его интеллект — на примитивной стадии, однако способен к быстрому развитию. Граф экспериментирует, и вполне успешно. И не попадись мы на его пути, он, вероятно, стал бы — а в случае нашего поражения и станет — отцом или родоначальником нового вида, который будет существовать «в смерти», а не «в жизни».

Гаркер застонал:

— И эта сила направлена против моей любимой! Но как он экспериментирует? Зная это, мы можем разрушить его планы!

— Как только граф прибыл сюда, он стал пробовать свои силы — медленно, но уверенно продвигаясь вперед. К счастью для нас, у него довольно неразвитое, в каком-то смысле даже младенческое сознание: если бы он сразу посмел сделать некоторые вещи, мы бы давно оказались бессильны перед ним. Однако монстр полон решимости добиться успеха, у него впереди столетия, и он может позволить себе не спешить. «Спешить не торопясь» — вот его девиз.

— Не понимаю, — нетерпеливо перебил профессора Гаркер. — Пожалуйста, объясните поподробнее! Вероятно, горе и беспокойство притупили мой ум.

Ван Хелсинг положил ему руку на плечо:

— Хорошо, дитя мое, постараюсь. Разве вы не видите, как постепенно и осторожно пробовал монстр свои силы и копил знания, как он использовал больного-зоофага, чтобы проникнуть в дом нашего друга Джона; ведь вампир хоть и может проникать куда и как ему угодно, но лишь после того, как его пригласит кто-то, живущий в доме. Но это, конечно, не главные его опыты. Разве мы не видели, как сначала все эти громадные ящики перетаскивали грузчики. Так и должно было быть. Но со временем он задумался, почему бы ему

самому не переносить их. Начал помогать грузчикам, потом увидел, что все идет хорошо, он вполне может сам, без посторонней помощи переносить ящики. Это открыло перед ним новые возможности: рассредоточить в разных местах свои могилы, и тогда только ему будет известно их расположение. Можно даже закопать их глубоко в землю, с тем чтобы пользоваться ими ночью или в то время, когда он способен изменить облик, и никто не сможет узнать, где эти убежища! Но, друг мой, не отчаивайтесь; он понял это слишком поздно! Уже все его убежища уничтожены, кроме одного, но мы найдем его до захода солнца. Тогда у него не останется укрытий. Я медлил сегодня утром, чтобы действовать наверняка. Ведь мы рискуем большим, чем он! Значит, нам надо проявить большую осторожность. Судя по моим часам, если все обошлось благополучно, Артур и Квинси должны уже быть на пути к нам. Сегодня наш день, и мы должны действовать уверенно, не торопясь, но и не упуская шанса. Подумайте! Ведь когда вернутся наши друзья, нас станет пятеро!

При его последних словах мы вздрогнули — раздался стук в дверь. Мы с Гаркером бросились в переднюю, но Ван Хелсинг жестом велел нам молчать, подошел к двери и открыл ее. Рассыльный подал ему телеграмму. Профессор, закрыв дверь, взглянул, кому она адресована, вскрыл и прочитал вслух:

— «Берегитесь Д. Он только что, 12.45, из Карфакса поспешно направился к югу. Видимо, совершает обход, может заглянуть к вам. Мина».

Наступило молчание. Его прервал Джонатан Гаркер:

— Слава богу, скоро мы встретимся!

Ван Хелсинг быстро повернулся в нему и сказал:

— Все случится по воле Божьей, когда и как Он пожелает. Не бойтесь, но и не радуйтесь преждевременно; как бы именно то, чего мы так жаждем, не привело к нашей гибели.

— Меня теперь волнует только одно, — возбужденно воскликнул Гаркер, — как стереть этого зверя с лица земли. Ради этой цели я готов даже продать свою душу!

— Тише, тише, дитя мое! — перебил его Ван Хелсинг. — Бог не покупает души, а дьявол если и покупает, то не держит своих обещаний. Но Бог милостив и справедлив, Он знает о ваших страданиях и любви к дорогой мадам Мине. Подумайте, сколь возросло бы ее горе, если бы она услышала ваши безумные слова. Доверьтесь нам, ведь мы ваши друзья, сегодня все должно кончиться. Настало время действовать; днем вампир не сильнее человека, а до захода солнца он не сможет изменить свой облик. Ему нужно время, чтобы добраться сюда; смотрите, уже двадцать минут второго — еще есть несколько минут до его прихода. Будем надеяться, что лорд Артур и Квинси придут раньше.

Приблизительно через полчаса после телеграммы от миссис Гаркер раздался уверенный стук в дверь. Это был самый обычный стук, так стучат тысячи людей, но при его звуке наши сердца сильно забились. Мы переглянулись и все вместе вышли в переднюю; каждый держал наготове свое оружие: в левой руке — против духов, в правой — против людей. Ван Хелсинг отодвинул задвижку и, приоткрыв дверь, отскочил, приготовившись к нападению. Как же мы обрадовались, увидев на пороге лорда Годалминга и Квинси Морриса! Они быстро вошли и закрыли за собой дверь. Артур, проходя через переднюю, объявил:

— Все в порядке. Мы нашли оба логова, в каждом — по шесть ящиков, мы их уничтожили!

— Уничтожили? — переспросил профессор.

— Да, он ими не сможет воспользоваться!

Наступила пауза, потом Квинси сказал:

— Теперь остается лишь одно — ждать здесь. Если же до пяти он не появится, нам придется уйти — нельзя оставлять миссис Гаркер одну после захода солнца.

— Он скоро придет, — заметил Ван Хелсинг, просматривая свою записную книжку. — Обратите внимание, в телеграмме мадам Мины сказано, что он направился к югу, значит, ему придется переправляться через реку, а это возможно только во время отлива, то есть приблизительно около часа дня. Пока

у него только возникли подозрения. Из Карфакса вампир отправился туда, где менее всего ожидает нашего появления. Вероятно, вы были в Бермондси перед самым его приходом. Раз он еще не здесь, значит, в Майл-Энде. Это заняло некоторое время — ему надо было вновь переправляться через реку. Поверьте, друзья мои, ждать осталось недолго. Нужно составить план нападения, чтобы ничего не упустить... Но тихо! Времени уже нет. Приготовьте оружие!

Профессор предупредительно поднял руку, и мы услышали, как повернулся ключ в замке входной двери.

Даже в такой страшный миг я не мог не восхититься удивительным проявлением сильного характера. Всегда, когда мы вместе охотились или просто путешествовали по свету, лидером у нас был Квинси Моррис — он составлял план действий, а мы с Артуром привыкли безоговорочно подчиняться ему. Старая привычка сработала и на этот раз. Быстро оглядев комнату, он мгновенно составил план нападения и, не проронив ни слова, жестами расставил нас по местам. Ван Хелсинга, Гаркера и меня у двери; профессор должен был следить за нею, а мы, когда она откроется, встав между нею и вошедшим, отрезали бы ему выход. Лорд Годалминг и Квинси спрятались так, что от двери их не было видно, но они могли мгновенно преградить путь к окну. Ожидание стало столь напряженным, что секунды тянулись, как в кошмарном сне.

В передней раздались осторожные шаги: очевидно, граф был готов к неожиданности, по крайней мере чего-то опасался. Вдруг одним прыжком он очутился посреди комнаты, прежде чем кто-нибудь из нас успел даже пальцем пошевелить. Он походил на пантеру, в его повадке было столько хищного, нечеловеческого, что мы, на миг оторопевшие от его внезапного появления, тут же опомнились.

Первым пришел в себя Гаркер — он метнулся вперед и преградил графу проход в другие комнаты. Увидев нас, вампир дико зарычал, оскалив длинные острые зубы; но злобный оскал мгновенно сменился холодным и надменным взглядом. Выражение его лица вновь изменилось, когда мы

двинулись на него. Как жаль, что мы все-таки не продумали толком план нападения: даже в этот момент я не понимал, что нам делать и поможет ли в данной ситуации наше оружие.

Гаркер попробовал выяснить это на практике — большим кривым непальским кинжалом он в бешенстве замахнулся на графа. Удар был страшный, граф спасся лишь благодаря дьявольской ловкости, с которой отпрыгнул назад. Опоздай он на секунду — и острое лезвие пронзило бы его сердце. Теперь оно лишь полоснуло его сюртук, из разреза посыпались деньги и золотые монеты. Лицо графа стало таким жутким, что я испугался за Гаркера, хотя видел, что он приготовился ко второму удару. Невольно я подался вперед, подняв левую руку с распятием и Святыми Дарами, тут же ощутил в ней могучую силу. Мои друзья невольно сделали то же самое, и я не удивился, когда монстр, съездившись, отступил. Выражение лютой ненависти, злобы, дьявольского бешенства, исказившее его черты, не поддается описанию. Восковой цвет его лица сделался зеленовато-желтым, оттеняющим пылающие глаза; красный шрам выделялся на бледном лбу, как разверстая рана.

В следующую секунду граф, увернувшись от удара, ловко проскользнул под рукою Гаркера, схватил с пола горсть монет, пронесся через комнату и выпрыгнул в окно. Оконное стекло разлетелось вдребезги, а вампир упал на каменные плиты двора. Сквозь звон разбитого стекла было слышно, как звякнули, ударившись о них, золотые соверены.

Мы бросились было за ним, но он уже вскочил, целый и невредимый, и, перебежав двор, распахнул ворота конюшни. Потом обернулся и крикнул нам:

— Хотите загнать меня в угол? Да вы же как стадо баранов на бойне! Все вы еще горько пожалеете об этом! Думаете, оставили меня без убежища, но у меня их много. Месть моя только начинается! И будет продолжаться многие века, время работает на меня. Женщины, которых вы любите, уже мои, а с их помощью и вы станете моими — холопами, выполняю-

щими мои приказания, шакалами, ждущими моих подачек. Понятно?

И, презрительно засмеявшись, граф исчез в конюшне, мы услышали скрежет ржавого засова. Где-то открылась и захлопнулась дверь. Было ясно, что бежать за ним через двор бессмысленно, мы бросились в переднюю. Профессор крикнул нам:

— Мы многое узнали сейчас! Несмотря на свои громкие слова, бестия боится нас, боится времени, боится нужды! Если бы это было не так, монстр не спасался бы бегством! Сам тон выдает его — или мои уши меня обманывают. Зачем ему подбирать деньги? Скорее за ним! Представьте себе, что вы гонитесь за хищным зверем. А я уж постараюсь не оставить здесь ничего ценного для него, если он вздумает вернуться.

И он положил в карман оставшиеся деньги и пачку документов, а остальное бросил в камин и спичкой разжег его.

Лорд Годалминг и Моррис выбежали во двор, а Гаркер спустился туда через окно, но ворота конюшни оказались закрытыми. Пока их открывали, графа и след уж простыл. На конюшне никого не было. Мы с Ван Хелсингом пытались разузнать о нем на заднем дворе, но никто ничего не видел.

Надвигались сумерки, до захода солнца оставалось мало времени. Пришлось признать, что эту партию мы проиграли; с тяжелым сердцем пришлось согласиться с профессором, когда он сказал:

— Вернемся к мадам Мине — бедной, бедной, дорогой мадам Мине. Все, что можно, мы сегодня сделали. А теперь должны по крайней мере защитить ее. И не нужно впадать в отчаяние. Остался всего один ящик, найти его необходимо, после этого все будет хорошо.

Ван Хелсинг говорил уверенно, чтобы успокоить Гаркера. Бедняга был совсем подавлен и лишь время от времени издавал тихие стоны, видимо думая о своей жене.

Печальные, мы вернулись домой, где нас ждала миссис Гаркер, внешне выглядевшая совершенно спокойно, что делало честь ее стойкости и благородству. Увидев наши лица,

она побледнела как смерть; на мгновение закрыла глаза, как будто молилась про себя, потом спокойно сказала:

— Не знаю, как мне вас всех благодарить! О, мой бедный, милый Джонатан! — И она поцеловала седую голову мужа. — Все еще будет хорошо, дорогой! Бог защитит нас, если будет на то Его воля.

Бедняга тяжело вздохнул, застонал, в его великом отчаянии уже не было места словам.

Мы поужинали все вместе без особого аппетита, но все-таки немного повеселели, во всяком случае, почувствовали себя менее несчастными и обрели надежду на завтрашний день. Верные своему обещанию, мы рассказали миссис Гаркер все, что произошло. Она слушала спокойно, без страха, лишь изредка бледнея как снег, когда ей казалось, ее мужу угрожала опасность, и краснея при описании проявлений его преданности ей. Когда мы дошли до эпизода с Гаркером, отважно бросившимся на графа, она прильнула к руке мужа, будто защищая его от всех возможных несчастий.

Миссис Гаркер молчала, пока мы не закончили повествование и не стало ясно наше положение. Тогда, не выпуская руки мужа, она встала и заговорила. О, если б я мог передать эту сцену: славная, милая, добрая женщина во всей лучезарной красоте своей молодости и вдохновения, с красным шрамом на лбу, о котором она постоянно помнила и при виде которого у нас сжимались зубы; ее мягкость и доброта — на фоне нашей сумрачной ненависти, ее вера — на фоне наших страхов и сомнений. И мы знали что она, при всей своей доброте, чистоте и вере, была парией, отверженной Богом.

— Джонатан, — сказала миссис Гаркер, и это имя в ее устах прозвучало как музыка, исполненная любви и нежности, — дорогой Джонатан и вы, мои верные друзья, я хочу, чтоб вы помнили кое о чем в это ужасное время. Конечно, вы должны бороться и даже уничтожить монстра, как вы уничтожили подставную Люси, чтобы истинная, всеми нами любимая Люси перестала страдать. Но пусть вас ведет не ненависть. Бедная душа, сотворившая весь этот кошмар, и сама достойна вели-

кого сожаления. Вы только представьте себе, как же он обрадуются, когда его худшая половина будет уничтожена, а лучшая — обретет бессмертие. Пожалейте убийцу, хотя это не должно помешать вам его уничтожить.

Лицо ее мужа потемнело и напряглось. Он инстинктивно так сжал ей руку, что костяшки его пальцев побелели. Но она даже не поморщилась, хотя, знаю, ей было больно, и лишь смотрела на него умоляющими глазами. Он же вскочил, резко отняв у нее свою руку, и закричал:

— Дай бог, чтоб он наконец попался мне в руки, уж я-то уничтожу его земную жизнь. И если бы мог на веки вечные отправить его душу в ад, то охотно сделал бы и это!

— О, тише! Тише! Ради бога, не говори такое, Джонатан, муж мой, ты просто повергаешь меня в ужас. Подумай, мой дорогой, — весь этот долгий, бесконечный день я думала об этом. Быть может... когда-нибудь... и я буду нуждаться в жалости, и кто-нибудь, как вы теперь, с теми же основаниями для гнева откажет мне в милосердии! О муж мой! Если б могла, я бы не стала говорить тебе это, и молю Бога отнестись к твоим безумным словам лишь как к вспышке любящего человека, омраченного горем. О Господи, взгляни на его седые волосы — свидетельство страданий того, кто за всю свою жизнь никому не причинил зла и на чью долю выпали такие муки.

Невозможно было удержаться от слез. Да мы их и не стеснялись. Миссис Гаркер тоже заплакала, увидев, что ее увещевания подействовали. Муж бросился перед ней на колени и обнял ее, спрятав лицо в складках платья. Ван Хелсинг кивнул нам, и мы тихо вышли, оставив эти любящие сердца наедине с Богом.

Прежде чем лечь спать, профессор сделал все необходимое, чтобы вампир не вошел в их комнату, и уверил миссис Гаркер в ее полной безопасности. Милая женщина и сама хотела верить в это и, явно ради мужа, старалась выглядеть спокойной. Это далось ей непросто. Ван Хелсинг оставил им колокольчик, чтобы в случае необходимости они позвонили.

Когда они ушли, Квинси, Годаминг и я решили дежурить по очереди, охраняя несчастную, попавшую в беду леди. Первым выпало сторожить Квинси, мы же с Артуром постарались поскорее лечь, чтобы выспаться. Лорд Годаминг, который должен сменить Квинси, уже спит. Теперь и я, окончив записи, последую его примеру.

Дневник Джонатана Гаркера

3 — 4 октября, без нескольких минут полночь. Мне казалось, что вчерашний день никогда не кончится. Сначала безумно хотелось заснуть в надежде, что утром, когда проснусь, все уже переменится — и переменится к лучшему. Прежде чем разойтись, мы обсуждали наши дальнейшие действия, но не пришли к соглашению. Нам было известно, что остался один ящик с землей, но только граф знает, где он. Если он пожелает, то в течение многих лет может морочить нам голову, а за это время... От одной лишь мысли мне делается страшно. Боюсь даже думать об этом теперь. Единственное, в чем я уверен: если может быть на этом свете женщина, являющая собой совершенство, то это моя бедная опозоренная жена. Я люблю ее в тысячу раз больше за ее вчерашнее великодушие, рядом с которым моя оголтелая ненависть к этому монстру достойна презрения. Я верю, что Господь не допустит ее гибели. В этом моя надежда. Нас несет на рифы, и вера — наш единственный спасительный якорь.

Слава богу, Мина спит, и спит спокойно, без кошмаров. Страшно представить себе ее сны при такой ужасной реальности. После захода солнца она впервые выглядит такой спокойной. Лицо ее засияло тихим светом, как будто наступила весна после мартовских метелей. Сначала я думал, это отблеск заката, но, наверное, это означает что-то другое. Сам я не сплю, хотя устал, смертельно устал. Однако надо спать, завтра нужно собраться с мыслями, не будет мне покоя, пока...

Позднее. Похоже, я заснул, потому что Мина разбудила меня. При свете лампы, которую мы не гасили на ночь, я увидел ее испуганное лицо. Она предупреждающе прикрыла ладонью мне рот и прошептала на ухо:

— Тихо! В коридоре кто-то есть.

Я бесшумно встал и, подойдя к двери, осторожно открыл ее.

Передо мной, растянувшись на тюфяке, лежал мистер Моррис и смотрел на меня. Призывая к молчанию, он поднес палец к губам и прошептал:

— Тише! Спите спокойно, все в порядке. Тут всю ночь будет кто-то дежурить, мы решили не испытывать судьбу!

Его вид и решительный жест не допускали возражений, я вернулся к Мине и рассказал ей, в чем дело. Она вздохнула, и подобие улыбки промелькнуло на ее бледном лице. Обняв меня, она нежно сказала:

— Да поможет Бог этим добрым, храбрым людям!

С тяжелым вздохом Мина легла на кровать и вскоре опять заснула. Я же не сплю и пишу эти строки — хотя нужно снова попытаться заснуть.

4 октября, утро. Ночью Мина еще раз разбудила меня. Видимо, мы спали довольно долго — серый рассвет уже очертил контуры окна, а газовая лампа горела тускло.

— Скорее, позови профессора, — проговорила она торопливо. — Мне нужно немедленно видеть его.

— Зачем? — спросил я.

— У меня есть идея. Она возникла еще ночью и, видимо, созрела, пока я спала. Меня нужно загипнотизировать до восхода солнца, и, может быть, я смогу что-то рассказать. Скорее, дорогой мой. Осталось мало времени.

Я открыл дверь. Доктор Сьюворд лежал на тюфяке и, увидев меня, мгновенно вскочил.

— Что-то случилось? — спросил он в тревоге.

— Нет, — успокоил я его, — но Мина хочет немедленно видеть профессора Ван Хелсинга.

— Я позову его, — сказал он и поспешно вышел.

Минуты через две-три Ван Хелсинг в халате уже был в нашей комнате, а мистер Моррис и лорд Годаминг расспрашивали в дверях доктора Сьюворда. Увидев Мину, профессор улынулся, чтобы скрыть беспокойство, потер руки и сказал:

— О моя дорогая мадам Мина, вижу перемены к лучшему. Смотрите-ка! Друг Джонатан, наша дорогая мадам Мина выглядит совсем как прежде! — и весело добавил: — А чем я могу вам помочь? Ведь не зря же вы позвали меня в такой неурочный час.

— Я хочу, чтобы вы меня загипнотизировали! — ответила она. — До восхода солнца. Похоже, я смогу кое-что рассказать. Скорее, времени мало!

Профессор без слов усадил Мину на постели и, вперившись в нее пристальным взглядом, стал делать пассы, проводя то одной, то другой рукой от ее макушки вдоль лица. Несколько минут Мина не сводила с него глаз, у меня бешено колотилось сердце — я ощущал приближение какого-то перелома. Постепенно глаза ее закрылись, она сидела совершенно неподвижно, лишь по легкому ритмичному движению груди было видно, что она жива. Профессор сделал еще несколько пассов и остановился, на лбу его выступили крупные капли пота. Мина открыла глаза, но это была совсем другая женщина — с отсутствующим взглядом и голосом, который звучал странно и мечтательно.

Ван Хелсинг поднял руку, требуя молчания, и знаком велел мне позвать остальных. Они вошли на цыпочках, закрыв за собой дверь, и встали у дальнего края постели. Мина их явно не замечала. Наконец профессор нарушил молчание и тихим голосом, чтобы не нарушить течение ее мыслей, спросил:

— Где вы?

— Не знаю. У сна нет своего места.

Несколько минут царил молчание. Мина сидела неподвижно, а профессор пристально смотрел на нее, мы же, свидетели этого, едва дышали. В комнате стало светлее; не сводя глаз с лица Мины, профессор сделал мне знак поднять шторы.

На горизонте появилась красная полоска, розовый свет разлился по комнате. И тут же Ван Хелсинг заговорил вновь:

— Где вы теперь?

Ответ прозвучал рассеянно-мечтательно, но вместе с тем Мина как будто силилась понять что-то. Она заговорила тем же голосом, каким расшифровывала свои стенографические записи:

— Не знаю. Все мне незнакомо!

— Что вы видите?

— Ничего. Полная тьма.

— Что вы слышите?

— Плеск воды. Она булькает, слышу негромкий шум волн.

Снаружи.

Я почувствовал напряжение в ее голосе.

— Значит, вы на корабле?

Мы переглянулись в недоумении, испугавшись свой догадки.

— О да!

— Что еще вы слышите?

— Шаги людей, бегающих у меня над головой. Лязг цепей, как будто бы поднимают якорь.

— Что вы делаете?

— Лежу спокойно — так неподвижно, как будто уже умерла!

Голос ослабел и перешел в глубокое дыхание, как во сне; она закрыла глаза.

Солнце уже поднялось довольно высоко, наступил день. Ван Хелсинг взял Мину за плечи и осторожно опустил ее голову на подушку. Несколько минут она лежала как спящее дитя, потом глубоко вздохнула, проснулась и удивленно посмотрела на нас, столпившихся вокруг нее.

— Я говорила во сне?

По-видимому, Мина и так знала это, но ей хотелось услышать, что она говорила. Профессор повторил ей весь разговор, и она сказала:

— Нельзя терять ни минуты: возможно, еще не поздно!

Мистер Моррис и лорд Годамминг уже направились к двери, но профессор спокойно окликнул их:

— Подождите, друзья мои. Судно это явно поднимало якорь. В огромном лондонском порту многие суда сейчас готовы к отплытию. Которое из них наше? Слава богу, у нас вновь есть нить, хотя неизвестно, куда она приведет. Мы были слепы, как это свойственно людям. Теперь, оглядываясь назад, мы оцениваем все по-иному! Я выражаюсь не совсем ясно? Итак, теперь мы знаем, что было у графа на уме, когда он подбирал деньги, хотя ему угрожал кинжал Джонатана, которого даже этот монстр испугался. Он решил бежать. Вы слышите? Бежать! Зная, что у него остался всего один ящик и целая группа людей преследует его, как собаки — лису, граф понял, что из Лондона надо уносить ноги. Погрузив на судно свой последний ящик, он покинул страну. Он думает, что убежал, но нет! Мы последуем за ним. Ату! — как сказал бы наш друг Артур, надев свой красный охотничий костюм. Наша старая лиса хитра, ох как хитра! И мы должны взять ее хитростью. Я тоже хитер. А пока мы можем быть спокойны, нас отделяет от него вода, которую он не захочет пересечь, а если и захочет, то не сможет, пока судно не пристанет к берегу. Смотрите, солнце уже высоко, и весь день до захода солнца принадлежит нам. Примем ванну, оденемся, позавтракаем — это нам всем не повредит, сегодня мы можем быть спокойны, его уже нет в этой стране.

Мина, умоляюще взглянув на него, спросила:

— Но зачем нам нужно разыскивать его, раз он уехал?

Профессор взял ее руку, погладил и ответил:

— Не расспрашивайте меня пока. После завтрака я отвечу на все вопросы.

Мы разошлись по комнатам.

После завтрака Мина повторила свой вопрос. Ван Хелсинг посмотрел на нее серьезно и печально:

— Моя дорогая, милая мадам Мина, теперь нам, как никогда, необходимо настичь его, даже если бы пришлось последовать за ним в ад!

Она побледнела и спросила едва слышно:

— Почему?

— Потому что, — ответил он горестно, — он может жить сотни лет, а вы — лишь смертная женщина. С тех пор как он оставил свою метку на вашем горле, время не на нашей стороне...

Я едва успел подхватить ее — она упала без сознания.

ГЛАВА XXIV

Дневник доктора Сьюворда Фонографическая запись обращения Ван Хелсинга к Джонатану Гаркеру

 ставайтесь с дорогой мадам Миной — это ваш святой долг. Мы же продолжим наши изыскания, если их так можно назвать, ведь мы ищем подтверждение тому, что уже знаем. Позаботьтесь о ней. Сегодня он здесь ни в коем случае не появится. Позвольте вам рассказать то, что уже известно остальным. Наш враг бежал, он возвращается в Трансильванию в свой замок — я уверен в этом так, будто чья-то рука начертала на стене это известие.

Он на всякий случай готовился к бегству, потому и припрятал где-то последний ящик, и деньги взял, и торопился, чтобы мы не задержали его до захода солнца. Это была его последняя надежда. Он рассчитывал укрыться в склепе бедной мисс Люси, думая, что она такая же, как и он. Когда все провалилось, он устремился к своему последнему оплоту — своему, так сказать, земному пристанищу. Он умен, о, он очень умен! Он понял, что здесь игра окончена, и решил вернуться домой. Нашел корабль с подходящим маршрутом. Мы узнаем, что это за судно и куда направилось. Потом вернемся и все вам расскажем. Не волнуйтесь и успокойте бедняжку мадам Мину — еще не все потеряно. Этому чудовищу понадобилось сотни лет, чтобы добраться до Лондона, а изгнали мы его за один день, зная его возможности и их пределы. Хотя он и может причинить много вреда, но и мы сильны, каждый по-своему, а вместе еще сильнее. Воспряньте духом, дорогой муж мадам Мины! Борьба только началась, и в конце концов мы победим — я в этом уверен так же, как и в том, что Господь

хранит своих детей. Поэтому не тревожьтесь, отдыхайте и ждите нашего возвращения.

Ван Хелсинг

Дневник Джонатана Гаркера

4 октября. Мина, прослушав фонографическое послание Ван Хелсинга, значительно повеселела. Уверенность в том, что граф находится за пределами страны, успокаивает, а значит, и придает сил. Теперь, когда ужасная опасность не угрожает нам непосредственно, с трудом верится в ее реальность. Мои ужасные приключения в замке Дракулы кажутся давно забытым сном. Здесь, на свежем осеннем воздухе, в ярких лучах солнца...

Увы! Разве можно не верить! Только я раз мечтался, как мой взгляд упал на красное клеймо на белоснежном лбу моей милой. Пока оно не исчезнет, невозможно не верить. Да и потом одно лишь воспоминание о нем будет поддерживать кристальную чистоту нашей веры. Мина и я, боясь праздности, вновь и вновь обращались к своим дневникам. Так или иначе, боль и страх затихают. Как будто бы забрезжила путеводная звезда, и это обнадеживает. Мина считает, что мы в этой истории выступаем как проводники высшего блага. Вполне может быть! О будущем мы с ней не говорим. Интересно, что удалось узнать профессору и остальным.

Время сегодня бежит, слава богу, быстро, а то уж мне стало казаться, что для меня оно остановилось. Уже три часа дня.

Дневник Мины Гаркер

5 октября, 5 часов вечера. На нашем собрании присутствовали профессор Ван Хелсинг, лорд Годалминг, доктор Сьюворт, мистер Квинси Моррис, Джонатан и Мина Гаркер.

Профессор рассказал, как им удалось узнать, на каком корабле и куда бежал граф Дракула:

— Понимая, что граф хочет вернуться в Трансильванию, я был уверен, он выберет тот же путь через устье Дуная и Черное море, каким и прибыл сюда. Да, неведомое всегда интересно... Итак, с тяжелым сердцем мы стали выяснять, какие корабли отправились накануне вечером в Черное море. Речь шла о паруснике, по словам мадам Мины, она слышала, как на судне поднимали паруса. Обычно о таких судах не сообщают в том расписании, что печатают в «Таймс». И по совету лорда Годалминга мы обратились в контору «Ллойд», где фиксируют отплытие и прибытие всех судов, даже самых маленьких. Удалось установить: только одно судно вчера с наступлением прилива ушло в Черное море — «Царица Екатерина», отправившаяся от Дулиттл-ской пристани в Варну, потом с заходом в другие порты вверх по Дунаю. «На этом корабле, — сказал я, — и находится граф». Мы поспешили на Дулиттлскую пристань и там в крошечной конторе у господина, казавшегося крупнее своего офиса, навели справки об отплытии «Царицы Екатерины». Господин был очень шумным с ярко-красным лицом; он чертыхался, орал, но в целом оказался славным малым, и когда что-то шуришащее перепило из кармана Квинси в его кошелек, возникший из недр его одежды, он стал нашим преданным слугой и тут же отправился с нами, расспрашивая по дороге встречных. Томимые жаждой, они не отличались особой вежливостью, но стоило ее утолить, и эти хмурые парни вдруг, как по мановению волшебной палочки, превратились в весьма милых и доброжелательных людей. Правда, они много чертыхались, без конца вставляли непонятные мне словечки, однако сообщили все, что нас интересовало.

По их словам, вчера к вечеру около пяти на пристань прибежал какой-то человек — высокий, худой, бледный, с крупным горбатым носом, белыми зубами и сверкающими глазами. Одет во все черное, только шляпа на нем была не по сезону — соломенная. Он не жалел денег, торопливо расспрашивая, какое судно отправляется в Черное море. Ему указали контору, а потом и корабль, но он отказался подняться на борт и остановился у трапа, попросив, чтобы к нему вышел капитан. Тот вышел, предварительно узнав, что речь идет о

хорошем куше; и хотя поначалу он ворчал и ругался, потом они все же сговорились. Тогда высокий ушел, узнав, где можно нанять лошадь и повозку, и вскоре привез на пристань большой ящик. Сам снял его с повозки, хотя для того, чтобы перенести его на корабль, понадобилось несколько человек, и долго объяснял капитану, куда и как надо его поставить. Капитану это не понравилось, и он на разных языках выражал свое недовольство, а потом предложил высокому подняться самому и посмотреть, где будет стоять ящик. Но тот отказался, сказав, что у него еще много дел. Тогда капитан посоветовал ему поторопиться: проклятье, судно скоро отчаливает, ко всем чертям, нужно успеть сняться с якоря во время прилива, дьявол его побери. Худощавый господин улыбнулся и сказал, что, конечно, судно должно отправиться, когда капитан сочтет нужным, но все-таки маловероятно, что это произойдет очень скоро. Капитан вновь высказал свое мнение на разных языках, а худощавый поклонился, поблагодарил его и сказал, что, не желая злоупотреблять его любезностью, явится на судно перед самым отплытием. Тогда капитан побагровел и, обнаружив знание еще нескольких языков, заявил, что не желает на своей чертовой посудине никаких французов, сто чертей им в бок. Господин же спокойно спросил, где поблизости магазин, и ушел.

Никого не интересовало, куда он направился, — у всех и без того дел хватало, черт возьми; а вскоре стало ясно, что «Царица Екатерина» не уйдет в намеченное время. Над рекой поднялся туман, он все более сгущался и вскоре плотной пеленой окутал корабль и пристань. Капитан ругался на всех языках, поминал черта и его родственников, но ничего не мог поделать. Вода прибывала, а он не хотел упустить прилив. Настроение у него было, мягко говоря, недружелюбное, когда на трапе в самый пик прилива появился тот самый тощий господин и спросил, куда поставили ящик. Капитан пожелал ему вместе с ящиком отправиться ко всем чертям прямо в ад. Но господин не обиделся, спустился с помощником капитана в трюм, посмотрел, где ящик, и, поднявшись на палубу, постоял

там в тумане. Никто не обращал на него внимания. Было не до него, туман стал рассеиваться, и вскоре совсем прояснилось. Мои промочившие глотку приятели, перемежая свою речь ругательствами, со смехом рассказывали, что проклятья капитана превзошли все пределы возможностей разных языков, он просто потряс команду своим красноречием, когда узнал от других моряков, поднимавшихся и спускавшихся в тот час по реке, что, кроме этой пристани, тумана нигде и в помине не было. Наконец, когда уже начинался отлив, судно отчалило, к утру оно, несомненно, было в устье Темзы, а к моменту наших расспросов — далеко в море.

Итак, моя дорогая мадам Мина, мы можем немного перевести дух, наш враг в море — плывет, повелевая туманом, к устью Дуная. Путешествие на паруснике требует много времени, а мы можем добраться туда по суше гораздо быстрее и встретить его там. Лучше всего захватить его, когда он будет в своем ящике, — между восходом и заходом солнца, тогда граф не сможет сопротивляться, и мы осуществим свой замысел. У нас еще есть время, чтобы обдумать план действий. Мы знаем, куда он держит путь, хозяин судна показывал нам все судовые бумаги и накладные. Ящик должны выгрузить в Варне и передать агенту, некоему Ристиксу. Так что наш друг-купец помог нам. Он забеспокоился: может быть, с ящиком что-то неладно, тогда он телеграфирует в Варну, чтобы там провели расследование, — но мы его успокоили. Конечно, вмешательство полиции или таможни для нас нежелательно. Мы все должны сделать сами и так, как считаем нужным.

Когда профессор Ван Хелсинг закончил, я спросила его, уверен ли он в том, что граф находится на борту корабля.

— Лучшее подтверждение этому, — ответил он, — ваш собственный рассказ под гипнозом сегодня утром.

Я вновь спросила его, неужели так необходимо преследовать графа, — разлука с Джонатаном просто невыносима для меня, а он, конечно, поедет, если поедут остальные. Ван Хелсинг отвечал сначала спокойно, потом все более страстно, гневно, все с большей силой и убежденностью — так, что в

конце концов мы почувствовали, почему именно он был нашим мозговым центром и предводителем.

— Да, это необходимо, совершенно необходимо! Прежде всего ради вас, но также и для блага человечества. Этот монстр причинил уже много вреда, однако в небольших масштабах и в тот короткий период времени, когда он только пробовал свои силы. Об этом я уже говорил нашим друзьям; вы, дорогая мадам Мина, можете послушать фонограмму дневника моего друга Джона или почитать записи вашего мужа. Я говорил им о том, что потребовались столетия, чтобы он собрался оставить свою оскудевшую, малонаселенную родину и отправился в новую страну, изобилующую людьми, как урожайное поле колосьями. У любого другого «живого мертвеца», попытайся он сделать то, что сделал Дракула, скорее всего, ничего не вышло бы, никакие столетия ему не помогли бы. В данном же случае силы природы, оккультные, глубокие, мощные, сработали удивительным образом. Сама местность, в которой он обитал в течение веков, своеобразна даже в геологическом отношении. Там есть глубокие пещеры и расщелины, ведущие неведомо куда. Там есть вулканы, кратеры которых до сих пор извергают потоки лавы, есть там подземные источники, способные отравить или, наоборот, исцелить человека. Несомненно, в сочетаниях оккультных сил проявляются особые магнитные или электрические свойства, непредсказуемо воздействующие на физическую жизнь. Да и нашему врагу при его жизни были присущи великие достоинства. В те тяжелые, беспокойные времена он славился железной выдержкой, хитрым, изворотливым умом, необычайной храбростью. Некоторые возможности человека оказались в нем развиты до предела: параллельно совершенствовался его ум. Эти качества были заложены в нем от природы как добрые начала. Он, конечно, не пренебрег и помощью дьявола. И таким он предстал перед нами. Он заразил вас — о, простите меня, дорогая, я вынужден говорить об этом, но только ради вашего блага. Он столь коварно отравил вашу кровь, что если даже это никогда больше не повторится, то

как бы хорошо и достойно вы ни прожили свою жизнь, а после смерти, являющейся по воле Бога общечеловеческим уделом, станете ему подобной. Этого мы не можем допустить! Мы поклялись, что этого не будет. Тем самым мы лишь исполняем волю Всевышнего, пожелавшего, чтобы мир и люди, за которых принял страдания Его Сын, не были отданы на поругание монстрам, самим своим существованием оскорбляющим эту великую жертву. Нам уже удалось спасти одну душу, и, подобно крестоносцам, мы отправляемся в путь для спасения других. Как и они, мы пойдем на восток, и если погибнем, то за святое дело.

Ван Хелсинг сделал паузу, и я спросила:

— Быть может, граф благоразумно отнесется к своему поражению? Поскольку вы изгнали его из Англии, возможно, он будет избегать ее, как тигр обходит стороной деревню, в которой его ранили?

— Что ж! — сказал профессор. — Ваше сравнение с тигром мне нравится, и я воспользуюсь им. Тигра, который, однажды отведав кровь человека, уже не хочет никакой иной добычи и рыщет по округе, подстерегая людей, в Индии называют людоедом. Тигр, изгнанный из нашей деревни, — тоже людоед, и он никогда не перестанет охотиться на человека. Более того, он не из тех, кто отступает. В свое время он переходил турецкую границу и атаковал врага на его территории, его изгоняли обратно, и что же? Он возвращался опять и опять. Обратите внимание на его настойчивость и выдержку. У него давно возникла мысль отправиться в большой город. Что же он делает? Находит самое подходящее для себя место в мире и начинает готовиться. Пробует свои силы и возможности, изучает новые языки, социальную среду, политику, законы, финансы, науку, обычаи другой страны. Все это лишь раздражило его аппетит, усилило желание и развило ум, подтвердив, что он был прав в своих предположениях. И все это он проделал один, совершенно один!

Так на что же он будет способен, когда великий мир науки откроется ему?! Ведь он может смеяться над смертью, ему

нипочем эпидемии, от которых вымирают целые народы. О, если бы он был от Бога, а не от дьявола, каким бы мощным источником добра стал он для нас. А теперь мы призваны освободить мир от него. Мы должны действовать тихо и тайно; ибо в наш просвещенный век не верят даже в то, что видят своими глазами; скептицизм ученых для него благо, способное его защитить, и оружие, которым он пользуется для борьбы с нами, своими врагами, готовыми погубить даже свои души ради спасения той, что мы любим, ради блага человечества, во имя славы Господа.

Посоветовавшись, мы решили, что утро вечера мудренее и план действий лучше составить утром за завтраком.

Сегодня ночью мне так спокойно и легко, как будто я освободилась от чьего-то навязчивого присутствия. Может быть...

Не успела я дописать фразу, как увидела в зеркале красную отметину у себя на лбу и поняла, что не избавилась от скверны.

Дневник доктора Сьюворда

5 октября. Все встали рано, и думаю, сон благотворно подействовал на нас. Встретившись за завтраком, мы удивились, что еще способны испытывать такое хорошее настроение.

Просто поразительно, как быстро человек обретает утраченный покой. Стоит лишь устранить помеху, препятствие — не важно, какие были понесены при этом потери, — и вновь возвращаются надежда и радость. Не раз, пока мы сидели за столом, у меня возникало сомнение, не во сне ли явились нам кошмары последних дней. Однако зловещее клеймо на лбу миссис Гаркер тут же возвращало меня к действительности. Но и теперь, когда я перебираю в памяти все случившееся, кажется просто невероятным, что источник наших бед еще существует. Даже миссис Гаркер почти забыла о своих страданиях и вспоминает о своей ужасной метке, лишь когда что-то наводит ее на мысль о ней.

Через полчаса мы встречаемся в моем кабинете и разрабатываем план действий. Я предвижу лишь одно осложнение: нужна полная откровенность, а бедная миссис Гаркер, боюсь, по неким таинственным причинам не свободна. Я знаю, у нее есть свои соображения и выводы, и, судя по прошлым ее прозрениям, легко представить себе, как они справедливы и близки к истине, но, вполне вероятно, она не захочет или не сможет открыться. Я сказал об этом Ван Хелсингу, и мы решили поговорить наедине. Мне кажется, ужасный яд, попавший в ее кровь, начинает действовать. Несомненно, у графа была особая цель, когда он осуществил то, что Ван Хелсинг называет «крещением кровью вампира». Должно быть, существует яд, самопроизвольно образующийся из безвредных веществ; этому не приходится удивляться — похоже, сходным химическим процессом обусловлено возникновение трупных ядов, природа которых в наш век по-прежнему остается загадкой. Ясно одно: если меня не обманывает чутье, то сила, заставляющая молчать миссис Гаркер, может стать для нас опасной.

Не смею развивать эту линию дальше, ибо даже в мыслях не хочу допустить ничего недостойного в отношении этой благородной женщины!

Ван Хелсинг придет ко мне в кабинет немного раньше других, и мы попытаемся разобраться.

Позднее. Пришел профессор, мы говорили о том о сем, я видел, что он колеблется, не решаясь сказать главное, но, еще немного походив вокруг да около, все-таки решился:

— Друг Джон, нам с тобой нужно кое-что обсудить конфиденциально. Позднее, возможно, мы посвятим и остальных... Мадам Мина, наша бедная, дорогая мадам Мина меняется на глазах.

Меня охватила дрожь, когда я услышал подтверждение самым худшим своим опасениям.

— Учитывая печальный опыт мисс Люси, мы должны на этот раз опередить события. Правда, в данном случае наша задача значительно труднее, дорог каждый час. Я вижу, как характерные черты вампира проступают на ее лице. Они пока едва заметны, но они есть, если смотреть внимательно и беспристрастно. Зубы стали острее, взгляд жестче. Но это не все; она стала замкнутой и молчаливой, как в свое время Люси, предпочитавшая молчать, хотя письменно подробно излагала свои переживания. И еще я боюсь вот чего. Если она в состоянии гипноза может сообщать, что видит и слышит граф, то вполне вероятно и обратное — тот, кто загипнотизировал ее первый,пил ее кровь и вынудил выпить свою, может заставить бедную женщину раскрыть ему наши планы.

Я кивнул в знак согласия, а он продолжал:

— Нам надо во что бы то ни стало помешать этому; мы должны скрыть от нее наши намерения, и тогда она не сможет рассказать ему то, чего сама не знает. Это печальная задача! О, это так грустно, что у меня просто разрывается сердце, но иначе нельзя. Когда мы сегодня увидимся, я скажу ей, что в силу причин, раскрыть которые мы пока не можем, она не должна больше присутствовать на наших совещаниях, оставаясь тем не менее под нашей защитой.

Профессор вытер испарину, которая выступила у него на лбу при мысли о том, какую боль ему придется причинить бедной, измученной душе. Надеясь как-то утешить его и, возможно, избавить от мучительных сомнений, я сказал, что пришел к тому же выводу. Ему действительно стало легче.

Незадолго до общего сбора Ван Хелсинг ушел к себе подготовиться к совещанию и своей печальной миссии. Мне кажется, он просто хочет помолиться в уединении.

Немного позже. В начале нашего совещания мы с Ван Хелсингом испытали большое облегчение: Гаркер сообщил, что жена просила извинить ее, но она не будет принимать участие в обсуждении; по ее мнению, мы будем чувствовать себя свободнее, не стесненные присутствием больного чело-

века. Мы с профессором переглянулись. Похоже, миссис Гаркер сама поняла опасность и решила избавить всех от новых страданий и неприятностей. На мой вопросительный взгляд профессор приложил палец к губам. Значит, пока не будем говорить о своих подозрениях. Тут мы приступили к составлению плана нашей кампании. Ван Хелсинг изложил факты:

— «Царица Екатерина» вчера утром вышла из Темзы. Ей потребуется по крайней мере три недели, чтобы добраться до Варны, мы же по суше будем там через три дня. Допустим, благодаря способности графа повелевать стихиями судно выиграет пару дней, а какие-то случайности могут задержать нас, скажем, на сутки; в нашем распоряжении остается около двух недель. Поэтому, чтобы не волноваться, мы должны выехать не позднее 17-го. Тогда мы в любом случае будем в Варне за день до прибытия судна и успеем подготовиться. Отправимся туда во всеоружии.

— Насколько я понял, — заметил Квинси Моррис, — граф родом из страны волков; возможно, он доберется туда раньше нас. Предлагаю дополнить нашу амуницию винчестерами. Они очень выручают во всех затруднительных обстоятельствах. Помнишь, Арт, как за нами гналась волчья стая под Тобольском? Чего бы мы не дали тогда за хорошую винтовку!

— Хорошо! — согласился Ван Хелсинг. — Берем и винчестеры. Квинси, как всегда, дает дельные советы, тем более что речь идет об охоте. Больше здесь нам делать нечего. А поскольку в Варне никто из нас не был, не отправиться ли нам туда пораньше? Не все ли равно, где ждать, там или здесь. Сегодняшнего вечера и завтрашнего вполне достаточно на сборы, и тогда, если все будет в порядке, мы вчетвером тронемся в путь.

— Вчетвером? — спросил удивленно Гаркер.

— Конечно! — быстро ответил профессор. — Вам нужно остаться здесь и позаботиться о вашей милой жене!

Немного помолчав, Гаркер сказал глухим голосом:

— Вернемся к этой теме завтра утром. Я посоветуюсь с Миной.

Полагая, что настало время Ван Хелсингу предупредить его — не раскрывать ей наши планы, я выразительно посмотрел на профессора и кашлянул. Вместо ответа, он приложил палец к губам и отвернулся.

Дневник Джонатана Гаркера

5 октября, после обеда. После нашего сегодняшнего совещания я просто в растерянности, не знаю, что и думать. Новый поворот событий привел меня в смятение. Решение Мины не участвовать в совещании озадачило меня, а поскольку я не решился обсуждать с ней этот вопрос, то могу лишь строить догадки. Но так ни к чему и не пришел. Меня удивило и то, как остальные восприняли это; ведь мы решили, что у нас не должно быть никаких тайн друг от друга. Мина спит, тихо и сладко, как дитя. Губы полураскрыты, лицо счастливое. Слава богу, что еще бывают такие минуты.

Позднее. Как странно! Я сидел, сторожил счастливый сон Мины и сам почувствовал себя счастливым. Наступал вечер, солнце садилось, темнота сгущалась над землей, а я все более ощущал тишину, повисшую в комнате. Вдруг Мина открыла глаза и, нежно посмотрев на меня, сказала:

— Джонатан, дай честное слово, что исполнишь мою просьбу. Дай мне это обещание перед Богом и не нарушай его, даже если я буду умолять тебя об этом на коленях, обливаясь горькими слезами. Скорее, исполни мою просьбу сейчас же.

— Мина, — ответил я, — я не могу сразу дать такое обещание. Может быть, я не имею права на это.

— Но, дорогой, — воскликнула она с такой убежденностью, что глаза ее засверкали, как звезды, — я очень этого хочу — и не ради себя! Можешь спросить у профессора Ван Хелсинга, права ли я; если он не согласится, поступай как

знаешь. Более того, если вы все так решите, ты будешь свободен от обещания.

— Обещаю! — сдался я, и в это мгновение бедняжка выглядела счастливой, хотя, мне кажется, она не может быть счастливой, пока на лбу у нее остается красная метка.

— Обещай мне, ни слова не говорить о вашем плане против графа. Ни прямо, ни намеками, пока это не исчезнет. — И она показала на свой зловеющий рубец.

Я понял, что Мина говорит серьезно, и ответил не менее серьезно:

— Обещаю! — и тут же ощутил, что с этой минуты между нами возникла стена.

Полночь. Мина была весь вечер весела, да так, что и остальные приободрились. В результате даже я почувствовал, что пелена мрака, окутывавшая нас, слегка рассеялась. Мы разошлись рано. Мина вновь спит как дитя; хорошо все-таки, что даже в таком кошмаре у нее сохраняется способность спать. Слава тебе, Господи, по крайней мере хоть в эти часы ей удастся забыть о своих печалях. Может быть, ее пример вновь вдохновит меня, как вечером — ее хорошее настроение. Попытаюсь, и пусть это будет сон без сновидений!

6 октября, утро. Вновь сюрприз! Мина разбудила меня почти так же рано, как вчера, и попросила позвать профессора Ван Хелсинга. Я решил, что речь опять идет о гипнозе, и, не задавая вопросов, сразу же пошел за профессором. Такое впечатление, будто он ждал этого приглашения. Профессор был уже одет, дверь в его комнату широко распахнута, так что он слышал, как хлопнула наша дверь. Он тотчас же пришел к нам и спросил Мину, можно ли позвать остальных.

— Нет, — очень просто ответила она, — в этом нет необходимости. Вы сможете рассказать им потом. Дело в том, что я должна поехать с вами.

Ван Хелсинг был поражен не меньше, чем я. После минутной паузы он спросил:

— Но зачем?

— Вы должны взять меня с собою. Так будет безопаснее для меня и для вас.

— Но почему же, дорогая мадам Мина? Помните, забота о вашей безопасности — наш священный долг. Мы все подвергаемся опасности, но вы — особенно, вследствие разных обстоятельств...

Профессор замер в замешательстве, когда она, показав пальцем на свой лоб, сказала:

— Помню. Именно поэтому и должна ехать с вами. Теперь, когда восходит солнце, я вам могу это сказать, а потом, возможно, буду уже не в состоянии. Я знаю, что по воле графа должна буду последовать за ним. Знаю, что, если он прикажет мне прийти тайно, я пущусь на любые хитрости, пойду даже на обман Джонатана.

О, если бы Господь видел, как она посмотрела на меня при этом! Если в самом деле существует ангел, записывающий все наши поступки и движения души, то этот взгляд был бы отмечен к ее вечной чести. Я лишь пожал руку любимой жены и не мог ничего произнести — меня охватило чувство слишком сильное, чтобы найти облегчение в слезах.

— Вы сильны и отважны, — продолжала Мина. — Вы сильны своим единством и можете выдержать то, чего не выдержит одиночка. Кроме того, я буду полезна вам — с помощью гипноза можно многое выяснить.

Ван Хелсинг ответил очень серьезно:

— Мадам Мина, вы, как всегда, рассудили мудро. Вы поедете с нами, и все вместе мы исполним свой долг.

Мина молчала, я с недоумением взглянул на нее. Она спала, откинувшись на подушку, и не проснулась, даже когда я поднял штору и солнечный свет хлынул в комнату. Ван Хелсинг махнул мне рукой, и мы тихо прошли к нему в комнату. Через минуту к нам присоединились лорд Годалминг, доктор Сьювورد и мистер Моррис. Пересказав им свой разговор с Миной, профессор подвел итог:

— Утром мы выедем в Варну. Теперь нам надо считаться с тем, что с нами мадам Мина. Душа ее чиста. Каких страданий ей стоило поведать нам такое! Она поступила правильно, мы вовремя предупреждены. Нам нельзя упускать ни одного шанса, а в Варне мы должны быть в полной готовности к моменту прибытия судна.

— Что именно нам надо делать? — лаконично спросил мистер Моррис.

Профессор, подумав, ответил:

— Первым делом попасть на корабль, затем найти ящик и положить на него ветку шиповника, чтобы граф не смог оттуда выйти, так, по крайней мере, гласит поверье. Потом, дождавшись удобного момента — надо, чтобы поблизости никого не было, — мы откроем ящик и... все будет в порядке.

— Я не стану ждать удобного момента, — буркнул Моррис. — Увидев ящик, я открою его и уничтожу это чудовище, пусть хоть тысячи людей видят это, а меня потом казнят.

— Мой славный и храбрый друг Квинси! — воскликнул Ван Хелсинг. — Настоящий мужчина! Благослови вас Господь за это! Друг мой, поверьте, никто из нас не намерен мешкать из страха. Я говорю лишь о наших вероятных действиях и о том, что мы должны сделать, но как мы поступим на самом деле, это непредсказуемо. Нас ждет много сюрпризов. Конечно, нам надо быть во всеоружии и, когда пробьет наш час, все пустить в ход. А сегодня давайте приведем в порядок дела. Я имею в виду то, что касается наших родных, близких, всех, кто зависит от нас, ведь никто не знает, каков будет исход. Мои дела уже устроены, делать мне нечего, и я займусь подготовкой к поездке, куплю билеты и прочее.

На этом мы расстались. Теперь приведу в порядок свои земные дела, а там будь что будет...

Позднее. Все сделано, завещание составлено. Мина — моя единственная наследница, если переживет меня. Если же нет, все получают те, кто были так добры к нам.

День клонится к закату. Я вижу, что Мина мается. Уверен, что-то у нее на уме, а что именно — возможно, выяснится при заходе солнца. Каждый раз мы в напряжении ждем восхода и захода солнца, несущих с собою новые опасности, страдания, несчастья; возможно, они — дай-то бог! — лишь испытания на пути к благополучному концу. Пишу об этом в дневнике, поскольку теперь моя дорогая не должна ни о чем знать, но потом, когда все образуется, она сможет прочитать его.

Она зовет меня.

ГЛАВА XXV

Дневник доктора Сьюворда

11 октября, вечер

Джонатан Гаркер попросил меня вести записи, сам он, по его словам, просто не в силах, а ему нужна точность.

Никто из нас не удивился приглашению к миссис Гаркер незадолго до захода солнца. Последние дни мы заметили, что во время восхода и захода солнца она чувствует себя более свободно; именно тогда проявляется ее прежний характер — когда не давит сила, подавляющая или побуждающая ее к несвойственным ей поступкам. Это настроение или состояние начинается приблизительно за полчаса до восхода или захода солнца и продолжается, пока солнце не поднимется высоко или же пока облака пылают в лучах уходящего за горизонт солнца. Сначала она находится в каком-то зыбком, переменчивом настроении, словно ослабевают некие сковывающие ее узы, потом внезапно наступает состояние абсолютной свободы; так же внезапно оно и проходит, чему предшествует фаза молчания.

Когда мы сегодня пришли к миссис Гаркер, она была еще несколько скована, наблюдались явные признаки внутренней борьбы, но через несколько минут она уже совершенно владела собою. Несчастная женщина полулежала на диване, ее муж сел подле нее, а мы разместились на стульях вокруг. Взяв мужа за руку, она начала говорить:

— Мы собрались здесь все вместе, возможно, в последний раз! Знаю, дорогой, знаю, ты будешь со мной до конца, —

сказала она мужу, который, как мы заметили, крепко сжал ей руку. — Утром мы тронемся в путь, и только Богу известно, что ждет нас. Вы так добры, что согласились взять меня с собою. Не сомневаюсь, вы сделаете все возможное, все, что отважные, стойкие люди смогут сделать для бедной слабой женщины, душа которой, может быть, погибла — нет, не волнуйтесь, еще нет, но, во всяком случае, находится в опасности. Однако вы должны помнить, я уже не такая, как вы. В моей крови и душе — яд, способный погубить меня, если мне не помочь. О мои друзья, вы, как и я, хорошо знаете, какая опасность угрожает моей душе, и, хотя для меня существует лишь один выход, ни вы, ни я не должны избрать его!

Она обвела всех по очереди умоляющим взглядом.

— Какой выход? — хрипло спросил Ван Хелсинг. — Какой же это выход, который нам не следует избирать?

— Этот выход — моя немедленная смерть от моей собственной или любой другой руки, пока не произошло нечто еще более ужасное. Как и вы, я знаю: в случае моей смерти вы смогли бы спасти мою бессмертную душу, как тогда душу моей бедной Люси. Будь смерть или страх смерти единственным препятствием на моем пути, я, не задумываясь, умерла бы здесь и сейчас, среди любящих друзей. Но смерть — это еще не все, это не выход. Теперь, когда мы должны исполнить свой горький долг и перед нами мелькает огонек надежды, не думаю, что Бог одобрил бы такой выход. Поэтому я добровольно отказываюсь от вечного покоя и вступаю в неизвестность, таящую в себе, возможно, самые ужасные кошмары этого мира и ада!

Мы молчали, интуиция подсказала, что это лишь прелюдия. Лица у всех были напряжены, у Гаркера — пепельно-серого цвета; возможно, он быстрее нас догадался, к чему клонит его жена.

— Таков мой вклад, — продолжала миссис Гаркер, — в нашу общую подвижность-неподвижность. — Я невольно обратил внимание на необычность юридического выражения в таком контексте. — А что внесет каждый из вас? Конечно, —

сказала она быстро, — вы ставите на карту свои жизни, но для отважных людей это не так уж много. Ваши жизни принадлежат Богу и вернутся к Нему; а вот чем вы готовы пожертвовать для меня?

Она посмотрела на нас испытующе, избегая на этот раз взгляда своего мужа. Квинси как будто бы понял и кивнул головой, лицо ее просияло.

— Пожалуй, скажу прямо, что мне нужно; между нами не должно быть никаких сомнений и недомолвок. Обещайте мне все, и даже ты, мой любимый муж, что в случае необходимости вы убьете меня.

— В случае какой необходимости? — спросил неестественно тихим голосом Квинси.

— Если вы поймете, что перемены, происшедшие во мне, необратимы и мне лучше умереть, чем жить. А когда умрет мое тело, то, не медля ни минуты, пронзите меня колом и отрежьте голову, в общем, сделайте все, что нужно для моего покоя!

После некоторой паузы первым отреагировал Квинси. Он опустился перед ней на колени и, взяв ее за руку, торжественно произнес:

— Я всего лишь простой человек, возможно своей жизнью и не заслуживший такого доверия, но клянусь всем, что для меня свято, в случае необходимости я не дрогну и выполню то, о чем вы просите.

— Вы настоящий друг! — едва смогла вымолвить бедная женщина, горько заплакав, и, быстро наклонившись, поцеловала ему руку.

— Клянусь поступить так же, моя дорогая мадам Мина! — глухо проговорил Ван Хелсинг.

— И я! — сказал лорд Годаминг.

И они по очереди опустились перед ней на колени, давая клятву. Последовал их примеру и я. Потом ее муж взглянул на нее потухшими глазами, зеленоватая бледность его лица оттенялась белизной волос, и спросил:

— Жена моя, я тоже должен дать такое обещание, ?

— Ты тоже, бесценный мой, — сказала миссис Гаркер с бесконечным сочувствием. — Ты не должен отказываться. Ты — мой самый близкий, самый дорогой, ты — все для меня, наши души срослись воедино на эту жизнь и на века. Вспомни, мой дорогой, о тех временах, когда храбрые мужья убивали своих жен, чтобы они не достались врагу. Они делали это недрогнувшей рукой, тем более что те, кого они любили, умоляли их об этом. Таков во времена тяжких испытаний долг мужчин перед теми, кого они любят! И если уж, дорогой мой, мне суждено умереть от чьей-то руки, пусть это будет рука того, кто любит меня сильнее всех. Профессор Ван Хелсинг, я не забыла ваше милосердие в истории бедной Люси по отношению к тому, кто любил... — Она запнулась, покраснев, и сказала по-другому: — К тому, кто обладал наибольшим правом дать ей покой. И если возникнет необходимость, обращаюсь к вам: пусть на долю моего мужа выпадет счастливое воспоминание о том, что именно он своей любящей рукой освободил меня от чудовищного рабства.

— Клянусь! — раздался звучный голос профессора.

Миссис Гаркер улыбнулась, действительно улыбнулась, со вздохом облегчения откинулась на спинку дивана и сказала:

— И еще одно предостережение, никогда не забывайте о нем: необходимость может возникнуть быстро и неожиданно, в таком случае не теряйте ни минуты. В этой ситуации я могу быть — более того, непременно буду — в союзе с нашим врагом против вас. И последняя просьба, — сказала она очень серьезно, — конечно, не такая важная, как первая, но прошу вас, если можно, оказать мне одну услугу...

Мы молча кивнули.

— Я хочу, чтобы вы сейчас отслужили по мне панихиду.

Ее прервал громкий стон мужа; она прижала его руку к сердцу и продолжала:

— Все равно когда-нибудь вы должны будете отслужить ее. Но чем бы ни кончилась эта ужасная история, молитва послужит утешением для всех или хотя бы для некоторых из

нас. А ты, мой бесценный, я надеюсь, так прочтешь ее, что именно в твоём чтении она навеки запечатлится в моей памяти!

— Но, дорогая моя, — взмолился Гаркер, — смерть ещё так далеко от тебя.

— Нет, — возразила его жена, — я сейчас ближе к смерти, чем если бы лежала под тяжелой могильной плитой!

— О, неужели мне пора начинать?

— Это послужит мне утешением, муж мой! — вот и все, что она сказала, и он начал читать, открыв приготовленный ею трюбник.

В силах ли я — или кто-либо иной — описать эту скорбную и одновременно такую трогательную сцену с её торжественностью, сумрачностью, печалью и... и ужасом...

Даже циник, готовый посмеяться над всякой святыней, всяким движением души, был бы глубоко растроган, если бы увидел эту группу коленопреклоненных друзей вокруг обреченной, убитой горем женщины или услышал, с какой страстной нежностью, срывающимся от волнения голосом её муж читал простые слова прекрасной англиканской заупокойной молитвы. Не могу продолжать...

Мадам Мина оказалась права. Интуиция и на сей раз её не подвела. Какой бы странной ни казалась эта панихида даже нам, ощутившим на себе непосредственную силу её воздействия, она очень успокоила нас. И молчание, свидетельствовавшее о скором переходе миссис Гаркер в иную ипостась, не вызвало у нас впоследствии такого крайнего отчаяния, как мы опасались.

Дневник Джонатана Гаркера

15 октября, Варна. 12-го утром мы покинули Лондон с вокзала на Черинг-Кросс, приехали в Париж ночью и сели на Восточный экспресс, места были забронированы заранее. Ехали ночью и днем, прибыли в Варну около пяти часов. Лорд Годаминг пошел в консульство, узнать, нет ли ему теле-

грамм, а мы все остались в гостинице. Во время переезда, вероятно, были какие-то маленькие события, достойные описания, но я ни на что не обращал внимания, поглощенный желанием поскорее добраться до места. До прихода «Царицы Екатерины» меня в этом мире ничего не интересует. Слава богу, Мина здорова и даже окрепла, возвращается румянец! Она много спит. В дороге спала почти все время. Оживлялась лишь перед восходом и закатом. У Ван Хелсинга уже вошло в привычку проводить с ней в это время сеанс гипноза. Сначала это давалось ему не без труда, приходилось делать много пассов, теперь же она поддается сразу, будто по привычке. Профессор неизменно спрашивает ее, что она видит и слышит, и получает в ответ всегда одно и то же:

— Ничего, все темно. Слышу, как волны разбиваются о борт, и скрипят мачты и реи. Ветер такой сильный, что гудят паруса и снасти, а нос корабля с шипением рассекает пенящиеся валы.

«Царица Екатерина» явно еще в море, на пути в Варну. Только что вернулся лорд Годаминг. Он получил четыре телеграммы, по одной каждый день с момента нашего отплытия, и все одинаковые: никаких сведений о «Царице Екатерине» в филиалы «Ллойд» не поступало. Артур договорился со своим агентом, что тот будет ежедневно отправлять ему телеграммы независимо от того, появится информация о судне или нет, чтобы мы были уверены: ситуация контролируется.

Мы поужинали и рано легли спать. Завтра надо повидать еще вице-консула и договориться с ним, чтобы он помог нам попасть на борт корабля сразу по его прибытии. По словам Ван Хелсинга, необходимо проникнуть на судно между восходом и заходом солнца. Граф, превратись он даже в летучую мышь, не сможет преодолеть — переплыть или перелететь — море, то есть пространство с мощным течением, и покинуть судно. Вряд ли монстр решится показаться в облике человека, это вызовет много подозрений, что ему совсем ни к чему, поэтому он, скорее всего, останется в ящике. Если нам удастся попасть на корабль после восхода, граф в нашей

власти, мы сможем открыть ящик и, как в случае с Люси, покончить с ним, прежде чем он проснется. Пошады ему ждать от нас не приходится. Надеюсь, у нас не будет осложнений с чиновниками и моряками. Слава богу, в этой стране подкупом можно добиться чего угодно, а денег у нас достаточно. Нужно лишь похлопотать, чтобы, если судно войдет в порт между заходом и восходом солнца, нас непременно предупредили. Тогда все будет в порядке. Думаю, Господин Денежный Мешок решит и эту проблему!

16 октября. Мина сообщает все то же самое: плеск волн, шум моря, темнота, вой ветра. У нас еще есть время в запасе, и к приходу «Царицы Екатерины» мы будем готовы. Нам обязательно сообщат, когда судно пройдет через Дарданеллы.

17 октября. Кажется, все уже готово для встречи графа, возвращающегося из путешествия. Годаминг сказал судовладельцу, что подозревает, будто в ящике, погруженном на борт, находятся вещи, украденные у его друга, и уже почти договорился о вскрытии сомнительной тары под свою ответственность. Во всяком случае, владелец дал ему письмо для капитана, содержащее распоряжение предоставить подателю полную свободу действий на судне, и аналогичное письмо — агенту в Варне. Мы встретились с агентом, на которого произвело сильное впечатление любезное обращение с ним лорда Годаминга, и теперь мы спокойны: все, что от него зависит, он для нас сделает. Составлен и план действий после вскрытия ящика. Если граф окажется там, Ван Хелсинг и Сьюворт сразу же отсекут ему голову и проткнут колом сердце. Моррис, Годаминг и я будем стоять на страже, чтобы предупредить любое вмешательство, пустив в ход, если понадобится, даже оружие. Профессор говорит, если мы все это сделаем, тело графа быстро превратится в прах.

В таком случае, если возникнет подозрение в убийстве, против нас не будет никаких улик. Но если все обернется для

нас неблагоприятным образом, возможно, эти записи в дальнейшем спасут нас от петли. Что касается меня, я готов ко всему. Мы полны решимости во что бы то ни стало выполнить задуманное. Уже есть договоренность с соответствующими чиновниками, что, как только на горизонте покажется «Царица Екатерина», нас тут же об этом уведомят.

24 октября. Целая неделя ожидания. Ежедневные телеграммы лорду Годалмингу с неизменным: «Известий нет». В утренних и вечерних сообщениях находящейся под гипнозом Мины тоже ничего нового: шум волн, скрипящие мачты...

Телеграмма Руфуса Смита, «Ллойд»,
Лондон, — вице-консулу Ее Величества
Королевы Великобритании в Варне
(для лорда Годалминга)

24 октября

Сегодня утром при прохождении Дарданелл замечена «Царица Екатерина».

Дневник доктора Сьюворда

25 октября. Как мне не хватает моего фонографа! Писать дневник ручкой — утомительное дело, но Ван Хелсинг настаивает. Вчера мы страшно разволновались, когда лорд Годалминг получил телеграмму от «Ллойд». Теперь я знаю, как чувствуют себя люди, когда слышат приказ начать атаку. Одна лишь миссис Гаркер сохраняла хладнокровие. Хотя это неудивительно, ведь она мало что знает, а мы в ее присутствии стараемся скрывать свое волнение. Раньше, несмотря на все наши старания, нам бы вряд ли удалось что-нибудь от нее скрыть, но за последние три недели она очень изменилась. Сонливость, апатия все более овладевают ею, хотя выглядит она хорошо, вполне здоровой и даже прежний румянец вернулся к ней.

Мы с Ван Хелсингом обеспокоены, часто говорим о ней, но своими опасениями с остальными не делимся. Если бы Гаркер узнал о наших подозрениях, это разбило бы ему сердце, не говоря уж о его нервах. Каждый раз во время гипнотического сеанса профессор внимательно осматривает ее зубы. Он считает, что, пока зубы не начали заостряться, миссис Гаркер ничего не угрожает. А вот если начнут, тогда необходимо решительно действовать!.. А уж как — нам это хорошо известно. «Эвтаназия» — замечательное, успокаивающее слово! Я благодарен тому, кто придумал его для обозначения легкой смерти в случае неизлечимой болезни.

Из Дарданелл до Варны 24 часа ходу при той скорости, с которой «Екатерина» идет из Лондона. Маловероятно, чтобы она появилась раньше, поэтому мы рано разошлись. Встанем в час ночи, будем наготове.

25 октября, полдень. Никаких известий о судне. Миссис Гаркер в состоянии гипноза рассказывала нам все то же самое, так что новое известие возможно в любой момент. Мы все в лихорадочном возбуждении, кроме Гаркера, сохраняющего полное спокойствие. Руки у него холодны, словно лед; час назад я видел, как он точил свой гуркхский кинжал, с которым никогда не расстанется. Да, плохо придется графу, если это страшное оружие, направленное неумолимой и твердой рукой, вонзится ему в горло!

Мы с Ван Хелсингом обеспокоены сегодняшним состоянием миссис Гаркер. Около полудня она впала в сон, который нам не понравился. Остальным мы ничего не сказали, но сами встревожились. Все утро наша подопечная не находила себе места, поэтому мы поначалу обрадовались, увидев, что она заснула. Однако, когда ее муж сказал, что она спит очень крепко и он не может ее разбудить, мы пошли взглянуть на нее. Она дышала спокойно и выглядела так хорошо, что мы невольно согласились — сон ей на пользу. Бедняжка! Ей надо столь многое забыть, что сон, приносящий забвение, для нее настоящая панацея.

Позднее. Наше предположение оправдалось. Проспав несколько часов, миссис Гаркер проснулась бодрее и веселее, чем прежде. На закате во время сеанса гипноза она сказала все то же самое. Ясно, что граф где-то в Черном море, спешит к месту назначения. И, надеюсь, к своей гибели!

26 октября. Вновь никаких известий о «Екатерине». Судно должно быть уже на подходе. На рассвете миссис Гаркер под гипнозом не сообщила ничего нового. Где же судно? Может быть, легло в дрейф из-за тумана: с пароходов, пришедших вчера вечером, поступили сообщения о густой пелене тумана к северу и югу от порта. Нужно быть наготове — «Екатерина» может появиться в любой момент.

27 октября, полдень. Очень странно: никаких известий о «Екатерине». Миссис Гаркер и сегодня утром по-прежнему говорит об одном и том же: плеск волн, шум моря, — правда, с прошлой ночи стала добавлять: «Волны очень слабые». А в телеграммах из Лондона неизменное: «Известий нет». Ван Хелсинг очень встревожен и, высказав свои опасения, как бы граф не ускользнул, тут же мрачно добавил:

— Ох, не нравится мне эта сонливость мадам Мины. Душа и память способны на странные штуки во время транса.

Я хотел расспросить его, но тут вошел Гаркер, и профессор сделал мне предостерегающий знак. Сегодня вечером во время сеанса нужно ее разговаривать.

Телеграмма Руфуса Смита, «Ллойд»,
Лондон, — вице-консулу Ее Величества
Королевы Великобритании в Варне
(для лорда Годалминга)

28 октября

Сегодня в час пополудни «Царица Екатерина» вошла в Галац.

Дневник доктора Сьюворда

28 октября. Телеграмма о прибытии судна в Галац, мне кажется, не была для нас такой уж неожиданностью. Конечно, мы не знали, откуда и как грянет гром, но сюрприза ждали. Опоздание корабля в Варну подготовило нас к тому, что события сложатся не так, как мы планировали; вот только никто из нас не мог знать, когда и в чем будут нарушены наши планы. И все равно это был сюрприз. Видимо, так уж устроен человек — несмотря ни на что, он надеется на благополучный исход. Трансцендентное — это маяк для ангелов, а человека лишь вводит в заблуждение.

Телеграмму все восприняли по-разному. Ван Хелсинг вскинул руку над головой, как бы упрекая Всемогущего, но не сказал ни слова и уже через минуту был на ногах, полный решимости. Лорд Годалминг побледнел и тяжело задыхался. Я был ошеломлен и в смятении переводил глаза с одного на другого. Квинси Моррис хорошо знакомым мне движением потуже затянул ремень, что в наших прежних приключениях означало: «Вперед!» Миссис Гаркер побелела так, что красная стигма на ее лбу, казалось, запылала, но милая женщина кротко сложила руки и явно молилась про себя. Гаркер улыбнулся, действительно улыбнулся, горькой улыбкой человека, утратившего надежду, но руки его инстинктивно сжали рукоятку большого гуркхского ножа.

— Когда ближайший поезд в Галац? — спросил Ван Хелсинг, обращаясь сразу ко всем.

— В шесть тридцать завтра утром!

Мы в изумлении переглянулись, ибо ответ исходил от миссис Гаркер.

— Откуда вы знаете? — спросил Артур.

— Вы забываете... или, возможно, не знаете, хотя Джона-тану и профессору Ван Хелсингу это хорошо известно, я — дока по части железнодорожных расписаний. Дома, в Эксестере, я всегда составляла выписки из них для мужа. Считаю это столь полезным, что и теперь с интересом просматриваю

их. Предчувствуя вероятность поездки в замок Дракулы и понимая, что ехать придется через Галац или в крайнем случае Бухарест, я внимательно изучила расписания поездов. К сожалению, запоминать пришлось немного, завтра будет лишь один поезд.

— Удивительная женщина, — прошептал профессор.

— А что, если заказать экстренный? — спросил лорд Годалминг.

Ван Хелсинг покачал головой:

— Боюсь, что это не реально. Эта страна отличается от вашей или моей. Даже если бы нам удалось заказать экстренный поезд, вероятнее всего, он прибыл бы на место позднее обычного. Кроме того, нам надо подготовиться, обдумать все, организовать. Вы, друг Артур, идите на вокзал и купите билеты, чтобы завтра утром мы смогли уехать. Вы, Джонатан, наведайтесь к судовому агенту и возьмите у него письма к агенту в Галаце с разрешением осмотреть судно, в общем, с теми же полномочиями, что и здесь. Вы, Моррис Квинси, повидайте вице-консула и заручитесь поддержкой его коллеги в Галаце. Джон останется со мной и мадам Миной, мы обсудим ситуацию. Если будете задерживаться, не волнуйтесь — когда зайдет солнце, я спрошу мадам Мину.

— Я тоже, — подхватила миссис Гаркер с прежней живостью, — постараюсь быть вам полезной — буду, как прежде, обдумывать и записывать все для вас. Не знаю почему, но мне стало гораздо легче, свободнее, словно что-то отпустило меня!

Трое молодых людей просто просияли, услышав это, а мы с Ван Хелсингом тревожно переглянулись, но пока ничего не стали говорить.

Когда все разошлись исполнять свои поручения, Ван Хелсинг попросил миссис Гаркер найти в дневниках Джонатана описание его пребывания в замке Дракулы. Когда дверь за ней закрылась, он сказал мне:

— Итак, ты понял? Выкладывай!

— Налицо перемена. Но это зыбкая, обманчивая надежда.

— Вот именно. Ты понял, почему я попросил ее принести рукопись?

— Нет, разве что вы хотели поговорить со мной наедине.

— Отчасти ты прав, друг Джон, но лишь отчасти. Хочу кое-что сказать тебе. О, мой друг, я иду на огромный... страшный... риск, но, думаю, он оправдан. В ту минуту, когда мадам Мина произнесла слова, которые привлекли наше внимание, меня вдруг осенило. Три дня назад во время ее транса граф послал свой дух, чтобы прочесть ее мысли, или, вероятнее, он вызывал ее дух к себе на корабль на восходе и заходе солнца. Тогда-то он и узнал, что мы здесь, ведь она, живущая на воле, могла многое рассказать ему, запертому в его ящике-гробу. Теперь граф старается скрыться от нас, и мадам Мина ему не нужна. Уверенный, что в случае необходимости она явится на его зов, он отдаляется от нее — гонит за пределы своей власти, чтобы она не мешала ему. Вот тут-то я и надеюсь, что наша мужская смекалка, наш зрелый ум людей, не утративших божьей благодати, окажется сильнее нравственно неразвитого, младенческого ума того, кто целые века провел в могиле и теперь преследует свои эгоистические, а значит, ничтожные цели... Идет мадам Мина, ни слова о ее трансе! Она ничего о нем не знает, а если узнает, придет в смятение и отчаяние, но именно теперь нам нужны все ее мужество, стойкость, вера и, главное, замечательный ум — по-мужски ясный, по-женски милосердный и вместе с тем обладающий особыми качествами, которыми наделил ее граф и которые едва ли сразу исчезнут, хотя наш противник думает иначе. Тихо! Я буду говорить, а ты внимательно слушай. О Джон, друг мой, мы попали в ужасное положение. Мне страшно, как никогда. Единственная надежда — милосердие Божье. Тихо! Вот и она.

Мне показалось, что сейчас у профессора начнется истерика, как тогда, после смерти Люси, но усилием воли он сдержал себя и был совершенно спокоен, когда миссис Гаркер

быстро вошла в комнату, веселая, счастливая, казалось позабывшая о своих несчастьях. Она вручила Ван Хелсингу несколько машинописных страниц, он стал просматривать их, оживляясь по мере чтения. Потом, зажав страницы между указательным и большим пальцами, сказал:

— Друг Джон, вот урок и для тебя, обладающего уже значительным жизненным опытом, и для вас, дорогая мадам Мина, еще совсем молодой женщины: никогда не бойтесь давать волю своей интуиции. Несколько раз у меня в голове мелькало нечто смутное, но я опасался, что этот ложный огонек лишь уведет меня в сторону. Теперь, уже зная намного больше, я возвращаюсь к тем смутным проблескам и понимаю, что за ними скрывалась настоящая мысль, хотя еще слишком слабая, чтобы взлететь самостоятельно. Более того, как в «Гадком утенке» моего друга Ханса Андерсена, эта мысль — не гадкий утенок, а прекрасный лебедь, который гордо взлетит на широко распростертых крыльях, когда наступит час. Слушайте, я прочту, что пишет Джонатан:

«Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу!»

Какой можно сделать вывод? Никакой? Что ж, граф со своим незрелым умом тоже не видит здесь ничего особенного, поэтому и рассказывает так свободно. Впрочем, и ваш зрелый мужской ум, друг Джон, ничего не усматривает в этих словах, да и мой тоже, но только до последнего момента. Так! Ну а что скажет та, которая видит все со стороны, непредвзято и непосредственно?.. Тоже не знает? А ведь наше мышление похоже вот на что: некие элементы вроде бы неподвижны, но в круговороте природы они вершат свой путь, взаимодействуют, затем вспышка света озаряет небо, способная ослепить, убить, разрушить, а внизу на многие и многие лье освещаются земные пространства. Разве не так?

Не ясно? Хорошо, сейчас поясню. Сначала ответьте: изучали ли вы философию преступления? Да или нет? Ты, Джон, конечно, да, ибо это и есть исследование философии безумия. Вы, мадам Мина, нет, ибо преступление — далекая от вас сфера, лишь однажды вы соприкоснулись с ней. У преступников всех времен и народов одна особенность. Даже полиция, не слишком сведущая в высоких материях, приходит к пониманию этого эмпирическим путем. Преступник всегда тяготеет к одному виду преступления. Его ум нельзя назвать зрелым мужским умом. Преступник может быть и хитрым и находчивым, но его ум во многом неразвитый, детский... (Именно ребенок поступил бы так, как поступает он.) Детеныш птиц и зверей не изучает теории, а постигает мир практически, на своем опыте, опираясь на опыт вчерашний. «Дайте мне точку опоры, — говорил Архимед, — и я переверну мир!» Сделав что-то однажды, детеныш обретает точку опоры, и постепенно его детское сознание взрослеет; пока у него сохраняется цель, он будет вновь и вновь повторять уже содеянное! О моя дорогая, вижу, что ваши глаза широко открылись и вспышка света позволила вам заглянуть в глубину! — воскликнул профессор, увидев, что миссис Гаркер захлопала в ладоши, а глаза у нее оживились. — А теперь скажите двум сухим ученым мужам, что вы видите своими прозревшими глазами?

Он взял ее руку и держал, пока она говорила:

— Граф — преступник и преступный тип. Нордау и Ломброзо так бы его и определили. Как у всякого преступника, его интеллект недостаточно развит. В трудных ситуациях он бессознательно прибегает к шаблонным действиям. Разгадка в его прошлом; граф сам рассказывал моему мужу, что когда-то он вернулся на родину из страны, которую безуспешно пытался завоевать, только для того, чтобы лучше подготовиться к новой попытке. И опять отправился в ту же страну, подготовленный на этот раз лучше, и победил. Точно так же он прибыл в Лондон, чтобы завоевать его, но потерпел поражение; и вот теперь, когда само его существование оказалось в опасности, он, потеряв все надежды на успех, бежал за

море, поближе к дому, как когда-то бежал через Дунай из Турции.

— Хорошо, молодец! О, вы такая умная! — воскликнул в восторге Ван Хелсинг и, наклонившись, поцеловал ей руку. И тут же, как коллега коллеге, будто мы консультировали больного, бросил мне: — Пульс только семьдесят два, и это при таком волнении! Похоже, надежда есть... — И, вновь повернувшись к ней, нетерпеливо подбодрил: — Но продолжайте. Продолжайте! Вы можете сказать больше. Не бойтесь, Джон и я знаем. По крайней мере я. И если вы правы, я скажу вам об этом. Говорите смелее!

— Попытаюсь, но вы простите меня, если я покажусь вам слишком эгоцентричной.

— Ну конечно! Не бойтесь, вы и должны быть эгоцентричной, ведь о вас-то мы прежде всего и думаем.

— Как и всякий преступник, граф себялюбив, и поскольку ум его ограничен, а поступки эгоистичны, он сосредоточен на одной цели. И на пути к ней не знает ни жалости, ни пощады. Когда-то он бежал, бросив войска на растерзание врагу, так же и теперь: главное для него — спастись любой ценой. Его патологический эгоизм освобождает мою душу от ужасной власти, которую он приобрел надо мной в ту кошмарную ночь. Я чувствовала ее! О, как я ее чувствовала! Благодарю Господа за Его великое милосердие! Впервые после той ужасной ночи душа моя свободна; меня мучает лишь страх, что во сне или в трансе он может выведать у меня ваши планы.

Тут профессор встал и сказал:

— Граф уже их у вас выведал, в результате мы сидим в Варне, а он провел корабль через туман в Галац, где, несомненно, рассчитывает ускользнуть от нас. Но его детского ума хватило лишь на это, дальше он не пошел; и вполне возможно, по Божьему провидению, то, на что злодей возлагал свои надежды, как раз и подведет его. Не рой другому яму, как говорится. Именно теперь, когда он уверен, что обвел нас вокруг пальца, сбил с толку и опередил, его умишко будет спокоен. Отказавшись от вас как от источника информации,

граф думает, что перекрыл канал сведений и нам. Вот тут-то он и ошибается! Чудовищное крещение его кровью дает вам возможность мысленно являться к нему, что вы и делали в краткие периоды своей свободы на восходе и заходе солнца. Вот только являлись вы к нему по моей, а не по его воле, эту свою способность вы получили от него ценой ваших страданий. Теперь эта способность особенно ценна, так как графу о ней ничего не известно. В отличие от него мы не самолюбивы и верим, что Господь не оставил нас в эти страшные часы. Мы будем преследовать графа и не дрогнем, какая бы опасность нам ни угрожала. Друг Джон, вы должны все записать, и когда остальные вернутся, дайте им прочитать.

В ожидании их возвращения я все записал, а миссис Гаркер перепечатала на машинке.

ГЛАВА XXVI

Дневник доктора Сьюворда

29 октября

Запись сделана в поезде из Варны в Галац

Вчера вечером перед заходом солнца мы вновь собрались все вместе. Поручения все выполнены, и мы готовы к путешествию и нашей миссии. Как всегда, Ван Хелсинг начал сеанс гипноза, проводя его на этот раз более тщательно и с большей затратой энергии. Обычно миссис Гаркер отвечала на вопросы мгновенно, теперь же профессору пришлось несколько раз четко формулировать их, прежде чем последовал наконец ответ:

— Ничего не вижу, стоим на месте, шума волн нет, лишь мягкое журчание воды, рассекаемой тросом. Слышу близкие и далекие голоса людей, скрипят весла в уключинах. Где-то выстрелили из ружья, далеко отозвалось эхо. Над головой — топот ног, похоже, волокут какие-то канаты и цепи. Что это? Слабый свет. Чувствую дуновение ветерка...

Тут она замолчала. Резко вскочив с дивана, на котором лежала, подняла руки ладонями вверх, как будто поддерживая какую-то тяжесть. Мы с Ван Хелсингом обменялись понимающими взглядами. Квинси, слегка приподняв брови, внимательно смотрел на нее. Гаркер инстинктивно сжал рукоятку гуркхского кинжала. Наступило продолжительное молчание. Мы поняли, что больше она ничего не скажет, да и бессмысленно было что-то добавлять. Вдруг миссис Гаркер села, открыла глаза, мило и просто сказала:

— Не хотите ли выпить чаю? Вы все, наверное, так устали!

Мы готовы были на все, чтобы сделать ей приятное, тем более — выпить чаю. Она быстро вышла из комнаты, чтобы распорядиться насчет чая.

— Поняли, друзья мои? Граф собирается на берег. Свой ящик он покинул. Но ему не так-то просто перебраться на сушу. Ночью он еще может где-нибудь спрятаться, но, только если его перенесут на берег или корабль причалит, ему удастся покинуть борт. Впрочем, вампир способен — но только ночью — изменить облик и перелететь или выпрыгнуть на берег, как он сделал это в Уитби. Но если день наступит прежде, чем судно пришвартуется, он останется на борту. Днем же, когда ящик будут выносить, таможенные чиновники могут обнаружить его содержимое. Короче, если граф не выберется на берег сегодня ночью до рассвета, весь завтрашний день для него пропадет. Тогда у нас есть шанс успеть и захватить его в ящике — ведь, опасаясь, что его узнают, вампир едва ли решится разгуливать днем.

Ничего не оставалось, как терпеливо ждать рассвета в надежде на то, что скажет миссис Гаркер.

Рано утром мы вновь, затаив дыхание, следили за сеансом гипноза. На этот раз внушение не действовало еще дольше, когда же транс наступил, времени до восхода оставалось так мало, что мы были уже на грани отчаяния. Ван Хелсинг старался как мог; наконец, повинувшись его воле, миссис Гаркер заговорила:

— Всюду мрак. Слышу плеск воды на одном уровне со мной и скрип, как будто дерева.

Она замолчала. Взошло солнце, придется ждать вечера.

И вот мы на пути в Галац, сгораем от нетерпения. По расписанию мы должны быть на месте между двумя и тремя часами утра, но уже в Бухарест поезд пришел с трехчасовым опозданием, скорее всего, в Галаце будем лишь после восхода солнца. Так что возможны еще два сеанса гипноза с миссис Гаркер.

Позднее. Солнце зашло. К счастью, мы смогли провести сеанс; будь мы на станции, нам не удалось бы обеспечить

необходимые уединение и спокойствие. Миссис Гаркер еще труднее поддавалась гипнозу. Боюсь, ее способность передавать ощущения графа исчезнет как раз тогда, когда мы более всего будем в этом нуждаться. До сих пор в состоянии транса она ограничивалась констатацией самых простых ощущений, а теперь, мне кажется, начинает работать ее собственная фантазия. Это может ввести нас в заблуждение. Слова ее были загадочными:

— Что-то выходит. Прошло мимо меня, как холодный ветер. Слышу вдали какие-то беспорядочные звуки — кажется, люди говорят на непонятных языках; сильный шум воды, вой волков...

Миссис Гаркер замолчала, по ее телу вдруг пробежала дрожь, которая усиливалась до тех пор, пока бедную женщину не стало трясти, как в падучей. Несмотря на все старания профессора, больше она на вопросы не отвечала. Очнувшись измученной, усталой, апатичной, ничего не помнила, но ее живо интересовало, что она говорила. Когда ей пересказали, она погрузилась в глубокое раздумье.

30 октября, 7 часов утра. Подъезжаем к Галацу; боюсь, потом будет не до записей. Мы с нетерпением ждали восхода солнца. Поскольку с каждым разом миссис Гаркер все труднее поддается гипнозу, Ван Хелсинг начал сеанс раньше обычного, но добился результата лишь за минуту до восхода солнца. Профессор быстро задавал ей вопросы, и так же быстро она отвечала:

— Все темно. Слышу шум воды совсем близко, стук дерева по дереву. Где-то там дальше скот. Еще какой-то звук, очень странный, будто... — Она замолчала и побледнела.

— Дальше, продолжайте! Продолжайте, приказываю вам! — взволнованно твердил Ван Хелсинг.

Миссис Гаркер открыла глаза, и мы невольно вздрогнули, услышав ее совершенно беззаботный, нежный голос:

— О профессор, почему вы просите меня о том, что превосходит мои возможности? Я ничего не помню. — Увидев удив-

ление на наших лицах, она встревожилась: — Что я сказала? Что я наделала? Ничего не помню, кроме того, что лежала тут в полусне, а вы, профессор, мне говорили: «Дальше! Продолжайте, приказываю вам!» Так забавно было слышать, как вы строго говорите со мной, будто я непослушное дитя!

— О мадам Мина, — сказал печально Ван Хелсинг, — это лишь еще одно доказательство, если оно вообще нужно, моей любви и уважения к вам; в этой ситуации любое слово, сказанное ради вашего же блага более строгим тоном, действительно может показаться странным: получается, будто я отдаю приказание той, которой был бы рад повиноваться сам!

Слышны свистки; приближаемся к Галацу и просто сгораем от нетерпения, тревоги и желания действовать.

Дневник Мины Гаркер

30 октября. В гостиницу, где по телеграмме нам заказаны номера, меня отвез мистер Моррис — он пока не у дел, ибо не знает ни одного иностранного языка. Обязанности распределили так же, как в Варне, только к вице-консулу отправился лорд Годалминг: его титул может послужить гарантом более эффективной поддержки со стороны официального британского представителя, ведь времени у нас в обрез. Джонатан, профессор и доктор пошли к судовому агенту — выяснить подробности прибытия «Царицы Екатерины».

Позднее. Вернулся лорд Годалминг. Консул в отъезде, вице-консул болен, делами занимается секретарь, который был очень любезен и обещал сделать все, что в его власти.

Дневник Джонатана Гаркера

30 октября. В девять часов мы с профессором Ван Хелсингом и доктором Сьювордом посетили контору Маккензи и Стейнкоффа, представителей лондонской фирмы «Хэлпуд».

В конторе получили телеграмму из Лондона с просьбой оказать нам всемерную поддержку, служащие были чрезвычайно любезны и немедленно доставили нас на борт «Царицы Екатерины», бросившей якорь в речном порту. Мы встретились с капитаном Донелсоном, по словам которого, у него в жизни не было такого удачного рейса.

— Господи, — говорил он, — мы даже боялись, что слишком уж удачно все складывается, такое даром не проходит. Не хитрая штука — пройти из Лондона в Черное море при попутном ветре, когда будто сам дьявол наполняет паруса. И в полном тумане. Как только приближались к какому-нибудь кораблю, порту или мысу, ложился туман, а когда рассеивался, вокруг никого и ничего. Мы прошли Гибралтар и даже не смогли дать сигнал. До самых Дарданелл, где нам пришлось получать разрешение на проход, мы никого не встретили. Поначалу я хотел спустить паруса и переждать туман, но потом подумал, коли уж черту надо, чтобы мы побыстрее вошли в Черное море, никуда не денешься. В конце концов, от нашего быстрого пробега владельцам никакого убытка, нам он тоже не повредит, а старый дьявол будет нам лишь благодарен за то, что мы ему не мешали.

Такая смесь простодушия и хитрости, суеверия и практических соображений произвела впечатление на Ван Хелсинга.

— Мой друг, — сказал он, — этот старый дьявол гораздо умнее, чем кажется, и он умеет ценить достойного соперника!

Довольный комплиментом шкипер продолжал:

— Когда мы прошли Босфор, люди стали роптать, некоторые из них, в основном румыны, пришли ко мне с требованием выбросить за борт здоровенный ящик, который привез на судно перед самым отходом из Лондона немолодой джентельмен весьма странного вида. Я еще тогда видел, как они смотрели на него и выставляли два пальца — от дурного глаза. Господи, суеверия этих дикарей просто уморительны! Я живо поставил их на место, но, когда нас вновь окутал туман, подумал, может быть, они и правы. Итак, мы шли дальше, и, поскольку туман держался целых пять дней, я решил: пусть

ветер несет нас куда захочет, ведь против дьявола не погрешь, а уж он все устроит, как ему надо. Но и мы тоже не лыком шиты, будем смотреть в оба, чтоб ничего не случилось. Как бы там ни было, шли мы отлично, никаких мелей, а два дня назад, когда сквозь туман показалось восходящее солнце, под нашим килем уже бурлила пресная вода, а перед нами был Галац. Румыны в ярости требовали выбросить ящик в реку. Мне пришлось убеждать их пинками и гандшпугом¹, и когда последний из них убрался с палубы, держась за голову, мне удалось уговорить их; дурной глаз или не дурной, но доверенное мне имущество должно быть доставлено в целости и сохранности. Ведь они, подумать только, уже вытащили ящик на палубу и чуть было не выбросили за борт; на его боку значилось: «Галац через Варну», и я решил: пусть полежит на палубе, пока не выгрузим его в порту и наконец избавимся. Туман не рассеивался, и мы всю ночь простояли на якоре. А на следующее утро приблизительно за час до рассвета на судно явился человек и предъявил письменное поручение из Англии, согласно которому он должен был забрать адресованный какому-то графу Дракуле ящик. А он-то как раз под рукой — берите, пожалуйста. Бумаги были в порядке, и я с радостью отделался от этого чертова гроба, мне и самому он уже порядком надоел. Если у дьявола и был багаж на борту судна, так наверняка этот самый ящик!

— Как звали человека, который забрал его? — спросил Ван Хелсинг с едва сдерживаемым нетерпением.

— Сейчас скажу! — ответил капитан и спустился в каюту. Вернувшись, он предъявил расписку с подписью: Иммануил Гильдшейм и адресом: Бургенштрассе, 16.

Больше капитан ничего не знал. Мы поблагодарили его и ушли.

Гильдшейма мы застали в его конторе. Это был старый еврей с большим горбатым носом и в ермолке — будто только

¹ Деревянный или металлический рычаг для подъема или передвижения тяжестей на корабле (голл.).

что со сцены «Аделфи»¹. Немного поторговавшись, он сообщил нам все, что знал. Сведения его были простыми, но очень важными для нас. Он получил письмо от мистера де Билля из Лондона с просьбой, если возможно, до рассвета, чтобы не связываться с таможенной, забрать ящик с прибывающей в Галац «Царицы Екатерины» и передать его некоему Петру Скинскому, который вел дела со словаками, занимающимися сплавом грузов по реке. Получив за труды английский кредитный билет, Гильдшейм обменял его на золото в Дунайском международном банке. Когда к нему пришел Скинский, они вместе поехали на судно, забрали ящик, и тот увез его. Вот все, что знал Гильдшейм.

Мы занялись поисками Скинского, но нигде не могли его разыскать. Один его сосед, видимо не питавший к нему особой любви, сказал, что тот ушел из дома два дня назад, а куда — неизвестно. Это подтвердил и хозяин дома, вчера вечером, между десятью и одиннадцатью часами, получивший через посыльного ключи от квартиры исчезнувшего жильца и положенную плату в английских деньгах. Мы снова оказались в тупике.

Пока мы разговаривали, подбежал какой-то человек и, запыхавшись, сообщил, что на кладбище церкви Святого Петра нашли тело Скинского, горло его было растерзано, будто каким-то диким зверем. Наши собеседники тут же побежали туда, женщины кричали: «Это дело рук словаков!» Мы же поспешили ретироваться, чтобы нас не втянули в историю и не задержали.

Итак, ничего определенного, ясно лишь, что ящик в пути, куда-то движется, но куда — это еще нужно выяснять. С тяжелым сердцем мы побрели в гостиницу к Мине, решив все рассказать ей. Положение наше отчаянное, а так по крайней мере есть хоть и не очень надежный, но все-таки шанс. Меня освободили от обещания, данного Мине.

¹ Известный лондонский театр, специализировался на постановках фарсов и мелодрам.

Дневник Мины Гаркер

30 октября, вечером. Мужчины вернулись такие усталые, измученные и удрученные, что им просто необходимо было немного отдохнуть. Предложила им прилечь хоть на полчасика, пока я перепечатаю записи. Я так благодарна изобретателю дорожной пишущей машинки и мистеру Моррису, доставшему ее для меня. Сама я совершенно отвыкла делать записи ручкой...

Вот все и перепечатано. Бедный, милый, дорогой мой Джонатан, как он, должно быть, страдал и как переживает теперь! Просто без сил лежит на диване; брови нахмурены, лицо страдальческое. Бедняжка, он так сосредоточенно думает, что все лицо его пошло морщинками. О, если бы я могла хоть чем-то ему помочь! Сделаю все, что в моих силах.

Пока они отдыхают, профессор Ван Хелсинг по моей просьбе дал мне бумаги, которые я еще не видела — внимательно просмотрю их и, возможно, приду к какому-нибудь выводу. Постараюсь следовать примеру профессора и обдумаю все факты с «открытым умом», непредвзято.

Верю, что Божье провидение поможет мне. Надо бы изучить карты... Убедена, что моя догадка правильна.

Заключение готово, соберу всех и прочитаю. Пусть обсудят, нужна предельная точность, продуманность, дорога каждая минута.

Заметки Мины Гаркер (включенные в ее дневник)

Предмет исследования. Основная цель графа Дракулы — добраться домой.

а) Кто-то должен доставить его в замок. Если бы он мог передвигаться сам, то сделал бы это в облике человека, волка или летучей мыши. Возможно, он боится, что его узнают и возникнут неприятности, поэтому предпочитает от рассвета до заката оставаться в своем деревянном ящике.

б) Как его перевезут? Решить это поможет метод исключения. По дороге, на поезде, по воде?

1. *По дороге.* Тут много осложнений, особенно при выезде из города.

а) На дороге много людей, а они любопытны: любой намек, подозрение, сомнение по поводу содержимого ящика может погубить графа.

б) Возможен контроль со стороны городской таможни.

в) Могут появиться и преследователи. Эта самая страшная опасность для графа: боясь себя выдать, он даже отказался от своей жертвы — от меня!

2. *На поезде.* Никто не сопровождает ящик. В дороге возможны задержки, а для графа любое промедление смерти подобно — враги гонятся по пятам. Конечно, он может сбежать ночью, но что ему делать на чужой территории без убежища? Это его не устраивает, и рисковать он не захочет.

3. *По воде.* Это наиболее верный путь в одном отношении и опасный — в другом. На воде вампир лишен всех своих преимуществ, за исключением ночи, но и тогда он может повелевать лишь туманом, бурей, снегом и волками. А окажись он в воде — и, совершенно беспомощный, сразу пойдет ко дну. Конечно, граф мог бы подогнать судно к берегу, но, если это враждебная ему территория, он окажется в отчаянной ситуации.

Итак, нам известно, что он на воде, значит, надо установить, где именно. И прежде всего точно определить, что ему уже удалось сделать, тогда станет ясна его дальнейшая цель.

Во-первых. Нужно разобраться, что он успел предпринять в Лондоне для выполнения своего общего плана, ведь времени у него было в обрез.

Во-вторых. Нужно сообразить, исходя из имеющихся у нас данных, что он успел сделать здесь.

Очевидно, что его целью был Галац, однако в накладной граф указал Варну, пытаясь сбить нас с толку, если мы установим, каким путем он покинул Англию; тогда его главная и единственная цель — бегство. Об этом свидетельствует письмо

Иммануилу Гильдшейму с просьбой забрать ящик до восхода солнца. Была еще и инструкция Петру Скинскому. Здесь можно лишь строить догадки: видимо, Скинский получил какое-то письменное поручение, поскольку пришел к Гильдшейму.

Нам известно, что планы графа до сих пор удачно исполнялись. «Царица Екатерина» столь стремительно совершила свой рейс, что даже у капитана Донелсона возникли подозрения; но его суеверность в сочетании с хитростью сыграли графу на руку, судно с попутным ветром промчалось сквозь туманы и практически вслепую прибыло в Галац. Очевидно, граф все хорошо продумал. Гильдшейм принял ящик и передал его Скинскому. Скинский получил его — и тут след потерян. Мы лишь знаем, что, миновав таможеню, ящик плывет где-то по реке.

Теперь разберемся, что граф сделал, высадившись в Галаце.

К Скинскому ящик попал до восхода солнца. После восхода граф смог появиться в своем настоящем виде. Возникает вопрос: зачем вообще был нужен Скинский в этом деле? В дневнике моего мужа сказано, что он был связан со словаками, занимающимися перевозкой грузов по реке; а ведь по мнению местных женщин: убийство — «дело рук словаков», что свидетельствует об общем враждебном отношении к ним. Графу нужны изоляция, уединение.

У меня такое предположение: в Лондоне граф решил вернуться в замок водным путем, считая его наиболее безопасным и незаметным. Из замка его вывезли цыгане, вероятно, они доставили свой груз словакам, переправившим его в Варну — на корабль, шедший в Лондон. То есть граф уже знал людей, которые могут помочь. Теперь, когда ящик прибыл на сушу, граф перед восходом солнца или же после заката вышел из него, встретился со Скинским и объяснил ему, как отправить ящик дальше по реке. После этого, убедившись, что все идет по плану, уничтожил свои следы, убив посредника.

Судя по карте, наиболее вероятная в данном случае река, используемая словаками, — Прут или Сирет. Я прочитала, что в состоянии гипноза слышала мычание коров, шум воды и скрип дерева. Видимо, граф в своем ящике плывет по реке в открытой лодке, управляемой веслами или шестами, — берега близко, и лодка идет против течения: такого шума воды не было бы, если бы она шла по течению.

Возможно, эта река — не Сирет и не Прут, нам нужно это уточнить. Из этих двух Прут более судоходен, но в Сирет впадает Бистрица, огибающая ущелье Борго. Делая петлю, она ближе других рек подходит к замку Дракулы.

Дневник Мины Гаркер (продолжение)

Когда я кончила читать, Джонатан обнял меня и поцеловал. Остальные пожимали мне руки, а профессор Ван Хелсинг сказал:

— Наша дорогая мадам Мина вновь преподала нам урок, оказавшись зрячей там, где мы были слепы. Мы вновь выходим на след, и на этот раз у нас есть шанс на успех. Наш враг теперь слаб, и если мы настигнем его днем на реке, наша миссия будет исполнена. Начав свое плавание, граф торопиться не будет, ибо, если выйдет из ящика, гребцы, охваченные суеверным ужасом, могут сбросить его в реку — тогда он погибнет. Зная об этом, он будет вести себя тихо. А теперь, господа, приступим к нашему военному совету; необходимо здесь и сейчас решить, кто что будет делать.

— Я достану паровой катер и пушусь вслед за ним, — сказал лорд Годамлинг.

— А я — лошадей, чтобы следовать за ним по берегу на случай, если он высадится, — предложил мистер Моррис.

— Хорошо! — одобрил профессор. — И то и другое прекрасно. Но никому из нас нельзя действовать в одиночку. Чтобы преодолеть силу, нужна сила, а словаки сильны, грубы и имеют при себе оружие.

Мужчины заулыбались — у каждого из них был небольшой арсенал.

— Я привез с собою несколько винчестеров, — сказал мистер Моррис, — они помогут справиться с целой толпой и с волками. Вы ведь знаете, что и граф принял свои меры предосторожности, поэтому-то миссис Гаркер и не смогла правильно истолковать услышанные ею звуки. Мы должны быть готовы ко всему.

— Пожалуй, я пойду с Квинси, — заметил доктор Сьюворт. — Мы привыкли вместе охотиться и вдвоем можем противостоять кому угодно. Но и тебе, Арт, нельзя оставаться одному. Возможно, придется сразиться со словаками, и тут не должно быть случайного срыва — тогда могут рухнуть все наши планы. На этот раз нельзя допустить никаких случайностей; мы не успокоимся, пока не отрубим графу голову и не убедимся в том, что он более не оживет и не перевоплотится.

При этом он смотрел на Джонатана, а тот на меня, и видно было, что Джонатан просто-таки разрывается на части. Конечно, он хотел быть со мной, но именно у тех, кто поедет на катере, наибольший шанс разделаться с... с... вампиром (почему мне так трудно писать это слово?). Он молчал, и тогда слово взял профессор Ван Хелсинг:

— Друг Джонатан, это ваше дело по двум причинам. Во-первых, вы молоды, отважны, а эта схватка может потребовать много сил; кроме того, это ваше право — уничтожить того, кто причинил столько горя вам и вашим близким. Не бойтесь за мадам Мину, я позабочусь о ней. Сам я стар. Ноги мои уже не могут бегать быстро. Я не привык ездить верхом, вести погоню или сражаться со смертоносным оружием в руках, но тоже могу бороться, хотя и несколькими иными способами. Могу и умереть в случае необходимости, как и вы, молодые. Но пока вы, лорд Годамминг и друг Джонатан, помчитесь на быстром маленьком пароходике по реке, а Джон и Квинси будут следить за берегом на случай, если монстр высадится, мы с мадам Миной направимся в самое сердце вражеского стана. Пока старая лиса заперта в своем ящике и

поднимается вверх по течению, мы пойдем по следам Джонатана: из Бистрицы, через ущелье Борго — в замок Дракулы. С помощью ясновидческого дара мадам Мины мы найдем дорогу и после восхода солнца постараемся добраться до рокового места. Нам предстоит многое сделать, освятить землю замка, чтобы навсегда уничтожить это inferнальное гноище.

Тут Джонатан резко прервал его:

— Вы хотите сказать, профессор Ван Хелсинг, что повезете Мину в ее ужасном состоянии, зараженную этой дьявольской болезнью, прямо в логово к чудовищу? Ни за что на свете! Ни за какие блага! — На минуту от негодования он даже лишился дара речи, а потом продолжал: — Да знаете ли вы, что это за местность? Разве вы видели это сатанинское кубло с мерзкими призраками в лунном свете, где каждая пылинка несет в себе частицу кошмарного чудовища? А зубы вампира на горле вы когда-нибудь ощущали?

Джонатан повернулся ко мне, взгляд его упал на мой лоб, и, протянув ко мне руки, он закричал:

— О Боже мой, чем мы прогневили Тебя и навлекли на себя весь этот ужас?!

Тут успокаивающе прозвучал ясный, уверенный голос профессора:

— О мой друг, конечно же, я уберегу мадам Мину; боже упаси, я никогда не возьму ее в это ужасное место. У нас еще много работы, не рассчитанной на ее присутствие. Кроме вас, Джонатан, все уже видели, что нужно делать, чтобы очистить это проклятое место. Но не забывайте, в каком ужасном положении мы находимся. Если граф ускользнет от нас — а он силен, ловок, хитер, — то на этот раз он сможет проспять хоть целое столетие, и тогда наша дорогая, — профессор взял меня за руку, — составит ему компанию и станет такою же, как и те, которых вы, Джонатан, видели. Вы рассказывали нам об их жаждущих губах, вы слышали их чудовищный смех, когда они схватили шевелящийся мешок, брошенный им графом. Вы содрогаетесь, а ведь все

это может случиться. Простите меня за то, что я причиняю вам такую боль, но это неизбежно. Друг мой, разве все это не жестокая необходимость? Ради нее, может быть, и я буду вынужден пожертвовать жизнью. Ведь если кому-то и придется пойти в то логово и составить им компанию, то, конечно, именно мне.

— Делайте как хотите, — прошептал Джонатан, и рыдание сотрясло его с головы до ног. — Все мы в руках Божьих!

Позднее. О, до чего же приятно было видеть, как действуют эти отважные люди. И невольно я подумала: какая, однако, великая сила заключена в деньгах! Чего угодно можно добиться, если использовать их на благое дело. Я так рада, что лорд Годалминг богат и они с мистером Моррисом, у которого тоже много денег, могут так свободно распоряжаться ими. В противном случае наша экспедиция просто не состоялась бы, по крайней мере в столь сжатые сроки, и не была бы так хорошо оснащена. Лишь три часа прошло после нашего военного совета, а у лорда Годалминга и Джонатана уже очаровательный катер под парами, готовый отплыть в любую минуту. У доктора Сьюворда и мистера Морриса — поддюжины отличных лошадей в полном снаряжении. И у всех — подробные карты, путеводители, справочники. Мы же с профессором Ван Хелсингом вечерним поездом в 11.40 отправляемся в Верепти, где найдем экипаж и поедем в ущелье Борго. Денег мы берем с собой много — надо купить лошадей и экипаж. Править будем сами — в данном случае нельзя доверяться посторонним. Профессор знает много языков, так что как-нибудь управимся. У нас у всех есть оружие, даже у меня — револьвер. Джонатан просто места себе не находил, пока и меня не вооружили, как остальных. Увы, духовным оружием я, отмеченная дьявольской стигмой, воспользоваться не могу. Дорогой профессор Ван Хелсинг утешает меня тем, что с такой отметиной на лбу мне никакие волки не страшны; с каждым часом становится холоднее, падают и тут же тают первые снежинки.

Позднее. Пришлось собрать все силы, чтобы проститься с Джонатаном. Может случиться, что мы больше не увидимся. Мужайся, Мина! Профессор проникательно и предостерегающе смотрит на меня. Не надо слез, пусть они с Божьего соизволения прольются в час радости.

Дневник Джонатана Гаркера

30 октября, ночью. Пишу при свете пылающей топки нашего катера, а лорд Годамлинг разводит пары. Он хорошо управляетс^я с катером, имея большой опыт: у него с давних пор свой катер на Темзе и еще один на Норфолкском побережье. Похоже, догадка Мины справедлива и граф, скорее всего, выбрал Сирет с впадающей в него Бистрицей. Мы рассчитали, что приблизительно на 47-м градусе северной широты река уходит в Карпаты. Ночью мы смело идем на большой скорости: река здесь широкая и полноводная. Лорд Годамлинг отпустил меня отдохнуть — пока достаточно одного вахтенного. Однако мне не спится: могу ли я спать, зная, какая опасность грозит моей дорогой Мине, отправившейся в этот проклятый замок... Утешаюсь лишь тем, что все в руках Божьих. Но с этой верой легче было бы умереть, чем жить в водовороте кошмаров.

Мистер Моррис и доктор Сьюворд выехали верхом гораздо раньше нас. Они едут по правому берегу, пока довольно далеко от реки, по возвышенностям, откуда хорошо видно русло. Таким образом, они сокращают путь, избегая речных изгибов. Чтобы не вызывать особого любопытства, пригласили двух местных сопровождать наших друзей на первых порах и присматривать за сменными лошадьми. Потом провожатых отпустят и будут справляться сами. Если нам удастся объединиться, лошадей хватит всем, и даже для Мины есть лошадка с регулируемым седлом.

Да, мы затеяли безумное предприятие. Это стало ясно только теперь, когда сгустился сумрак: поднимающаяся от

реки промозглая сырость вызывает дрожь, нас окружают таинственные голоса ночи.

Почти вслепую, на всех парах наш катер уходит все дальше в неведомый мир мрака и ужасов. Годалминг закрывает дверку топки...

31 октября. Путешествие продолжается. Наступило утро. Годалминг спит. Я — на вахте. Утро очень холодное. Впрочем, у нас теплые меховые куртки, да и приятно согревает тепло раскаленной топки. До сих пор обогнали лишь несколько открытых лодок, но ни в одной из них не было видно ящика или груза большого объема. Люди в лодках всякий раз, как мы наводили на них большой электрический фонарь, пугались, падали на колени и молились.

1 ноября, вечер. Никаких новостей; поиски пока безрезультатны. Уже вошли в Бистрицу, и, если наше предположение ошибочно, все пропало. Обогнали и осмотрели много лодок, больших и маленьких. Сегодня рано утром одна команда приняла нас за казенный катер и приветствовала, указав нам этим путь к решению многих проблем. В Фунду, где Бистрица впадает в Сирет, раздобыли румынский флаг, который теперь развевается над нашим катером. Ход оказался очень удачный: теперь на всех лодках, которые мы обгоняем, к нам относятся с необычайным почтением и охотно отвечают на наши вопросы. Уже несколько словаков сказали, что видели очень большую лодку, которая неслась как на крыльях с двойной командой на борту. Но все они видели ее до своего прихода в Фунду, поэтому не могли сказать, повернула ли она в Бистрицу или пошла прямо по Сирету. В Фунду об этой таинственной лодке ничего не знали, возможно, она прошла ночью. Просто умираю — так хочется спать, видимо, сказывается холод, да и измученный постоянным бдением организм берет свое... Лорд Годалминг настаивает на том, чтобы первым отстоял вахту он. Да хранит его Господь за всю его доброту к моей бедной Минне и ко мне!

2 ноября, утро. День уже в разгаре. Мой добрый друг не стал будить меня. Говорит, что это было бы просто грешно — так безмятежно я спал, забыв обо всех несчастьях. Конечно, это просто свинство с моей стороны — заставить Артура дежурить всю ночь. Но он прав, сегодня утром я совершенно другой человек. Теперь он спит, а я делаю все необходимое — слежу за двигателем, управляю судном и осматриваю окрестности. Сила и энергия вернулись ко мне.

Где же теперь Мина и Ван Хелсинг? До Верешти они добрались, наверное, в среду к полудню. Некоторое время у них уйдет на покупку экипажа и лошадей. Значит, если они ехали быстро, то теперь должны быть в ущелье Борго. Да поможет им Господь! Страшно подумать, что может случиться... Если бы только мы могли прибавить ходу! Но это уже невозможно, двигатель работает на пределе.

Интересно, как дела у доктора Сьюворда и мистера Морриса. Бесчисленные ручьи стекают с гор в реку, правда, в это время года они невелики и потому для всадников не помеха, зимой же, наверное, ужасны, а при таянии снегов просто непроходимы. Надеюсь, мы увидим наших друзей где-то перед Страсбой; если до этого не догоним графа, надо будет посоветоваться, что делать.

Дневник доктора Сьюворда

2 ноября. Три дня в пути. Никаких новостей, впрочем, если бы они и были, нет времени их описывать — дорога каждая минута. Останавливаемся только для того, чтобы дать отдохнуть лошадям, сами чувствуем себя прекрасно. Эти напряженные, полные приключений дни благотворно действуют на нас. Нужно спешить; на душе скребут кошки, не успокоимся, пока не увидим плывущий по реке катер.

3 ноября. В Фунду узнали, что катер пошел вверх по Бистрице. Холодина страшная, как хочется тепла. Только бы

не пошел снег! Глубокие сугробы могут помешать нам. Тогда придется продолжать путь по-русски — на саниах.

4 ноября. Сегодня узнали, что катер что-то задержало у порогов на Бистрице. Словацкие лодки проходят их благополучно с помощью веревок, при умелом управлении. Кое-кто из словаков только что оттуда. Впрочем, лорд Годалминг — механик-любитель, очевидно, ему удалось наладить катер. Так что с помощью местных жителей они в конце концов благополучно миновали пороги и возобновили погоню. Боюсь только, катер все-таки пострадал: крестьяне говорят, что видели, как он несколько раз останавливался, пока не скрылся из виду. Надо очень спешить, может потребоваться наша помощь.

Дневник Мины Гаркер

31 октября. В полдень приехали в Верешти. Профессор говорит, что сегодня на рассвете ему едва-едва удалось меня загипнотизировать. «Темно и тихо» — вот все, что я сказала. Он пошел покупать экипаж и лошадей, которых намерен потом менять на перегонах. Нам предстоит проехать более семидесяти миль. Местность очень живописная, при иных обстоятельствах мы бы получили большое удовольствие от пребывания здесь. Какое счастье было бы путешествовать здесь вдвоем с Джонатаном, останавливаться, беседовать с людьми, узнавать, как они живут, воспринимать яркие краски этой дикой прекрасной страны и ее странных, но привлекательных жителей! Увы!

Позднее. Вернулся профессор. Он достал лошадей. Мы пообедаем и через час тронемся. Хозяйка готовит нам целую корзину провизии — хватило бы на целый отряд солдат. Ван Хелсинг одобряет ее и нашептывает мне, что, может быть, целую неделю негде будет раздобыть хорошей еды. Еще он

закупил меховые пальто, одеяла и другие теплые вещи. Уж по крайней мере не замерзнем в дороге.

Скоро выезжаем. Боюсь даже думать, что нам грозит. Поистине мы в руках Божьих. Только Он знает, что нас ждет, и я из глубин своей измученной, но полной смирения души молю Его сохранить моего возлюбленного мужа. И что бы ни случилось, пусть Джонатан знает: я любила его так, что словами этого не выразишь, и моя последняя мысль будет о нем.

ГЛАВА XXVII

Дневник Мины Гаркер

1 ноября

Весь день ехали в страшной спешке. Лошади, вероятно, чувствуют, когда к ним хорошо относятся, и несутся во весь опор. Мы уже несколько раз меняли упряжки; обстоятельства складываются благоприятно — может быть, и все путешествие пройдет удачно. Профессор Ван Хелсинг немногословен: он объясняет крестьянам, что спешит в Бистрицу, и хорошо платит за смену лошадей. Наспех глотаем горячий суп, кофе или чай и едем дальше.

Местность очень живописна, много прекрасных и разнообразных пейзажей, люди смелые, сильные, простые и очень очень суеверные. В первом же доме, где мы остановились, женщина, прислуживавшая нам, заметив отметину у меня на лбу, перекрестилась и подняла два пальца, чтобы уберечься от дурного глаза. Кажется, она даже положила двойную порцию чеснока в нашу еду, а я его совершенно не выношу. С тех пор не снимаю шляпу или вуаль, чтобы избежать ненужных подозрений.

Едем без кучера, но очень быстро, а значит — опережаем нелепые слухи о себе, однако боязнь дурного глаза, наверное, будет преследовать нас постоянно. Профессор просто неутомим. Весь день он правил, меня же уговаривал поспать. На закате он провел со мной сеанс гипноза; говорит, что ничего нового я не сказала: «Темно, журчание воды, скрип дерева»; видимо, наш враг все еще на реке. Боюсь думать о

Джонатане, хотя уже не испытываю страха ни за него, ни за себя.

Пишу в доме фермера в ожидании лошадей. Профессор Ван Хелсинг спит. Бедняжка, он такой усталый, поставивший, седой, но даже во сне вид у него решительный. Когда тронемся в путь, я заставлю его отдохнуть и буду править сама. Объясню ему, что впереди еще несколько дней пути и он должен беречь силы... Все готово, скоро отправляемся.

2 ноября, утро. Мне удалось его уговорить, и всю ночь мы правили по очереди. Наступает день, ясный, но холодный. В воздухе — странная тяжесть, я пишу «тяжесть», так как не могу подобрать более точное слово. Что-то гнетет нас обоих. Очень холодно, выручает теплая меховая одежда. На рассвете Ван Хелсинг загипнотизировал меня и получил в ответ: «Темно, скрип дерева, сильный шум воды» — похоже, течение реки меняется. Надеюсь, мой милый избежит опасности — ну пусть она будет не такой большой; мы все в руках Божьих...

2 ноября, ночь. Целый день быстрой езды. Местность становится все более дикой, необитаемой. Громады Карпатских гор, казавшиеся в Верешти такими далекими, маячившими на горизонте, теперь обступили нас со всех сторон. Профессор Ван Хелсинг говорит, что утром мы будем уже в ущелье Борго. Дома попадаются редко, профессор считает, что больше мы уже не сможем поменять лошадей. Последний раз мы сменили двух лошадей, и ему удалось раздобыть еще двух, так что сейчас в нашей упряжке четыре лошади. Все выносливые, послушные и не причиняют нам никаких беспокойств. Теперь маловероятна встреча с людьми, поэтому я могу свободно править. В ущелье Борго мы будем на рассвете, раньше нам и не нужно, так что едем медленнее, давая друг другу подольше отдыхать. Ох, что-то ждет нас завтра?! Попробуем разыскать место, где мой милый так настрадался. Да поможет нам Бог выехать на правильный путь, да сохранит Он моего мужа и тех, кто нам дорог и подвергается смер-

тельной опасности. Я же не достойна Его. Увы! Для Него я нечистая и останусь таковой, пока Он не осенит меня Своей благодатью.

Записи Абрахама Ван Хелсинга

4 ноября. Эти записи предназначены моему старому и верному другу Джону Сьюворду, доктору медицины, проживающему в Перфлите, Лондон, в случае, если я его не увижу. Надеюсь, они помогут ему кое в чем разобраться.

Утро, пишу при свете догорающего костра; мадам Мина всю ночь помогала мне поддерживать огонь. Холодно, очень холодно, серое тяжелое небо набухло снегом, который валит и валит — и ложится, похоже, уже на всю зиму.

Кажется, погода подействовала и на мадам Мину; она как-то отяжелела, стала вялой, непохожей на себя — спит, спит и спит! Обычно такая энергичная и живая, она сегодня ничего не делала и начисто утратила аппетит. Даже перестала делать записи в своем блокнотике — это она-то, раньше использовавшая для дневника любую паузу. Чувствую, что-то тут не то. Однако к вечеру она оживилась. Сон ее освежил, подбодрил, и теперь она весела и мила, как обычно. На закате я попытался ее загипнотизировать, но — увы! — ничего не вышло; мое влияние ослабевало с каждым днем, а сегодня и вовсе свелось к нулю. Ну что ж, на все воля Божья, что бы там ни случилось!

Теперь — к фактам. Поскольку мадам Мина больше не ведет стенографические записи, придется это делать мне своим нескладным старомодным почерком, чтобы ни один наш день не был пропущен.

В ущелье Борго мы въехали вчера после восхода солнца. Заметив признаки рассвета, я остановил экипаж, мы сошли на землю и подготовились к сеансу гипноза. Я постелил меховое ложе, мадам Мина легла и с величайшим трудом на очень короткое время впала в транс. Единственное, что я от нее услышал, было все то же: «Темно, журчание воды». Потом

она пришла в себя, веселая и радостная; мы продолжили наш путь и скоро были в ущелье. Тут к мадам Мине словно вернулось ее прежнее ясновидение — она указала на какую-то дорогу и сказала:

— Нам сюда.

— Откуда вы знаете? — спросил я.

— Знаю, разве мой Джонатан здесь не ездил и не описал свое путешествие?

Сначала мне это показалось странным, но, присмотревшись, я увидел, что тут только одна такая заброшенная дорога, столь отличная от широкого, наезженного большака, ведущего из Буковины в Бистрицу.

Мы поехали по этой дороге и теперь, когда нам встречаются другие, такие же заброшенные, засыпанные свежим снегом, предоставляем выбор лошадям: они сами чуют путь. Я отпускаю поводья, и наши смышленные лошадки ведут нас прямо к цели. Начинаем узнавать места, которые описывал Джонатан в своем замечательном дневнике. И все едем и едем, долгие часы. Я попросил мадам Мину отдохнуть — поспать, и она заснула. Теперь все время спит, я уже начинаю беспокоиться и пытаюсь разбудить ее. Но она продолжает спать. Конечно, я не очень ее торможу, боясь ей повредить: все-таки она слишком много страдала, и сон для нее — это все. Кажется, я и сам задремал, но внезапно остро ощутил чувство вины, как будто сделал что-то не то; вдруг осознаю, что сижу с поводьями в руках, а добросовестные лошади не спеша бредут вперед. Мадам Мина все еще спит. Солнце клонится к закату, и поверх снега струятся золотистые потоки солнечного света, а наш экипаж отбрасывает длинную тень на крутую гору. Ибо мы по-прежнему поднимаемся вверх, и все вокруг такое дикое и каменистое, словно это край света.

Бужу мадам Мину энергичнее. На этот раз она просыпается довольно легко, и я пытаюсь загипнотизировать ее. Но она не поддается гипнозу. Я не прекращал попыток, пока мы не оказались в полной темноте — солнце зашло. Мадам Мина смеется, я оборачиваюсь и смотрю на нее. Она совсем просну-

лась и выглядит просто замечательно, последний раз это было в ту ночь, когда мы впервые пошли в дом графа в Карфаксе.

Я удивлен, и мне как-то не по себе, но она так мила, внимательна, предупредительна, что мои страхи отступают. Развожу огонь, ведь у нас с собой запас дров, она готовит ужин, а я распрягаю лошадей, привязываю их, кормлю. Когда я возвращаюсь к костру, ужин уже готов. Хочу положить ей еду, но она с улыбкой говорит, что уже поела — от голода даже не смогла меня дождаться. Мне это не нравится, у меня возникли серьезные сомнения, но пугать ее не хочется, и я молчу. Завернувшись в меха, устраиваемся на ночлег поближе к костру. Уговариваю Мину поспать, пока я буду сторожить ее сон. Однако вскоре забываю об осторожности и впадаю в дремоту, а когда вдруг, спохватившись, вспоминаю, то вижу, что она лежит тихо, не спит и смотрит на меня странно блестящими глазами. Это повторяется несколько раз, и к утру мне все-таки удастся выспаться.

Проснувшись, пытаюсь загипнотизировать ее, но увы! Она, хотя и закрывает послушно глаза, гипнозу не поддается. Солнце поднимается все выше и выше, мадам Мина засыпает, да так крепко, что никак не могу ее добудиться. Пришлось перенести ее в экипаж. Поразительно, но во сне она выглядит здоровее и румянее. Ох, не нравится мне это. Я боюсь, боюсь, боюсь! Боюсь всего, даже думать, но я должен продолжать свой путь. На карту поставлены и жизнь, и смерть, и даже нечто большее, мы не должны отступать.

5 ноября, утро. Запишу все точно, по порядку. Хотя нам обоим и довелось повидать много необычного, опасаясь, как бы вы, друг Джон, не подумали, что все пережитые ужасы и нервное напряжение сказались на моем мозге, и я, Ван Хелсинг, сошел с ума.

Вчера мы весь день ехали, углубляясь во все более дикую и пустынную горную местность. Встречаются огромные пропасти, много водопадов. Природа и здесь порой устраивает свои карнавалы. Мадам Мина все спит и спит. Я прого-

лодался и поел, так и не сумев ее разбудить, чтобы накормить. Боюсь, чары этого мрачного места роковым образом действуют на нее, отмеченную вампирским крещением. «Ну что ж, — сказал я себе, — если необходимо, чтобы она спала весь день, придется мне не спать и ночью».

Дорога — плохая, старая, тряская, невольно голова моя поникла, и я заснул. Проснулся, вновь чувствуя себя виноватым, посмотрел на мадам Мину — она все еще спала, а солнце клонилось к закату. Окрестности изменились — хмурые горы, казалось, отдалились, а мы приблизились к крутому холму, вершину которой венчал замок, описанный Джонатаном. Смешанное чувство торжества и страха охватило меня — к добру или к худу, но мы приближаемся к развязке...

Я разбудил мадам Мину и вновь попытался загипнотизировать ее. Но — увы! — бесполезно. И прежде чем стало совсем темно — даже после заката солнечные лучи еще какое-то время отражались на снегу и царил полумрак, — я распряг лошадей, кое-как устроил их и покормил. Потом развел огонь и усадил рядом с ним закутанную в пледы мадам Мину, теперь очень бодрую и очаровательную.

Приготовил ужин, но есть она не стала, сказав просто, что не голодна. Я не настаивал, понимая тщетность уговоров. Сам поел, мне нужно было набраться сил за двоих. Затем, опасаясь, как бы чего не случилось, начертил большой круг вокруг мадам Мины и раскрошил по нему освященную облатку, тем самым оградив ее. Она сидела тихо, неподвижно, как покойница, и только все бледнела и бледнела, не говоря ни слова. Но когда я подошел к ней, бедная женщина прижалась ко мне, и с болью в сердце я почувствовал, что она вся дрожит. Когда она немного успокоилась, я сказал ей, желая кое-что проверить:

— Пойдемте к костру.

Мадам Мина послушно встала, сделала шаг вперед и остановилась как вкопанная.

— Почему вы остановились? — спросил я.

Она покачала головой и села на свое место. Затем, взглянув на меня широко открытыми глазами как бы только что проснувшегося человека, просто сказала:

— Не могу.

Я обрадовался: то, чего не может она, не могут и те, кого мы боимся. Значит, душа ее защищена!

Тут лошади начали фыркать, рваться на привязи — я подошел к ним; почувствовав мою руку, они негромко заржали, норовя лизнуть меня в щеку, и на время успокоились. За ночь я несколько раз подходил к ним, и каждый мой приход успокаивал их. В самый холодный час ночи, когда начал мести снег и опустился студеный туман, огонь стал угасать; я старался поддерживать его. Однако даже в темноте наблюдалось какое-то свечение, будто светился снег; мне стало казаться, будто круговорот снежинок и клубящийся туман принимают форму женщин в длинных одеяниях. Царила гробовая тишина, лишь временами было слышно негромкое, испуганное ржание лошадей. Страх стал одолевать и меня, но мне удалось взять себя в руки: в пределах своего круга я был в безопасности. И все же не мог избавиться от мысли, что мои видения — следствие ночи, мрака, усталости и тревог. Предомной словно оживали воспоминания об ужасных приключениях Джонатана: снежинки вдруг закружились в туманной мгле, приняв в конце концов облик тех призрачных женщин, которые хотели его поцеловать. Вот и лошади стали дрожать, жаться друг к другу и постанывать от страха, как человек от боли. Я испугался за мою дорогую мадам Мину, когда эти призрачные фигуры приблизились и окружили нас. Моя спутница сидела спокойно и улыбалась мне; когда же я двинулся к огню, чтобы поворошить дрова, она схватила меня за руку, потянула к себе и прошептала таким тихим голосом, какой мне приходилось слышать лишь во сне:

— Нет, нет! Не выходите! Здесь вы в безопасности!

Я повернулся и, глядя ей в глаза, спросил:

— А вы? Ведь я за вас боюсь!

Тут она тихо и неестественно засмеялась:

— Бойтесь за меня! Чего ж за меня бояться? Уж мне-то их бояться нечего.

И пока я размышлял над смыслом ее слов, порыв ветра раздул пламя и осветил красный знак на ее лбу. И тогда — увы! — я понял. А если бы не понял в ту минуту, то понял бы чуть позднее, когда призрачные фигуры приблизились вплотную к кругу, не переступая, однако, его границу. Они стали материализоваться, и наконец, если только Господь не лишил меня рассудка, предо мной стояли три женщины, которых Джонатан видел в той злополучной комнате, где они соблазняли его. Гибкие фигуры, блестящие, холодные глаза, белые зубы, румяные щеки, сладострастные губы. Их смех звенел в ночной тишине, они улыбались бедной мадам Мине и, простирая к ней руки, шептали заволаживающими, как хрустальные колокольчики, голосами:

— Приди, сестрица! Иди к нам! Иди, иди сюда!

В страхе я взглянул на мою бедную мадам Мину, и сердце у меня радостно забилося: в ее глазах застыли ужас, отвращение, страх, и это придало мне надежду. Слава богу, она еще не принадлежала им. Я схватил лежавшее рядом со мной полено и, держа перед собой облатку, двинулся на них, одновременно приближаясь к костру. Они стали отступать и ужасно при этом хохотали. Я подбросил дров в огонь, и страх покинул меня: мы были защищены от этих дьявольских созданий, я — Святыми Дарами, мадам Мина — магическим кругом, из которого она не могла выйти и в который они не смели войти. Лошади перестали стонать и легли на землю, снег мягко ложился на них белым покрывом. Им тоже больше нечего было бояться.

Так мы дождались рассвета. Мне было одиноко и очень страшно, но при виде прекрасного восходящего на горизонте солнца я ожил. С первыми же признаками рассвета жуткие фигуры растворились в темных клубах тумана и снега, двинувшихся в сторону замка.

На рассвете я машинально повернулся к мадам Мине, намереваясь подвергнуть ее гипнозу, но она спала так крепко,

что мне не удалось ее разбудить. Попробовал загипнотизировать спящую, но безрезультатно. Наступил день. Все еще боюсь двинуться с места. Развел огонь и подошел к лошадям — все они были мертвы...

У меня сегодня много дел, но, пожалуй, подожду, пока солнце поднимется повыше: мне придется наведаться в такие места, где солнечный свет, несмотря на снег и туман, возможно, послужит мне защитой.

Подкреплюсь завтраком, а потом займусь ужасным делом. Мадам Мина все еще спит. Слава богу! Сон ее спокоен...

Дневник Джонатана Гаркера

4 ноября, вечер. Авария на катере очень подвела нас. Если бы не она, мы бы уже давно догнали лодку, и теперь моя дорогая Мина была бы свободна. Боюсь даже думать о ней, где-то она теперь? Наверное, уже на пустынном нагорье, совсем рядом с ужасным замком. Мы достали лошадей и собираемся продолжить погоню. Пишу, пока лорд Годаминг готовит все к отъезду. Мы вооружены. Цыганам придется плохо, если вздумают с нами схватиться. Эх, если бы нам еще встретиться с Моррисом и Сьювордом! Будем надеяться! Похоже, больше писать не придется, прощай, Мина! Да благословит и сохранит тебя Господь!

Дневник доктора Сьюворда

5 ноября. На рассвете мы увидели цыган, отъезжавших от реки. С ними была арба, которую они окружили со всех сторон и так спешили, точно их преследовали. Падает легкий снег, в воздухе ощущается странное волнение. Может быть, мы сами его излучаем. Вдали слышен вой волков, снегопад гонит их с гор. Опасности подстерегают нас на каждом шагу. Лошади почти готовы, скоро двинемся в путь. Мчимся навстречу смерти. Одному Богу известно, кто, где, когда и как...

Записи профессора Ван Хелсинга

5 ноября, полдень. По крайней мере, я еще в здравом уме. Благодарю Бога за эту благодать, хотя доказательство было ужасным. Оставив спящую мадам Мину в священном круге, я направился к замку. Там мне пригодился кузнечный молот, который я захватил в Верешти: хотя все двери были открыты, я сбил их с петель, чтобы по чьей-нибудь злой воле или нелепой случайности они не захлопнулись и я не оказался бы взаперти. Горький опыт Джонатана сослужил мне службу. Хорошо помня его записи, я нашел старую часовню: тут-то мне и предстояла работа. Воздух внутри был тяжелым. Мне почудился запах серы, от которого временами кружилась голова. То ли у меня шумело в ушах, то ли вдали и вправду послышался вой волков. Подумал о бедной мадам Мине, и ужасная дилемма встала передо мной.

Я не рискнул взять ее сюда, а оставил в недоступном вампирам круге, но волк-то мог войти в него! И все-таки я решил закончить свое дело здесь, а в остальном положиться на волю Божию. По крайней мере, бедной женщине грозит лишь смерть и последующее искупление. Итак, я сделал за нее выбор. Если бы речь шла обо мне, выбор был бы легким: я бы предпочел утробу волка могиле вампира! И я продолжил работу.

Зная, что здесь должно быть по крайней мере три обитаемых гроба, я начал искать и искал до тех пор, пока наконец не нашел один. В нем спала женщина сном вампира, полная жизни и столь сладострастно-прекрасная, что я невольно содрогнулся: неужели мне придется убить ее? О, я уверен, у многих, намеревавшихся до меня исполнить подобный ритуал, в последнюю минуту сдавали нервы. Они медлили, откладывали, оттягивали, пока наконец красота и прелесть порочной «бессмертной» не сковывали их по рукам и ногам. Но вот солнце скрывалось за горизонтом, и вампир просыпался. Прекрасные глаза восхитительной женщины смотрели с любовью, сладострастные губы раскрывались для поцелуя,

и — человек слаб! — в объятиях вампира оказывалась новая жертва, пополнявшая страшные, безжалостные ряды «живых мертвецов»!..

Соблазн, наверное, действительно очень велик, если даже меня взволновало это существо, хотя оно и лежало в гробу, изъеденном временем, в пыли, копившейся веками, окутанное ужасным смрадом, царившим во всех убежищах графа. Да, меня это зрелище взволновало — меня, Ван Хелсинга, — несмотря на мою цель, решимость и ненависть; возникло желание еще немного помедлить, тут же парализовавшее мою волю. Возможно, сказалось недосыпание и что-то гнетущее в воздухе — сон стал одолевать меня, сон человека с открытыми глазами, постепенно поддающегося сладостному очарованию. Но тут сквозь снежную пелену пробился протяжный, негромкий, горестный крик, пробудивший меня, как звук горна. Это был голос моей дорогой мадам Мины.

Тогда силы вернулись ко мне и я занялся ужасным делом. Открывая подряд крышки гробов, я нашел еще одну сестру, брюнетку. Я не стал смотреть на нее, чтобы не поддаться ее дьявольскому очарованию, и продолжал поиски, пока наконец в большом высоком гробу, сделанном явно для очень любимой женщины, не обнаружил белокурую сестру, которую я, как и Джонатан, уже видел. Она была просто ослепительна и так утонченно-чувственна, что во мне проснулся мужской инстинкт и голова просто закружилась от невольного волнения. Но, слава богу, вырвавшийся из глубины души крик моей дорогой мадам Мины еще звучал в моих ушах. И прежде чем чары блондинки успели полностью парализовать мою волю, я ревностно принялся за работу. После осмотра всех гробов в часовне стало ясно: кроме этих трех, других «бессмертных» здесь больше нет. Особняком стоял гроб колоссальных размеров, был он величественнее остальных и необычайно изысканной формы. На нем значилось лишь одно-единственное слово:

ДРАКУЛА.

Итак, вот оно, логово короля вампиров, которому столь многие хотели вернуть долг. Пустота гроба говорила сама за себя. Прежде чем заниматься женщинами, я положил в гроб Дракулы облатку и тем самым изгнал его, «живого мертвеца», оттуда навсегда.

Затем приступил к выполнению тяжкого долга. О, если бы речь шла хотя бы об одной, это еще куда ни шло! Но три! Трижды проходить через один и тот же кошмар! Если это было так ужасно в случае с милой мисс Люси, чего же можно ожидать от этих незнакомок, переживших века, окрепших с течением времени, если бы они могли бороться за свои оскверненные жизни...

О, мой друг Джон, это была работа мясника; если бы не мысль о той, умершей, и этой, живой, над которой нависла такая опасность, я бы не смог довести дело до конца. Дрожь не оставляет меня до сих пор, хотя, слава богу, мои нервы выдержали. Если бы я не увидел выражение покоя и последующей радости на лице первой женщины перед ее обращением во прах, то есть миг торжества души, то не смог бы продолжить это кровопролитие и в ужасе бежал...

Но вот и все! Теперь мне жаль эти бедные души, я оплакиваю их, думая о том, что им пришлось пережить, и вспоминая промелькнувшее на их лицах выражение блаженного покоя перед превращением в пригоршню праха. Друг Джон, едва я отсекал им головы, как их тела рассыпались, обращаясь в пыль, будто смерть, которая должна была наступить несколько веков назад, лишь теперь настигла их.

Прежде чем покинуть замок, я так заделал все входы, чтобы граф уже никогда не смог войти в него «живым мертвецом».

Когда я вернулся к мадам Мине, она, увидев меня, закричала:

— Скорее! Покинем это ужасное место! Пойдемте навстречу моему мужу, который, я чувствую, уже близко.

Худая, бледная, слабая, но с ясным взглядом, излучавшим энергию.

Я не расстроился из-за ее бледности и болезненного вида, кошмарные воспоминания о безмятежно спящих румяных вампирах были еще слишком свежи.

Итак, с надеждою, хотя и не без страха, мы идем навстречу друзьям и, как уверяет мадам Мина, *ему*.

Дневник Мины Гаркер

6 ноября. День уже клонился к вечеру, когда мы с профессором отправились на восток навстречу Джонатану. Мы брели медленно, хотя дорога шла круто под гору, сгибаясь под тяжестью одеял и теплых вещей — без них невозможно было обойтись в такой холод и снег. Пришлось также взять и провизию — мы были в полном одиночестве; в окружавшей нас снежной мгле — никаких признаков жилья.

Пройдя около мили, я устала и села отдохнуть. Оглянувшись, увидела на фоне неба четкий силуэт замка Дракулы, венчающего вершину того утеса, у подножия которого мы находились — отсюда открывался чудесный вид на Карпатские горы, расположенные, как казалось, гораздо ниже. Замок предстал перед нами во всем своем величии, на краю пропасти, отделявшей его со всех сторон от соседней крутой горы. Местность была дикой и таинственной. Вдали слышался вой волков — приглушенный пеленой снегопада, он, несмотря на отдаленность, не мог не вызывать страх. Судя по тому, как профессор Ван Хелсинг осматривал окрестности, я поняла, что он ищет безопасное место, куда мы могли бы укрыться в случае нападения. Каменистая, слегка припорошенная снегом дорога по-прежнему вела вниз.

Вскоре профессор позвал меня. Он нашел замечательное место, нечто вроде естественной пещеры в скале. Ван Хелсинг взял меня за руку и ввел внутрь.

— Здесь вы будете в безопасности, а если нагрянут волки, я разделаюсь с ними по очереди.

Он принес наши меховые одеяла, приготовил уютное ложе для меня и, достав еду, стал уговаривать меня поесть.

Но я не могла проглотить ни кусочка, и, как мне ни хотелось сделать ему приятное, мне не удалось себя пересилить. Профессор расстроился, но ничего не сказал. Вытащив из сумки бинокль, он поднялся на ближайший валун и стал обозревать округу.

— Посмотрите! Мадам Мина, скорее! Взгляните!

Я быстро поднялась к нему; он дал мне бинокль и показал, куда смотреть. Неистово кружилась густой снег, дул сильный ветер. Однако временами снегопад стихал, и тогда можно было разглядеть окрестности. С высоты даже сквозь снежную пелену угадывалась извивающаяся черная лента реки, а навстречу нам, уже совсем рядом — я удивилась, как это мы не заметили их раньше, — мчалась группа всадников. Они окружали арбу, которая, виляя, как собачий хвост, неслась по неровной дороге. Фигуры всадников четко вырисовывались на снежном фоне, и, судя по одежде, это были крестьяне или цыгане.

На повозке лежал большой прямоугольный ящик. Сердце у меня ёкнуло — я почувствовала приближение развязки. Наступал вечер, и я прекрасно понимала, что существо, находившееся в ящике, на закате обретет свободу и, приняв один из своих многочисленных обликов, вновь ускользнет от нас.

В тревоге я повернулась к профессору — к моему изумлению, его рядом не оказалось. Он был уже внизу — чертил вокруг скалы защитный круг. Вернувшись ко мне, он сказал:

— По крайней мере так вы будете защищены от *него*!

Ван Хелсинг взял у меня бинокль, тут как раз снегопад на время прекратился, и все стало ясно видно.

— Обратите внимание, как они гонят лошадей, скачут во весь дух. — Помолчав, он глухо добавил: — Хотят успеть до захода солнца. Мы можем опоздать. Да поможет нам Бог!

Снова пошел густой снег и скрыл все из виду. Но скоро прекратился, и Ван Хелсинг опять припал к биноклю.

— Смотрите! Скорее! Скорее! — вдруг закричал он. — Сюда скачут два всадника. Это, наверное, Квинси и Джон. Возьмите бинокль! Взгляните, пока не запорошило снегом.

Я посмотрела в бинокль. Всадниками, вероятно, были доктор Сьювورد и мистер Моррис. Во всяком случае, не Джонатан. Оглядевшись, я увидела к северу от них еще двух всадников, мчавшихся во весь опор, и сразу почувствовала, что один из них — Джонатан, а другой, конечно, лорд Годалминг. Они тоже преследовали повозку. Когда я сказала об этом профессору, он от радости по-мальчишески вскрикнул и, внимательно следя за развитием событий, на всякий случай, пока вновь не повалил снег, приладил винчестер при входе в наше убежище.

— Они приближаются, — пояснил он. — Видимо, скоро придется столкнуться с цыганами, а их много.

Я приготовила свой револьвер — вой волков слышался все громче. После очередного снежного заряда, мы вновь приникли к биноклю. Невероятно: у нас тут шел снег, то и дело налетала метель, а там, дальше, ярко сияло солнце, клонившееся все ниже к вершинам дальних гор. Оглядывая окрестности в бинокль, я заметила на снегу движущиеся темные точки: волки — в одиночку, малыми и большими группками они, словно почуяв добычу, сбегались со всех сторон.

Минуты ожидания казались вечностью. Сильные порывы ветра вьюжными вихрями взметали снег, порой ничего не было видно даже в метре от нас, но иногда завывающий ветер разгонял метель, все прояснялось, и мы могли обозревать округу. Последнее время мы так часто наблюдали восход и заход солнца, что уже точно знали, когда и как это произойдет; вот и сейчас было ясно, что скоро оно зайдет. Трудно было поверить в то, что мы провели в нашем скалистом убежище менее часа.

Меж тем всадники значительно приблизились. Подул северный ветер — сильный и устойчивый, он разогнал мрачные тучи, и снег, если и шел, то редкий. Теперь мы

могли беспрепятственно обозревать всю панораму. Преследуемые, казалось, не замечали погони или не обращали на нее никакого внимания, однако, когда солнце спустилось еще ниже к вершинам гор, они стали, как бешеные, нахлестывать лошадей.

Расстояние сокращалось. Мы с профессором, держа наготове оружие, затаились за нашим валуном. Я видела, что Ван Хелсинг собран и сосредоточен, полон решимости не пропустить цыган.

Вдруг два голоса прокричали по-немецки:

— Стой!

Один — голос моего Джонатана, крайне взволнованный; другой — мистера Морриса, прозвучавший спокойно и решительно, как приказ. Цыгане, вполне вероятно, не знали немецкого, но тон, который они не могли не расслышать, исключал всякие сомнения относительно его смысла. Они невольно притормозили, и тут же их нагнали с одной стороны лорд Годалминг и Джонатан, с другой — доктор Сьюворд и мистер Моррис.

Вожак цыган, смуглый красавец, сидевший в седле как влитой — настоящий кентавр! — резким голосом приказал своим товарищам не останавливаться. Они хлестнули лошадей, и те рванулись вперед; тогда наши мужчины вскинули винчестеры. В то же мгновение профессор Ван Хелсинг и я поднялись из-за камня, направив на бродяг свое оружие. Видя, что они окружены, цыгане натянули поводья и остановились. Вожак сказал им что-то, и они, вынув ножи и пистолеты, приготовились к нападению.

Вперед выехал вожак и, указав сначала на заходящее солнце, потом — на замок, что-то сказал, я не разобрала, что именно. Тогда четверо наших мужчин, быстро спешившись, бросились к повозке. Наверное, мне следовало бы испугаться, ведь Джонатан подвергался такой опасности, но азарт схватки, видимо, подействовал и на меня, так как я испытывала не страх, а лишь неистовое, непреодолимое желание что-то сделать.

Цыганский вожак отдал какое-то приказание, которое его люди с необычайным усердием бросились, толкая друг друга, исполнять, — мгновенно окружили арбу. Я видела, что Джонатан с одной стороны, а Квинси — с другой пытаются прорваться сквозь живое кольцо; они явно стремились закончить дело до захода солнца. Казалось, ничто не могло остановить их — ни наведенные на них пистолеты, ни сверкающие ножи, ни вой волков позади, как будто рассчитанный на то, чтобы отвлечь их внимание. Стремительность и безоглядная решимость Джонатана, похоже, вызвали благоговейный страх у цыган, они невольно пропустили его.

Он тут же вскочил на арбу и с невероятной, неведомо откуда взявшейся силой поднял огромный ящик и швырнул его на землю. Тем временем мистеру Моррису пришлось силой пробиваться сквозь кольцо цыган. Я, затаив дыхание, следила за Джонатаном, не упуская из виду и мистера Морриса, который отчаянно рвался вперед, пока кто-то из цыган не нанес ему ножевой удар. Продолжая ловко отбиваться своим длинным охотничьим ножом — мне даже показалось, что он вышел из схватки целым и невредимым, — мистер Моррис приблизился к Джонатану, который уже соскочил с арбы, и тут только я увидела, что он прижимает левую руку к боку и кровь струится у него между пальцев. Однако, несмотря на рану, он бросился на помощь Джонатану. Тот отчаянно пытался своим гуркхским кинжалом приподнять крышку ящика с одной стороны, а мистер Моррис охотничьим ножом делал то же самое с другой. Наконец гвозди со скрипом поддались, и крышка была сорвана...

К этому моменту цыгане под прицелом винчестеров лорда Годалминга и доктора Сьюворда прекратили сопротивление. Солнце уже почти касалось горных вершин, тени людей четко вырисовывались на снегу. Я увидела полуприсыпанного землей графа, лежавшего в треснувшем при падении с арбы ящике. На его восковом, мертвенно-бледном лице выделялись зловеще красные глаза, в которых тлело хорошо мне знакомое

выражение ненависти; они были прикованы к заходящему солнцу, в них уже сверкнуло торжество...

Но в тот же миг кинжал Джонатана настиг его. Я вскрикнула — кривое лезвие рассекло вампиру горло; и почти одновременно охотничий нож мистера Морриса пронзил ему сердце.

На наших глазах произошло чудо: в одно мгновение тело графа превратилось в прах. Но перед этим на его лице появилось выражение несказанного покоя — в течение всей своей последующей жизни я буду радоваться этому, ибо и представить себе не могла такое благодное выражение на этом страшном лице.

Замок Дракулы четко вырисовывался на фоне багряного неба, и в последних солнечных лучах был ясно виден каждый камень полуразрушенных зубчатых стен.

Цыгане, посчитавшие нас виновниками необычного исчезновения покойника, не говоря ни слова, развернулись и уехали, явно опасаясь за собственную жизнь. У кого не было лошадей, вскочили на арбу и крикнули всадникам, чтобы те их подождали. Волки, уже ретировавшиеся на порядочное расстояние, последовали за ними. Мы остались одни...

Мистер Моррис прилег на землю, опираясь на левый локоть и все так же держась за бок; кровь струилась у него сквозь пальцы. К нему бросились оба медика и я, более не удерживаемая священным кругом. Джонатан встал на колени подле раненого, тот положил ему голову на плечо и со вздохом взял меня за руку. Видимо заметив на моем лице тревогу, он улыбнулся мне и прошептал:

— Я более чем счастлив оттого, что смог помочь вам! О господи! — вдруг вскрикнул он, стараясь приподняться и указывая на меня. — Ради этого стоило умереть! Взгляните! Взгляните!

Солнце теперь находилось как раз на вершине горы, и его красноватый отблеск падал мне на лицо. Охваченные единым чувством, мужчины опустились на колени, и проникновенное «Амен» вырвалось у них.

— Слава богу, все было не напрасно! — воскликнул умирающий. — Посмотрите! Ее лоб чище снега!¹ Проклятие снято!

И, к великому нашему горю, этот благородный человек тихо скончался с улыбкой на устах...

ЭПИЛОГ

Семь лет минуло после тех тяжких испытаний, и я думаю, мы выстрадали свое счастье. Наш сын родился в день смерти Квинси Морриса. Мина видит в этом глубокий смысл, считая его духовным наследником нашего храброго друга. Его полное имя включает в себя имена всех наших друзей, но мы называем его Квинси.

Этим летом мы вновь побывали в Трансильвании и проехали по тем местам, которые по-прежнему вызывают в нас живые и ужасные воспоминания. Теперь очень трудно поверить в реальность того, что мы некогда видели своими глазами и слышали своими ушами. Не сохранилось никаких следов происшедшего. Лишь замок, как и прежде, возвышается над пустынной местностью.

Вернувшись домой, мы вспоминали прошлое, испытывая при этом светлую печаль; лорд Годалминг и доктор Сьювورد женились и счастливы. Я достал дневниковые записи и весь тогдашний архив из сейфа, в котором они хранились с тех пор, как мы вернулись. Поразительно, но среди них едва ли наскребется пара настоящих документов — за исключением дневников Мины, доктора Сьюворда и моего собственного, а также записей профессора Ван Хелсинга, это в основном машинописные странички. Вряд ли кто-нибудь воспримет их — даже если бы у нас возникло такое желание — как неопровержимые доказательства той немыслимой истории, итог которой подвел, посадив нашего сына себе на колени, профессор Ван Хелсинг:

¹ Скрытая цитата. Ср.: «Окропи меня иссопом, и буду чист; омой меня, и буду белее снега» (Пс. 50: 9). — *Примеч. ред.*

— Не нужно никаких доказательств, мы не требуем, чтобы нам верили! Но когда-нибудь этот мальчик узнает, какая смелая и благородная женщина его мать. Он уже познал ее доброту и любовь, а позднее поймет, за что так любили ее друзья, столь многим рисковавшие ради нее.

Джонатан Гаркер

ПРИМЕЧАНИЯ

ДРАКУЛА

Перевод романа осуществлен по изданию: Stoker B. The annotated Dracula. Introduction, Notes, and Bibliography by L. Wolf. N. Y.: Clarkson N. Potter, Inc. 1975.

С. 74. ...самый западный из великолепных мостов... — Мост графа Сечени, связывающий Буду и Пешт, строился почти 20 лет — с 1804 по 1873 г., считался чудом своего времени.

С. 74. Клаузенбург — город в Центральной Трансильвании. Ныне румынский город Клуж.

С. 89. Обычное приключение в жизни помощника стряпчего... — В британской юридической практике два вида адвокатов: стряпчий консультирует клиентов, подготавливает дела для барристера (выступающего в высших судах) и имеет право выступать в низших судах.

С. 90. Входите смело, по своей воле! — Стокер основывается на традиции, по которой дьявол может творить свои дела только с согласия «клиентов» (см. «Фауста» Гёте, «Кристабель» Колбриджа).

С. 94. Хэмптон-Корт — дворец (XVI в.) с парком на берегу Темзы близ Лондона, королевская резиденция до 1760 г., ныне музей.

С. 95. «Красная книга» — (название по цвету переплета) официальный биографический справочник политических деятелей и государственных служащих; «Синяя книга» содержит документы значительного объема, изданные парламентом, например доклады комиссий, отчеты министерств.

С. 95. Альманах Уитакера — (по имени первого издателя Джозефа Уитакера) ежегодный справочник общей информации, издающийся с 1868 г.

С. 97. «Брэдшо» — (по фамилии первого издателя Джорджа Брэдшо) известный справочник расписания движения на всех железных дорогах Великобритании, издавался с 1839 по 1961 г. в Манчестере.

С. 105. *...воинственный дух Тора и Одина...* — Тор — один из главных богов германо-скандинавской мифологии, бог грома, бури, плодородия. Один — верховный бог в скандинавской мифологии, мудрец, бог войны.

С. 105. *Берсерки.* — Берсерками (вероятно, от древнеисландского «медвежий мех») викинги называли воинов, которые во время боя впадали в особый экстаз, увеличивающий силы и притупляющий боль. Согласно преданиям, берсерки могли принимать облик медведя и волка.

С. 105. *Арпад* — избранный наследник Аттилы, предводителя гуннов, ставший вождем венгерских племен. Первый князь (889—907) из основанной им династии Арпадовичей.

С. 105. *Хонфоглалаш* — дословно «Завоевание отечества» (венг.). Венгры, отождествлявшие себя с гуннами, считали, что, завоевав с Арпадом территорию позднейшей Венгрии, они лишь вернулись на родину. В 1896 г., когда Стокер работал над «Дракулой», в Венгрии торжественно отмечали тысячелетнюю годовщину Хонфоглалаша.

С.105. *...во времена «четырех наций»...* — Имеются в виду населявшие Трансильванию народы: мадьяры, секлеры, германцы (в 1437 г. заключившие союз о взаимопомощи) и валахи.

С. 105. *...позор Косова...* — В сражении на Косовом поле (Южная Сербия, 1389) турецкий султан Мурад I разбил объединенное войско христиан; в 1448 г. там же потерпел поражение регент Венгерского королевства, воевода Трансильвании Янош Хуньяди, возглавивший движение сопротивления турецкому владычеству.

С. 106. *...после крушения доблестного воеводы его недостойный родной брат продал своих людей туркам...* — В 1462 г. Влада Цепеша сверг его брат Раду, которого современники обвиняли в предательстве и в противоестественной связи с турецким султаном Мехмедом II.

С. 106. *...когда после Мохачской битвы было сброшено венгерское иго...* — Битва 29 августа 1526 г. у г. Мохач (Венгрия) на правом берегу Дуная между войсками турецкого султана Сулеймана I и венгерского короля Лайоша II, закончившаяся поражением венгров, после которого значительная часть Венгерского королевства попала под власть Османской империи.

С. 130. ...и посмотрел в мою сторону взглядом василиска... — Василиск — мифологическое животное, ужасный взгляд которого поражал даже летящую птицу. Плиний описывал василиска как змея с короной на голове, позднейшие трактаты — полупетухом-полужабой. В 1587 г. варшавяне безуспешно преследовали существо, убившее двух девушек, которое они сочли василиском.

С. 138. ...уподобитесь семи евангельским девам со светильниками. — Неточность: в Новом Завете упоминаются десять дев со светильниками: «Из них пять было мудрых и пять неразумных». Все десять, «взяв светильники свои, вышли навстречу жениху», но неразумные «не взяли с собою масла. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих... в полночь раздался крик: вот, жених идет, выходите навстречу». Неразумные были отвергнуты женихом, тогда как мудрые «вошли... на брачный пир, и двери затворились» (Мф. 25: 1 — 10).

С. 141. ...сохранилась фонографическая запись. — Фонограф — прибор для записи и воспроизведения звуков — был изобретен американцем Томасом А. Эдисоном в 1877 г., использовался в американской и английской медицине для записи историй болезней.

С. 142. *Титикака* — величайшее в мире высокогорное соленое озеро в центральных Андах, на границе Перу и Боливии.

С. 144. ...руины аббатства Уитби, некогда разоренного датчанами... — Аббатство Уитби возникло на основе монастыря Стреоншал, основанного в 658 г. королем Нортумбрии — Осви; весь этот край подвергся набегу датчан в 867 г.

С. 144. ...описано в поэме «Мармион», в той ее части, где девушку замуровывают в стену. — В поэме В. Скотта «Мармион» (1808) Констанс де Беверли, влюбившись в храброго, но вероломного рыцаря Мармиона, нарушила монашеский обет, и бенедиктинцы замуровали ее в стену аббатства Уитби (основано в 658 г.).

С. 144. ...в одном из окон порой наблюдают женщину в белом одеянии. — Призрак святой Хильды, дочери аббата, основавшего монастырь. Согласно легенде, она показывается с лампой в особо темные, штормовые ночи в северных окнах аббатства, чтобы моряки не сбивались с пути.

С. 146. ...как бы по дешевке перехватить вещьцу из гагата. — Гагат, или черный янтарь, — минерал, разновидность каменного угля, хорошо полируется, используется как украшение. Уитби слыл как центр производства изделий из гагата.

С. 150. *Армия спасения* — религиозная филантропическая организация евангелического направления, основанная в 1865 г. в Лондоне Уильямом Бутом. По структуре напоминает армию: имеет офицеров и рядовых, все носят форму.

С. 154. *Бердон-Сандерсон* (1828—1905) — физиолог, который вместе с Дж. Р. Пейджем впервые измерил электрические импульсы, излучаемые сердцем.

С. 154. *Джеймс Ф. Феррьер* (1808—1864) — шотландский философ-метафизик, признававший единство познающего субъекта и познаваемого объекта, ввел в философию термин «теория познания».

С. 157. ...*виднеются фигурки людей, «проходящих, как деревья»*. — Мина цитирует Евангелие (Мк. 8: 22 — 24): «Приходит в Вифсаиду; и приводят к Нему слепого и просят, чтобы прикоснулся к нему. Он, взяв слепого за руку, вывел его вон из селения и, плюнув ему на глаза, возложил на него руки и спросил его: видит ли что? Он, взглянув, сказал: вижу проходящих людей, как деревья».

С. 164. ...*стойкость его сравнима с верностью долгу юного Касабьянки*... — Речь идет о тринадцатилетнем герое стихотворения (1827) Фелиции Хеманс, погибшем во время пожара на палубе, на своем посту, который он счел невозможным покинуть без приказа отца, не зная, что тот уже погиб.

С. 177. ...*насладиться прекрасной музыкой Шпора и Маккензи*... — Людвиг Шпор (1784—1859) — немецкий композитор, скрипач, дирижер. Александр Кэмпбелл Маккензи (1847—1935) — британский композитор, скрипач.

С. 187. *Джек Шеппард* (1702—1724) — английский преступник, приговоренный к смерти. С помощью любовницы бежал, был вновь арестован; на него надели наручники, приковали к полу камеры в Ньюгейтской тюрьме, но он опять бежал, пробравшись через дымоход в камеру этажом выше, сумел пройти через пять запертых тюремных дверей, выйти на крышу и перебраться в соседний дом. Впоследствии был вновь арестован и казнен.

С. 194. *Как все-таки Дизраэли знал жизнь!* — Неточность: цитируемое изречение принадлежит не Б. Дизраэли (1804—1881), английскому писателю и политическому деятелю, премьер-министру Великобритании в 1868 г. и в 1874—1880 гг., это английская поговорка.

С. 268. *Эллен Терри* (1847—1928) — одна из самых выдающихся английских актрис XIX в., известная исполнительница ролей в шекспировских пьесах.

С. 283. *Шарко Жан-Мартен* (1825—1893) — французский врач, один из основоположников невропатологии и психотерапии.

С. 283. ...*Мафусаил прожил девятьсот лет, старый Парр — сто шестьдесят девять...* — Мафусаил — в ветхозаветных преданиях один из праотцев человечества, прославившийся своим долголетием — 969 лет («мафусаилов век»). Томас Парр (1483?—1635) — легендарный английский долгожитель, известный как «старый Парр» (существует его портрет кисти Рубенса). Согласно британской легенде, вел очень разумный, праведный образ жизни и прожил бы вечно, если бы не злосчастная поездка в тлетворный Лондон.

С. 285. *Мне довелось от одного американца слышать такое определение веры...* — Видимо, имеется в виду Марк Твен, с которым Б. Стокер встретился до публикации «Дракулы» и обсуждал вопросы черной магии и колдовства, а в эпиграфе к XII главе написанной в Лондоне книги Марка Твена «По экватору» (1896) сказано: «Веровать — это верить в то, что не существует».

С. 331. *Хотя продажа некоего патентованного средства...* — Имеются в виду так называемые «пилюли Хьюза» — широко рекламировавшееся в конце XIX в. «универсальное средство оздоровления человека путем очищения и обогащения крови».

С. 338. *Я попросил моего друга Арминия...* — Имеется в виду профессор кафедры восточных языков Будапештского университета, полиглот Арминий Вамбери, друг Брэма Стокера, существенно расширивший его знание истории Трансильвании и рода Влада Цепеша, князя Дракулы.

С. 338. *Многие тайны узнали они в школе дьявола в горах над Германштадтским озером...* — Речь идет об особой школе, в которую, по преданию, одновременно принимали десять учеников. Сам дьявол обучал их тайнам природы, языку животных, магии. По окончании курса девять из них уходили домой, десятый, в порядке платы за обучение, оставался. Озеро, маленькое и очень глубокое, расположено высоко в горах, к югу от Сибиу (Германштадт). Согласно преданию, немцы, жившие около Германштадтского озера, происходили от детей, уведенных из Гаммельна легендарным Крысоловом.

С. 342. *Его принятие в состав Соединенных Штатов...* — Техас вошел в состав США в 1845 г.

С. 342. *...доктрина Монро отойдет в область политических преданий.* — Речь идет о Декларации принципов внешней политики США, составленной госсекретарем Дж. Адамсом и провозглашенной пятым президентом США Джеймсом Монро (1817 — 1825) 2 декабря 1823 г. в ежегодном послании конгрессу: любая попытка европейских держав вмешаться в дела своих бывших колоний в Западном полушарии расценивалась как нарушение жизненных интересов США. Доктрина доминировала во внешней политике США в течение столетия. Ни одно государство не бросало открытого вызова ее положениям, но споры о ее законности продолжаются.

С. 369. *...так, наверное, улыбался Мальволио...* — Мальволио — персонаж комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь», напыщенный мажордом; он то и дело улыбается, следуя совету, полученному им в письме — как он думает, от влюбленной в него хозяйки — Оливии.

С. 370. *Моя позиция по отношению к сугубо земным делам, пожалуй, аналогична позиции Еноха!* — Ренфилд имеет в виду сказанное о Енохе в Ветхом Завете: «И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его» (Быт. 5: 24), видимо намекая на свой аналогичный альянс с дьяволом.

С. 423. *...обратились в контору «Ллойд»...* — Ллоиды — лондонская торговая династия; в конце XIX в. хозяева наиболее надежной страховой компании, где, в частности, можно было получить самые свежие новости о движении кораблей.

С. 445. *...точил свой гуркхский кинжал...* — Гуркхи (собств. непальцы) — группа консолидирующихся народов (кхасы, гурунги и др.), которые населяют Непал и Индию. Воины гуркхов пользуются традиционными кривыми ножами «кукри».

С. 451. *Нордау и Ломброзо так бы его и определили.* — Нордау Макс (1849 — 1923) — австрийский врач, литератор, автор скандального трактата «Вырождение» (1892—1893). Ломброзо Чезаре (1835 — 1909) — итальянский психиатр и криминалист, разработал концепцию физиологически-психического «преступного типа», предполагающую существование особого типа людей, биологически предрасположенных к преступлениям. Внешность Дракулы во многом имеет отличительные признаки «преступного типа» в описании Ломброзо.

Т. Красавченко

МИХАЭЛЬ БЕХАЙМ

ДРАКУЛ - ВОЕВОДА

Перевод со средневерхненемецкого
В. Микушевича

Перевод осуществлен по изданию: Von ainem wütrich
Trakle Waida von der Walachei. In: Beheim M. Die
Gedichte. B I. B., 1968.

ДРАКУЛ - ВОЕВОДА

*О злодее, который звался
Дракул и был воеводой Валахии*

О самом лютот из владык,
кто подданных своих привык
тиранить повсеместно,
с тех пор как мир был сотворен,
о злейшем звере всех времен,
насколько мне известно,
поведаю стихами,
как Дракул, злобствуя, владел
Валахией и свой удел
10 упрочить мнил грехами.

Отец его душил народ;
свирепейший из воевод,
он множил непотребство;
нашелся, впрочем, человек,
который голову отсек
тирану за свирепство;
его за норов зверский,
который всех и вся попрад,
Хуньяди Янош покарал,
20 чей сын — король венгерский.

Родился Дракул весь в отца;
злодейство множил без конца.
Он вырос вместе с братом.

Молились идолам они,
запятнаны в былые дни
языческим развратом;
от своего поганства
для виду братья отреклись
и вечно выступать клялись
30 в защиту христианства.

Злоумышлением томим,
хвалился Дракул, что над ним
Всевышнего опека,
и добрым людям на беду
он в пятьдесят шестом году
пятнадцатого века
был избран воеводой,
прибрал Валахию к рукам,
хоть был уже известен там
40 дурной своей породой.

Изведал Дракул торжество,
но в мрачном сердце у него
неистовство не гасло;
казнил он тех, кто именит,
и первый Дракулом убит
был воевода Ласло.
Он прежде правил тоже.
Тем более жесток и скор
был беспощадный приговор
50 несчастному вельможе.

А Дракул в ярости тогда
стал жечь большие города
и малые селенья.

Былую выслушав молву,
кое-какие назову
из них без промедленья.

Названья их не тайна,
хоть нет им, кажется, числа;
60 сожжен был Клостерхольц дотла
и Нойдорф, и Хольцмайна.

Был город Бекендорф сожжен,
включая и мужей, и жен,
и маленьких детишек.

Был Вурценланд наказан так,
как будто каждый там был враг
а весь народ — излишек.

Тех, что в живых остались,
велел он в цепи заковать,
и сына, и отца, и мать,
70 чтоб скрыться не пытались.

Всех в край Валашский он угнал,
в дороге многих доконал,
как бедный люд ни плакал,
но Дракул бедных не жалел,
при этом также повелел
сажать богатых на кол.

Казнил он голодранцев,
купцов и нищих, словом, всех,
и было много, как на грех,
80 там юных чужестранцев;

они учились языку,
но Дракул грозный начеку,
и по его приказу

сожгли приезжих тех господ,
не менее четырехсот,
в них усмотрев заразу.
«Волков не пустим в стадо, —
сам Дракул говорил про них, —
и соглядатаев чужих
90 стране моей не надо».

При этом так он был жесток,
что каждый истреблял росток
затравленного рода,
и сыновей, и дочерей,
как и отцов, и матерей,
чтоб не было приплода.
Детей казнил он малых,
изничтожая на корню
100 всю разветвленную родню
в гоненьях небывалых.

А если целая толпа
зарыта в землю до пупа,
что может быть ужасней?
В людей пускали тучу стрел,
чтобы никто не уцелел.
Негоже просто басней
считать рассказ подобный.
Людишек свежевать живых,
их жарить в топках огневых
110 велел властитель злобный.

Когда был схвачен рыцарь Дан,
священников позвал тиран,
и пленника отпели.

Был замысел злодейский дик,
но Дракул все-таки достиг
своей преступной цели.

Был рыцарь обесславлен.
Нельзя сказать, что осужден,
к могиле был препровожден
и тут же обезглавлен.

А Дракул принимал послов
из разных стран и городов,
включая Семиградье;
он всех не прочь был задержать
и на кол всех пересажать,
кто знал, что за исчадьё
здесь тайно строит ковы;
и видел в ужасе посол
перед своею дверью кол,
проткнуть его готовый.

Такое Дракул затевал,
что худшее подозревал
в заезжих интриганах.

Послов держал он под замком,
чтобы, болтая языком,
в недружественных странах
не выдали секрета,
а сам он в темноте ночной
на Вурценланд пошел войной,
нагрянув до рассвета.

Он по стране грозою шел,
сжег столько городов и сел,
что перечесть едва ли.

О, беспощадная судьба!
Жилища жгли, сады, хлеба,
а скольких убивали!

Народу нет защиты.
Уже запуганным на страх
и в деревнях, и в городах
150 все были перебиты.

И Кронштадт был сожжен дотла.
Там церковь Якову была
посвящена святому,
но не страшась церковных свеч
распорядился Дракул сжечь
предместье, как солому.

В угоду господину
хватали выживших войска,
и юношу, и старика,
160 всех гнали, как скотину.

Потом на утренней заре
устроил Дракул на горе
подобие застолья.

Себя решил он усладить,
велел он пленных насадить
вокруг себя на колья.

Чем колышки теснее,
как убедился супостат,
охочий до таких услад,
170 тем завтракать вкуснее.

Кровь обожал служитель зла.
Смотрел он жадно, как текла
кровь жаркая людская.

Любуясь кровью вновь и вновь,
он, погружая руки в кровь,
ел, алого алкая.

Вкус Дракула был ведом,
и мог он, мучаясь тоской,
180 утехой разве что такой
развлечься за обедом.

Когда во власти палача
бедняги корчились, крича,
смотрел на их мученья,
жестокой тешился игрой
и приговаривал порой:
«Нет лучше развлечения!»

Старались душегубы,
то мастера кровавых сцен
за членом отрубали член,
190 то вышибали зубы.

Велел выдергивать власы,
рубить приказывал носы,
рубили также уши.

Повесить каждого могли,
тела поруганные жгли,
спасти мешая души.

Так все, что заставляло
людей отчаянно кричать,
200 испробовал на многих тать,
но все злодею мало.

А если крик надоедал,
по-свойски жертвам сострадал
он, так что с плеч любая

могла скатиться голова,
и сабля, думал он, права,
их все подряд срубая.

210 Душил собственноручно
мужчин, и женщин, и детей;
без этих дьявольских затей
ему бывало скучно.

Он разоренье нес церквам.
Святого в Кронштадте был храм
тогда Варфоломея.

Когда вошел захватчик в раж,
там не осталось даже чаш:
вот подвиги злодея.

220 Послал он капитана,
с которым воинство пришло,
с приказом сжечь дотла село.
Таков был нрав тирана.

Зайдлингом то село звалось,
но сжечь его не удалось.
Отпор крестьяне дали.

Вернувшись к воеводе в стан,
сказал смущенно капитан:
«Такого мы не ждали.

230 Я рад бы, сударь, сжечь их,
но так дерутся мужики,
что биться с ними не с руки,
сил выше человеческих».

Был Дракул гневом обуян,
и тут же на кол капитан
без лишних слов посажен.

Утратил мигом жизнь свою
за то, что не был он в бою,
как следует, отважен.

240 Тем более дурная
 постигла там в конце концов
 судьба, как слышал я, купцов
 на берегу Дуная.

Шестьсот их было человек,
и смерти лютой не избег
никто, как мне сказали.

250 Недолго Дракул их судил.
 Он многих на кол посадил,
 а прочих истязали,
 конфисковав товары.
 Червонцы Дракул предпочел,
 и принесли потом котел
 для нестерпимой кары.

Велел он, чтобы, как сельдей,
в котел с водой живых людей
под крышку водворили,
 в которой дыры для голов,
и в кипятке такой улов
безжалостно сварили.

260 Хоть быть разнообразней
 чудовищный мог произвол,
 предпочитал он все же кол
 всем прочим видам казней.

Он в Семиградье не дремал.
Людские кости тать ломал
И радовался хрусту;

людей рубил по всей земле,
как рубят где-нибудь в селе
по осени капусту.

270 Так Дракул-кровопийца
губил и взрослых и ребят;
сажая на кол всех подряд,
торжествовал убийца.

Настолько полюбил он зло,
что наихудшее влекло
жестокоего тирана.

Жег Дракул, резал и громил.
Нерона, Ирода затмил
и Диоклетиана.

280 Кромсал живых вначале,
на раны сыпал соль потом
и в кипятке варил крутом,
а многих жарил в сале.

Свою жестокость он дразнил;
кого хотел, того казнил
на разных эшафотах,

и кожу с жертв своих содрав,
свой кровожадный тешил нрав;
одних он в нечистотах

290 топил, а неохочих
служить — в цепях гноил стальных;
за волосы вешал иных,
вниз головами — прочих.

Людей приказывал терзать,
носы и уши отрезать,
срамные также части;

злодею сердце веселя,
служили камень и петля
кровопролитной страсти.

Вбивать в глаза и в уши
велел он гвозди, а тела
живые, чтобы кровь текла,
300 разделявать, как туши.

И жечь, и резать, и колоть
людскую страждущую плоть
дал Дракул полномочья.

Своим псарям он делал знак
и сам науськивал собак,
чтоб разрывали в клочья.

Играл он черепами,
310 тела гвоздями исколов,
мозг выбивая из голов
дубинами, цепами.

И заставляя лошадей
вдаль по камням тащить людей,
любил свою затею,

и вслед за каждой из телег
в пыли волокся человек,
пока не сломит шею.

С крыш сбрасывал он многих.
320 Попробуй только в толк возьми!
Стрелял из пушек он людьми,
в жерло вогнав двуногих.

Его повадки таковы:
людей в колодцы и во рвы
бросал с высоких башен.

Он руки-ноги отрубал,
и расчлененный погибал.
Был воевода страшен.

И в злобе сатанинской
казнил он всех его родных,
младенцев отрывал грудных
330 от нежной материнской

груди, хоть были хороши
младенцы в ласковой тиши,
но маленький ребенок
нередко с матерью страдал
и с нею на кол попадал:
кровь капала с пелунок,
и дьявольской сноровки
порой хватало, чтоб злодей
взамен отрезанных грудей
340 клал детские головки.

Младенцев жарил он шутя,
чтоб ела мать свое дитя;
он скрашивал досуги
свои, когда, вселяя жуть,
есть заставлял он мужа грудь
еще живой супруги.

Чем кровь лилась обильней,
тем пуще упивался злом,
одних приканчивал колом,
350 других крушил давитьней.

И был при этом Дракул рад.
На кольях прыгал стар и млад,
как прыгают лягушки,

заметив аиста вблизи.
 А Дракул: «Дело на мази.
 Прелестные резвушки!
 Как пляшут грациозно!
 Ну просто радуется взгляд!»
 И снова всех велел подряд
 360 проткнуть, пока не поздно.

Он жителей различных стран,
 язычников и христиан,
 русинов и валахов,
 цыган, евреев истреблял,
 во многих ужас он вселял,
 рассказывают страхов
 о воеводе много.
 Велел цыгана одного
 повесить он за воровство,
 370 но поднялась тревога

среди цыган, и говорят
 они владыке: «Наш он брат,
 нам выдайте вы брата!»
 Ответил Дракул: «Что за вздор!
 Достоин виселицы вор.
 Где грех, там и расплата». —
 «Такого приговора
 не допускает наш закон, —
 цыгане лезли на рожон, —
 380 нельзя повесить вора

поскольку, сударь, вешать нас
 монарший запретил указ,
 и чтите вы корону».

К преступнику, однако, строг,
коварный Дракул превозмог
подобную препону;
велел своим клеветам
сварить виновного в котле,
и живших на его земле
390 цыган созвал при этом.

Как соучастники вины,
цыгане были все должны
есть варево с костями.
Другой послушайте рассказ.
Почтенный гость в недобрый час
был странными вестями,
ходившими в народе,
в злосчастный город привлечен,
и, видом кольев удручен,
400 пошел он к воеводе.

На кольях частых, словно лес,
висело множество телес,
отравленных распадом.
Не устрашившись никого,
сказал он честно, каково
дышать подобным смрадом.
Задет его словами
был Дракул, говорят, всерьез
и гостя выше всех вознес
410 над всеми головами.

И на колу своим смельчак
не мог почувствовать никак
отвратного зловонья.

Священник среди бела дня
явился, Дракула вина
в разврате беззаконья.

Он, дескать, слишком злобен,
избрал дурной, преступный путь,
и то, что отнял он, вернуть
420 он людям не способен.

Увещеванье за хулу
приняв, позвал злодей к столу
священника радушно.

Был с виду Дракул не свиреп,
крошил ему в тарелку хлеб,
ел крошки тот послушно,
ловил за крошкой крошку,
казалось, даже на лету,
прилежно поднося ко рту
430 обеденную ложку.

А Дракул говорит: «Ответь!
Тот, значит, не спасется впредь,
кто на чужое льстится,
и не уйдет он от суда?»
Ответствовал священник: «Да!
Такое не простится». —

«Ешь не мои ли крохи, —
заметил Дракул, — ты со мной?
Ты обличен своей виной.
440 Твои делишки плохи».

Так, приглашен сперва к столу,
поп оказался на колу
по воле негодя,

а Дракул повелел созвать
на пир отборнейшую знать,
ответить заставляя
всех на вопрос опасный,
который, в сущности, таков,
чтобы сорваться с языков
450 мог помысел негласный;

спросил он избранных господ,
кто помнит, сколько воевод
Валахией владело;
и каждый называл, как мог,
число властителей и срок
земного их удела.
Так воевод немало
припомнили наверняка;
у юноши и старика
460 число не совпадало;

кому что в голову пришло,
однако точное число —
по-прежнему загадка;
попробуй всех перебери!
Один сказал, десятка три,
другой, что два десятка.
Не находя ответа,
свел их число юнец к семи
перед знатнейшими людьми;
470 была их песня спета.

Рек Дракул: «А по чьей вине
сменилось в бедной сей стране
властителей так много,

как это было до сих пор?
За этот гибельный позор
судить вас нужно строго».

Старейших и юнейших,
всех без изъятия осудил;
на колья Дракул посадил
480 пятьсот мужей знатнейших.

Бабенка с Дракулом жила
и оказалась тяжела.
Велел другой бабенке
он в дело вникнуть, а потом,
к симптому приобщив симптом,
о будущем ребенке
по всем статьям подробный
отчет представить, но живот
он первой взрезал, чтобы плод
490 узреть, ему подобный,

в чем он увериться готов,
срамную часть ей распоров;
как лес для дровосека,
для Дракула был весь народ.
Пошел шестидесятый год
пятнадцатого века.

И в день Варфоломея
он двинул войско в край лесной.
Шел на валахов он войной
500 и уводил, зверея,

с собой мужской и женский пол,
творя великий произвол.
Угнал он половину

народа, свой потешив нрав;
что делал он, их всех собрав,
сказать я не премину.

Поддев людей крюками,
всех перевешал, как хотел,
веля рубить капусту тел
510 ножами и клинками.

А что касается других,
на колья посадил он их,
пронзая плоть живую;
как жгут обычные костры,
он жег деревни, жег дворы,
о чем я повествую.

Сажая на кол пленных,
оставил Дракул по пути
не меньше тысяч тридцати
520 невинно убиенных.

Прошло не более двух лет,
и вновь спасенья нет от бед.
Скорбям не видно края.

На Шилтерн двинулся тиран,
язычников и христиан
везде уничтожая.

Смерть лучше поруганья.
Убито тысяч двадцать пять.
Подобному подсчету внять
530 нельзя без содроганья.

Красавиц множество в плену.
Из них избрать себе жену
не прочь иной придворный.

Не убивать просили дев,
чем привели владыку в гнев.
Дух чужа непокорный,
узрел врагов опасных
в тех, кто осмелился любить;
в куски велел он изрубить
540 капусту тел прекрасных.

Предпочитая миру брань,
платить был должен Дракул дань
турецкому султану.
Напоминал ему посол
о том, что срок платить пришел.
«Тебе платить не стану,
но до скончанья года
султану вашему я сам,
что полагается, воздам», —
550 ответил воевода.

Послы поверили сперва
в миролюбивые слова,
которые морочат,
но Дракул им нанес урон,
их обточив со всех сторон,
как нож на камне точат.
Без долгих катавасий
велел жестокий кровосос
их писарю отрезать нос
560 и выгнать восвояси.

Звалась Болгарией страна,
которая вся сожжена
при Дракуле кровавом;

пусть время страшное прошло,
узнать вам следует число
подвергнутых расправам.

Оружием сраженных
там было тысяч двадцать пять,
но как не помянуть опять
570 всех заживо сожженных!

Пошел на Фуграх супостат,
в походе жег за градом град,
людей уничтожал он.

Был каждый Дракулом гоним.
Рубил он головы одним,
других на кол сажал он.

Послам из Семиградья
Валахия была страшна.
Вся в трупах, вся в крови страна.
580 Послы, на колья глядя,

их приняли за частый лес,
как будто больше нет небес.
Средь кольев Дракул весел.

Людей варил он, жег, душил,
он многим черепа крушил,
а скольких он повесил!

Вверял свои секреты
советникам он, говорят;
когда явились все подряд
590 к нему его клеветы,

сам Дракул обезглавил всех,
ужасный совершая грех,
чтобы со всем народом

душа не знала ни одна,
где спрятана его казна,
в земле или под сводом.

Деяния все хуже
он совершал день ото дня,
людские души леденя;
600 был страх подобен стуже.

Использовать он был готов
приваду из людских голов
в реке для ловли раков.

Его затеи удались.
Друзья казненных собрались,
друзей своих оплакав.

Я пропою о жутком
злодействе: тешился тиран
на ужас жителям всех стран,
610 своим привержен шуткам.

Надумал Дракул-хлебосол
тех самых раков им на стол
подать, спросив лукаво,
каков на вкус для друга друг,
и тут же все на кольях вдруг.
Забава так забава!

Ища, кто виноватый,
увидев, что у мужика
рубаха слишком коротка,
620 спросил он: «Ты женатый?»

Мужик ответил: «Сударь, да!» —
«Веди свою жену сюда!
И в чем твоя работа?» —

спросил он мужнюю жену.
«Я стряпаю, и шью, и жну,
лениться неохота!»

630 Не уловив подвоха,
надеялась на похвалу
и оказалась на колу
за то, что шила плохо.

Стыд все-таки для мужика,
когда рубашка коротка
и весь живот наружу.

А Дракул отыскал жену
для мужика еще одну,
сказав: «Служи ты мужу!

640 Лень хуже злодеянья!
Когда ты мужу повредишь,
ты тоже на кол угодишь,
умрешь без покаянья».

Еще одна быль такова:
при Дракуле монаха два
из ордена святого

Бернарда начали гнусить
и подаяния просить.

«Вам худо, право слово», —

нахмурился властитель.

650 Они в ответ: «Нас, господин,
удел вознаградит один:
небесная обитель».

Спросил он: «Из юдоли сей
хотите в небо поскорей?»

Они в ответ: «Как Богу

угодно будет, государь.
К Творцу всегда стремится тварь». —
«Вам окажу подмогу,
 чтоб вы достигли цели».
Вмиг были оба на колах,
А Дракул молвил: «Это прах.
660 Они там, где хотели».

 А у монахов был осел.
Он к Дракулу во двор зашел,
а на осле поклажа,
 и скарб, и всяческая снедь.
И начал вдруг осел реветь,
окрестность будоража.
 Ревел он заунывно,
тоску нагнав на всех вокруг,
и Дракул спрашивает слуг:
670 «Кто так ревет противно?»

 Ему сказали, что осел
во двор с монахами зашел
и слышен рев ослиный.
 Ответил Дракул: «Слышу сам.
К своим он хочет господам.
Что ж, это путь недлинный.
 Здесь так реветь негоже,
обычай здешний не таков».
И на кол без обиняков
680 осел посажен тоже.

 А Дракул в край валашский свой
спешил из Сербии, где бой
он вел, убийца многих.

И монастырь увидел он,
а монастырь тот — Горрион —
для братьев босоногих.

Ему за четверть мили
брат-вратарь встретился с двумя
другими братьями; кормя
690 всю братию, ходили

по селам братья день за днем
за подаванием втроем.

Был труд их одинаков

И каждый Богом был храним.
Брат-вратарь Ганс, а вместе с ним
Брат Михель и брат Яков.

На Михеля владыка
взглянул, внушать привыкший страх,
и крикнул: «Господин монах!
700 А ну-ка подойди-ка!»

Спросил монаха грозный муж:
«Не знаешь ли ты, сколько душ
из мерзости телесной

мною были освобождены
и, значит, вознаграждены
обителью небесной,

чтобы туда вселиться?»
Когда блажен тот, кто убит,
не должен ли весь их синклит
710 за Дракула молиться?

Без всяких рассказней пустых
он, Дракул, делатель святых
вне всякого сомненья.

Не он один ли вправду свят
из всех, кого на свет родят.
К чему тут объясненья?
«Вы так не вознесетесь, —
сказал брат Михель, — господин,
спасти вас может Бог один.
720 Покайтесь и спасетесь».

Брат-вратарь Ганс предстал пред ним.
Рек Дракул: «Что ж, поговорим!
Скажи мне откровенно,
что будет, господин монах,
со мной в грядущих временах». —
«Дождешься, несомненно,
ты вскоре вечной муки, —
сказал монах, — убил, злодей,
безвинных много ты людей,
730 в крови купая руки.

Ты все еще здесь потому,
что дьяволу ты самому
внушаешь отвращенье.
Я знаю, смерть мне предстоит,
тобою буду я убит,
но ты не жди прощенья.
Жизнь для меня лишь бремя,
но ты меня не прерывай!»
Рек Дракул: «Говори давай!
740 А я тебе дам время,

кол тоже может подождать».
Сказал монах: «Ты лютый тать!
В деяньях душевредных

ты заводила-атаман,
ты, кровопийца, ты, тиран,
зачем терзаешь бедных?

Невинно осужденных,
беременных казнишь, скажи,
ты за какие мятежи
750 казнишь новорожденных?

Трехдневных и трехчасовых
не оставляешь ты в живых,
всех на кол ты сажаешь;
тебе не причинивших зла
ты губишь, лишь бы кровь текла,
в кровь руки погружаешь,
как будто бы здоровьем
она потребна твоему:
непостижимое уму
760 питание чистой кровью.

Откуда злоба у тебя,
что множится, людей губя,
ты растолкуй попробуй».

Ответил Дракул: «Не таю.
Предусмотрительность мою
ты называешь злобой.

Труд без нее напрасен.
Обрубишь ветки на стволе,
а цепкий корень цел в земле
770 и, стало быть, опасен.

А если корень цел, тогда
возобновляется вражда
под видом новых веток,

и как себя ни береги,
выходят злейшие враги
из бывших малолеток.

Нет, лучше корни эти
я выжгу все, в конце концов,
иначе будут за отцов
780 мстить выросшие дети».

Монах сказал ему: «Злодей,
подумай о душе своей,
считай, что жизнь ты прожил.

Напомнив о кровавом псе,
против тебя восстанут все,
кого ты уничтожил.

Дойдет их вопль до Бога,
хоть был, глупец, ты в жизни глух,
и в ад отправится твой дух,
790 туда тебе дорога».

Строптивых Дракул не щадил,
монаха на кол посадил
он собственной рукою,

но кол воткнул ему не в зад,
а в мозг на необычный лад,
чтоб карою такою

над прочими врагами
торжествовать, чтоб на глазах
у них подольше был монах,
800 торчавший вверх ногами.

Тот кол был пред монастырем.
«Такою смертью все умрем», —
монахи полагали,

и, право, может быть, не зря.
Со страху из монастыря
монахи убегали.

810 Так убежал брат Яков,
жил в Нейштадте, в монастыре,
при императорском дворе
казненного оплакав.

Я, Михаэль Бехайм, с ним там
беседовал, бывало, сам
о грозном воеводе,
 как тешил свой преступный нрав
он, добродетели поправ;
сложил я в этом роде
 стихов уже немало,
но не вместят и сотни строк
все, что о нем я слышать мог,
820 что душу занимало.

Однажды сотни три цыган,
свой кочевой разбили стан
в одном валашском доле;
 поджарил Дракул трех из них,
чтоб никому из остальных
не отказали в доле
 подобного жаркого,
чтоб средь мужей, детей и жен
никто не хвастал, что лишен
830 был кушанья такого.

Сказал им Дракул: «Вряд ли впредь
достанется другая снедь
вам, кроме вашей плоти.

Пожрете сами весь ваш род,
когда со мною вы в поход
на турок не пойдете».

Ответили цыгане:
«Мы, господин, идти не прочь,
да только нам дойти невмочь
840 с тобой до поля брани».

Но был у Дракула свой план:
на лошадей и на цыган
надел коровьи шкуры.

Он их на турок напустил,
которых зрелищем смутил
чудовищной натуры.

Назад рванулись кони
турецкие, заслышав стук
копыт, внушающих испуг,
850 спасались от погони,

коровьих устранившись шкур,
что оказались чересчур
для всадников отважных.

Так доскакали до реки,
где не коровы, не быки,
их на побережьях влажных
цыгане вновь пугнули,
и, в неожиданной беде
ища спасения в воде,
860 все турки потонули.

Сей беспощадный человек
вдруг пригласил к себе калек,
и нищих, и убогих.

Для тех, кто немощен и сир,
устроил Дракул целый пир,
где потчевали многих.

И сжег он ублаженных,
сказав: «Никчемный вы народ».
И было человек шестьсот
870 их заживо сожженных.

Из юго-западной земли
однажды к Дракулу пришли
учтивые посланцы.

И, право, не было вреда
в том, что не сняли, как всегда,
беретов итальянцы,
но перед воеводой
лишь с непокрытой головой
должны стоять чужой и свой,
880 пренебрегая модой.

Спросил их воевода, как
дерзнули на подобный шаг
они в обход запретов
и, соизволив шляпы снять,
готовы на себя пенять,
не сняв при нем беретов?

Ответили: «Ломаем
мы шапки, если захотим,
но перед кесарем самим
890 беретов не снимаем».

Ответил Дракул: «Вам и впредь
отныне так вольно хотеть,
даю вам слово в этом».

Сказали Дракулу послы:
«Почтительнейшие хвалы
мы перед целым светом
вам, государь достойный,
благоговейно вознесем.
Вам будем преданы во всем.
900 Уж будьте вы спокойны».

А он потребовал гвоздей,
чтобы вознаградить гостей
за умные ответы.
Как я могу поведать вам,
прибить велел к их головам
он модные береты.
Вы скажете: «Ужасно!»
Однако жизнь при этом шла.
Такие жуткие дела
910 творил он ежечасно.

Упорно Дракул делал зло.
При этом так ему везло,
что всем его деяньям
я подвести в стихах итог
при всем желание бы не смог,
а под его влияньем
ожесточались нравы.
Тот был у Дракула в чести,
кто худшее изобрести
920 мог для его забавы.

Кому злодейство по нутру,
тот приглашался ко двору
и принят был радушно;

и тот, кто в преступленьях яр,
татарин, турок и мадьяр
там буйствовал послушно.

И, не жалея злата,
там Дракул выглядел как жрец,
а двор его был образец
930 кощунства и разврата.

Там был со зверем каждый схож.
Царили там интриги, ложь
и низкое притворство.

Был каждый каждому врагом
и видел ненависть в другом,
в предательстве проворство.

Там рознь была свирепа.
Двор хищный Дракула таков:
в смешенье разных языков
940 подобие вертепа.

И погрузился Дракул в смрад,
единству предпочел разлад,
сотрудничеству — козни;
но без приспешников не мог
торжествовать его порок,
нуждаясь в этой розни.

Когда бы не тлетворный
дух, омрачивший белый свет,
не царствовал бы столько лет
950 преступник богоборный.

Турецкий гневался султан,
которому урок был дан,
как мною было спето.

Вооружить велел он рать,
чтоб воеводу покарать.

Приняв решение это,
султан такие вести
направил всей своей стране,
чтобы готовились к войне
960 язычники с ним вместе.

Услышал Дракул эту весть
и понял, что врагов не счесть,
и если в наступленье
пойдет подобная орда,
нет смысла; кажется, тогда
в любом сопротивленье.

Как с полчищами в жмурки
играть, когда в глазах темно?
Страну захватят все равно
970 воинственные турки.

«Что ж, если враг непобедим,
попробую сдружиться с ним».
Так Дракул был коварен.

Направил к туркам он посла,
такие посулив дела,
что будет благодарен
султан за предложение,
его способное прельстить;
он мог бы Дракулу простить
980 былое поражение.

Султан ценой таких заслуг,
уверившись, что Дракул — друг,
его почитит защитой

и преуспеет он, суля
султану выдать короля
венгерского со свитой.

Турецкому султану
зачем на это возражать?
Султан решил бы: «Угрожать
990 Союзнику не стану».

Раскинул Дракул так умом,
потом порадовал письмом
турецкого султана,
который втайне думал так:
«Король венгерский — злейший враг.
Пускай путем обмана,
взять венгра хорошо бы».
Средь государственных забот
вкусить готов был Дракул плод
1000 своей лукавой злобы.

В коварстве вкрадчивом своем
он переписку с королем
венгерским затевает.

Грозят Валахии войной,
и Дракул к Венгрии одной
о помощи вызывает.

Султан ему опасен.
В беде валашская земля.
Вассалом верным короля
1010 он, Дракул, быть согласен,

пусть от вражеских обид
всегда Валахию хранит
венгерская корона.

Король в ответ на этот зов
на помощь был прийти готов,
спасая от урона
 неверного соседа.
И от врага недалеко,
по Семиградью шли полки;
1020 им виделась победа.

Шел в битву сам король тогда.
Бароны, графы, господа
Включились в наступленье.
 Им Дракул предрекал успех,
скрыть ухитрившись ото всех
свое злоумышленье.
Так минуло в походе
по меньшей мере пять недель,
покуда Дракулову цель,
1030 противную природе,

 не разгадал король в пути.
Намерен Дракул перейти
к турецкому султану.
 Двурушничал валашский князь,
с язычником объединясь
и напустив туману.

Вступить с врагами в сечу
король венгерский предложил
и двигаться по мере сил
1040 язычникам навстречу.

И шли на Турцию войска
через Валахию пока,
язычников тревожа,

вступить готовы с ними в бой.
Отважен, кажется, любой
был среди них вельможа.

Край этот населенный.
От Кронштадта милях в шести
случилось воинам войти
там в замок укрепленный.

1050

Уверен Дракул: замок тот —
надежный для него оплот.
(Он звался Кенингштейном.)

И там-то Дракул схвачен был,
растратив свой преступный пыл,
что в демоноговейном

горниле крылся, тлея;
Ян Искра — имя смельчака,
чья обезвредила рука
презренного злодея.

1060

В своей Валахии пленен,
был Дракул тут же обвинен,
трусливый, хоть и дерзкий.

Приставлен был к нему конвой,
чтобы доставлен был живой
преступник в край венгерский.

Король дал порученье
стеречь его, как страшный клад.
Зовется крепость Вышеград,

1070

где Дракул в заточенье.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ - ВОЕВОДЕ

Перевод на современный русский
язык О. Творогова

Текст печатается по изданию: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982.

СКАЗАНИЕ О ДРАКУЛЕ - ВОЕВОДЕ

ыл в Мунтянской земле воевода, христианин греческой веры, имя его по-валашски Дракула, а по-нашему — Дьявол. Так жесток и мудр был, что каково имя, такова была и жизнь его.

Однажды пришли к нему послы от турецкого царя и, войдя, поклонились по своему обычаю, а колпаков своих с голов не сняли. Он же спросил их: «Почему так поступили: пришли к великому государю и такое бесчестие мне нанесли?» Они же отвечали: «Таков обычай, государь, наш и в земле нашей». А он сказал им: «И я хочу закон ваш подтвердить, чтобы крепко его держались». И приказал прибить колпаки к их головам железными гвоздиками, и отпустил их со словами: «Идите и скажите государю вашему: он привык терпеть от вас такое бесчестие, а мы не привыкли, и пусть не посылает свой обычай являть другим государям, которым обычай такой чужд, а у себя его блюдет». Царь же весьма разгневался, и пошел на Дракулу войной, и напал на него с великими силами. Тот же, собрав все войско свое, ударил на турок ночью и перебил их множество. Но не смог со своей небольшой ратью одолеть огромного войска и отступил. И стал сам осматривать всех, кто вернулся с ним с поля битвы: кто был ранен в грудь, тому воздавал почести и в витязи того производил, а кто в спину — того велел сажать на кол, говоря: «Не мужчина ты, а женщина!» И когда снова пошел войной против турок, то так сказал своим воинам: «Кто о смерти думает, пусть не идет со мной, а здесь останется». Царь же, услышав об этом, повернул назад с великим позором, потеряв без числа воинов, и не

посмел выступить против Дракулы. И отправил царь к Дракуле посла, требуя от него дани. Дракула же воздал послу тому пышные почести, и показал ему свое богатство, и сказал ему: «Я не только готов платить дань царю, но со всем воинством своим и со всем богатством хочу пойти к нему на службу, и как повелит мне, так ему служить буду. И ты передай царю, что, когда пойду к нему, пусть объявит он по своей земле, чтобы не чинили зла мне и людям моим, а я вскоре вслед за тобою пойду к царю, и дань принесу, и сам к нему прибуду». Царь же, услышав от посла своего, что хочет Дракула прийти к нему на службу, послу почесть воздал и одарил его богато. И рад был царь, ибо в то время вел войну на востоке. И тотчас послал объявить по всем городам и по всей земле, что, когда пойдет Дракула, никто никакого зла бы ему не причинял, а, напротив, встречали бы его с почетом. Дракула же, собрав все войско, двинулся в путь, и сопровождали его царские приставы, и воздавали ему великие почести. Он же, углубившись в Турецкую землю на пять дневных переходов, внезапно повернул назад и начал разорять города и села, и людей множество пленил и перебил, одних турок на колья сажал, других рассекал надвое и сжигал, не щадя и грудных младенцев. Ничего не оставил на пути своем, всю землю в пустыню превратил, а бывших там христиан увел и поселил в своей земле. И возвратился восвояси, захватив несметные богатства, а приставов царских отпустил с почестями, напутствуя: «Идите и поведайте царю вашему обо всем, что видели: сколько смог, послужил ему. И если любя ему моя служба, готов и еще ему так же служить, сколько сил моих станет». Царь же ничего не смог с ним сделать, только себя опозорил.

И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избежать тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула. Был в земле его источник и колодец, и сходились

к тому колодцу и источнику со всех сторон дороги, и множество людей приходило пить воду из того колодца и родника, ибо была она холодна и приятна на вкус. Дракула же возле того колодца, хотя был он в безлюдном месте, поставил большую золотую чару дивной красоты, чтобы всякий, кто захочет пить, пил из той чары и ставил ее на место, и сколько времени прошло — никто не посмел украсть ту чару.

Однажды объявил Дракула по всей земле своей: пусть придут к нему все, кто стар, или немощен, или болен чем, или беден. И собралось к нему бесчисленное множество нищих и бродяг, ожидая от него щедрой милостыни. Он же велел собрать их всех в построенном для того хороме и велел принести им вдоволь еды и вина; они же пировали и веселились. Дракула же сам к ним пришел и спросил: «Чего еще хотите?» Они же все отвечали: «Это ведомо Богу, государь, и тебе: на что тебя Бог наставит». Он же спросил их: «Хотите ли, чтобы сделал я вас счастливыми на этом свете, и ни в чем не будете нуждаться?» Они же, ожидая от него великих благодеяний, закричали разом: «Хотим, государь!» А Дракула приказал запереть хором и зажечь его, и сгорели все те люди. И сказал Дракула боярам своим: «Знайте, почему я сделал так: во-первых, пусть не докучают людям, и не будет нищих в моей земле, а будут все богаты; во-вторых, я и их самих освободил: пусть не страдает никто из них на этом свете от нищеты или болезней».

Пришли как-то к Дракуле два католических монаха из Венгерской земли собирать подаяние. Он же велел развести их порознь, позвал к себе одного из них и, указав на двор, где было бесчисленное множество людей, посаженных на кол или колесованных, спросил: «Хорошо ли я поступил и кто эти люди, посаженные на колья?» Монах же ответил: «Нет, государь, зло ты творишь, казня без милосердия; должен государь быть милостивым. А те на кольях — мученики!» Призвал Дракула другого и спросил его о том же. Отвечал тот: «Ты, государь, Богом поставлен казнить злодеев и награждать добродетельных. А люди эти творили зло, по делам своим и

наказаны». Дракула же, призвав первого монаха, сказал ему: «Зачем же ты вышел из монастыря и из кельи своей и ходишь по великим государям, раз ничего не смыслишь? Сам же сказал, что люди эти — мученики, вот я и хочу тебя тоже мучеником сделать, будешь и ты с ними в мучениках». И приказал посадить его на кол, а другому велел дать пятьдесят золотых дукатов, говоря: «Ты мудрый человек». И велел его в колеснице довести до рубежа Венгерской земли.

Однажды прибыл из Венгерской земли купец в город Дракулы. И, как принято было у Дракулы, оставил воз свой на городской улице перед домом, а товар свой — на возу, а сам лег спать в доме. И кто-то украл с воза 160 золотых дукатов. Купец, придя к Дракуле, поведал ему о пропаже золота. Дракула же отвечал: «Иди, этой же ночью найдешь свое золото». И приказал по всему городу искать вора, пригрозив: «Если не найдете преступника, весь город погублю». И велел той же ночью положить на воз свое золото и добавить один лишний дукат. Купец же наутро, встав, обнаружил золото, и пересчитал его и раз, и другой, и увидел, что один дукат лишний, и, придя к Дракуле, сказал: «Государь, нашел золото, но вот один дукат не мой — лишний». В это время привели и вора с похищенным золотом. И сказал Дракула купцу: «Иди с миром! Коли бы не сказал мне о лишнем дукате, то посадил бы и тебя на кол вместе с этим вором».

Если какая-либо женщина изменит своему мужу, то приказывал Дракула вырезать ей срамное место, и кожу содрать, и привязать ее нагую, а кожу ту повесить на столбе, на базарной площади посреди города. Так же поступали и с девицами, не сохранившими девственности, и с вдовами, а иным груди отрезали, а другим сдирали кожу со срамных мест, и, раскалив железный прут, вонзали его в срамное место, так что выходил он через рот. И в таком виде, нагая, стояла, привязанная к столбу, пока не истлеет плоть и не распадутся кости или не расклюют ее птицы.

Однажды ехал Дракула по дороге и увидел на некоем бедняке ветхую и разодранную рубашку и спросил его: «Есть

ли у тебя жена?» — «Да, государь», — отвечал тот. Дракула повелел: «Веди меня в дом свой, хочу на нее посмотреть». И увидел, что жена бедняка молодая и здоровая, и спросил ее мужа: «Разве ты не сеял льна?» Он же отвечал: «Много льна у меня, господин». И показал ему множество льна. И сказал Дракула женщине: «Почему же ленишься ты для мужа своего? Он должен сеять, и пахать, и тебя беречь, а ты должна шить мужу нарядные и красивые одежды; ты же и рубашки ему не хочешь сшить, хотя сильна и здорова. Ты виновна, а не муж твой: если бы он не сеял льна, то был бы он виноват». И приказал ей отрубить руки и труп ее посадить на кол.

Как-то обедал Дракула среди трупов, посаженных на кол, много их было вокруг стола его, он же ел среди них и в том находил удовольствие. Но слуга его, подававший ему яства, не мог терпеть смрада и заткнул нос и отвернулся. Тот же спросил его: «Что ты делаешь?» А он отвечал: «Государь, не могу вынести этого смрада». Дракула тотчас же велел посадить его на кол, говоря: «Там ты будешь сидеть высоко, и смраду до тебя будет далеко!»

Пришел однажды к Дракуле посол от венгерского короля Матьяша, знатный боярин, родом поляк. И повелел Дракула сесть с ним обедать среди трупов. И лежал перед Дракулой толстый и длинный кол, весь позолоченный, и спросил Дракула посла: «Скажи мне, для чего я приготовил такой кол?» Испугался посол тот немало и сказал: «Думается мне, государь, что провинился перед тобой кто-либо из знатных людей и хочешь предать его смерти более почетной, чем других». Дракула же отвечал: «Верно говоришь; вот ты — великого государя посол, посол королевский, для тебя и приготовил этот кол». Отвечал тот: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый — не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, быть бы тебе на этом коле». И воздал ему почести великие, и, одарив, отпустил со словами: «Можешь ходить ты послом от великих государей к великим государям, ибо умеешь с великими государями говорить, а

другие пусть и не берутся, а сначала поучатся, как беседовать с великими государями». Был такой обычай у Дракулы: когда приходил к нему неопытный посол от царя или от короля и не мог ответить на его коварные вопросы, то сажал он посла на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а либо государь твой, либо ты сам. На меня же не возлагай вины. Если государь твой, зная, что неумылен ты и неопытен, послал тебя ко мне, многомудрому государю, то твой государь и убил тебя; если же ты сам решился идти, неученый, то сам себя и убил». И тогда готовил для посла высокий позолоченный кол и сажал его на кол, а государю его посылал грамоту с кем-либо, чтобы впредь не отправлял послом к многомудрому государю глупого и неученого мужа.

Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его — дьявола.

Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтянской земле король посадил другого воеводу. Когда же тот воевода умер, послал король к Дракуле в темницу сказать, что если хочет он, как и прежде, быть в Мунтянской земле воеводой, то пусть примет католическую веру, а если не согласен он, то так и умрет в темнице. И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое. Король же не только вернул ему Мунтянское воеводство, но и отдал в жены ему сестру родную, от которой было у Дракулы два сына. Прожил он еще около десяти лет и умер в ложной той вере.

Рассказывали о нем, что, сидя в темнице, не оставил он своих жестоких привычек: ловил мышей или птиц покупал на базаре и мучил их — одних на кол сажал, другим отрезал голову, а птиц отпускал, выщипав перья. И научился шить, и кормился этим в темнице. Когда же король освободил Дракулу из темницы, привезли его в Буду, и отвели ему дом в Пеште, что против Буды, — но еще не был допущен Дракула к королю, и вот тогда случилось, что некий разбойник забежал во двор к Дракуле и спрятался там. Преследователи же пришли и стали искать преступника и нашли его. Тогда Дракула вскочил, схватил свой меч, выбежал из палат, отсек голову приставу, державшему разбойника, а того отпустил; остальные же обратились в бегство и, придя к судье, рассказали ему о случившемся. Судья же со всеми посадниками отправился к королю с жалобой на Дракулу. Послал король к Дракуле, спрашивая: «Зачем же ты совершил такое злодеяние?» Он же отвечал так: «Никакого зла я не совершал, а пристав сам же себя убил: так должен погибнуть всякий, кто, словно разбойник, врывается в дом великого государя. Если бы он пришел ко мне и объявил о происшедшем, то я бы нашел злодея в своем доме и либо выдал его, либо простил бы его». Рассказали об этом королю. Король же посмеялся и удивился его нраву.

Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьём. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копиями, и так был он убит.

Король же взял сестру свою с двумя сыновьями в Венгерскую землю, в Буду. Один сын при короле живет, а другой был у Варданского епископа и при нас умер, а третьего, старшего сына, Михаила, видели тут же в Буде — бежал к королю от турецкого царя; еще не будучи женат, прижил

этого сына Дракула с одной девкой. Стефан же молдавский по королевской воле посадил в Мунтянской земле некоего воеводского сына по имени Влад. Был тот Влад с юных лет монахом, потом — священником и игуменом монастыря, а потом расстригся и сел на воеводство, и женился он на вдове воеводы, правившего недолгое время после Дракулы и убитого Стефаном молдавским, вот на его вдове он и женился. И ныне воевода в Мунтянской земле тот Влад, что был чернец и игумен.

В год 6994 (1486) февраля в 13 день описал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин.

НОСФЕРАТУ: СУДЬБА МИФА

*...иные области,
Луной мучительной томимы,
Для высшей силы, высшей доблести
Они навек недостижимы.*

Николай Гумилев

В наши дни немного, наверное, можно встретить людей, которые не видели бы фильмов ужасов и не знали, что граф Дракула — самый жуткий, а потому самый знаменитый вампир. О Брэме Стокере, писателе, благодаря которому исторический Дракула — средневековый повелитель Валахии, области на юге современной Румынии, — стал литературным, а потому и киногероем, знают куда меньше. И не только в нашей стране, но и на Западе — недаром Стокер, по словам одного из его биографов, по-прежнему остается «одним из наименее известных авторов одной из самых знаменитых книг, которые когда-либо были написаны»¹.

Брэм Стокер — литературное имя Абрахама Стокера, ирландского писателя, родившегося в Дублине 8 ноября 1847 г. Будущий писатель — третий сын Абрахама Стокера, мелкого дублинского чиновника, — в детстве был очень слабым ребенком. Однако вырос он крепким юношей, забыл о болезнях детства и, став студентом Тринити-колледжа, активно и успешно занимался спортом. По окончании колледжа Стокер поступил на государственную службу. Впечатления о нескольких годах унылой и однообразной канцелярской работы отразились в первой книге Стокера с выразительным названием «Обязанности клерка, занимающего незначительную должность» (1876).

Литература — и особенно театр — с детства неудержимо влекли Стокера. Он не пропускал ни одной новой постановки в Дублинском театре, писал рецензии на спектакли местных и гастролирую-

¹ Farson D. The Man Who Wrote Dracula. A biography of Bram Stoker. Lnd., 1975. P. 8.

щих труп для дублинской газеты «Мейл». 1876 г. стал решающим в судьбе Стокера. Он познакомился с приехавшим в Дублин на гастроль знаменитым актером Генри Ирвингом, чьим поклонником был давно. Стокер произвел на Ирвинга впечатление своим знанием и пониманием театра, а главное, любовью к нему и готовностью ему служить. Результат их знакомства оказался неожиданным: Ирвинг предложил Стокеру стать директором его театра, и будущий писатель с восторгом принял это предложение.

В 1878 г. Стокер женился на Флоренс Бэлкомб, особе, безусловно, весьма незаурядной. Художник и прозаик Джордж Дюморье, автор знаменитого романа «Трильби», называл ее одной из самых красивых женщин конца столетия, ее рисовал один из самых изысканных художников Англии, Эдвард Берн-Джоунс, к ней сватался Оскар Уайльд — безуспешно, поскольку Флоренс предпочла ему Стокера. (Удивительно причудливы бывают жизненные совпадения: в 1895 г., в тот самый ноябрьский день, когда в лондонском суде Олд Бейли был зачитан обвинительный приговор Уайльду, стало известно, что королева Виктория возвела в рыцарское достоинство Генри Ирвинга — первого из актеров Великобритании, удостоенного такой чести.)

Брак не принес супругам счастья. Флоренс, с самого начала замужества весьма тяготившаяся выполнением супружеских обязанностей, после рождения их первого — как оказалось, и последнего — сына Нозля решила, что отныне имеет основание вообще отказаться от них. Как пишет Дэниэл Фэрсон, один из наиболее авторитетных биографов Стокера, приходящийся писателю внучатым племянником, поскольку интимной близости между супругами больше не было, Стокер начал искать утешения на стороне. Стокер был мужчиной крупным и энергичным (например, в 1882 г. он, не задумываясь, прыгнул с моста в Темзу и вытащил из реки самоубийцу; и хотя того уже не смогли откачать, Стокера наградили бронзовой медалью Королевского общества спасения утопающих) и всегда имел успех у прекрасного пола. Потому-то, расставшись с Флоренс, он грустил недолго. Однако многочисленные любовные приключения Стокера привели его к драматическому финалу — он заразился сифилисом, и это заболевание, по мнению Фэрсона, свело его в могилу¹. Умер Стокер 20 апреля 1912 г.

¹ *Farson D. The Man Who Wrote Dracula. A biography of Bram Stoker. Lnd., 1975. P. 232 — 235.*

В течение двадцати семи лет Стокер работал у Ирвинга в театре «Лицеум». Официально он числился директором, на деле же кем только не был — секретарем, агентом по рекламе, завхозом и т. п. В сущности, именно Стокер, оказавшийся талантливым менеджером, обеспечивал функционирование гастрольной труппы более чем из ста двадцати человек, объехавшей всю Англию, пол-Европы, не раз бывавшей в США¹. Биографы отмечают, что Стокера можно назвать, пожалуй, самым прилежным секретарем в истории — при его участии одних только писем (как деловых, так и личных, поклонникам Г. Ирвинга) за время существования театра было отправлено около полумиллиона!² Однако эта работа, судя по всему, вовсе не была в тягость Стокеру — настолько сильное влияние на него оказывал Ирвинг, чьим искусством он восхищался всю жизнь. После смерти Ирвинга в 1905 г. Стокер написал книгу о своем кумире, до сих пор считающуюся одной из лучших биографий знаменитого актера.

Можно только поражаться тому, что Стокер находил силы и время писать. В 1882 г. он выпустил сборник сказок «Перед заходом солнца», место действия большинства которых — волшебная Страна-на-Закате. За этой книгой последовали романы «Тропа змеи» (1890), «Дракула» (1897), «Мисс Бетти» (1898), «Тайна моря» (1902), «Драгоценность Семи Звезд» (в русском переводе — «Талисман мумии») (1903), «Мужчина» (1905), «Леди в саване» (1909). Последний роман — «Логово Белого ящера» — вышел за год до смерти Стокера (1911), а в 1914 г. был опубликован посмертно рассказ «Гость Дракулы», который можно считать прологом к основному действию одноименного романа. Кроме того, Стокер был автором нескольких документальных книг, в частности «Знаменитых самозванцев» (1910), в которой он описывал известные в истории случаи мошенничества.

Стокер сочетал различные художественные манеры и стили, выступая и как реалист-бытописатель, и как мистик³, и как автор приключенческих и детективных историй. Казалось бы, такие безошибочно действующие сюжетные ходы, как поиски сокровища Непобедимой армады («Тайна моря»), загадочное убийство учено-

¹ После первой поездки в США Стокер выпустил книгу «Взгляд на Америку» (1886).

² *Barclay G. Anatomy of horror: The masters of occult fiction.* N.Y., 1978. P. 40.

³ О мистицизме романа см.: *Barclay G. Anatomy of horror.* P. 39 — 63.

го, произошедшее накануне того, как он чуть-чуть не оживил мумию египетской царицы («Драгоценность Семи Звезд»), охота на гигантского змея, сохранившегося на территории Великобритании со времен существования англосаксонских королевств («Логово Белого ящера»), должны были привлечь читательское внимание. Однако писательская судьба Стокера сложилась неудачно. Успех сопутствовал только роману «Дракула» — успех тем более поразительный на фоне фактического провала всего, что выходило из-под пера Стокера. И хотя некоторые современники-литераторы хвалили отдельные произведения (в частности, роман «Тайна моря» был высоко оценен Конан Дойлем), в целом читатели к творчеству Стокера, кроме «Дракулы», оставались равнодушны. Солидарны с ними в этом и историки литературы — во всех работах о Стокере его другие произведения, кроме знаменитого «вампирского» романа, упоминаются, как правило, вскользь (если упоминаются вообще).

В чем же причина успеха этого романа Стокера, выдержавшего уже вековое испытание временем? Прежде всего, потому, что Стокер обратился к теме вампиризма — одной из самых привлекательных для читателей в конце XIX в. В ее основе — миф о вампирах. Легенды о мертвецах, встающих из могил, чтобы пить кровь живых и таким образом поддерживать свое существование, встречаются в культуре и мифологии многих народов как Востока, так и Запада. Вампиром, согласно преданиям, мог стать так называемый «нечистый» покойник (преступник, самоубийца или же погибший от укусов вампира). Вампир не отбрасывает тень, не виден в зеркале, способен оборачиваться в волка, летучую мышь, сову, даже мышь. Оберегаться от вампира можно с помощью чеснока, железа и распятия, а избавиться — только отрубив ему голову и вогнав в сердце осиновый кол. Происхождение слова «вампир» не очень ясно, и некоторые предлагаемые версии не только не проясняют вопрос, но, будучи основанными на народной этимологии, придают ему комическое звучание. Например, американский исследователь Джеймс Дин утверждает, что английское слово «вампир» («vampire») обязано происхождением русскому «vampir», образованному от корня «pi» («пи») со значением «пить»¹.

¹ Dean J. The Immigrant of Darkness: The Vampire in American Fiction//Foundation. The Review of Science Fiction. 1985. № 33. P. 20.

Исторический прототип вампира Дракулы — живший в XV в. Влад (1431—1476), правитель Валахии, известный по византийским, немецким, славянским хроникам. Отношение к нему современников было неоднозначным. Кто-то видел в нем национального героя, мудрого, дальновидного политика, прославившегося борьбой с турками (т. е. с проникновением ислама в Европу), другие — мрачную и зловещую фигуру, тирана, насильника. Дракула был широко известен своей патологической жестокостью, проявлявшейся по отношению к представителям без исключения всех народов и конфессий — христианам, мусульманам, цыганам (всего в его правление было казнено, как считают различные историки, от 40 до 100 тысяч человек). По его приказу рубили голову, с живых сдирали кожу, принуждали к людоедству, варили заживо, сжигали, вспарывали животы. Но особо он любил сажать на кол, потому-то его так и называли Влад Цепеш — Влад Сажатель-На-Кол. На немецкой гравюре XV в. запечатлена сцена, судя по всему, для Дракулы обыденная: он мирно трапезничает за столом во дворе, где умерщвляют людей самым разным образом: рубят голову, четвертуют, а также в большом количестве сажают на кол¹.

Не очень ясна и этимология слова «дракула». По-румынски «дракул» — «дьявол», а потому «дракула» — «сын дьявола». Однако «дракул» по-румынски означает также «дракон». Такое прозвище отец нашего героя получил после того, как, находясь при дворе венгерского короля Сигизмунда Люксембурга, вступил в рыцарский орден Дракона, основанный Сигизмундом для борьбы с турками (став господарем Валахии, Влад II продолжал считать себя членом этого ордена, даже приказал выбить дракона — символ ордена — на монетах). Понятно, что у жителей Валахии было достаточно оснований, чтобы считать Влада III сыном дьявола. Однако, несмотря на все совершенные им зверства, вампиром Дракула не был — скорее всего, дело в том, что в Средние века вампиром в странах нынешней Восточной Европы называли не только того, кто пил кровь, но и вообще колдуна-чернокнижника, заключившего союз с дьяволом.

Кроме исторической, Стокер опирался на литературную традицию: на достаточно обширный корпус повествований о вампирах,

¹ О жизни исторического Дракулы см.: *Florescu R. and McNally R. Dracula: A Biography of Vlad the Impaler, 1431—1476.* N.Y., 1973; *Florescu R. and McNally R. In Search of Dracula: A True History of Dracula and Vampire Legends.* Lnd., 1979.

существовавших в европейской литературе к концу XIX в.¹ Эта традиция восходит к античности: в греческой мифологии существовали легенды о ламиях — чудовищах, являвшихся по ночам к своим жертвам и пивших их кровь. Немалый вклад в формирование традиции внесла славянская мифология — предания об упырях встречаются издавна в белорусском, болгарском, польском, русском, словацком, чешском фольклоре. Тема вампиризма начинает привлекать к себе внимание западной литературы в конце XVIII в., в период предромантизма, когда в искусстве возникает повышенный интерес к тайнам человеческой души. Первыми к теме вампиризма обратились немецкие писатели. Популярность баллад Готфрида Августа Бюргера «Ленора» (1773) и Гете «Коринфская невеста» (1797) в немалой степени определялась их «вампирской» тематикой. Известно, что Стокер читал «Ленору» и включил в текст «Дракулы» строку из баллады: «Мертвые скачут быстро».

Эстетические возможности темы использовали и английские поэты-романтики, что можно видеть на примере поэмы Роберта Саути «Талаба-разрушитель» (1801), поэм Джона Стэкта «Вампир» (1810) и Сэмюэла Колриджа «Кристабель» (1816), стихотворения Джона Китса «Ламия» (1820). Особое место занимает в этой традиции повесть Джона Полидори «Вампир» (1819) — первое в английской прозе отражение темы вампиризма. Полидори — дядя знаменитых прерафаэлитов Данте Габриэля Россетти и его сестры Кристины — был личным врачом Байрона и написал «Вампира» после пребывания летом 1816 г. на Женевском озере в компании Байрона, Перси Биши Шелли, его жены (тогда еще гражданской) Мери Годвин и ее свояченицы Мери Клер². Когда после бесед о загадочном и сверхъестественном в жизни, о тайнах бытия и последних научных открытиях в области физиологии Байрон предложил всем присутствовавшим написать что-нибудь «страшное», не ограничиваясь жанром, то результатом стали роман Мери Шелли «Франкен-

¹ Литература о вампирах довольно подробно изучена западным литературоведением. В отечественной науке о литературе можно назвать лишь одну работу на эту тему — обзор Н. В. Измайлова, включающий, кроме западной, и русскую литературу: *Измайлов Н. В.* Тема «вампиризма» в литературе первых десятилетий XIX в. // Сравнительное изучение литератур. Сборник статей к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 510 — 519.

² Подробнее о Д. Полидори и его повести см.: *MacDonald D.L.* Poor Polidori. A Critical Biography of the Author of «The Vampire». Toronto [e. a.], 1991.

штейн, или Новый Прометей» (1818) и повесть Полидори. Таким образом, одновременно с мифом о вампирах в английской литературе появился еще один миф — о чудовище, созданном человеком и выступившем против него.

Вампирические мотивы ощутимы и в некоторых произведениях Байрона, например в поэме «Гяур» (1813). Большой популярностью в первой половине столетия пользовался роман «Вампир Варни, или Праздник крови» (1847), авторство которого приписывают Томасу Престу и Джеймсу Раймеру. В повести Шеридана Ле Фаню «Кармила» (1872) впервые появляется образ женщины-вампира. Примечательно, что все три автора, чьи произведения о вампирах стали пионерскими, принесли славу английской культуре, сами не были англичанами: Полидори по происхождению итальянец, а Ле Фаню и Стокер — ирландцы.

Повесть Джона Полидори сыграла немалую роль в появлении темы во французской литературе. Шарль Нодье написал рецензию на французский перевод повести Полидори, а в 1820 г. выпустил в соавторстве пьесу «Вампир». В 1821 г. Нодье опубликовал «вампирускую» повесть «Смарра, или Демоны ночи». В 1827 г. вышла книга Проспера Мериме «Гузла, или Собрание иллирийских песен, собранных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине». Из тридцати песен сборника шесть либо посвящены вампиризму как явлению или упоминают о нем; в сборник включена также статья Мериме «О вампиризме», говорящая о неслучайности интереса автора к этой теме. Вампиры действуют в повести Александра Дюма-отца «Вампир» (1851). Хотя в романе Жюль Верна «Карпатский замок» (1892) вампиров как таковых нет, но действие происходит в таинственном древнем замке в Трансильвании и говорится о различных местных предрассудках, в том числе о вере в вампиров.

Идея повести возникла у Стокера в значительной степени после знакомства и бесед с венгерским этнографом и лингвистом Арминием Вамбери в 1891 г. Вамбери был весьма примечательной фигурой в европейской культуре конца XIX в. Выходец из жившей в Венгрии бедной еврейской семьи, он благодаря таланту и упорству сумел стать всемирно известным ученым-ориенталистом, профессором Будапештского университета; считалось, что он говорил на шестнадцати, а писал на двенадцати языках. В одежде дервиша Вамбери совершил путешествия по Средней Азии и Ирану, в том числе в те районы, куда европейцам нельзя было появляться под

страхом смерти¹. Вамбери был автором книги «История Венгрии», которую Стокер использовал во время работы над романом; писатель не раз обращался к Вамбери, уточняя подробности жизни Влада Цепеша. О степени влияния Вамбери на Стокера говорит и тот факт, что облику Ван Хелсинга в романе приданы черты венгерского ученого.

Повлияло на Стокера и общение с известным ориенталистом Ричардом Бертоном, переведшим на английский сказки «Тысяча и одна ночь» и сборник индийских сказок — в обеих книгах были легенды о вампирах. На Стокера большое впечатление произвела также пугающая внешность Бертона, и прежде всего его крупные выдающиеся вперед зубы — по словам писателя, настоящие собачьи клыки.

Сыграл свою роль при создании внешности Дракулы и облик Генри Ирвинга, в чьей наружности, как отмечали современники, было нечто демоническое, загадочное. Стокер относился к Ирвингу с благоговением, что артист, несомненно, понимал — и умело этим пользовался. Как знать, обрел бы Ирвинг воистину всемирную славу без такого менеджера, как Стокер... Сам Стокер, романтично преданный артисту, едва ли думал, что Ирвинг, в сущности, эксплуатирует его самоотверженность. Но подсознательно, скорее всего, это ощущал. Потому обоснованным кажется рассуждение Дэниэла Фэрсона, биографа Стокера, о том, что Ирвинг буквально поглощал энергию своего директора, подобно тому как Дракула питался кровью своих жертв².

Нельзя забывать и о возможном воздействии на Стокера событий, происходивших в Лондоне в то время, когда он работал над романом. В 1888 г. Англия содрогнулась от кровавых преступлений Джека-потрошителя, убившего пять женщин — правда, сейчас, на фоне различных Чикатило или душевнобольных, расстреливающих людей десятками из автоматического оружия, этот — так и оставшийся непойманным — первый в истории Великобритании серийный убийца кажется пригого-вишкой. Примечательно, что Джек-потрошитель выступает в качестве литературного героя в романе американского писателя Кима Ньюмена с «тематическим» названием «Год Дракулы» (1992).

¹ Об удивительной судьбе Вамбери рассказывается в повести советского писателя Н. С. Тихонова: *Тихонов Н. С. Вамбери*. М., 1925.

² «Henry Irving... consumed Bram's energy with a voraciousness worth of Count Dracula himself»//*Farson D. The Man Who Wrote Dracula. A Biography of Bram Stoker*. P. 6.

И еще одна особенность историко-культурного контекста Великобритании конца XIX в. важна для понимания романа Стокера. Речь идет о таком до сих пор недооцененном литературоведением пласте английской литературы, как фантастические романы о вторжении на Британские острова. Начало этой традиции положено было книгой Джорджа Чесни «Битва при Доркинге», вышедшей в 1871 г. Год этот весьма важен для европейской истории: Франция потерпела поражение во франко-прусской войне и на континенте возникло новое государство — Германская империя, — сразу заявившее о своих глобальных геополитических планах. Эти события, по мнению многих англичан, должны были встряхнуть руководство армией и правительство страны, заставить начать реорганизацию вооруженных сил для отражения немецкой угрозы, ставшей такой реальной. С этой целью написана книга подполковника Чесни, профессионального военного, повествующая о высадке на юге Англии немецкого экспедиционного корпуса, произошедшем сражении и разгроме англичан, а также о последующем крахе Британской империи. Книга Чесни не просто вызвала много подражаний — она ознаменовала поворот в национальном сознании, ибо с ее помощью материализовались давние «островные» фобии англичан, их вековой страх перед возможным вторжением с континента какой-то таинственной губительной силы¹.

Эта сила в фантастических сценариях будущего принимала различные образы: от армий государств Европы (Германии, Франции, России — в XX в. СССР), Азии (Японии, Китая) и даже Африки до таких inferнальных созданий, как марсиане в романе Уэллса «Война миров». Между романами Стокера и Уэллса (вышедшими в одном и том же году) много общего: в злодеях обоих произведений нет ничего человеческого, они стремятся захватить не только Англию, но весь мир; а главное — нелюди могут существовать, только потребляя человеческую кровь...²

¹ Это литературное явление рассмотрено в следующих работах: *Clarke I. F. Voices Prophesying War: 1763—1984*. Lnd.; Oxford, 1966; *Eby C. D. The Road to Armageddon. The Martial Spirit in English Popular Literature, 1870—1914*. Durham and Lnd., 1988; *Clarke I. F. The Tale of the Next Great War, 1871—1914: Fictions of Future Warfare and of Battles Still-to-Come*. Syracuse (N.Y.), 1995; *The Next Great War with Germany, 1890—1914: Fictions and Fantasies of the War to Come*. Ed. by I. F. Clarke. Liverpool, 1997.

² *Dingley R. J. Count Dracula and the Martians/The Victorian Fantasists. Essays on Culture, Society and Belief in the Mythopoetic Literature of the Victorian Age*. Ed. by K. Filmer. Lnd., 1991. P. 13 — 24.

Исторический Дракула родился в Валахии, но Стокер заменяет ее на Трансильванию, и эта историко-географическая оговорка не случайна: Трансильвания в представлении жителей стран Западной Европы считалась издавна обиталищем колдунов и нечистой силы (именно сюда, согласно преданию, увел детей гаммельнский Крысолов). Потому-то исследователи XX в. называли Трансильванию то «европейским подсознательным»¹, то «пандоровым ящиком вампиризма»². Сам Стокер никогда не был в Трансильвании, но сумел описать ее очень выразительно. И дело тут не только в богатом воображении писателя — ни над одной из своих книг Стокер так серьезно не работал, долгое время собирая материалы для романа. Он много времени проводил в Британском музее (сюда писатель направляет и своего героя, Джонатана Гаркера, перед поездкой к графу Дракуле, чтобы почитать о таинственной Трансильвании), просматривая карты, атласы, туристические путеводители, книги о Карпатах, а также работы о фольклоре (в частности, «Золотую ветвь» Фрезера, в которой рассматривались мифы о вампирах), о суевериях и сверхъестественном. В архиве Стокера найдено свыше семидесяти страниц набросков, выписок, заметок, схем (в том числе и географических). Среди этих источников особо надо отметить влияние на Стокера книги Эмили Джерард «Страна за лесами» (1888), посвященной Трансильвании; именно из этой книги Стокер взял румынское слово «носферату», обозначавшее «вампир». Некоторые исследователи полагают, что на Стокера оказала влияние и его связь с орденом Золотой Зари — одной из крупнейших в Англии конца XIX в. оккультных организаций. Однако Стокер, хотя и проявлял большой интерес к оккультизму и магии, не был, как Уильям Батлер Йейтс, Алистер Кроули, Элджернон Блэквуд или Артур Мейчен, членом ордена и не участвовал в его заседаниях³.

Композиция романа тщательно продумана, в отличие от остальных книг писателя (лишь один эпизод выглядит искусственно — спасение Гаркера из замка Дракулы, чему автор не дает никаких объяснений, предлагая читателю принять это как данность). Стокер искусно сочетает письма героев (эпистолярная форма — черта национальной литературной традиции, заложенной английским клас-

¹ Gelder K. *Reading the Vampire*. Lnd. and N.Y., 1994. P. 2.

² Leatherdale C. *Dracula*. The novel and the legend: A Study of Bram Stoker's masterpiece. Wellingborough, 1985. P. 23.

³ The Encyclopedia of Fantasy. Ed. by C. Clute and J. Grant. Lnd., 1997. P. 420.

сическим романом XVIII в.), их дневники и записки, которыми они обмениваются, с вырезками из газет и деловой корреспонденцией. Кроме того, в текст включены расшифровка записи на фонографе, телеграммы, отрывки из корабельного журнала.

Особое значение в идейной структуре романа имеют письма. К Стокеру можно в полной мере отнести слова А. А. Елистратовой, сказанные о Ричардсоне, для которого, по мнению исследовательницы, «преимущества эпистолярной формы не исчерпываются большой психологической убедительностью. Она открывает широкий простор психологическому самоанализу героев... эпистолярная форма... исполняется острым драматизмом, служа раскрытию конфликтов противоборствующих интересов, мировоззрений и страстей»¹.

Рассказ все время ведется от первого лица — для создания приближенности действия к читателю, и, хотя рассказчики меняются, ощущение, что читатель погружен в гущу событий, сохраняется. «Дракула» являет собой один из самых ярких примеров художественной удачи при использовании множественности точек зрения — в английской литературе конца XIX в. таких примеров немного. Роман психологичен, все в нем служит раскрытию душевных переживаний героев. В романе много описаний видений и снов, гипнотических трансов. Даются они для того, чтобы подчеркнуть зыбкость границы между жизнью и смертью, между бытовой повседневностью и миром призрачным, потусторонним. Герои проходят на грани между возможным и фантастическим, при этом повествование остается на почве реальности викторианской Англии, узнаваемой в точных приметах действительности, социального, культурного бытия. Герои раскрываются глубоко, всесторонне, записи в дневнике не просто фиксируют события какого-то дня — они становятся внутренними монологами, помогающими увидеть героя «изнутри», раскрывая не только его мысли, но и переживания.

Психологизм романа — бесспорно, самого сложного произведения писателя — усиливает ощущение ужаса, так впечатляюще воссозданного Стокером. Причем если другие мастера жанра использовали и иные художественные краски — например, у Гоголя страшное соседствует с комическим и оттеняется им, — то Стокер ничем «не разбавляет» страшное. Подобная «монохромность»

¹ Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М., С. 174.

повествования требует от автора немалого мастерства, которое Стокер и демонстрирует на протяжении всего действия, ни разу не изменив выбранному художественному принципу.

Значительна роль контраста в построении романа. Люди — и нелюди; дневной свет, при котором вампиры теряют свою силу, — и ночная тьма, когда они, обретая могущество, выходят из могил; Трансильвания, страна мрачных и таинственных чудес, воплощением которой становится пугающий замок Дракулы, — и Лондон как воплощение цивилизации, противостоящей средневековым кошмарам... Контраст помогает лучше ощутить окутывающую роман атмосферу ужаса — то, что роднит «Дракулу» с традицией готического романа в английской литературе, традицией «романа ужасов и тайн». Замок Дракулы у Стокера в идейной структуре романа идентичен готическому замку, в нем, как и в готическом романе, много таинственных склепов и подвалов, он полон ужаса, царит атмосфера страха, затхлости, запустения. Страх перед потусторонним, ирреальным, что было характерно для готического романа, у Стокера соединяется со страхом перед пугающими безднами человеческой души.

Дракула также являет собой тип готического злодея, представляющего как воплощение ужаса. Но он еще и злодей планетарного масштаба, потому что вынашивает замыслы о господстве над всем человечеством. Дракула пришел из прошлого, при этом он существует в настоящем и убежден, что ему и расе вампиров принадлежит будущее. Дракула — психологический наследник злодеев английской литературы нескольких периодов: классического готического романа последней четверти XVIII в., затухания готики в первой четверти XIX в. (ближе всего к герою Стокера Мельмот Скиталец из одноименного романа Роберта Мэтьюрина) и этапа неоготики конца XIX столетия, когда в литературе появляются таинственный финансист Мельмот из романа Энтони Троллопа «Как мы живем сейчас» (1875), жуткий мистер Хайд из повести повести Роберта Луи Стивенсона «Странная история доктора Джекиля и мистера Хайда» (1886) и Дориан Грей из романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея» (1890).

Роман Стокера глубоко религиозен. Вампиры — существа, боящиеся распятия, крестного знамения, молитвы. И именно эти средства применяют в борьбе с ними Ван Хелсинг и его друзья. Самое страшное, по мнению автора, что могут сделать вампиры, это погубить не тело, а душу человека, ибо, становясь сам вампиром, он

приговаривается к вечной жизни, полной преступлений, — и обречен, подобно Вечному жидам, влачить без искупления проклятие бессмертия. И окончательная победа над вампиром одерживается не тогда, когда ему вонзают в сердце осиновый кол, отрезают голову и набивают рот чесноком, но когда, как в случае с Люси Вестенра, удастся спасти душу погибшего было создания, даровав ему вечный покой.

Потому естественно, что с вампирами борются с помощью сакральных предметов и символов. Но этого недостаточно, и, как ни парадоксально, герои борются с ними также с помощью науки. В романе причудливо сочетаются оккультное и научное знание. Используются последние достижения науки и техники, с помощью которых происходит общение героев и их работа по подготовке к схватке с Дракулой: стенография, фонограф, пишущая машинка, важна роль современных (для конца XIX в.) средств коммуникации: телеграф, железные дороги. Герои (за исключением лорда Холмвуда) — представители современных (конца XIX в.) профессий: это адвокат, врач, университетский преподаватель.

Особо выделяется Ван Хелсинг — врач, философ, ученый-экспериментатор, представляющий те области знания, которые традиционно противостоят суевериям. Ван Хелсинг убежден, что вера — слепая, отвергающая анализ происходящего, — делает человека не просто слабым, но беспомощным перед лицом надвигающегося ужаса, перед нападением вампира. Спасение только в работе разума, который противопоставляется вере и побуждает человека к активизации интеллектуальной деятельности. Стокер соединяет научное и ненаучное, сверхъестественное — то, что должно, казалось бы, друг друга исключать, напротив, дополняет и усиливает. И благодаря единству несовместимых категорий достигается победа — над сверхъестественным и иррациональным.

Особое значение имеет в романе образ Мины Меррей — сначала невесты, а потом жены Джонатана Гаркера. Мина, вопреки стандарту поведения викторианской женщины, неизменно послушной, покорной повелениям супруга¹, предстает женщиной деятельной, не поддающейся панике. Она стремится анализировать ситуацию, делает свои выводы, стремясь противопоставить иррациональному

¹ Об этом подробнее см. Auerbach N. Woman and the demon. The life of a Victorian myth. Cambridge (Mass.) and Lnd., 1982.

логику. Она образованна, владеет пишущей машинкой и фонографом, умеет стенографировать. В немалой степени благодаря ей был накоплен и систематизирован материал, позволивший делать выводы об образе жизни и природе Дракулы, что облегчило борьбу с ним. Мина любит своего мужа и готова пожертвовать собой ради него, но при этом она обладает свободой воли и поступков — и, надо думать, не поступилась бы этой свободой. Иными словами, образ Мины — своего рода ответ Стокера на развернувшуюся в конце XIX в. дискуссию о суфражизме, движении женщин за предоставление им гражданских свобод, и в первую очередь избирательного права. В представлении Стокера, отношения Мины и Гаркера идеальны именно потому, что построены не только на взаимной любви, но и на взаимном уважении. Можно сказать без преувеличения, что Стокер в романе выступает выразителем викторианской морали, во многом основанной на культе семейных ценностей. Это можно видеть и на примере отношений Мины и Джонатана Гаркера, и Люси Вестенра и ее жениха Артура Холмвуда.

Но роман Стокера можно считать также и произведением, нарушающим законы викторианской морали. Это определяется, прежде всего, эротическими мотивами книги. Дьяволизм издавна был связан с эротизмом¹, который в романе усиливает тему вампиризма — вампиры обоих полов предстают как воплощение сексуального желания, достаточно вспомнить сцену, в которой Джонатан Гаркер чуть не становится жертвой трех вампиресс в замке Дракулы. У нас вообще писали крайне сдержанно о связи дьяволизма с эротикой — например, обычно скороговоркой упоминают эротические образы в Вальпургиевой ночи в «Фаусте». Викторианская мораль трактовала сексуальную сферу как «демоническую» область, в которой находят выражение низменные, животные импульсы человеческой натуры. Эти импульсы следовало-де всяческим образом подавлять, ибо здоровый сексуальный инстинкт считался чем-то недостойным, поскольку должен был быть связан только с продолжением рода. И если мужчинам прощались определенные «слабости», то женщину законы общественной нравственности лишали, по сути дела, плотских радостей в браке (внебрачных отношений вообще не могло быть), ограничивая ее существование социальной ролью хозяйки

¹ О связи эротики и дьяволизма подробно говорится в кн.: *Barclay G. Anatomy of horror: The masters of occult fiction*. N.Y., 1978.

дома, хранительницы очага и воспитательницы детей. Любое проявление женской сексуальности считалось, таким образом, признаком испорченности натуры. Можно не сомневаться, что для Стокера эта тема была весьма и весьма болезненной...

Впервые Дракуле противостояли не отдельные люди, бывшие обычно жертвами, не способными оказать вампиру сопротивление, но некое сообщество. Каждый из героев поодиночке ничего не смог бы сделать в борьбе с вампиром. Но они побеждают, объединив силы, знания, мужество, черпая поддержку друг в друге, ощущая уверенность в своей правоте — и понимая, что они сражаются за Англию и за все человечество. И когда герои романа решают отправиться на поиски Дракулы, то понимают, что могут погибнуть в предстоящей схватке. Потому предпринятое ими путешествие есть не что иное, как квест. Квест — один из центральных мотивов западноевропейской литературы, берущий начало в рыцарском романе. Слову Quest в русском языке можно подобрать такие сходные по значению слова, как «путешествие», «путь», «поиск», «странствие», «поход», но ни одно из них не будет полностью адекватно оригиналу. Ибо квест — это движение и в пространстве географическом, и в пространстве души, путь поисков себя, обретения внутренней гармонии¹. Именно квестом был и один из самых знаменитых походов в западной литературе XX в. — тот, что предприняли Фродо Бэггинс и его товарищи в страну мрака Мордор, чтобы уничтожить Кольцо Всевластия, Кольцо Зла. Герои Стокера отправляются в путь, осознавая все его опасности, но воодушевленные высокой целью: избавить мир от грозящего ему зла.

Роман Стокера имел поразительный успех — тем более поразительный, повторимся, по сравнению с его предшественниками и последующими произведениями (на волне этого успеха Стокер написал пьесу по мотивам романа под названием «Дракула, или Неумерший», которая была поставлена 15 мая 1897 г.). В русле этого успеха, как в кильватере ледокола, разламывающего льды и очищающего пространство воды для движения судов, возникают — по обе стороны Атлантики — произведения о вампирах. Однако особого успеха эти вещи, явно подражательные, не имели. Как знать, что было бы с темой вампиризма, если бы не кино. И хотя в романе вампиры потерпели неудачу, то «отыгрались» они на людях с помо-

¹ The Encyclopedia of Fantasy. P. 796.

щью кинематографа. В настоящее время существует свыше ста фильмов о Дракуле и вампирах (точное количество определить не представляется возможным), поставленных в Англии, Франции, Германии, США, Швеции и других странах¹.

Первый фильм о Дракуле вышел в 1922 г. — это считающаяся до сих пор классической лента «Носферату, симфония ужаса» немецкого режиссера Фридриха Мурнау, в роли Дракулы снялся Макс Шрек. Примечательно, что история этого фильма связана с именем Флоренс Стокер, казалось бы исчезнувшей из нашего рассказа. Поскольку Стокер не разводился с женой, то она в качестве вдовы формально имела основание претендовать на авторские права (которые, как она сообразила, могли обеспечить ей неплохой доход). Флоренс обвинила авторов в плагиате (хотя действие в фильме перенесено из Англии конца XIX в. в Бремен начала этого столетия, героя зовут граф Орлок и введены иные реалии, отличающие фильм от книги) и попыталась через суд запретить показ фильма и прекратить изготовление его копий.

Первым «звуковым» Дракулой («Носферату» был немой лентой) стал артист Бела Лугоши, снявшийся в одноименном фильме 1931 г. Лугоши снялся в заглавной роли еще в нескольких фильмах о Дракуле и считал для себя эту работу главной в своей творческой судьбе — даже завещал похоронить себя в смокинге и накидке с капюшоном, похожих на те, в каких он представлял на экране.

В 1958 г. на экраны вышел фильм «Ужас Дракулы» с Кристофером Ли в главной роли. Ли снялся в шести фильмах о Дракуле, популярность которых определялась по преимуществу магнетизмом артиста, его блестящей игрой. Помимо мастерства и умения перевоплощаться, Ли обладал удивительным внешним сходством с дошедшими до нас портретами Дракулы (особенно с немецкой гравюрой XV в.). Сам Ли о своем герое говорил так: «Я никогда не забывал, что граф Дракула был джентльменом, принадлежал к высшей аристократии, а в молодости был великим полководцем. ... Роль Драку-

¹ Фильмотека «дракулианы» обширна, поэтому приведем лишь избранные позиции: *Skal D.* Hollywood Gothic: The Tangled Web of «Dracula» from Novel to Screen. N.Y., 1990; *Joslin L. W.* Count Dracula Goes to the Movies: Stoker's Novel Adapted, 1922—1995. N.Y., 1999. То же самое относится и к «вампирской» фильмотеке: *Ursini J* and *Silver A.* The Vampire Film. N.Y., 1975; *Flynn J. L.* Cinematic Vampires. The Living Dead in Films and Television from «The Devil's Castle» (1896) to «Bram Stoker's "Dracula"» (1992). Jefferson (N C), 1992; *Jones S.* The Illustrated Vampire Movie Guide. N.Y., 1993.

лы — одна из величайших возможностей моей артистической карьеры, о такой роли мечтал бы любой актер»¹. Именно так и играл Ли своего героя — аристократом во всем и поразительно достоверным. Все последующие исполнители Дракулы пытались подражать Бела Лугоши и Кристоферу Ли — самым знаменитым исполнителям роли Дракулы, столь же известным, как Борис Карлофф в роли чудовища Франкенштейна; кстати сказать, он тоже однажды сыграл вампира — в фильме «Черная суббота» (1964).

Сюжет Стокера в кинематографических версиях видоизменялся, приобретая все новое звучание, что видно уже по названиям фильмов: «Дочь Дракулы» (1936), «Сын Дракулы» (1943), «Дом Дракулы» (1945), «Кровь Дракулы» (1957). Во второй половине XX в. кинематографический конвейер работал все интенсивнее: в фильмах «Невесты Дракулы» (1960) и «Билли Кид против Дракулы» (1965) действие переносится в США, знаменитому вампиру противопоставлен Билли Кид, мифологический персонаж американской культуры. Выходит даже фильм «Графиня Дракула» (1970), в котором на самом деле появляется не вампир, прототипом которого был Влад Цепеш, а другое историческое лицо — графиня Елизавета Батори, жившая в Венгрии в начале XVII в. Она вошла в историю, как и Дракула, своим изуверством. В течение почти десяти лет она, чтобы сохранить молодость и красоту, принимала ванну из крови девушек, которые умерщвлялись у нее на глазах; всего, как было заявлено на суде, состоявшемся над Батори в 1611 г., по ее приказу было убито около семисот человек².

Сценаристы работали весьма активно — на свет появлялись фильмы: «Дракула против Франкенштейна» (1971), «Блакула» (1972) — на этот раз перед нами чернокожий Дракула, а действие фильма происходит на островах Карибского моря; «Рокула» (1990) — на этот раз Дракула выступает в роли рок-музыканта. Выходят комедии — например, «Любовь с первого укуса» (1979) и «Дракула мертв и доволен» (1996), мультипликационные ленты о Дракуле, телевизионные сериалы — самый известный демонстрировался в США в 1990 г. Весомыми вкладами в кинематографическую «дракулиану» последних лет стали фильмы «“Дракула” Брэма Стокера» (1992) Френсиса Коппола и «Интервью с вампиром» (1994) Нила Джорда-

¹ The Dracula Scrapbook. Ed. by P. Haining. Lnd., 1976. P. 47.

² О судьбе Е. Батори см. источники в примечании 7.

на. Эти ленты собрали звездный состав актеров: в первом случае Энтони Хопкинса, Гэри Олдмена и Киану Ривза, во втором — Антонио Бандераса, Тома Круза и Брэда Питта.

До Второй мировой войны книг о вампирах было немного. Можно лишь назвать роман английского писателя Алана Хайдера «Вампиры над нами» (1935) и книгу классика румынской литературы Мирчи Элиаде «Девница Кристина» (1936). Оживление вампирской темы в литературе происходит на рубеже 1960 — 1970-х гг. В Великобритании выходят получившие широкую известность романы Колина Уилсона «Паразиты мозга» (1967) и «Космические вампиры» (1976). В первой книге изображены психологические вампиры, питающиеся человеческой энергией и жизненной силой и обитающие в нашем подсознании, а во второй вампиры приходят из космоса. Особого упоминания заслуживает роман Брайана Олдисса «Освобожденный Дракула» (1991), его действие происходит в 1999 г., а среди героев — сам Стокер и Дракула; кроме того, в книге говорится о самых древних вампирах в истории человечества — их трупам, найденным (по сюжету) в штате Юта, почти 66 миллионов лет.

Однако в американской литературе XX в. вампиров значительно больше, чем в английской (24). Одно из наиболее известных произведений американской «дракулианы» — роман Ричарда Мэтесона «Я, легенда» (1954), о последнем человеке на Земле, уцелевшем после пандемии, превратившей население Земли в вампиров. С середины 1970-х начинает печатать свои «вампирские» новеллы и романы Фред Саберхаген, в одной из книг которого появляется Шерлок Холмс. Дань вампирской теме отдал и Стивен Кинг романом «Рок Сейлема» (1975) — в нем вампиры захватывают небольшой современный городок в штате Мэн.

В 1980-е происходит буквально бум литературы о вампирах. О них писали и те, кто больше ничем не прославился, и те, кто известен и другими вещами. Примечательно, что среди этих авторов очень много женщин: Барбара Хэмбли, Сьюзен Чэрнес, Нэнси Коллинс, особо среди них выделяются Чесли Ярбро и Энн Райс. Ярбро с 1978 г. публикует цикл повестей и романов о вампире Сен-Жермене, родившемся, согласно авторской версии, за две тысячи лет до Рождества Христова (в его биографии использованы также реальные факты жизни знаменитого авантюриста XVIII в. Сен-Жермена). Весьма популярны книги о вампирах Энн Райс, особенно роман

«Интервью с вампиром» (1976), по которому писательница создала сценарий одноименного фильма. Из мужчин следует назвать прежде всего классика «вампирского жанра» Дэна Симмонса и американца тайского происхождения Сомтоу Папаниана Сухариткула, пишущего под именем С. П. Сомтоу; наиболее известен его роман «Вампирский узел» (1984) — о вампире рок-музыканте.

Особо следует сказать о тех произведениях кино и литературы, действие которых происходит на родине Дракулы, в Румынии, где до 1989 г. царил диктаторский режим Чаушеску. Еще при жизни самого Чаушеску сравнивали с Дракулой, а его жену Елену — с графиней Батори. В Румынии до сих пор жив страх перед всемогущим и вездесущим королем вампиров — на кладбищах на надгробных плитах и сейчас можно встретить надпись: «Господи, сохрани меня от Дракулы»

Наверное, Стокер был не очень амбициозным человеком — иначе чем еще можно объяснить то, что почти треть своей жизни, ее самые творчески плодотворные годы он добровольно провел в тени Генри Ирвинга, искренне восхищаясь чужим успехом и делая все возможное для того, чтобы его обеспечить. И конечно же, едва ли он мог вообразить, какова будет судьба его романа. История — главный режиссер человеческих судеб — изменила мизансцену, в которой были заняты эти два человека, так долго связанные друг с другом. Едва ли теперь кто-нибудь, кроме театроведов или специалистов по культуре Великобритании, помнит имя Генри Ирвинга (актера, бесспорно, выдающегося). И хотя Брэм Стокер по-прежнему остается «одним из наименее известных авторов одной из самых знаменитых книг, которые когда-либо были написаны»¹, читательская аудитория его главной книги растет год от года.

*В. Гопман,
кандидат филологических наук*

¹ *Farson D The Man Who Wrote Dracula P 8*

ДРАКУЛА И СТОКЕР: ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ В РАМКЕ МИФА

Они встретились...
Была ли встреча случайной, пусть об этом судят, как хотят, но, несомненно, она уподобилась встрече кремня и кресала. Только результатом стала не вспышка живого пламени, а зеленоватый огонь над могилой, бледный и в то же время реальный. Возник главный вампир всех времен и народов — великолепный фантом и фольклор нашей эпохи. Но чтобы этот протовампир явился на свет, необходимо было, чтобы в пространстве творчества, на перекрестке опыта исторического и религиозного, оккультного и мифологического пересеклись двое: ирландец — и румын, восторженный клерк — и жестокий властитель, малоизвестный литератор — и прославленный государственный деятель... Абрахам (Брэм) Стокер и Влад Бассараб, прозванный Цепешем, — два имени, которые вызывают в памяти одно-единственное:

ДРАКУЛА.

I

Принято считать, что знаменитые литературные персонажи, которые перешагивают рамки литературы и проникают в жизнь, рождаются под пером гениальных писателей. Брэм Стокер — наглядное опровержение. Грустная истина заключается в том, что его не считали ни талантливым, ни тем более гениальным ни в одной из областей, где он пробовал себя. Он был малоуспешным клерком суда второй инстанции в Ирландии, он был посредственным магом в ордене Золотой Зари, он проявил себя торопливым и банальным литератором даже в том романе, который его прославил. Может быть, только в качестве антрепренера известного актера Генри Ирвинга Стокер достиг профессионального совершенства,

но что это за позиция — вечно за кулисами, вечно на втором месте? Приходится признать, такому неудачнику, пустому месту, как будто бы и приличествовало оставаться в тени. Но является парадоксальная мысль: а может, будь Стокер талантливее и удачливее, обладая он выраженной писательской индивидуальностью, он просто не смог бы сделать того, что сделал?

Родившийся 8 ноября 1847 г. третьим из семерых детей скромного служащего и рьяной поборницы прав женщин ирландец Брэм (полное имя — Абрахам) Стокер первые восемь лет провел между жизнью и смертью, изнуренный странными хворями, над которыми доминировала напасть вроде паралича: будущий писатель не мог не только ходить, но даже стоять. Однако с возрастом болезни исчезли так же непостижимо, как и появились. Ко времени учебы в знаменитом Тринити-колледже бывший парализованный крошка вымахал в атлета ростом сто девяносто сантиметров и даже стал победителем спортивных соревнований. Мало ли детей страдают в детстве диковинными болезнями, а потом, как говорится, «перерастают»? Немало; к тому же медицина в то время была чрезвычайно слаба. Тем не менее эти биографические подробности будущего члена Золотой Зари заставляют вспомнить о так называемой «шаманской болезни», нередкой среди народов Крайнего Севера. Когда на какого-нибудь человека ни с того ни с сего нападают особенные, не поддающиеся лечению болезни — параличи, гнойные язвы, преходящая слепота, — осведомленные соплеменники говорят ему: «Камлать будешь, однако!» И действительно, стоит избранному таким образом служителю духов вступить в контакт с потусторонним миром, как он тотчас же излечивается. А христианин в подобных случаях должен вести речь об одержимости...

Впрочем, нам неизвестно, общался ли маленький Брэм с духами. А одержим он был в основном многочисленными кельтскими легендами, которые никогда не иссякали в Ирландии, свято хранящей клад своего героического и волшебного прошлого. Увлеченно глотал разнообразнейшие мифы... Отметим это, не делая пока далеко идущих выводов.

После окончания колледжа Стокер идет по стопам отца — становится государственным служащим. Но сильнее служебных обязанностей молодого клерка привлекает искусство. Он завязывает переписку с великим американским поэтом Уолтом Уитменом, стихами которого восхищается и с которым лично встретится много

позже, в США, на гастролях театра «Лицеум». В театральный мир его вводит случай. Разгневанный тем, что ни один писака в Дублине не удосужился отразить приезд Генри Ирвинга, восходящей звезды английской сцены, Стокер является к главному редактору ежедневной газеты «Дублин Мейл» и предлагает бесплатно вести театральную рубрику, прежде не существовавшую. Редактор задумчиво промолвил: «Ну что ж...» — и рубрика не только появилась, но и приобрела популярность. А с Генри Ирвингом, который был польщен вниманием к его персоне до такой степени, что попросил представить его автору заметок, Стокер не только подружится, но и спустя несколько лет станет его антрепренером и правой рукой в театре «Лицеум».

Первая книга, опубликованная Брэмом Стокером в 1878 г., не имела никакого отношения ни к вампирам, ни к мистике. Именовалась она прозаически: «Поручения и обязанности служащего суда второй инстанции в Ирландии». Тем не менее служба все больше тяготит его. В том же году Стокер женится на Флоренс Бэлкомб, и супружеская чета переезжает в Лондон. Там ему есть чем заняться: Генри Ирвинг — директор театра «Лицеум», а Стокер берет на свои широкие плечи всю административно-хозяйственную деятельность. Работа нравится ему больше прежней: ведь он — фанатик театра! Параллельно продолжает писать новеллы и романы, публикует статьи в газетах. В 1882 г. выходит его первый сборник фантастических новелл, который он посвятит своему маленькому сыну Нозлю. Однако пройдет еще немало лет, прежде чем на свет явится «Дракула», прославивший имя автора. А пока Стокер вступил в оккультный орден Золотая Заря.

На рубеже XIX — XX вв., оккультных орденов, обществ, сект и секточек имелось изрядное количество, однако Золотая Заря прославилась даже на этом фоне. Известно, что в одно время со Стокером там состояли ирландский поэт, будущий лауреат Нобелевской премии У. Б. Йейтс, великий мистификатор, маг, астролог и хулиган Алистер Кроули, знаменитый автор рассказов о привидениях Элдджернон Блэквуд... Интересная компания. И при этом — сплошь одаренные литераторы.

Стокер — нечто иное. Влечение к литературе — и бездарность... А может быть, совсем не бездарность? Ведь он создал столь популярный в массовой культуре образ!

Образы массовой культуры наделены неизбежной мифологичностью; в противном случае они никогда не могли бы пользоваться такой популярностью среди людей, различных по возрасту, образовательному уровню, привычкам. Упомянутому критерию как нельзя более соответствует образ вампира — графа Дракулы. По отношению к кино- и литературной продукции, прославившей его, он в достаточной степени автономен, он — не персонаж романа Брэма Стокера в том смысле, в каком, например, Анна Каренина — персонаж романа Толстого; романов и фильмов может быть бесчисленное количество, они могут не обладать художественной уникальностью (что, впрочем, не исключает возможность шедевра, каков, по нашему мнению, фильм Ф. В. Мурнау «Носферату»), однако Дракула, переходя из произведения в произведение, сохраняет свою идентичность, определенные черты облика и поведения, остающиеся неизменными.

Вдруг неудачник Стокер обладал редким талантом — мифотворческим?

Что такое талант мифотворца, или, как мы его назовем, мифотворческий, или мифологический талант? В чем-то он сходен с литературным, но не совпадает с ним. Литературный талант — это талант сочетания слов, как верно отметил Брюсов; мифотворческий — это талант называния имен собственных. Правильно найденное (точнее, услышанное внутренним слухом) имя — половина мифа. Вторая его половина — сюжет, схема действий героя (или героев). Прометей — принес людям божественный огонь, за что наказан Зевсом. Аргонавты — плывут за золотым руном. Эдип — убил отца и женился на матери. В отличие от литературного шедевра, где невозможно изменить ни строки, ни слова, миф не имеет ни стиля, ни законченной художественной формы и поэтому может быть выражен по-разному. Отсюда возможность различных воплощений одного и того же мифа — например, «Антигона» Софокла и «Антигона» Ж. Ануя — при том, что мифотворец, первым назвавший имя Антигоны, нам неизвестен.

О чем просил Стокер, призывая, согласно ритуалам, языческих богов в ордене Золотой Зари? Уж не о том ли, чтобы ему было явлено единственное знание, то, которое влекло его всю жизнь? Знание, которое возместило бы невеликий литературный дар и позволило бы потрясти читающую публику...

Дракулу Брэм Стокер не родил. Он его вызвал.

Как медиум на спиритическом сеансе. Как шаман. Как вызывает у Гете Фауст духа земли: «Явись, явись мне, я всем сердцем твой. Пусть я умру, явись передо мной!»

Роман был опубликован в 1897 г., но замысел возник почти на десять лет раньше, причем возник именно как мистическое озарение: по воспоминанию писателя, ему приснился сон, в котором он увидел старика, встающего из гроба. Пробудившись, Стокер немедленно делает наброски романа. Прообраз бесконечно далек от окончательной версии, дело в нем происходит не в Трансильвании, а в Штирии (Австрия), но кое-что уже выкристаллизовывается. В частности, герой назван «kont» — по-английски титул графа (иностранного; английский граф именуется «earl»). Но роман все еще неоригинален, вторичен... Схема действий есть, нет имени. И это бесценное имя Стокер находит, случайно (но будем помнить, что в магии всякая случайность закономерна) наткнувшись на книгу «История Молдавии, Трансильвании и Валахии»: ради развлечения он взял ее в библиотеке приморского санатория городка Уитби, который он потом вставит в роман. Происходит второе мистическое озарение: в герое, встающем со страниц этой книги, жестоком валашском князе Цепеше, прозванном «Дракула», он узнает привидевшееся ему чудовище! Это не было рождение ранее не существовавшего персонажа, это было узнавание того, кто был всегда. Знание предварительное, неполное совмещается со знанием полным и окончательным, чтобы в результате, как в фокусе, явить образ того, кто выжидал, затаясь во тьме, чтобы объявиться, когда придет время...

Кто же на самом деле явился Стокеру?

II

Когда и где закладывается судьба народа? Должно быть, еще до рождения, за много столетий до того, как впервые человек назовет себя русским, или французом, или румыном. И как и для человека, для народа в одинаковой степени важны как родители, так и обстоятельства зачатия.

В античные времена территорию Карпато-Дунайского бассейна заселял народ, называвший себя даками. О его обычаях и социальном строе известно не так уж много; однако практически все писавшие о нем древние авторы, в том числе знаменитый Геродот, упоминают об одной особенности, резко выделявшей даков среди всех известных в ту эпоху народов: это бесстрашные воины, они не

бояться смерти. Почему? По-гречески следует краткое, но трудное для понимания объяснение; наиболее распространен перевод «они верят, что бессмертны», однако Мирча Элиаде в своей работе «Даки и волки» доказывает, что следует читать: «...делают себя бессмертными»¹. Существенный момент! Все исследователи сходятся на том, что религия даков (ее высшее божество носило имя Залмоксис) включала в качестве основного пункта веру в бессмертие души и загробное блаженство. Вера была настолько сильна, что даки перед смертью смеялись, чем поражали и устрашали врагов. Военным знаменем был змей с волчьей головой — намек на инициации, требовавшие ритуального перевоплощения в волка, покровительствовавший которым, по мнению того же Элиаде, бог-воин Кандаон.

Наивысшего расцвета страна достигла в правление царя Децебала — эпоха предельного цветения и славы, ставшая временем гибели Великой Дакии. Стремясь сохранить независимость страны, Децебал, этот выдающийся полководец, вступает в борьбу со всемогущим Римом. В первом периоде дакийских войн, начавшихся при императоре Домициане, Децебал одержал победу и даже добился ежегодных выплат дани со стороны римлян. Однако в 101—102 и 105—106 гг. н. э. император Траян, не желая мириться с положением, унижающим гордость Рима, бросает на Дакию войска, численно многократно превышающие силы храбрых варваров. Даки были буквально выкошены под корень, как свидетельствует античный историк Евтропий (IV в.): «Траян, завоевав Дакию, переселил туда со всего римского мира огромное множество людей для возделывания полей и заселения городов, ибо Дакия в результате длительной войны лишилась своего мужского населения». С этих пор даки исчезают с исторической арены, уступив место народу, впоследствии названному румынами, по имени победивших римлян. Христианство, распространившееся на территории Римской империи, подписывает окончательный приговор языческим попыткам сделать себя бессмертными, двигаясь путями Залмоксиса и Кандаона.

Вместе с гибелью дакийского народа неизбежно должны были инвертироваться его священные символы. Змееволк, знамя героев, обнаруживает сходство с традиционным изображением врага рода человеческого. И при этом не перестает быть предметом национальной гордости для обращающихся к своей истории румын!

¹ *Eliade M. Les Daces et les loups. Numen, 1959. — t. 6., fasc. 1.*

То же самое относится к Владу Цепешу, иначе — и теперь уже навсегда — Дракуле.

В современной Румынии Дракула почитается национальным героем: ему поставлены памятники, его правление изучают дети в школах. Его чтут как спасителя страны, защищавшего свою Валахию (средневековое княжество, ядро современной Румынии) от вторжений как с Востока, так и с Запада, и поминают благодаря жестокостям, получившим в новое время почти неправдоподобный вид. Каков был Влад на самом деле, мы никогда не узнаем: история — всего лишь набор затверженных мнений, истина откроется только на Страшном Суде. Не остается ничего другого, как положиться на свидетельства предвзятых современников¹. Биография и личность Влада Бассараба (1431—1476), получившего по отцу, состоявшему в престижном ордене Дракона, имя Дракула, а за свой излюбленный способ казни — прозвище Цепеш, то есть Сажатель-На-Кол, была многократно обыграна румынскими, венгерскими и немецкими литераторами. Не обошел ее вниманием и неизвестный автор «Повести о мунтянском воеводе Дракуле» — древнерусского ужасника, вне сомнений, прочитанного Стокером.

«Бысь в Мунтянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его»².

Утверждения, что Влад получил имя Дракула за свою исключительную лютость, соответствуют истине не больше, чем пассаж из одной энциклопедии, вышедшей на английском языке: «Русский царь Иван Грозный, за свою жестокость прозванный *Васильевич*...» Его отец, тоже Влад, состоял в рыцарском ордене Дракона, в гербе которого извивался дракон, распятый на кресте, что символизировало грядущую победу христианского воинства над мусульманами-турками; отсюда и прозвище Дракул — Дракон. По отцу был назван сын: «*Draculea*» — «сын дракона». Имя, таким образом, родовое... Возможно, даже более родовое, чем казалось нашему герою. Дракон — не что иное, как змееволк, не правда ли? Но не будем забегать вперед...

Подобно герою мифа, Дракула не имеет точной даты рождения: 1428—1431 г., как вычисляют историки, учитывая минимальный

¹ Факты биографии Влада Цепеша излагаются по: *Florescu R., McNally Raymond T. Dracula. A biography of Vlad the Impaler. 1431 — 1476. N. Y., 1973.*

² Древняя русская литература. Хрестоматия. М., 1980. С. 196.

возраст, пригодный для вступления на престол. Путь его к престолу был многотруден. Пятнадцатый век, пышно-гнилостный расцвет эпохи Возрождения, террариум грозных ящеров. Румынские княжества — Трансильвания, где Влад родился, Валахия, которой он правил, и Молдова, у которой он был не прочь при случае оттяпать спорные территории — представляют собой зону интересов Османской Порты. Для мужчин благородного происхождения естественно жить в опасности. Вследствие поражения Валахии в битве под Варной второй сын князя, Влад, должен был идти заложником в турецкий плен. Практика держать при дворе принцев, сыновей правителей вассальных земель, была обычной в Средние века. В Османской империи их обучали турецкому языку, даже знакомили с турецким воинским искусством... Подобное существование продолжалось до тех пор, пока не доходили вести, что отец какого-либо принца восстал против османского владычества. В этом случае все знали, какая участь ожидает сына. Знал и он сам. Снимал с шеи нательный крестик и передавал его христианскому священнику или одному из товарищей-единоверцев — чтобы удобнее было класть голову на плаху и на запачкаты хлынувшей кровью крест.

Надо полагать, случись такое с Владом, он умер бы так, как подобает потомку древнего рода. Самопожертвование было заложено в нем от рождения и поддержано воспитанием. Только из крайнего самопожертвования могут проистекать злодеяния, которые прославили впоследствии его имя.

Были при турецком дворе эпизоды не только трагические, но и комические. Смерть как забава, смерть как развлечение. Сажание провинившегося на кол — способ излюбленный, но не единственный. Как-то раз турецкому султану подарили семена редкостного, невиданного, небывалого овоща — словом, огурца. Чудо было бережно посажено в землю и поручено вниманию десяти садовников. И вот, когда долгожданный плод почти поспел и уже готов был украсить султанский стол своим экзотическим видом, произошло чрезвычайное происшествие: огурец исчез! Кто это сделал? Один из садовников: больше никто не имел доступа к драгоценному растению. Признавайтесь! Не признались. Тогда всех десятерых выстроили в ряд и всем по очереди на глазах у султана вспороли животы. В горячих внутренностях одного еще живого тела обнаружили полупереваренные частицы огурца. Что и требовалось доказать. Судебная экспертиза, могли бы сказать мы. Или судебно-медицинская?

Влад видит, внимает, учится. Он способный ученик.

При поддержке турок, убежденных, что новый правитель, прошедший курс обработки, будет послушен, в 1448 г. молодой Влад вокняжается в Валахии. Не учел местных интриг, не сумел повести себя решительно — одним словом, не удержался на престоле. Бегство в Молдову, затем в Трансильванию, длительное ожидание у границ Румынской земли... Упорство в достижении цели составляет пространство этой судьбы. Так было в молодости, так будет в его главные победоносные годы. Или, как сказано в романе (гл. III): «Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу!»

В 1456 г. состоялось наконец явление Влада валашскому народу и было положено начало его основному правлению, продолжавшемуся шесть лет. Мотыльковый срок? Что ж! Его дедушка Мирча Старый, разгромивший турок при Ровине, правил чуть больше двадцати. Не обязательно занимать трон долгое время, чтобы быть вписанным в историю. А князь Влад вошел в нее. Впечатан навечно! Из книг современных румынских историков узнаем, каковы были полезные плоды Дракулиного правления: централизация власти, создание регулярного войска, отвоеванная в боях независимость, снижение преступности... Но — каким образом?

Султан Мохаммед II, которому непокорная Валахия стояла костью поперек его османского горла, собравшись со всеми своими немалыми силами, набросился на румынское княжество — и произошло мрачное чудо... Помните русскую народную сказку, в которой Василиса, подходя к лесной избушке Бабы-яги, видит насаженные на колья черепа с горящими глазами и не может не ужаснуться? Нечто подобное случилось, должно быть, с султаном, когда, приближаясь к Тырговиште, издали приметил, что стены окружены как бы живым лесом. На кольях корчились, умирали и разлагались сотни людей — представители всех племен, населяющих этот край: валахи, венгры, немцы... По преданию, султан воскликнул: «Что же мы можем сделать с этим человеком?» — и повернул войска обратно в Турцию.

Влад предал огню Трансильванию, мстя за провентерскую политику трансильванских купцов. Примеры правосудия Цепеша еще более душераздирающе-красочны. Среди них — отсечение рук у

нерадивой жены, поленившейся заштопать мужу рубашку, массовое сожжение нищих, чтобы избавить их от всякой нужды на этом свете, изощренные казни воров, прелюбодеек... Страшных анекдотов много, но суть их сводится к одному: зломудрый государь испытывает человека на «соответствие всем возможным идеалам — честности, красноречивости, зажиточности, изяществу и т. д. Причем любое отклонение от идеала наказывается мучительной смертью», как остроумно подметил В. Цымбурский в послесловии к одному из отечественных изданий романа Стокера.

Зломудрый князь ведет себя как существо, наделенное сверхчеловеческой властью карать и миловать. Такое подобает лишь Богу... Но, возможно, права Бога узурпировал некто другой? Бог с маленькой буквы, один из сонма языческих божеств, о которых, собственно, и рассказывают мифы?

III

Мифы не умирают – так же, как их герои. Миф – зеркало, отражавшее облик древнего бога, – может раздробиться, разбиться на множество осколков-легенд, но является новым мифотворец и снова собирает их воедино, чтобы мы увидели... кого? Образ, встающий со страниц романа Стокера, напоминает некое индоевропейское, арийское, праевропейское божество, одинаково родственное и Румынии, и Ирландии. Возможно, оно намного древнее, чем фракийский Кандаон и малоазийский Аполлон в его догомеровском, хтоническом варианте, чьи черты, однако, угадываются в нем... Впрочем, разберем эти черты по порядку.

1. Кровавая инициация

Какова основная функция Дракулы? Ответ на этот вопрос не столь очевиден, как могло бы показаться. Если мы скажем «пить кровь», то тем самым неправомерно расширим диапазон, приобщив Дракулу к несметному сонму персонажей, для которых кровь является пищей или излюбленным лакомством; здесь окажутся и тени Тартара, которым кровь возвращает память, и все языческие божества, которым приносились кровавые жертвы, и... кого здесь только не окажется! Очевидно, необходимо учитывать, какие обстоятельства в данном случае сопутствуют кровососанию, а они достаточно определены: вампир не просто убивает свои жертвы,

высасывая кровь, он *делает их вампирами*, в результате чего они обретают жизнь после смерти и особые свойства.

«Он очень силен — вспомним свидетельство Джонатана, как он отогнал волков от дверей или помог Джонатану сойти с дилижанса. Как видно из рассказов о прибытии загадочной шхуны в Уитби, вампир может и сам превращаться в волка: это он разорвал собаку. Он может принять облик летучей мыши... Он способен напускать вокруг туман... Он может бесконечно уменьшаться... Может, единожды проложив себе путь, проникать куда угодно и свободно выходить откуда угодно, даже если это запертые на замок помещения или герметически запаянные емкости. Он видит в темноте — немалое подспорье в нашем мире, наполовину погруженном во мрак» (гл. XVIII).

Перечисленные способности есть, в общем, не что иное, как присущие идеальному традиционному воину качества: сила, превосходящая силу обычного человека, оборотничество, магические знания¹, необыкновенная быстрота передвижения (один из спутников Джонатана Гаркера вспоминает при виде графа строку из «Леноры» Бюргера «Мертвые скачут быстро»), чрезвычайно острое зрение. Наделение ими происходит путем «ритуальной смерти», воинской инициации. Проходя через смерть, воин получает жизнь. Только «дважды рожденный» по-настоящему рожден, прочие недорождены, мертворождены, вообще не обладают жизнью. Об этом свидетельствует само название вампиров, которое впервые употребляет Брэм Стокер: «undead» — «не-умершие», что отличает их и от живых (существа, по их мнению, годные только как материал для инициации — ну и, разумеется, источник питания...), и от настоящих мертвецов, которые в романе принадлежат иной парадигме: не инициатически-языческой, а христианской.

Фракийский Кандаон и греческий Аполлон сближаются с Дракулой и между собой согласно тому же критерию: их основная функция — посвящение в воины. Кандаон — бог-покровитель юношей, готовящихся к инициации; они образовывали воинские группы, жившие отдельно, и впоследствии составили общность, давшую начало народу даков; название «даки», «дан», вероятно, происходит от имени Кандаон. Причастность Аполлона к инициации выдает его эпитет «власов не стриженный»; как известно, на алтарь Аполлона

¹ См русскую былинку о Вольге

возлагали свои отрезанные волосы юноши, достигшие совершеннолетия. По-видимому, длинные волосы вообще как-то соотносятся с воинственностью, особенно в Карпато-Дунайском регионе¹. Длинные волосы, заплетенные в косы, имел Кандаон, на эту черту указывают современники гето-фракийцев, в частности Овидий, которому довелось видеть гетских воинов:

.....
Голос свиреп, угрюмо лицо — настоящие Марсы!
Ни бороды, ни волос не подстригает рука.

(Скорбные элегии V, 7, 15 — 20, пер. С. Шервинского)²

Но, безотносительно к конкретным деталям обряда, мы можем констатировать, что причастность к инициации является характернейшей чертой образа прото-Дракулы, иррадиирующей, что примечательно, даже на образ исторического Дракулы — Влада Цепеша, каким он предстает в анекдотах XV в. От образа властителя инициаций ему также досталось увлечение алхимией (впрочем, возможно, занятия алхимией с целью получения золота действительно входили в круг увлечений исторического князя Валахии). В подтверждение приводим еще одну цитату из средневековой «Повести о мунтянском воеводе Дракуле»:

«Единою же пусти по всей земли свое веление, да кто стар, иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да придут к нему. И собравшась бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати всех во едину хранину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити довольно; он ж ядше и возвеселишась. Он же сам приде к ним и глагола им: “Что еще требуете?” Они же вси отвещаху: “Ведает, государю, Бог и твое величество, как ты Бог вразуми”. Он же глагола к ним: “Хощете ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?” Они же чающе от него велико нечто и глаголаша вси: “Хощем, государю”. Он же повеле заперети храм и зажечи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к боляром своим: “Да весте, что учиних тако:

¹ Возникает предположение, а не мог ли обряд посвящения в таинства божества, проекциями которого выступают Аполлон и Кандаон, включать в себя полное или частичное скальпирование? Намек на это жестокое действие содержится в обряде возложения волос на жертвенник Аполлона, а также в мифе о наказании Марсия

² Овидий Назон Публий Скорбные элегии, Письма с Понта М. Наука, 1978 С. 77

первое, да не стужают людям и никто ж да не будет нищ в моей земли, но все богатии; второе, свободих их, да не страждут никто ж от них на сем свете от нищеты иль от недуга”»¹.

Безымянный автор, естественно, объясняет действия жестокого князя рациональными причинами. Однако истинный смысл этого эпизода проясняется при помощи ирландской параллели. Речь идет об истории Мэтолча, короля Ирландии, который дал приют великану Лассару Лаесу и его жене Кимиди Кимеинфолл, у которых каждые шесть недель рождался воин в полном вооружении. Примечательно, что эти великаны владели Котлом Возрождения, способным оживлять погибших воинов. Итак, вот эта история в пересказе Дж. Мэттьюза:

«Мэтолч скоро понял ошибку, которую он допустил, позволив этой паре великанов остаться при своем дворе, — они размножались настолько быстро и вели себя настолько грубо, что не прошло и четырех месяцев, как мы обнаруживаем короля Ирландии в попытках избавиться от них. Для этого он построил огромный железный дом, в котором закрыли великанов и затем обложили дом дровами и подожгли, стараясь таким образом избавиться от нежелательных гостей. Эту же тему можно найти в ирландской сказке, называющейся “Борама”... В сказке снова содержатся упоминания о гигантском котле, в который бросили великана и его жену в надежде, что так удастся избавиться от них. Это явно отзвук определенной алхимической практики... При этой практике алхимические Король и Королева помещались в большую купель, которая затем начинала нагреваться. После этого они выходили из купели обновленными и преображенными. Идея, в сущности, та же самая — войти в Котел Возрождения и выйти оттуда обновленным»².

Так вот в чем состоит скрытая основа данного эпизода «Повести о Дракуле»! Дракула вовсе не желает зла нищим, как, впрочем, и другим своим жертвам, с которыми он расправляется различными способами, чаще всего — сажая на кол; он всего лишь желает избавиться их от их жалкого состояния (нищеты, уродства, греховности), пропуская через состояние жестокой смерти, из котла которой они должны появиться на свет заново рожденными и совершенными (совершенными воинами?). Однако бытовой характер древнерус-

¹ Древняя русская литература. Хрестоматия. М., 1980. С. 197 — 198.

² Мэттьюз Дж. Традиция Грааля. М., 1997. С. 23 — 25.

ской повести не позволяет в полной мере проявиться этому смыслу, который более внятен у Брэма Стокера, в его романе, где правитель маленького и заурядного княжества Валахии Влад Цепеш становится властелином вампиров Дракулой.

2. Зооморфные проекции: волк, дракон, летучая мышь

«Граф улыбнулся, обнажив при этом десны и крупные, острые, волчьи зубы» (гл. II).

«Откуда он появился — не знаю: я услышал его голос, прозвучавший повелительно, потом увидел на дороге и его самого. Он простер руки вперед, как бы отстраняя невидимое препятствие, и волки начали медленно отступать» (гл. I).

Из всех животных, в облике которых появляется Дракула или тех, которых он заставляет служить себе, образ волка, пожалуй, самый очевидный и наиболее легко поддающийся трактовке. В мифологических представлениях многих народов Евразии и Северной Америки этот образ преимущественно связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени, причем эта связь особенно актуальна для ариев Балкан и Карпато-Дунайского региона. Многие античные герои-воины носят имена, производные от слова «волк»: Ликург, Ликаон, Ликос, Харпаликос и Харпалике. Способ действия сближает между собой воина и волка: оба — жестокие, лишённые моральных норм, предпочитают нападать стаей и действовать в ночное время; императив благородного фракийца «Да живешь ты войной и грабежом» есть типично «волчий» девиз. Победа над волком/псом есть основной подвиг божества, в результате чего победитель приобретает свойства, способности и облик побежденного; отсюда происходят ритуальные посвящения в его таинства. Молодые воины, как уже упоминалось выше, живут и действуют, будучи объединены в группы, напоминающие таковые у волчат¹.

Почитание волка входило в культ Кандаона у фракийцев. Эмблемой противника на войне соответственно является овца/баран. Волк режет стадо баранов, что символизирует беспощадность победителя. Интересно, что современный писатель Михаил Садовяну,

¹ *Маразов И.* Мит, ритуал и искусство у траките. София, 1992. С. 23 — 68.

повествуя о бесчинствах Влада Цепеша в Трансильвании, которой он мстил за то, что трансильванцы дали приют претендентам на престол Валахии, использует тот же самый образ:

«El însuși a stat în fruntea pîlcurilor sale de calareși, hotărîndu-le să calce înai semanaturile Bîrsei, apoi sa le dea foc; poruncînd nu abaterea turmelor de pe plaiuri înspre trecatorile muntenești cu spircurile lor desavîrșita, ca și cum toți lupii veacurilor s-ar fi adunat să sugrume oile ciofanilor, lasîndu-le apoi să putrezească fără scop»².

(«Он стал во главе конных отрядов и приказал им сперва растоптать засеянные поля Бырсы, а затем предать их огню; стада не гнали в Валахию через перевалы, а посекали на месте, словно собрались тут волки со всего света и, зарезав овец, оставили их гнить без пользы».)

Связь Аполлона с волком общеизвестна. Не будем останавливаться специально на культе Аполлона Ликейского, где бог приобретал полностью волчий облик; укажем только, что ликоморфность является связующим звеном между Аполлоном и Аресом (учитывая и роль, которая отводилась волку в культе Марса в Риме), так что противопоставление этих двух античных божеств представляется еще менее правомерным. Эти образы не идентичны, однако, вполне вероятно, растут из одного и того же корня, в качестве которого способно выступать реконструируемое нами божество³.

Необходимо обратить внимание на то, что «для всех мифов о волке характерно сближение его с мифологическим псом», что указывает на связь мифологического символа волка с нижним миром, с миром мертвых. До сих пор все, что относилось к нашему гипотетическому богу Карпато-Дунайского региона, могло характеризовать его как типичное божество «средней зоны», по Дюмезилю; однако могучий образ, вырисовывающийся перед нами, одновременно и воинствен, и хтоничен; он связывает между собою мир земной и мир подземный. В этом мнении нас еще более утверждает рассмотрение таких символов, как змей (дракон) и летучая мышь.

Черты змееподобия свойственны Кандаону и Аполлону — первому более явно. У греческого бога оно сохранилось в виде подвига змеборчества (убийство Пифона), что убедительно свидетельствует о предшествующей хтонической природе змеборца, еще со времен Проппа, который сделал следующее заключение: «Не потому ли

² Sadoveanu M. Viața lui Ștefan cel Mare. București, 1954. P. 83.

³ Символом Аполлона был также и баран, что опять напоминает нам о фракийском дуализме воина и его противника.

герой убивает змея, что исторически он сам есть змей?» Подвиг змеборчества, очевидно, был свойствен и Кандаону, чье змееподобие выражается в том, что его ноги покрыты чешуей; ему свойственна асимметрия тела, в частности, он одноног, а одноноготь или хромота указывает на происхождение персонажа от хтонического змея. Это воспоминание, совмещающее черты нижней и средней зон в одном лице героя-воина, сохранилось в героическом (войницком) эпосе румынского народа; так, ср. в описании сбруи коня змеборца Йована Йоргована:

...А седло у него —
Голова змеиная,
А уздечка —
Два змеечка:
Зубами впились,
Хвостами сплелись,
А подпруги —
Две гадюки:
Он словил их
Да скрутил их.

*(«Йован Йоргован, река Черна и змей»,
пер. В. Тихомирова¹)*

См. также по этому вопросу мнение В. М. Гацака, сближающего образ Йована Йоргована с образом нартского богатыря Батрадз², грозного воина и в бою, и вне боя³, который соотносится с Индрой примерно так же, как реконструируемое нами божество соотносится с Кандаоном.

Дракула открыто хтоничен и уподоблен змею. Это выражается как в его имени, означающем «сын дракона», так и в его *modus operandi* и многочисленных описаниях Стокера, подобных нижеприведенному (гл. III):

«Но мое любопытство быстро перешло в чувство отвращения и страха — я увидел, как он медленно вылез из окна и пополз по стене

¹ Румынская народная поэзия: баллады, героический эпос. М., 1987. С. 48.

² Гацак В. М. Восточнороманский героический (войницкий) эпос. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1976. С. 9 — 10.

³ Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990. С. 14.

над ужасной пропастью, его плащ развевался, подобно огромным крылам.

Я не поверил своим глазам, подумал было, может, это игра лунного света или причудливое отражение теней, взгляделся внимательно — и сомнения исчезли. Я ясно видел, как его пальцы и носки ботинок нащупывали зазоры между камнями, из которых с течением времени выветрилась штукатурка; карабкаясь по выступам и неровностям, граф, как ящерица, быстро спускался по стене.

Обозначение соединения средней и нижней зон путем соединения мифологических символов волка и змея может расцениваться как древнейшая тайна Карпато-Дунайского региона. Чудовище, представляющее собою дракона с головой волка, по всей вероятности, изначально олицетворяло того, чьим повторением спустя века стал граф Дракула — истинный змееволк, в одном лице — воин и властитель нижнего мира.

Особенный интерес представляет символ, ставший общераспространенным знаком вампира, — летучая мышь. Чтобы дать ему удовлетворительную трактовку, мы предпочитаем начать с обыкновенной мыши — образ, который поначалу также широко использовался в произведениях жанра ужасов, посвященных этой теме; так, в фильме «Носферату» эти грызуны омерзительно копошатся в ящиках, наполненных землей, которые служат жилищем вампира¹. Логическое объяснение в данном случае не замедлит себя ждать: вампир Носферату (граф Орлок) несет с собой чуму, чумные бактерии передают при укусе блохи, паразитирующие на грызунах, в том числе мышках и крысах. Но указанные паразиты обитают также на тушканчиках, сусликах и хомяках — хомяки не фигурируют в произведениях жанра ужасов и не кажутся нам зловещими, следовательно, дело не в блохах. Учитывая вышесказанное, предпочитаем выдвинуть более основательный довод.

В действительности мышь является, несомненно, хтоническим животным. Убедительно показано, что мифологическое сознание идентифицирует антагониста с мышью. Не случайно в «Батрахомиахии», античной пародии на «Илиаду», лягушки занимают место олимпийцев, а мыши — гигантов. Подобно гигантам, мыши земнородны, т. е. выступают в качестве хтонических воплощений сил хаоса. Семантически и этимологически мышь в древнегрече-

¹ Caranfil T F W Murnau București, 1968 P 9 — 11

ском языке тождественна земле, может рассматриваться как мифический первичный материал космоса. Кроме того, в реликтовых языках на Балканах основа «arğa» (e-) означала «мышь», «мышинная нора» и употреблялась в значении специализированного помещения (баня, ниша в церкви, вход в пещеру и др.), что напоминает нам, с одной стороны, об инициации (учитывая толкование, данное символу пещеры М. Элиаде в работе «Залмоксис: исчезнувший бог»), с другой стороны, о входе в логово хтонического чудовища — дракона. Эта параллель правомерна. Известно, что у фракийцев, обитавших на р. Стримон, роль ритуальной строительной жертвы играла мышь¹, что также может объясняться близостью между драконом и мышью: путем победы над антагонистом змееборец создает космос, следовательно, тело антагониста приносится в жертву и ложится в основание при любой постройке.

Таким образом, летучая мышь есть, в некотором смысле, логическое завершение образа обыкновенной мыши. Она — более мышь, нежели собственно мышь: она летает во мраке, принадлежа силам нижнего мира, подобно дракону, у нее кожистые крылья, как у дракона.

3. Смерть, чума и вампиры

Указанная связь с нижним миром призвана также обеспечить реконструируемому божеству роль властителя смерти — причем как эпизодической, так и (особенно) — массовой: война и эпидемии. Эта роль отчетливо вырисовывается в случае Кандаона, которого принято отождествлять с «дунайским (иначе «фракийским») всадником» Хэросом, или Хэроном (He'ros); скульптурные изображения этого божества в виде юноши в развевающемся плаще и с копьем верхом на коне обнаруживаются в изобилии в областях, прилегающих к Дунаю, на территории древних Мезии и Дакии, актуализируясь в период *Dacia Romana*. В настоящее время общепризнанной точкой зрения может считаться взгляд на него как на бога войны и вместе с тем проводника душ в загробное царство, этимологически «Хэрос» близок к греческому Гермесу. Губительные стрелы Аполлона приносят смерть старикам, иногда поражают без всякого повода; вместе с сестрой он убивает детей Ниобы.

¹ Crișan J. H. Spiritualitatea geto-dacilor București, 1986 P 63 — 66

Ненасытным божеством чумы выступает Носферату в фильме Мурнау¹, напоминая Аполлона в «Илиаде», насылающего моровую язву на лагерь ахейцев:

.....
Так вопиял он, моляся; и внял Аполлон сребролукий:
.....

Быстро с Олимпа вершин устремился, пышущий гневом,
Лук за плечами неся и колчан, отовсюду закрытый;
Громко крылатые стрелы, биясь за плечами, звучали
В шествии гневного бога: он шествовал, ночи подобный,
Сев наконец пред судами, пернатую быструю мечет;
Звон поразительный издал серебряный лук стреловержца.
В самом начале на месков напал он и псов празднобродных;
После постиг и народ, смертоносными прыща стрелами;
Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

(«Илиада», I, 43 — 53²)

Функция инициации отступает на второй план перед масштабами бедствия. Однако от этого она не перестает существовать. Гипотетическое арийское божество — не только губитель, он еще и целитель. Владение врачебными познаниями присуще Кандаону: все военные герои обыкновенно специалисты по лечению, а сама воинская инициация включала в себя проверку медицинских познаний. Аполлон — врач, защитник от зла и болезней, отец врачевателя Асклепия. Двудеиность губителя/целителя есть не что иное, как двусмысленность инициации, которая одновременно и смерть, и оживление, и всегда зиждется на знании о смерти; только тот, кто убивает, способен исцелять, и наоборот.

Посвящение в вампиры имеет изначально отрицательную окраску. Однако в романе Стокера (гл. XXII) содержится намек на иную возможность, пространство другого мифа, в котором Дракула был бы не губителем, а целителем, избавляющим от заразных болезней:

«Ведь он может смеяться над смертью, ему ничем эпидемии, от которых вымирают целые народы. О, если бы он был от Бога, а не от дьявола, каким бы мощным источником добра стал он для нас».

¹ *Bouvier M., Leutrat J. L. Nosferatu. P., 1981. P. 361.*

² *Гомер. Илиада. Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. М., 1993. С. 16.*

4. Между солнцем и луной

Аполлон — солнечный бог, вампиры, очевидно, избегают солнца, предпочитая действовать под покровом ночи, в особенности озаренной луной. Как нам выбраться из этого противоречия? Противоречие, в действительности, мнимое. Как указывает А. Ф. Лосев, «...ни один древний текст не свидетельствует нам об Аполлоне как о божестве Солнце. То, что широкая публика, а в значительной мере также и наука отождествляет Аполлона и Солнце, явилось результатом указаний на это в поздней античной литературе. Классической греческой литературе это отождествление чуждо»¹.

Но даже если бы солнечность была изначально присуща нашему персонажу, ничто не меняется так легко, как соотносимость какого-либо божества со светилом, солярность инвертируется чаще, нежели половая принадлежность, а на Карпатах всегда любили игры с тем и с другим; отсюда эти их женоподобные красавцы Фэт-Фрумасы и мужественные охотницы Косынзяны, чья очевидная андрогинность уравнивается только их вступлением в брак. Связь со светилами, очевидно, имела место, в особенности если учесть огненный (солнечный?) взгляд Кандаона, что сближает его с Индрой, однако этот признак не относится к числу главных.

Как показывает материал археологических исследований Г. Б. Федорова, существует тип изображения фракийского всадника со спутником, которым является иногда его близнец, иногда женщина, что расценивается как изображение солнца и луны², хотя данная гипотеза не получила достаточного обоснования.

5. Дракула и святой Георгий

Зачастую языческие боги того или иного народа с принятием христианства переводились в разряд нечистой силы. Православные народы оказались более милостивы к побежденным: так, у румын богиня Диана перевоплотилась в любимую героиню сказок Иляну Косынзяну, или Сынзяну (от искаж. лат. Sancta Diana; имя «Ileana» = «Elena» соответствует лунной природе богини); у русских функции некоторых языческих божеств передались православным святым, как это произошло со святым Власием, ставшим покровителем ско-

¹ Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 339.

² Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 151.

та вместо Велеса. Есть основания утверждать, что преемственность такого рода можно проследить между реконструируемым арийским божеством и святым Георгием, что имеет непосредственное отношение к нашей теме. Не случайно святого Георгия считал своим небесным покровителем исторический Влад Цепеш, не случайно изображение этого святого красовалось на дверях любимого Цепешем Снаговского монастыря, ставшего местом смерти валашского господаря. Согласно Стокеру (гл. I), в ночь на святого Георгия справляют свой праздник вампиры, главный среди которых — граф Дракула: «Канун святого Георгия. Неужели вам не известно, что сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле?»

Традиционная византийская иконография святого Георгия — на коне, в развевающемся за плечами плаще, с копьем — близко напоминает изображение дунайского всадника. Функция змееборчества, несомненно, присуща ему, до такой степени, что тема дракоборчества вытесняет все другие мотивы его иконографии и ложится в основу многочисленных произведений искусства. Он сам воин и покровительствует воинам. Он повелевает волкам; иногда называется «волчьим пастухом»: его стадо — это волки. Вот какую пословицу, относящуюся к святому Георгию, приводит В. Скуратовский:

«Що у вовка на зубах, те йому Егорій дав»¹.

Кроме того, он сообщает о некоторых обычаях празднования Дня святого Георгия. Согласно гуцульским поверьям, святой Юрий был покровителем не только домашних животных, но и волков. Гуцулы верили, что он ездит по полю верхом на белом коне и принимает под свою опеку животных, которых впервые выгнали пастись. При этом говорили:

«Святий Ягорій Побідоносець їхав на Осіянській горі на червоному коні звирив-вовків збирати — не ходіть мого стада поїдати»².

Власть над миром мертвых присуща осетинской проекции образа святого Георгия — Уастырджи. Вот эпизод из нартского эпоса: братья Дзерассы погибли, и одна она не в силах похоронить их. «В это время Уастырджи — могучий дух на трехногом коне — с

¹ Скуратівський В. Місяцелік: Укр. нар. календар. К., 1992. С. 48 — 49. Подчеркнем, что речь идет о праздновании Дня св. Георгия у гуцулов — своеобразного малого народа Карпат, сохранившем в облике, быту и поверьях черты сходства с некогда обитавшими здесь даками.

² Там же.

борзой собакой своей опустился с небес на землю». Дзерасса обещает Уастырджи стать его женой, если он поможет похоронить ее братьев, но обещания не сдерживает и уходит от него к владыке вод Донбеттыру. Уастырджи гневается:

«— Подожди же, беда твоему очагу! — сказал Уастырджи. — В этом мире мне тебя не поймать, но куда ты денешься от меня в Стране мертвых?»

Приходит время, и Дзерасса, подчиняясь закону всего живого, умирает. Перед смертью она наказывает сыновьям ночью охранять ее могилу. Нерадивому сыну Хамыцу скоро наскучило нести эту вахту, тем более что он не верит, будто кто-то может покушаться на покойницу.

«Но только отдалился он от могилы, как склеп ярко осветился и вошел туда Уастырджи. Ударил он Дзерассу своей волшебной войлочной плетью. Ожила Дзерасса и стала в семь раз лучше, чем была при жизни. А уходя, Уастырджи снова ударил ее своей волшебной плетью, и жизнь снова покинула тело Дзерассы»¹.

Этот сюжет интересен тем, что выглядит инвертированной копией ситуации «Граф Дракула и его жертва»: потусторонний насильник не подвергает героиню смерти, пусть даже двусмысленной смерти, служащей превращению в вампира, — напротив, он ее оживляет².

Вот таков, в своих древних основах, образ предшественника графа Дракулы: соединяющий несоединимое, карающий и защищающий, привлекательный и отталкивающий, абсолютно аморальный... Миф вообще аморален; он отнюдь не призван делать человека лучше и добрее или обосновывать нравственные устои, поскольку понятия «черное — белое», «добро — зло» каждый миф устанавливает сам для себя, истинный же его смысл лежит за пределами сюжета.

IV

Однако для викторианца Брэма Стокера мораль священна. Каковы бы ни были его оккультные увлечения, добро для него есть

¹ Сказания о нартах. Осетинский эпос. М., 1978. С. 64.

² Любопытным травестированием того же мотива, прямо-таки в соответствии с юнговским «коллективным бессознательным», представляется бред больной шизофренией (собств. набл.), которая уверяла, что ее ежедневно насилует мертвый Сталин, входящий в ее комнату через окно. В данной ситуации Сталин прямо напоминает вампира и опосредованно — как осетин — Уастырджи.

Добро, и зло есть Зло, и языческие божества, проецирующиеся на образ не-умершего трансильванского аристократа, суть бесы. После Христа инициация, наделяющая человека бессмертием, может быть только негативной. Вампир бежит от креста, освященная облатка выжигает клеймо на лбу запятнанной его нечистым прикосновением женщины, подтверждая: нет общего между Богом и мифом. Стокер, наделивший своим именем (Абрахам) главного вампирборца Ван Хелсинга, хотел выступить на стороне Бога — и, следуя мифотворческому таланту, оказался на стороне мифа: викторианцы-вампиры написаны плохо, схематично, Дракула — объемно, подробно, конкретно, так, что стал для миллионов людей реальнее, чем сама книга и ее автор, которому не оставалось ничего иного, как удалиться на покой, ибо озарение, посетившее его, случается только раз в жизни и никогда уже не повторяется...

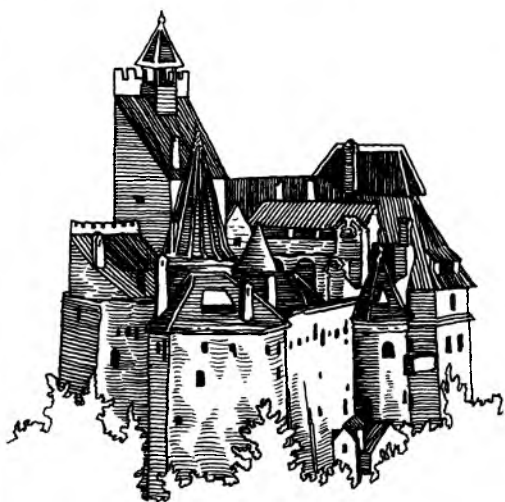
Впоследствии Стокер опубликовал и другие свои произведения, художественные (среди них экранизированный роман «Логово Белого червя») и документальные (в частности, «Личные воспоминания о Генри Ирвинге»), но ни одно из них не превзойдет славой «Дракулу». В апреле 1912 года он тихо угас в своем спокойном жилище в центре Лондона, на Сент-Джордж-сквер (объяснить ли совпадением то, что эта улица носит имя святого Георгия?). До немецкого фильма «Носферату», первого из серии вампирских кинохроник, оставалось десять лет. Персонаж, выпущенный на волю, только начинал победоносное шествие по всему миру...

Следующий шаг мифологизации — превращение мифотворца в персонажа созданного им мифа. Стокер разделил участь Влада Цепеша, посмертно выступив в роли персонажа нескольких литературных произведений и фильмов ужасов. В романе Брайана Олдиса «Dracula Unbound» Стокер лично встречается с Дракулой, в фантастическом американском сериале «Пятница, 13-е» он фигурирует в эпизоде под названием: «Невеста барона (история вампира)».

Интересно: встретил ли Брэм Стокер в загробных странствиях героя своего романа? И если да, то что они сказали друг другу? Но взоры смертных туда не достягают... А для нас они и по сей день бродят, то отдаляясь, то сближаясь, по туманным полям литературы ужаса, на которых в избытке произрастают асфодели древнего воображения.

Ф. Морозова

Р. ФЛОРЕСКУ и Р. Т. МАКНЕЛЛИ
В ПОИСКАХ ДРАКУЛЫ

Перевод избранных глав книги осуществлен по изданию: *Florescu R. and McNally R. In Search of Dracula: A True History of Dracula and Vampire Legends*. N. Y., 1973.

В ПОИСКАХ ДРАКУЛЫ

(Подлинная история Дракулы и предания о вампирах)

РЕАЛЬНЫЙ ДРАКУЛА

(1430/1431—1462)

ТИРАН ИЗ ТРАНСИЛЬВАНИИ

Брэм Стокер совершенно правомерно сделал местом действия своей книги романтическую Трансильванию, хотя подлинный замок Дракулы находится приблизительно в 140 милях от вымышленного. Дракула, как удалось установить, родился в 1430 или 1431 г. в Трансильвании, в 65 милях к югу от Бистрицы, в старинном немецком городке — крепости Шассбург (по-румынски Сигишоара), — милом средневековом саксонском городке. На доме, в котором он родился, установлена мемориальная табличка в честь его отца — Дракула. Это типичный немецкий бюргерский дом — в ряду таких же домов XV—XVI в. Отличаясь друг от друга лишь окраской, они образуют узкую, мощенную булыжником улицу, которая ведет к старой крепости, возвышающейся над городом.

Дракула провел здесь детство и юность, довольно часто совершая поездки в немецкие земли. Вероятно, еще совсем младенцем, в феврале 1431 г., его возили в Нюрнберг, где при дворе императора Священной Римской империи Сигизмунда Люксембургского его отец был посвящен в рыцари полувоенного, монашеско-рыцарского ордена Дракона. Тогда же в присутствии нескольких бояр из своего княжества Дракул был назначен господарем Валахии и трансильванских округов Алмаш и Фэгэраш. Клятва, принесенная в Нюрнберге, определяла будущее всех Дракул. Членство в ордене Дракона обязывало их к борьбе как с турками, так и за ненадежный валахский трон. Тогда его занимал Александру Алдя, приходившийся Дракулу братом по отцу. Началась длительная борьба между конку-

рирующими членами правящей семьи, ознаменованная многочисленными преступлениями, столь характерными для XV в., особенно в Восточной Европе.

Орден Дракона придавал еще большую законность притязаниям Дракула на титул господаря, в связи с чем зимой 1436—1437 гг. Александру Алдя был изгнан из Валахии, центр которой располагался в ту пору близко к трансильванской границе, откуда Дракул в основном и получал поддержку. Трансильвания исторически была всегда связана с Молдавским и Валашским княжествами. После того как римские легионы покинули в 271 г. сравнительно недавно завоеванную ими провинцию Дакию, основная часть романизированного населения, укрываясь от набегов на трансильванское плато с востока, ушла в горы. Таким образом романизированные даки сумели избежать нашествий готов, аваров, гуннов, гепидов, славян, венгров, болгар. Эти племена наверняка губительно воздействовали бы на латинский язык и обычаи даков, если бы те остались на плато. Лишь когда набеги прекратились, они спустились на равнину, сохраняя, однако, на всякий случай свои горные укрытия. Каждое поколение румын начиная с XIII в. постепенно все дальше продвигалось по равнине. Наконец они дошли до Дуная и Черного моря на юге, Прута и Днестра — на северо-востоке, иными словами, до границ современной Румынии, а также, частично, до пределов древней Дакии. Для Валахии обращение за помощью к Трансильвании было обычным явлением, а выбор первых столиц княжества — свидетельством осторожности после выхода из горных убежищ. Первая столица в начале XIV в. — Кымпулунг — находилась у подножия Южных Карпат.

Столица Дракулы — Тырговиште — расположена уже ниже на равнине, но из нее легко попасть в горы. Сам выбор местоположения столицы знаменует собою период возрастающего национального самоутверждения. Бухарест, современная столица Румынии, был укреплен Дракулой в 1459 г. как бастион против турок на реке Дымбовице. Перенесение столицы ближе к Дунаю свидетельствовало о том, что, несмотря на турецкое иго, страна набирала силу в процессе покорения восточных земель. Младший брат Дракулы — Раду Красивый, наследовавший его трон, предпочитал жить в Бухаресте по иным причинам — он хотел быть поближе к турецким хозяевам. Ходили слухи, что Раду после длительного пребывания в турецкой столице были безразличны радости турецкого гарема.

Сплетничали также, в основном из-за его красоты, и о том, что он был одним из длинноволосых мальчиков султана Мехмеда. Как бы то ни было, правление Раду ознаменовало собою завершение героического этапа в истории Валахии и начало вынужденной капитуляции перед султаном: взаимоотношения между Валахией и Константинополем определялись договором, в котором местные князья объявлялись вассалами султана.

Прочно укрепившись на валашском троне, Дракул, хитрый политик, почувал, что чаша весов зыбкого политического равновесия быстро склоняется в сторону властолюбивого турецкого султана Мурада II¹. Турки уже покорили сербов и болгар, султан готовился к разгрому греков. В этой ситуации Дракул начал плести первую из своих многочисленных интриг, вероломно заключив союз с турками против прежнего покровителя — императора Священной Римской империи. В 1438 г. Дракул с сыновьями Мирчей и Дракулой сопровождали султана Мурада II в одном из его частых набегов на Трансильванию и по турецкому обычаю убивали, грабили, сжигали все на своем пути. Впервые Дракулы, называвшие себе «трансильванцами», пришли на родную землю как захватчики. Но трансильванские города, хотя и испытали на себе всю жестокость их набегов и грабежей, все-таки предпочитали земляков, а не турок. Именно Дракулам предпочли сдаться жители Себеша при условии, что им будет гарантирована жизнь и их не угонят в турецкий плен. Некогда поклявшийся защищать христиан Дракул смог по крайней мере в этом случае спасти город от полного уничтожения.

Повторение подобных инцидентов заставило турок усомниться в преданности румынского князя. Поэтому летом 1444 г. султан Мурад хитростью заманил Дракула на встречу. Не подозревая об опасности, Дракул с сыновьями, средним — Дракулой и младшим — Раду, переправился через Дунай, где их сразу схватили, заковали в кандалы и привезли к султану, обвинившему их в предательстве. Ради спасения жизни и сохранения трона Дракул присягнул на верность Мураду и вернулся на родину, оставив сыновей как заложников. Мальчики были высланы в Малую Азию — в Эгригос, где находились под домашним арестом. Дракула был пленником

¹ Мурад II правил в 1421 — 1451 гг., на короткое время, в 1444—1446 гг., уступив власть своему сыну Мехмеду II, основной период правления которого 1451 — 1454 гг.

турок до 1448 г., Раду — гораздо дольше и, обладая слабым характером, легче поддался турецкому влиянию. В результате, возможно из-за своей красоты, он стал фаворитом султана, со временем официальным турецким кандидатом на валашский трон, а в конце концов — преемником брата.

Дракула в эти опасные годы, когда на карту была поставлена его жизнь, зависевшая от политики родного отца, держался совершенно по-иному. Годы турецкого плена, по сути, заложили основу его извращенного характера. Помимо всего прочего, в эти годы Дракула в совершенстве изучил турецкий язык, познал радости гарема (условия домашнего ареста были не слишком строгими) и превосходно усвоил уроки византийской изворотливости, унаследованной турками от греков.

С тех пор Дракула невысоко ценил человеческую жизнь. В конце концов, его собственной жизни тоже постоянно грозила опасность. А мораль в государственной политике, как он понял и без Макиавелли, вообще несущественна.

По рассказам турецких надсмотрщиков, Дракула, в отличие от своего необычайно послушного брата, был непокорен, хитер, коварен, груб; турки его побаивались. Столь свойственные ему подозрительность и мстительность также сформировались, видимо, в результате того, что он с отцом и братом попал в западню. Более никогда он не доверится ни друзьям, ни врагам. Дракула не щадил никого, кто когда-либо перечил или вредил ему, независимо от социального положения человека. Посланник султана, в свое время заманивший в ловушку Дракула и его сыновей, в 1462 г. попал в плен к Дракуле и после жестоких пыток был казнен, несмотря на обещание валашского правителя отпустить турка с охранной грамотой.

В декабре 1447 г. Дракул стал жертвой собственных интриг — его убили оруженосцы Яноша Хуньяди, рассерженного заигрываниями Дракула с турками. Протурецкая линия Дракула объяснялась необходимостью спасти сыновей от неизбежных репрессий и вероятной смерти. Дракула убили на болотах Балтень, на территории древнего, до сих пор существующего монастыря. Вскоре убили и старшего брата Дракулы — Мирчу, в свое время доблестно участвовавшего в походе Хуньяди против турок. Существовали и другие, более личные причины для инспирированных Хуньяди убийств. Вкратце они сводятся к следующему.

Находясь в плену в Адрианополе¹, Дракул поклялся, что никогда не выступит с оружием в руках против турок, тем самым нарушив орденскую клятву, данную при посвящении в рыцари Дракона. Благополучно вернувшись на княжеский трон, Дракул осторожно, нерешительно, возобновив клятву верности Священной Римской империи, включился в антитурецкую борьбу. От турецкой клятвы его освободил Папа Римский, и тогда Дракул смог участвовать в балканских походах против султана Мурада, организуемых Яношем Хуньяди. Нерешительность его была вполне понятна: он рисковал жизнью своих сыновей — Дракулы и Раду. И в самом деле удивительно, что турки не обезглавили их.

Старший сын Дракулы, Мирча, принял активное участие в длительном антитурецком походе 1443 г., оказавшемся очень удачным: была взята крепость Джурджу, построенная еще дедом Дракулы и в свое время дорого обошедшаяся Валахии. Однако поход на Варну 1444 г., подготовленный с большим размахом, завершился провалом. Погибли молодой, неопытный король Польши Владислав и папский посол Чезарини, а Хуньяди, говорят, удалось бежать лишь потому, что валахи, хорошо знавшие местность, помогли ему спастись. Дракул и его сын Мирча считали Хуньяди лично виновным в столь сокрушительном разгроме христиан. «Султан, — корил валашский господарь, — даже на охоту выходит с более многочисленной свитой, чем двадцать тысяч воинов, выставленных христианской стороной на войну». Военный совет, состоявшийся где-то в Добрудже, счел Хуньяди виновным в поражении христиан и приговорил его, поддавшись уговорам Мирчи, к смертной казни. Но прошлые заслуги Хуньяди, его слава «белого рыцаря» христианства спасли ему жизнь, и Дракул гарантировал ему безопасность при переезде через Трансильванию.

С тех пор Хуньяди глубоко возненавидел все семейство Дракул, особенно Мирчу, и коварно отомстил ему. Валашскую корону Хуньяди вновь передал в более надежные руки претендента из династии Данештов (этот соперничавший с Дракулами род вел свое начало от валашского воеводы Дана I, которому Дракула приходился внука-тым племянником).

Трудно объяснить положение Дракулы после его освобождения из турецкого плена в 1448 г. Известно, что турки, для которых кня-

¹ Адрианополь, в XIV в. завоеванный турками, был столицей Османской империи до 1453 г.

зья Данешты были неприемлемы своей явной близостью венгерскому двору, попытались в 1448 г. закрепить валашский трон за Дракулой, поразившим их своей жестокостью и храбростью, и преуспели — на два месяца. Дракуле было тогда около 20 лет. В страхе перед трансильванскими убийцами своего отца, но в не меньшей мере и перед возвращением к турецким тюремщикам, он бежал в Молдову, самое северное румынское княжество, господарем которого был в ту пору Богдан, чей сын Стефан приходился Дракуле кузеном и стал его близким другом. Резиденция молдавского господаря находилась тогда в старинном городе Сучаве, откуда до сих пор отправляются паломники в расположенные неподалеку знаменитые монастыри; в одном, а может быть, и не в одном из них Дракула и Стефан под началом ученых монахов получили образование по византийскому образцу.

В 1451 г. отец Стефана был коварно и жестоко убит политическими соперниками. Дракуле (вероятно, у него не было другого выбора) пришлось вернуться в Трансильванию на милость Яноша Хуньяди, по воле которого были убиты его отец и брат. Дракула, несомненно, рисковал, хотя к тому времени под давлением турок валашский князь из рода Данештов, Владислав II, стал проводить протурецкую политику и отошел от своих венгерских покровителей. История повторилась, но на этот раз с родом Данештов.

Хуньяди вполне устраивало иметь под рукой послушного князя на случай, если Данешт полностью повернется к туркам. Таким образом, отнюдь не доверие, а взаимная выгода связали Дракулу и Яноша Хуньяди с 1451 по 1456 г., когда Хуньяди умер в Белграде. В эти годы он был не только политическим, но и, что еще важнее, военным наставником Дракулы, преподавшим лучшие по тем временам уроки антитурецкой стратегии. Дракула как верный вассал принял участие во многих походах Хуньяди и быстро стал официальным претендентом на валашский трон. Как и его отец Дракул, он получил округа Фэгэраш и Алмаш. В белградском походе 1456 г., когда Хуньяди, великого христианского полководца, в конце концов победила чума, Дракула не сопровождал своего сюзерена. Как раз в это время ему было наконец дозволено перейти трансильванские горы и прогнать вероломного Данешта с валашского трона.

В 1451 — 1456 гг. Дракула жил в Трансильвании. Покинув фамильный дом в Сигишоаре, он поселился в Сибиу, чтобы быть поближе к валашской границе. Там он и услышал новость, потрясшую

весь христианский мир: пал Константинополь, захваченный турками, умер император Константин Палеолог, при дворе которого Дракула, вполне вероятно, был пажом в 1430 г. Как бы то ни было, Дракулу могло утешать то, что Сибиу считался самым неприступным городом в Трансильвании. Возможно, именно это и повлияло на его решение остаться там. Однако позднее он совершил необъяснимый и алогичный поступок: спустя года четыре после того, как Дракула покинул Сибиу, он вдруг безжалостно напал на городок и его окрестности, среди жителей которых было двадцать тысяч валахов, убил, изувечил, посадил на колья, подверг пыткам десять тысяч своих бывших сограждан и соседей. Грабеж, мародерство были даже ужаснее, чем при турецком набеге в 1438 г.

В 1462 г., под сильным давлением турок, Дракула отдался на милость сына Яноша Хуньяди — Матьяша, обратившись к нему с просьбой предоставить хотя бы надежное убежище. Матьяш, король Венгрии, прежде даже предлагал ему военную помощь, но, когда Дракула прибыл к нему в замок (ныне отреставрированный) в Фэгэраше, король немедленно арестовал его, потом в оковах выслал в Будапешт, а оттуда — в крепость Вышеград, расположенную в 30 километрах вверх по Дунаю. Там Дракула провел двенадцать лет.

Как объяснить неожиданный поступок Матьяша? Очевидно, немцы Сибиу, прослышав о затруднениях Дракулы, сфабриковали три подложных письма от его имени турецкому султану якобы с просьбой о помощи, а потом подстроили так, что слуги венгерского короля их перехватили. Эти письма были опубликованы в издании переписки Папы Пия II. Несомненно, они были поддельными: ни один князь, обращающийся с просьбой об убежище к дружественному монарху, будучи в здравом уме, никогда бы одновременно не попросил у врага военной помощи против этого друга. Это невероятно, даже если учесть пресловутое вероломство Дракулы. Подлог был местью саксов Сибиу за набег на их город два года назад. В результате Дракула не только попал в заточение, но и был предан общественному поношению в немецких политических памфлетах.

Дворец Матьяша стоял на горе над знаменитой излучиной Дуная. Ниже находилась башня Соломона, где под стражей содержались опасные государственные преступники. Но еще в начале своего долгого заключения Дракула каким-то образом попал на глаза сестре Матьяша. Быть может, благодаря вмешательству этой девушки, чье имя не упоминается в анналах семьи Хуньяди, видимо,

из-за связи с Дракулой, а может быть, по иной, неизвестной причине, условия тюремного заключения Дракулы становились все более сносными. Кроме того, под горой были прорыты различные тайные ходы, из которых один, вероятно, вел из тюремной башни в покои княжны.

Первая жена Дракулы умерла; по преданию, она покончила с собой, бросившись с высокой башни замка перед приходом турок в 1462 г. Таким образом, Дракула мог жениться снова. Его женитьба на сестре Матьяша и отречение от православия в конце концов привели к его освобождению и возвращению на валашский трон.

Освободив Дракулу из тюрьмы в 1474 г., Матьяш отвел ему дом в старинном городе Пеште, на противоположном от Буды берегу Дуная. Существует местное предание о жестокой смерти некоего венгерского капитана, тайком проникшего в дом Дракулы, который, обнаружив непрошеного гостя, якобы отрубил ему голову. Это происшествие прошло бы незамеченным, если бы не столь типичный для Дракулы мотив убийства, ставший его манией и проявлявшийся практически во всех обстоятельствах. По преданию, он убил человека не из-за опасности ограбления дома, а потому, что было затронуто его гипертрофированное самолюбие. «Разве можно, — недоуменно восклицал он, — входить в княжеский дом, не будучи официально представленным?!»

Уехав из Пешта, Дракула с женой почти два года провели в Сибиу. Казалось, он помирился с немецкими горожанами, которые теперь ничего не могли поделать с ним из-за его семейных связей с венгерским королем. В центре Сибиу до сих пор сохранился старинный готический собор, строительство которого началось еще до рождения Дракулы.

В соборе похоронен единственный законнорожденный сын Дракулы, известный в истории как Михня Жестокий. У него было не так много возможностей проявить свои дурные наклонности: он правил недолго, значительно меньше своего отца — с апреля 1508 до октября 1509 г. Подобно отцу, он искал в Сибиу убежище и умер, как и все Дракулы, от руки политического соперника. Один из потомков Михни совершил самый серьезный по тем временам проступок (в 1462 г. в нем подозревали и Дракулу): перешел в ислам, поэтому некоторые из его отпрысков носили мусульманские имена.

С именем Дракулы связан еще один трансильванский город — Брашов (по-немецки Кронштадт). Холмы на его окраинах и в окрест-

ностях были усеяны столбами, на которых мучились жертвы Дракулы, разлагавшиеся на солнце и терзаемые карпатскими хищниками. Ныне трудно точно восстановить статистику, но, вполне вероятно, около тридцати тысяч человек было убито в Алмаше утром 24 августа 1460 г. в День святого Варфоломея — больше, чем погибло в Варфоломеевскую ночь в Париже век спустя. Дракула был предельно точен в подсчетах убитых турок, но заведомо туманен, когда его жертвами оказывались саксы или румыны. Варфоломеевская бойня Дракулы осталась вне поля зрения историков (за исключением, пожалуй, современных публицистов), меж тем как парижская резня в Варфоломеевскую ночь сделала Екатерину Медичи объектом постоянного осуждения.

О преступлениях Дракулы, его изощренной жестокости следует сказать отдельно. Сажание на кол — едва ли новый и оригинальный вид пыток — его любимый способ умерщвления человека. Обычно ноги жертвы привязывали к двум лошадям и аккуратно насаживали человека на кол — так, чтобы смерть не наступала мгновенно. Иногда Дракула приказывал своим палачам не заострять, а закруглять концы колов, чтобы жертва не умирала от быстрой потери крови. Мгновенная смерть лишила бы его удовольствия наблюдать агонию своих жертв. Пытка, как правило, длилась несколько часов, иногда — несколько дней. Существовали различные формы обескровливания человека в зависимости от возраста, социального положения или пола. В истории Румынии Дракула по сей день известен как Влад Цепеш (Сажатель-На-Кол), хотя современники называли его Дракулой.

Посаженных на кол располагали обычно концентрическими кругами на окраинах городов, где их все могли видеть. Коля бывали высокие и низкие, в зависимости от социального положения жертвы. Бывало, на кол сажали и вверх ногами; иногда же кол вбивали в сердце или в живот, а гвозди — в голову, увечили конечности, ослепляли, душили, отрезали носы, уши, гениталии, скальпировали, варили заживо, сдирали кожу, оставляя на солнцепеке или под дождем на растерзание диким зверям. Чудовищная изобретательность Дракулы вполне могла послужить источником вдохновения для маркиза де Сада, которому, несомненно, были известны его преступления. В Дракуле можно увидеть и яркого предшественника жестокой реальности так называемого просвещенного XX в. Обычно перед наказанием Дракула требовал признаний, порой дававших человеку

возможность частично или даже полностью избежать наказания. Бывали случаи, когда обреченного на гибель спасала остроумная или лживая фраза.

Исторические баллады повествуют о жертвах Дракулы в основном в больших трансильванских городах — Сибиу, Брашове, в деревнях Серкая и Мика, враждебных крепостях типа Фэгэраш. Зверства Дракулы в Трансильвании пришлось в основном на 1459—1461 гг. Разложившиеся тела на кольях потрясли даже турок, пришедших на Дунай — в Джурджу. Даже жестокому завоевателю Константинополя Мехмеду II стало дурно, когда на окраине валахской столицы Дракулы — Тырговиште он увидел гниющие останки двадцати тысяч пленных, захваченных несколько месяцев назад. Среди них было много турок, возможно, еще больше немцев, встречались также болгары, венгры и румыны, особенно представители высшего социального слоя, посмевшие перечить ему или каким-то образом ставшие поперек дороги обезумевшему тирану.

Самое знаменитое злодеяние Дракулы, случившееся рано утром 2 апреля 1459 г., вершилось в Брашове на небольшом холме, где стояла маленькая церковь Святого Иакова, сожженная тираном. (На одной из наиболее известных местных средневековых гравюр по дереву изображены Дракула и его бояре, пирующие на склоне холма, увенчанного церковью, в то время как слуги отрубают головы и конечности несчастным.) Сохранилось предание о том, что к концу этого апрельского дня тысячи саксов, жителей Брашова, были посажены на колья, кругами расставленные вокруг пирующих. По другому преданию, один из бояр Дракулы зажал нос, видимо, из-за зловония, сопутствовавшего бойне. Дракула со свойственным ему извращенным остроумием немедленно приказал слугам посадить на кол и этого привереда, но более высокий, чтобы боярина во время его агонии не раздражал запах крови и трупов.

Описывая эти ужасы, нельзя не сказать о двух сторонах характера Дракулы. Он был жестоким палачом, впадавшим в набожность, чтобы облегчить совесть, и вместе с тем поразительно современным государственным деятелем националистского толка, способным всегда оправдать свои поступки интересами государства. Ведь жители Брашова и Сибиу были «иностранцами», пытавшимися закрепить монополию на торговлю в румынских княжествах. Кроме того, они плели козни. Ощущая авторитарную власть Дракулы, саксы старались свергнуть его и предоставляли убежище его соперникам

из рода Данештов. Слишком легко объяснить характер и поведение Дракулы его безумием, как это делают некоторые исследователи, ибо даже в самых безумных его поступках прослеживается известная логика.

Хотя Дракула трижды был господарем Валахии и умер в окрестностях основательно укрепленного им Бухареста, но именно Трансильвания — источник, питавший его власть, что, однако, не мешало деспоту устраивать там частые кровавые бои. Более того, замок Дракулы хотя формально и расположен на территории Валахии, но фактически находился у подножия трансильванских гор, а тайный ход под замком вел прямо к снежным пикам гор Фэгэраша. Стокер в своем романе был совершенно прав: Дракула неразрывно связан с романтической Трансильванией.

КНЯЗЬ ВАЛАХИИ

Как бы глубоко ни был Дракула связан с Трансильванией, главное место в его жизни занимает Валахия, самое южное из трех румынских княжеств. Трижды он был его господарем: в 1448 г., затем с 1456 по 1462 г. и еще два месяца в 1476 г. В Валахии находилась и столица Дракулы — Тырговиште — средоточие его власти, официальный центр православия и место многих его злодеяний. Дракула основал многие монастыри в Валахии и неоднократно воевал с турками на ее южной границе, проходящей по Дунаю.

На северной границе Валахии Дракула построил свой замок, приобретший дурную славу. На притоке Дуная, Дымбовице, он возвел еще одну крепость, ставшую в 1659 г. городом Бухарестом. На подступах к нему Дракула и был убит, похоронили его на острове в монастыре Снагов, в двадцати милях к северу от города. В Валахии родились предания о Дракуле, по существу подтверждающие немецкие, русские, венгерские и византийские источники.

В Музее военной истории в Бухаресте есть несколько экспонатов времен Дракулы, а в парке при музее реконструирован его знаменитый замок. Документ, в котором впервые упоминается город, хранится в румынской Академии. Единственный же портрет Дракулы в натуральную величину находится в замке Амбрас в окрестностях Инсбрука. Фердинанд II, эрцгерцог Тироля, владевший замком в XVII в., имел извращенную склонность к коллекционированию портретов злодеев и уродцев. Его эмиссары рыскали по Европе в поис-

ках таковых. В замке под эту коллекцию был отведен особый зал. Основным критерий, которым эрцгерцог руководствовался при создании своей галереи, — не степень известности этих людей, а их физическая реальность. Если эти люди были живы, он пытался пригласить их, хоть на время, к своему двору, где с них сразу писали портреты. Несколько великанов, известный карлик, человек-волк с Канарских островов по нескольку лет жили в замке Амбрас. Когда этот вырождающийся Габсбург начал собирать свою коллекцию, Дракула уже давно был мертв, но в германоязычной Европе благодаря памфлетам и преданиям трансильванских саксов он по-прежнему пользовался широкой известностью как организатор массовых казней. Неизвестно, как, где и кем написан портрет Дракулы, попавший в коллекцию Фердинанда. Возможно, его вывез из Валахии один из потомков Дракулы, бежавший из страны в XVI в.; после его смерти портрет мог попасть к иезуитам, которые, зная о необычных пристрастиях Фердинанда, передали его эрцгерцогу.

Интересная, хотя и страшноватая галерея злодеев и монстров в замке Амбрас сохранилась почти полностью. Портрет Дракулы висит между портретами человека-волка Гонсалва с Канарских островов и двух его детей, полностью обросших волосами. Левее от Дракулы — портрет Грегора Бакси, венгерского придворного, которому во время поединка пронзили один глаз, после чего другой его глаз налился кровью и деформировался. Бакси прожил в таком виде один год, за это время был написан портрет, на котором он изображен с колом, торчащим из головы с двух сторон, — этот случай вошел в историю медицины. Довольно странное совпадение: портрет пронзенного колом человека висит в непосредственной близости от Дракулы, глаза которого слегка скошены влево — как будто он с удовлетворением взирает на ужасное зрелище. Посещение замка Амбрас, особенно «Галереи Франкенштейна», как называют ее современные экскурсоводы, не оставляет равнодушными даже самых хладнокровных людей.

В замке Аниф, около Зальцбурга, сохранился еще один портрет Дракулы, найденный в конце прошлого века при довольно необычных обстоятельствах. Член семьи Флореску, Дмитрий, по профессии юрист, проезжал через Зальцбург в 1885 г. и случайно был приглашен на обед графом Арко-Штеппергом. После обеда граф показал гостю свою знаменитую коллекцию восточной живописи, расположенную в просторной галерее замка. К своему великому

удивлению, Дмитрий увидел там портрет Дракулы, которого сразу узнал — всего несколько дней назад он видел его портрет в замке Амбрас. Граф не знал, как портрет Дракулы попал в коллекцию его семьи. Род Арко-Штеппергов пресекся, и при разделе наследства коллекция была рассеяна.

Сохранилось еще два портрета Дракулы: один, в Венской художественной галерее, — миниатюра, написанная маслом; возможно, это копия портрета в Амбрасе; другой был найден случайно летом 1970 г. У. Питерсом, американским ученым немецкого происхождения, изучающим историю Румынии. Картина называется «Мученичество святого Андрея», на ней изображен Дракула, наслаждающийся зрелищем пыток; для австрийского художника XV в. этот человек — символ зла, а распятие на кресте можно считать одной из разновидностей любимой пытки Дракулы — сажания на кол.

Несколько портретов Дракулы сохранилось и на примитивных гравюрах в немецких памфлетах, разоблачающих валашского тирана. Вопрос о правдивости этих портретов остается открытым — немецкие художники старались шаржировать облик Дракулы. Присутствие его портретов в германоязычной Европе и их отсутствие в Румынии — парадокс; видимо, в свое время Дракула был лучше известен в Западной и Центральной Европе, чем на родине. Благодаря популярности романа Брэма Стокера за пределами Восточной Европы эта ситуация сохраняется и поныне.

В Валахии Дракула, конечно, увековечен в народных балладах и сказках, особенно в окрестных его замку деревнях. Там своего сурового господаря помнят очень хорошо. Несмотря на неизбежные искажения, возникающие с течением времени, транслитерации и элементы вымысла, вносимые крестьянами, фольклор играет важную роль в воссоздании прошлого. В румынском фольклоре Дракула, в отличие от явно предвзятых германской, русской и турецкой традиций, не предстает как абсолютный злодей. Трансильванские немцы были на него обижены за репрессии против них, русские осуждали за отречение от православия, турки — за его борьбу против них. В румынском фольклоре делались попытки объяснить особенности жестокого характера Дракулы. Его стилизовали «под Робина Гуда»: изображали другом бедноты, жестоко обходившимся лишь с богачами. Такой крестьянский взгляд на поступки Дракулы нельзя считать объективным, хоть он и сохра-

нился до наших дней. Дракула действительно был храбрым воином. Румынское население гордилось его ратными подвигами. Он на самом деле был национальным героем, успешно защищавшим Румынию от турок. Уже одна эта цель — спасение отечества от мусульманского нашествия — оправдывала в глазах коренного населения репрессии против бояр, чьи интриги ослабляли Валахию. В валашских деревнях неподалеку от замка Дракулы до сих пор живы люди, считающие себя потомками тех воинов, что бились вместе с Дракулой против турок, защищали его в тяжелый час, выводили через трансильванские горы в безопасные укрытия.

В некотором смысле вся Валахия (48 тысяч квадратных миль) — от гор до Дуная, от плоскогорья до Черного моря — это территория Дракулы. Опорные ее центры — горный замок господаря, его столица Тырговиште, духовная епархия в Куртя-де-Арджеш, крепость Бухарест, его могила в Снагове. Не меньшее значение имеют и Тыргушор (около Плоешти), самый знаменитый из основанных Дракулой монастырей; Комана, возведенный близ Дуная в благодарность за победу над турками; небольшая пещера Джетатень на реке Дымбовица, где Дракула укрывался от турок в 1462 г.; и, наконец, величественный, уединенный монастырь Тисмана, Дракула был его покровителем и частым посетителем. Следует упомянуть также Брэилу, самый крупный коммерческий центр страны; крепость Джурджу на Дунае, захваченную Дракулой во время похода против турок; Килию, расположенную чуть выше устья реки стратегическую крепость, которой Дракула так дорожил, что не отдал даже своему двоюродному брату Стефану Молдавскому; и неподалеку построенный дедом Дракулы на Черном море старинный укрепленный бастион Енисала, останки которого сохранились по сей день.

Еще предстоит выяснить, какие монастыри были основаны Дракулой. Порой возникает впечатление, что в постройках Дракулы любой камень мог бы поведать кровавые истории, свидетелем которых он был. Не менее трех деревень в стране носят имя Влада Цепеша. Можно предположить, что их называли в его честь, когда его преступления несколько стерлись из памяти людей, а его слава воина — защитника христианства помогла забвению его злодеяний.

Хотя Дракула был широко известен за пределами Валахии, власть его концентрировалась прежде всего в треугольнике к югу от Карпат, верхушка которого — замок Дракулы на реке Арджеш, притоке Дуная, а основание ограничено старинной епархией Кур-

тя-де-Арджеш и столицей Тырговиште. Между ними, ближе к горам, — первая столица Валахии, самый древний ее город, — Кымпулунг.

Во времена Дракулы Тырговиште имел значение, давно утраченное им к нашему времени; тогда это был внушительный город, выходящий далеко за пределы городских стен, центр не только административной, но общественной и культурной жизни. Роскошный дворец с великолепными садами, княжеской церковью и многочисленными служебными пристройками был окружен домами бояр в византийском стиле с миниатюрными домашними церквушками. В условиях сравнительной надежности крепостных стен высший класс, как мог, пытался подражать образу жизни императорского двора Константинополя. Дальше, отделенные друг от друга великолепными цветущими садами, которых так много и в современных румынских городах, располагались скромные дома купцов, ремесленников и прочего простого люда.

Три «луковичных» купола православных церквей и монастырей пронзали небо над городом. В Тырговиште, как позднее в Бухаресте, было много церквей, некоторые из них сохранились до наших дней. Монастыри с их церквами, часовнями и декоративными дворами делали город очень живописным. Некий венецианский путешественник сравнил Тырговиште с «пространной цветочной оранжереей». Внутренняя часть города, в которой в основном и находились дома аристократов, была защищена валами, — дом каждого боярина был маленькой крепостью, готовой обороняться не только от внешнего, но и от гораздо более изощренного внутреннего врага. В валашской столице царили подозрительность, недоверие; политические убийства были обычным делом, а частая смена господарей скорее правилом, чем исключением, — все это, вместе взятое, объясняет некоторые крутые меры, принимавшиеся Дракулой против бояр.

Как рассказывает народная баллада, став господарем весной 1456 г., Дракула пригласил в Тырговиштский дворец несколько сот самых знатных и влиятельных бояр и пять епископов из местных и зарубежных монастырей, а также митрополита. Вглядевшись в коварные и лицемерные лица бояр, Дракула укрепился в своей уверенности, что среди его гостей находятся убийцы его отца и брата. Тогда вместо традиционной речи валашского господаря (обычно послушного боярам) он вдруг спросил:

— Скольких же правителей вы, мои верные подданные, пережили на своем веку?

Вслед за усмешками и гримасами воцарилось напряженное молчание.

— Семь, мой господин, — ответил наконец один из бояр.

— А я, — ответил другой, — тридцать.

— После вашего дедушки, — сказал третий, — сменилось не менее тридцати государей — я пережил всех.

Даже самые молодые бояре признали, что были свидетелями смены семи правителей. Так, почти шутливо, но очень уверенно отвечал каждый боярин, испытывая на прочность нового князя. Дракула, сверкнув глазами в столь свойственной ему впоследствии манере, отдал приказ. За несколько минут верные ему слуги окружили зал. Около пятисот бояр были немедленно посажены на колья по соседству с дворцом, их трупы потом еще долго клевали птицы. Оставшиеся в живых бояре хорошо усвоили урок этого дня. Им был предоставлен выбор: либо полное повиновение Дракуле, либо изоляция в своем поместье. Горе тому, кто избирал путь неповиновения.

Ныне в Тырговиште сохранились лишь развалины княжеского дворца, который неоднократно разрушали и восстанавливали. Начал строить дворец в начале XV в. дед Дракулы, грозный Мирча. Неподалеку высится отреставрированная Киндия — воздвигнутая в XVI в. башня с часами, с ее стен открывается вид на весь город, если, конечно, хватит духу подняться по крутой, узкой, витой лестнице. Внизу во дворе ясно видны остатки дворцового фундамента довольно скромного размера. Княжеский запас вин, вероятно, хранился в подвале. Возможно, там же находились тюрьма и камера пыток, где несчастный цыган или боярин, избежавшие кола, получали традиционные палочные удары. Печальной известности княжеский тронный зал, очевидно, располагался на первом этаже. Видимо, там Дракула, его отец Дракул, его дед Мирча были провозглашены господами, тут же проходила торжественная служба, в этом зале они принимали бояр, послов, проводили государственные советы, в которых участвовали представители высшей аристократии, епископы, митрополит.

В тронном зале произошла история, упоминаемая почти во всех рассказах о Дракуле: послы турецкого султана, прибывшие к нему с официальной миссией, отказались снять свои чалмы. Дра-

кула, болезненно чувствительный к любому проявлению неуважения к своей особе, тут же распорядился гвоздями прибить чалмы к головам послов. Турки агонизировали в лужах крови прямо у подножия трона.

Тронный зал Дракулы во дворце Тырговиште был свидетелем многих ужасных сцен. Порой некоторым впадшим в немилость помогали избежать смерти раболепная лесть, признания, самобичевание. Известна история двух монахов из соседнего католического монастыря. Дракула показал им ряды кольев с трупами, расставленные вокруг дворца. Один из монахов вместо осуждения (которое, видимо, ожидалось Дракулой и, несомненно, обрекло бы монаха на кол) кротко заметил:

— Вы призваны Богом наказывать злодеев.

Дракула, в данном случае никак не ожидавший провозглашения доктрины божественного права, пощадил монаха. Его же собрат, обладавший достаточной нравственной силой, чтобы осудить ужасную сцену, был немедленно посажен на кол.

Особое удовольствие Дракула получал, провоцируя неосмотрительных собеседников на опасные высказывания, и тем самым обрекал их на верную гибель. В этой связи характерен следующий инцидент. В сентябре 1458 г. Дракула принял в Тырговиште польского дворянина Бенедикта де Буатора — посла своего верного союзника, венгерского короля Матьяша. Во время обеда во дворце состоялся обычный в таких случаях обмен любезностями. В конце трапезы слуги неожиданно внесли золотое копье и установили его прямо перед послом, который, будучи наслышан о Дракуле, с опаской наблюдал за происходящим.

— Скажи мне, — обратился Дракула к своему гостю, явно забавляясь ситуацией, — как ты думаешь, зачем я велел установить здесь это копье?

— Вероятно, — живо откликнулся поляк, — какой-то знатный местный боярин оскорбил вас, князь, и вы хотите воздать ему должное.

— Точно замечено, — усмехнулся Дракула. — Вы — благородный представитель великого короля, и это копье из благородного металла установлено исключительно в вашу честь.

Сохраняя выдержку, поляк ответил:

— Мой господин, если я повинен в чем-то, заслуживающем смерти, поступайте как считаете нужным, ибо вы — лучший судья,

и, стало быть, ответственность за мою смерть ложится не на вас, а на меня.

Дракула расхохотался. Ответ был остроумным и лестным.

— Если бы не твой ответ, — сказал он поляку, — я бы, конечно, сразу распорядился посадить тебя на это золотое копьё.

Он засыпал посла подарками и оказал ему прочие знаки внимания.

О семейной жизни Дракулы в этот период известно мало. Его первая жена, боярская дочь, умерла, по-видимому, в 1462 г. Согласно румынскому фольклору, их брак не был счастливым, князя часто видели ночью на окраине города в обществе любовницы, красивой, но бедной женщины.

Любовная идиллия длилась недолго: женщина была убита, как сообщают народные предания, за неверность. Другая любовница умерла при таинственных обстоятельствах, у нее были вырезаны половые органы.

Дракулу всегда беспокоило спасение душ его верных сторонников. Похоже, фанатичная религиозность князя была порождением его чудовищных злодеяний. Он любил окружать себя священниками, аббатами, епископами, духовниками, католическими и православными. Долгие часы он проводил в благочестивых размышлениях и молитвах в святых покоях монастырей, например в Тисмане в Западной Валахии, где был известен как щедрый жертвователь. Все Дракулы придавали большое значение своей принадлежности к Церкви, соблюдению церковных обрядов и хотели быть похороненными по христианскому обычаю. Все они, как кающиеся грешники долготеровских времен, были убеждены, что добрые дела, особенно возведение монастырей и крупные пожертвования, помогут искуплению грехов. Мирча, Дракул, Дракула, Раду, Влад Монах и Михня — лишь эти шесть представителей рода основали не менее пятидесяти монастырей или внесли в них крупные пожертвования. Сводный брат Дракулы, знаменитый Влад, был монахом, прежде чем стать князем. Даже известный туркофил, другой брат Дракулы, Раду, построил монастырь Тангул, вполне вероятно, что там он и был похоронен.

Дракула имел тесные связи с францисканскими монахами в Тырговиште и с цистерцианским монастырем в Кырце и часто принимал монахов обоих орденов у себя во дворце. Монахи других орденов, в том числе бенедиктинцы и капуцины, отказавшись под-

чиниться Дракуле, навлекли на себя его гнев и были вынуждены искать убежище в немецких землях. Возможно, один из монахов монастыря Горин — звали его Иаков — и был автором найденной позднее в Швейцарии, в Сен-Галленском монастыре, рукописи — старейшего документа (1462) антидракуловской кампании, которая произвела такое неизгладимое впечатление на германоязычную Европу XV в.

Вплоть до начала XX в. с именем Дракулы не связывали никаких благочестивых деяний. Но в 1922 г. молодой ученый Константин К. Джуреску, случайно проезжая через деревню Стрежнику, остановился поговорить с местным священником и вдруг заметил надпись на растрескавшемся камне позади церкви. Видимо, он был вырезан из главного портика какой-то средневековой церкви. Знавший и кириллицу, и церковнославянский, молодой историк к изумлению священника и своему собственному разобрал следующую надпись: «Божьей милостью я, воевода Влад, князь Валахии, сын великого воеводы Влада, построил эту церковь, завершленную 24 июня 1461-го». Открытие было по меньшей мере сенсационным.

Камень, случайно найденный Джуреску во дворе деревенской церкви, изначально принадлежал церкви, расположенной в нескольких милях от деревни — в Тыргушоре, где во время раскопок обнаружили еще две церкви XV в. Дракула построил церковь в Тыргушоре отнюдь не в связи с процветанием города как торгового центра. Бросается в глаза совпадение дат: постройки церкви и убийства претендента на валашский трон из соперничавшей династии Данештов — Владислава Дана III. Дракула отыскал соперника в Трансильвании в замке Фэгэраш, где того приютили сакские покровители. Разъяренный интригами недруга, Дракула приказал ему самому выкопать себе могилу, прочитать заупокойную молитву и потом обезглавил его. Добавим, что Тыргушор расположен недалеко от того места, где в 1447 г. убили отца Дракулы. Таким образом, у Дракулы было по крайней мере две серьезные причины для возведения монастыря — необходимость искупить свой грех убийства Владислава Дана и стремление отдать дань памяти отца.

На озерах, расположенных за Тырговиште, Дракула ловил форель, устраивал пикники и оргии. Один такой пикник (вероятнее всего, на Пасху 1459 г.) завершился печально известным уничтожением 500 бояр. Этот эпизод был запечатлен художником XV в. Теодором Аманом. В народе сохранилась память о том, как на холмах

под Тырговиште в 1462 г. были посажены на колья турецкие солдаты, взятые в плен предыдущей зимой во время антитурецкой кампании Дракулы на Дунае.

Недалеко от Тырговиште, в так называемом подгорье, находится церковь в византийском стиле, красотой превосходящая любую церковь в самом городе. Она принадлежит Горному монастырю, более известному как монастырь Святого Николая в Виноградниках. Хотя все признают его одним из самых красивых монастырей Румынии, в нем царит атмосфера уныния. Одно время его использовали как тюрьму, позднее — как военную школу. Ныне это приют для престарелых священников и монахов. Внутри церкви почти каждый камень, на который ступает нога, — надгробный. Здесь, как ни в одной другой румынской церкви, царит дух смерти.

Монастырь этот был основан и существовал на пожертвования кузена Дракулы — князя Раду Великого (годы правления 1495 — 1508), одного из немногих членов их семьи, не замаранного кровью. Князь Раду (его не следует путать с Раду Красивым, братом Дракулы) известен как покровитель просвещения и основатель церквей; его величественная могила в воздаяние за его заслуги находится у подножия алтаря. По преданию, тело отца Дракулы, убитого в Балтени, монахи привезли в церковь, расположенную у входа в монастырь. Могила осталась безымянной из-за явной опасности, грозившей монахам в те времена, когда у власти находилась семья Данештов. Говорят, что и старший брат Дракулы, Мирча, похоронен подле отца у алтаря. Бояре — сторонники Хуньяди, захватив Мирчу в Балтени, в кандалах отвезли его в Тырговиште и вскоре после смерти отца казнили его. Дракула, став в 1456 г. господарем, приказал отрыть гроб Мирчи, захороненный на городском кладбище в Тырговиште. Тело в гробу лежало лицом книзу, очевидно, Мирчу похоронили заживо и он задохнулся. Дракула распорядился пышно перезахоронить его в старинной деревянной церкви в монастыре и продолжал мстить боярам.

БОРЬБА С ТУРКАМИ

Зимой 1461 г. Дракула бросил вызов самому султану Мехмеду II, гордому завоевателю Константинополя. Последовавшие за этим дунайский и валахский походы, длившиеся с зимы 1461 до осени 1462 г., несомненно, самый известный и наиболее дискути-

руемый период в биографии Дракулы. Без преувеличения можно сказать, что находчивость Дракулы, его доблестные подвиги, его тактика и стратегия принесли ему не меньшую славу в Европе, чем ужасное обращение с подданными. Осуществленные им репрессии были зафиксированы в так называемой «малой истории» и поэтому легче забывались, в официальную летопись эпохи были занесены его геройские поступки в христианских походах против турок в самый черный период их господства в Восточной Европе.

После смерти Хуньяди в 1456 г. остро встала проблема: кто возглавит христиан в этот век турецкого нашествия на Балканы. Не ослабевали ожесточенные раздоры в христианском лагере, начавшиеся после трагического эпизода в Варне, который привел к убийству отца Дракулы.

Отсутствие единства в христианском мире существенно облегчало задачу туркам и содействовало падению Константинополя в 1453 г., за три года до второго вступления Дракулы на валашский трон.

С утратой остатков независимости Сербией и Болгарией и падением Византийской империи Валахия уже в силу своего географического положения оказалась на переднем крае борьбы с турками. В Молдове, поддерживавшей Валахию, правил кузен Дракулы, Стефан, ставший после смерти Хуньяди героем христианского сообщества. После убийства в 1451 г. молдавского князя Богдана Стефан, его сын, вместе с Дракулой оказался в трансильванском изгнании. Там, находясь в замке Хуньяди в Хунедоаре, Дракула и Стефан дали друг другу слово: тот, кто из них первым взойдет на княжеский трон, поможет другому получить власть. Они обещали друг другу в случае необходимости военную помощь. И действительно, в 1457 г., через год после вступления на валашский трон, Дракула, верный своему обещанию, послал в Молдову валашский отряд, который помог Стефану вернуть трон своих предков. Таким образом, Дракула содействовал блестящей карьере великого полководца и политического деятеля румынского Возрождения. Стефан Великий, как его называют, был не только полководцем. Монастыри, до сих пор сохранившиеся в районе его престольного града Сучава, — красноречивое свидетельство процветания культуры и архитектуры в период правления Стефана.

Перед лицом турецкой угрозы все католические державы Центральной Европы были заинтересованы в возвращении захвачен-

ных турками территорий; казалось, сама ситуация после падения Константинополя требовала проведения совместного балканского похода. По завершении периода анархии, наступившей после смерти Яноша Хуньяди, Дракула официально присягнул на верность молодому королю Венгрии — Ладиславу. В силу географического положения над венгерским королевством нависла угроза турецкого нашествия, поэтому Ладислав был полон решимости воевать с мусульманами. Участие в новом походе валашских князей, ставленников венгерского двора, разумелось само собой. Поляки хотели отомстить за смерть своего малолетнего короля Владислава, погибшего в Варне в 1444 г. Венецианская и Генуэзская республики были, как всегда, заинтересованы в любых акциях, устранявших потенциальную угрозу их торговому процветанию. Кроме того, падение Константинополя стало слишком важным событием для всего христианского мира, чтобы не вызвать отклика. Даже западные рыцари-крестоносцы, прежде всего рыцари Бургундии, несмотря на почти полное отсутствие подлинного религиозного чувства, проявившегося в аморальном четвертом крестовом походе, не могли совершенно отказаться от своей роли защитников христианства.

Немецкие и русские хронисты ничего не сообщают о турецких кампаниях Дракулы. Но, в конце концов, цель саксов — не прославить, а очернить Дракулу; русские же в то время были слишком далеко от Дуная, эта тема их не очень трогала, и даже если сердцем они были на стороне христиан, то великий князь московский всегда с недоверием относился к Дракуле, подозревая его в симпатиях католицизму. Русский посол в Буде был более заинтересован в осуждении Дракулы как отступника, чем восхвалении его как полководца. Однако нам повезло — удалось разыскать множество румынских преданий, прославляющих Дракулу и других национальных героев. Пожалуй, румынский фольклор можно считать более объективным источником для воспроизведения исторической истины по сравнению с иностранными памфлетами, сосредоточенными исключительно на описаниях ужасов.

Византийские хроники, воспоминания ветерана армии Дракулы, официальные донесения венецианского и генуэзского посланников и папских послов, рассказы путешественников, официальные турецкие донесения, среди которых есть и личное свидетельство янычара, — главные источники информации о военной деятельности

Дракулы. К 1461 г. Дракула достаточно укрепил свою власть в Валахии и мог активно выступить против турок. Турецкий султан, конечно, не намерен был прощать оскорбления своего достоинства, но, прежде чем объявлять войну, решил пустить в ход дипломатию, или, проще говоря, заманить Дракулу в ловушку. Турецкий губернатор Никополя Хамза-паша и хитрый греческий переводчик Тома Катаволинос были посланы в дунайский порт Джурджу и пригласили Дракулу обсудить вопрос о спорных территориях, неуплату дани и другие дела, затрагивающие валахо-турецкие отношения. Дракула, после длительного вынужденного пребывания в Малой Азии имевший полное представление о турецком вероломстве, сразу же заподозрил неладное. История повторялась. Восемнадцать лет назад турки устроили засаду для его отца, в которую тот угодил вместе с сыновьями, теперь они рассчитывали поймать в такую же западню Дракулу. Чтобы выиграть время, валахи сделали вид, что принимают турецкий план, Дракула сообщил турецким послам, что прибудет в указанное место. Но когда он действительно прибыл в Джурджу, события развивались совсем не по турецкому замыслу. Дракула приказал отряду конницы, численно превосходящему турок, под прикрытием лесов, доходивших в те дни до Дуная, окружить место встречи, находившееся сразу за крепостью Джурджу. Потом во время переговоров он вынудил турецких послов попросить город открыть ворота. Гарнизон был снят валашской конницей. Оба прикованных друг к другу посла и весь вражеский отряд в колодах были отправлены в Тырговиште. Там турок — голыми, некоторых вверх ногами — посадили на колья, расставленные на лугу на окраине города. Два особых кола, выше других, были сделаны для Катаволиноса и Хамзы-паши из Никополя. Потом всех так и оставили в наизидание тем, кто попытается обмануть Дракулу. За шесть месяцев солнце и птицы сделали свое дело. Когда султан Мехмед II наконец подошел к Тырговиште летом 1462 г., открывшееся ему зрелище было столь ужасно, что, говорят, султан решил сам больше не участвовать в этом походе.

Дракула понимал, что такое проявление жестокости равносильно официальному объявлению войны. Но он намеревался быстро использовать свое преимущество и зимой 1461 г. начал дунайский поход, тщательно разработав его план. Валашское войско, насчитывавшее от 10 тысяч до 20 тысяч человек, состояло в основном из

подвижной, легкой конницы, свободных крестьян, мелких землевладельцев и послушных Дракуле бояр, которых миновал его гнев. Почти все офицеры были новичками — Дракула создал свою придворную и военную знать. Местность, по которой проходило войско, была знакомой, здесь и раньше происходили мелкие стычки с турками.

Крепость Джурджу, которую Дракула считал своим законным наследием (ее построил его дед), была сожжена дотла. Далее Дракула занялся дипломатической подготовкой крестового похода против турок в духе Хуняди. Он разослал посланцев всем коронованным особам во все сохранившие независимость государства Восточной и Центральной Европы, просил военную помощь у Папы Римского, отправил венгерскому королю Матьяшу длинное донесение (датированное 11 февраля 1462 г. и до сих пор хранящееся в мюнхенских архивах), в котором сообщил о захвате Джурджу и привел поразительные статистические данные — количество отрубленных турецких голов, носов, ушей общим числом 23 809. Мешки с этими ужасными трофеями он послал Матьяшу. Но его расчет заручиться поддержкой венгерского короля и обеспечить его участие в походе не оправдался.

Зима 1461 г. была исключительно мягкой, и знаменитое наступление Дракулы вдоль Дуная — от Джурджу к Черному морю — началось одновременно на земле и на воде: валашские баржи везли пехоту, а конница передвигалась по правому берегу, защищая фланг.

Поход преследовал освободительные цели: когда Дракула вошел в Болгарию, крестьяне массами вливались в ряды христианского войска, приветствуя валашского князя как освободителя от турецкого ига. Позднее, когда Дракула был вынужден отступить, целые болгарские деревни, опасаясь неизбежных турецких репрессий, просили предоставить им убежище на валашской земле. Главной целью Дракулы было уничтожение турецкого господства на берегах Дуная. Поэтому во время наступления он в основном осаждал турецкие крепости от Зимнича до Черного моря.

Этот дунайский поход и принес Дракуле славу христианского полководца, защитника христианской веры. По всей Центральной и Западной Европе от Генуи до Родоса звучали в церквах песнопения «Тебя, Бога, хвалим» и звонили колокола в честь Дракулы, вдохнувшего новую жизнь в христианское движение и принявшего эстафе-

ту от великого Хуньяди. Смелое наступление Дракулы возродило также надежды на освобождение у поработенных турками народов Болгарии, Сербии и Греции. В самом Константинополе у турок воцарились страх и уныние, некоторые из турецких пашей, напуганные Казиклу-беем — Сажателем-На-Кол, как они называли Дракулу, обдумывали план бегства через Босфор в Малую Азию.

Зимняя кампания завершилась на побережье Черного моря; путь Дракуле преградила могучая турецкая армия, пересекшая Босфор и готовая к вторжению в Валахию. Ввиду незащищенности своего фланга Дракула был вынужден прекратить наступление. Он сжег все турецкие крепости, которые не смог занять. Но на этом возможности его были исчерпаны, наступление закончилось.

Мехмед Завоеватель решил начать поход в Валахию весной 1462 г.; Дракула не оставил ему выбора. Бросить вызов султану, расстроив заговор-ловушку, — это одно, а вот подвергнуть султана осмеянию и внушить его христианским подданным надежду на освобождение — это совсем другое, гораздо более опасное для недавно возникшей империи. Один греческий летописец, Чалкондилес, подсчитал, что в турецком войске было не менее 250 тысяч человек, в том числе могучие янычары (пехота), конница и мощная артиллерия.

Главные силы, возглавляемые самим султаном, переправились через Босфор на баржах, специально для этой цели построенных в турецкой столице. Другое большое турецкое войско сосредоточилось в Никополе в Болгарии, с тем чтобы форсировать Дунай, вернуть крепость Джурджу и затем, объединившись с главными силами, нанести сокрушительный удар по валашской столице — Тырговиште. Если имеющиеся данные хотя бы приблизительно соответствуют действительности, это была самая многочисленная турецкая армия, использованная против христиан после падения Константинополя в 1453 г.

Дракула, несомненно, ждал подкрепления, по крайней мере от венгерского короля Матьяша, чтобы хоть как-то уравновесить численную диспропорцию противостоящих друг другу войск. У него, как рассказывает славянское предание, было не более 30 900 человек вместе с народным ополчением. Он следовал классической тактике стратегического отступления, что ныне называется «тактикой выжженной земли». После нескольких стычек на заболоченных местностях вдоль Дуная, рассчитанных в основном на то,

чтобы затянуть объединение двух турецких армий, Дракула начал отходить к северу. Отступая на своей родной земле, валашские войска сжигали урожай, отравляли колодцы, угоняли с собой скот, уничтожая все, что не могли унести. Крестьяне оставляли деревни, разрушали дома и обычно уходили вместе с войсками. Бояре и их семьи, узнав о надвигающейся угрозе, покидали поместья. Многие из них укрывались в Сkee, высоко в Карпатах, там они ждали исхода схватки. Некоторые уходили на остров — в монастырь Снагов, где они прятали свои сокровища. В большинстве своем бояре отказывались сотрудничать и с Дракулой, и с турками, пока не прояснится исход войны. В конце концов они сделали ставку на брата Дракулы, Раду, но лишь тогда, когда не осталось сомнений относительно судьбы Дракулы. Продвигаясь в глубь страны, турки находили лишь пепел и дым пожарищ, видели лишь парящих в небе хищных птиц, а по ночам слушали вой волков.

При отступлении Дракула использовал методы партизанской войны с ее важнейшим фактором неожиданности. Его старые солдаты хорошо знали местность и обычно действовали глубокой ночью под прикрытием бескрайних лесов. В этих лесах — дремучих и таинственных — скрывались логова разбойничьих шаек, главари которых сотрудничали с войсками Дракулы, подобно тому как казаки — с русской армией в войне 1812 г. Для ночных нападений обычно использовались быстроногие валашские лошади, а боевые сигналы имитировали голоса животных или птиц.

Вылазка, известная под названием «Ночь отмщения», заслуживает особого описания. В одной из деревень на пути к Тырговиште, неподалеку от разбитого в леске турецкого лагеря, Дракула провел военный совет. Положение Тырговиште было отчаянным, и как крайнюю меру по спасению своей беззащитной столицы он предложил дерзкий план: только убийство султана способно деморализовать турецкую армию и вызвать быстрое отступление. Совет согласился с ним...

Эту ночь выразительно описал сербский янычар Константин из Островицы — очевидец дерзкого нападения Дракулы.

Пестрое многоголосие турецкого ночного лагеря, неусыпно бодрствующие янычары на страже, запах молодого барашка, поджариваемого на углях; стоны умирающих солдат; смех женщин и других лагерных нахлебников; заунывные причитания муэдзина; печальное пение невольников; крики верблюдов; бесчисленные палатки, шатры

и, наконец, в самом центре лагеря роскошный, расшитый золотом шатер спящего султана. Мехмед как раз только что лег спать после обильного ужина. Вдруг заухала сова — это был сигнал Дракулы, и тут же рванулась вперед конница, пробилась сквозь кордоны стражи, неистово пронеслась по палаткам и сонным солдатам, сметая все на своем пути. Валахи во главе с Дракулой, ведомые, казалось, дьявольской силой, прокладывали кровавую просеку.

«Казиклу-бей!» — кричали в ужасе турецкие солдаты, смятые румынской лавиной. Наконец зазвучали турецкие трубы, призывающие людей к оружию. Отряд янычар окружил шатер султана. Дракула рассчитывал на то, что полная неожиданность нападения и бурный натиск позволят его коннице настичь султана в его шатре, и победа действительно была близка: впереди уже маячил золотой парчовый шатер; но телохранители опомнились от неожиданности и страха, сплотились, остановили наступление валахов и даже начали теснить их. Сознывая опасность окружения и плена, Дракула был вынужден отдать приказ об отходе. Турки потеряли несколько тысяч убитыми, еще больше ранеными, в лагере царили паника, хаос, страх. Но и Дракула лишился нескольких сотен лучших своих воинов, а цель нападения не была достигнута. Султан Мехмед остался жив, дорога на Тырговиште открыта.

В валахской столице турок ожидала картина полного разорения. Ворота города даже не были закрыты, и плотная пелена дыма застилала рассветное небо. Из города исчезли практически все его сокровища и священные реликвии, из дворца пропало все, что можно было вынести, остальное — сожжено. Колодцы, как обычно, отравлены. Единственным, кто встретил турок на окраине города, были Хамза-паша, бей Никополя, и грек Катаволинос, точнее, их обескровленные, исколеванные птицами трупы. Это чудовищное зрелище, дополнившее страшные переживания минувшей ночи, выбило султана из колеи. Известно его отчаянное высказывание: «Ну что можно сделать с таким человеком?» После военного совета он отдал распоряжение основному контингенту своей армии отступить. А небольшой группе войск вместе с протурецки настроенными боярами и князем Раду (его привезли в Тырговиште и официально провозгласили князем) он приказал преследовать Дракулу, уходящего на север в свой горный замок, отрубить ему голову и выставить ее на всеобщее обозрение в Константинополе в назидание всем непокорным.

Последний эпизод турецко-валашской войны разыгрался в замке Дракулы, расположенном в верховьях реки Арджеш, последнем убежище князя от наступающих турок. Поскольку янычар из Островицы, описавший ранние этапы похода, вернулся в Константинополь с султаном и основным войском, а другие источники не сохранились, историк вновь вынужден полагаться на народные баллады и предания.

В деревнях, расположенных вокруг замка Дракулы, сохранилось много крестьянских преданий о последних днях второго правления Дракулы, закончившегося осенью 1462 г. Все предания завершаются уходом Дракулы в Трансильванию и пленением его венгерским королем; последующие двенадцать лет в преданиях пропущены, а дальше Дракула уже возвращается в Валахию, и начинается период его третьего правления.

Наиболее каноническое повествование о последних часах сопротивления Дракулы туркам таково: оставив Тырговиште, он с наиболее верными людьми направился на север и потаенными тропами пробрался в свое убежище в горах. Посланные в погоню турки расположились лагерем на крутом утесе Поэнар, откуда открывался великолепный вид на замок Дракулы на противоположном берегу Арджеша. На утесе они установили пушки (до сих пор сохранилось поле, называемое «полем пушек»). Отряд турецких янычар спустился к реке, перешел ее вброд почти в том же месте, что и веком раньше татары, и разбил лагерь на другом берегу. Обстрел замка Дракулы особого успеха не имел из-за малого калибра турецких пушек и капитальных стен замка. Штурм был назначен на следующий день.

Ночью румынский невольник, по местному преданию дальний родственник Дракулы, находившийся в отряде янычар и, видимо, побуждаемый патриотическими чувствами, предупредил князя об опасности: под покровом безлунной ночи вскарабкался на утес Поэнар и, прицелившись, выстрелил из лука, направив стрелу на тускло освещенное открытое место перед главной башней замка, где, как он знал, находилась штаб-квартира Дракулы. К наконецнику стрелы он прикрепил записку, в которой советовал Дракуле бежать, пока еще есть время. Стрела достигла цели: она погасила свечу, горевшую на площадке перед башней. Когда свеча загорелась вновь, невольник ясно различил силуэт жены Дракулы, как будто бы читавшей его послание.

Что было дальше, могли поведать лишь близкие Дракулы, находившиеся с ним в замке. Жена Дракулы известила его о предложении и сказала, что предпочтет быть съеденной рыбами Арджеша, чем попасть в турецкий плен. Дракула по собственному опыту в Эгригосе знал, что такое мусульманский плен. В отчаянии жена Дракулы, прежде чем ее успели остановить, взбежала по винтовой лестнице на вершину башни и бросилась в Арджеш. Ныне это место называют «река княгини». Других упоминаний о первой жене Дракулы в народных преданиях не сохранилось.

Дракула же немедленно обдумал план бегства; его философия жизни исключала самоубийство, как бы неблагоприятно ни складывались обстоятельства. Вызвав в замок храбрых крестьянских вожakov соседней деревни Арефу, он ночью обсудил с ними наиболее надежные маршруты бегства в Трансильванию. Он надеялся, что король Венгрии Матьяш, к которому он с февраля 1462 г. много раз обращался за помощью, встретит его как союзника и поможет вернуться на валашский трон. Было известно, что венгерский король с могучей армией стоял лагерем сразу за горами в Брашове. Чтобы попасть к нему, надо было лишь пересечь Трансильванские Альпы (Южные Карпаты), то есть взобраться на вершину фэгэрашских гор, для чего современному альпинисту требуется особое снаряжение. Верхние склоны этих гор, покрытые снегом и льдом даже летом, чрезвычайно опасны. Дракула не смог бы преодолеть их без местных проводников. Маршрут бегства был составлен крестьянами Арефу. В народном предании называются разные речки, участки леса, поляны, даже утесы, по которым проходил маршрут бегства. Мы попытались восстановить его, но это оказалось практически невозможным — названия многих мест давным-давно поменялись. Удалось выяснить, что еще до рассвета Дракула с дюжиной спутников, со своим незаконнорожденным сыном и пятью крестьянами из Арефу спустились по винтовой лестнице, ведущей из замка в недра гор, а затем в пещеру на берегу реки, откуда беглецам был слышен шум турецкого лагеря, расположенного в миле к северу. Из деревни привели самых быстроногих лошадей; подковы, набитые задом наперед, оставляли следы, рассчитанные на то, чтобы ввести турок в заблуждение.

Всю ночь из замка стреляли пушки, чтобы отвлечь внимание от беглецов. Турки с Познаря отвечали тем же. Пушечная пальба

напугала лошадь Дракулы, она понесла, и его сын, привязанный к седлу, свалился на землю, но в суматохе это заметили не сразу, а когда обнаружили пропажу, то сочли ситуацию опасной для розысков; Дракула слишком очерствел сердцем, чтобы пожертвовать собою или своими сторонниками ради сына.

Мальчика, которому не было еще и десяти, на следующее утро, к счастью, нашел пастух из Арефу, взял к себе в дом и растил как родного сына. Двенадцать лет спустя, когда Дракула вновь стал князем Валахии, крестьянин, выяснивший подлинное происхождение своего приемыша, пришел к замок. К этому времени мальчик превратился в прекрасного юношу. Он поведал отцу все, что сделал для него пастух, и в благодарность Дракула щедро вознаградил крестьянина земельными наделами в горах. Вполне возможно, что сын остался в тех краях и поселился в замке.

На площадке, называемой Овечьей поляной, беглецы были уже в полной безопасности. Когда же Дракула спросил своих отважных проводников из Арефу, как он сможет вознаградить их, они ответили, что просто выполнили свой долг перед господарем и отечеством. Однако Дракула настаивал: «Деньги или землю?» (Часть своих сокровищ он взял с собой.) Тогда они ответили: «Дайте нам землю, ваша светлость».

На плоском камне, известном ныне как Стол князя, Дракула составил им дарственную на шкурах зайцев. Он отдал этим пяти крестьянам все земли к югу от деревни Арефу: шестнадцать холмов, с овечьими пастбищами, лесными и речными угодьями — общей площадью, вероятно, 20 000 акров. Было особо оговорено, что земля эта не может быть конфискована ни князем, ни боярином, ни духовенством; право владения наследовали семьи этих крестьян из поколения в поколение.

В деревне Арефу говорят, что эти заячьи шкурки-грамоты до сих пор сберегаются потомками тех крестьян, но, несмотря на все старания историков, никто не захотел сообщить, где же эти документы. Вполне возможно, спрятанные на чердаке или зарытые в земле, они где-то еще хранятся. Ни за какое вознаграждение крестьяне не хотели открыть тайну и расстаться с этими реликвиями героического века.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДРАКУЛА

(1462—1476)

ПЛЕННИК КОРОЛЯ

Двенадцать лет тюремного заключения в Венгрии (1462 — 1474) — самый темный период в необычной биографии Дракулы.

В румынских источниках, устных и письменных, по вполне понятным причинам ничего не говорится об этих событиях — они происходили слишком далеко от трансильвано-валашского региона. Не имели возможности оценить этот поворот в судьбе Дракулы и турецкие историки — турки находились в состоянии войны с Венгрией. Немецкие памфлетисты, одержав верх в антидракуловской кампании, утратили к нему интерес: Дракула был благополучно устранен с валашского трона, что им и требовалось. Венгерские же историки, помимо в целом характерной для них склонности умалчивать о валашских делах, проявляли особую осторожность в отношении политических заключенных.

Несмотря на это, восстановить картину жизни Дракулы в 1462 — 1474 гг. вполне возможно. Его пребывание в Буде, когда в памяти людей еще были свежи его подвиги в борьбе с турками, не осталось незамеченным. Федор Курицын, посол великого князя московского, итальянские дипломаты и папские послы посылали на родину пространные донесения о князе-пленнике.

Дракула провел первый год заключения в королевской крепости в старинном городе Буде на берегу Дуная. Потом, по словам русского посла, его перевели в башню Соломона, на территории вышеградского дворца — в двадцати милях от Буды. Дворец стоял высоко на холме, с которого открывался прекрасный вид на Дунай и его окрестности. Башня Соломона, где содержались политические преступники, находилась внизу, почти у кромки Дуная. В этом архитектурном комплексе — в наше время там проводились тщательные археологические раскопки и частичная реконструкция — нашла исчерпывающее воплощение культура венгерского Ренессанса. Судя по бесценным художественным сокровищам, хранившимся во дворце, Матяш был подлинным покровителем просвещения и искусства.

Сейчас башня Соломона полностью восстановлена. Камеры в ней крохотные; в некоторых из них — зарешеченные окна с видом

на Дунай. Ночью заключенные строго изолировались, днем им было позволено прогуливаться по двору.

Русский посол Курицын пишет, что Дракула был в хороших отношениях со своими стражами, регулярно поставлявшими ему птиц, мышей, крыс и других мелких животных. Он мучил их: разрезал на куски, сажал на маленькие колы, расставляя их рядами, как он обычно поступал с людьми. Говорят, особое удовольствие он получал от ошипывания живых цыплят, а потом наблюдал, как они бегали кругами и в конце концов падали замертво. Эти эпизоды, поведанные русским послом, — еще одно свидетельство жестокости Дракулы, его жажды крови, видимо столь сильной и навязчивой, что он не мог совладать с нею даже в тюремной камере. В романе Стокера у одного из персонажей — Ренфилда — такая же садистская страсть мучить и убивать насекомых, птиц и мелких животных.

Освобождение Дракулы и женитьба, сделавшая его членом венгерской королевской семьи, наводят на мысль о том, что Матьяш контактировал со своим пленником и со временем позволил ему бывать при дворе. Вполне вероятно, король Матьяш, как и тирольский эрцгерцог Фердинанд II, любивший развлекать гостей необычными персонажами, поддался искушению повидать легендарного ученика дьявола, мучителя и убийцу, который вместе с тем был способен побеждать турок. Во всяком случае, Дракула познакомился с одной из сестер короля, и, возможно, в первый год его тюремного заключения возник любовный роман, завершившийся женитьбой.

Дракула был в то время, судя по портрету маслом в замке Амбрас, довольно красивым мужчиной; сакские гравюры на обложках немецких памфлетов грубы по технике и, несомненно, искажают его подлинные черты. На втором портрете маслом, миниатюре в Вене, изображен человек с сильным, властным лицом. Напряженно, внимательно смотрят его большие темно-зеленые глаза, нос — длинный, с тонкими ноздрями, рот — большой, с тонкими красными губами. У Дракулы длинные свисающие усы и темные с проседью волосы, неприятное бледное лицо его ужасно. На портрете он изображен в костюме венгерского дворянина с горностаевой пелериной, в головном уборе на турецкий манер — с меховой оторочкой и бриллиантовой пряжкой.

Литературное описание Дракулы Николаем Модрусским, папским послом, встречавшимся с князем в то время, в основном со-

ответствует его изображению на портрете. «Он был не очень высоким, но крепким и сильным, с жесткой, внушающей страх внешностью, длинным прямым носом, нервными подвижными ноздрями, худым красноватым лицом. Густые черные брови над широко открытыми зелеными глазами придавали ему грозный вид. Лицо бритое, оставлены только усы. Из-за высоких висков его голова, крепко сидевшая на бычьей шее, казалась огромной. Темные вьющиеся волосы спускались на широкие плечи».

В связи с женитьбой Дракулы на сестре Матьяша возникли не только политические, но и религиозные проблемы. Матьяш, потомок святого Стефана, никогда не позволил бы венгерской княжне-католичке выйти замуж за православного «схизматика». Хотя уния между православием и католичеством была признана Флорентийским собором, она была всегда более внешней и формальной, нежели подлинной и реальной. Соперничество между двумя церквями, несмотря на турецкую опасность, оборачивалось бесплодной полемикой и выливалось в открытую вражду.

Для Дракулы, православного по семейной традиции, вопрос об обращении в католичество, неизбежный в брачном контракте, не был особой проблемой. Он понимал, что трон валашского князя, как непереносимое следствие его венгерского брака, стоил католической мессы.

Переход Дракулы в католицизм вызвал гнев православного мира, и это вполне понятно во времена, когда вопрос о вероисповедании был связан с национальной принадлежностью. Православному миру XV в. угрожал не только ислам, но и наступление католических крестоносцев. Принятие Дракулой католицизма стало дополнительной угрозой, ибо несомненное восстановление новообращенного на валашском троне означало утрату княжества для православия. Тогда великий князь московский Иван III посчитал необходимым укрепить родственными узами связь Молдовы с православным миром. В 1463 г. в Яссах был заключен брак украинской княжны Евдокии и молдавского родственника Дракулы — Стефана. Для упрочения нового православного союза дочь Стефана Елена вышла замуж за Димитрия, наследника русского трона.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КНЯЖЕСТВО

После тайной женитьбы Дракулы в Вышеграде (точная дата неизвестна) его возвращение в Валахию было предreshено. Даже с венгерской точки зрения оно было своевременным. Данешты и их немецкие покровители дискредитировали себя постоянными мелкими интригами в Трансильвании. Раду Красивый, правивший в Валахии, был послушен султану. Стефан Молдавский считался ненадежным из-за связей с русскими. Взаимные подозрения сохраняющих независимость восточноевропейских христианских государств, соперничество между Польшей, Богемией, Молдовой и Венгрией, религиозные проблемы, возникшие в связи с панправославной кампанией Ивана III, — все это благоприятствовало Дракуле. Более того, вполне естественным был выбор Дракулы и как человека, способного в случае необходимости возглавить новый антитурецкий поход. Дракула, вошедший в венгерскую королевскую семью, стал теперь человеком Матьяша: ему можно было доверять. Даже Стефан Молдавский, прочно связанный с православием, явно игнорируя давление русской стороны, вспомнил старую клятву, которую он и Дракула дали друг другу много лет назад: тот, кто из них будет у власти, должен помочь другому взойти на законно принадлежащий ему трон. К немалому удивлению венгров, Стефан прислал из Сучавы в Будапешт эмиссаров, уговаривавших короля Матьяша ускорить возвращение Дракулы в Валахию и обещавших военную поддержку.

В 1474 г. после перехода в католичество, женитьбы и двенадцатилетнего заключения Дракула был наконец освобожден и стал официальным претендентом на валашский трон. Трансильванские округа Алмаш и Фэгэраш как подарок венгерского короля были первыми возвращенными ему землями. Готовясь к своей будущей роли, валашский претендент сопровождал Матьяша в его официальных поездках в Центральную и Восточную Европу. Возможно, во время одной из них и был сделан портрет Дракулы, хранящийся ныне в замке Амбрас.

Дракула сопровождал своего шурина в Хорватии в походе против турок. Что же касается его частной жизни в 1474 — 1475 гг., то об этом до нас не дошло почти никаких сведений. Он получил дом в Пеште, жил там со своей венгерской женой, она родила ему сына Михаила, вошедшего в историю Румынии как Михня Жестокий.

Русский посол пишет еще об одном случае: Дракула сам свершил правосудие, убив солдата, проникшего к нему в дом.

После недолгого пребывания в Пеште Дракула обосновался в Трансильвании — в Сибиу. Здесь он развил бурную деятельность по возвращению себе валашского трона, находившегося в руках турок и давнего соперника Басараба Лайотэ (он был господарем Валахии в 1473 — 1474 гг. и в 1475 г. до ноября). Этот период в жизни Дракулы известен лучше, чем любой другой. Можно проследить его путь из Сибиу в Бухарест по месяцам, иногда по неделям: он регулярно писал тогда венгерскому королю. В письме от 4 августа 1475 г., написанном из Аргиза (Трансильвания) бургомистрам Сибиу, Дракула просил разрешить постройку дома для себя и своей семьи; любопытно, что он подписался «Владислав Дракула».

Официально командующим войск, поддерживавших Дракулу, считался князь Стефан Баторий; валашский отряд был укреплен молдавской пехотой, но основная часть армии состояла из венгров и трансильванцев. Узнав об освобождении Дракулы, некоторые бояре покинули Басараба Лайотэ и, как водится, перешли на сторону восходящей власти. 25 июля 1476 г. Дракула и Баторий провели военный совет в Турде. К 31 июля они дошли уже до Медиаша в Центральной Трансильвании. В октябре путем значительных коммерческих уступок им удалось склонить на свою сторону жителей Брашова, в котором Дракула в свое время совершил много преступлений. Бургомистр великолепно принял наступавших военачальников в городской ратуше. Во всех церквах состоялись богослужения, звучали молитвы за успех новой кампании. Претендент из рода Данештов, долгое время живший в Брашове, бежал из города.

В Валахию они пришли в ноябре, разбили лагерь в долине реки Праховы, откуда открывалась дорога на валашскую равнину. На этот раз целью Дракулы был не столько Тырговиште, окруженный и взятый 8 ноября, сколько Бухарест, укрепленный им во время его второго правления, а ныне столица князя Раду. 16 ноября состоялась битва в окрестностях крепости, Дракула одержал победу. Вновь большая часть Валахии оказалась под его властью.

В середине ноября в присутствии нескольких бояр митрополит в Куртя-де-Арджеш провозгласил Дракулу господарем Валахии. Господарь этот был нежелателен для православных, его боялись видевшие в нем безжалостного злодея саксы и бояре, против него плели козни сторонники клана Данештов, его ненавидели турки и

князь Раду, поклявшийся убить его. Поэтому, когда венгерские войска Батория и отряд самого Стефана покинули Валахию, Дракула оказался в сложной и опасной ситуации, у него было мало времени для укрепления своего положения. Видимо, он понимал его зыбкость — жену и сына в Валахию он с собой не взял. По иронии судьбы полностью он мог доверять только маленькому молдавскому отряду своей личной охраны, состоявшему из двухсот человек, — в известном смысле это было искупление Стефаном своей вины за неверность в прошлом.

СТРАННЫЙ КОНЕЦ

По румынскому преданию, роковая для Дракулы битва произошла близ города Бухареста, возможно, недалеко от места убийства его отца.

Рассказы о смерти Дракулы различны. В одном из них излагается такая версия: турки дрогнули, Дракула, уверенный в победе, вскарабкался на гору, чтобы оттуда наблюдать, как его войско громит турок. Однако он отдалился от своих и для безопасности переоделся турком. Один из его солдат, ничего не ведая о проделке своего военачальника, увидев его, принял за противника и ударил пикой. Дракула был вынужден защищаться, убил пятерых, но и сам пал жертвой своих же людей. По другой версии, несмотря на защиту верных ему молдаван, он был убит группой бояр и своих личных врагов. Смерть настигла Цепеша, когда ему было 45 лет, его третье правление длилось лишь два месяца.

Известно, что Дракуле отрубили голову — возможно, в бою, и, вероятнее всего, турки. Голову его отослали султану в Константинополь, где ее, насадив на кол, выставили на публичное обозрение как убедительное и ужасное доказательство для мусульманского мира смерти Казиклу-бея.

МОГИЛА НА ОСТРОВЕ

Монахи из Снагова тайно подобрали обезглавленное тело Дракулы и принесли в монастырь. Боясь репрессий со стороны врагов князя, его похоронили в безымянной могиле.

Снагов, остров на одном из озер, окружающих Бухарест, находится в глубине Влашского леса. Длина острова — миля, ширина — полмили. Ныне от старинного монастырского комплекса,

включавшего в себя три церкви, осталась лишь одна маленькая кирпичная церковь, восстановленная в 1517 г. По преданию, здесь находится могила Дракулы. Существуют и другие легенды, связывающие Дракулу со Снаговом. Историкам трудно установить степень соотношения фактов и вымысла суеверных крестьян, которым то и дело мерещился возникающий из озера призрак Дракулы. Оказавшись в этом районе в наши дни, созерцая моторные и парусные лодки, красивые виллы — атрибуты курортной жизни XX в., трудно представить себе кровавые времена Дракулы; конечно, совсем другое дело — в стенах самой церкви с поблекшими византийскими фресками.

Монастырь, расположенный на острове в безопасном месте, был основан, вероятно, либо дедом Дракулы, князем Мирчей Валашским, либо одним из бояр при его дворе. Из официальных документов известно, что Мирча действительно часто бывал в монастыре и подарил ему обширные земельные угодья в окрестностях. В документах времен Дракулы монастырь упоминается довольно редко, но в XVI в. валашский господарь подтвердил право владения имуществом, дарованным монастырю Дракулой. Кроме того, известно, что между 1436 и 1447 гг. отец Дракулы пожаловал Снагову больше земли, чем любому другому монастырю в княжестве, а в 1464 г. Раду Красивый добавил еще три деревни: Вадул Пырвулуй, Кэлугарени, Штроэшти. Все это, наряду с дарами от других членов семьи, сделало Снагов как бы духовным убежищем рода Дракулы.

Во времена Дракулы Снагов, несомненно, являлся одним из трех самых больших и важных монастырей в Валахии. Монастырский ансамбль занимал всю площадь острова и был основательно укреплен; стены вдоль кромки озера служили дополнительной защитой: известно, что в смутные времена князя и бояре прятали в монастыре свои сокровища. Кроме церквей, в монастыре имелись кельи, трапезные, хозяйственные помещения, палаты для бояр, конюшни и, как повествует предание, — тюрьма.

Турки существенно разрушили монастырь, но сын Дракулы Михня Жестокий восстановил его, в монастырскую тюрьму он заточил нескольких бояр — своих врагов. Влад-монах, сводный брат Дракулы, снявший с себя постриг, чтобы ненадолго стать князем, позднее был настоятелем Снагова, возможно пытаясь хоть как-то искупить преступления своей семьи. Стала монахией и жила в

Снагове вторая жена Влада, Мария. Один из ее сыновей, «Маленький Влад», прежде, чем стал князем в 1510 г., провел детство и юность в монастыре. Его сын, еще один Влад, княживший в 1530 — 1532 гг., возможно, утонул в озере в Снагове, и в книгах по истории Румынии его называют Владом-утопленником.

О трагедиях, происходивших в Снагове во времена Дракулы, известно мало, зато о бурной истории монастыря последующих времен написано достаточно много. Свидетелями истории были стены монастыря и холодный каменный пол сохранившейся маленькой церкви. И ныне на них можно разобрать краткие, выразительные надписи на старославянском языке, воспроизводящие имена жертв насилия, которые каждый последующий век добавлял к первоначальному списку, составленному Дракулами. Смерть поразному настигала этих князей и бояр, и причины их гибели были различны, но чаще всего — политические.

Несмотря на молитвы монахов, невзгоды не миновали монастырь. Он был сожжен и частично разрушен турками вскоре после вступления Раду в 1462 г. на валашский трон; вполне возможно, монахи, опасаясь за свою жизнь, утопили сокровища Дракулы в озере, по слухам, они до сих пор лежат на дне близ острова. Стихийные бедствия дополнили разрушения, причиненные Снагову людьми. Вскоре после смерти Дракулы случился сильнейший ураган, который буквально снес одну из церквей — Благовещенскую церковь, — построенных дедом Дракулы, и вместе с колокольной швырнул в озеро. По местному преданию, лишь тяжелая резная дубовая дверь всплыла на поверхность озера, ее прибило к противоположному берегу, там ее нашли монахи из другого монастыря. Они приняли этот дар провидения и заменили ею менее декоративную дверь своего монастыря. Ныне эта дверь выставлена в экспозиции Бухарестского художественного музея. Что касается затонувшей колокольни, то крестьяне уверяют: до сих пор, когда озеро волнуется, из глубины доносится глухой колокольный звон.

В конце XVII в. монастырь приобрел известность как центр просвещения и культуры. Именно там был установлен один из первых румынских печатных станков благодаря усилиям весьма образованного монаха — книжника, печатника, митрополита Антима Ивириану, напечатавшего на нем румынские и арабские тексты Евангелия. Привлеченные просветительской деятельностью Антима, остров посетили два знаменитых путешественника XVII в. — Поль

Алепский и его отец — патриарх Макарий Антиохийский. Им принадлежит первое научное иллюстрированное описание Снагова, сделанное на арабском языке.

Судя по этому документу, может возникнуть впечатление, что беды наконец миновали Снагов и начался расцвет. Но это не так. Антим, по до сих пор не выясненным причинам, был вынужден покинуть Снагов и умер в изгнании; его отравили. Книги его исчезли, печатный станок забрали в Антиохию.

В XVIII в. во время греческого правления¹ Снагов получил передышку. В отличие от многих румынских духовных учреждений, он не подчинялся греческой патриархии, а находился, как прежде, под началом румынской Православной церкви. Однако местное население все равно враждебно относилось к Снагову — там служило много греческих монахов, а греки вызывали недоверие, особенно потому, что их господаи посылали за границу огромные суммы денег. Возможно, это было одной из причин, по которым крестьяне сожгли деревянный мост между Снаговом и материком, существенно затруднив связь монастыря с внешним миром; постоянный мост так и не построили. Но самое мрачное для монастыря время было еще впереди.

После русско-турецкой войны возглавлявший русскую администрацию в Валахии граф П. Д. Киселев в 1830 г. издал указ о превращении Снагова в тюрьму для мелких преступников. Монахам разрешили остаться, но лишь малую часть монастыря отвели для религиозных обрядов. Однако беды сыпались даже на Снагов-тюрьму. Однажды, когда преступники в кандалах переправлялись на остров по зыбкому понтонному мосту, он не выдержал тяжести и 59 беспомощных арестантов пошли на дно.

К концу «тюремного периода», длившегося около 20 лет, в Снагове, где постоянно, несмотря ни на что, жили хоть несколько монахов, практически никого не осталось, и к 1867 г. монастырь был официально закрыт. Ушли все монахи, новый настоятель не был назначен. Лишь время от времени священники из окрестных деревень вели там богослужения по воскресеньям. В этот период варварские, бессмысленные разрушения и мародерство приняли

¹ Султан с 1716 г. стал назначать в Валашское княжество господарей из числа греков-фанариотов.

особый размах. Тут приложили руку и профессиональные воры, и крестьяне, и правительственные чиновники. Жители близлежащих деревень растаскивали кирпичи и камни из монастырских стен, различные деревянные детали, срывали двери с петель; разобрали крыши, разбили витражи. Не меньше, а возможно даже и больше пострадал интерьер церквей. Разворовали скамьи, кафедры, не говоря уж о священных сосудах и прочей утвари. Вскрывали могилы, срывали надгробные таблички, стирали надписи, в поисках ценностей перетряхивали останки бояр. Аббаты и священники из окрестных деревень совместными усилиями якобы старались спасти ценные издания Библии и рукописи от уничтожения, а на самом деле фактически участвовали в грабеже от имени церкви. Маловероятно, чтобы об этой ситуации не ведали духовные власти, и уж просто непостижимо, чтобы о разграблении исторического памятника, расположенного лишь в нескольких милях от столицы, ничего не было известно правительству.

В 1890 г. управляющий государственными владениями писал, что от старинного монастырского ансамбля осталась лишь полуразрушенная церковь без крыши. В 1897 г. — год публикации Стокером «Дракулы» в Лондоне — любители старины, историки, археологи начали трудное дело по спасению заброшенной церкви, где был похоронен Дракула.

Наконец были выделены необходимые суммы, и лишь в начале века началась реставрация церкви — на сей раз с большим вкусом. Местные архитекторы и инженеры с помощью историков восстановили монастырь в том виде, каким он был во времена Дракулы. Восстановление Снагова продолжается до сих пор. Конечно, многое утрачено. Вполне возможно, правительство когда-нибудь распорядится восстановить весь монастырь, в том числе и вторую церковь, существовавшую при Дракуле.

В 1940 г., во время знаменитого землетрясения в Бухаресте, разрушившего многие исторические памятники, церковь в Снагове раскололась надвое. Суеверные крестьяне считают, что там все еще находится дух Дракулы, великого «носферату», требующий возмездия...

ВАМПИРИЗМ (ЕВРОПЕЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР)

Трансильванию иногда называют просто «Землей за лесом». Даже сегодня большинство американцев, да и многие европейцы затрудняются сказать что-нибудь конкретное об этой провинции. Действительно, Румыния кажется страной неопределенных очертаний, произносимых названий и, как кажется кинорежиссерам, — бесчисленных скрипок. Наши представления о румынах в равной степени неопределенны. Прежде чем перейти к фольклору о вампирах, позволим себе небольшое отступление о румынах.

Они считают, что живут не в Румынии, а в *Романии*, тем самым заявляя о своей связи с Древним Римом. Большинство румын претендуют на римское происхождение, но обоснованность этой претензии вызывает некоторые сомнения. У румын нет особых характерных этнических черт. Нельзя сказать, что они — блондины с голубыми глазами или шатены с темными глазами, не все смуглы и не все белокожи. Основная, отличительная национальная особенность — большинство их говорит на языке, называемом румынским. Но в районах Брашова или Сибиу можно услышать и своеобразный нижненемецкий диалект, на западе — около Орады или, ближе к центру Румынии, в Тыргу-Муреше — венгерский язык. И восточные, и западные влияния сказались на этой культуре, что придало ей уникальное разнообразие и глубину.

Жители Румынии до сих пор почти на шестьдесят процентов — сельские жители, и хотя это в основе своей крестьянское общество очень старается выйти на уровень урбанистического XX в., в нем до сих пор устные традиции сильнее письменного слова.

Следует учитывать и то, что большинство румын принадлежат к Православной церкви или испытали на себе ее влияние. Это, как мы увидим, оказало сильное воздействие на национальные обычаи и возникновение поверий о вампирах.

Представления о вампирах восходят к временам, когда человек был охотником, тогда-то он и обнаружил, что раненого зверя вместе с кровью покидает и жизнь. Кровь — источник жизненной силы! Поэтому люди иногда натирались кровью, а иногда пили ее. Пить кровь, чтобы возродить жизненные силы, — эту способность с живых перенесли на мертвых, так в историю вошел вампир. Для

вампира поистине «кровь — это жизнь», как заявляет Дракула в романе Стокера, цитируя Второзаконие¹.

Вампиры оставили след в истории человечества. О них упоминается в рукописях Древнего Египта. В некоторых современных энциклопедиях о них написано как о кровопийцах, «живых мертвецах», многие и по сей день верят в их существование.

Вера в вампиров основана на вере в физическое существование покойного в загробной жизни, в то, что у него и там есть тело, требующее пищи. Согласно восточноевропейскому православному поверью, тело человека, преданного проклятию, не будет принято землей, то есть не подвергнется разложению. Тела отлученных от Церкви обречены оставаться «без изменений, нетронутыми». Такие «живые мертвецы» бродят по ночам, а днем пребывают в могилах, пока не получают отпущения грехов. Все это во многом объясняет, почему именно в православных странах так верили в существование вампиров.

Большинство румын убеждено в том, что жизнь после смерти во многом похожа на обычную жизнь. В вероятность чисто духовного бытия верят не очень. Отсюда следует, что после смерти мертвецы могут ходить по земле, как и живые. «Живой мертвец» не обязательно вампир, жаждущий крови. В румынском языке более употребительно слово «тогоі» (живой мертвец), чем «vampire» (пьющий кровь). Но убивают и того и другого, по поверью, одними и теми же способами: пронзают сердце или сжигают тела.

Другое румынское обозначение вампира — «strigoi». Это сатанинские птицы ночи. Они летают только после захода солнца, едят человеческое мясо и пьют кровь. На Балканах их называют «vukodlak» или «brukolak».

Испокон веку считается, что вампиры приносят с собой бедствия, прежде всего чуму. Существуют поверья, согласно которым, чтобы вампир не смог выйти из могилы, в его тело забивают еловый кол. Не случайно еловый орнамент часто встречается на могильных памятниках в современной Румынии.

Вера в вампиров до сих пор сохраняется в краях Дракулы. Ныне у подножия его замка, в маленькой деревеньке Кэпэцинень, живет

¹ Неточность: эти слова, парафраз библейского Второзакония (12: 23), принадлежат не Дракуле, а другому персонажу романа Стокера — сумасшедшему Ренфилду (глава XI)

цыганка по имени Тинка. Она — местная певчая, поет старые баллады на свадьбах, празднествах и похоронах.

Осенью 1969 г. Тинка рассказала одному из авторов этой книги две истории о «живых мертвецах». Одна — об ее отце. Когда тридцать лет назад он умер, его, как подобает, прибрали и положили на стол, а на следующий день жители деревни обнаружили, что он по-прежнему румяный, а тело у него мягкое, ничуть не застыло. Поняв, что он «живой мертвец», они пронзили ему сердце колом, опасаясь как бы он не вышел из могилы.

В другой истории речь шла об одной старушке из этой же деревни. После ее смерти один за другим стали умирать ее близкие родственники и домашние животные. И тогда догадались, что она «живой мертвец». Выкопав ее гроб и сняв с него крышку, обнаружили, что она перевернулась в гробу, глаза у нее широко открыты, а лицо румяное, и сожгли ее тело.

Вера в «живых мертвецов» и вампиров никогда не исчезала полностью. Лишь в прошлом веке, точнее, в 1823 г., в Англии законом было запрещено пронзать кольями сердца самоубийц. Ныне легенды о вампирах наиболее стойко сохраняются в Трансильвании. Когда знакомишься с этими верованиями, невольно пробирает дрожь...

В Восточной Европе верили в то, что у вампира два сердца, или две души; одно сердце, или одна душа, никогда не умирает, поэтому вампир бессмертен.

Кто становится вампиром? В Трансильвании считают, что преступники, незаконнорожденные, ведьмы, колдуны, отлученные от Церкви, родившиеся с зубами или в сорочке, некрещенные дети. Обречен стать вампиром седьмой сын седьмого сына.

Как можно выявить вампира? Сомнителен любой человек, который не ест чеснок или выражает явное отвращение к нему.

Вампиры иногда лишают людей дара речи. Они могут похитить у человека красоту, силу, у кормящей матери — молоко.

В Румынии крестьяне верят в то, что вампиры и другие призраки встречаются накануне Дня святого Андрея в таком месте, где кукушка не кукует, а собака не лает.

Святой Георгий поразил дракона копьем. Так же убивают и вампира.

Вампиры боятся света, нужно иметь в доме хорошее освещение — свет отпугивает, а вне дома — надо зажечь факелы.

Даже запершись в своем доме, вы не гарантированы от появления вампира, способного проникать через трубы, дымоходы и замочные скважины. Поэтому следует натереть дымоход, замочные скважины, окна и двери чесноком. Домашних животных для безопасности тоже хорошо натирать чесноком.

Отваживают вампиров и кресты, сделанные из колючек шиповника.

Посыпайте шипами или зернышками мака дорожку, ведущую с кладбища в деревню. Вампир будет вынужден остановиться и подобрать их, и, возможно, это задержит его до восхода солнца, когда ему уже пора будет возвращаться в могилу.

Большой черной собаке нарисуйте на лбу белой краской еще одну пару глаз — это отпугивает вампиров.

Православные христиане полагают, что душа покидает тело на сороковой день после смерти человека. Поэтому на кладбищах отмечают сороковины. Бывали случаи, когда из могилы выкапывали тела через несколько лет после похорон и, если разложение было неполным, пронзали сердце трупа колом.

Если кошка или другое «дурное» животное прыгнет на покойника или перепрыгнет через него до похорон или если тень человека упадет на покойника, он может стать вампиром.

В доме, где есть покойник, занавешивают зеркала: его отражение в зеркале помогает духу покинуть тело и стать вампиром.

Один из наиболее распространенных способов обнаружить вампира — найти мальчика или девочку — девственников — и посадить его или ее на лошадь ровной масти, белую, рыжую или вороную, тоже девственницу. Провести ее по кладбищу — по всем могилам. Если она откажется пройти над какой-то могилой, значит, там лежит вампир.

Обычно на могиле вампира можно обнаружить одну или несколько нор такого размера, чтобы в них могла проскользнуть змея.

Как убить вампира? Нужно пронзить его тело колом, пригвоздив к земле, чтобы он не мог выйти из могилы. Кол должен быть из шиповника, ясеня или осины. В некоторых местностях вместо деревянного кола используют раскаленное докрасна копьё. Тело вампира нужно сжечь или перезахоронить на перекрестке.

Вампир сначала убивает членов своей семьи, потом принимается за остальных жителей деревни и домашних животных.

Вампир не может слишком удаляться от своей могилы, ибо должен вернуться в нее на рассвете.

Вампир может забраться на колокольню и выкликать имена жителей деревни, которые мгновенно умирают; кое-где вампир, звонящий в колокол, приносит смерть всем, кто слышит этот звон.

Если вампиру удастся пробыть вампиром семь лет, он может уйти в другое место или страну и стать снова человеком. Там он или она могут завести семью, иметь детей, но все они после смерти станут вампирами.

Считали ли Влада Цепеша, или Дракулу, вампиром крестьяне — его современники? Они верили в то, что люди, отрекающиеся от православия, могут после смерти стать вампирами. Дракула, как известно, перешел в католицизм и, очевидно, католиком и умер; может быть, крестьяне и обсуждали вероятность его превращения в вампира, но никаких свидетельств этого не сохранилось. В немецких «страшных рассказах» Дракулу, или Владу, называли «кроважадным чудовищем», что для Стокера означало «вампир». Однако нет оснований полагать, что именно таков смысл этого эпитета в XV в.; возможно, он был просто синонимом слов «жестокий», «злодейский», «неистовый в злодействах», ибо его можно перевести и как «берсерк».

Лишь устные народные предания (они были записаны в XIX в.) дают представление об отношении к вампирам во времена Дракулы.

«КРОВАВАЯ ГРАФИНЯ»

Многие люди сочтут легенды о вампирах чистым вымыслом, искажением реальности, то есть в любом случае плодом воображения «темных крестьян». Однако о том, что графиня Елизавета Баторий, жившая в XVII в., была вампиром, свидетельствуют документы. Ее история такова.

Она родилась в 1560 г. на территории Венгрии, граничащей с Карпатами. Баторий — одна из самых старинных и богатых семей. Среди родственников Елизаветы были кардинал, несколько трансильванских князей, премьер-министр Венгрии граф Дьердь Турзо — ее двоюродный брат. Несомненно, самый знаменитый в роду Баториев — король Польши Стефан (1575 — 1586). Но интересы членов этой семьи не ограничивались рамками религии и госу-

дарственных дел: один дядя Елизаветы был сатанистом, тетка — лесбиянкой, брат — сатиром.

Еще девочкой Елизавету обручили с графом Ференцем Надашди. Они поженились 8 мая 1575 г., когда ей было пятнадцать, ему — двадцать шесть. Венгерский король Матьяш II прислал им свадебный подарок. Граф Ференц добавил ее фамилию к своей, таким образом графиня осталась Елизаветой Баторий.

Елизавета и Ференц поселились в замке Сейте в Нитре — на северо-западе Венгрии. Граф редко бывал дома — часто уходил на войну. Великий полководец, он вошел в историю своей страны как «Черный герой Венгрии».

По-видимому, с оккультизмом познакомил Елизавету ее слуга Торко. Она писала: «Торко научил меня кое-чему новому и интересному. Поймай черную курицу, убей ее белой палкой. Ее кровью мазни своего врага. Если он сам недоступен, раздобудь что-нибудь из его одежды и смажь ее».

Однажды Елизавета убежала из дому с каким-то незнакомцем, но вернулась, и граф простил ее.

Присутствие в замке властной свекрови очень раздражало Елизавету. Она уже тогда с помощью своей старой няньки Илоны Жу начала истязать девушек-служанок. Ее сообщниками в этом были дворецкий Йоханнес Ужвари, слуга Торко, ведьма Дорота Сентес и лесная ведьма Дарвула.

Первые десять лет замужества у Елизаветы не было детей. Потом она родила подряд трех мальчиков и девочку, в 1600 г. Ференц умер. Елизавета прежде всего отослала с глаз своих ненавистную свекровь, тем самым развязав себе руки.

Она очень боялась постареть и утратить красоту. Однажды горничная, причесывая ее, нечаянно выдернула волос. Елизавета немедленно ответила ей пощечиной, да такой сильной, что у девушки брызнула кровь и попала на руку графини. Ей показалось, что кожа на том месте, куда попала кровь, стала свежей, как у молодой горничной. Тогда она позвала Йоханнеса Ужвари и Торко. Раздев девушку, они зарезали ее, а кровь собрали в большом чане, в котором Елизавета выкупалась, чтобы омолодиться.

В течение десяти последующих лет подручные Елизаветы поставляли ей девушек для кровавых ванн. Но одной из ее жертв удалось бежать и сообщить властям о страшных делах, творившихся в замке.

Король Венгрии Матьяш, узнав об этом, приказал действовать. Кузен Елизаветы, Дьердь Турзо, бывший тогда губернатором провинции, с отрядом солдат нагрянул в замок ночью 30 декабря 1610 г. Им открылось чудовищное зрелище! В главном зале они нашли мертвую, совершенно обескровленную девушку, а рядом другую — еще живую, — тело которой было усеяно крохотными ранками; в темнице находились взаперти еще несколько девушек, на их телах имелись такие же ранки. Под замком обнаружили пятьдесят захоронений!..

Елизавету оставили в замке под домашним арестом. В январе и феврале 1611 г. в Битше состоялся судебный процесс. Елизавета на нем не присутствовала. Она отказалась признать себя виновной или невиновной. В Венгрии хранятся протоколы — главный документ этой страшной истории.

Йоханнес Ужвари, дворецкий графини, показал, что было убито, насколько ему известно, тридцать семь девушек, шесть из них лично он заманил в замок, обещав работу служанок. Обычно их связывали и ножницами наносили раны. Иногда девушек истязали Дорота и Илона, иногда — сама графиня. По словам старой няньки Илоны Жу, около сорока девушек подверглись пыткам и были убиты.

Все причастные к этим убийствам были обезглавлены и сожжены, кроме графини Елизаветы, Илоны Жу и Дороты Сентес. Двух последних сожгли заживо, предварительно вырвав им пальцы. Графиню Елизавету формально виновной не признали.

Однако в замок Сейте привезли каменщиков, они замуровали окна и двери спальни, в которой находилась графиня, оставив лишь небольшое отверстие. Сквозь него можно было подавать еду. Сначала Матьяш II потребовал для Елизаветы смертной казни, но потом в ответ на мольбы ее кузена согласился отложить вынесение приговора на неопределенно долгий срок, что означало пожизненное заключение. В 1614 г. один из ее стражей, пожелавший взглянуть на эту женщину, славившуюся своей красотой, увидел, что она лежит на полу, лицом вниз. Таков был конец «кровавой графини» Елизаветы Баторий...

Существовала ли связь между Баториями и Дракулами — неизвестно. Хотя точно установлено, что командующим войсками, которые в 1476 г. помогли Дракуле вновь стать валашским господарем, был князь Стефан Баторий. Кроме того, поместье Дракулы — замок Фэгэраш во времена Елизаветы стал владением Батория.

Примечательно, что в истории обеих семей присутствует дракон как символ. На вызывавшем благоговейный страх гербе Баториев изображены три волчьих зуба и дракон, кусающий свой хвост. Наконец, вполне вероятно, что история «кровоавой графини» была известна Стокеру.

РУМЫНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДРАКУЛЕ

ИНОСТРАННЫЙ КУПЕЦ

Однажды богатый флорентийский купец проезжал через Валахию. Ее господарем тогда был Дракула. Приехав в Тырговиште, столицу княжества, купец сразу пришел во дворец к господарю и попросил Дракулу дать ему слуг, чтобы они постерегли его самого, товар и деньги. Дракула велел ему оставить товар и деньги прямо на площади, а самому переночевать во дворце. Выбора у купца не было, он подчинился. Однако ночью кто-то украл из его экипажа 160 золотых дукатов.

Обнаружив на следующее утро пропажу, купец немедленно сообщил об этом господарю. Тот велел ему не беспокоиться и обещал, что вор и золото будут найдены. А пока приказал слугам выдать купцу золотые дукаты из своей казны, добавив один лишний. Жителям же Тырговиште было объявлено: либо они немедленно найдут вора, либо город сровняют с землей.

Меж тем купец вернулся к своему экипажу, пересчитал деньги один раз, второй, третий и удивился, что прибавился еще один дукат. Тогда он вернулся к Дракуле и сказал ему:

— Господин, мне вернули мои деньги, но с одним лишним дукатом.

В это время во дворец привели вора.

— Иди с миром, — сказал Дракула купцу. — Если бы ты не сказал о лишнем дукате, я бы приказал посадить тебя на кол, как и этого вора.

Вот так поступал Дракула со своими подданными, верующими и еретиками.

— Какова стоимость подарка, который ты намеревался преподнести мне? — спросил Дракула. Купец было замаялся, но Дракула настаивал, а выяснив, сказал: — Лучше рассказывай всем, что ты видел в моем княжестве.

СОЖЖЕНИЕ НИЩИХ

При Владе Цепеше объявилось множество людей без кола без двора. Они бесцельно бродяжничали и жили на подаяние. На вопрос, почему не работают, они отвечали: «Как будто я не хожу в поисках целый день? Разве я виноват, что не могу найти работу?»

Прямо-таки по поговорке: «Ищу хозяина, но, Бог свидетель, не могу его обрести».

Были и такие, которые всегда находили предлог, лишь бы не работать: «Скорняк трудится день и ночь с мизерными результатами; портной работает всю жизнь, а его прибыль как тень иголки; сапожник горбатится, пока не состарится, а на его похороны собирают деньги».

Прослышав об этом, господарь своими глазами убедился, как много нищих, вполне способных работать, и призадумался. «В Евангелии сказано, — думал он, — что человек должен зарабатывать хлеб насущный в поте лица своего, а эти люди живут за счет других, и пользы от них никакой. Их существование — что-то вроде воровства. Когда разбойник в лесу грабит тебя, от него по крайней мере можно ускользнуть, проявив сноровку. Эти же попрошайки постепенно, по крохам, присваивают твое имущество. Они хуже разбойников. Надо избавить княжество от таких людей!» И приказал объявить по всему княжеству, что в определенный день приглашает ко двору всех нищих, дабы раздать им одежду и накормить...

В назначенный день Тырговиште ходил ходуном от наплыва нищих. Княжеские слуги раздали им одежду, а затем привели в большой дом, где были накрыты столы. Нищие для виду дивились щедрости господаря, а между собой говорили:

— Поистине княжеская доброта! Даже эта милостыня за счет народа. Разве не мог он справедливости ради пожаловать нам хоть что-нибудь из своего кармана?

— Э, да князь изменился, не похож на себя прежнего.

— Волк может шкуру поменять, но не дурной норов.

Потом началась трапеза. Стол ломился от княжеских яств, заморских вин и всяких диковинных угощений. Воистину пир на весь мир. Нищие жадно ели и пили. Когда же языки у всех стали заплетаться, начался пожар... Господарь велел слугам поджечь дом, а двери — запереть. Огонь подступал со всех сторон. Языки пламени вздымались, как гребни драконов. Но разве мольбы людей

могут остановить пожар? Сбившись в кучу, они обнимали друг друга, надеясь на помощь, но их никто не слушал и не слышал. Пламя настигало их, и они умирали в мучениях — кто задохнулся, кто сгорел. Когда огонь утих, не осталось ни единой живой души.

Думаете, попрошайки исчезли? Взгляните вокруг и убедитесь сами. И ныне времена не лучше, чем тогда. Любители жить за чужой счет исчезнут лишь с концом мира.

Перевод с английского Т. Красавченко

Литературно-художественное издание

Брэм Стокер

Дракула

Редактор

Владимир Крюков

Художественный редактор

Сергей Жигалкин

Технический редактор

Ксения Пагирева

Корректор

Татьяна Медведева

Компьютерная верстка

Ирина Богатырева

Подписано в печать 06.11.09. Формат 60 x 90/16

Тираж 3000 экз. Объем 40 п.л. Заказ № 6346.

ООО Издательство «Энигма»

ООО «ОДДИ-Стиль»

129110, Москва,

ул. Гиляровского, 39

684-53-34

<http://aenigma.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 25-58-83, 53-53-80

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru

9 785946 980388

Seven years ago we all
went through the flames
And the happiness of
some of us since then is,
we think, well worth the pain
we endured. It is an added joy
to Mina and to me that our
boy's birthday is the same day
as that on which Quincey
Morris died. His mother holds.
I know, the secret belief that
some of our brave friend's
spirit has passed into him. His
bundle of names links all our
little band of men together.

But we call him Quincey. In the summer of this year we made a journey to Transylvania, and went over the old ground which was, and is, to us so full of vivid and terrible memories. It was almost impossible to believe that the things which we had seen with our own eyes and heard with our own ears were living truths.

Every trace of all that had been was blotted out. The castle stood as before, reared high above a waste of desolation.

рансисльванский воянин, призрак которого бродил по Европе с XV в., и являлся то в эпических песнопениях миннезингеров, то в византийских хрониках, то в славянских сказаниях, известен под многими именами — Влад Васафад, Ценеш, Носферату — однако Врэм Стокер выдвинул одно и не ошибся: на исходе XIX в. семь одведённых кровавым ореолом дукв вспыхнули над миром знамением грядущих катастроф — ДРАКУЛА... Живой для смерти и мёртвый для жизни вечной, его магические возможности почти безграничны: он побеждает стихиями и может одерзнуть и восток, и летучей мышью, и легкой туманной дымкой над кладбищем, для одних он — адент сокровенного знания, для других — некромант, своей чёрной тессой кощунственно извращающий догматическую ритуальность. И всё же кем бы ни был легендарный граф — истинным рыцарем ордена Дракона или сыном дьявола, — а свой след в истории он оставил: Его злобешие стигматы — две маленькие, цвета запёкшейся крови точки — нетрудно разгадать на всех жизненно важных артериях современной цивилизации...